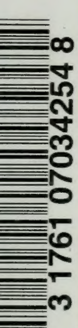

3 1761 07034254 8

ИСТОРІЯ
РОССІИ
ВЪ XIX ВѢКѢ
Томъ
Изд. Т-ва Бр.
А. И. Гранатъ и К°
№ 6.
Л. Пастернакъ

ТИПОГР. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°)
С.-ПЕТЕРБУРГЪ ФОНТАНКА 117.

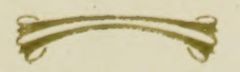
ЭПОХА РЕАКЦІИ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Оглавленіе VI-го тома.

(Часть третья, отдѣлъ второй).

Подробное оглавленіе см. въ концѣ III части (VII т.).



Снимки съ портретовъ, помѣщенные въ VI томѣ.

Объяснительный указатель художест. приложеній см. въ концѣ III части (VII т.).

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ГЛАВА IX.

Восточный вопросъ.

Отъ парижскаго мира до берлинскаго конгресса.

(1856—1878).

(М. Н. Покровскаго).

I. Отмѣна парижскаго трактата.

Во внутренней политикѣ Александра II мы не видѣли рѣзкаго разрыва съ предшествовавшимъ царствованіемъ *): то же было и во внѣшней. Здѣсь даже еще болѣе Александръ Николаевичъ являлся вѣрнымъ сыномъ своего отца и продолжателемъ его системы.

Полуфеодальная Россія попрежнему считала себя присяжной противницей „духа времени", который теперь офиціально именовался „партіей всесвѣтной революціи, всюду стремящейся къ ниспроверженію порядка". И ея дипломаты не уставали обличать его, какую бы по внѣшности приличную, даже почтенную форму ни выбиралъ онъ для своего проявленія. Нѣтъ даже надобности и говорить, что въ такомъ, напримѣръ, случаѣ, какъ неаполитанская революція 1860 года, русская дипломатія была всецѣло на сторонѣ дикаго деспота, мучившаго и разорявшаго „Обѣ Сициліи", а никакъ не на сторонѣ его подданныхъ: хотя ихъ возстаніе и закончилось самымъ, казалось бы, полнымъ удовлетвореніемъ принциповъ порядка и законности, въ формѣ подчиненія Неаполя умѣренно-конституціонному королю Пьемонта, и хотя этому возстанію не отказывало въ косвенной поддержкѣ даже весьма мало революціонное правительство Наполеона III. Въ отвѣтъ на присоединеніе Неаполя къ владѣніямъ Виктора Эммануила русскій посланникъ былъ отозванъ изъ Турина, а глава русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковъ, въ документѣ, комментировавшемъ эту суровую мѣру, объявилъ поведеніе сардинскаго правительства совершенно „не терпимымъ" и стоящимъ „въ вопіо-

*) См. главы „Крестьянская реформа" и „Общая политика 1866—92 гг.".

щемъ противорѣчіи съ началами народнаго права". „Здѣсь рѣчь идетъ не объ итальянскомъ вопросѣ,—писалъ онъ,—но объ интересѣ, общемъ всѣмъ правительствамъ, о вѣчныхъ законахъ, безъ которыхъ никакой общественный порядокъ, никакой миръ, никакая безопасность не могутъ существовать въ Европѣ. Государь императоръ не считаетъ возможнымъ оставлять долѣе свою миссію свидѣтельницею поступковъ, осуждаемыхъ его совѣстію и убѣжденіями". Что негодованіе русскаго правительства было въ этомъ случаѣ вызвано отнюдь не захватомъ сардинцами чужой территоріи, а именно потворствомъ революціи, въ этомъ и самые непонятливые должны были убѣдиться четыре года спустя, когда то же правительство отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ захвату нѣмцами Шлезвига. Зато, когда пруссаки потомъ выступили было съ предложеніемъ рѣшить вопросъ о Шлезвигѣ плебисцитомъ мѣстнаго населенія, они встрѣтились съ самымъ категорическимъ протестомъ русскаго уполномоченнаго на конференціи. „Было бы противно основнымъ началамъ русской политики допустить, чтобы подданныхъ спрашивали, хотятъ ли они остаться вѣрными своему государю", заявилъ баронъ Брунновъ. „Нельзя довѣрить шлезвигскимъ крестьянамъ рѣшенія вопроса, надъ которымъ трудятся собранные въ конференціи уполномоченные великихъ державъ". Но и здѣсь былъ еще случай слишкомъ элементарный, и отношеніе къ нему русскаго правительства слишкомъ само собою разумѣлось. Достойно вниманія, что даже когда революція совершалась сверху, была дѣломъ не народа, а правительства, она вызывала съ русской стороны не менѣе рѣшительное осужденіе. Когда Пруссія низложила въ 1866 году цѣлый рядъ мелкихъ нѣмецкихъ династій,—при всей дружбѣ короля Вильгельма съ императоромъ Александромъ II, послѣдній высказалъ свое полное неодобреніе прусской политикѣ въ этомъ пунктѣ. Онъ говорилъ, что поведеніе прусскаго правительства преисполняетъ его ужасомъ, что это не утвержденіе монархическаго начала, а униженіе его, такъ какъ династіи эти царствуютъ Божіей милостью, ни болѣе, ни менѣе, какъ и самъ прусскій королевскій домъ. Прусскій король долженъ былъ объяснять своему племяннику (Александръ II былъ сыномъ его сестры), что въ этой мѣрѣ нѣтъ ничего революціоннаго, что, напротивъ, „ничто не вредило болѣе монархическому началу въ Германіи, чѣмъ существованіе этихъ маленькихъ и немощныхъ династій, и что отъ сосредоточенія борьбы съ революціей въ однѣхъ рукахъ дѣло порядка можетъ только выиграть". При этомъ король ручался, что по отношенію къ германскому рейхстагу онъ будетъ держаться столь же твердо, какъ держался онъ по отношенію къ ландтагу Пруссіи. Такъ какъ поведеніе Бисмарка въ этомъ послѣднемъ случаѣ представлялось и съ русской точки зрѣнія вполнѣ доброкачественнымъ, то русское правительство успокоилось.

Какъ и въ первую половину столѣтія, общій тонъ политики отражался и на восточныхъ дѣлахъ. Послѣ того, какъ грандіозное пред-

пріятіе императора Николая претерпѣло полное крушеніе, и Россія изъ единоличной вершительницы судебъ Оттоманской имперіи—такова, какъ мы знаемъ, была иллюзія этого государя—превратилась въ одну изъ наименѣе вліятельныхъ на Балканскомъ полуостровѣ державъ, ей нужны были союзники для того, чтобы удержать за собой хотя какую-нибудь долю вліянія. Наименѣе враждебнымъ изъ вчерашнихъ противниковъ была Франція. Ея старое экономическое соперничество съ Англіей въ Левантѣ оказывалось, какъ этого и можно было ожидать, гораздо прочнѣе той церковной ссоры, которая отдѣлила въ 1853 году Францію отъ Россіи. Когда „угнетеніе“ православныхъ въ Іерусалимѣ не было болѣе предлогомъ для нападенія на Константинополь, насчетъ церковныхъ дѣлъ сговорились очень скоро, и обѣ вчерашнія соперницы мирно принялись чинить куполъ гроба Господня на общія средства. Тогда какъ съ Англіей у Наполеона III постоянно возникали недоразумѣнія, несмотря на формально продолжавшій существовать союзъ. „Съ самаго заключенія парижскаго мира, — пишетъ дипломатъ-біографъ Александра II,—Франція придерживалась на Балканскомъ полуостровѣ политики, вполнѣ сходной съ политикою русскаго двора, постоянно благопріятствуя христіанскимъ народностямъ и содѣйствуя развитію ихъ автономіи. Такъ, въ Дунайскихъ княжествахъ она, вмѣстѣ съ нами, высказалась за соединеніе Молдавіи и Валахіи; въ Сербіи за водвореніе династіи Обреновичей и за признаніе за нею наслѣдственнаго права. Когда въ 1858 г., между Турціею и Черногоріею завязалась кровопролитная борьба, одно появленіе въ Адріатическомъ морѣ русскихъ и французскихъ военныхъ судовъ вынудило Порту отказаться отъ отомщенія за понесенное турками пораженіе на Граховскомъ полѣ и согласиться на новое разграниченіе, на выгодныхъ для Черногоріи основаніяхъ. Дѣйствуя сообща во всѣхъ дѣлахъ европейскаго Востока, Россіи и Франціи постоянно приходилось пререкаться съ Англіею и Австріею, упорно отстаивавшими права султана и начало независимости и цѣлости Оттоманской имперіи“ *).

Правда, первую роль во всемъ этомъ играла не Россія, а Франція, и для русскаго самолюбія было особенно больно, когда сами балканскіе славяне давали понять, что они это чувствуютъ и учитываютъ. Въ 1860 году Иванъ Аксаковъ ѣздилъ въ Черногорію, и то, что онъ видѣлъ и слышалъ при дворѣ единовѣрнаго и единоплеменнаго князя, прямой креатуры русскаго правительства, вдобавокъ, наполнило душу его горечью. „На самой видной стѣнѣ гостинной (княжескаго конака) красовались въ богатѣйшихъ золотыхъ рамкахъ портреты во весь ростъ Наполеона III и императрицы Евгеніи — подарокъ французскаго двора. Портрета русскаго императора мы не замѣтили“. За обѣдомъ, пишетъ Аксаковъ, „вокругъ меня раздавался французскій языкъ, — сидѣли мы за столомъ, изготовленнымъ французскимъ поваромъ

*) Татищевъ, „Александръ II“.

и сервированнымъ французскимъ метръ-д'отэлемъ,—разговоръ шелъ большею частью о Парижѣ, о которомъ присутствовавшіе отзывались болѣе или менѣе съ нѣжностью, припоминая не только его улицы, но и переулки и переулочки". Самъ князь Данило охотно говорилъ по-французски и, повидимому, гораздо менѣе охотно по-русски: по крайней мѣрѣ, даже дипломатическія сношенія съ русскимъ консуломъ онъ пытался вести на французскомъ языкѣ, чего, впрочемъ, русскій дипломатъ не допустилъ *). Все это приводило, разумѣется, московскаго слафянофила въ крайнее негодованіе: но князь Данило могъ бы, если бы захотѣлъ, сослаться въ свое оправданіе на поведеніе самого петербургскаго двора, гдѣ раболѣпство передъ могущественнымъ союзникомъ Россіи ничуть не менѣе бросалось въ глаза. Морни, посолъ Наполеона III, писалъ своему государю, что при всякой съ нимъ встрѣчѣ русскіе великіе князья и великія княгини „не упускаютъ случая освѣдомиться о здоровьѣ императора и императрицы французовъ, въ выраженіяхъ самыхъ любезныхъ и привѣтливыхъ". Что же касается самого Александра Николаевича, то, „между нами сказать, нельзя быть любезнѣе этого государя". О главѣ русской дипломатіи Морни писалъ: „князь Горчаковъ и я, мы не переговариваемся, какъ посолъ съ министромъ, а какъ два друга. Его прежняя политика согласуется съ новымъ положеніемъ, онъ радъ установившемуся между нами согласію и дѣлаетъ, что можетъ, дабы сохранить его". Приводимыя Морни подробности ихъ дружескихъ бесѣдъ вполнѣ подтверждаютъ, что русскій вице-канцлеръ дѣлалъ все, что могъ для достиженія этой цѣли: принося покаяніе за прежнюю политику Россіи, передъ крымской войной, онъ шелъ гораздо дальше даже того, что позволялъ себѣ кн. Орловъ во время парижскаго конгресса. „Императоръ Александръ, — говорилъ, будто бы, Горчаковъ,—въ бытность великимъ княземъ, не одобрялъ политики императора Николая". Покойный самодержецъ долженъ былъ повернуться въ своемъ гробу, въ Петропавловскомъ соборѣ, узнавъ о такихъ рѣчахъ... Нужно вспомнить при этомъ, что всѣ эти комплименты и откровенности изливались передъ великосвѣтскимъ авантюристомъ, котораго, вѣроятно, и на порогъ императорскаго дворца не пустили бы при иной обстановкѣ.

Тѣмъ не менѣе, хотя и не безъ ущерба для чувства собственнаго достоинства, Россія, благодаря союзу съ Франціей, все же понемногу возстановляла свое положеніе на Балканскомъ полуостровѣ. Разъ уже рѣшились спрятать самолюбіе въ карманъ, то, казалось, оставалось только идти по этой дорогѣ возможно дальше и настойчивѣе. На самомъ дѣлѣ, союзъ съ Франціей, однако, очень быстро испортился, а подъ конецъ обратился даже въ нѣчто въ родѣ союза противъ Франціи, къ явному ущербу нашихъ балканскихъ дѣлъ. Преодолѣть свою соціальную природу оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ свое тщесла-

*) Сочиненія И. С. Аксакова, т. I, стр. 67, 72, 75.

віе. На ближнемъ Востокѣ Австрія была столь же очевидной соперницей Россіи, какъ Франція союзницей; воспоминанія о крымской кампаніи, съ своей стороны, никакъ не могли внушить русскому правительству австрофильскихъ тенденцій. Собираясь воевать съ Австріей, въ 1859 году, Наполеонъ III очень желалъ имѣть на своей сторонѣ Россію, въ видѣ резерва. Желаніе это было такъ сильно, что императоръ французовъ шелъ на чрезвычайно капитальную, для тогдашняго времени, уступку: по собственной иниціативѣ предлагалъ пересмотръ парижскаго трактата. Нужно вспомнить, что для Александра II не было въ тѣ годы болѣе тяжелаго воспоминанія, чѣмъ этотъ миръ, заключенный имъ, какъ мы помнимъ, противъ его личной воли— только потому, что онъ не нашелъ себѣ никакой поддержки въ окружающихъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ при одномъ случаѣ публично квалифицировалъ свое поведеніе въ 1856 году, какъ „трусость" (une lâcheté), и далъ слово, что въ другой разъ онъ этого себѣ не позволитъ *). Возможность отдѣлаться отъ послѣдствій этой „трусости" должна была быть для него очень привлекательна: тѣмъ не менѣе, ни онъ ни его правительство не сдѣлали, повидимому, никакихъ усилій, чтобы использовать эту возможность. Россія, нехотя, оказала нѣкоторую моральную поддержку Франціи— путемъ дипломатическаго вмѣшательства — но настолько слабую и ничего реальнаго не обѣщавшую, что Наполеонъ III предпочелъ столковаться непосредственно съ Францомъ-Іосифомъ, опираясь не на свою восточную союзницу, а на впечатлѣніе Мадженты и Сольферино. Уже самое вмѣшательство французскаго императора въ пользу дѣла столь подозрительнаго, какъ объединеніе Италіи, должно было охладить симпатіи петербургскаго двора къ Наполеону III: а то, что послѣдовало за войной 1859 года и подъ вліяніемъ даннаго ею толчка, не могло не вызвать даже чувствъ прямо противоположныхъ. Въ офиціальныхъ бумагахъ старались нѣсколько смягчить эту перемѣну, но уже самая форма, въ какой это дѣлалось, не сулила ничего добраго. „Россія отдѣляетъ интересы Франціи отъ прискорбныхъ явленій, совершившихся въ Италіи послѣ Виллафранкскаго мира, — писалъ князь Горчаковъ,—и считаетъ необходимымъ соглашеніе великихъ державъ, чтобы противодѣйствовать злу". Въ Парижѣ поняли было это „соглашеніе великихъ державъ", при помощи котораго русское правительство надѣялось раздѣлать то, что Франція только что сдѣлала на Апеннинскомъ полуостровѣ, какъ начало формальной коалиціи противъ Франціи: и Александру II пришлось успокаивать французскаго посла, что имѣется въ виду именно только „соглашеніе", а пока еще не коалиція (non de la coalition, mais de la conciliation). Но въ болѣе интимныхъ разговорахъ русскій императоръ не скрывалъ перемѣны своего настроенія. „Довѣріе мое къ политическимъ видамъ Людовика Наполеона сильно поколеблено,—

*) С. Горяиновъ, „Босфоръ и Дарданеллы", стр. 128–129.

говорилъ онъ своему послу во Франціи, гр. Киселеву:—его пріемы не безупречны. Нужно вниманіе, чтобы не даться въ обманъ". Подъ впечатлѣніемъ итальянскихъ событій (а отчасти, конечно, и начинавшагося уже броженія въ Польшѣ) „всемірная революція" снова начинала тревожить русскаго императора, непосредственно послѣ Парижскаго мира собиравшагося было ограничить свое вниманіе исключительно внутренними дѣлами. И этимъ новымъ его настроеніемъ не преминули, конечно, воспользоваться правительства, желавшія разстроить русско-французскій союзъ. Во главѣ ихъ была Пруссія, которою тогда уже управлялъ, отъ имени своего помѣшаннаго брата, дядя Александра II, тогда еще принцъ Вильгельмъ, вскорѣ и самъ ставшій королемъ. „Его личному вліянію слѣдуетъ приписать возбужденіе подозрѣній царственнаго племянника противъ Наполеона, котораго онъ, въ письмахъ своихъ и бесѣдахъ, выставлялъ, какъ орудіе всемірной революціи, неустанно стремящейся къ ниспроверженію законнаго порядка въ Европѣ" *). Когда въ 1860 году Киселевъ, нѣсколько отставшій отъ послѣднихъ петербургскихъ взглядовъ, вздумалъ представить своему государю проектъ формальнаго договора Россіи и Франціи, Александръ написалъ на немъ: „противъ кого"? Въ самомъ дѣлѣ, не противъ же единственныхъ державъ Европы, на благонамѣренность которыхъ можно было положиться,—Австріи и Пруссіи?

*) Татищевъ.

Такъ забота о торжествѣ охранительныхъ началъ на Западѣ загоняла насъ снова въ ту комбинацію силъ на Востокѣ, которая издавна не обѣщала Россіи ничего, кромѣ неудачъ и униженій. Польскій вопросъ окончательно поссорилъ Россію и Францію: Наполеонъ III чувствовалъ для себя такъ же морально невозможнымъ не вмѣшаться въ пользу поляковъ, хотя бы только на словахъ, какъ невозможно для него было не вмѣшаться въ итальянскія дѣла. Но уже первая попытка его въ этомъ направленіи (на свиданіи съ русскимъ императоромъ въ Штутгартѣ, въ сентябрѣ 1857 г.) привела Александра II въ столь сильное раздраженіе, что онъ не могъ даже его скрыть передъ своей свитой. Обѣщанія, данныя въ критическую минуту парижскаго конгресса *), не были забыты,—кое-какія реформы Польшѣ были обѣщаны офиціально,—но напоминанія о нихъ уже не переносили. Скоро исчезли и эти добрыя намѣренія, и новое вмѣшательство Франціи, въ 1863 году, наткнулось уже прямо на враждебный отпоръ **). Одновременно съ этимъ, выступленія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ начинаютъ вдохновляться тѣмъ же консервативнымъ настроеніемъ, которое окрашивало нѣкогда политику Александра Павловича по отношенію къ греческому возстанію. Когда вспыхнула борьба на о. Критѣ (во второй половинѣ 60-хъ годовъ) — исторически составлявшая прямо продолженіе именно этого

*) См. т. III, стр. 66.

**) Подробности см. въ главѣ „Польское возстаніе 1863 г.".

возстанія—Россія хотя и выступила съ инціативой различныхъ „реформъ“ на островѣ, но практически не рѣшилась пойти дальше дружескихъ совѣтовъ султану. А когда тотъ учтиво уклонился отъ слѣдованія этимъ совѣтамъ, русское правительство не нашло ничего лучше, какъ оказать Турціи косвенную поддержку въ борьбѣ съ возставшими критянами. Главную помощь послѣдніе получили, конечно, изъ независимой Греціи: Россія, отъ имени созванной по ея почину конференціи великихъ державъ, предъявила ультиматумъ королю Георгу, только что женившемуся на русской великой княжнѣ, требуя, чтобы онъ не допускалъ „образованія на своей территоріи вооруженныхъ шаекъ для нападенія на Турцію и вооруженія въ греческихъ гаваняхъ судовъ, предназначенныхъ содѣйствовать какими-либо способами попыткѣ возстанія во владѣніяхъ султана“. Маленькая Греція не могла не подчиниться требованіямъ Россіи,—и съ изолированными такимъ путемъ критянами турки справились очень скоро.

Дружба съ Турціей принесла, однако, съ собой и нѣкоторую выгоду, которую, правда, трудно назвать „реальной“, потому что Россія ею вовсе не воспользовалась: но личное самолюбіе Александра II и его дипломатовъ получило, тѣмъ не менѣе, большое удовлетвореніе, когда, 20 февраля 1871 года, былъ отмѣненъ парижскій трактатъ въ его наиболѣе обидной для достоинства Россіи части — въ томъ, что касалось ограниченія ея правъ на Черномъ морѣ. Внѣшнимъ поводомъ для этого радостнаго русскому правительству событія была франко-прусская война. Вниманіе Западной Европы было такъ отвлечено ею, что на ближнемъ Востокѣ, впервые послѣ долгаго промежутка, Россія оказалась почти безъ соперниковъ, съ совершенно развязанными руками. Александръ II давно мечталъ о такомъ моментѣ, который далъ бы ему возможность ликвидировать тяжелыя обязательства, по „трусости“ принятыя имъ на себя въ 1856 году. Когда, послѣ разгрома Австріи, король Вильгельмъ благодарилъ своего племянника за дружественный нейтралитетъ, такъ облегчившій Пруссіи ея побѣду, и спрашивалъ Александра II, чѣмъ можетъ Пруссія отплатить Россіи за ея дружбу, императоръ назвалъ отмѣну парижскаго договора. Вильгельмъ обѣщалъ свое полное содѣйствіе,—и сдержалъ обѣщаніе, поскольку это ему ничего не стоило. Но въ 1866 году то было чисто платоническое пожеланіе: тогдашняя Германія не имѣла и подобія ея теперешняго флота, а французская армія, даже и безъ помощи англійскихъ кораблей, была гораздо ближе къ Константинополю, чѣмъ прусская. Послѣ Седана мечта вдругъ стала реальностью. Въ распоряженіи Англіи не было болѣе сухопутныхъ силъ, которыя она могла бы противопоставить Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ случаѣ войны Турція на сухомъ пути оказывалась изолированной: въ 1877 году, когда дѣло шло о жизненныхъ интересахъ Оттоманской имперіи, а Россія выступала, какъ ея открытый врагъ,

Турція не побоялась войны и при такихъ условіяхъ. Но за семь лѣтъ раньше положеніе и въ этомъ пунктѣ было упрощено до чрезвычайности: „умиротворяющее“ поведеніе Россіи въ критскомъ вопросѣ, съ тѣхъ поръ постоянно повторявшееся ею, какъ скоро начинали волноваться какіе-либо христіанскіе подданные султана — сербы, болгары или греки,—внушило послѣднему такое довѣріе къ сѣверному сосѣду, что, по подлинному выраженію Абдулъ-Азиса, „если бы онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи три милліона солдатъ, то и тогда бы онъ не рѣшился предпринять войну, развѣ бы Россія напала на него“. Съ своей стороны Россія не осталась въ долгу и доводила свою „лояльность“ по отношенію къ турецкимъ интересамъ почти до предательства интересовъ опекаемыхъ ею балканскихъ славянъ. „Уже много лѣтъ,—писалъ Портѣ кн. Горчаковъ въ 1870 году,—мы не переставали твердить христіанскимъ народностямъ подъ владычествомъ султана, чтобы онѣ терпѣли, довѣряясь добрымъ намѣреніямъ своего государя. Наши совѣты способствовали успокоенію Востока. Кромѣ того, уже съ годъ мы предложили начало невмѣшательства во внутреннія смуты Турціи, обязавшись держаться этого принципа, если остальныя державы примутъ его также къ руководству своихъ дѣйствій“.

При такихъ условіяхъ, самымъ простымъ путемъ къ отмѣнѣ нейтрализаціи Черного моря было бы соглашеніе съ правительствомъ султана. Съ такимъ предложеніемъ и выступилъ русскій посолъ въ Константинополѣ, генералъ Игнатьевъ, еще раньше Седана, какъ только выяснилось, что война идетъ неблагопріятно для Франціи, и что эта создательница парижскаго трактата будетъ во всякомъ случаѣ надолго парализована. Турецкій великій визирь, Аали-паша, высказывался насчетъ подобнаго соглашенія вполнѣ сочувственно, намекалъ только, что и Порта, съ своей стороны, желала бы такимъ же путемъ упразднить тѣ статьи договора 1856 года, которыя ее стѣсняютъ. Онъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, международную опеку надъ проливами, Босфоромъ и Дарданеллами, установленную еще лондонскими конвенціями 1841 года: тогда Турція, напуганная аггрессивными дѣйствіями Николая I, охотно шла на это ограниченіе верховныхъ правъ султана въ его собственныхъ водахъ, теперь она предпочла бы быть полной хозяйкой у себя дома, такъ какъ со стороны Россіи болѣе опасности не предвидѣлось. Генералъ Игнатьевъ обнадежилъ визиря, что со стороны Россіи здѣсь, конечно, препятствій не встрѣтится. Словомъ, дѣло, казалось, готово было разрѣшиться совершенно мирно и безъ шума—не безъ ущерба для принциповъ международнаго права, положимъ—но опротестовать ихъ нарушеніе было бы некому. Ближайше заинтересованная Турція сама являлась бы соучастницей преступленія, Англія была далеко и въ данный моментъ безсильна, Франціи было и подавно не до Константинополя въ ту минуту, когда пруссаки шли на Парижъ. Такой ком-

петентный судья въ дѣлѣ, какъ Бисмаркъ, находилъ, что даже и запутывать дѣло формальнымъ договоромъ было бы не къ чему: просто, Россіи слѣдовало начать строить военные корабли на Черномъ морѣ и дожидаться, пока ее спросятъ, что это значитъ; при добрыхъ отношеніяхъ къ Турціи возрожденіе черноморскаго флота къ этому времени уже давно было бы совершившимся фактомъ.

Но германскій канцлеръ исходилъ изъ правильной, безъ сомнѣнія, оцѣнки реальныхъ интересовъ Россіи, какъ государства. Онъ упускалъ изъ виду другой моментъ, въ данномъ случаѣ гораздо болѣе важный: психологію дѣйствующихъ лицъ. Александру II было не столько важно право строить броненосцы на Черномъ морѣ,—онъ семь лѣтъ послѣ обладалъ этимъ правомъ и не построилъ ни одного, годнаго для войны, а когда она пришла, ее вели съ наскоро вооруженными коммерческими пароходами. Ему нужно было загладить свою „трусость", воспоминанія о которой такъ угнетали его,— загладить какимъ-нибудь „смѣлымъ" поступкомъ, который бросился бы въ глза Европѣ и внушилъ бы ей уваженіе къ силѣ и могуществу Россіи. Словомъ, нуженъ былъ реваншъ. Только этой психологіей императора, которой вполнѣ проникся и руководитель его иностранной политики, можно объяснить въ высшей степени странную депешу, разосланную кн. Горчаковымъ всѣмъ державамъ, участницамъ парижскаго договора, 19 октября 1870 года. Смыслъ этой депеши заключался въ томъ, что, такъ какъ договоры вообще плохо соблюдаются, а въ частности парижскій нарушался уже неоднократно, то Россія не считаетъ себя связанною этимъ послѣднимъ. „По отношенію къ праву,—писалъ кн. Горчаковъ,—нашъ августѣйшій государь не можетъ допустить, чтобы трактаты, нарушенные во многихъ существенныхъ и общихъ статьяхъ своихъ, оставались обязательными по тѣмъ статьямъ, которыя касаются прямыхъ интересовъ его имперіи; по отношенію же къ примѣненію, его императорское величество не можетъ допустить, чтобы безопасность Россіи была поставлена въ зависимость отъ теоріи, не устоявшей передъ опытомъ времени, и чтобы эта безопасность могла подвергнуться нарушенію вслѣдствіе уваженія къ обязательствамъ, которыя не были соблюдены во всей ихъ цѣлости". Логическимъ выводомъ изъ этого было бы, что Россія вообще не считаетъ для себя обязательными международныя соглашенія, ибо какое же изъ нихъ когда-либо не нарушалось? Но грандіозное вступленіе кончалось выводомъ, неожиданно скромнымъ: русское правительство заявляло, что оно, вопреки парижскому трактату, будетъ строить и держать военныя суда на Чернымъ морѣ. При этомъ въ видѣ момента, усиливающаго правоту Россіи въ данномъ случаѣ, указывалось на введеніе броненосныхъ судовъ, „неизвѣстныхъ и непредвидѣнныхъ договоромъ 1856 года". Но так какъ военная техника совершенствуется непрерывно, то посылка и здѣсь была шире заключенія: если броненосцы могли оправ-

дать нарушеніе парижскаго трактата, то, напримѣръ, введеніе самодвижущихся минъ могло оправдать нарушеніе слѣдующаго за нимъ, и такъ далѣе, до безконечности.

Чтобы оцѣнить впечатлѣніе депеши 19 октября на европейскіе дворы, нужно имѣть въ виду, что всего за четыре года передъ этимъ, по поводу перетасовки, произведенной на территоріи бывшаго германскаго союза войною 1866 года, тотъже князь Горчаковъ категорически высказался, что по общимъ началамъ права, которыми руководствуется русское правительство, никакое измѣненіе въ международномъ договорѣ не можетъ быть допущено иначе, какъ съ согласія всѣхъ участвовавшихъ въ его составленіи сторонъ. Самъ авторъ депеши сознавалъ, какихъ тяжелыхъ жертвъ требуетъ онъ отъ логики, здраваго смысла и установившихся вѣками дипломатическихъ обычаевъ. Въ частныхъ разговорахъ онъ выражалъ желаніе „пожертвовать собой“ „для чести своей родины“, если бы Александръ II нашелъ вынужденнымъ отречься отъ шага, сдѣланнаго его канцлеромъ. Нѣтъ надобности говорить, что эти патріотическія рѣчи держались на томъ же безукоризненномъ французскомъ языкѣ, какимъ была въ подлинникѣ изложена и сама депеша, съ этой стороны вызвавшая истинный восторгъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ дипломатахъ. Но, къ сожалѣнію, этой стороной восторги и ограничивались. Что касается содержанія, то самымъ мягкимъ былъ отзывъ стараго прусскаго короля,—находившаго, что хотя декларація русскаго правительства сама по себѣ и правильна, но явилась она некстати. Бисмаркъ безъ околичностей называлъ русскую дипломатію „наивной“ (candide). „Обыкновенно думаютъ,—говорилъ онъ,—что русская политика чрезвычайно хитра и искусна, полна разныхъ тонкостей, хитросплетеній и интригъ. Это неправда“... Но если „друзья“ Россіи только бранились, болѣе или менѣе дипломатически, то противники ея усмотрѣли въ наивности русскаго правительства крупный козырь, которымъ они и поспѣшили воспользоваться. Помѣшать Россіи строить военный флотъ на Черномъ морѣ было, конечно, нельзя: но можно было призвать ее къ порядку передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра за ту форму, въ какой она принялась за это дѣло. Это, къ тому же, давало возможность попутно закрѣпить остальныя статьи договора, Россіей еще не нарушенныя, и тѣмъ затруднить нѣсколько ихъ нарушеніе на будущее время *). Какъ Англія, такъ и Австрія отвѣтили на декларацію кн. Горчакова рѣшительнымъ протестомъ, ссылаясь на совершенно необычную и невозможную въ сношеніяхъ между цивилизованными странами форму отказа отъ исполненія международнаго обязательства, избранную Россіей. Хотя было совершенно ясно, что протесты не пойдутъ дальше словъ,

*) Бисмаркъ очень удивлялся, что Россія не отвергла договора въ цѣломъ: тогда, говорилъ онъ, ей были бы благодарны, если бы она потомъ признала хоть что-нибудь.

въ крайнемъ случаѣ, дальше разрыва дипломатическихъ сношеній (этимъ вполнѣ опредѣленно угрожала Англія), русское правительство не могло остаться равнодушнымъ къ общественному мнѣнію всѣхъ европейскихъ кабинетовъ. А всѣ они (не исключая даже и прусскаго, какъ мы видѣли) разными способами осуждали шагъ, предпринятый Россіей. Моральное давленіе было слишкомъ сильно, чтобы кн. Горчаковъ и его государь могли устоять: и, какъ это ни было обидно, послѣ столь рѣшительнаго начала, пошли уступки. Въ отвѣтъ на заявленіе англійскаго кабинета русское министерство иностранныхъ дѣлъ поспѣшило согласиться, что обсужденіе на обще-европейской конференціи тѣхъ статей парижскаго трактата, которыя не затрагивали державныхъ правъ Россіи на Черномъ морѣ, возможно и даже желательно, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній: что Россія протестуетъ только противъ ограниченія этихъ правъ и не противъ чего больше. Это согласіе, повидимому, нѣсколько успокоило совѣсть самого русскаго канцлера, встревоженную его собственнымъ поступкомъ: — „мы открываемъ дверь для соглашенія, — съ чувствомъ удовлетворенія писалъ онъ русскому послу въ Лондонѣ, — мы открываемъ ее даже настежь, но мы можемъ пройти въ нее только подъ условіемъ — не наклонять головы“. Кн. Горчаковъ желалъ выразить этимъ, что русское правительство никогда не согласится на пересмотръ только что сдѣланной имъ деклараціи. Но англичане, сильные своей логикой и солидарностью съ ними всей европейской дипломатіи (открыто стать на защиту русской деклараціи не рѣшались даже турки, по существу ничего не имѣвшіе противъ нея, такъ какъ они сами раньше вели переговоры о подобномъ шагѣ,— но сконфуженные крайне необычной формой русскаго выступленія),—англичане были неумолимы. Подъ страхомъ общеевропейскаго остракизма пришлось уступить до конца: согласно англійской формулѣ, конференція была созвана „безъ заранѣе предвзятаго заключенія“ (without assumption of any foregone conclusion), другими словами, Россіи предоставлялось отстаивать свою декларацію на конференціи, но для конференціи эта декларація не была обязательной—она могла разсматривать вопросъ въ его цѣломъ, не считаясь ни съ какими шагами, сдѣланными уже русскимъ правительствомъ.

Это была, несомнѣнно, маленькая Силистрія: вмѣсто демонстраціи силы и могущества Россіи получилась демонстрація неловкости и трусости ея дипломатовъ. Для этой послѣдней демонстраціи, какъ нельзя болѣе подходилъ русскій представитель на лондонской конференціи — нашъ посолъ въ Англіи баронъ Брунновъ *). Старый дипломатъ николаевской школы былъ, прежде всего, слишкомъ дряхлъ для сколько-нибудь активной роли. Помимо того, онъ слишкомъ закоренѣлъ въ извѣстныхъ дипломатическихъ привычкахъ, чтобы сразу

*) См. о немъ т. II, стр. 605 и т. III, стр. 1 и сл.

оріентироваться въ положеніи, созданномъ необычайнымъ поступкомъ кн. Горчакова. Наконецъ, подобно очень многимъ слугамъ Николая Павловича, онъ послѣ Севастополя чувствовалъ преувеличенное почтеніе къ „морскимъ державамъ“, которыя такъ третировались ими ранѣе. Онъ видѣлъ, что англійскіе министры недовольны, что англійское общественное мнѣніе встревожено, и ему уже чудились всякіе ужасы, и онъ серьезно начиналъ хлопотать о спасеніи русскихъ казенныхъ суммъ, лежавшихъ въ англійскихъ банкахъ, и русскихъ кораблей, плававшихъ въ англійскихъ водахъ. Англичане вовсе не думали воевать, конечно, но такое настроеніе русскаго представителя было имъ какъ нельзя болѣе на руку. Запуганнаго Бруннова заставляли принимать такія редакціи протоколовъ, которыя весьма существенно задѣвали выгоды Россіи: и въ концѣ-концовъ защита русскихъ интересовъ выпала на долю турецкаго уполномоченнаго, Муссурусапаши. Главная задача противниковъ Россіи на конференціи заключалась не въ томъ, чтобы помѣшать русскимъ военнымъ судамъ появиться на Черномъ морѣ: при соучастіи Турціи этого, очевидно, невозможно было достигнуть, да и важно это было, прежде всего, для той же Турціи. Но для Австріи, а затѣмъ и для Англіи было существенно, чтобы русскій флотъ былъ изолированъ въ Черномъ морѣ, чтобы онъ остался, такъ сказать, на положеніи озернаго флота и не могъ ни появиться въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, ни соединиться когда-либо съ балтійскимъ флотомъ. Этой цѣли и отвѣчала придуманная австрійскимъ министерствомъ редакція статьи, предоставлявшей султану право открывать проливы для военныхъ судовъ другихъ державъ, кромѣ Турціи: въ статьѣ эти другія державы ближе опредѣлялись, какъ „не-прибрежныя“ (non riveraines). Брунновъ не понялъ этой оговорки и, замѣтивъ, что австрійская редакція очень нравится англичанамъ, прилѣпился къ ней всей душой, видя въ этой, невинной съ его точки зрѣнія, прибавкѣ дешевый способъ умиротворить грознаго противника. Не поняли сначала, въ чемъ дѣло, и въ Петербургѣ: Александръ II написалъ на депешѣ Бруннова, сообщавшей объ этой редакціи, что она „удовлетворительна, насколько это возможно“. Но дипломатическую шараду очень скоро разгадали въ Константинополѣ, и отъ своего тамошняго посла русское правительство впервые узнало, что невинная оговорка лишаетъ Россію, какъ державу прибрежную къ Черному морю, права проводить свои военныя суда черезъ Босфоръ и Дарданеллы, хотя бы и съ согласія султана. Мы оказались „болѣе турками, чѣмъ сами турки“, какъ съ горкимъ юморомъ замѣтилъ Александръ Николаевичъ, понявъ промахъ своего лондонскаго представителя. Но тотъ уже былъ связанъ своимъ формальнымъ присоединеніемъ къ австрійской редакціи—да, кромѣ того, кажется, и послѣ всѣхъ разъясненій плохо понималъ, въ чемъ именно онъ ошибся. На помощь намъ пришли турки: Муссу-

русъ-паша рѣшительно настаивалъ, чтобы вмѣсто „неприбрежныхъ“ державы были опредѣлены, какъ „дружескія и союзныя“, подъ каковое названіе можно было, конечно, подвести и Россію. Англичане и австрійцы вынуждены были пойти на компромиссъ: конференція приняла, въ концѣ-концовъ, итальянскую редакцію статьи, гласившую, что проливы могутъ быть открыты султаномъ только въ томъ случаѣ, если этого потребуютъ интересы сохраненія парижскаго трактата. Такъ какъ было очень сомнительно, чтобы русскія суда когда-нибудь явились въ Средиземное море защищать трактаты, которые Россія, очевидно, стремилась упразднить, то фактически дѣло не очень измѣнялось къ лучшему: но, благодаря туркамъ, Россія была все-таки избавлена отъ лишней дипломатической обиды. Александръ II счелъ своимъ долгомъ выразить турецкому послу въ Петербургѣ свою особенную благодарность, а государственный канцлеръ писалъ генералу Игнатьеву, что „положеніе, принятое великимъ визиремъ по отношенію къ Россіи, было достойно всякой похвалы“.

Россія вышла изъ дѣла хотя и не съ тою честью, какъ ожидала, но все же благополучно. Ей пришлось, правда, выслушать нѣчто въ родѣ международнаго выговора за депешу кн. Горчакова: лондонская конференція 1871 года въ весьма торжественной формѣ постановила, что „державы признаютъ существеннымъ началомъ международнаго права то правило, по которому ни одна изъ нихъ не можетъ ни освободиться отъ договора, ни измѣнить его постановленій иначе, какъ по согласію договаривающихся сторонъ, посредствомъ дружескаго соглашенія“,—и подъ этимъ постановленіемъ долженъ былъ подписаться и русскій уполномоченный. Но статьи парижскаго трактата, устанавливавшія нейтрализацію Чернаго моря, были признаны отмѣненными, и въ глазахъ публики, не посвященной въ закулисныя тайны дипломатіи, русскій дворъ могъ торжествовать побѣду. Не безъ демонстраціи Александръ II ратификовалъ лондонскую конвенцію въ годовщину подписанія парижскаго мира—18 марта 1871 года. Князь Горчаковъ получилъ титулъ „свѣтлости“, а Брунновъ, въ письмахъ къ канцлеру чрезвычайно наивно радовавшійся, что дѣло, наконецъ, пришло къ благополучному разрѣшенію,—изъ барона превратился въ графа. Меньше всего пользы изъ этой морской конвенціи извлекли морскія силы Россіи: добрыя отношенія къ Турціи, казалось, дѣлали войну на Черномъ морѣ вопросомъ такого отдаленнаго будущаго, что русское правительство воспользовалось возможностью строить тамъ военныя суда лишь для нѣкоторыхъ военно-морскихъ опытовъ. Въ результатѣ, когда черезъ пять лѣтъ на Балканскомъ полуостровѣ разразился кризисъ, и въ черноморскомъ флотѣ почувствовалась реальная надобность, Россія увидала себя совершенно въ такомъ же положеніи, какъ если бы никакой конвенціи 1871 года вовсе не существовало.

2. Подготовка второй восточной войны; дипломатія и публицистика.

Лондонская конференція доставила моральное удовлетвореніе Александру II за обиду, нанесенную Россіи парижскимъ миромъ. О вознагражденіи матеріальныхъ потерь, испытанныхъ тогда Россіей, въ этотъ моментъ мало думали: да онѣ и не были очень чувствительны. Что мы потеряли устья рѣки, которая всѣмъ своимъ теченіемъ лежала внѣ русскихъ границъ, что около сотни тысячъ людей не-русскаго происхожденія стали числиться румынскими подданными,—все это могло колоть развѣ очень придирчиваго патріота и было совершенно безразлично для всего русскаго общества въ цѣломъ. Но разъ сдѣланный удачный шагъ всегда побуждаетъ къ слѣдующему. Возвращеніе Бессарабіи уже мелькало на горизонтѣ въ періодъ лондонскихъ переговоровъ, въ видѣ возможности. Международныя отношенія складывались такъ, что эта возможность становилась все реальнѣе. И отъ возвращенія клочка земли, потеряннаго, благодаря неудачѣ завоевательныхъ плановъ императора Николая I, мысль естественно переходила къ возстановленію самихъ этихъ плановъ въ ихъ цѣломъ. Изъ-за вопроса о Бессарабіи понемногу сталъ всплывать вопросъ о Балканскомъ полуостровѣ,—а затѣмъ и о Константинополѣ.

У русскаго правительства едва ли бы хватило отваги на подобныя мечты, будь оно одиноко и предоставлено своимъ собственнымъ силамъ. Въ 1871 году дружба съ Турціей, какъ мы видѣли, цѣнилась и была, дѣйствительно, выгодна. Но если собственно Бессарабія была для турокъ довольно безразлична, хотя насчетъ устьевъ Дуная въ тѣсномъ смыслѣ они и тутъ уже дѣлали оговорки, то ко всему дальнѣйшему Россія могла пройти только черезъ трупъ своего „друга“. А отъ русско-турецкой войны мы, повидимому, были отдѣлены тогда необозримымъ промежуткомъ времени. „Отнынѣ война между Россіей и Турціей сдѣлалась невозможною и безполезною“, писалъ еще во второй половинѣ 60-хъ годовъ главный теоретикъ офиціальнаго славянофильства, Н. Данилевскій, вводившій, въ то же время, въ свою программу возвращеніе Бессарабіи Россіи*). Если пять лѣтъ спустя война эта стала казаться необходимостью, то въ этомъ прежде всего виновата была та самая „Европа“, отъ коварства которой такъ неустанно предостерегалъ своихъ соотечественниковъ только что цитированный писатель: и горькая иронія исторіи была въ томъ, что славянофилы, сами того не замѣчая, шли къ тому, что они считали своей цѣлью, на поводу у злѣйшаго, непримиримаго, по ихъ мнѣнію, врага славянства, — на поводу у Германіи. Дипломатическую исторію того кризиса, который привелъ къ войнѣ 1877 — 78 гг., невозможно понять, не принявъ въ разсчетъ

*) „Россія и Европа“, изд. 1871 г., стр. 347 и 413.

тѣхъ отношенiй, какiя сложились на востокѣ Европы въ результатѣ образованiя Германской имперiи, и той роли, какую игралъ въ тогдашней дипломатiи руководившiй внѣшней политикою новаго государства Бисмаркъ. Это новое государство сложилось на счетъ Австрiи и при помощи Россiи. Правительство Германiи при всякомъ поводѣ готово было засвидѣтельствовать свою признательность этой послѣдней. Императоръ Вильгельмъ писалъ въ одномъ письмѣ Александру II, что Германiя никогда не забудетъ услугъ, оказанныхъ ей Россiею въ 1864—71 гг. Князь Бисмаркъ при одномъ случаѣ выразился еще сильнѣе: „если бы я только подумалъ отнестись враждебно когда-нибудь къ императору (Александру II) и къ Россiи, я счелъ бы себя измѣнникомъ", говорилъ онъ одному изъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ весною 1873 года, во время визита императора Германiи къ своему племяннику. И самый этотъ визитъ былъ формальнымъ выраженiемъ благодарности за поддержку во время франко-прусской войны 1870—71 гг., когда дружественный нейтралитетъ Россiи обезпечилъ тылъ и фланги Пруссiи. Но вовсе не въ интересахъ Германiи было ни уничтожать Австрiи, ни дать образоваться на востокѣ Европы второй имперiи Николая I. Наоборотъ, Австрiя, по мнѣнiю Бисмарка, была теперь въ общей системѣ европейскихъ государствъ нужнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Старый императоръ Вильгельмъ ѣздилъ въ Вѣну еще раньше своего путешествiя въ Петербургъ, а еще раньше, совсѣмъ вскорѣ послѣ Кениггреца, Бисмаркъ уже намекалъ австрiйской дипломатiи на возможность найти утѣшенiе за потерянныя Австрiею итальянскiя области на Балканскомъ полуостровѣ. Оккупацiя австрiйцами Боснiи и Герцеговины, — казавшаяся впослѣдствiи русскому общественному мнѣнiю чѣмъ-то въ родѣ „отступного", даннаго Австрiей за санъ-стефанскiй миръ 1878 года, на самомъ дѣлѣ была рѣшена помимо участiя Россiи, еще при свиданiи австрiйскаго и германскаго императоровъ въ 1872 году. Повернутая фронтомъ къ Константинополю, Австрiя не только не была теперь опасна Германiи, а, наоборотъ, являлась въ высшей степени желательнымъ авангардомъ, прокладывавшимъ германскому капитализму пути въ новыя области, до тѣхъ поръ эксплоатировавшiяся исключительно Францiей и Англiей. И въ то же время— за это говорила вѣковая традицiя— на Балканскомъ полуостровѣ Австрiя должна была доставить столько хлопотъ Россiи, что и эта послѣдняя поневолѣ должна была бы повернуться фронтомъ туда же, на югъ, къ тому же Константинополю. Чтобы помочь совершиться этому повороту, Бисмаркъ готовъ былъ „предоставить все свое влiянiе на Востокѣ въ полное распоряженiе Россiи". Наоборотъ, ему было въ высшей степени непрiятно видѣть, какъ Александръ II пытается подражать своему отцу въ роли „вершителя судебъ" западной Европы. Въ 1875 году Германiя готова была принять мѣры, чтобы положить конецъ начинавшемуся военному возрожденiю Францiи: въ дѣло вмѣ-

шался русскій императоръ, рѣшительно ставшій на сторону послѣдней. Бисмаркъ позволилъ себѣ по этому случаю мысли, отнюдь не дружелюбныя по отношенію къ странѣ, передъ которою Пруссія была связана „долгомъ чести“, и даже выражалъ эти мысли довольно громко. „Вы, конечно, не будете имѣть повода радоваться тому, что рисковали потерять нашу дружбу ради пустого удовлетворенія собственнаго тщеславія,—говорилъ онъ кн. Горчакову.—Скажу вамъ открыто: я добрый другъ моихъ друзей и врагъ моихъ враговъ“. Какъ разъ около этого времени, весьма кстати, возобновилось движеніе между славянами Балканскаго полуострова: по свѣдѣніямъ русскаго посольства въ Вѣнѣ инсургенты получали денежныя пособія „изъ таинственнаго источника черезъ Прагу“ *).

Въ своихъ стремленіяхъ — „занять“ Россію балканскими дѣлами и столкнуть ее на этомъ пути съ Австріей,—Бисмаркъ нашелъ себѣ внутри Россіи союзника, о которомъ онъ, конечно, совсѣмъ не думалъ. Тѣмъ не менѣе, помощь, оказанная этимъ неожиданнымъ союзникомъ видамъ германской политики, была самая существенная: безъ нея правительство Александра II едва ли зашло бы такъ далеко, пытаясь реставрировать планы Николая Павловича. И Германіи едва ли пришлось бы выступить на берлинскомъ конгрессѣ вершительницей судебъ восточной Европы. Этимъ союзникомъ была та самая неославянофильская публицистика, о которой мы уже упоминали. Къ семидесятымъ годамъ девятнадцатаго вѣка изъ двухъ сторонъ славянофильства, положительной—вѣры въ мессіаническую роль славянства, призваннаго замѣнить сгнившій Западъ—и отрицательной—ненависти и презрѣнія къ этому Западу—вторая рѣшительно взяла верхъ. Съ этой поры, и даже ранѣе, мы имѣемъ передъ собою уже не столько славянофиловъ, сколько европо-и въ частности германо-фобовъ. Уже цитированнымъ нами Н. Данилевскимъ вражда Россіи и Европы была, какъ извѣстно, возведена въ законъ исторіи, столь же непреложный, какъ законы природы. „Не надо себя обманывать,—писалъ онъ,—враждебность Европы слишкомъ очевидна: она лежитъ не въ случайныхъ комбинаціяхъ европейской политики, не въ честолюбіи того или другого государственнаго мужа, а въ самыхъ основныхъ ея интересахъ. Внутренніе счеты ея не покончены. Бывшіе въ ней зародыши внутренней борьбы развились именно въ недавнее время; но весьма вѣроятно, что они изъ числа послѣднихъ; съ улаженіемъ ихъ, или даже съ нѣсколько продолжительнымъ умиротвореніемъ ихъ, Европа опять обратится всѣми своими силами и помыслами противъ Россіи, почитаемой ею своимъ естественнымъ, прирожденнымъ врагомъ“ *). Данилевскій былъ доктринеръ и фанатикъ своей идеи. Но уже гораздо раньше практическій общественный дѣятель и совсѣмъ не фанатикъ, Иванъ

*) „За кулисами дипломатіи“—„Русская Старина“, 1908, февраль, стр. 342.

*) „Россія и Европа“, стр. 425—426.

Всеволодъ Михаиловичъ Гаршинъ.

[illegible]

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ [illegible]

гораздо

Аксаковъ, говорилъ то же самое. „Пора догадаться, что благосклонности Запада мы никакою угодливостью не купимъ,—писалъ онъ въ 1861 году.—Пора понять, что ненависть, нерѣдко инстинктивная, Запада къ славянскому православному міру происходитъ отъ иныхъ, глубоко скрытыхъ причинъ; эти причины—антагонизмъ двухъ противоположныхъ духовныхъ просвѣтительныхъ началъ и зависть дряхлаго міра къ новому, которому принадлежитъ будущность“. „Вся задача Европы состояла и состоитъ въ томъ, чтобы положить предѣлы матеріальному и нравственному усиленію Россію, чтобы не дать возникнуть новому міру—православно-славянскому, котораго знамя предносится единою свободною славянскою державой, Россіей, и который ненавистенъ латино-германскому міру“, писалъ онъ же нѣсколько лѣтъ спустя, почти одновременно съ Данилевскимъ *).

Такая острая борьба за существованіе, естественно, должна была оттѣснить на задній планъ „духовныя и просвѣтительныя“ задачи славянскаго объединенія. И Данилевскій, по старой памяти, говоритъ, что главная цѣль всеславянскаго союза — „не политическая, а культурная“. Но она рисовалась теперь въ отдаленномъ будущемъ. „... Въ чемъ могутъ заключаться для Россіи ближайшія, осязательныя политическія выгоды отъ образованія всеславянскаго союза (о высшемъ культурно-историческомъ значеніи котораго мы здѣсь не говоримъ)? Конечно, въ увеличеніи внѣшняго могущества, въ обезпеченіи (какъ себя, такъ и своихъ союзниковъ) отъ напора враждебнаго Запада...“ *). Россія нужна славянамъ,—поэтому и славяне должны послужить Россіи, послужить непосредственно, матеріально и осязательно. Данилевскій, на досугѣ и не спѣша, съ наслажденіемъ предается тому же статистико-этнографическому прожектерству, которое услаждало душу Погодина въ черные дни первой восточной войны. Онъ основательно перечисляетъ всѣ племена, долженствующія войти въ будущій союзъ—не забывая отмѣтить, сколько каждое дастъ милліоновъ жителей, готовыхъ въ случаѣ нужды грудью защищать свою руководительницу и наставницу Россію. Онъ насчитываетъ ихъ даже гораздо болѣе, чѣмъ Погодинъ, смѣло причисляя къ славянамъ и грековъ, потому что они православные, и даже мадьяръ, которымъ все равно некуда дѣваться среди славянскаго моря. Но иныя перспективы ближайшаго будущаго должны были освѣтить инымъ свѣтомъ не только комбинаціи въ области внѣшней политики, а и основныя линіи политики внутренней. Старое славянофильство, какъ извѣстно, не жаловало государственнаго начала; не возставая противъ него, оно отводило ему второстепенную, подсобную роль—щита, прикрывающаго до поры, до времени свободную дѣятельность общины. Попытки государства выйти изъ этой узкой сферы разсматривались.

*) Собраніе сочиненій, т. I., стр. 5 и 108.

*) „Россія и Европа“, стр. 433.

какъ посягательство на духовную свободу народа, и съ этой точки зрѣнія русское самодержавіе послѣпетровской эпохи, т.-е. то реальное самодержавіе, которое было слишкомъ хорошо знакомо, чтобы его можно было идеализировать, какъ скрывающуюся въ туманной дали Московскую Русь, — это самодержавіе только терпѣлось Константиномъ Аксаковымъ и его современниками, но отнюдь не было предметомъ ихъ горячей любви. Совсѣмъ иначе дѣло представлялось Н. Данилевскому, который въ Россіи видѣлъ прежде всего военный станъ, осажденный врагами. Для него самодержавіе — и именно то полицейски-военное самодержавіе, которое имѣлось въ наличности,— было не оболочкой, сверху надѣтой на народъ, а его внутренней сущностью. Самодержецъ для него есть „живое осуществленіе политическаго самосознанія и воли народной, такъ что мысль, чувство и воля его сообщаются всему народу процессомъ, подобнымъ тому, какъ это совершается въ личномъ самосознательномъ существѣ". Отъ славянофильской формулы—„государству—свобода дѣйствія, народу — свобода мнѣнія" здѣсь не остается и слѣда. Свободу мнѣнія, какъ и свободу дѣйствія, имѣетъ только одинъ,—а всѣмъ прочимъ предоставлена одна свобода—повиноваться. Такая картина, въ чисто азіатскомъ духѣ, вѣроятно, до глубины души возмутила бы К. Аксакова. А Н. Данилевскаго она приводитъ въ восторгъ и онъ съ упоеніемъ разсказываетъ своему читателю, какъ „русскій народъ можетъ быть приведенъ въ состояніе напряженія всѣхъ его нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, въ состояніе, которое мы называемъ *дисциплинированнымъ энтузіазмомъ*,—волею его государя, независимо отъ непосредственнаго возбужденія отдѣльныхъ единицъ — личностей, составляющихъ народъ, тѣмъ или другимъ интересомъ, событіемъ или вообще возбужденіемъ" *).

Эта черта нео-славянофильства и помогла ему сдѣлаться официальной философіей исторіи при Александрѣ III, когда „Россія и Европа" Данилевскаго настойчиво рекомендовалась всѣмъ преподавателямъ исторіи въ качествѣ настольнаго руководства. А въ ожиданіи этого счастливаго времени оно нашло себѣ высокихъ покровителей и при дворѣ Александра II. Его жена, императрица Марія Александровна, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, была горячей сторонницей славянофильства, а какъ она его понимала, это видно изъ того, что въ наставники своему сыну она выбрала К. Побѣдоносцева. При дворѣ его воспитанника, цесаревича Александра Александровича, это было уже признанное ученіе, и поскольку наслѣдникъ престола могъ оказывать вліяніе на внѣшнюю политику, онъ велъ ее въ духѣ „Россіи и Европы" и позднихъ статей Аксакова. Здѣсь была реальная точка опоры для нео-славянофильской идеологіи, и здѣсь же была точка соприкосновенія узкаго придворнаго кружка съ болѣе широкими общественными слоями. По-

*) Ibid., стр. 488.

тому что обожествленіе крѣпостного режима въ образѣ „дисциплинированнаго энтузіазма“ входило въ классовую идеологію дворянства 60-хъ—70-хъ годовъ, какъ и въ офиціальную идеологію правительства,—какими бы „либералами“ ни выказывали себя подчасъ иные помѣщики подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ случайныхъ условій *). „Борьба съ Западомъ“ здѣсь незамѣтно сливалась съ борьбою противъ „духа времени“, которую такъ настойчиво вело въ свое время правительство Николая I и не прочь было продолжать, какъ мы видѣли, правительство его сына. Европа, которая будто бы только и ждала удобной минуты, чтобы поглотить несчастное „славянство“, была лишь символомъ буржуазнаго строя, надвигавшагося на русскій феодализмъ и вынудившаго уже у этого феодализма столько уступокъ въ 60-хъ годахъ.

Но поле битвы съ врагомъ постепенно суживалось. Въ началѣ вѣка Священный союзъ бралъ на себя защиту „вѣчныхъ началъ нравственности и порядка“ на всемъ протяженіи Европы—до Пиренейскаго полуострова включительно. Николаю Павловичу въ 1848 году пришлось ограничиться приведеніемъ въ порядокъ только Восточной Европы—по сю сторону Дуная и Ѳдера. Арена его продолжателей была еще менѣе широка. Отъ тлетворнаго вліянія „Европы“ надѣялись спасти только славянскія племена,—да и тутъ приходилось дѣлать крупные вычеты. Первымъ изъ нихъ были поляки, „вѣрные прихвостни западной Европы и латинства, давно измѣнившіе братскому союзу славянъ“ *). Само собою разумѣется, что этимъ отверженцамъ не могло быть отведено самостоятельнаго мѣста во „Всеславянскомъ союзѣ“: мы находимъ здѣсь и королевство Чехо-Мораво-Словакское, и королевство Булгарское, и даже королевство Мадьярское—но Польскаго королевства мы не найдемъ. Данилевскій даже предвидитъ возможность—одну изъ трехъ,—что „русская рука въ общемъ ходѣ дѣлъ все-таки принуждена будетъ чаще и чаще надѣвать ежовую муравьевскую рукавицу, и все крѣпче и крѣпче сжимать ее“ *). Такая перспектива постояннаго содержанія въ карцерѣ одного изъ союзниковъ тѣмъ менѣе сулила добраго всему предпріятію, что западные панслависты смотрѣли на дѣло съ совсѣмъ противоположной точки зрѣнія: Ригеръ, напримѣръ, ставилъ примиреніе Россіи и Польши непремѣннымъ условіемъ политическаго сближенія австрійскихъ славянъ съ Россіей; тюремщицѣ Польши чехи стѣснялись протянуть руку, какъ ни нужна казалась имъ тогда русская помощь. Но у русскихъ неославянофиловъ и сами австрійскіе славяне были подъ большимъ сомнѣніемъ. Во-первыхъ, большая часть ихъ—и сами чехи въ томъ числѣ—были католики. Но въ наивномъ міросозерцаніи русскаго феодала католикъ и европеецъ были

*) См. выше, главу „Общая политика“, 3. „Идеологія правящихъ классовъ“.

*) И. Аксаковъ, Собраніе сочиненій, I, стр. 109.

**) „Россія и Европа“, стр. 416.

синонимы. Только стерши съ себя позорное пятно, эти отщепенцы могли быть допущены во всеславянское общенiе. „Если славяне хотятъ остаться славянами, — писалъ И. Аксаковъ въ 1867 году, — и не только остаться славянами, но исхитить свою славянскую душу изъ цѣпей духовнаго плѣна, сковывавшихъ ихъ съ судьбами латинскаго мiра,— то на вопросъ, предлагаемый имъ современною исторiей, они должны дать отвѣтъ рѣшительный и неуклончивый, должны отречься Рима и всѣхъ дѣлъ его, всенародно и гласно, безъ сдѣлокъ и изворотовъ“. „Мы не видимъ причины, почему, пользуясь свободой вѣроисповѣданiя, *огражденною конституцiей*, не могли бы тѣ изъ славянъ - католиковъ, которые раздѣляютъ нашъ образъ мыслей, отречься отъ латинства, присоединиться къ православiю, воскресить древнее славянское богослуженiе и воздвигнуть православные храмы и въ Прагѣ, и въ Бернѣ, и въ прочихъ олатиненныхъ мѣстахъ“. Но уже эта ссылка на конституцiонныя гарантiи достаточно свидѣтельствовала, насколько положенiе казалось Ив. Аксакову отчаяннымъ: вообще говоря, конституцiя у славянъ была такимъ же клеймомъ европеизма, какъ и католицизмъ. Въ свое время Аксаковъ очень сожалѣлъ, что эта вещь завелась въ Сербiи, а впослѣдствiи настойчиво предостерегалъ болгаръ: „пусть не заботятся ни о конституцiяхъ, ни о европеизмѣ вообще“. Чтобы привлечь къ себѣ славянъ, готовы были прибѣгнуть къ услугамъ даже окаяннаго духа времени,—но и тутъ, Аксаковъ не могъ этого не сознавать, было мало надежды. Чего же было ждать отъ славянъ-католиковъ, когда даже православные сербы, оказывается, гораздо болѣе тяготѣли къ своему австрiйскому правительству, нежели къ Россiи? „Тяжело въ этомъ сознаваться, но нельзя утаить правду: изъ австрiйскихъ сербовъ выходитъ австрiйскихъ военныхъ генераловъ премножество, мучениковъ народности—ни одного. Австрiйскiе сербы употребляются Австрiею на дипломатической службѣ въ Турцiи, какъ самые надежные исполнители ея антиславянскихъ политическихъ видовъ“ *).

Послѣ такихъ признанiй, вовсе не единичныхъ — мы привели одно только для примѣра—можно было сколько угодно восклицать, что „надъ племеннымъ эгоизмомъ, надъ индивидуальнымъ народнымъ сознанiемъ каждаго славянскаго племени возобладало значенiе всеславянства, и сознанiе это явилось уже не отвлеченною, а живой реальной силой“,—какъ писалъ Аксаковъ по поводу съѣзда славянскихъ литераторовъ и ученыхъ въ Москвѣ въ 1867 году **). Литература оставалась литературой, а въ „живой реальности“ славянскiй вопросъ мало-помалу суживался до предѣловъ балканскаго вопроса. Только Балканскiй полуостровъ, населенный наиболѣе отсталыми славянскими народностями, представлялъ еще сколько-нибудь годную почву для новой схватки съ „Европой“. Правда, и

*) И. Аксаковъ, тамъ же, стр. 23, 46, 177—8, 261.

**) Ibid., стр. 193.

здѣсь дѣло обстояло не совсѣмъ благополучно. О французоманствѣ черногорскаго княжескаго двора, такъ огорчавшемъ вождя русскихъ славянофиловъ, мы уже упоминали выше *). Но и съ Сербіей было немногимъ лучше. „Сербія, или, лучше сказать, ея правительство старалось поскорѣе перенять внѣшнія формы европейской гражданственности и придать себѣ видъ благоустроеннаго сложившагося государства, — жаловался Аксаковъ еще въ 1862 году **).—Прямо отъ первобытныхъ формъ быта, суда и расправы, оно круто перешло къ формамъ и пріемамъ старой европейской администраціи, обзавелось бюрократіей, „апелляціоннымъ“ и „кассаціоннымъ“ судомъ, министерствами и всевозможными присутственными мѣстами“. Въ то время Аксакову еще нравилась сербская „скупштина“, но и она уже начинала напоминать ему „какое-то жалкое европейское представительство“. Словомъ, европейскій ядъ былъ и тутъ. Надежнѣе представлялось „забитое, забытое“ болгарское племя. Его воспитаніемъ въ духѣ русскаго панславизма и занимался преимущественно образовавшійся около 1860 года въ Москвѣ „Славянскій благотворительный комитетъ“, уже въ 1862 году содержавшій на своемъ иждивеніи 12 молодыхъ болгаръ, учившихся въ Россіи, и снабжавшій книгами болгарскія школы. Но и здѣсь самъ глава Славянскаго комитета, Аксаковъ, долженъ былъ признаться, что на 12—15 человѣкъ болгаръ, учащихся въ Москвѣ, приходится нѣсколько сотенъ болгаръ, слушающихъ лекціи въ германскихъ и французскихъ университетахъ. А люди, наблюдавшіе „забитое и забытое“ племя вблизи, находили, что болгарская интеллигенція очень напоминаетъ европейскую буржуазію и, что было еще ужаснѣе, совершенно не сознаетъ ближайшей исторической миссіи славянства: изгнать турокъ изъ Европы и водрузить православный крестъ на св. Софіи. „Намъ одно желательно,—говорилъ К. Леонтьеву одинъ образованный болгаринъ—да еще вдобавокъ духовное лицо,—чтобы султанъ сталъ со временемъ и царь Болгарскій. Это выгоднѣе всего для нашей незрѣлой народности; это лучше всего можетъ предохранить ее не только отъ грековъ, но и отъ поглощенія сербами и... отъ другихъ“. А когда султанъ сталъ на сторону болгаръ въ ихъ церковной распрѣ съ греками, онъ сдѣлался прямо популяренъ среди этой интеллигенціи, и болгарскіе учителя внушали своимъ питомцамъ одновременно ненависть къ „грцкому патрику“, т.-е, православному патріарху Константинополя, и преданность къ „отеческому правительству султана, спасающему болгаръ отъ грековъ“ *)... Словомъ, отличіе отъ австрійскихъ славянъ было только въ томъ, что здѣсь можно было еще надѣяться возвратить заблудшихъ овецъ на путь истинный,—тогда какъ тамъ, по настоящему, даже и этой надежды не

*) См. гл. I настоящаго очерка.

**) Ibid., стр. 23.

*) К. Леонтьевъ, „Панславизмъ и греки“ (написана въ 1873 году).

было. Но инициативу во всякомъ случаѣ приходилось на себя брать Россіи—русскому народу, какъ старались увѣрить себя славянофилы. Трогательно видѣть, какъ Ив. Аксаковъ старается доказать самъ себѣ, что въ славянскомъ дѣлѣ дѣйствительно заинтересованъ народъ, народная масса. Все ему кажется тутъ знаменательнымъ—и толпа простонародья, окружившая павильонъ въ Сокольникахъ, гдѣ московское общество чествовало обѣдомъ членовъ славянскаго съѣзда: хотя не было ничего легче, какъ собрать въ лѣтній день большую толпу въ подмосковныхъ Сокольникахъ, и хотя пріѣздъ въ Москву персидскаго шаха собиралъ ничуть не меньшую толпу. И то, что самый обѣдъ былъ устроенъ на средства московскаго купечества, которое „по самому роду своихъ занятій и по своему общественному положенію ближе къ народу, чѣмъ классъ литераторовъ, чиновниковъ и вообще дворянъ. Оно искони причислялось къ земщинѣ. Здѣсь мы уже слышимъ прибой народной войны, за нимъ начинается океанъ народный“. Но по поводу того же славянскаго съѣзда онъ проговаривается одной маленькой подробностью, которая лучше поясняетъ намъ, какую публику собирали эти славянскія торжества, нежели всѣ фразы о „народномъ океанѣ“. „Стоило прислушаться,—говоритъ онъ,—при разъѣздахъ изъ торжественныхъ собраній, которыя давались въ честь славянъ, на какомъ нарѣчіи преимущественно объяснялась наша публика. Наблюдатель открылъ бы, что вмѣстѣ съ русской рѣчью особенно обильно слышалась рѣчь французская“ *). Дворянское славянофильство варилось въ своемъ собственномъ соку, а народное движеніе въ пользу „всеславянскаго союза“ въ Россіи такъ же трудно было вызвать, какъ и въ Болгаріи. Оставалось возложить надежды на традиціонную силу—государственную власть, въ распоряженіи которой были дипломатія и штыки. Дипломатія и дѣлала въ тиши своихъ кабинетовъ дѣло, которое долженъ былъ дѣлать „русскій народъ“: а штыки закончили работу дипломатіи.

Исходной точкой для дипломатической кампаніи 1875—76 годовъ, приведшей сначала къ сербско-турецкой, а потомъ и къ русско-турецкой войнѣ, были событія, разыгравшіяся лѣтомъ 1875 года въ Герцеговинѣ и въ Босніи. Начавшееся здѣсь движеніе имѣло всего меньше общаго съ панславизмомъ,—въ особенности съ православнымъ панславизмомъ. Герцеговинское возстаніе было прежде всего аграрнымъ бунтомъ крестьянъ, задавленныхъ невыносимо тяжелыми повинностями по отношенію къ мѣстнымъ помѣщикамъ; нѣкоторую роль играли и налоги, введенные турецкимъ правительствомъ, но второстепенную. Помѣщики были магометане, но славянскаго происхожденія; крестьяне были по большей части христіане, но среди нихъ католиковъ было больше, чѣмъ православныхъ. Въ сосѣдней Босніи возстаніемъ и руководили католическіе пасторы. Мы видѣли, что современники подозрѣвали здѣсь тайное соучастіе

*) Сочиненія, I, стр. 151—152 и 164.

Германіи, — а поддержка Австріи возстанію была почти явной. Австрія же открыла и дипломатическій походъ. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Андраши, выступилъ съ проектомъ обращенія къ турецкому правительству; обращеніе должно было заключать въ себѣ три требованія: 1) свободы вѣроисповѣданія для христіанъ; 2) прекращенія отдачи податей на откупъ и 3) выкупа феодальныхъ повинностей, которыя и были главной причиной возстанія. Турція была очень смущена этимъ вліятельнымъ заступничествомъ за ея мятежныхъ подданныхъ. Этимъ смущеніемъ воспользовался русскій посолъ въ Константинополѣ, генералъ Игнатьевъ — „вице-султанъ“, какъ въ шутку называли его дипломатическіе его коллеги: офиціально, „дружба“ Россіи и Турціи не прерывалась, и русскій посолъ былъ самымъ авторитетнымъ членомъ дипломатическаго корпуса въ Константинополѣ. По его совѣту были изданы султанскіе „ираде“ и „фирманъ“, которыми удовлетворялись два первыхъ требованія Андраши еще раньше, чѣмъ они были офиціально предъявлены. Такъ какъ для изданія „ираде“ и „фирмана“ ничего не требовалось, кромѣ бумаги, то это было очень легко сдѣлать: не то было съ третьимъ требованіемъ. Для выкупной операціи нужны были деньги, а ихъ у Порты не было. А такъ какъ для инсургентовъ феодальныя повинности составляли, очевидно, самое главное, то возстаніе продолжалось. Проектъ реформъ, выработанный гр. Андраши (въ окончательной редакціи онъ имѣлъ уже пять пунктовъ — прибавились требованія, устанавливавшія, въ сущности, фискально-административную автономію возставшихъ областей), былъ офиціально предъявленъ турецкому правительству и поддержанъ всѣми державами, не исключая и Россіи. Такая солидарность „Европы“ еще болѣе смутила турокъ. На словахъ они на все согласились; инсургентамъ была дарована амнистія и военныя дѣйствія противъ нихъ были временно прекращены. Затѣмъ, дѣло окончательнаго умиротворенія взяла на себя Австрія; одинъ изъ ея генераловъ долженъ былъ уговориться съ вождями инсургентовъ насчетъ дальнѣйшаго. Но тутъ выяснилось, что единодушное вмѣшательство державъ имѣло свое психологическое дѣйствіе и на возставшихъ: видя уступчивость Турціи, они, вполнѣ естественно, сочли себя побѣдителями. Въ предъявленномъ ими длинномъ каталогѣ требованій значилось, между прочимъ, что мусульманское населеніе Босніи и Герцеговины (составлявшее и тамъ и тутъ около трети, — притомъ исламъ исповѣдывали какъ разъ правящіе классы) должно быть обезоружено, — что при данной обстановкѣ равнялось превращенію христіанъ въ господствующую часть населенія, а магометанъ — въ подчиненную. Это была, въ сущности, соціальная революція подъ формою религіозной — и значеніе ея подчеркивалось первымъ и основнымъ требованіемъ инсургентовъ: чтобы треть земель, принадлежавшихъ мусульманамъ, была передана въ руки христіанъ, — т.-е. отнята у помѣщиковъ и пере-

дана крестьянамъ. Все это вполнѣ логично вытекало изъ аграрнаго характера возстанія, но въ то же время все это дѣлало совершенно яснымъ, что на почвѣ благожелательной опеки со стороны европейскихъ державъ вопросъ отнюдь не могъ получить разрѣшенія. Между тѣмъ, идти дальше такой опеки эти державы, за исключеніемъ Австріи и Россіи, вовсе не собирались. Европейскій „концертъ" разстроился—и турки въ первую минуту очень обрадовались этому, приготовившись возобновить военныя дѣйствія противъ повстанцевъ и помогавшей имъ Черногоріи. Но въ самый разгаръ энергичныхъ военныхъ приготовленій Порта неожиданно услыхала отъ генерала Игнатьева, что дальнѣйшее продолженіе борьбы и, въ особенности, нападеніе на Черногорію „можетъ повести къ разрушенію Оттоманской имперіи". Одновременно съ этимъ просьба турецкаго правительства — воздѣйствовать на Черногорію въ обратномъ смыслѣ, отсовѣтовавъ ей помогать герцеговинцамъ—была рѣзко отклонена кн. Горчаковымъ. А на депешѣ ген. Игнатьева, попрежнему державшагося старой колеи—прямыхъ соглашеній съ турецкимъ правительствомъ, — противъ того мѣста, гдѣ посолъ говорилъ о преданности султана Абдулъ-Азиса русскому императору, Александръ Николаевичъ написалъ: „я не нуждаюсь въ его дружбѣ". *).

Крутой поворотъ русской политики долго объясняли у насъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, будто бы уже въ эту пору властно требовавшаго заступничества за единовѣрныхъ славянъ, угнетаемыхъ невѣрными. Удовлетворивъ это требованіе, русское правительство—такъ думали многіе — хотѣло, одновременно, и отвлечь вниманіе общества отъ внутренней политики, и помириться съ нимъ возможно дешевой цѣной. Что подобнаго рода соображенія на заднемъ планѣ присутствовали, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе; но если бы русское правительство очертя голову кинулось въ балканскую борьбу, не заручившись союзниками, то это была бы не самая дешевая, а самая дорогая плата за „политику отвлеченія". Въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія, что рѣшили дѣло не эти соображенія внутренней политики, а нѣчто другое. Начало крутого поворота, сдѣланнаго русской дипломатіей, хронологически совпадаетъ съ миссіей въ Петербургѣ принца Александра Гессенскаго, брата императрицы Маріи Александровны, игравшаго довольно странную роль — посредника между русскими высокопоставленными славянофилами и лейбъ-врагомъ славянства, австрійскимъ правительствомъ. Соглашеніемъ этихъ двухъ силъ, принципіально, казалось бы, столь враждебныхъ, а практически попавшихъ въ это время на одну и ту же дорогу, и объясняется, прежде всего, дальнѣйшій ходъ дипломатической кампаніи.

Лѣтомъ 1876 года Александръ II самъ поѣхалъ въ Австрію и въ Рейхштадтѣ имѣлъ свиданіе съ импе-

---

*) „Je ne que faire de son amitié". См. Карцевъ „За кулисами дипломатіи", „Рус. Стар." 1908, февраль, стр. 343.

раторомъ Францомъ Іосифомъ. Состоявшееся здѣсь соглашеніе подводило итогъ переговорамъ, тянувшимся уже довольно давно, и имѣло въ виду—на крайній случай—ни болѣе ни менѣе, какъ разрѣшеніе той задачи, которая такъ неотразимо притягивала къ себѣ еще Александра Павловича, а позднѣе его младшаго брата: раздѣла Турціи. Но разстояніе—и огромное—между этими разновременными планами достаточно выражалось тѣмъ, что теперь уже рѣчи не было о присоединеніи къ Россіи не только Константинополя, но даже и вообще какихъ бы то ни было задунайскихъ областей. Изъ обломковъ турецкой имперіи въ Европѣ должны были быть образованы нѣсколько самостоятельныхъ государствъ—по крайней мѣрѣ, три; часть этихъ обломковъ увеличивала собою уже существовавшія балканскія государства—Грецію, Сербію и Черногорію. Россія, кромѣ Бессарабіи, получала право на земельное приращеніе въ Азіи,—гдѣ она могла взять себѣ Батумъ. Зато Австрія получала часть Босніи и Герцеговины. Обѣ договаривающіяся стороны обезпечивали себѣ каждая свою долю, и на худшій случай—если Турція останется существовать въ Европѣ. невыгоды этого случая несли на себѣ балканскіе славяне, которые тогда не увидали бы образованія новыхъ независимыхъ славянскихъ государствъ. Недопущеніе же образоваться одному большому государству на полуостровѣ,—т.-е. недопущеніе объединенія балканскаго славянства—было основнымъ условіемъ рейхштасдткаго соглашенія.

Это соглашеніе наносило славянофильскимъ иллюзіямъ самый тяжелый ударъ, какой только себѣ можно представить. Въ концѣ 60-хъ годовъ одна мысль о томъ, что Австрія можетъ заявить притязаніе на какую бы то ни было славянскую область Балканскаго полуострова, вызывала у Ив. Аксакова самое воинственное настроеніе. „При первомъ движеніи австрійскихъ войскъ за Дунай или Саву, русскія войска занимаютъ Галицію", писалъ онъ въ 1868 году. Рейхштатскую сдѣлку — въ особенности то, что касалось уступки австрійцамъ Босніи—рѣшено было поэтому держать въ строжайшемъ секретѣ не только отъ общественнаго мнѣнія обѣихъ странъ*), но даже отъ той части русской дипломатіи, которая слишкомъ горячо, или слишкомъ наивно, увлекалась славянофильскими идеями. Благодаря этому, о соглашеніи съ Австріей ничего не зналъ главный руководитель русской политики на Балканскомъ полуостровѣ—генералъ Игнатьевъ. Его авторитетъ среди славянскихъ народностей, которыя Россіи были крайне нужны въ начинавшейся ею игрѣ, мѣшалъ его смѣнить, а на его дисциплинированность, видимо, не особенно надѣялись и, кажется, были правы. „Вице-султанъ", котораго турки называли еще иначе („отцомъ лжи"), былъ весьма наклоненъ къ политическому интриганству, къ тому, что называютъ „личной поли-

*) Она вызвала бы взрывъ негодованія не только у русскихъ славянофиловъ, но, по совершенно инымъ мотивамъ, и у венгерцевъ, не допускавшихъ мысли о соглашеніи съ Россіей.

тикой“*). Онъ, какъ и все русское общество, остался въ убѣжденіи, что Австрія стоитъ намъ поперекъ дороги, и соотвѣтственно съ этимъ дѣйствовалъ: какая каша изъ этого получалась, не трудно себѣ представить. При чемъ ни ему ни славянофиламъ въ Россіи не приходило въ голову спросить себя, какъ же это „коварный врагъ“ Россіи и славянства такъ добродушно пропускаетъ черезъ свою территорію русскія пожертвованія и русскихъ добровольцевъ, отправлявшихся на помощь возставшимъ славянамъ, а позже провіантъ для русской арміи, дѣйствовавшей въ Болгаріи? По существу дѣла, соглашеніе съ Австріей было совершенно необходимо, если Россія не хотѣла имѣть противъ себя хотя частичное воспроизведеніе той коалиціи, которая обрушилась на нее въ 1854 году. Правда, одинъ изъ членовъ этой коалиціи—въ военномъ отношеніи самый опасный — былъ теперь внѣ строя: Франція, и помимо благодарности лично къ Александру II за его вмѣшательство въ 1875 году, была слишкомъ загипнотизирована непосредственной германской опасностью, чтобы сколько-нибудь активно вмѣшиваться въ восточныя дѣла. За то Англія имѣла теперь всѣ основанія проявить гораздо больше активности, чѣмъ это было въ дни лондонской конференціи 1870—71 гг. Дѣйствія русскихъ войскъ въ Средней Азіи (особенно хивинская экспедиція 1873 года) самымъ серьезнымъ образомъ безпокоили англійскую дипломатію, видѣвшую въ нихъ предварительныя рекогносцировки на пути въ Индію*). Россія должна была сдѣлать формальное заявленіе, что она считаетъ Афганистанъ внѣ сферы своего вліянія, т. е. далѣе на югъ не пойдетъ. Но англичанъ это плохо успокоило, тѣмъ болѣе, что завоеванія продолжались: въ 1876 году Россія присоединила Коканъ. При такихъ условіяхъ, война на ближнемъ Востокѣ, гдѣ Россія была подъ надзоромъ всей Европы и, какъ показалъ уже неоднократный опытъ, многаго сдѣлать не могла,—такая война являлась для Англіи въ высшей степени желанной диверсіей. Англійское правительство энергично поддерживало въ Константинополѣ то прогрессивно-націоналистическое теченіе, которое и тогда уже носило названіе „мла-

*) „По манерѣ дѣятельности и дипломатическимъ пріемамъ Н. П. Игнатьевъ былъ homme d'action et d'expedients. Онъ любилъ прибѣгать къ фортелямъ и въ затрудненіяхъ находилъ новые выходы. Подчиненнымъ рѣдко удавалось сообщить ему новость, которую бы онъ не зналъ раньше. Съ наступленіемъ темноты, къ нему пробирались проходимцы, политическіе интриганы или попросту шпіоны... Окруженный льстивыми „братушками“ и заискивающими аферистами „русско-подданными“, Н. П. Игнатьевъ, импульсивный по натурѣ, страсти своей къ преувеличенію все болѣе давалъ волю. Члены русской колоніи, армяне и греки, доставляли Н. П. Игнатьеву политическія свѣдѣнія; а онъ, въ отплату, ихъ административнымъ и судебнымъ дѣламъ оказывалъ защиту. Бывали случаи, когда по соображеніямъ политическимъ, иногда по добротѣ душевной или изъ желанія проявить свое всемогущество, онъ это покровительство простиралъ слишкомъ далеко“. Рус. Стар. 1908, январь, стр. 91—92.

*) Подробности см. въ главѣ, посвященной русской политикѣ въ средн. Азіи, въ IV томѣ.

до-турецкаго“ и стремилось одновременно къ европеизаціи Турціи въ области политическаго устройства, и къ освобожденію ея отъ позорнаго вмѣшательства чужихъ державъ въ ея внутреннія дѣла. При англійскомъ покровительствѣ представители этого теченія среди турецкой администраціи пошли такъ далеко, что рѣшились на дворцовый переворотъ: султанъ Абдулъ-Азисъ былъ свергнутъ (вскорѣ онъ былъ убитъ) и замѣненъ сначала Мурадомъ, а затѣмъ, когда тотъ оказался мало подходящимъ къ своей роли, — Абдулъ-Гамидомъ. Русскому вліянію этимъ былъ нанесенъ смертельный ударъ. „Тройственный союзъ*),—писалъ Игнатьевъ одному изъ своихъ ближайшихъ подчиненныхъ,—какъ я и предвидѣлъ, потерпѣлъ полное фіаско. Ради вѣнскихъ изобрѣтеній**), мы были связаны по рукамъ и по ногамъ, а, между тѣмъ, англійскій флотъ явился въ Безику***), и Англія открыто поддерживаетъ мусульманскую революцію. Флотъ не имѣлъ съ нашей стороны соотвѣтствующаго противовѣса. Здѣсь совершенная анархія, разгулъ фанатизма въ провинціяхъ. Дипломатическаго дѣйствія никакого быть не можетъ, пока не образуется серьезное правительство и султанъ не сдѣлается хозяиномъ. Теперь онъ плѣнникъ олигархіи пашей“. Но въ данный моментъ Россія и не нуждалась уже въ дипломатическомъ вліяніи на Турцію: еще раньше Александръ II уже заявлялъ, что ему съ дружбой султана „нечего дѣлать“. Россіи сейчасъ нужна была война, и если самъ императоръ еще колебался, то въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ наслѣдникъ престола, Александръ Александровичъ, настроеніе было совершенно опредѣленное. По славянофильскому трафарету, Турцію представляли себѣ тамъ умирающей: если славянофильскимъ публицистамъ, напр., Ив. Аксакову, приходилось говорить объ „Османѣ“, то онъ всегда представлялся имъ корчащимся въ предсмертныхъ судоргахъ, покрытымъ съ ногъ до головы язвами, и т. д. Игнатьевъ раздѣлялъ и, своимъ авторитетомъ знатока Турціи, подкрѣплялъ эти иллюзіи. То, что турки цѣлый годъ не могли справиться съ герцеговинскими повстанцами, казалось, вполнѣ подтверждало мнѣніе славянофиловъ, а что турки были въ своихъ дѣйствіяхъ связаны по рукамъ и по ногамъ европейской дипломатіей, конечно, не принималось въ соображеніе. Въ то же время, націоналистическое движеніе въ турецкихъ провинціяхъ быстро вырождалось въ настоящую черносотенную анархію, напоминавшую погромы христіанъ въ 20-хъ годахъ, въ дни греческаго возстанія. Жертвами черносотенныхъ вспышекъ становились иногда даже европейскіе дипломаты (какъ это случилось съ французскимъ и германскимъ консулами въ Салоникахъ, въ маѣ 1876 г.), но гораздо чаще страдала христіан-

*) Россіи, Австріи и Германіи.

**) Здѣсь имѣется въ виду, конечно, не рейхштадтское соглашеніе, котораго въ моментъ написанія письма еще и не было, а упоминавшійся выше проектъ реформъ гр. Андраши.

***) Бухта въ Эгейскомъ морѣ, близъ входа въ Дарданеллы.

ская „райя“. Попытка возстанія болгаръ въ родопскихъ горахъ была поводомъ къ такой свирѣпой рѣзнѣ, которая всколыхнула общественное мнѣніе всей Европы и довела воинственное настроеніе русскихъ славянофиловъ до крайнихъ предѣловъ. Но, въ связи съ предвзятымъ мнѣніемъ о слабости Турціи, это настроеніе вылилось въ своеобразную форму: настоящую войну съ этой насквозь прогнившей державой считали, пожалуй, и излишней. Съ Турціей казалось возможно справиться и косвенно—черезъ посредство славянскихъ государствъ балканскаго полуострова, Сербіи и Черногоріи—при нѣкоторой матеріальной поддержкѣ и руководствѣ со стороны Россіи. Изъ этихъ государствъ Черногорія уже состояла въ войнѣ съ Турціей: оставалось втянуть въ войну Сербію.

Чтобы понять тактику русской дипломатіи относительно Сербіи, надо имѣть въ виду, что никакого націоналистическаго славянскаго движенія въ 1876 году на Балканскомъ полуостровѣ не было. Существовала, правда, революціонная националистическая организація („Омладина“)—нѣчто въ родѣ греческой гетеріи начала столѣтія, но она по значенію и вліянію далеко не могла равняться съ послѣдней. Общеславянскаго, тѣмъ болѣе общехристіанскаго движенія уже потому не могло быть, что два главныхъ славянскихъ племени полуострова, болгары и сербы, относились другъ къ другу временами ничуть не менѣе остро, нежели къ туркамъ, а грековъ болгары ненавидѣли безусловно болѣе, чѣмъ турокъ. Даже черногорцевъ, которые всегда были готовы воевать и жили, въ сущности, въ состояніи хронической войны со своими албанскими сосѣдями, подданными турецкой имперіи, приходилось специально заинтересовывать во всеславянскомъ дѣлѣ. Еще во время переговоровъ 1875 г. Игнатьевъ пытался имъ выхлопотать у султана прирѣзку территоріи и гавань на Адріатическомъ морѣ, что было особенно важно, такъ какъ избавляло Черногорію отъ коммерческой монополіи австрійцевъ. По отношенію къ Сербіи пришлось пустить въ ходъ еще болѣе энергичныя мѣры воздѣйствія. Русское правительство прямо совѣтовало ей, подъ рукою, вооружаться „на всякій случай“; соотвѣтствующій докладъ русскаго представителя въ Бѣлградѣ удостоился высочайшей отмѣтки въ духѣ категорическаго одобренія. Инструкціи этому представителю фактически давалъ Аничковскій дворецъ, и въ интимныхъ разговорахъ съ нимъ кн. Горчаковъ просилъ его „не забывать, что если государь противъ войны—его сынъ, наслѣдникъ престола, стоитъ во главѣ движенія“. На самомъ дѣлѣ и Александръ II былъ не „противъ войны“, а противъ преждевременныхъ, по его мнѣнію, партизанскихъ выступленій—въ родѣ посылки въ Сербію генерала Черняева, состоявшаго въ сношеніяхъ съ цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ черезъ гофмаршала послѣдняго, Зиновьева. Но энергичнѣе всѣхъ дѣйствовалъ генералъ Игнатьевъ. Прямой войны Россіи съ Турціей онъ не желалъ; въ возможность для сербовъ справиться съ

турками онъ довольно твердо вѣрилъ. Въ результатѣ, онъ все дѣлалъ, чтобы вызвать сербско-турецкую войну. По словамъ одного близко стоявшаго къ дѣламъ высокопоставленнаго серба, его соотечественники „начали войну 1876 г. только по наущенію Игнатьева, увѣрявшаго ихъ, что Россія немедленно двинется на поддержку. Когда было получено офиціальное заявленіе государя (Александра II), что онъ войны не желаетъ, Сербія обратилась къ Игнатьеву за разъясненіемъ этого противорѣчія. Онъ отвѣтилъ: „какъ же вы хотите, чтобы государь вамъ прямо высказалъ свое тайное желаніе? Разумѣется, онъ этого не можетъ. А я вамъ повторяю: какъ только объявите войну,—Россія за вами вслѣдъ". Въ этой увѣренности сербы и объявили войну" *).

Одновременно съ этимъ самая широкая агитація была развита и внутри Россіи. На массовое истребленіе болгаръ турецкими черносотенцами славянскій комитетъ въ Москвѣ отвѣтилъ воззваніемъ, по яркости красокъ и силѣ выраженій не уступавшимъ любой революціонной прокламаціи. „Неистовства, звѣрства, бѣшенный разгулъ самыхъ дикихъ страстей, сожиганіе заживо дѣвицъ" и тому подобные эксцессы турецкихъ хулигановъ безъ околичностей инкриминировались всей Турціи—этой „азіатской ордѣ, сидящей на развалинахъ древняго, великаго православнаго царства". Турція объявлялась „чудовищнымъ зломъ и чудовищной ложью", существующей, конечно, лишь благодаря „совокупнымъ усиліямъ всей западной Европы". Несмотря на то, что Россія офиціально была тогда (въ іюнѣ 1876 года) съ Турціей въ мирѣ, комитетъ открыто предлагалъ русскимъ людямъ способствовать вооруженію славянъ, борющихся противъ турокъ. Мѣры, принимавшіяся противъ этой агитаціи русскимъ правительствомъ, были едва достаточны, чтобы соблюсти минимальныя дипломатическія приличія. „Хотя министерство внутреннихъ дѣлъ и сдѣлало распоряженіе о воспрещеніи земствамъ удѣлять въ помощь южнымъ славянамъ земскія суммы,—пишетъ біографъ Александра II,—зато сборы въ ихъ пользу производились въ церквахъ, по благословенію духовнаго начальства, путемъ подписки, постановленій чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ о вычетѣ на обще-славянское дѣло извѣстнаго процента изъ получаемаго ими содержанія" *). Одно мѣсто въ одной изъ рѣчей Аксакова (въ засѣданіи славянскаго комитета 24 октября 1876 г.) хорошо поясняетъ намъ, почему именно „чиновники" обнаруживали такое усердіе къ „общественному дѣлу". „Къ счастью,—говоритъ онъ,—въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ нашлись настолько просвѣщенные и причастные всенародному чувству начальники, что они безъ труда разрѣшили мѣстнымъ жителямъ учреждать особые кружки для сбора пожертвованій". Словомъ, были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы дать картину ши-

*) См. „Дневникъ" ген. Газенкампфа — стр. 469—72, разговоръ съ полк. Катаржи, дядей сербской королевы, тогда княгини, Натальи.

*) Татищевъ, „Александръ II".

рокаго общественнаго движенія, увлекающаго за собою и правительство какъ бы противъ его воли. Одновременно славянскій комитетъ энергично велъ и военно-финансовую сторону дѣла. Черезъ его кассы прошло болѣе полутора милліона рублей на нужды балканскаго возстанія, не считая суммъ отправленныхъ подъ его вліяніемъ непосредственно въ Черногорію, Герцеговину и Сербію *). Офиціально, всѣ эти деньги имѣли „благотворительное“ назначеніе—должны были идти въ пользу пострадавшихъ отъ турецкихъ звѣрствъ, раненыхъ и т. п. Но какъ мало этимъ стѣснялись даже офиціально, показываетъ, напр., такая графа въ отчетѣ славянскаго комитета: „устройство военно-походнаго телеграфа въ Сербіи—9.007 р. 18 коп.“ Аксаковъ не хвасталъ, когда говорилъ, въ той же рѣчи, что „общество — „точнѣе самъ народъ“, спѣшилъ онъ оговориться, еще точнѣе слѣдовало бы сказать „славянскій комитетъ“—„вело войну“ съ Турціей. Онъ только не правъ былъ, когда утверждалъ, что это дѣлалось „безъ всякой помощи государственной организаціи“. Косвенная помощь помимо всего, указаннаго выше, была хотя бы уже въ томъ, что правительство не мѣшало открытому существованію въ Москвѣ, при комитетѣ, форменнаго вербовочнаго бюро, для набора добровольцевъ въ сербскую армію. Но людей русское общество дало, относительно, гораздо меньше, чѣмъ денегъ. Черезъ славянскій комитетъ было завербовано 1176 человѣкъ, а всего русскихъ добровольцевъ въ Сербіи, по самымъ оптимистическимъ разсчетамъ, считали до 6 тысячъ. Это была капля въ морѣ противъ стотысячной турецкой арміи. Шли преимущественно отставные военные, офицеры и солдаты, нерѣдко помнившіе еще Севастополь. Не мало было бродячаго люда, искавшаго просто даровыхъ хлѣбовъ: среди этой части находились и такіе, которые въ пьяномъ видѣ разстрѣливали самихъ же „братьевъ славянъ“, какъ объ этомъ съ горечью разсказывалъ самъ ген. Черняевъ. Но шла и зеленая молодежь, сбитая съ толку шумихой фразъ объ „освобожденіи угнетенныхъ“ и о „всеславянскомъ дѣлѣ“. Эти возвращались изъ Сербіи, по большей части, горько разочарованными.

Въ этомъ разочарованіи всего меньше повинны были сами сербы. Въ Сербіи и слѣда не было даже того, на три четверти искусственнаго, одушевленія, какое можно было наблюдать въ Россіи. Сербскій крестьянинъ, мирный скотоводъ и земледѣлецъ и не думалъ о томъ, что его гдѣ-то считаютъ „юнакомъ“, только и мечтающимъ о томъ, чтобы сложить голову въ бою съ невѣрными. Между тѣмъ, сербская армія почти сплошь состояла изъ такихъ крестьянъ, взятыхъ прямо отъ сохи и совершенно необученныхъ, ибо въ Сербіи постоянной арміи не было, существовала милиціонная система въ самомъ зачаточномъ видѣ. Турецкія регулярныя войска во всѣхъ отношеніяхъ превосходили эту нестройную толпу и только полной неподготовленностью турокъ, по обы-

*) Напр., одно петербургское кредитное общество переслало ген. Черняеву 100 тыс. рублей.

кновенію очень медленно раскачивавшихся, объясняются первые успѣхи, вскружившіе голову ген. Черняеву и его кружку. Какъ только турецкому правительству удалось сосредоточить на театрѣ войны достаточныя силы, Черняеву очень быстро пришлось перейти отъ наступленія къ оборонѣ, а скоро онъ оказался не въ силахъ даже и обороняться. 17 октября 1876 г. сербская армія была на голову разбита подъ Дьюнишемъ, и дорога на Бѣлградъ была открыта передъ турками. Самъ Черняевъ долженъ былъ признать, что дальше вести войну невозможно. Попытка справиться съ „умирающимъ Османомъ" руками самихъ балканскихъ славянъ терпѣла полную неудачу.

Логическимъ выводомъ изъ этой неудачи было бы непосредственное вмѣшательство самой Россіи въ войну,—на что, какъ мы видѣли, и разсчитывало сербское правительство. Но неожиданно обнаружившаяся сила „умирающей" Турціи сильно обезкуражила дипломатію Аничковскаго дворца. Недавно надѣявшаяся, что достаточно будетъ посылки въ Сербію нѣсколько тысячъ русскихъ добровольцевъ, она скептически относилась теперь даже къ возможности поправить дѣло путемъ отправки туда двухъ русскихъ дивизій, на чемъ очень настаивалъ князь Миланъ *). Послѣдствія показали, что это былъ очень здоровый скептицизмъ: для того, чтобы справиться съ Турціей, оказалось мало даже шести армейскихъ корпусовъ, а не только что двухъ дивизій. Но въ первую минуту положеніе было весьма неловкое. На требованіе русскаго правительства—заключить перемиріе съ Сербіей на шесть недѣль, Порта, правда, тотчасъ же отвѣтила согласіемъ: она тоже еще не чувствовала себя готовой къ войнѣ съ Россіей. Но являлся вопросъ, что же дѣлать дальше? Шагъ, на который рѣшился Александръ Николаевичъ непосредственно послѣ извѣстія о Дьюнишской катастрофѣ, показываетъ, какимъ затруднительнымъ казалось ему положеніе Россіи: онъ обратился къ посредничеству Англіи, предложивъ ей созывъ обще-европейской конференціи по балканскимъ дѣламъ. Тонъ, которымъ говорилъ императоръ съ англійскимъ посломъ по этому поводу, поражалъ своей трезвостью послѣ фанфаронадъ славянскаго комитета и даже послѣ офиціальныхъ заявленій русской дипломатіи въ предшествующіе мѣсяцы. Александръ II увѣрялъ своего собесѣдника, что „пока еще нѣтъ и рѣчи о признаніи Румыніи и Сербіи независимыми королевствами", а что провозглашеніе королемъ Милана произошло безъ вѣдома Россіи. Что русское правительство, далекое отъ того, чтобы поощрять „лихорадочное возбужденіе" въ Россіи, на которое жаловался англійскій посолъ, наоборотъ, стремилось, будто бы, „пустить въ него струю холодной воды", и что теперь, впрочемъ, возбужденіе уже утихаетъ. Въ особенности императоръ старался отклонить отъ себя подозрѣніе въ какихъ бы то ни было завоевательныхъ замыслахъ. „Россіи приписы-

*) Не добившись этого, онъ поспѣшилъ заключить миръ съ Турціей.

ваютъ намѣреніе,—сказалъ онъ,—покорить въ будущемъ Индію и завладѣть Константинополемъ. Есть ли что нелѣпѣе этихъ предположеній? Первое изъ нихъ совершенно неосуществимо, а что касается до второго, то я снова подтверждаю, самымъ торжественнымъ образомъ, что не имѣю ни этого желанія ни этого намѣренія". Въ томъ, что онъ не намѣренъ брать Константинополь, Александръ Николаевичъ поручился даже своимъ честнымъ словомъ.

Для Англіи и руководимой ею Турціи ничего не могло быть пріятнѣе предложенія русскаго императора, прежде всего потому уже, что послѣдняя получала отсрочку въ нѣсколько мѣсяцевъ на окончаніе своихъ вооруженій. Конференція собралась въ Константинополѣ 11 декабря и, по обычаю всѣхъ подобныхъ совѣщаній, выработала программу реформъ, которыя должна была провести Турція въ христіанскихъ областяхъ Балканскаго полуострова. Программа шла нѣсколько дальше требованій, предъявленныхъ Андраши въ 1875 году: именно, административная автономія, которая тамъ глухо подразумѣвалась, здѣсь была поставлена совершенно опредѣленно. Отдѣльныя области получали выборныя областныя собранія, и губернаторы ихъ должны были назначаться съ согласія великихъ державъ. Но Турція не стала даже входить въ подробное обсужденіе того, что ей предлагалось: турецкіе уполномоченные на конференціи отвѣтили, что такъ какъ Оттоманская имперія теперь есть держава конституціонная (конституція была провозглашена въ Турціи 23 декабря 1876 г.), то всѣ подданные султана, безъ различія исповѣданій, пользуются одинаковыми правами и гарантіями. Младо-турецкое движеніе на минуту рѣшительно взяло верхъ, и торжество его не могло означать ничего иного, кромѣ войны съ Россіей,—противъ которой оно было направлено обѣими своими сторонами, и поскольку младотурки были націоналистами, и поскольку они были западниками. Конференція разошлась 8 января 1877 г., ничего не достигнувъ. Россіи оставалось на выборъ—воевать или отступить и тѣмъ, конечно, потерять всякій кредитъ въ глазахъ балканскихъ славянъ. Александръ II и теперь еще колебался. Повидимому, на него чрезвычайно сильно подѣйствовали заявленія министра финансовъ, Рейтерна,—на совѣщаніи въ Ливадіи, осенью 1876 года, когда впервые вопросъ о войнѣ былъ поставленъ дѣловымъ образомъ: Рейтернъ доказывалъ, что война была бы финансовой нелѣпостью и должна привести къ государственному банкротству. На одной депешѣ русскаго посла въ Берлинѣ, гдѣ говорилось, что война „могла бы помѣшать преуспѣянію Россіи, пріостановить преобразованія въ ней, нанести ударъ ея богатству, ея развитію", императоръ написалъ: „это-то и заставляетъ меня ея бояться". Но вліянію наслѣдника, вѣроятно, удалось бы разсѣять это опасеніе Александра Николаевича: было другое обстоятельство, удерживавшее не только императора, но и „партію дѣйствія" въ Аничковскомъ дворцѣ. Для Австріи не прошла незамѣченной перемѣна настроенія,

обнаруженная русскимъ правительствомъ послѣ Дьюниша, и она ее немедленно учла: теперь она требовала гораздо болѣе высокой платы за свое содѣйствіе и ставила несравненно болѣе тягостныя условія. Ей нужно было отдать теперь всю Боснію и всю Герцеговину, и при этомъ еще обязаться—не распространять театра военныхъ дѣйствій на сосѣднія съ Австріей области, т.-е. отказаться отъ непосредственнаго содѣйствія Сербіи и Черногоріи. Минутами вѣнскій кабинетъ дѣлалъ даже видъ, что онъ вообще удивляется намѣренію Россіи вести войну на Балканскомъ полуостровѣ,—такъ какъ рейхштадтское соглашеніе предусматривало будто бы только военныя дѣйствія въ Азіатской Турціи. Наоборотъ, о военномъ содѣйствіи Россіи со стороны Австріи (въ формѣ, напр., одновременнаго вступленія русскихъ войскъ въ Болгарію, а австрійскихъ въ Боснію),—на что у насъ надѣялись довольно твердо, теперь не было и рѣчи. Переговоры принимали временами такой характеръ, что однажды у кн. Горчакова вырвалась фраза: „Австрія смѣшиваетъ, повидимому, дружественный нейтралитетъ съ враждебнымъ“. Попытка вызвать посредничество Германіи ни къ чему не привела: Бисмаркъ, который могъ теперь съ большимъ удовольствіемъ созерцать плоды своей политики, заявилъ, что на поддержку „прусскихъ батальоновъ“ въ восточномъ вопросѣ Россія отнюдь не должна разсчитывать. Россія, такимъ образомъ, была выдана головою „коварному врагу“ славянства... Пришлось согласиться на всѣ требованія австрійцевъ: 3 января 1877 г. была заключена русско-австрійская конвенція на условіяхъ, предложенныхъ Австріей. Нѣтъ ничего мудренаго, что и послѣ этого Александръ Николаевичъ предпринялъ еще попытку добиться мирнаго исхода дѣла. Игнатьевъ, который по своей должности являлся козломъ отпущенія за всѣ русскія неудачи на ближнемъ Востокѣ, отправился въ круговую поѣздку по европейскимъ дворамъ, хлопоча о вторичномъ вмѣшательствѣ державъ въ балканскій кризисъ. Державы не отказались подписать еще одинъ протоколъ, который имѣлъ судьбу всѣхъ предшествующихъ. Тѣмъ временемъ, часть русской арміи была мобилизована уже съ осени 1876 года и понемногу стянута въ Бессарабію. Одинъ изъ младшихъ братьевъ императора, великій князь Николай Николаевичъ, назначенный главнокомандующимъ, уже съ ноября жилъ въ Кишиневѣ, гдѣ была главная квартира дѣйствующей арміи. Содержаніе нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ на военной ногѣ въ финансовомъ отношеніи почти стоило войны. Конвенція 3 января, какъ-никакъ, все же обезпечивала тылъ и фланги русской арміи—отъ повторенія печальнаго опыта дунайской кампаніи 1854 года она была нѣсколько застрахована. Неудача миссіи Игнатьева рѣшила дѣло: 12 апрѣля 1877 года Александръ II, лично прибывши въ Кишиневъ, подписалъ тамъ манифестъ, возвѣщавшій его подданнымъ, что русскимъ войскамъ приказано вступить въ предѣлы Турціи.

3*

3. Война 1877—78 гг.

Въ воспоминаніяхъ участниковъ русско-турецкой войны поражаетъ одна характерная черта: они никакъ не могли отдѣлаться отъ призрака севастопольской кампаніи, докучливо возвращавшагося при каждомъ удобномъ случаѣ. Идетъ ли между чинами императорской свиты рѣчь о разныхъ непорядкахъ въ арміи— „крымская война насъ недостаточно выучила", прибавляетъ большинство разсказчиковъ. Жалуются ли на медленность сообщеній — „въ прошлую крымскую войну безобразія до такого размѣра не доходили". Одолѣвалъ ли припадокъ пессимизма самого императора, — онъ начиналъ говорить, „что опасается умереть во время этой войны, какъ умеръ императоръ Николай I", и дѣлалъ, по этому случаю, „разныя сопоставленія и сближенія".

Эта навязчивая идея имѣла подъ собою болѣе глубокое основаніе, чѣмъ могло казаться самимъ собесѣдникамъ. Параллели съ крымской войной оправдывались не только тѣмъ, что въ кампаніи 1877 года не рѣдкостью были моменты, способные воскресить унылое настроеніе Меншикова послѣ Инкермана: и даже не только тѣмъ, что сама война была воскрешеніемъ тѣхъ же плановъ, которые привели въ свое время Николая Павловича къ Севастополю. Благодаря войнѣ 1877 года, на одномъ яркомъ примѣрѣ лишній разъ вскрылась та истина, съ различными проявленіями которой мы уже неоднократно встрѣчались на этихъ страницахъ: что Россія семидесятыхъ годовъ вовсе не такъ сильно отличалась отъ николаевской Россіи, какъ это можно было думать, судя по „великимъ реформамъ". Типъ общественныхъ отношеній остался тотъ же, а такъ какъ армія есть часть общества, то и армія, съ которою Александръ Николаевичъ шелъ „освобождать славянъ", не такъ уже сильно отличалась отъ арміи, съ которою его отецъ начиналъ крымскую кампанію.

„Реформы" и здѣсь были, повидимому, огромны. Во главѣ военнаго вѣдомства въ продолженіе почти всего царствованія Александра II стоялъ одинъ изъ образованнѣйшихъ генераловъ русской арміи, родной братъ Николая Милютина,— Д. А. Милютинъ. Отчасти по его почину, а отчасти еще и ранѣе, былъ употребленъ цѣлый рядъ усилій, чтобы сдѣлать русскія войска вполнѣ „европейскими", — вполнѣ способными защищать честь и достоинство своей страны въ борьбѣ съ любой западной державой. Европеизація русской арміи началась, какъ это часто у насъ бывало, съ покроя одежды: уже вскорѣ послѣ Севастополя русскій солдатъ получилъ новый мундиръ французскаго образца, съ сохраненіемъ только традиціоннаго темнозеленаго цвѣта, и легкое французское „кепи" смѣнило тяжелую каску николаевскаго времени. Потомъ пошли болѣе серьезныя преобразованія. Уже ко времени польскаго возстанія 1863 года почти вся русская пѣхота была перевооружена нарѣзнымъ ружьемъ. Нарѣзная артиллерія была усвоена тотчасъ же, какъ только она по-

явилась на Западѣ: въ томъ же 1863 году въ Польшѣ дѣйствовало уже нѣсколько нарѣзныхъ батарей,—въ то время какъ большая часть батарей прусской, напримѣръ, арміи, стоявшей наканунѣ своихъ блестящихъ успѣховъ 1866 года, имѣла еще старыя, гладкостѣнныя орудія. Послѣ австро-прусской войны 1866 года у насъ немедленно вводятся заряжающіяся съ казны ружья и пушки. Далѣе, организація арміи принимаетъ также европейскій видъ; прежняя николаевская рекрутчина сначала ослабляется,—путемъ сокращенія срока службы съ 25 до 15 лѣтъ, при чемъ еще большая часть солдатъ увольнялась въ безсрочный отпускъ ранѣе и этого времени, а въ 1874 году вводится, по прусскому образцу, и всеобщая воинская повинность, съ шестилѣтнимъ срокомъ дѣйствительной службы. При укоренившейся привычкѣ публики всѣ „реформы“ разсматривать подъ однообразнымъ угломъ зрѣнія, у насъ и во всеобщей воинской повинности многіе не прочь были видѣть нѣкоторый „высшій смыслъ“; но само военное начальство не скрывало, въ своей мотивировкѣ этого преобразованія, что оно преслѣдовало гораздо болѣе прозаическую цѣль — по возможности увеличить количество обученныхъ людей, которые могли бы быть призваны подъ знамена въ случаѣ войны, при возможномъ, въ то же время, уменьшеніи наличнаго состава постоянной арміи. Параллельно съ этимъ сокращеніемъ срока службы ослабляется и ея тяжесть: тѣлесныя наказанія, такъ процвѣтавшія въ николаевской арміи, были, по крайней мѣрѣ юридически, сведены до минимума еще въ 1863 году. Ручная расправа и послѣ этого, конечно, сохранилась: кромѣ художественнаго свидѣтельства Гаршина существованіе ея еще и въ гораздо болѣе позднее время офиціально засвидѣтельствовано извѣстнымъ приказомъ Драгомирова, начинавшимся словами—„въ нѣкоторыхъ частяхъ дерутся“. Но русскій солдатъ могъ себя утѣшить тѣмъ, что его бьютъ теперь не по закону, а по обычаю. Кромѣ того, военное начальство принимало и косвенныя мѣры къ прекращенію этого явленія, путемъ поднятія нравственнаго и умственнаго уровня офицерства. Военная бурса кадетскихъ корпусовъ, гдѣ все воспитаніе держалось на розгѣ, а центромъ обученія была фронтовая выправка, была упразднена—вмѣсто корпусовъ появились военныя гимназіи, съ довольно широкой общеобразовательной программой, и гдѣ вовсе не учили фронту, а тѣлесныя наказанія отсутствовали. Кромѣ того, институтъ „вольноопредѣляющихся“, созданный всеобщей воинской повинностью, давалъ надежду, что ряды офицерства все болѣе и болѣе будутъ пополняться образованными молодыми людьми изъ общества—чѣмъ кастовый духъ военнаго сословія, со всѣми его отрицательными сторонами, самъ собою будетъ все болѣе и болѣе ослабляться. Наконецъ, чтобы поднять уровень спеціально военнаго образованія, прохожденіе высшей военной школы сдѣлано было непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшей карьеры: командиромъ „отдѣльной части“ могъ

быть назначенъ только офицеръ, окончившій курсъ одной изъ военныхъ академій—своего рода военнаго университета. Чѣмъ, казалось, навсегда устранялась возможность существованія полуграмотныхъ генераловъ и полковниковъ, столь изобильныхъ въ николаевской арміи.

Все это, начиная отъ „кепи" и кончая образованнымъ офицерствомъ, придавало арміи, дѣйствительно, довольно европейскую наружность, пріятно поражавшую европейскихъ наблюдателей при первомъ ихъ соприкосновеніи съ русскими войсками. Корреспондентъ Times'а, впервые увидавъ въ Румыніи русскую кавалерію, готовъ былъ признать ее „лучшей кавалеріей въ Европѣ",—а онъ былъ свидѣтелемъ франко-прусской войны. Но именно кавалерія и даетъ намъ первый случай вскрыть то, къ сожалѣнію мало-европейское, содержаніе, которое скрывалось подъ этой блестящей внѣшностью. Лошади русской конницы имѣли, дѣйствительно, очень эффектный видъ: но для достиженія этой цѣли нужно было или очень хорошо кормить лошадь или заставлять ее, по возможности, меньше работать. Стремленіе „не потерять обычныхъ сбереженій отъ цѣнъ фуража" побуждало нашихъ полковыхъ командировъ идти послѣднимъ путемъ: „сбереженіе лошади посредствомъ покоя, ей предоставленнаго, стояло иногда на первомъ планѣ",—констатируетъ офиціальное „Описаніе русско-турецкой войны 1877—78 гг.". „Неизбѣжныя упражненія клонились, вообще, болѣе въ сторону удовлетворенія смотровымъ, т.-е. парад-нымъ требованіямъ". Итакъ, на лошадяхъ ѣздили ровно настолько, чтобы обучить ихъ и самимъ обучиться парадным аллюрамъ, остальное время онѣ стояли въ конюшнѣ. Это не могло, конечно, не отразиться и на привычкѣ къ ѣздѣ и выносливости всадниковъ. Послѣ большихъ кавалерійскихъ маневровъ 1876 года офиціальный отчетъ долженъ былъ признать, что эта послѣдняя стояла у русской кавалеріи необычайно низко, въ особенности у офицеровъ. „Ослабленіе нервовъ и, вообще, утомленіе проявлялись у послѣднихъ до того, что многіе изъ нихъ безсознательно подчинялись разнаго рода галлюцинаціямъ; другіе дошли до того, что не могли дѣлать какія бы то ни было обыденныя распоряженія; и безъ преувеличенія можно думать, что въ дѣйствительности летучій отрядъ въ 600 коней по окончаніи 120-верстнаго пробѣга былъ бы не въ состояніи оказать какое-нибудь противодѣйстіе въ случаѣ нападенія даже слабаго противника; въ особенности невыносливыми оказались регулярные офицеры" *). Въ итогѣ, кавалерія оказывалась совершенно неспособной нести главную свою работу въ современной арміи—производить развѣдки, благодаря чему всѣ нападенія турокъ „всегда являлись для насъ неожиданностью", какъ горько жалуется одинъ изъ участниковъ кампаніи 1877—78 гг. Но не много лучше обстояло дѣло и съ артиллеріей, своимъ внѣшнимъ видомъ напомнившей тому же англійскому корреспонденту прус-

*) „Описаніе", т. I, стр. 180—182.

скія батареи, разгромившія нѣкогда парижскіе форты. Прежде всего, какъ ни быстро копировали мы заграничные образцы, матеріальная часть русской артиллеріи въ 1877 году оказывалась уже устарѣлой: у насъ, въ полевой артиллеріи, были только мѣдныя пушки, тогда какъ у турокъ были стальныя, допускавшія болѣе сильный зарядъ, сообщавшій, въ свою очередь, болѣе высокую начальную скорость снаряду: благодаря чему турецкія пушки (изготовленныя на заводахъ Круппа) били дальше и мѣтче русскихъ. Причиной была, повидимому, отчасти экономія—стальныя орудія стоили дороже мѣдныхъ — отчасти слѣпое поклоненіе однажды усвоенному иностранному образцу: у пруссаковъ до 1870 года пушки были тоже мѣдныя, а пруссаки опять пріобрѣли себѣ репутацію первой арміи въ мірѣ. Но въ 1870 году у противника прусской арміи артиллерія была еще хуже. А затѣмъ, опять-таки, не такъ важны были орудія, какъ тѣ, кто изъ нихъ стрѣлялъ или училъ стрѣлять: въ числѣ причинъ отсталости нашей артиллеріи въ 1877 году то же „Описаніе" отмѣчаетъ и „рутину строеваго командного состава, воспитаннаго на принципахъ употребленія гладкостѣнныхъ пушекъ и недовѣрчиво относившагося къ новымъ методамъ стрѣльбы". Оттого, вѣроятно, „упражненій въ тактикѣ огня", т. е. ученій въ обстановкѣ, по возможности, близкой къ боевой, „тогда не существовало". *) Зато было введено одно изобрѣтеніе, преслѣдовавшее оригинальную цѣль—заставить нарѣзную пушку дѣйствовать наподобіе гладкостѣнной. Послѣдняя стрѣляла круглымъ („сферическимъ") ядромъ, имѣвшимъ, по мнѣнію нашихъ старыхъ артиллеристовъ, одно драгоцѣнное свойство — оно могло рикошетировать, къ чему продолговатые снаряды нарѣзныхъ орудій были совершенно неспособны И вотъ, чтобы возстановить рикошетъ, придумали особый снарядъ (онъ назывался „шарохой"), соединявшій коническую гранату со сферическимъ ядромъ: по разрывѣ первой, послѣднее и должно было дѣлать рикошеты. Едва ли нужно говорить, что это „истинно-русское" изобрѣтеніе постигла на полѣ битвы такая же плачевная участь, какая впослѣдствіи досталась на долю другого, подобнаго же—полевой мортиры. Непригодность „шарохи" сознали, впрочемъ, еще до войны— и стали ее отбирать, но не успѣли докончить этой операціи, такъ что многія батареи пошли въ походъ съ нею.

Но кульминаціоннаго пункта возрожденіе старой, николаевской традиціи достигло не здѣсь: ея торжествомъ была тактика главнаго рода оружія,—пѣхоты. Уже неоднократно цитировавшееся нами офиціальное „Описаніе русско-турецкой войны" въ одномъ мало замѣтномъ подстрочномъ примѣчаніи вскрываетъ необыкновенно любопытный фактъ. „послѣднія до войны правила ученія пѣхоты съ артиллеріей изданы были въ 1857 году, то-есть до введенія нарѣзныхъ орудій; далѣе, войска пошли на новую войну 1877—78 годовъ съ „Полевымъ уставомъ",

*) Ibid., стр. 190 и 194.

изданнымъ еще до крымской войны, а также безъ общеобязательной боевой инструкціи" *). Авторъ отмѣчаетъ рядомъ съ этимъ, что „правила о смотрахъ и парадахъ" зато были очень свѣжія: послѣднее изданіе ихъ относилось къ 1872 году, и съ тѣхъ поръ они постоянно пополнялись и развивались; это, конечно, очень характерно. Но еще характернѣе, что новое вооруженіе пѣхоты ея начальство, видимо, разсматривало, какъ своего рода грѣхопаденіе,—какъ въ высшей степени обидную для чести русскаго національнаго оружія уступку „дурѣ-пулѣ" того, что по праву принадлежало „штыку-молодцу". Стрѣльбу изъ новаго нарѣзного и казнозаряднаго оружія по возможности старались приблизить къ тому идеалу, который представляло собою старое гладкостѣнное, съ дула заряжавшееся, ружье. „Господствовавшія въ войсковыхъ сферахъ и русской военной литературѣ идеи не были благопріятны использованію отличительныхъ качествъ новаго оружія: дальнобойности и скорострѣльности". Въ распоряженіи русской арміи уже находился тогда самый совершенный типъ ручного оружія, какой только существовалъ вообще въ то время (до принятія магазинокъ): винтовка Бердана. Но перевооруженіе ею пѣхоты, въ принципѣ рѣшенное еще въ 1872 году, двигалось крайне медленно—и „Описаніе" даетъ этому вполнѣ опредѣленную причину: „предложеніе о перевооруженіи, — говоритъ оно, — было отклонено многими войсковыми начальниками" *). И въ самомъ дѣлѣ, какъ должны были отнестись эти „начальники" къ самому дальнобойному и скорострѣльному ружью своего времени, когда гораздо болѣе примитивная „Крынка" (въ сущности, „штуцеръ" 50-хъ годовъ, приспособленный послѣ 1866 года для заряжанія съ казенной части) внушала уже имъ сильнѣйшія опасенія? „Крынка" **) могла бить на 2.000 шаговъ, но ее предусмотрительно снабдили прицѣломъ только на 600, чтобы отнять у солдата искушеніе стрѣлять такъ далеко. „Нормальнымъ" же разстояніемъ признавалось 300 шаговъ — какъ разъ предѣлы досягаемости гладкоствольнаго ружья добраго стараго времени: изъ сомкнутаго строя дальше стрѣлять отнюдь не полагалось. Стрѣлкамъ въ этомъ случаѣ разрѣшались нѣкоторыя вольности—у нихъ былъ прицѣлъ на 1.200 шаговъ. Но зато „боевыя стрѣлковыя цѣпи не считались серьезной боевой силой, а скорѣе—прибавкой къ сомкнутому фронту; разсчитывалось главнымъ образомъ на огонь залпами изъ сомкнутаго фронта и *штыковой его ударъ*" ***): главнымъ оружіемъ пѣхоты въ 1877 году, какъ и въ 1853-мъ, оставалось по прежнему холодное. Оно нашло своего философа въ лицѣ очень извѣстнаго генерала Драгомирова. „Огнестрѣльное оружіе,—писалъ онъ,—отвѣчаетъ самосохраненію; холодное—самоотверженію"... „Представитель самоотверженія есть штыкъ, и только

*) Ibid., 143 примѣч.

*) Ibid., стр. 123, примѣч.

**) Она такъ называлась по фамиліи „приспособителя" чеха Крнка.

***) „Описаніе", I, стр. 174, курс. нашъ.

онъ одинъ" *). Отсюда, учить солдата стрѣлять далеко и быстро значило его морально портить и губить. И главный комитетъ по устройству и образованію войскъ совершенно послѣдовательно не только хлопоталъ объ укороченіи досягаемости новаго ружья, но и отнесся отрицательно къ проекту „ввести въ какой-либо видъ боевого огня учащенную пальбу" **). Съ этой стороны, плохое устройство ружья Крынка, изъ котораго часто трудно было извлечь выстрѣленный патронъ, являлось его несомнѣннымъ преимуществомъ: оно иногда вмѣсто нормальныхъ 10 выстрѣловъ въ минуту давало всего 2 — 3. Это было немногимъ „хуже" старой гладкостволки.

Всѣмъ вышесказаннымъ достаточно изобличается недоразумѣніе, въ которое впала въ свое время публика,—отчасти держащееся и доселѣ: будто турецкое ружье 1877 года было гораздо лучше русскаго. На самомъ дѣлѣ, турки имѣли тѣ же два типа ружья, что и мы: болѣе совершенный, соотвѣтствовавшій нашей „берданкѣ", хотя и хуже ея,—ружье Генри-Мартини, и болѣе отсталый — современникъ нашей „Крынки"—винтовку Снайдера. Вторымъ было вооружено нѣсколько болѣе 50% турецкой пѣхоты. Но у обоихъ турецкихъ типовъ прицѣлъ былъ нормальный, т. е. они не были сознательно испорчены, и турецкихъ солдатъ учили стрѣлять на такую дистанцію, на какой только ихъ ружья могли достать непріятеля. Вполнѣ естественно, что въ бою наши войска несли огромныя потери отъ турецкаго огня на такомъ разстояніи, на которомъ нашъ огонь былъ для турокъ совершенно безвреденъ. Въ довершеніе несчастія, первое же крупное дѣло въ кампанію 1877 года,—переправа черезъ Дунай 15 іюня—какъ будто подтвердило тактику ген. Драгомирова, руководившаго этой операціей. Передъ этимъ боемъ солдатамъ всячески внушали „беречь патроны"—и послѣ боя особеннаго, демонстративнаго одобренія удостоивались тѣ, у кого патронныя сумки оказались полными, или почти полными. Что турокъ было здѣсь впятеро менѣе, чѣмъ русскихъ, и что они, притомъ, были застигнуты врасплохъ — этого, конечно, никто не захотѣлъ принять во вниманіе. Подъ Плевной 8 и 18 іюля и 30 августа дѣйствовали по тому же принципу—и результатомъ былъ полный разгромъ.

Какъ видимъ, образованность отдѣльныхъ исполнителей нисколько не мѣшала господству реакціонныхъ тенденцій въ военномъ дѣлѣ: Драгомировъ, профессоръ военной академіи и талантливый писатель, конечно, не „по невѣжеству" придерживался своей философіи штыка. Извѣстныя общественныя условія съ непреодолимой силой опредѣляли извѣстную тактику, какъ и соотвѣтствующую организацію центральнаго или мѣстнаго управленія. Но нужно сказать, что философія штыка и не требовала въ среднемъ, отъ массы исполнителей, особенно высокаго умственнаго уровня. Военныя гимназіи, а тѣмъ болѣе воен-

*) Изъ письма Д. къ одному германскому генералу. „Рус. Стар." 1908, мартъ.

**) „Описаніе", ib. стр. 165.

ныя академіи, были тутъ, пожалуй, излишней роскошью: и высшія командныя мѣста въ 1877 году занимали, по большей части, или бывшіе николаевскіе офицеры, дослужившіеся до генеральскихъ чиновъ, или питомцы привилегированнаго учебнаго заведенія, которое во всѣ эпохи и царствованія оставалось вѣрно себѣ,—Пажескаго корпуса. „Одно время,—писалъ изъ Болгаріи докторъ Боткинъ, насмотрѣвшись на свиту Александра II,—судя по программѣ и по предметамъ, которые тамъ проходятся, я былъ недурнаго мнѣнія объ этомъ заведеніи, но теперь, познакомившись поближе съ этими своего рода семинаристами, я поражаюсь недостаткомъ развитія; вѣдь есть между ними и неглупые, и даже такіе, которые помнятъ все то, чему ихъ учили, но къ жизни это не прилагается, остается какимъ-то совершенно побочнымъ, ненужнымъ матеріаломъ въ головѣ; живутъ они по катехизису, составленному частью ихъ няньками, частью наемными гувернерами, отчасти ихъ дѣдами". Но тутъ, конечно, дѣло было не въ учебномъ заведеніи, напротивъ, оно приспособлялось къ общему тону. „Вглядываясь въ нашихъ военныхъ, особенно старшихъ, — пишетъ тотъ же докторъ Боткинъ въ другомъ мѣстѣ,—такъ рѣдко встрѣчаешь человѣка съ спеціальными свѣдѣніями, любящаго свое постоянное дѣло; большая часть изъ нихъ знакомы только съ внѣшней стороной своего дѣла — проскакать бойко верхомъ, скомандовать: „направо, налѣво" да и баста! Много ли изъ нихъ такихъ, которые слѣдятъ за своей наукой, изучаютъ свое дѣло? Военный человѣкъ въ извѣстномъ чинѣ—это у нихъ есть самое пріятное, свободное положеніе человѣка, дающее ему право заниматься всѣмъ, чѣмъ хочетъ. Наиболѣе порядочные изъ нихъ отлично занимаются своимъ собственнымъ дѣломъ, устраиваютъ имѣнья, читаютъ газеты, литературныя произведенія, посѣщаютъ театры и пр., удовлетворяясь по военной спеціальности только тѣмъ, что пріобрѣли въ школѣ" *).

Исходъ русско-турецкой войны былъ заранѣе предрѣшенъ соотношеніемъ силъ обѣихъ сторонъ. Въ то время какъ турки, при крайнемъ напряженіи, смогли мобилизировать къ началу кампаніи только 494.000 человѣкъ, на добрую треть почти необученныхъ, Россія, начиная войну, располагала 1.474.000 вполнѣ обученныхъ солдатъ. Единственный союзникъ, на котораго Турція могла разсчитывать, Англія, на сухомъ пути былъ крайне слабъ: Австрія же, которую въ публикѣ считали другимъ союзникомъ турокъ, на самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ, въ силу секретной конвенціи 3 января 1877 года, была союзницей Россіи, хотя и на весьма тяжелыхъ для послѣдней условіяхъ. Россіи война только угрожала еще государственнымъ банкротствомъ, по словамъ ея министра финансовъ. Для Турціи же частичное банкротство было совершимся фактомъ: уже съ 1876 года она платила лишь часть процентовъ по государственнымъ долгамъ, при-

*) Письма С. П. Боткина изъ Болгаріи 1877 г., стр. 316 и 138.

числяя остальное къ капиталу. Словомъ, можно было сомнѣваться—и нѣкоторые сомнѣвались съ самаго начала—дадутъ ли Россіи воспользоваться плодами ея побѣды, но въ непосредственномъ успѣхѣ на полѣ битвы сомнѣваться не приходилось. Вопросъ былъ только въ томъ, чего этотъ успѣхъ будетъ стоить.

Въ публикѣ было очень распространено убѣжденіе, что русскіе военныя сферы отнеслись къ этому вопросу очень легкомысленно. На походъ къ Константинополю смотрѣли, будто бы, какъ на увеселительную прогулку. Турокъ, какъ противника, не ставили ни во что— и поэтому назначили для похода въ Болгарію несоотвѣтственно малыя силы. Главнымъ виновникомъ здѣсь общественное мнѣніе считало Игнатьева, вводившаго систематически военныя власти въ заблужденіе насчетъ количества и качества турецкихъ войскъ. Что Игнатьевъ былъ большимъ оптимистомъ въ вопросѣ о борьбѣ съ турками, это не подлежитъ сомнѣнію. Но къ веснѣ 1877 года для знакомства съ тѣмъ, что представляла собою турецкая армія, не было уже никакой надобности въ игнатьевскихъ донесеніяхъ. Цѣлый рядъ русскихъ офицеровъ— преимущественно гвардейцевъ, изъ кружковъ, близкихъ къ Аничковскому дворцу, имѣли случай непосредственно наблюдать эту армію, участвуя въ качествѣ добровольцевъ въ сербско-турецкой войнѣ. Они весьма наглядно могли убѣдиться, что у турокъ солдатъ достаточно, и что эти солдаты вовсе не такъ уже плохи. Если въ первоначальномъ планѣ кампаніи, составленномъ въ первой половинѣ осени 1876 года, и можно найти, дѣйствительно, довольно много легкомыслія, то въ окончательномъ проектѣ этого плана, представленномъ Милютинымъ императору въ мартѣ 1877 года, дѣло ставилось вполнѣ серьезно, и расчетъ турецкихъ силъ былъ весьма близокъ къ дѣйствительности. По первому изъ этихъ проектовъ—оба они составлены однимъ и тѣмъ же лицомъ, генераломъ Обручевымъ, о которомъ будетъ еще рѣчь дальше — русскія войска должны были „перейти Дунай, такъ сказать, мгновенно, затѣмъ разомъ очутиться за Балканами“ и остановиться не ранѣе Адріанополя, при чемъ для всего этого признавалось достаточнымъ 5 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ дивизій съ нѣкоторымъ количествомъ казаковъ, т. е. всего 60—70 тысячъ человѣкъ. Но это было написано до Дьюниша,—когда сербскія войска еще стояли въ полѣ и оттягивали на себя большую половину турецкихъ силъ, находившихся на Балканскомъ полуостровѣ. Затѣмъ, турецкая мобилизація къ этому времени далеко не была еще закончена, вѣрнѣе, только что начиналась. Полгода спустя тотъ же авторъ уже находилъ, что „для рѣшительнаго веденія войны на европейско-турецкомъ театрѣ“ необходимо до 300 тысячъ человѣкъ: силы, которыя позже, къ осени, дѣйствительно, и пришлось тамъ сосредоточить. Силы противника при этомъ онъ опредѣляетъ на томъ же театрѣ, приблизительно въ 160.000 чел.: въ дѣйствительности турки имѣли въ восточной части полуострова, между

Дунаемъ и Константинополемъ, 189.000; ошибка была, какъ видимъ, не очень велика. Словомъ, вступая въ Болгарію, русское военное начальство видѣло,—во всякомъ случаѣ, могло видѣть—обстановку передъ собой довольно отчетливо. Скорѣй его можно обвинить въ томъ, что оно преувеличивало трудности похода, чѣмъ въ томъ, что оно ихъ уменьшало. Мечтая о „всеславянскомъ союзѣ“, у насъ не очень заботились изучить географію тѣхъ странъ, которыя должны были въ него входить. Главнымъ пособіемъ нашего штаба оказались поэтому двѣ австрійскія карты, одна, составленная извѣстнымъ путешественникомъ Каницомъ, другая офиціальная. Обѣ эти карты „оказались впослѣдствіи далеко не полными, особенно въ части средней Болгаріи, занятой русскими войсками вскорѣ послѣ переправы черезъ Дунай у Систова“ *). Плохо зная театръ войны, мы сочиняли себѣ воображаемыя трудности и, готовясь ихъ преодолѣть, затрудняли себѣ работу уже вполнѣ реально. Такъ, у насъ придавали очень большое значеніе, какъ оборонительнымъ линіямъ, Дунаю и Балканамъ: оттого „переходъ черезъ Дунай“, „пероходъ черезъ Балканы“ и встрѣчались русскою публикой съ такимъ энтузіазмомъ. На самомъ дѣлѣ, линія Дуная, какъ въ этомъ достаточно убѣждала исторія всѣхъ русско-турецкихъ войнъ, начиная со временъ Екатерины II, никогда не представляла для наступающей съ сѣвера арміи серьезнаго препятствія, а на этотъ разъ турки даже и не собирались держаться на ней. Согласно выработанному ими операціонному плану рѣшительное столкновеніе съ русскими войсками должно было произойти уже по ту сторону Дуная, въ Болгаріи. Большее значеніе турецкіе стратеги придавали линіи Балканъ, но въ этомъ случаѣ они ошибались — и должны были убѣдиться въ своей ошибкѣ очень скоро: линія Балканъ была прорвана русскими, въ іюлѣ 1877 года, еще легче, чѣмъ линія Дуная. Этого и нужно было ожидать при хорошемъ знаніи мѣстности: Балканскія горы, крутыя и отвѣсныя съ юга, съ сѣвера поднимаются довольно отлогими террассами и, сравнительно, легко доступны, особенно среди лѣта; къ тому же въ Балканскомъ хребтѣ „не было почти ни одного перевала, по побочнымъ тропамъ котораго пѣхота не могла бы пробраться въ тылъ обороняющагося“ *). Но еще больше затрудненій создалъ себѣ русскій штабъ организаціей продовольствія арміи. Предполагалось, что угнетаемая турками Болгарія разорена и опустошена до послѣдней степени, такъ что и само населеніе въ ней еле можетъ просуществовать, не говоря уже о двухстахъ тысячахъ русскихъ солдатъ. Поэтому за русской арміей слѣдовалъ огромный и въ высшей степени тяжелый обозъ, который въ бездорожной странѣ былъ настоящимъ проклятіемъ для войскъ, и былъ заключенъ цѣлый рядъ весьма убыточныхъ контрактовъ съ разными поставщиками. А

*) „Описаніе etc“., I. стр. 26.

*) Ibid., стр. 20.

„на самомъ дѣлѣ средняя Болгарія, не говоря уже о Забалканьѣ, оказалась страною настолько богатою хлѣбомъ и скотомъ, что при правильной организаціи довольствіе арміи могло бы быть обезпечено одними мѣстными средствами“ *). Комическое изумленіе русскихъ людей, которые ожидали видѣть въ Болгаріи ободранныхъ турками до костей несчастныхъ нищихъ, — и встрѣчали крестьянъ, много болѣе сытыхъ и зажиточныхъ, чѣмъ ихъ освободители, красною чертою проходитъ черезъ всѣ мемуары объ этой кампаніи **).

Въ ближайшей связи съ этимъ разочарованіемъ стояло другое, — серьезнѣе отразившееся на чисто военной сторонѣ похода. Если теперь даже и въ славянофильскихъ кружкахъ не вѣрили уже въ возможность справиться съ турками руками однихъ балканскихъ славянъ, то все же надѣялись на ихъ помощь и были убѣждены, что вступленіе русскихъ войскъ въ Болгарію будетъ сигналомъ для поголовнаго возстанія угнетеннаго славянскаго населенія. Въ чаяніи этого, уже заранѣе, еще въ Румыніи, были сформированы кадры будущей болгарской арміи. Но „разсчетъ на активное соучастіе болгаръ совершенно не оправдался“, писалъ въ своемъ дневникѣ одинъ изъ участниковъ кампаніи въ серединѣ іюля, черезъ мѣсяцъ приблизительно послѣ вступленія русскихъ войскъ въ Болгарію. „Въ высшихъ сферахъ были убѣждены, что добровольцы повалятъ массами отовсюду: только поспѣвай формировать новыя дружины. Между тѣмъ, даже на пополненіе шести существующихъ не поступило изъ болгаръ, до сихъ поръ, ни одного человѣка“ *). Въ болгарскихъ городахъ главную квартиру встрѣчали молебствіями, привѣтственными рѣчами и цвѣтами, но дальше этого усердіе къ дѣлу освобожденія славянства не шло. Въ деревняхъ крестьянство держалось и совсѣмъ угрюмо и непривѣтливо, вызывая у нашихъ солдатъ, и даже не у однихъ солдатъ, упреки въ черствости и неблагодарности, едва ли основательные, такъ какъ эти мирные люди и не думали звать къ себѣ русскія войска. Какъ бы то ни было, тотъ фактъ, что народное возстаніе между задунайскими славянами и не думало начинаться, и болгарская армія оказалась миѳомъ, самымъ серьезнымъ образомъ ослабляли силы русской арміи, и безъ того, изъ-за финансовыхъ соображеній, разсчитанныя по самому минимальному масштабу: вмѣсто 300 тысячъ, которыя находили необходимымъ для энергическаго веденія дѣла Обручевъ и Милютинъ, за Дунай было двинуто всего около 193.000 человѣкъ, изъ которыхъ для наступленія могло быть использована не болѣе половины: остальные составили два обсерваціонные отряда, одинъ на нижнемъ Дунаѣ, другой, такъ называемый „Рущукскій“, противъ четырехугольника турецкихъ крѣпостей — Силистріи, Рущука, Шумлы и Варны.

Уже изъ этого видно, что мнѣнія

*) Ibid., 24.

**) См., напр., Боткинъ, стр. 79 и 90; Газенкампфъ, стр. 50—51.

*) „Дневникъ“ Газенкампфа, стр. 61.

и соображенія высшаго военнаго начальства вовсе не играли въ этой войнѣ руководящей роли. Иначе, можетъ быть, и самая война не имѣла бы мѣста, ибо военный министръ, настаивая на томъ, что уже если вести войну, такъ вести ее не шутя, какъ слѣдуетъ, въ то же время высказывалъ такія общія мысли. „Ни одно изъ предпринятыхъ преобразованій еще не закончено. Экономическія и нравственныя силы государства далеко еще не приведены въ равновѣсіе съ его потребностями. По всѣмъ отраслямъ государственнаго развитія сдѣланы или еще дѣлаются громадныя затраты, отъ которыхъ плоды ожидаются лишь въ будущемъ. Словомъ, вся жизнь государства поставлена на новыя основы, только еще начинающія пускать первые корни. Война въ подобныхъ обстоятельствахъ была бы поистинѣ великимъ для насъ бѣдствіемъ“ *). Но рѣшающій голосъ здѣсь, какъ и въ области финансовъ, принадлежалъ вовсе не тѣмъ, кто непосредственно завѣдывалъ дѣломъ и несъ на себѣ отвѣтственность. Какъ тамъ министръ Рейтернъ долженъ былъ взять на себя финансовую подготовку войны, которую онъ также считалъ „великимъ для насъ бѣдствіемъ“, и отвѣтственность передъ общественнымъ мнѣніемъ за ея финансовые результаты, а распоряжались казенными деньгами, фактически, совершенно другіе люди,— такъ и на полѣ битвы роль распорядителя не досталась ни тѣмъ, кто подготовлялъ армію къ войнѣ и вырабатывалъ планъ кампаніи, ни даже тѣмъ, кто непосредственно водилъ войска въ бой. Какъ и подъ Севастополемъ, рѣшающій голосъ оставилъ за собой „Петербургъ“,— заставлявшій въ свое время Горчакова давать сраженія вопреки всякой очевидности и вопреки его собственной волѣ и убѣжденію. Только теперь „Петербургъ“—и это, конечно, еще ухудшало положеніе— непосредственно присутствовалъ на театрѣ войны, при томъ даже въ двухъ изданіяхъ: въ лицѣ главной квартиры императора Александра II, проведшаго въ Болгаріи большую часть кампаніи, и въ лицѣ штаба главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича Старшаго.

Есть много основаній думать, что почетную роль главнокомандующаго въ войнѣ „за освобожденіе славянъ“, которая въ концѣ-концовъ могла быть только побѣдоносной, охотно взялъ бы на себя лидеръ высокопоставленныхъ славянофиловъ, будущій императоръ Александръ III. Но подвергать репутацію наслѣдника престола риску, хотя бы и небольшому, нашли, очевидно, неудобнымъ: притомъ же Александръ Александровичъ по военной службѣ далеко не былъ старшимъ изъ великихъ князей, а его отецъ былъ не меньшимъ поклонникомъ военной формалистики и субординаціи, чѣмъ Николай Павловичъ *). Остановились поэтому

*) Записка Милютина отъ 7 февраля 1877 года, въ приложеніи къ „Дневнику Газекампфа“.

*) „Военныя занятія и упражненія служили“ для Александра Николаевича „какъ бы отдыхомъ и развлеченіемъ“, пишетъ его біографъ. „Воскресный разводъ въ манежѣ зимою, лѣтомъ лагерный сборъ въ Красномъ селѣ, постоянные объѣзды

на такой комбинаціи: главнокомандующимъ всей дѣйствующей арміей былъ назначенъ старшій изъ сухопутныхъ генераловъ царской фамиліи, бывшій главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, вел. кн. Николай, Александръ же Александровичъ долженъ былъ стать командиромъ той изъ отдѣльныхъ армій, которая должна была увѣнчать побѣдоносную кампанію походомъ на Царьградъ. А пока, въ ожиданіи этого блестящаго конечнаго эпизода войны, великій князь наслѣдникъ согласился занять скромный — но за то и не рискованный—постъ начальника обсерваціоннаго „Рущукскаго" отряда. Обстоятельства впослѣдствіи сложились такъ, однако же, что осуществить эту комбинацію стало невозможно, не вступая въ самый рѣзкій конфликтъ съ общественнымъ мнѣніемъ всей арміи, и моральному виновнику войны 1877 года такъ и не пришлось принять въ ней виднаго участія.

Трудно сказать, какія данныя имѣлъ вел. кн. Николай для того, чтобы распоряжаться дѣйствіями двухсотъ тысячной арміи. Вблизи поля битвы онъ былъ только однажды, въ дни ранней юности: это было въ севастопольскую кампанію, подъ Инкерманомъ. По довольно обычному порядку на такого высокопоставленнаго главнокомандующаго падаетъ только почетная, представительная роль, фактически же руководитъ ходомъ военныхъ операцій другое лицо—изъ настоящихъ боевыхъ генераловъ. Такъ, во время франко-прусской войны номинально командовалъ германскими войсками самъ король Вильгельмъ—фактическимъ же главнокомандующимъ былъ его начальникъ штаба, Мольтке. Милютинъ, повидимому, разсчитывалъ на такой обычный порядокъ и въ данномъ случаѣ и усиленно рекомендовалъ въ начальники штаба Обручева, своего главнаго консультанта по стратегическимъ вопросамъ. Насколько Обручевъ оправдывалъ свою блестящую репутацію, мы лишены возможности судить, хотя впослѣдствіи его поклонники ему исключительно приписывали конечный успѣхъ кампаніи въ Малой Азіи *). Во всякомъ случаѣ, онъ принадлежалъ къ тому же типу хорошо образованныхъ русскихъ офицеровъ, какъ и самъ Милютинъ. Но у вел. кн. Николая было противъ него капитальное возраженіе—Обручевъ былъ несомнѣнный „либералъ", по крайней мѣрѣ въ прошломъ, когда онъ простеръ свою неблагонамѣренность до того, что отказался идти на войну съ польскими инсургентами (въ 1863 году), считая ее „братоубійственной". Великій князь не допускалъ и мысли

войскъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, ученья, смотры, парады, маневры наполняли, такъ сказать, жизнь государя. Онъ самъ вникалъ въ мельчайшія подробности строевой службы и военнаго быта, зналъ въ лицо всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, не только высшихъ, но часто и низшихъ, и себѣ одному предоставлялъ распоряженіе назначеніемъ на должности и производствомъ".

*) Дѣйствія русской арміи за Кавказомъ тѣсно связаны съ другимъ цикломъ событій, котораго мы здѣсь не будемъ касаться. См. о немъ ст. „Завоеваніе Кавказа".

о томъ, чтобы начальникомъ штаба при немъ былъ подобный человѣкъ: а кромѣ того онъ собирался быть главнокомандующимъ не на словахъ только, а и на дѣлѣ—непосредственно руководя всѣми дѣйствіями войскъ, до мельчайшихъ подробностей. Генералъ, имѣющій собственный взглядъ на вещи, уже по одному этому въ начальники штаба ему не годился: подысканный для этой роли Николаемъ Николаевичемъ старикъ Непокойчицкій, бездарный и безличный, всю жизнь проведшій въ военныхъ канцеляріяхъ, соотвѣтствовалъ цѣли гораздо лучше. Непокойчицкій въ одномъ былъ похожъ на Мольтке: онъ точно такъ же любилъ и умѣлъ молчать; но этимъ все сходство и ограничивалось. Молчаливость не мѣшала ему, однако же, прекрасно устраивать свои личныя, матеріальныя дѣла. Благодаря его вліянію, все продовольствіе арміи было передано въ руки товарищества, одинъ изъ главныхъ распорядителей котораго, Грегеръ, былъ „старымъ знакомымъ" Непокойчицкаго *). Пользуясь такимъ вліятельнымъ покровительствомъ, „товарищество" систематически морило голодомъ солдатъ, которыхъ выручало только изобиліе мѣстнаго провіанта да часто попадавшіе въ русскія руки турецкіе магазины. Великій князь—главнокомандующій зналъ объ этомъ, но... ничего не предпринималъ. Такъ какъ стратегическія познанія и способности Непокойчицкаго были, однако же, слишкомъ очевидно недостаточны, къ нему былъ приставленъ, въ качествѣ знатока военнаго искусства, бывшій профессоръ военной академіи Левицкій, суетливый и раздражительный человѣкъ, обладавшій, повидимому, только однимъ талантомъ—быстро становиться непопулярнымъ въ любой средѣ. Къ концу кампаніи не было человѣка, о которомъ больше ходило бы въ арміи анекдотовъ, чѣмъ о Левицкомъ—и всѣ они были одинаково мало для него лестны.

*) См. Газенкампфъ, стр. 10—11.

Не трудно себѣ представить, чѣмъ могла быть, подъ такимъ руководствомъ, главная квартира дѣйствующей арміи — руководящій центръ всей кампаніи. „Нельзя сказать, чтобы у насъ процвѣталъ порядокъ", писалъ вскорѣ послѣ перехода черезъ Дунай одинъ очевидецъ,—самъ при томъ бывшій однимъ изъ крупныхъ чиновъ этой самой главной квартиры. „Телеграфу—непосильная работа: онъ такъ заваленъ высочайшими и великокняжескими депешами, что даже служебныхъ телеграммъ не можетъ передавать своевременно... Приказанія посылаются безъ соображенія съ временемъ, необходимымъ для полученія и исполненія. Масса лицъ, состоящихъ безъ опредѣленныхъ занятій при обѣихъ главныхъ квартирахъ *), только мѣшаетъ тѣмъ немногимъ, которые обременены дѣломъ выше головы. А между тѣмъ, тѣхъ управленій, которыя нужны для правильнаго и безостановочнаго хода дѣла, нѣтъ налицо: даже $^2/_3$ полевого штаба еще гдѣ-то позади, а полевого казначейства, управленій

*) Царской и великокняжеской.

интендантскаго, почтоваго и телеграфнаго до сихъ поръ вовсе нѣтъ“ (не забудемъ, что это пишется два слишкомъ мѣсяца спустя послѣ начала войны!). „Бивакъ главныхъ квартиръ поражаетъ отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ требованій чистоты и порядка: зады нашего бивака — чисто цыганскій таборъ. Въ нашей главной квартирѣ, за отсутствіемъ большей части органовъ полевого управленія, находящихся еще гдѣ-то позади, не организована даже правильная разсылка бумагъ и депешъ: вѣстовыхъ и разносныхъ книжекъ нѣтъ! Спѣшныя бумаги и депеши посылаются съ случайно подвертывающимися людьми, а потомъ, за суетою, забывается, съ кѣмъ послано. Но всего печальнѣе то, что высокопоставленныя лица уже свыклись съ этимъ хаотическимъ состояніемъ и считаютъ его неизбѣжнымъ“. Еще два мѣсяца спустя тотъ же наблюдатель писалъ: „Главная квартира изумляетъ многочисленностью праздношатающихся дармоѣдовъ. Народу празднаго, слоняющагося по цѣлымъ днямъ безъ всякаго дѣла и занятаго однѣми сплетнями и пересудами—видимо-невидимо... Состояніе „для порученій“ и „въ распоряженіи“ предпочитается должностямъ коммандымъ. Одинъ состоящій для порученій генералъ открыто и громко роптaлъ на свое назначеніе бригаднымъ командиромъ, какъ на незаслуженную обиду: впрочемъ, отчасти онъ былъ правъ, такъ какъ это состоялось только для того, чтобы очистить его мѣсто для другого, только что произведеннаго генерала, пользующагося большимъ фаворомъ... Одинъ изъ состоящихъ при штабѣ полковниковъ (только что произведенный) испугался, когда ему предложили стрѣлковый батальонъ и уклонился отъ этого назначенія“ *). Но съ точки зрѣнія собственной выгоды эти „праздношатающіеся дармоѣды“ разсуждали вполнѣ разумно. Во-первыхъ, „состояніе при“ было самымъ безопаснымъ состояніемъ, какое только можно было найти на войнѣ. „Твое безпокойство о томъ, что я могу подвергаться опасности отъ пуль, меня просто заставляетъ смѣяться“, писалъ своей женѣ лейбъ-медикъ Александра II, С. П. Боткинъ, вмѣстѣ со всею свитой ѣздившій на позиціи. „Не только мы—нечего и говорить обо мнѣ—но, напримѣръ, адъютанты великаго князя Николая Николаевича до сихъ поръ (24 октября), въ добрый часъ сказать, ни одной царапины не получили“ **). А въ то же время эта безопасная должность давала такое вліяніе, которому могъ бы позавидовать любой строевой генералъ. Не только адъютантовъ, простыхъ ординарцевъ, почти мальчиковъ, главнокомандующій посылалъ съ самыми серьезными порученіями; послѣ неудачи подъ Еленой, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, въ чинѣ штабъ-ротмистра, былъ посланъ производить слѣдствіе надъ проигравшими сраженіе генералами ***). Словомъ, присутствіе двора—

*) Газенкампфъ, стр. 42—44 и 120—121.

**) „Письма изъ Болгаріи“, стр. 320.

***) Званіе адъютанта великаго князя замѣняло даже спеціальныя познанія и образованіе. „Характерно, что офицеры генеральнаго штаба всегда стремятся

и даже цѣлыхъ двухъ дворовъ—на войнѣ давало всѣ тѣ результаты, какихъ можно было ожидать по всѣмъ предыдущимъ опытамъ, начиная отъ Аустерлица.

Руководимая этимъ живымъ хаосомъ армія не могла, разумѣется, выполнять никакого опредѣленнаго плана. Нѣкоторое подобіе системы можно было найти только до перехода черезъ Дунай, т.-е. въ то время, когда наши войска были еще внѣ непосредственнаго соприкосновенія съ противникомъ. Періодъ этотъ длился цѣлыхъ два мѣсяца, съ 12 апрѣля по 15 іюня, и весь былъ занятъ медленной и осторожной подготовкой къ предстоящей переправѣ. Когда этотъ первый шагъ, казавшійся, какъ мы видѣли, не совсѣмъ основательно, чрезвычайно труднымъ, удался блестяще и съ перваго же разу, всѣ сдерживающіе центры тотчасъ же перестали работать. Отступленіе турокъ, входившее, какъ мы уже говорили, въ ихъ операціонный планъ, казалось несомнѣннымъ признакомъ окончательнаго „умиранія" Османа, давно уже корчившагося въ предсмертныхъ судорогахъ на страницахъ славянофильскихъ газетъ. Спѣшили его добить, и до „первой Плевны" (8 іюля) кампанія съ нашей стороны превращается въ сплошную авантюру. Наиболѣе яркимъ ея эпизодомъ остался кавалерійскій набѣгъ за Балканы, создавшій въ первое время иллюзію, что война, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть блестяще окончена въ полтора-два мѣсяца. Небольшой передовой отрядъ генерала Гурко *), сформированный сначала „для освѣщенія мѣстности къ сторонѣ Тырнова и Сельви", весьма скоро получилъ уже приказаніе двинуться къ Балканамъ, а затѣмъ—„двинуться за Балканы, утвердиться въ долинѣ Тунджи и захватить важнѣйшіе перевалы прежде, чѣмъ непріятель успѣетъ собрать значительныя силы для ихъ защиты" **). Отрядъ въ 10.000 человѣкъ долженъ былъ выполнить то, что составляло задачу всей арміи въ теченіе всей первой половины кампаніи. Турки предполагались, при всемъ этомъ, совершенно неподвижными, въ чемъ, конечно, они очень скоро и не преминули насъ разочаровать. Сначала, стремительный маршъ „передового отряда", дѣйствительно, ошеломилъ турокъ, почти безъ боя отдавшихъ важнѣйшій изъ балканскихъ проходовъ, шипкинскій. Но уже двѣ недѣли спустя къ долинѣ Тунджи ими были стянуты силы, вчетверо превосходившія отрядъ ген. Гурко. Чтобы удержать за собою плоды лег-

уйти изъ главной квартиры куда угодно", пишетъ одинъ изъ этихъ офицеровъ, притомъ любимецъ главнокомандующаго и большой его поклонникъ. „Причина вполнѣ понятна: во всякомъ отрядѣ офицеръ генеральнаго штаба на виду и въ серьезной работѣ, а въ главной квартирѣ—совершенно заслоненъ адъютантами и ординарцами великаго князя. Имъ даются всѣ видныя и серьезныя порученія, а офицеры генеральнаго штаба или корпятъ надъ бумагами или принуждены слоняться безъ дѣла". „Дневникъ" Газенкампфа, стр. 224.

*) Одна стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе (всего 6 дружинъ) и около дивизіи конницы.

**) Изъ объяснительной записки главнокомандующаго.

Семенъ Яковлевичъ Надсонъ.

Съ портрета, [illegible] И. А. Астафьевымъ.
Съ [illegible] разрѣшенія М. В. Ватсонъ въ С. Петербургѣ.

„История России въ XIX вѣкѣ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

[illegible]

[illegible] па. Небольшой передовой отрядъ [illegible]

кихъ завоеванiй, нужно было посылать за Балканы подкрѣпленiя; но тутъ оказалось, что для этой цѣли въ распоряженiи главнокомандующаго, въ упоенiи своими побѣдами слѣдовавшаго чуть не непосредственно за „передовымъ отрядомъ", имѣется всего одна пѣхотная бригада. Въ результатѣ, только что такъ удачно занятый шипкинскiй перевалъ былъ брошенъ почти что на произволъ судьбы: и уже, конечно, не заслугой главнаго штаба было то, что онъ все-таки остался въ русскихъ рукахъ. Больше всего помогъ этому главнокомандующiй турецкой забалканской армiей Сулейманъ-паша, оказавшiйся, на наше счастье, большимъ поклонникомъ драгомировской тактики. Имѣя полную возможность обойти съ фланговъ позицiю слабыхъ русскихъ силъ на шипкинскомъ перевалѣ, онъ вмѣсто этого рѣшилъ взять ее непремѣнно фронтальными атаками, при которыхъ всѣ преимущества мѣстности были на русской сторонѣ. Благодаря этому, защитники Шипки, съ невѣроятными усилiями, продержались все-таки до того времени, пока ближайшему къ Балканамъ корпусному командиру, Радецкому, не удалось стянуть къ угрожаемому пункту большую часть своихъ войскъ. Чрезвычайно характерно, что въ эту критическую минуту мы уже ничего не слышимъ о командирѣ передового отряда, ген. Гурко, который всегда былъ на первомъ мѣстѣ, пока военное счастье было на нашей сторонѣ.

Какъ бы то ни было, Шипка была спасена. Это было тѣмъ болѣе важно, что къ этому времени (начало августа) русская армiя уже въ полной мѣрѣ испытала впечатлѣнiе человѣка, „темной ночью налетѣвшаго на стѣну", какъ очень мѣтко и образно охарактеризовалъ двѣ первыя Плевны одинъ изъ участниковъ. Мы уже знаемъ, что, благодаря особенностямъ русской кавалерiи, темная ночь постоянно висѣла вокругъ русской армiи, что создавало, между прочимъ, постоянную атмосферу нервности, всегда готовой перейти въ панику. Дня за три до перваго плевненскаго сраженiя припадокъ паники охватилъ главную квартиру самого императора: прикрывавшiй ее съ запада (со стороны Виддина, гдѣ стояла армiя Османа-паши) 9-й корпусъ бар. Крюденера четыре дня не давалъ о себѣ никакихъ извѣстiй, а въ то же время въ Систовѣ (мѣсто переправы русской армiи) померещились кому-то турки подъ самымъ городомъ. Александра Николаевича разбудили въ четвертомъ часу утра, и онъ со своимъ штабомъ долженъ былъ сдѣлать форсированный переходъ въ 20 верстъ, спасаясь отъ воображаемаго непрiятеля. Къ вечеру пришло извѣстiе, что Крюденеръ не только цѣлъ, но еще взялъ Никополь. При данной обстановкѣ это, конечно, вызвало общее ликованiе, среди котораго легко позабыли, что 9-й корпусъ былъ отправленъ брать не Никополь, устарѣвшую турецкую крѣпость, не имѣвшую никакого стратегическаго значенiя, а Плевну — главный дорожный узелъ всей западной Болгарiи. Никополь же упоминался въ данныхъ Крюденеру указанiяхъ только на второмъ планѣ — въ видѣ возможнаго дополнительнаго успѣха. Этотъ успѣхъ, довольно дешевый, такъ, однако, вскружилъ голо-

ву побѣдоносному генералу, что онъ просто забылъ о Плевнѣ, которая и была тѣмъ временемъ занята пришедшими изъ Виддина войсками Османа-паши. Само собой разумѣется, что и это движеніе турокъ было полной неожиданностью для русскихъ военачальниковъ, хотя для спеціальнаго наблюденія за Плевной и была еще ранѣе отряжена цѣлая кавалерійская бригада. Эта послѣдняя, проглядѣвъ передвиженіе турокъ, не сумѣла даже произвести рекогносцировки уже занятой турками Плевны—и часть 9-го корпуса (нѣсколько менѣе 1 дивизіи), направленная къ послѣдней Крюденеромъ, спѣшившимъ исправить свою ошибку, съ размаха буквально наткнулась на весь корпусъ Османа-паши. Послѣдній, считая, что передъ нимъ лишь авангардъ, за которымъ непосредственно слѣдуютъ болѣе крупныя силы, ограничился, однако же, отраженіемъ русскаго отряда и не перешелъ въ наступленіе. Въ распоряженіи русскихъ генераловъ оказалось 10 дней, которыми всякая другая армія воспользовалась бы, по всей вѣроятности, для того, чтобы прежде всего правильно опредѣлить размѣры неожиданно появившейся опасности. У Османа было въ это время не болѣе 30 тысячъ человѣкъ, и для наблюденія за ними было вполнѣ достаточно одного русскаго корпуса, въ крайнемъ случаѣ 3 дивизій. Повторять нападеніе на плевненскія позиціи, тѣмъ временемъ основательно укрѣпленныя турками, не было, казалось бы, никакого разумнаго основанія. Вмѣсто этого подъ Плевну было направлено почти два корпуса, но не для наблюденія, а для того, чтобы непремѣнно взять турецкія укрѣпленія штурмомъ. Исходъ этого второго плевненскаго боя (18 іюля) былъ такой же печальный, какъ и перваго: но теперь потерпѣлъ пораженіе значительный отрядъ—почти треть всей русской арміи—и положеніе послѣдней представлялось дѣйствительно рискованнымъ. Къ тому же это не была просто отбитая атака, какъ старались утѣшить себя въ русской главной квартирѣ, а настоящее пораженіе, со всѣми его моральными послѣдствіями. Охватившая войска паника была такъ велика, что толпа бѣглецовъ донеслась до самаго Систова и ломилась на лѣвый берегъ Дуная, въ Румынію: охранявшему мостъ отряду пришлось вступать съ ними чуть не въ рукопашную. Словомъ, картина очень напоминала то, что было, напримѣръ, въ Крыму послѣ алминскаго сраженія: при чемъ нашелся наслѣдникъ даже и ген. Кирьякову, въ лицѣ командира 30-й дивизіи Пузанова, который, въ коляскѣ, ускакалъ съ поля битвы впереди всѣхъ. Если бы вскорѣ послѣ этого Сулейману-пашѣ удалось прорвать съ юга линію Балканъ и подать руку плевненской арміи, русскимъ войскамъ не осталось бы ничего другого, какъ отступить обратно въ Румынію. Стойкость отряда, защищавшаго Шипку, спасла судьбу кампаніи.

Но хотя такимъ образомъ русская армія спаслась отъ крайнихъ возможныхъ послѣдствій второй плевненской неудачи, все же значеніе 18 іюля въ исторіи войны 1877 года остается громаднымъ. На цѣлыхъ

три мѣсяца, до второй половины октября (начало движенія гвардейскаго корпуса на Софію), русская главная квартира не выходитъ изъ-подъ гипноза Плевны. Всѣ цѣли кампаніи на это время радикальнымъ образомъ перестанавливаются: до конца іюля ближайшей цѣлью было завладѣніе балканскими проходами, а слѣдующей по порядку—походъ къ турецкой столицѣ. Теперь все это было позабыто ради одной единственной цѣли—взятія Плевны. Къ этому городу стягиваются всѣ вновь приходящія изъ Россіи войска, въ его окрестности переселяются обѣ главныя квартиры; русская публика привыкаетъ думать, что со взятіемъ города, о которомъ еще вчера никто ничего не слыхалъ, кромѣ спеціалистовъ, связана судьба всей войны. Между тѣмъ, плевненскій гипнозъ—какъ и полагается гипнозу—былъ чисто субъективнымъ явленіемъ. Рѣшительно ничто не мѣшало нашему главному штабу послѣдовать примѣру прусской арміи въ 1870 г., когда она пошла прямо на Парижъ, оставивъ у себя въ тылу Мецъ съ запершейся въ немъ арміей Базена, хотя у послѣдняго въ распоряженіи было до полутораста тысячъ человѣкъ,—почти половина всѣхъ германскихъ силъ, а у Османа и послѣ 18 іюля было не болѣе одного русскаго корпуса. Но пруссаки твердо выполняли тщательно выработанный планъ, а у насъ никакого плана уже не было со времени перехода черезъ Дунай, были авантюристскія похожденія, неудача которыхъ лишила главную квартиру всякаго самообладанія и всякой способности разсуждать. Противъ тридцати - сорока тысячъ турокъ, запершихся въ Плевнѣ, теперь готовы были двинуть чуть ли не больше солдатъ, чѣмъ прежде считали нужнымъ для разрушенія всей Оттоманской имперіи. Немедленно послѣ 18 іюля была предпринята обширная дополнительная мобилизація, при чемъ на театръ войны были вызваны самыя отборныя войска—гвардейскій и гренадерскій корпуса*): и все это должно было направиться къ Плевнѣ. А такъ какъ эти подкрѣпленія не могли прибыть ранѣе полутора—двухъ мѣсяцевъ, обратились, какъ это ни было непріятно, къ помощи Румыніи. Эта страна, не славянская и слишкомъ очевидно проникнутая тлетворнымъ западно-европейскимъ духомъ, не внушала ни уваженія ни симпатіи: въ войнѣ съ Турціей она была необходимымъ пособникомъ—безъ нея нельзя было пройти къ Дунаю, но сначала надѣялись использовать ее только, какъ базу, не давая активной роли румынской арміи. Теперь на эту армію—качественно гораздо лучшую, чѣмъ сербская—пришлось возложить чуть ли не главную надежду. Князь Карлъ румынскій былъ сдѣланъ командующимъ всѣмъ плевненскимъ отрядомъ (фактически вмѣсто него распоряжался генералъ Зотовъ, командиръ только что прибывшаго изъ Россіи 4-го корпуса). Къ концу августа вмѣстѣ съ румынами было сосредоточено подъ Плевною до 80.000 человѣкъ, т.-е. на каждаго турецкаго солдата приходилось, по крайней мѣрѣ, два русско-румынскихъ. Та-

*) Пѣхота которыхъ, между прочимъ, была уже перевооружена берданками.

кое соотношеніе силъ ввело въ соблазнъ—повторить еще разъ попытку штурма. На этотъ разъ рѣшили его „тщательно подготовить": русская артиллерія въ теченіе нѣсколькихъ дней обстрѣливала плевненскія укрѣпленія. Это было совершенно невинное занятіе: для разрушенія земляныхъ насыпей гранаты нашихъ полевыхъ орудій совершенно не годились, благодаря крайне слабому разрывному заряду *), осадныхъ же орудій у насъ было ничтожное количество, притомъ они принадлежали къ еще болѣе устарѣлому типу, чѣмъ полевыя. Послѣ того, какъ „подготовка" не дала никакихъ осязательныхъ результатовъ, рѣшено было, все-таки, штурмовать. Сначала было предположено сосредоточить атаку на одномъ, наиболѣе важномъ, пунктѣ турецкихъ позицій. Но противъ этого пункта командовали генералы кн. Имеретинскій и Скобелевъ—люди новые и уже поэтому несимпатичные; кромѣ того, среди всеобщихъ неудачъ, они только что передъ этимъ одержали побѣду, хотя и небольшую—взяли Ловчу, довольно важный укрѣпленный пунктъ на пути между Плевной и Балканами: переходъ въ русскія руки Ловчи окончательно гарантировалъ защитниковъ Шипки отъ нападенія на нихъ съ тылу, изъ Плевны. Дать Имеретинскому и Скобелеву сдѣлаться еще и героями Плевны—это было уже слишкомъ; должны же были отличиться и другіе генералы. Нашли, что атака на ключъ турецкой позиціи будетъ „слишкомъ кровопролитна" и, чтобы уменьшить кровопролитіе, рѣшили произвести общій штурмъ всѣхъ плевненскихъ укрѣпленій. Фактическій распорядитель дѣла, ген. Зотовъ, сгоряча называлъ этотъ планъ „чистой безсмыслицей": но увидавъ, что сторону его изобрѣтателя, ген. Левицкаго, рѣшительно принялъ главнокомандующій, Зотовъ замолчалъ. Вліяніе „Петербурга" на третьемъ плевненскомъ сраженіи было особенно чувствительно—придворныя соображенія вполнѣ доминировали надъ военными. Самый день приступа, 30-е августа, былъ выбранъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать „подарокъ" Александру Николаевичу въ его именины. Императоръ—въ первый разъ за время войны—лично присутствовалъ на полѣ сраженія. Нѣтъ надобности говорить, что для него было отведено мѣсто, вполнѣ безопасное: при дальнобойномъ оружіи это означало, что отъ императорской свиты до передовой линіи войскъ, ведшихъ наступленіе, было нѣсколько верстъ. Но при императорѣ находились и вел. кн. Николай Николаевичъ, и румынскій князь Карлъ, а при послѣднемъ его номинальный помощникъ, ген. Зотовъ. Распоряжавшіяся боемъ лица наблюдали его, такимъ образомъ, очень издалека. Всѣ сношенія этого отдаленнаго пункта съ наступающими колоннами велись черезъ конныхъ ординардцевъ: полевого телеграфа не было (у Османа-паши всѣ позиціи были связаны телеграфомъ съ самаго начала). Благодаря этому, донесенія получались черезъ два-три часа послѣ отправки, когда картина боя успѣла уже рѣшительнымъ образомъ измѣнить-

*) См. „Описаніе", I, стр. 131.

ся, а слѣдовавшія въ отвѣтъ на донесенія приказанія приходили, когда уже все было кончено. Въ довершеніе всего, Зотовъ, слишкомъ хорошо помнившій панику и дезорганизацію послѣ 18 іюля, принялъ на этотъ разъ совершенно необычайныя мѣры предосторожности: чуть не треть его пѣхоты была оставлена для прикрытія артиллеріи, стоявшей на батареяхъ, и онъ не соглашался „обнажить" эти послѣднія даже въ самый критическій моментъ, когда посылка нѣсколькихъ баталіоновъ на лѣвый флангъ, въ подкрѣпленіе Скобелеву, могла рѣшить все дѣло.

Сраженіе 30—31-го августа, „третья Плевна", кончилось полной неудачей, что касается собственно русскихъ силъ. Скобелеву удалось занять нѣсколько укрѣпленій, но онъ былъ изъ нихъ выбитъ. Въ нашихъ рукахъ остался только второстепенный по значенію Гривицкій редутъ—но онъ былъ взятъ при участіи румынъ, которые и оказались единственными побѣдителями этихъ кровавыхъ дней. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи „третья Плевна" далеко оставила за собой даже самые несчастные для насъ бои крымской кампаніи: на одни русскіе перевязочные пункты было доставлено, по свѣдѣніямъ Боткина, 13.100 раненыхъ. Но на лѣвомъ флангѣ, у Скобелева, многихъ раненыхъ не удалось вынести, кромѣ того румыны также пострадали довольно сильно. Общая потеря была, вѣроятно, не менѣе 20.000 человѣкъ, доходя въ нѣкоторыхъ колоннахъ (у того же Скобелева) до 70% всего состава.

Неудача 30-го августа имѣла, однако же, одно благое послѣдствіе: она ребромъ поставила вопросъ о способности офиціальныхъ руководителей кампаніи продолжать это дѣло. Между военнымъ министромъ и главнокомандующимъ дошло до рѣзкаго объясненія, которое такъ взволновало Николая Николаевича, что онъ поспѣшилъ посвятить въ него и свою свиту. Но теперь императоръ, повидимому, былъ на сторонѣ Милютина. Настроеніе въ войскахъ становилось прямо зловѣщимъ; они не только не „рвались въ бой", но явно старались уклониться отъ совершенно безцѣльной—и въ то же время очень грозной, какъ показывалъ опытъ, опасности. Самой легкой раной не только офицеры, но и солдаты пользовались, чтобы быть эвакуированными въ Россію. Мало того: по офиціальному заявленію одного, очень авторитетнаго, хирурга, можно было бы „составить цѣлый полкъ изъ симулянтовъ, т. е. ранившихъ себя въ пальцы по примѣру храбраго сербскаго войска" *). Что-нибудь нужно было предпринять хотя бы для того, чтобы поднять настроеніе. Рѣшено было вызвать на театръ войны одну изъ старинныхъ знаменитостей, сданную было за старостью въ архивъ, но репутація которой могла теперь оказать извѣстное психологическое дѣйствіе: 16 сентября подъ Плевну пріѣхалъ Тотлебенъ. Онъ оказался въ роли того классическаго „нѣмца", которому отдають на поправку хозяйство, разоренное безтолковыми опытами самого ба-

*) Боткинъ, стр. 201. Слова Склифасовскаго, см. тамъ же, стр. 218.

рина. Номинально онъ только замѣнилъ Зотова, фактически же къ нему перешли всѣ права главнокомандующаго во всемъ, что касалось обложенія Плевны. Попытки Николая Николаевича распоряжаться встрѣчали со стороны Тотлебена рѣшительный отпоръ и должны были прекратиться *). Великій князь мало-по-малу превращался въ то, чѣмъ онъ и долженъ былъ быть съ самаго начала: въ почетнаго главнокомандующаго, какимъ былъ румынскій князь по отношенію къ арміи, осаждавшей Плевну. Кромѣ заведенія нѣкотораго внѣшняго порядка, Тотлебенъ ничѣмъ, впрочемъ, не ознаменовалъ себя въ этотъ періодъ своей карьеры. Онъ былъ, очевидно, слишкомъ старъ, чтобы создать что-нибудь оригинальное**): рутинные же пріемы дней его молодости совсѣмъ не годились въ такомъ новомъ дѣлѣ, какъ осада Плевны. Въ полную противоположность Севастополю, который представлялъ собою, собственно, укрѣпленный *городъ*—городъ Плевна, самъ по себѣ, не игралъ никакой роли въ оборонѣ. Его можно было разрушить до тла и отъ этого Османъ-паша съ его солдатами даже не поморщились бы. То, что обозначалось условнымъ именемъ „Плевны", представляло собою укрѣпленный *лагерь*, растянувшійся на тридцать верстъ. Разрушать эти временныя полевыя укрѣпленія было бы довольно безполезнымъ трудомъ, даже если бъ русская артиллерія и была къ этому способна, потому что турки черезъ два дня построили бы новыя. Можно было попытаться овладѣть отдѣльными, наиболѣе важными пунктами посредствомъ медленной инженерной атаки, которую и вели на своемъ участкѣ румыны. Но русская армія была всего менѣе подготовлена къ такого рода осадной войнѣ. Земляныя работы у насъ были въ невѣроятномъ пренебреженіи: достаточно сказать, что 30 августа въ отрядѣ кн. Имеретинскаго (болѣе 20 батальоновъ) была всего одна только команда саперъ изъ 40 человѣкъ при унтеръ-офицерѣ, „да и то случайно туда попавшая"*). Лопаты въ русской арміи имѣлись въ пропорціи одной на 20 солдатъ. При господствѣ философіи штыка все это было болѣе, чѣмъ естественно: ужъ если ружье было „представителемъ самосохраненія", то земляная насыпь и подавно могла только развратить солдата. Но если бомбардировка была безцѣльна, а къ правильной осадѣ мы не были подготовлены, то оставалось только прибѣгнуть къ старинному средству, практиковавшемуся еще Владиміромъ Святымъ при взятіи Корсуня: попытаться взять Плевну голодомъ. Вмѣсто осады рѣшено было повести, въ сущности, настойчивую *блокаду* Плевны, отрѣзавъ ей всѣ пути сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Съ прибытіемъ гвардіи подъ Плевной у насъ имѣлось, за всѣми потерями, не менѣе 100.000 одной пѣхоты, не считая кавалеріи, классически бездѣйствовавшей въ это

*) См. Газенкампфъ, стр. 155.

**) О впечатлѣніи, какое производилъ Т. на окружающихъ, см. дн. Боткина, стр. 253.

*) „Описаніе" ibid., 199, примѣч.

время, какъ и во все остальное. Съ такими силами можно было попытаться запереть лагерь Османа-паши со всѣхъ сторонъ. Главной артеріей, связывавшей эту армію съ забалканской Турціей, было софійское шоссе, гдѣ Османомъ, для обезпеченія сообщеній, были устроены на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга укрѣпленные этапные пункты. Гвардіи была поставлена задача—завладѣть софійскимъ шоссе, вытѣснивъ турокъ изъ этихъ пунктовъ. Несмотря на то, что три плевненскія неудачи и цѣлый рядъ болѣе мелкихъ пораженій въ Малой Азіи давно доказали всю неразсчетливость открытыхъ штурмовъ укрѣпленныхъ позицій при современномъ вооруженіи, гвардія начала съ повторенія уже продѣланнаго другими войсками опыта и 12 октября штурмовала два изъ упомянутыхъ этапныхъ пунктовъ, Телишъ и Горный Дубнякъ. Подъ первымъ атака была отбита, второй былъ взятъ: общая потеря при этомъ достигла 4.500 человѣкъ, тогда какъ турокъ было противъ насъ всего не болѣе 6.000. Черезъ нѣсколько дней былъ взятъ и Телишъ, исключительно путемъ артиллерійскаго обстрѣла: такъ какъ казематированныхъ помѣщеній у турокъ не было, то они не выдержали града шрапнелей *), сыпавшагося на нихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. При этомъ русская потеря не превышала десятка человѣкъ, и не было сомнѣній, что такимъ же путемъ можно было взять и Дубнякъ, такъ какъ типъ укрѣпленій былъ совершенно одинаковый. Третій этапный пунктъ, ближайшій къ Плевнѣ—Дольній Дубнякъ, былъ послѣ этого очищенъ турками безъ боя.

Теперь всѣ выходы изъ Плевны были въ русскихъ рукахъ. Оставалось терпѣливо выжидать, пока голодъ сдѣлаетъ свое дѣло. Но такъ какъ гвардія шла изъ Петербурга, конечно, не для того, чтобы нести скучную блокадную службу, то надо было найти ей достойное ея занятіе. Къ тому же побѣда, хотя и достигнутая довольно безсмысленнымъ путемъ, снова окрылила прежнія надежды и чаянія. Идея набѣга за Балканы вновь воскресла въ главной квартирѣ. Кстати же налицо былъ опять и генералъ, такъ блестяще руководившій этой авантюрой лѣтомъ: Гурко явился обратно на театръ войны вмѣстѣ съ гвардіей. Разъ послѣдняя стояла уже на софійскомъ шоссе, отчего не попытаться было пойти по нему дальше, перевалить Балканы, завладѣть Софіей—и выйти, хотя и очень кружнымъ путемъ, на дорогу къ Константинополю? Гвардейскіе полки подъ Плевной были замѣнены подошедшими тѣмъ временемъ изъ Россіи гренадерами — и второй „отрядъ ген. Гурко“ началъ свою побѣдоносную кампанію. Собственно военныхъ трудностей ему предстояло не очень много: въ этомъ отдаленномъ районѣ военныхъ дѣйствій силы турокъ были очень слабы. Гвардіи приходилось бороться больше съ природой—и дневники участниковъ этого похода больше напоминаютъ записки полярныхъ пу-

*) Гвардейская артиллерія располагала уже усовершенствованнымъ типомъ этого снаряда.

тешественниковъ, чѣмъ разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Встаскивать на обледенѣлыя кручи Балканъ орудія и обозъ стоило неимовѣрныхъ трудовъ, отмѣченныхъ знаменитымъ приказомъ генерала Гурко: „втащить зубами!“ — въ отвѣтъ на донесеніе, что на одинъ изъ переваловъ артиллерію даже на рукахъ поднять нельзя. Солдаты, мало терпѣвшіе отъ непріятельскихъ пуль, отъ лишеній выбывали изъ строя тысячами: въ гвардейскихъ батальонахъ, выступившихъ изъ Петербурга при полномъ составѣ—болѣе 800 штыковъ въ каждомъ—къ концу ноября оставалось не болѣе, чѣмъ по 400 человѣкъ. Зато Гурко пріобрѣталъ ту репутацію „желѣзнаго“ генерала, которою онъ такъ славился впослѣдствіи.

Большого стратегическаго значенія этотъ отдаленный походъ, безъ какихъ либо измѣненій на главномъ театрѣ войны, имѣть не могъ. Стоило туркамъ предпринять болѣе или менѣе энергическія дѣйствія на востокѣ, гдѣ, въ четыреугольникѣ крѣпостей, въ полномъ бездѣйствіи пребывала главная турецкая армія,—и гвардію пришлось бы отзывать изъ-за Балканъ. Не было сомнѣнія, что было бы гораздо раціональнѣе купить тѣми же потерями и лишеніями, напримѣръ, разгромъ турецкой арміи, стоявшей передъ Шипкой, что впослѣдствіи было достигнуто силами, даже меньшими, чѣмъ тѣ, которыя имѣлъ въ своемъ распоряженіи ген. Гурко. Но тогда послѣднему пришлось бы дѣйствовать подъ начальствомъ ген. Радецкаго... Какъ бы то ни было, поворотнымъ пунктомъ кампаніи сталъ не второй забалканскій набѣгъ: онъ еще не успѣлъ дать никакихъ осязательныхъ результатовъ, когда достигла своей цѣли тактика Владиміра святого, примѣнявшаяся подъ Плевной. Къ концу ноября армія Османъ-паши съѣла всѣ свои запасы, 28-го онъ сдѣлалъ попытку прервать блокаду, былъ отбитъ—и въ тотъ же день сдался со всѣми своими войсками (даже теперь у него оказалось всего 43.000 человѣкъ, хотя до начала октября онъ правильно получалъ подкрѣпленія). Все впечатлѣніе этого событія можно оцѣнить, только представивъ себѣ настроеніе высшихъ военныхъ сферъ всего за нѣсколько дней до этого. Еще 26-го ноября великій князь-главнокомандующій телеграфировалъ Гурко: „получены свѣдѣнія, что турки намѣреваются атаковать всю мою армію, не исключая и тебя. Да поможетъ намъ Богъ выдержать!“ Поводомъ былъ разгромъ одного изъ мелкихъ обсерваціонныхъ отрядовъ подъ Еленой на юго-востокѣ. А еще нѣсколькими днями ранѣе Николай Николаевичъ, подъ вліяніемъ Скобелева, не видѣлъ никакой возможности покончить съ Плевной иначе, какъ путемъ новаго штурма. Тотлебену стоило нѣкотораго труда помѣшать этому, совершенно уже излишнему, кровопролитію. Теперь, когда страшный Османъ былъ дѣйствительно въ плѣну, восторгу не было предѣловъ и все стремилось къ одной цѣли: возможно скорѣе рѣшительными ударами покончить войну. 30 ноября, передъ отъѣздомъ Александра II въ Россію, у него происходилъ большой военный совѣтъ съ уча-

стіемъ главнокомандующаго, князя Карла и Непокойчицкаго — но также Милютина и Обручева. На этомъ совѣтѣ рѣшено было большинство войскъ плевненскаго отряда немедленно двинуть двумя массами за Балканы, одну часть вслѣдъ за Гурко на Софію, другую къ Радецкому на Шипку. Рѣшительный ударъ предполагался въ послѣднемъ пунктѣ, почему отряженная туда колонна и была поручена Скобелеву. Радецкій, войска котораго только что выдержали чудовищно-тяжелую зимнюю стоянку на вершинѣ Шипкинскаго перевала*), былъ противъ наступленія въ эту пору года—и мнѣніе его раздѣляли всѣ опытные люди. При сколько-нибудь энергичномъ сопротивленіи турокъ зимній переходъ Балканъ, дѣйствительно, былъ бы невозможенъ: но турки уже были морально сломлены, и матеріальныя средства ихъ приходили къ концу. 27 декабря турецкое правительство уже прислало телеграмму, съ просьбой о заключеніи перемирія, и было такъ увѣрено въ согласіи противника, что поспѣшило оповѣстить о перемиріи своихъ генераловъ, какъ о совершившемся фактѣ. Это обстоятельство, въ связи съ густымъ туманомъ, скрывавшимъ отъ турокъ движеніе нашихъ войскъ, несомнѣнно, очень помогло успѣху шипкинской операціи. Колонны Скобелева и Святополка-Мирскаго, спускаясь на южную сторону Балканъ, почти не встрѣтили сопротивленія. Шипкинская армія турокъ была захвачена врасплохъ—и послѣ нѣсколькихъ часовъ боя положила оружіе. Сулеймана въ это время уже не было подъ Шипкою, онъ уѣхалъ организовывать оборону Софіи отъ русской гвардіи, тоже спускавшейся съ горъ,—но дѣйствовавшія противъ Гурко турецкія войска были разбиты и Софія занята еще раньше, чѣмъ главнокомандующій забалканской арміей успѣлъ прибыть на мѣсто. Сулейману съ трудомъ удалось спастись отъ русской кавалеріи, которая только теперь, къ концу кампаніи, стала обнаруживать нѣкоторую предпріимчивость.

Наступалъ моментъ, когда Александръ Александровичъ долженъ былъ стать во главѣ побѣдоносной арміи, идущей на Царьградъ. Отправляясь въ Петербургъ, Александръ II заѣхалъ въ Рущукскій отрядъ къ наслѣднику и сообщилъ ему, что подъ его начальство переходятъ войска, которыми командуетъ Гурко,—теперь, какъ мы знаемъ, еще усиленныя освободившимися войсками плевненскаго отряда, такъ что всего у Гурко было почти три корпуса: самая крупная изъ самостоятельно дѣйствовавшихъ массъ, какая только имѣлась на театрѣ войны. Самого „желѣзнаго генерала“ предполагалось при этомъ разжаловать изъ главнаго командира всей этой массы въ начальники кавалеріи „западнаго отряда“, какъ офиціально именовались состоявшія подъ его начальствомъ войска. Именно эта операція разжалованія Гурко и явилась камнемъ преткновенія: въ данный моментъ нельзя было придумать мѣры, менѣе попу-

*) Условія жизни тамъ были таковы, что, напр., 24-я пѣхотная дивизія, сразу попавшая на Шипку, растаяла въ нѣсколько дней.

лярной. У главнокомандующаго были, кромѣ того, свои основанія отстаивать въ этомъ вопросѣ интересы справедливости: Гурко былъ его человѣкъ, дважды отмѣченный его избраніемъ и во второй, по крайней мѣрѣ разъ, блистательно его оправдавшій. А Николай Николаевичъ никогда не чувствовалъ себя болѣе хозяиномъ положенія, чѣмъ теперь— послѣ взятія Плевны и отъѣзда императора. Наслѣднику цесаревичу было отвѣчено, что смѣнять командующаго генерала передъ самымъ концомъ кампаніи крайне неудобно. Окончательно обострилъ отношенія вновь всплывшій „обручевскій вопросъ“: Александръ Александровичъ не скрылъ, что желалъ бы имѣть начальникомъ штаба именно Обручева, котораго главнокомандующій не выносилъ. Почетная и уже довольно легкая роль— добивать остатки турецкой арміи— осталась за Гурко.

Первыя три недѣли января 1878 г. были вознагражденіемъ за все, испытанное съ іюля прошлаго года. Ослабленные на цѣлую треть двумя капитуляціями, деморализованные цѣлымъ рядомъ неудачъ, атакованные съ запада сербами, которые поспѣшили возобновить войну послѣ паденія Плевны, турки почти не сопротивлялись. Тысячи плѣнныхъ, десятки орудій доставались намъ, почти безъ боя *). 3—5 января Гурко добилъ послѣдніе остатки арміи Сулеймана и занялъ Филиппополь, овладѣвъ, такимъ образомъ, головой желѣзнодорожнаго пути, ведшаго къ турецкой столицѣ. Въ то же время Скобелевъ шелъ прямо на Адріанополь, который 8 января и былъ занятъ его кавалеріей. О перемиріи, конечно, и рѣчи не было, но теперь турки просили прямо мира. Уже 1 января султанъ телеграфировалъ непосредственно Александру II, выражая глубокое сожалѣніе по поводу „несчастныхъ обстоятельствъ, повлекшихъ за собою эту злополучную войну“, и пламенное желаніе „возможно скорѣе покончить съ безполезнымъ кровопролитіемъ“. А 9 января, на другой день послѣ взятія Адріанополя, произошла первая встрѣча русскихъ и турецкихъ уполномоченныхъ, которые должны были выработать предварительныя условія мирнаго договора.

Миръ былъ необходимъ не только Турціи: въ одинаковой степени онъ былъ необходимъ и Россіи. Съ чисто военной точки зрѣнія, положеніе русской арміи за Балканами было не болѣе обезпечено, чѣмъ въ 1829 году положеніе арміи Дибича. „Наше побѣдное шествіе совершается теперь войсками въ рубищахъ, безъ сапогъ, почти безъ патроновъ, зарядовъ и артиллеріи, безъ всякаго сообщенія не только съ Россіей, но даже съ Румыніей и придунайской Болгаріей“, записалъ одинъ изъ чиновъ главной квартиры 18 января. По его словамъ, даже Скобелевъ, какъ ни заманчива была для него перспектива дальнѣйшихъ успѣховъ, признавалъ, что „намъ еще не подъ силу рѣшать восточный вопросъ окончательно“. Но помимо ближайшихъ матеріальныхъ условій, дальнѣйшая кампанія была

*) За эти недѣли отрядомъ Гурко было взято 110 орудій, Скобелева—53.

еще и безсмысленна, такъ какъ не имѣла передъ собою никакой осязательной стратегической цѣли. Въ свое время планъ Милютина—Обручева ставилъ русской арміи, альтернативно, одну изъ двухъ задачъ: или разбить турецкую армію или завладѣть турецкой столицей. Авторъ плана считалъ болѣе предпочтительнымъ и легче осуществимымъ второе, такъ какъ выманить изъ-за укрѣпленій турецкую армію онъ не считалъ возможнымъ. На дѣлѣ случилось именно послѣднее: турки дали себя разбить и даже больше, чѣмъ разбить — турецкая армія, какъ организованное цѣлое, перестала существовать. Оставалось использовать эту удачу для того, чтобы положить конецъ рѣзнѣ на условіяхъ, наиболѣе выгодныхъ для Россіи. Но великому князю-главнокомандующему и его штабу теперь еще гораздо больше, чѣмъ послѣ удачнаго перехода черезъ Дунай, и вторично, послѣ взятія Плевны, никакая перспектива не казалась невозможной. И конецъ кампаніи былъ ознаменованъ подготовкой новой, послѣдней авантюры, ничего не стоившей Россіи въ чисто военномъ отношеніи, такъ какъ вооруженнаго противника передъ нею уже не было, но закончившей зато блестящій походъ чувствительнымъ моральнымъ пораженіемъ. Николай Николаевичъ непремѣнно хотѣлъ завладѣть Константинополемъ. „Сегодня вечеромъ, — записалъ тотъ же офицеръ главной квартиры подъ 12 января,—за чаемъ, великій князь высказывалъ опасеніе, какъ бы Горчаковъ и его дипломатическіе подручные, вѣчно оглядывающіеся на Англію и Австрію, не затормозили наше наступленіе. Идея дойти до Константинополя и Галлиполи вполнѣ овладѣла великимъ княземъ: онъ только объ этомъ и думаетъ, и говоритъ, и ужасно боится, чтобы государь его не остановилъ. Этимъ онъ объясняетъ и свое неудержимое стремленіе впередъ, безъ всякой заботы о своемъ тылѣ. Онъ говорилъ сегодня, что мало занять Константинополь и Галлиполи, а надо перебросить войска на азіатскій берегъ Босфора и Дарданеллъ и, уже укрѣпившись на обоихъ берегахъ, диктовать свои условія не только султану, но и Англіи и Австріи" *). Въ связи съ этимъ главному командиру черноморскаго флота было предписано приготовить транспортныя суда, на которыхъ предполагалось перевезти въ Босфоръ одну дивизію изъ Одессы, а в. кн. Алексѣю Александровичу, командовавшему минной флотиліей на Дунаѣ—отправить свои миноноски или, по крайней мѣрѣ, всѣ приспособленія черезъ Балканы,—чтобы использовать ихъ въ борьбѣ съ турецкимъ, а если понадобится, то и съ англійскимъ флотомъ. Чтобы оцѣнить это предпріятіе, нужно имѣть въ виду, что всѣ наши активныя силы на Черномъ морѣ сводились къ пяти вооруженнымъ коммерческимъ пароходамъ,—тогда какъ въ спискахъ турецкаго флота числилось болѣе 20 броненосныхъ судовъ, и онъ вовсе не былъ разбитъ, подобно арміи. А сзади него, въ видѣ резерва, имѣлась англійская средизем-

*) См. „Дневникъ" Газенкампфа, стр. 392—3 и 360.

номорская эскадра, которая, разумѣется, немедленно была бы пущена въ ходъ при первой попыткѣ русскихъ завладѣть проливами. Англійское правительство уже давно и совершенно недвусмысленно заявляло объ этомъ. Тотчасъ же послѣ перехода русскими войсками Дуная мальтійская эскадра пришла въ Безику, а на о. Мальтѣ былъ сосредоточенъ десантный корпусъ, часть котораго была привезена изъ Англіи, а часть изъ Индіи. Первый же набѣгъ Гурко за Балканы вызвалъ со стороны англійскаго правительства напоминаніе, что оно можетъ быть вынуждено „направить свой флотъ въ Константинополь для охраненія европейскаго населенія". Тотчасъ послѣ паденія Плевны, когда въ Англіи стало извѣстно о предстоящемъ зимнемъ походѣ за Балканы, напоминаніе повторилось въ еще болѣе категорической формѣ. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Дерби, передалъ русскому послу, гр. Шувалову, памятную записку, гдѣ говорилось, что занятіе Константинополя русскими войсками, даже временно, возбудило бы въ Англіи чувство неудовольствія въ народѣ, который потребовалъ бы мѣръ предосторожности. Почему лордъ Дерби надѣялся, что никакой попытки не будетъ предпринято для занятія Константинополя и Дарданеллъ, иначе англійскій кабинетъ былъ бы принужденъ принять тѣ мѣры, которыя потребовались бы для обезпеченія британскихъ интересовъ. *) Сопротивленіе не только турецкихъ, но и англійскихъ броненосцевъ при попыткѣ со стороны Россіи захватить Босфоръ было, такимъ образомъ, гарантировано еще въ декабрѣ 1877 года: и, конечно, не съ нѣсколькими минными катерами и вооруженными коммерческими пароходами можно было сломить эту силу. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ Петербургѣ не стали даже ожидать ея реальнаго обнаруженія, и на основаніи простого заявленія англійскаго правительства, еще разъ повтореннаго по этому случаю, послали главнокомандующему категорическій приказъ, — воздержаться отъ занятія, какъ Галлипольскаго полуострова (т.-е. европейскаго берега Дарданеллъ), такъ и самой турецкой столицы. Но совершенно естественно также, что въ виду уже обнаружившейся въ этомъ вопросѣ ненадежности Россіи (припомнимъ, что передъ войной Александръ Николаевичъ давалъ „честное слово" англійскому послу, что у него нѣтъ никакихъ видовъ на Константинополь), англичане не ограничились теперь одними словами, и эскадра адмирала Горнби, пройдя Дарданеллы, стала на якорь у Принцевыхъ острововъ, въ виду Царьграда. Такое „вѣроломство" страшно, разумѣется, возмутило русское правительство и всѣхъ, кто раздѣлялъ его точку зрѣнія, хотя англичане только платили намъ тою же монетой, принимая весьма естественную мѣру предосторожности противъ аналогичной попытки съ нашей стороны. Особенно возмущенъ былъ самъ императоръ, теперь соглашавшійся даже и на вступленіе рус-

*) С. Горяиновъ, „Босфоръ и Дарданеллы", стр. 326—327.

скихъ войскъ въ Константинополь. Но то, о чемъ еще можно было мечтать въ отсутствіи англійскаго флота (хотя онъ и тогда могъ, разумѣется, появиться каждую минуту), при его наличности было слишкомъ явнымъ абсурдомъ. И для спасенія русскаго достоинства ничего не оставалось, какъ хлопотать о томъ, чтобы русскія войска могли подойти хотя возможно ближе къ Константинополю, не вступая въ самый городъ. Это удалось: 12 февраля русская главная квартира была перенесена въ Санъ-Стефано, дачное мѣстечко подъ самой столицей.

Къ тому времени, когда это совершилось, военныя дѣйствія давно были прекращены: уже 19 января турецкіе уполномоченные подписали главныя основанія мирнаго договора, что было выставлено съ русской стороны, какъ непремѣнное условіе для заключенія перемирія. Основанія эти, выработанныя въ Порадимѣ, подъ Плевной, незадолго до паденія этой послѣдней, шли гораздо дальше того, на что соглашалась Россія въ дни константинопольской конференціи конца 1876, начала 1877 года. И разница эта касалась не только военныхъ условій, непосредственно вытекавшихъ изъ побѣдъ, одержанныхъ русскими войсками на полѣ битвы (контрибуціи въ 1.400.000 франковъ, которую на $^{3}/_{4}$ русское правительство соглашалось замѣнить территоріальными пріобрѣтеніями въ Малой Азіи), но и чисто политическихъ послѣдствій войны. Константинопольская конференція требовала для славянскихъ областей только административной автономіи: порадимскій проектъ устанавливалъ, фактически, полную независимость отъ турокъ Болгаріи, которая притомъ должна была быть на продолжительный срокъ оккупирована русскими войсками. Предѣлы этого новаго государства очерчивались по чисто-этнографическому принципу—предѣлами распространенія болгарскаго языка: благодаря этому, половина Балканскаго полуострова — отъ Дуная до Эгейскаго моря съ сѣвера на югъ, и отъ Охридскаго озера (въ Македоніи) до Чернаго моря съ запада на востокъ—отрѣзывались отъ Турціи. Что номинально новое государство оставалось вассаломъ султана, нисколько не могло утѣшить послѣдняго, тѣмъ болѣе, что турецкимъ войскамъ былъ закрытъ въ него доступъ, русскія же должны были остаться тамъ на продолжительное время. Вполнѣ правъ былъ одинъ изъ турецкихъ уполномоченныхъ, когда, увидавъ проектъ договора, онъ воскликнулъ: „это конецъ Турціи!“ Это было, дѣйствительно, конецъ европейской Турціи. Зато для Босніи и Герцеговины проектъ ограничивался административною автономіей, ничего не упоминая о возможности оккупаціи этихъ областей Австріей.

Естественно возникаетъ вопросъ: какъ же согласовать этотъ документъ съ секретной русско-австрійской конвенціей 3 января 1877 года, сущность которой и сводилась къ тому, что Боснію съ Герцеговиной занимала Австрія, возможность же образованія на Балканскомъ полуостровѣ крупнаго славянскаго государства разъ навсегда исключа-

лась? Предположеніе, которое высказывается нѣкоторыми изъ писавшихъ объ этомъ вопросѣ, будто составители порадимскаго проекта ничего не знали о конвенціи 3 января, нисколько не разрѣшаетъ недоразумѣнія: ибо помимо весьма малой вѣроятности того, чтобы имъ было неизвѣстно о соглашеніи съ Австріей (въ штабѣ главнокомандующаго прекрасно о немъ знали), о немъ уже положительно не могъ не знать утвердившій проектъ Александръ II. Въ виду этого въ проектѣ, кажется, не приходится видѣть ничего другого, кромѣ пріема, заимствованнаго россійской дипломатіей у россійской коммерціи и характеризуемаго извѣстной поговоркой: „запросъ въ карманъ не лѣзетъ". Заранѣе предвидя, что нашъ договоръ съ Турціей будетъ потребованъ къ пересмотру „великими державами" и что намъ придется многое уступить изъ своихъ требованій, предусмотрительно ставили рамки послѣднихъ такъ, чтобы было съ чего „спускать". Въ видѣ дополнительнаго соображенія могла быть и мысль—благопріятно подѣйствовать на общественное мнѣніе какъ Болгаріи, такъ, въ особенности, Россіи: передъ русскимъ обществомъ чувствовали все-таки нѣкоторый конфузъ за Плевну и старались загладить тяжелыя впечатлѣнія прошлаго широкими перспективами будущаго. А если бы эти послѣднія не удались, всегда можно было свалить вину на коварство завидующей намъ Европы. По этимъ же причинамъ договариваться съ турками былъ посланъ популярный въ славянофильскихъ кругахъ и въ то же время знаменитый своей способностью торговаться Игнатьевъ, который, однако же, какъ мы знаемъ, не пользовался полнымъ довѣріемъ своего начальства и не былъ посвященъ во всѣ его планы. Для заключенія „демонстративнаго" мира онъ годился, какъ нельзя болѣе, а затѣмъ дѣловые уже переговоры съ „Европой" могли быть переданы и въ другія руки.

Итакъ, заключая санъ-стефанскій миръ (онъ былъ подписанъ 19 февраля,—ровно черезъ мѣсяцъ послѣ принятія турками основныхъ его положеній и заключенія перемирія), русская дипломатія играла нѣкотораго рода комедію, о чемъ невольно и проговорился Александръ Николаевичъ въ телеграммѣ, отвѣчавшей на поздравленіе главнокомандующаго: „лишь бы европейская конференція,—такъ заканчивалась телеграмма,—не испортила того, чего мы достигли нашей кровью" *). Играли, съ своей стороны, комедію и турки—только совсѣмъ изъ другихъ соображеній. Имъ нужно было выиграть время для возстановленія, хотя отчасти, своей арміи—и имѣть поводы, чтобы вызвать вмѣшательство Европы: послѣднее было тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ шире были уступки, сдѣланныя Россіи. Какъ только турецкое правительство постигло это, оно очень охотно пошло навстрѣчу

*) Самое поздравленіе носило такой же характеръ „драматическаго эффекта": „въ день освобожденія крестьянъ, — писалъ главнокомандующій,—вы освободили христіанъ изъ подъ ига мусульманскаго". Ради этого эффекта, чтобы ускорить переговоры и кончить дѣло къ 19 февраля, Игнатьевъ поступился кое-какими изъ первоначальныхъ русскихъ требованій...

Россіи въ такомъ, напримѣръ, пунктѣ, какъ право прохода русскихъ военныхъ судовъ черезъ проливы: оно прекрасно понимало, что уже одинъ разговоръ объ этомъ совершенно обезпечиваетъ вмѣшательство въ дѣло Англіи. Тѣмъ временемъ, въ Константинополь усиленно свозились войска изъ очищенныхъ турками на основаніи перемирія крѣпостей и съ другихъ театровъ войны. Къ началу весны, турецкая столица была прикрыта стотысячной арміей и основательно укрѣплена. Турція могла теперь спокойно выжидать результатовъ „европейской конференціи", которой справедливо опасался императоръ Александръ II.

Въ то время, какъ положеніе противника Россіи, такимъ образомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ улучшалось, положеніе ея самой становилось все затруднительнѣе. Переутомленная форсированнымъ зимнимъ походомъ армія быстро рѣдѣла отъ тифа и другихъ болѣзней. Попытка заключать займы фактически не удавалась — бóльшая часть облигацій такъ называемыхъ „восточныхъ" займовъ на первое время осталась въ портфелѣ тѣхъ банкировъ, которые предложили правительству свое посредничество. Приходилось покрывать экстренныя военныя издержки путемъ усиленнаго выпуска бумажныхъ денегъ *). Съ перенесеніемъ театра войны на берега Босфора и Эгейскаго моря все большее значеніе пріобрѣталъ флотъ— но его, какъ мы уже неоднократно упоминали, не было, и не только въ тѣхъ водахъ. Россія вообще имѣла въ то время только одинъ отвѣчавшій современнымъ требованіямъ броненосецъ и нѣсколько панцырныхъ крейсеровъ, пригодность которыхъ не стояла внѣ всякихъ сомнѣній. За то внѣ сомнѣній была непригодность двухъ построенныхъ для Чернаго моря броненосцевъ „истинно-русскаго" типа,—такъ называемыхъ, по имени изобрѣтателя, „поповокъ". Въ концѣ-концовъ возникалъ вопросъ, могутъ ли эти суда быть использованы, хотя бы, какъ плавучія батареи, о службѣ же ихъ въ открытомъ морѣ даже и вопроса не поднималось. Судовъ для крейсерской службы не изъ чего было даже импровизировать — вооруженные для этой цѣли пароходы „Русскаго общества пароходства и торговли", учрежденія, субсидируемаго правительствомъ и почти казеннаго по своимъ привычкамъ, быстротою хода уступали даже турецкимъ броненосцамъ, не говоря уже объ англійскихъ. Совсѣмъ дѣтской угрозой по адресу Англіи было нѣсколько купленныхъ въ Америкѣ на собранныя по подпискѣ деньги посредственныхъ пароходовъ, пышно окрещенныхъ „Добровольнымъ флотомъ". Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ едва ли не имѣлась въ виду та же демонстрація,—желаніе показать, что правительство и народъ готовы употребить всѣ усилія для защиты достоинства Россіи и „купленныхъ кровью" ея послѣднихъ пріобрѣтеній. Наконецъ, съ переходомъ за

*) Ихъ было выпущено за два года почти на 468 милл. руб. Общее количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи къ 1879 г. составляло 1146 милл. руб. Курсъ кредитнаго рубля упалъ за время войны съ 87 до 63 коп. золотомъ за рубль.

Балканы и приближеніемъ русской арміи къ Константинополю, мы потеряли и послѣдняго союзника, который у насъ былъ: Австрія дѣйствительно заняла то положеніе, которое давно приписывалось ей общественнымъ мнѣніемъ, и вступила въ соглашеніе съ Англіей.

Совершенно достаточнымъ формальнымъ предлогомъ для этого были тѣ условія санъ-стефанскаго мира, которыя, какъ мы видѣли, рѣзко противорѣчили условіямъ рейхштадтскаго соглашенія и, тѣмъ болѣе, конвенціи 3 января. Но что это былъ только предлогъ, ясно доказываютъ переговоры гр. Андраши съ Англіей уже тотчасъ послѣ перваго перехода русскихъ черезъ Балканы, въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда еще никакого порадимскаго проекта не существовало. Переговоры касались ни болѣе ни менѣе, какъ совокупнаго вооруженнаго вмѣшательства Англіи и Австріи въ томъ случаѣ, если бы побѣды завели русскую армію слишкомъ далеко и опасность стала бы угрожать Константинополю. Точки зрѣнія „друга“ Россіи и ея явнаго врага различались только въ томъ, что англичане не прочь были отъ немедленныхъ шаговъ въ этомъ смыслѣ, графъ же Андраши смотрѣлъ на дѣло хладнокровнѣе, справедливо предугадывая, что преждевременный переходъ Балканъ малыми силами принесетъ Россіи больше вреда, чѣмъ пользы. Когда это предвидѣніе оправдалось и въ то же время, выдвинулась Плевна, разговоры о вмѣшательствѣ сами собою прекратились, и Австрія снова сдѣлалась вѣрнымъ „другомъ“ императора Александра II. Въ концѣ іюля императоръ Францъ-Іосифъ нашелъ нужнымъ еще разъ спеціально подтвердить свои дружественные чувства къ Россіи, что произвело очень благопріятное впечатлѣніе въ русской главной квартирѣ. Выработанный подъ Плевною проектъ мирныхъ условій былъ, конечно, немедленно же сообщенъ австрійскому кабинету—на правахъ союзника. Намъ, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстно, чѣмъ мотивировали при этомъ русскіе дипломаты явныя и грубыя противорѣчія этого документа съ формально данными Австріи обѣщаніями. Но это и не важно—по существу дѣла Австрія никогда бы не примирилась не только съ образованіемъ болгарскаго царства величиною въ половину Балканскаго полуострова, но и вообще съ распространеніемъ русскаго вліянія далѣе Балканъ къ югу. Мы видѣли, что и на вступленіе русскихъ войскъ въ Болгарію она, въ свое время, согласилась не безъ труда, явно предпочитая, чтобы военныя дѣйствія ограничивались Малой Азіей. Отвѣтъ Андраши на порадимскій проектъ не трудно было угадать: австрійскій министръ заявлялъ, что проектируемая Болгарія и есть то самое „сплошное славянское государство“, на образованіе котораго Австрія ни подъ какимъ видомъ не согласна, а что заключеніе съ Турціей отдѣльнаго мира, безъ участія Австріи, совершенно не согласуется съ отношеніями, въ какихъ стоитъ это послѣднее государство къ Россіи; что въ виду этого австрійское правительство можетъ признать лишь договоръ, въ которомъ интересы австро-вен-

Петръ Филипповичъ Якубовичъ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

герской монархіи будутъ достаточно ограждены: при этомъ прибавлялось, что поскольку договоръ касается интересовъ всей Европы, онъ долженъ получить утвержденіе и отъ всѣхъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1856 года. Этою послѣдней прибавкой Андраши явно становился на одну почву съ Англіей, которая въ то же самое время заявила, устами лорда Дерби, что „всякій договоръ, заключенный между Россіею и Портой, касающійся договоровъ 1856 и 1871 годовъ, долженъ быть трактатомъ европейскимъ и не будетъ дѣйствителенъ безъ согласія державъ - участницъ помянутыхъ договоровъ" *). Своей точки зрѣнія ни Англія ни Австрія не только не думали держать въ секретѣ, но, наоборотъ, старались огласить ее возможно шире: оба правительства поспѣшили сдѣлать въ упомянутомъ смыслѣ заявленія и въ Константинополѣ. Послѣ этого Порта, разумѣется, могла смѣло подписать какое угодно обязательство: она могла быть увѣрена, что оно обойдется ей не дороже исписаннаго листа бумаги.

Положеніе русскихъ правящихъ сферъ психологически было чрезвычайно трудное. Что будетъ торгъ, можно было предвидѣть и, по всей вѣроятности, хорошо предвидѣли заранѣе. Необходимы были уступки—это ясно сознавалось; но на чемъ должны были онѣ остановиться? Тутъ-то и начинались мученія Тантала. Съ одной стороны, воспоминанія о совсѣмъ недавнихъ блестящихъ побѣдахъ подстрекали быть возможно рѣшительнѣе и заносчивѣе. Послѣ такого военнаго торжества, какимъ былъ походъ изъ подъ Плевны къ Константинополю, стыдно, казалось, уступать угрозамъ, за которыми, можетъ быть, еще и не скрывается ничего серьезнаго. Вѣдь Англія такъ слаба на сухомъ пути, Австріи же не дастъ начать войну нашъ старый и вѣрный другъ, императоръ Вильгельмъ. Быть можетъ, обѣ онѣ только пугаютъ— стоитъ не поддаться паникѣ, и какъ много можно тогда выиграть! Но, съ другой стороны, вдругъ эти угрозы станутъ реальностью; вдругъ Германія выдастъ, и Россія окажется, дѣйствительно, передъ коалиціей 1854 года, воскресшей почти въ полномъ составѣ? Повтореніе Севастополя, это понимали всѣ, было тогда неизбѣжно, а обстановка внутри Россіи была въ десять разъ хуже. Тогда былъ налицо лишь сырой матеріалъ для революціи, которую некому было начать. Теперь революція и сама поднимала голову, не дожидаясь внѣшней неудачи, которая должна была удесятерить ея силы. Не даромъ въ спѣшной, лихорадочной телеграфной перепискѣ императора съ главнокомандующимъ, рядомъ съ монархами, дипломатами и генералами, неожиданно проскакиваетъ „какая-то нигилистка", въ упоръ выстрѣлившая въ „бѣднаго Трепова". При такихъ условіяхъ изъ-за второго Севастополя выглядывалъ второй Седанъ. Что было предпринять? Можетъ быть, ничто такъ не характеризуетъ смятеніе умовъ, царившее въ Петербургѣ, какъ возникшій тамъ въ мартѣ 1878 года и настойчиво проводившійся про-

*) Татищевъ, „Александръ II".

ектъ — завладѣть Босфоромъ при содѣйствіи самой Турціи! Предполагалось, что эта послѣдняя, если ее хорошенько пугнуть штурмомъ Царьграда, легко согласится разоружить свою армію и отдать въ наши руки укрѣпленія, защищающія проливъ со стороны Чернаго моря. Самый городъ Константинополь станетъ тогда нейтральнымъ,— а выходъ изъ него въ Черное море будетъ въ нашихъ рукахъ. Какъ ни склоненъ былъ великій князь Николай Николаевичъ къ рискованнымъ предпріятіямъ, но этотъ планъ даже ему показался до нельзя дикимъ. На мѣстѣ всякому было ясно, не исключая, конечно, и турокъ, что штурмъ Константинополя, теперь прекрасно укрѣпленнаго и защищеннаго, можетъ стать лишь третьей Плевной въ квадратѣ, и что угрозы этой, очевидно, никто не испугается. Отъ турокъ можно было ожидать содѣйствія только, если бы оно было имъ очень выгодно, т.-е. если бы, напримѣръ, Россія сама отказалась отъ большей части санъ-стефанскаго трактата. На это султанъ довольно прозрачно и намекалъ главнокомандующему при ихъ личномъ свиданіи, но вѣдь все дѣло и было затѣяно ради сохраненія этого трактата въ возможной неприкосновенности: сдѣлка, на которую намекалъ султанъ, сама себя лишала всякой цѣны. Николай Николаевичъ отвѣчалъ сначала уклончиво, но, наконецъ, долженъ былъ высказать свое рѣшительное несогласіе съ петербургскимъ проектомъ. Въ отвѣтъ на это изъ Петербурга вѣжливо спросили: позволяетъ ли здоровье великому князю оставаться на своемъ посту? Главнокомандующій понялъ намекъ и подалъ въ отставку. Но назначенный на его мѣсто Тотлебенъ могъ только подкрѣпить прежній отвѣтъ всею силою своего военнаго авторитета: онъ категорически заявилъ, что на удачу при данныхъ обстоятельствахъ разсчитывать нельзя, а неудачный исходъ операціи на берегахъ Босфора будетъ равняться проигрышу только что выигранной съ такимъ трудомъ кампаніи, если еще не худшему. Дѣйствительно, являлось даже вопросомъ—удастся ли русской арміи вернуться изъ-за Дуная въ случаѣ новой войны; не будетъ ли она тамъ заперта со всѣхъ сторонъ и вынуждена положить оружіе? Дѣло въ томъ, что нашей заносчивости уже удалось пріобщить къ списку нашихъ враговъ и вчерашнюю союзницу Россіи — Румынію, крайне оскорбленную какъ тѣмъ, что санъ-стефанскій миръ заключили безъ всякаго съ ея стороны участія, такъ и въ особенности тѣмъ, что, не спрашивая ея, уже рѣшено было отобрать у нея населенную по большей части румынами Бессарабію въ обмѣнъ на Добруджу, болѣе обширную, но болгарскую, а не румынскую. А когда протесты Румыніи вызвали въ Петербургѣ одинъ изъ горячечныхъ проектовъ этой поры—разоружить румынскую армію — король Карлъ отвѣтилъ, что его войска могутъ быть истреблены въ бою, но добровольно оружія не отдадутъ. Между тѣмъ при невозможности помѣшать англійскому флоту занять Черное море, Румынія была единственнымъ путемъ отступленія для русской

арміи. Имѣя ее противъ себя, нельзя было рискнуть на войну даже съ одной Англіей, не говоря уже объ англо-австрійской коалиціи.

Когда въ Петербургѣ угаръ отъ недавнихъ побѣдъ сталъ понемногу проходить, и трезвое отношеніе къ дѣлу начало вступать въ свои права, налицо оказалось только два возможныхъ выхода: или обратиться къ посредничеству неизмѣнно доброжелательствовавшей намъ Германіи или вступить въ непосредственные переговоры со своими главными противниками. Первое было бы, конечно, пріятнѣе для чувства собственнаго достоинства. Но Бисмаркъ, весьма довольный тѣмъ, что ему удалось столкнуть лбами Австрію и Россію на Балканскомъ полуостровѣ, держался строжайшаго нейтралитета, заявлялъ, что Германія не прочь взять на себя роль „честнаго маклера", если ее попросятъ о томъ обѣ стороны, но не будетъ помогать ни той, ни другой. Оставались прямые переговоры: ихъ начали съ Англіей, отношенія къ которой были особенно острыми, начали, разумѣется, въ величайшемъ секретѣ. Очень скоро обнаружилось, что англичане, не уступая ни пяди въ томъ, что касалось ихъ дѣйствительныхъ интересовъ, положенія Константинополя и проливовъ, вовсе не склонны воевать изъ-за всего остальнаго. Въ вопросѣ о Болгаріи они выставили только требованіе, чтобы независимое княжество было ограничено страною къ сѣверу отъ Балканъ, южная же Болгарія удовлетворилась бы административной автономіей. Утомленный всѣми послѣдними треволненіями Александръ Николаевичъ выразился по этому поводу, что ему все равно — пусть будутъ двѣ или даже три Болгаріи,—только бы дѣло это кончилось. Ихъ въ дѣйствительности и вышло три, такъ какъ въ концѣ-концовъ предѣлы и южной Болгаріи были ограничены филиппопольскимъ генералъ-губернаторствомъ, и македонскіе болгары не получили даже административной автономіи. Къ немалому удивленію русскаго правительства англичане не протестовали даже противъ присоединенія къ Россіи Батума и потребовали только обратной передачи туркамъ Баязета, не имѣвшаго никакого экономическаго значенія, но, правда, большое военное. Противъ возвращенія Россіи Бессарабіи они также ничего не имѣли. А по поводу военной контрибуціи оговорили только интересы англійскихъ кредиторовъ Порты. На этихъ условіяхъ, гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ какихъ ожидали въ Петербургѣ, 18-го мая и были подписаны въ Лондонѣ тайныя конвенціи, фактически ликвидировавшія все дѣло. Австрія послѣ этой ликвидаціи могла желать только одного—получить свою долю, но объ этомъ, собственно говоря, съ нею и не предполагалось спорить. На берлинскомъ конгрессѣ, засѣданія котораго открылись двѣ недѣли спустя послѣ англо-русскаго соглашенія, Австрія и получила удовлетвореніе: ей было предоставлено оккупировать своими войсками Боснію и Герцеговину.

Послѣ сдѣлки съ Англіей этотъ конгрессъ, созванный Германіей по просьбѣ русскаго правительства,

не могъ дать Россіи ничего существенно новаго ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Въ основныхъ чертахъ онъ оформилъ согласіемъ Европы условія секретной лондонской конвенціи 18 мая. Онъ покончилъ съ фикціей зависимости отъ султана тѣхъ балканскихъ государствъ, которыя возникли въ первой половинѣ XIX вѣка — Сербія, Румынія—фактически давно отпавшихъ отъ турецкой имперіи. Первая, какъ и Черногорія, получила значительное территоріальное приращеніе,—а вторая отстояла устья Дуная: Бессарабія была возвращена Россіи безъ нихъ. Но всѣ эти мелкіе успѣхи и неудачи не могли закрыть главнаго, чѣмъ и рѣшался вопросъ о томъ, что выиграла Россія отъ войны 1877 года. Это главное заключалось въ судьбѣ русскаго вліянія въ Болгаріи. Станетъ ли эта страна тѣмъ, о чемъ мечтали славянофилы, или передастся „Европѣ“ и въ концѣ-концовъ станетъ однимъ изъ тормазовъ, для распространенія „истинно-русской“ идеологіи? Мы видѣли, что исторія фактически отвѣтила на этотъ вопросъ еще раньше войны, и отвѣтъ этотъ уже зналъ наиболѣе чуткій изъ славянофиловъ, К. Леонтьевъ. Немного времени понадобилось, чтобы истина стала ясна и всему русскому обществу. Никакой конгрессъ тутъ ничего сдѣлать не могъ, и хотя въ Берлинѣ и были приняты нѣкоторыя мѣры къ ограниченію русскаго вліянія за Дунаемъ, - въ родѣ значительнаго сокращенія срока оккупаціи русскими войсками Болгаріи (вмѣсто двухъ лѣтъ—девять мѣсяцевъ),—но развѣ въ этомъ было дѣло? Вполнѣ понятно, почему берлинскій конгрессъ въ глазахъ извѣстной части русскаго общества сталъ символомъ крушенія надеждъ и упованій, связанныхъ съ войной за „освобожденіе славянъ“: въ особенности, если принять въ расчетъ, что о лондонской конвенціи это общество ничего не знало. Но значеніе его, какъ всякаго символа, было чисто субъективное: въ объективной обстановкѣ онъ ничего измѣнить не могъ.

Объективный смыслъ „второй восточной войны“ императора Александра Николаевича вскрылся гораздо раньше—на поляхъ Плевны: не дипломатическій финалъ войны, а еще она сама показала полную неспособность русской реакціи бороться съ европейскимъ или даже хотя бы обученнымъ европейцами противникомъ. Если крѣпостной режимъ не хотѣлъ отказаться отъ самаго себя, ему оставалось только тщательно воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Европы—заботясь только о томъ, чтобы и она въ его дѣла не мѣшалась. Эту истину и созналъ главный иниціаторъ войны 1877 года—будущій царь-миротворецъ. Внѣшняя политика Александра III была прямымъ послѣдствіемъ опыта русско-турецкой войны. Двадцать лѣтъ спустя опытъ былъ позабытъ,—начались снова попытки „активной политики“, но уже на другомъ театрѣ. Исторія дала новое предостереженіе—третье по общему счету; третье предостереженіе обыкновенно бываетъ послѣднимъ...

ГЛАВА IX.

Государственное хозяйство въ Россіи съ 60-хъ до начала 90-хъ годовъ.

I.

Общая характеристика соціально-экономическихъ условій.

Такъ какъ государственное хозяйство стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ соціально-экономическими условіями, то для пониманія государственнаго хозяйства Россіи во второй половинѣ XIX вѣка необходимо припомнить, что представляла собою Россія въ это время въ соціально-экономическомъ отношеніи.

Шестидесятые, семидесятые и почти всѣ восьмидесятые годы представляютъ собою въ экономической жизни Россіи тотъ моментъ развитія капитализма, который обыкновенно именуется *періодомъ первоначальнаго накопленія.* Всѣ типическія черты этого періода хозяйственнаго развитія нашли себѣ въ это время весьма характерное и яркое выраженіе.

Періодъ первоначальнаго накопленія генетически связанъ съ предшествующей ступенью экономическаго развитія—съ періодомъ до—капиталистическаго денежнаго хозяйства, хозяйства крѣпостническаго. Вотъ почему въ періодъ первоначальнаго накопленія сохраняется множество остатковъ крѣпостническаго хозяйства, основаннаго на эксплоатаціи дарового подневольнаго труда, на крѣпостной кабалѣ. Естественно, эти обломки прошлаго сохраняются почти исключительно въ той сферѣ народно-хозяйственной жизни, которая первенствовала, почти всецѣло господствовала въ эпоху крѣпостного права,—въ сельскомъ хозяйствѣ. Они проявлялись въ многочисленныхъ широко-распространенныхъ фактахъ примѣненія отработочной аренды, испольщины и т. д.

Но вліяніе крѣпостническихъ традицій не ограничивалось и никогда не ограничивается въ періодъ первоначальнаго накопленія однимъ только непосредственнымъ сохраненіемъ пріемовъ стариннаго сельскаго хозяйства, — оно идетъ и далѣе, проникаетъ и въ область быстро растущей въ это время индустріи. Здѣсь оно проявляется въ чрезвычайно грубыхъ пріемахъ эксплоатаціи наемнаго труда. Непомѣрно длинный рабочій день, крайне низкая заработная плата, отсутствіе какого бы то ни было обезпеченія рабочихъ въ старости, на случай болѣзни или потери способности къ труду, преслѣдованіе стачекъ и рабочихъ организацій,—вотъ къ чему сводятся эти пріемы. Результатомъ такой эксплоатаціи является крайній пауперизмъ рабочихъ массъ. Два обстоятельства особенно сильно вліяютъ въ смыслѣ усиленія грубой эксплоатаціи и уве-

личенія пауперизма: неорганизованность рабочихъ массъ и грюндерство.

Неорганизованность рабочихъ массъ совершенно естественна въ этомъ періодѣ: для нея нѣтъ ни объективныхъ, ни субъективныхъ предпосылокъ. Съ одной стороны, эпоха первоначальнаго накопленія не знаетъ обыкновенно не только политической свободы, но даже и полной гражданской свободы массъ. Крестьянинъ или мелкій ремесленникъ, поставленные въ правовомъ отношеніи на одну доску со своими эксплоататорами, не дадутъ себя экспропріировать безъ борьбы; между тѣмъ на экспропріаціи мелкаго производителя держится все „накопленіе" первоначальнаго капитализма, поскольку оно происходитъ у себя дома, а не въ колоніяхъ, напримѣръ. Въ то же время тѣ сомнительныя въ правовомъ отношеніи операціи, путемъ которыхъ „накоплялись" первоначальные милліоны, уютнѣе всего себя чувствовали подъ крылышкомъ политическаго абсолютизма. Оттого, если въ этотъ періодъ мы и встрѣчаемъ политическую свободу, какъ въ Англіи XVI—XVIII столѣтій, напримѣръ, то она является достояніемъ лишь немногочисленныхъ „высшихъ классовъ", т.-е. самихъ эксплоататоровъ, масса же населенія стоитъ внѣ этой „правовой страны" (pays légal). По большей же части періодъ первоначальнаго накопленія или обходится вовсе безъ конституціи, — какъ было у насъ, — или же довольствуется псевдо-конституціонными формами. Очевидно, что при такихъ условіяхъ невозможны не только политическая партія пролетаріата, но даже и открытыя профессіональныя организаціи. Съ другой стороны, рабочій этого времени—только-что оторванный отъ сохи пахарь, въ которомъ нарождающійся капитализмъ не успѣлъ еще развить инстинктъ пролетарской солидарности и сознанія пролетарскихъ интересовъ и классовыхъ противорѣчій буржуазнаго общественнаго строя.

Грюндерство также является плотью отъ плоти и костью отъ костей періода первоначальнаго накопленія, будучи въ то же время отголоскомъ крѣпостническихъ замашекъ. Вѣдь сущность крѣпостного хозяйства заключалась въ хищничествѣ, въ грубомъ, даровомъ захватѣ плодовъ чужого труда. Та же печать хищничества, легкой наживы безъ труда лежитъ и на грюндерствѣ съ тѣмъ, однако, важнымъ отличіемъ отъ крѣпостныхъ пріемовъ эксплоатаціи, что здѣсь требуется больше энергіи, предпріимчивости и ловкости, этихъ новыхъ пріобрѣтеній капиталистической эпохи. Основываются новыя предпріятія—большею частью дутыя,—проводятся новые желѣзные и шоссейные пути сообщенія, часто совершенно неоправданные хозяйственными потребностями,—и такими способами перекачиваются огромные капиталы въ руки ловкихъ хищниковъ, становящихся промышленными королями и финансовыми тузами. Дутыя предпріятія скоро лопаются, и отсюда происходятъ и частые острые кризисы и всѣ ужасы продолжительной безработицы.

Таковы общія основныя черты развитія русскаго капитализма въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годахъ XIX

вѣка. Къ нимъ можно прибавить еще только одну, но очень важную: нигдѣ, ни въ одной странѣ этотъ періодъ не протекалъ съ такой стремительной быстротой, какъ въ Россіи. За эти тридцать лѣтъ Россія продѣлала работу, для выполненія которой западно-европейскимъ странамъ понадобилось, по крайней мѣрѣ, вдвое больше времени. Безъ сомнѣнія, этой быстротѣ содѣйствовали два обстоятельства: во-первыхъ, обиліе естественныхъ рессурсовъ—обширность пространства, быстрый ростъ населенія, — и, во-вторыхъ, огромный приливъ иностранныхъ капиталовъ, обезцѣненныхъ на западно-европейскомъ денежномъ рынкѣ пышнымъ расцвѣтомъ капитализма.

Этотъ экономическій процессъ выдвинулъ на арену соціальной борьбы и новые общественные классы. Къ старымъ крѣпостникамъ-землевладѣльцамъ, многочисленнымъ и по прежнему весьма вліятельнымъ, присоединились новые хищники—грюндеры всякаго рода, банкиры и промышленники. Развился и классъ землевладѣльцевъ, усваивавшихъ все болѣе и болѣе капиталистическіе пріемы веденія сельскаго хозяйства. Появился, умножился и сложился въ серьезную общественную силу рабочій пролетаріатъ. Расслоилось, дифференцировалось въ экономическомъ отношеніи крестьянство. Совершились глубокія перемѣны въ положеніи городской мелкоты. Перевѣсъ, однако, принадлежалъ пока хищническимъ классамъ общества.

Такова въ главныхъ чертахъ была соціально-экономическая подкладка тѣхъ явленій въ области государственнаго хозяйства, съ которымъ намъ предстоитъ познакомиться.

II.

Таможенная политика.

Отличительной чертой періода первоначальнаго накопленія въ хозяйственной исторіи каждой страны является быстрый ростъ индустріи и связанныхъ съ нею отраслей добывающей промышленности, особенно горнаго; каменноугольнаго и нефтяного дѣла. Такой ростъ былъ рѣзко выраженъ и у насъ во второй половинѣ XIX вѣка. Какъ и всегда и вездѣ, и въ Россіи индустрія въ это время не могла стать на ноги безъ поддержки со стороны государства въ виду конкуренціи передовыхъ странъ. И опять таки, какъ и всегда и вездѣ, эта государственная поддержка, выражавшаяся въ таможенныхъ пошлинахъ и вывозныхъ преміяхъ, сплошь и рядомъ принимала утрированный, уродливый характеръ: покровительство оказывалось весьма часто, даже большею частью не промышленности, а промышленникамъ и въ концѣ-концовъ, дѣлая возможной техническую отсталость, даже задерживало развитіе капитализма. Все это совершенно понятно, если припомнить, что государство, носитель протекціоннаго принципа, было выраженіемъ классоваго господства хищническихъ общественныхъ элементовъ.

Протекціонизмъ,—и притомъ крайній, уродливый, чрезмѣрный, —и са-

личаетъ собою всю таможенную политику русскаго правительства во второй половинѣ XIX вѣка.

Шестидесятые годы унаслѣдовали отъ предшествующаго времени умѣренный таможенный тарифъ 1857 года, первые шаги къ которому были сдѣланы еще пониженіемъ многихъ ставокъ стараго канкринскаго покровительственнаго тарифа, послѣдовавшимъ съ 1 января 1851 года. Тарифъ 1857 года прежде всего выдѣлилъ тѣ продукты заграничной индустріи, которые не представляли собою опасности въ смыслѣ конкуренціи съ русской промышленностью по той простой причинѣ, что соотвѣтствующихъ отраслей этой послѣдней совершенно не существовало. Эти продукты были обложены невысокими пошлинами, имѣвшими въ виду не покровительственныя, а фискальныя цѣли, т.-е. полученіе опредѣленнаго дохода государственной казной. Кромѣ того, по тарифу 1857 г. умѣренно обложены были привозимыя изъ-за границы средства продовольствія и матеріалы, орудія и машины, необходимые для фабрично-заводской промышленности.

Таможенныя традиціи пятидесятыхъ годовъ были не только сохранены, но и развиты слѣдующимъ десятилѣтіемъ, что особенно ясно выразилось въ тарифѣ 1868 года, который заслужилъ даже названіе фритредерскаго, проводившаго начало свободной торговли, хотя на самомъ дѣлѣ былъ лишь умѣренно-охранительнымъ, оказывалъ умѣренное покровительство существующимъ въ Россіи отраслямъ фабрично-заводской промышленности. Цѣль, преслѣдовавшаяся тарифомъ 1868 года, была опять-таки по преимуществу фискальной: имѣлось въ виду оживить внѣшнюю торговлю и увеличить таможенный доходъ государства. Къ тому же шестидесятые годы развивали главнымъ образомъ хлѣбный экспортъ, хозяйственная энергія направлялась въ то время все еще главнымъ образомъ на сельское хозяйство, индустрія не ставилась еще на капиталистическую ногу, эпоха грюндерства только еще приближалась.

Оно расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ въ семидесятыхъ и особенно въ восьмидесятыхъ годахъ. Новыя экономическія и соціальныя условія разрушили основы тарифа 1868 года и быстрыми шагами приблизили русскую таможенную политику къ рѣзко-выраженному, неумѣренному протекціонизму. Къ повышенію таможенныхъ ставокъ побуждали и фискальныя соображенія — необходимость увеличить средства государства для содержанія быстро растущей и множащейся бюрократіи, а также для увеличенія расходовъ на армію и на флотъ: милитаризмъ вѣдь неразлученъ съ капитализмомъ. Первый шагъ въ новомъ направленіи былъ сдѣланъ въ 1877 году, когда таможенные сборы стали исчисляться и взиматься не въ кредитныхъ билетахъ, а золотомъ. Такъ какъ курсъ кредитнаго рубля былъ въ это время низокъ и постоянно подвергался колебаніямъ, то фактически это означало повышеніе таможенныхъ пошлинъ на 30, 40, иногда даже 50% сравнительно съ прежнимъ ихъ уровнемъ. Пошлины эти возросли не только абсолютно,

но и относительно — по отношенію къ цѣнности ввозимыхъ товаровъ; въ періодъ времени съ 1869 по 1876 годъ таможенный доходъ составлялъ только 13% цѣнности всего ввоза, въ 1877—1880 годахъ онъ равнялся уже болѣе 16%.

На этомъ дѣло не остановилось и не могло остановиться. Къ таможенному обложенію стали постепенно привлекать многіе товары, прежде ему не подлежавшіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось обложеніе уже и раньше оплачивавшихся высокими пошлинами товаровъ. Въ 1878 г. былъ обложенъ пошлиной привозный хлопокъ, въ 1880 г. повышены пошлины на продукты иностранной металлургической промышленности и отмѣненъ безпошлинный привозъ чугуна и желѣза для надобностей машиностроительныхъ заводовъ, 16 декабря 1880 г. опубликованъ дополнительный десятипроцентный сборъ на всѣ ввозимые товары, въ 1882 г. повышенъ цѣлый рядъ статей тарифа и обложены пошлиной нѣкоторые товары, прежде ей не подлежавшіе, въ 1884 г. увеличены пошлины на чугунъ и введены пошлины на каменный уголь и коксъ, въ 1885 г. установленъ новый дополнительный сборъ въ 10—20% поступленій по тарифу, обложены пошлиной сельско-хозяйственныя машины и повышено обложеніе шелка, сельдей, чая, желѣза, стали и мѣди, въ 1886 г. послѣдовало увеличеніе пошлинъ на мѣдь и мѣдныя издѣлія, кожу, нѣкоторые химическіе товары и бумажную массу, въ 1887 г. повышены пошлины на желѣзо, чугунъ, сталь, желѣзныя, чугунныя и стальныя издѣлія, хмель, каменный уголь, коксъ, плиточный чай, швейныя и вязальныя нитки, суда, апельсины, лимоны, померанцы, живыя растенія, хлопокъ, сельско-хозяйственныя машины и орудія, сельди, кяхтинскіе чаи, патентованныя лѣкарства, столярныя и токарныя издѣлія, пеньковыя и джутовыя ткани, мебель. Въ 1889 г. обложены болѣе высокой пошлиной шерсть и бумажная пряжа, и вновь установлено обложеніе привозимыхъ изъ-за границы взрывчатыхъ веществъ. Въ 1890 г. большая часть ставокъ таможеннаго тарифа была увеличена еще на 20%. Весь этотъ непрерывный рядъ повышеній, усиленій и нововведеній въ таможенномъ тарифѣ, безъ которыхъ не обходился почти ни одинъ годъ, завершился покровительственнымъ тарифомъ 1891 года, до крайности повысившимъ таможенное обложеніе. И на этомъ не остановились, впрочемъ, эксцессы покровительственной политики русскаго правительства; намъ придется еще о нихъ говорить въ очеркѣ финансовой политики послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка. Здѣсь прибавимъ только, что таможенный доходъ подъ вліяніемъ этой политики росъ и абсолютно и относительно. Въ 1880 году таможенный доходъ равнялся 96,4 мил. руб., въ 1886 г. — уже 97,7 мил. руб., въ 1890—138,3 мил. руб., т.-е. за 10 лѣтъ возросъ на 43,5%. Въ 1880 г. таможенный доходъ составлялъ только 17% всѣхъ налоговъ—прямыхъ и косвенныхъ, въ 1890 г. — около 20%, такъ что ростъ его шелъ быстрѣе, чѣмъ ростъ всего доходнаго бюджета государства. Понятно, что естественнымъ ре-

зультатомъ этого было то, что таможенные сборы крайне тяжело ложились на иностранные товары и сильно увеличивали ихъ цѣну: въ 1885—1890 годахъ таможенныя пошлины составляли уже $27\frac{1}{2}\%$ цѣнности ввозимыхъ въ Россію товаровъ.

Рыцари первоначальнаго накопленія сполна использовали положеніе, созданное таможенной политикой правительства. Съ головокружительной быстротой создавались новыя предпріятія, большею частью дутыя и потому часто лопавшіяся, наживались огромныя состоянія, разорялась масса мелкихъ капиталистовъ, пауперизировались крестьянство и пролетаріатъ. Эти разореніе и пауперизація не волновали правящихъ сферъ, но эксцессы протекціонизма вызвали противодѣйствіе со стороны землевладѣльческаго класса, главнымъ образомъ со стороны тѣхъ сельскихъ хозяевъ, которые поставили свое хозяйство на капиталистическую ногу, но въ значительной степени также и со стороны сельскихъ хозяевъ, ведшихъ хозяйство крѣпостническое, кабальное.

Обѣ эти общественныя группы пострадали отъ русскаго протекціонизма прежде всего по той причинѣ, что протекціонизмъ вызвалъ реакцію противъ себя за границей: русскій хлѣбъ, особенно въ Германіи, былъ обложенъ пошлиной, затруднившей его вывозъ тѣмъ болѣе, что міровой сельскохозяйственный кризисъ, вызванный заатлантической конкуренціей, до чрезвычайности понизилъ цѣны на хлѣбъ. Уменьшеніе стоимости вывозимаго за границу хлѣба противорѣчило и интересамъ казны, вынужденной переводить за границу огромныя денежныя суммы въ видѣ платежей по внѣшнимъ займамъ и стремившейся поддержать выгодный для Россіи торговый балансъ (перевѣсъ стоимости вывоза надъ стоимостью ввоза) для избѣжанія отлива изъ Россіи звонкой монеты: въ интересахъ развивающагося капитализма необходимо было установить прочное металлическое денежное обращеніе, а для этого нуженъ большой металлическій запасъ, т.-е. и благопріятный торговый балансъ. Чтобы расширить экспортъ, приходилось хотя отчасти отказаться отъ крайностей протекціонизма, перейти къ системѣ торговыхъ договоровъ съ иностранными державами, понизить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя таможенныя ставки. Отсюда вышелъ конвенціонный тарифъ 1894 года, нѣсколько смягчившій систему протекціонизма, хотя и не поколебавшій ее.

Конвенціонный тарифъ, дѣйствовавшій по отношенію къ ввозу изъ тѣхъ странъ, съ которыми были заключены торговые договоры, и нѣкоторыя послѣдовавшія затѣмъ перемѣны въ таможенномъ обложеніи были нѣкоторымъ, небольшимъ впрочемъ, ослабленіемъ старой таможенной системы въ пользу интересовъ сельскихъ хозяевъ, ведущихъ въ своихъ имѣніяхъ капиталистическое хозяйство и нуждающихся поэтому въ усовершенствованныхъ машинахъ и искусственномъ удобреніи. Такъ, по тарифу 1891 г. чугунъ оплачивался пошлиною въ 45 коп. съ пуда при привозѣ моремъ и въ $52\frac{1}{2}$ коп. при привозѣ сухимъ путемъ, за сортовое желѣзо и желѣзныя рельсы платили 90 коп. съ

пуда, а за желѣзо листовое 1 р. 50 к. По конвенціонному тарифу 1894 года съ пуда чугуна всегда, какъ бы онъ ни привозился—сушей или моремъ, платилось 45 к., съ сортоваго желѣза и рельсъ—75 коп., съ листового желѣза въ нѣкоторыхъ случаяхъ пошлина была понижена до 1 р. $27^1/_2$ к. съ пуда, съ пуда привозимыхъ изъ за границы машинъ платилось 75 к. Въ 1898 году были совершенно отмѣнены пошлины съ такихъ сельскохозяйственныхъ машинъ, которыя не выдѣлываются въ Россіи, а также и пошлины съ непроизводимыхъ въ Россіи минеральныхъ удобреній.

Скромность этихъ уступокъ наглядно показываетъ, что культурные сельскіе хозяева не были вполнѣ правящимъ классомъ: они стремились къ самодѣятельности, лелѣяли конституціонные идеалы. Правительство было выраженіемъ классоваго господства крѣпостниковъ, хищниковъ періода первоначальнаго накопленія и хищниковъ-бюрократовъ, при чемъ послѣдніе, оперяясь, пополняли собою ряды первыхъ двухъ разрядовъ хищниковъ. Этимъ и обусловливались, какъ мы сейчасъ убѣдились, основныя черты русской таможенной политики съ 60-хъ до начала 90-хъ годовъ XIX вѣка.

III.

Желѣзнодорожная политика.

Промышленный капитализмъ въ процессѣ своего развитія нуждается не только въ таможенномъ покровительствѣ, но и въ хорошихъ путяхъ сообщенія для перевозки товаровъ. По условіямъ современнаго транспорта такими путями сообщенія являются преимущественно желѣзныя дороги. Вотъ почему желѣзнодорожная политика государства пріобрѣтаетъ первостепенную важность.

Постройка русскихъ желѣзныхъ дорогъ началась еще въ 1835 году на средства казны. То было время, когда въ жизни подготовлялась уже ликвидація крѣпостныхъ хозяйственныхъ отношеній, но уничтожены они еще не были. Не было еще простора для личной инціативы. неясно намѣчалась острая потребность въ улучшенныхъ путяхъ сообщенія, крѣпостническое государство опекало всѣ проявленія общественной жизни и питало паразитическую бюрократію, привыкшую къ взяточничеству и самымъ откровеннымъ и разнузданнымъ хищеніямъ всякаго рода. Все это отразилось и на первыхъ шагахъ русскаго желѣзнодорожнаго строительства. Сооружавшіяся казной желѣзныя дороги оказывались или слишкомъ дорогими, какъ Николаевская, обошедшаяся въ 125 тысячъ рублей за версту, или никуда негодными, какъ Варшавско-Вѣнская.

Когда въ шестидесятыхъ и особенно семидесятыхъ годахъ начался и развернулся во всю свою ширь періодъ первоначальнаго накопленія въ исторіи русскаго капитализма, тогда частная инціатива и грюндерство нашли себѣ широкое поле въ области желѣзнодорожнаго строительства. Позднѣе стала развивать-

ся опять постройка желѣзныхъ дорогъ и на средства казны, вызванная особыми причинами, о которыхъ ниже. Въ общемъ результаты усиленнаго частнаго и казеннаго желѣзнодорожнаго строительства были весьма значительны: уже въ 1874 г. въ Россіи было до 16 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, 20 лѣтъ спустя—въ 1894 году—длина русской желѣзнодорожной сѣти доходила уже до 31.219 верстъ, т.-е. увеличилась почти вдвое.

Безъ сомнѣнія, этотъ ростъ желѣзнодорожныхъ путей сообщенія далеко подвинулъ впередъ русскій капитализмъ, сильно способствовалъ переходу отъ первоначальнаго накопленія къ накопленію капиталистическому. Но процессъ этого роста носилъ на себѣ въ то же время печать періода первоначальнаго накопленія.

Къ концу шестидесятыхъ годовъ съ особенною ясностью обнаружилась потребность въ желѣзныхъ дорогахъ. Грюндеры всякаго рода стали заваливать правительство просьбами о концессіяхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Съ 1867 года и начинается острый періодъ концессіонной горячки, длившейся съ неослабѣвающей силой до половины семидесятыхъ годовъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что и вторая половина семидесятыхъ и первая половина восьмидесятыхъ годовъ не отличались существеннымъ образомъ отъ предшествующаго времени: усиленное частное строительство продолжалось, только перемежаясь съ казеннымъ, концессіонная горячка не исчезла, а только нѣсколько ослабѣла.

Грюндерскій характеръ желѣзнодорожнаго строительства въ указанное время обнаруживается на каждомъ шагу, бьетъ въ лицо, рѣжетъ глаза. Само правительство не могло не признать этого, и въ 1873 году министръ путей сообщенія, графъ А. П. Бобринскій, въ особомъ докладѣ Александру II изобразилъ его весьма ярко. Графъ Бобринскій указалъ въ этомъ докладѣ, что при частномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ въ Россіи обязанности учредителей частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній были сведены къ минимуму, фактически же вся почти тяжесть учрежденія новаго предпріятія ложилась на правительство. Правительство „производило изысканія, изучало доходность и способы осуществленія предпріятій, вырабатывало техническія условія каждой дороги, опредѣляло сумму и условія реализаціи основного капитала, составляло расцѣночныя вѣдомости исполненія предпріятій, вырабатывало уставы обществъ и, наконецъ, даже принимало на себя доставленіе предпріятіямъ всего облигаціоннаго капитала, составляющаго въ большей части случаевъ $^3/_4$ основного“; учредителямъ оставалось лишь очень легкое дѣло составленія акціонерныхъ обществъ посредствомъ открытія подписки на акціи; добросовѣстность совершенно не входила въ расчеты учредителей, потому что она противорѣчила ихъ выгодамъ; поэтому учредители сплошь и рядомъ расписывали акціи между собою, набирали подставныхъ акціонеровъ, служившихъ послушными орудіями въ рукахъ заправилъ, плохо строили и

весьма дорого эксплоатировали желѣзныя дороги, оплачивая огромными окладами должности директоровъ правленій и управляющихъ съ ихъ ближайшими помощниками.

Эта офиціальная характеристика дополняется и иллюстрируется цѣлымъ рядомъ фактовъ, изъ богатаго запаса которыхъ мы воспользуемся нѣкоторыми особенно яркими. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что доходъ съ большинства акцій частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ былъ гарантированъ правительствомъ, т.-е., если дохода не получалось или онъ былъ ниже гарантированнаго процента, то казна выплачивала недостающую сумму акціонерамъ. Процентъ гарантіи доходилъ до 5 и $4^1/_2$. Это вело, разумѣется, къ ежегоднымъ огромнымъ приплатамъ изъ казны. Правда, когда концессій давалось особенно много, правительство отказывало иногда, въ гарантіи, но отказъ этотъ былъ чисто номинальнымъ: всѣ желѣзнодорожныя компаніи, даже и не получившія гарантіи, обыкновенно пользовались финансовой поддержкой правительства, опасавшагося какъ бы ихъ несостоятельность не поколебала русскаго государственнаго кредита. Надо еще замѣтить, что, ограничивая гарантіи 4, $4^1/_2$, 5-ю процентами, правительство на дѣлѣ обезпечивало акціонерамъ несравненно большій доходъ, потому что допускало непомѣрно высокую поверстную расцѣнку стоимости постройки дорогъ и гарантировало доходъ не на дѣйствительный, а на нарицательный капиталъ, въ составъ котораго включались и получаемыя акціонерами премін, куртажи, комиссіонныя деньги и проч.

Понятно, что при такихъ условіяхъ для учредителей весьма выгодно было основывать чисто-грюндерскія, дутыя, бездоходныя желѣзнодорожныя предпріятія, не считавшіяся съ экономическими потребностями той или другой мѣстности. Примѣромъ такого именно предпріятія можетъ служить Уральская горнозаводская желѣзная дорога. Сумма обязательныхъ годовыхъ платежей этой дороги въ 1886 году равнялась почти 4 милліонамъ рублей, а средній чистый доходъ (за исключеніемъ расходовъ по эксплоатаціи) за пятилѣтіе съ 1882 по 1886 годъ составлялъ всего около 300 тысячъ рублей въ годъ. Другой примѣръ—Моршанско - Сызранская и Ряжско-Вяземская желѣзныя дороги. Для того, чтобы покрыть лежавшія на этихъ дорогахъ обязательства, требовался въ восьмидесятыхъ годахъ, за исключеніемъ расходовъ по эксплоатаціи, чистый доходъ почти въ 2 милліона для первой дороги и почти въ 3—для второй, а на дѣлѣ первая дорога давала только 1 милліонъ 100 тысячъ рублей, а вторая 1 милліонъ 200 тысячъ. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно.

Характерной иллюстраціей грюндерской эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ являются злоупотребленія въ тарифномъ дѣлѣ, допускавшіяся частными желѣзнодорожными обществами и прекращенныя въ главныхъ чертахъ только въ концѣ 80-хъ и въ 90-хъ годахъ. Такъ какъ разныя желѣзнодорожныя общества

конкурировали между собою въ дѣлѣ транспорта и въ то же время большею частью не заинтересованы были въ томъ, чтобы дороги давали дѣйствительный доходъ, потому что доходъ все равно былъ имъ гарантированъ правительствомъ, то тарифы за перевозку товаровъ отличались не только чрезвычайной сложностью и запутанностью, но и крайней измѣнчивостью, огромными колебаніями и скрывались отъ другихъ желѣзнодорожныхъ обществъ, были коммерческой тайной. Разобраться въ этихъ тарифахъ отправители товаровъ сплошь и рядомъ были не въ состояніи и потому терпѣли большіе убытки отъ постоянныхъ переборовъ, практиковавшихся желѣзнодорожными агентами. Появились даже особые спеціалисты, которые брали на себя вычисленіе стоимости перевозки и взысканіе переборовъ. Такъ хищничество въ желѣзнодорожной эксплоатаціи вызвало къ жизни еще новыхъ хищниковъ.

Разъ рѣчь зашла о желѣзнодорожныхъ тарифахъ, нельзя не прибавить, что позднѣйшій, упорядоченный тарифъ, созданный Витте и уничтожившій описанныя сейчасъ злоупотребленія, слишкомъ больно отражавшіяся на интересахъ капиталистовъ, самъ по себѣ носилъ и носитъ теперь очень яркую классовую окраску. Одна изъ его основныхъ задачъ — покровительство крупному капиталу—промышленному и торговому. Это съ особенною ясностью обнаруживается въ томъ обстоятельствѣ, что существуетъ огромная разница въ повагонныхъ и попудныхъ тарифныхъ ставкахъ при оплатѣ перевозки товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ. Такъ, при повагонной отправкѣ мяса платится 18,8 коп. съ пуда, а при попудной 24,55 коп. съ пуда. При перевозкѣ сахара—рафинада повагонно берется 27,33 коп. съ пуда, попудно—40 коп. Соотвѣтствующія цифры для мебели—18,8 коп. и 48,33 коп., для бочарныхъ издѣлій—9,83 к. и 24,55 к., для волоса и щетины—24,5 коп. и 40 коп. Другими словами повагонная перевозка, возможная только для крупныхъ предпринимателей, выгоднѣе попудной на 30,40 и даже 150 и болѣе процентовъ.

Русское правительство своей желѣзнодорожной политикой служило интересамъ не однихъ только русскихъ, но и иностранныхъ капиталистовъ. Къ послѣднимъ оно, постоянно нуждаясь въ иностранныхъ деньгахъ, относилось даже съ особенною предупредительностью. Типичнымъ примѣромъ такой предупредительности можетъ служить слѣдующій фактъ, взятый изъ цѣлаго ряда ему подобныхъ. Въ 1887 году голландскіе банкиры отъ имени своихъ кліентовъ — владѣльцевъ акцій Ряжско-Вяземской и Моршанско-Сызранской желѣзныхъ дорогъ—просили правительство въ виду бездоходности этихъ дорогъ за истеченіемъ срока 15-тилѣтней гарантіи купить у нихъ всѣ акціи, соглашаясь за каждыя двѣ акціи дороги получить по одной 3%-й облигаціи, не оплачиваемой налогомъ. Акціи эти въ свое время были куплены голландскими капиталистами за полцѣны, и въ теченіе 15 лѣтъ покупная цѣна была уже возвращена вполнѣ. Въ сущности

голландскіе капиталисты хотѣли заработать на этой операціи ровно столько же, сколько уже раньше получили, увеличить свои прибыли вдвое. Въ слѣдующемъ году русское правительство удовлетворило эту просьбу.

Ко всему этому надо прибавить, что беззастѣнчивое хозяйничанье грюндеровъ встрѣчало себѣ опору и защиту въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ также по той причинѣ, что круги эти были близко причастны къ спекуляціи на желѣзнодорожное строительство. Правда, въ 1868 г. бюрократамъ было формально запрещено поступать въ число учредителей акціонерныхъ компаній, но на практикѣ существовала полная возможность обойти это стѣснительное запрещеніе, и оно дѣйствительно сплошь и рядомъ обходилось.

Понятно, что въ результатѣ всего этого получилась безнадежная, неоплатная задолженность желѣзнодорожныхъ обществъ казнѣ, притомъ задолженность постепенно все увеличивавшаяся. Въ 1871 году долги желѣзнодорожныхъ обществъ казнѣ достигли уже крупной суммы почти въ 174 милліона рублей. Въ 1880 году формально такихъ долговъ числилось 580 мил. руб. кредитныхъ, а на дѣлѣ, если счесть всѣ неуплаченныя суммы, задолженность желѣзнодорожныхъ обществъ казнѣ простиралась въ это время уже до одного милліарда. Правительство долгое время пыталось помочь бѣдѣ палліативами: оно, особенно въ 80-хъ годахъ, заключало спеціальные желѣзнодорожные консолидированные займы съ цѣлью уплаты изъ реализованныхъ этимъ путемъ суммъ долговъ казнѣ и полученія казною еще сверхъ того свободныхъ суммъ. Но дѣло неизмѣнно кончалось тѣмъ, что эти свободныя суммы попадали въ бездонный карманъ желѣзнодорожныхъ компаній.

Разорительность для казны частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства, созданнаго періодомъ первоначальнаго накопленія, и была одной изъ главныхъ причинъ выкупа желѣзныхъ дорогъ въ казну и расширенія казенной желѣзнодорожной сѣти, проявившихся ясно и опредѣленно въ желѣзнодорожной политикѣ правительства съ восьмидесятыхъ годовъ. Но это была не единственная главная причина выкупа. Другая коренилась въ томъ вліяніи, какимъ пользовались въ правительственныхъ сферахъ желѣзнодорожные спекулянты, члены акціонерныхъ компаній, владѣльцы желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій. Въ ихъ интересахъ было добиться выкупа на наиболѣе выгодныхъ для себя основаніяхъ, а такъ какъ правительство служило ихъ интересамъ, то послѣдніе и находили себѣ большею частью полное удовлетвореніе. Исторія выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну какъ нельзя лучше иллюстрируетъ это положеніе.

Что условія выкупа частныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ казну въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, если не всегда, были весьма выгодны для акціонеровъ, это видно уже изъ того, что вмѣсто 5%-ныхъ акцій, срокъ гарантіи которыхъ истекалъ или уже истекъ, почему фак-

тически онѣ должны были большею частью оказаться бездоходными. акціонеры получали 4%-ыя облигаціи, дѣлавшія ихъ кредиторами государства, получавшими постоянный прочный доходъ, обыкновенно даже болѣе высокій, чѣмъ номинально значилось, такъ какъ курсъ стоялъ ниже номинальной стоимости облигацій, и, слѣдовательно, процентъ былъ выше четырехъ. Не надо кромѣ того забывать, что при выкупѣ цѣликомъ были сложены долги выкупаемыхъ дорогъ казнѣ, доходившіе въ общей сложности до 707 мил. руб. До 1894 года облигацій казной было выпущено всего почти на 184 мил. руб. металлическихъ и около 115 мил. руб. кредитныхъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ выгоды акціонеровъ были прямо поразительны. Такъ, Уральская горнозаводская желѣзная дорога приносила убытки до 3 мил. 300 тыс. руб. въ годъ; на ней лежалъ долгъ правительству почти въ 38 мил. руб. и частнымъ лицамъ въ 4 мил. руб. Правительство покрыло всѣ долги и стало уплачивать акціонерамъ послѣ выкупа ежегодную ренту болѣе чѣмъ въ полмилліона, платежъ которой долженъ былъ прекратиться только въ 1959 г.

Какъ бы то ни было, но съ 1881 по 1894 г. было выкуплено всего въ казну 24 желѣзнодорожныхъ линіи, принадлежавшія 15-и акціонернымъ компаніямъ, протяженіемъ почти въ $12^1/_2$ тысячъ верстъ. Русское желѣзнодорожное хозяйство сдѣлалось наполовину казеннымъ. Несмотря, однако, на это, русская желѣзнодорожная сѣть вплоть до половины 90-хъ годовъ постоянно требовала огромныхъ приплатъ изъ средствъ государственнаго казначейства. Казенныя желѣзныя дороги въ 1880 г. дали 56,4 мил. руб. убытка, въ 1886 г. 34 мил., въ 1892 г.—35,6 мил. рублей. Казенное хозяйство оказалось не лучше частнаго, чему особенно способствовала полная устарѣлость отжившей бюрократической машины, гдѣ формальный и фиктивный чиновничій контроль былъ совершенно безсиленъ въ борьбѣ съ хищеніями и злоупотребленіями всякаго рода.

IV.

Денежное обращеніе и Государственный банкъ.

Протекціонная таможенная политика и усиленное концессіонное, сопровождаемое гарантіями и субсидіями, желѣзнодорожное строительство были, какъ мы только что убѣдились, плотью отъ плоти и костью отъ костей эпохи первоначальнаго накопленія съ ея хищническими пріемами капиталистической эксплоатаціи, рискомъ, биржевымъ ажіотажемъ, частыми и острыми кризисами. Съ этой эпохой мирилось и господствавшее въ то время въ Россіи бумажное денежное обращеніе, бумажная валюта, неразмѣнность бумажнаго рубля на звонкую монету. Намъ уже извѣстно, что серебряная валюта, введенная Кан-

[illegible] ...га- [illegible]

[illegible] купаемыхъ дорогъ [illegible]

[illegible] тыс. руб. въ годъ; на [illegible]

[illegible] казну 24 [illegible] Русское желѣз-нодорожное хозяйство сдѣлалось на-половину казеннымъ. Несмотря, од-нако, на это, русская желѣзнодорож-ная сѣть вплоть до половины 90-хъ го-[illegible] мил., въ 1892 г.—35,6 мил. руб-[illegible] способствовала полная устар[illegible]

[illegible]

[illegible] рубля [illegible]

1887

кринымъ послѣ произведенной имъ девальваціи, не оказалась прочной и устойчивой, и скоро снова восторжествовала валюта бумажная... Кредитныхъ билетовъ выпускали все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, не пришлось совершенно прекратить размѣнъ за недостаткомъ металлическаго размѣннаго фонда: къ 1 января 1844 года выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ считалось всего на 30,4 мил. руб., въ 1850 г.—уже на 300,3 мил. руб., въ 1856—на 509,2 мил. руб. Въ послѣдовавшіе за тѣмъ два года сумма эта увеличилась до чрезвычайности: къ 1 января 1857 г. кредитныхъ билетовъ было выпущено уже на 689,3 мил. руб., а еще годъ спустя—на 735,3 мил. руб. Послѣ этого размѣнъ кредитныхъ билетовъ былъ прекращенъ, и хотя правительство въ 1862—1863 гг. попыталось было возобновить его, но эти попытки кончились полной неудачей. Надо прибавить къ этому, что прекращеніе размѣна, естественно, не только не вызвало сколько-нибудь замѣтнаго сокращенія количества выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, но, напротивъ, сопровождалось быстрымъ и сильнымъ ростомъ этого количества. Правда, съ 1859 по 1872 г. количество выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ было нѣсколько ниже, чѣмъ въ 1858 г., но въ 1872 г. оно повысилось до 772,9 мил. руб., въ 1878 г. впервые перешагнуло за милліардъ (1.039,9 мил. р.), а въ 1892 г. дошло до 1.121,3 мил. руб. Когда рѣчь шла о реформѣ Канкрина, была указана вся ненормальность бумажнаго денежнаго обращенія и сопряженныхъ съ нимъ частыхъ и рѣзкихъ колебаній курса кредитнаго рубля, весь вредъ, происходящій отсюда для государственнаго и частнаго кредита и для коммерческихъ сношеній и связей. Этотъ вредъ, эта ненормальность обнаруживались все чаще и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ близился къ концу періодъ первоначальнаго накопленія и вступало въ свои права капиталистическое накопленіе съ его чрезвычайно развитымъ международнымъ обмѣномъ и широкимъ міровымъ кредитомъ. Передъ правительствомъ въ интересахъ развивающагося капитализма стояла такимъ образомъ задача регулировать денежное обращеніе въ Россіи и ввести вмѣсто бумажной металлическую валюту, на этотъ разъ уже не серебряную, а золотую.

Для того, чтобы возстановить металлическое денежное обращеніе въ Россіи, правительству необходимо было скопить въ своихъ рукахъ достаточный металлическій размѣнный фондъ, золотой запасъ. Поэтому накопленіе такого золотого запаса и составляло ближайшую цѣль финансовой политики государства съ шестидесятыхъ по 90-ые годы. Но мало было возстановить металлическое денежное обращеніе, — надо было еще его упрочить, для чего недостаточно было накопленія золотого размѣннаго фонда государствомъ, а необходимо было обезпечить, чтобы золото не уплывало за границу. Другими словами, необходимъ былъ благопріятный для Россіи расчетный балансъ, т.-е. русскіе платежи за границу не должны были превышать ту сумму, которую составляли поступленія изъ-за границы. Русскіе

платежи за границу слагались изъ платежей по русскимъ внѣшнимъ займамъ, расходовъ, производимыхъ русскими путешественниками за границей, и платежей за ввозимые изъ-за границы товары. Платежи по займамъ, какъ ниже увидимъ, не только не сокращались и не могли сокращаться, но росли. Не поддавались ограниченію и расходы русскихъ за границей. Такимъ образомъ для достиженія благопріятнаго расчетнаго баланса не оставалось ничего другого, какъ всѣми силами добиваться благопріятнаго торговаго баланса, т.-е. перевѣса—и притомъ по возможности большого перевѣса—стоимости русскаго вывоза надъ стоимостью иностраннаго ввоза. Главнымъ предметомъ русскаго вывоза является, какъ извѣстно, хлѣбъ; отсюда поощреніе правительствомъ русской вывозной торговли хлѣбомъ, поддержка имъ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Конвенціонный таможенный тарифъ и развитіе желѣзнодорожной сѣти должны были именно придти на помощь крупнымъ землевладѣльцамъ, экспортирующимъ хлѣбъ. Въ самой подготовкѣ денежной реформы, какъ мы сейчасъ убѣдимся, интересы хлѣбныхъ экспортеровъ и крупныхъ землевладѣльцевъ оказали весьма крупное вліяніе. Съ другой стороны, для благопріятнаго торговаго баланса необходимо было уменьшеніе стоимости иностраннаго ввоза. Такъ какъ въ Россіи изъ-за границы ввозились по преимуществу продукты обрабатывающей промышленности, то эта цѣль достигалась покровительствомъ русской фабрично-заводской промышленности, таможеннымъ протекціонизмомъ. Такъ таможенная и желѣзнодорожная политика и интересы господствующихъ въ обществѣ классовъ тѣснѣйшимъ образомъ переплетались съ реформой денежнаго обращенія.

Накопленіе золотого запаса, размѣннаго металлическаго фонда, начато было въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ еще въ концѣ 60-хъ и въ первой половинѣ 70-хъ годовъ министромъ финансовъ Рейтерномъ. Въ 1868 г. размѣнный фондъ составлялъ менѣе $9^1/_2$ % номинальной стоимости выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, въ 1875 г. онъ достигалъ уже почти 29%. Русско-турецкая война 1877—78 гг. уничтожила всѣ эти съ большимъ трудомъ достигнутые результаты. Для того, чтобы пойти впередъ въ дѣлѣ накопленія золотого запаса, правительство въ 80-хъ годахъ, при Бунге и особенно при Вышнеградскомъ, заключало займы и стремилось образовать такъ называемую „свободную наличность“ государственнаго казначейства, которая, какъ увидимъ въ свое время, слагалась также въ значительной степени изъ суммъ, получавшихся путемъ реализаціи займовъ, а также изъ тѣхъ превышеній доходовъ казны надъ ея расходами, которыя явились результатомъ усиленнаго выжиманія государствомъ средствъ изъ народныхъ массъ путемъ косвеннаго обложенія предметовъ первой необходимости. Не малую роль въ дѣлѣ роста размѣннаго металлическаго фонда играла, наконецъ, и спекуляція съ кредитными билетами, въ которой участвовало министерство финансовъ—особенно при Вышне-

градскомъ, во второй половинѣ 80-хъ годовъ.

Для того, чтобы понять сущность этой спекуляціи и интересы, ее двигавшіе, необходимо сейчасъ познакомиться еще съ одной особенностью, какая отличала подготовку денежной реформы, осуществленіе которой будетъ разсмотрѣно въ особомъ очеркѣ финансовой политики послѣдняго десятилѣтія XIX в. Передъ правительствомъ, желавшимъ установить золотое денежное обращеніе, стояла дилемма: или добиться повышенія курсовой стоимости кредитныхъ билетовъ до паритета, т.-е. сдѣлать такъ, чтобы рубль кредитный равнялся старому золотому рублю, или произвести девальвацію,—понизить содержаніе золота въ золотомъ рублѣ, уменьшить дѣйствительную стоимость послѣдняго. Уже Бунге сталъ склоняться къ рѣшенію этой дилеммы во второмъ направленіи; Вышнеградскій и впослѣдствіи Витте окончательно стали на эту почву.

Причины такого рѣшенія вопроса корепились не только въ томъ, что при девальваціи казна должна была понести меньше жертвъ для проведенія денежной реформы, но и въ интересахъ русской торговли, особенно вывозной, слѣдовательно, опять-таки главнымъ образомъ въ интересахъ крупнаго землевладѣнія, поставлявшаго основной предметъ экспорта—хлѣбъ. Вышнеградскій въ своемъ докладѣ, поданномъ въ 1890 году, очень ясно формулировалъ ту классовую подкладку, которая скрывалась за проектомъ девальваціи. Въ это время курсъ кредитнаго рубля сильно повысился: съ 1888 г., когда кредитный рубль стоилъ всего 50 коп. золотомъ, онъ въ 1890 г. возросъ на 50%,—до 75 коп. золотомъ. Министръ финансовъ находилъ, что это обстоятельство „отзовется весьма гибельно на нашей отпускной торговлѣ и причинитъ значительный ущербъ нашимъ производителямъ“: землевладѣльцы, отпускавшіе хлѣбъ за границу, по вычисленію министра, при цѣнахъ и вексельномъ курсѣ 1889 года, должны были получить до 660 р. за вагонъ пшеницы, 515 р. за вагонъ ржи и 525 р. за вагонъ овса, а при новомъ курсѣ получать за пшеницу только 585 р., за рожь 470 р. и за овесъ 480 руб., такъ что „при дальнѣйшемъ повышеніи вексельнаго курса цѣны могутъ дойти до такого уровня, что отпускъ нашего хлѣба сдѣлается невозможнымъ“. Такимъ образомъ интересы крупнаго землевладѣнія препятствовали политикѣ повышенія курса кредитнаго рубля до паритета и требовали девальваціи.

Но, принимая политику девальваціи, правительство должно было остановиться на какой-либо нормѣ, должно было установить, насколько понижается основная денежная единица—золотой рубль—сравнительно со старымъ золотымъ рублемъ. Довольно рано правительство склонилось къ тому, чтобы понизить стоимость стараго золотого рубля на $^1/_3$, т.-е. сдѣлать такъ, чтобы кредитный (и вмѣстѣ новый золотой) рубль равнялся $66^2/_3$ старыхъ копейки золотомъ, или чтобы 1 р. 50 к. новыхъ равнялись 1 рублю старому. Между тѣмъ курсъ кредитнаго рубля съ конца 80-хъ годовъ сталъ подниматься выше этой нормы, при-

6*

мѣръ чему мы видѣли только что выше. Тогда правительство начало играть на биржѣ на пониженіе стоимости кредитныхъ билетовъ, начало продавать кредитные билеты за золото по цѣнѣ низшей, чѣмъ биржевая. Этимъ пониженъ былъ, конечно, курсъ кредитнаго рубля, и вмѣстѣ съ тѣмъ правительство пополнило въ извѣстной мѣрѣ свой золотой запасъ—золотомъ, вырученнымъ отъ продажи кредитныхъ билетовъ.

Мало-по-малу правительству удалось составить дѣйствительно огромный металлическій фондъ. Въ 1886 г. золотой запасъ равнялся всего 170 милліонамъ 346 тысячамъ рублей, при чемъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи числилось болѣе 1 милліарда 46 милліоновъ 400 тысячъ рублей. Въ періодъ времени между 1887 и 1890 годами было вновь пріобрѣтено въ размѣнный фондъ 309 мил. 269 тыс. рублей, а къ 1 января золотые запасы составляли уже 514 мил. рублей. Если принять курсъ въ $66^2/_3$ коп. зол. за кредитный рубль, то золотой запасъ равнялся 771 мил руб. кред., что составляло уже 69,7% всѣхъ находившихся тогда въ обращеніи кредитныхъ билетовъ. Такъ въ теченіе всего періода первоначальнаго накопленія готовился металлическій и именно золотой размѣнный фондъ, необходимый для возстановленія размѣна кредитныхъ билетовъ и для перехода къ золотой валютѣ. Но въ эпоху первоначальнаго накопленія реформа денежнаго обращенія не осуществилась и не могла осуществиться. Гипертрофія бумажно-денежнаго обращенія, сопровождающаяся низкимъ курсомъ кредитныхъ билетовъ и стѣсненіемъ или полнымъ уничтоженіемъ свободы ихъ размѣна на звонкую монету, всегда является неизмѣннымъ спутникомъ соціально-экономическихъ условій періода первоначальнаго накопленія и самодержавно-полицейскаго режима, господствующаго въ этотъ періодъ. И здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ внѣшнимъ совпаденіемъ, а съ глубокой внутренней, органической связью. Уже приведенный только что примѣръ того, какъ тѣсно связаны были, по словамъ Вышнеградскаго, интересы хлѣбнаго экспорта, и слѣдовательно и экспортеровъ и землевладѣльцевъ, съ низкимъ курсомъ кредитнаго рубля, служитъ наглядной иллюстраціей тѣсной связи первоначальнаго накопленія съ бумажнымъ денежнымъ обращеніемъ. О томъ же свидѣтельствуетъ та атмосфера спекуляціи, биржевой игры, ажіотажа, грюндерства, которая господствовала въ то время и которой въ такой полной мѣрѣ соотвѣтствовали эксцессы бумажнаго обращенія. Наконецъ, не надо забывать, что гипертрофія денежнаго обращенія является яснымъ отраженіемъ того произвола и той безконтрольности, которыя составляютъ душу живую самодержавно-полицейскаго режима. Принципы „хоть мигъ, да мой", „послѣ насъ хоть потопъ" и другіе, имъ соотвѣтствующіе, получаютъ въ бумажномъ обращеніи свое наиболѣе яркое и отчетливое выраженіе.

Регулированіе денежнаго обращенія и подготовка его реформы составляли одну изъ существенныхъ задачъ дѣятельности новаго кредит-

наго учрежденія, появившагося во второй половинѣ вѣка, — Государственнаго банка. Необходимо поэтому въ связи съ вопросомъ о денежномъ обращеніи разсмотрѣть сейчасъ въ главныхъ чертахъ вообще дѣятельность Государственнаго банка до его реформы въ 1894 году.

Самый фактъ его учрежденія заслуживаетъ вниманія: онъ знаменателенъ и самъ по себѣ и по тѣмъ традиціямъ, которыя унаслѣдованы были новымъ учрежденіемъ отъ историческаго прошлаго.

Прежде всего—объ этихъ традиціяхъ. При своемъ учрежденіи въ 1860 году Государственному банку пришлось считаться съ цѣлымъ рядомъ дореформенныхъ государственныхъ кредитныхъ установленій: Государственнымъ коммерческимъ банкомъ, заемнымъ банкомъ, сохранными казнами и приказами общественнаго призрѣнія. Всѣ эти учрежденія представляли собою удивительно яркія иллюстраціи классовой политики крѣпостнически-самодержавнаго правительства. Разсматривая дѣятельность ихъ, нельзя подыскать для нея другого имени, кромѣ безудержной и наглой бюрократически-дворянской вакханаліи, вполнѣ гармонировавшей съ крѣпостническими соціальными отношеніями и съ безграничнымъ произволомъ правительства. Капиталы дореформенныхъ кредитныхъ установленій ни въ какой степени не содѣйствовали развитію торговли и промышленности, эволюціи производительныхъ силъ страны, — они наполовину удовлетворяли хищническимъ аппетитамъ дворянства, которому выдавались огромныя суммы подъ залогъ крѣпостныхъ душъ: извѣстно, что такихъ ссудъ дворянство получило ко времени освобожденія крестьянъ на $425^1/_2$ милл. рублей; въ другой своей половинѣ средства кредитныхъ установленій дореформенной эпохи шли въ руки правительства, беззастѣнчиво запускавшаго въ нихъ свою хозяйскую руку и путемъ такихъ „позаимствованій" забравшаго себѣ по меньшей мѣрѣ 521,4 милл. рублей изъ общей суммы всѣхъ капиталовъ, составлявшихъ въ 1858 г. 1.012,9 милл. руб. Въ результатѣ такого веденія дѣла въ концѣ 50-хъ годовъ всѣ государственныя кредитныя учрежденія обанкротились.

Государственный банкъ и долженъ былъ прежде всего считаться съ результатами этого банкротства, обязанъ былъ заштопать дыры и прикрыть прорѣхи, получившіяся въ результатѣ дореформенной кредитной политики. Выкупная операція помогла ему заштопать одну изъ этихъ дыръ,—покрыть дворянскіе долги изъ выкупныхъ суммъ. Тѣмъ не менѣе наслѣдіе прошлаго долго затрудняло дѣятельность новаго учрежденія, было настоящимъ ядромъ, привязаннымъ къ ногѣ каторжника.

Согласно уставу Государственнаго банка, на него возложенъ былъ „платежъ процентовъ и возвратъ капитала по вкладамъ, внесеннымъ въ бывшія кредитныя установленія". Правда, формально эти вклады были объявлены долгомъ государственнаго казначейства банку, но то была пустая форма, совершенно лишенная реальнаго содержанія, такъ какъ платить по нимъ проценты и воз-

вращать капиталъ долженъ былъ банкъ изъ собственныхъ средствъ.

Въ 1886 г. эта ликвидація старыхъ грѣховъ была закончена. Казалось, Государственный банкъ окажется въ состояніи исполнить свое прямое назначеніе эмиссіоннаго и коммерческаго кредитнаго учрежденія, регулирующаго денежное обращеніе и содѣйствующаго нормальному развитію торговли и промышленности. Это диктовалось и потребностями развивавшагося капитализма, интересами нарождавшейся и крѣпнувшей торгово-промышленной буржуазіи.

Но крѣпостническое землевладѣніе не умерло и не могло умереть въ условіяхъ первоначальнаго накопленія. И землевладѣльческіе классовые интересы повели къ замѣнѣ одного ядра на ногѣ каторжника другимъ—не менѣе тяжелымъ: Государственный банкъ вынужденъ былъ выдавать изъ своихъ средствъ субсидіи Государственнымъ Дворянскому и Крестьянскому земельнымъ банкамъ. Насколько оба эти учрежденія служили интересамъ крѣпостническаго землевладѣнія,—хорошо извѣстно. Достаточно указать на то, какихъ значительныхъ размѣровъ достигали эти субсидіи: начавшись скромными суммами въ 800 тыс. руб. въ 1884 г. и тремя-четырьмя милліонами въ 1885 и 1886 годахъ, субсидіи повысились въ 1887 г. до 57,7 милл., въ 1888 г.—до 79,7 милл., въ 1889 г.—до 79,6 милл. и въ 1890 г.—до 40,5 милл. рублей.

Такъ черпало изъ кассы Государственнаго банка нужныя ему средства дворянство. Съ нимъ успѣшно конкурировала въ этомъ отношеніи и самодержавная бюрократія, сама постоянно пополнявшая собою ряды дворянъ-землевладѣльцевъ: правительство попрежнему беззастѣнчиво запускало свою хозяйскую руку въ кассу банка и брало оттуда сколько ему было угодно, бухгалтерски записывая забираемыя суммы въ долгъ государственнаго казначейства Государственному банку. Такихъ долговъ по позаимствованіямъ на текущіе государственные расходы было сравнительно немного до конца 70-хъ годовъ, но въ 1878 г. они сразу выросли до огромной суммы въ 286 слишкомъ милл. руб., въ 1879 г. дошли до 478,9 милл., въ теченіе всей первой половины 80-хъ годовъ колебались между 200 и 350 милл. и лишь позднѣе стали убывать, равняясь въ 1886 г. 150 милл., въ 1887 г.—100 милл. и т. д. Это и понятно: уставъ Государственнаго банка нисколько не гарантировалъ его самостоятельности и всецѣло подчинялъ его дискреціонной власти министра финансовъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ на развитіе настоящаго, серьезно и нормально поставленнаго коммерческаго кредита, у Государственнаго банка оставались одни жалкіе обглодки. Эмиссіонная операція служила въ очень незначительной мѣрѣ интересамъ торговли: кредитные билеты выпускались лишь отчасти сообразно коммерческимъ потребностямъ, обнаруживавшимся въ теченіе сезона оживленныхъ торговыхъ сношеній; главнымъ же образомъ въ этомъ дѣлѣ руководились соображеніями, вытекавшими изъ интересовъ казны; правитель-

ство прибѣгало къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ просто съ бюджетными цѣлями, мало считаясь съ интересами торговли и промышленности, поскольку та или другая уже успѣвали отчасти избавиться отъ хищническихъ традицій и пріобрѣтали культурно - капиталистическій характеръ. Въ 60-хъ годахъ коммерческія затраты Государственнаго банка не превышали 60-ти милл. руб. въ годъ, въ 70-хъ онѣ дошли только до 130—200 милл,и только въ 80-хъ перешли этотъ предѣлъ.

Если ко всему этому прибавить, что правительство не стѣснялось пользоваться средствами Государственнаго банка для биржевой игры, имѣвшей цѣлью, напр., поддержку курса государственныхъ процентныхъ бумагъ на заграничномъ денежномъ рынкѣ, то мы получимъ совершенно цѣльную, логически-стройную картину дѣятельности Государственнаго банка съ 60-хъ до начала 90-хъ годовъ XIX вѣка. Если таможенная и желѣзнодорожная политика была типичной для экономическаго хищничества, увѣнчаннаго и обезпеченнаго хищничествомъ политическимъ, то денежное обращеніе и организація и дѣятельность Государственнаго банка еще тѣснѣе и лучше связываетъ государственное хозяйство съ этими общими условіями эпохи первоначальнаго накопленія. Характерно и важно здѣсь также то, что развивающійся капитализмъ все - таки, несмотря на всѣ противодѣйствія, диктовалъ необходимость, по крайней мѣрѣ, частичныхъ измѣненій въ денежномъ обращеніи и вообще въ дѣятельности Государственнаго банка. Мы увидимъ впослѣдствіи, какую своеобразную форму приняли эти измѣненія въ послѣднее десятилѣтіе вѣка.

V.

Система государственныхъ расходовъ и доходовъ.

Мы подвергли послѣдовательному обзору три важныхъ отрасли государственнаго хозяйства въ Россіи второй половины XIX вѣка,—таможенную политику, желѣзнодорожную политику и регулированіе денежнаго обращенія въ связи съ дѣятельностью Государственнаго банка. Таможенная политика, если не считать системы явныхъ и скрытыхъ премій—вродѣ возврата сахарнаго акциза при вывозѣ сахара за границу,—приносили государству огромный доходъ, но политика желѣзнодорожная и подготовка введенія золотой валюты требовали напротивъ огромныхъ финансовыхъ жертвъ. Колоссальныя суммы поглощались кромѣ того другими, текущими, такъ называемыми обыкновенными государственными расходами, распредѣлявшимися опять-таки сообразно тѣмъ классовымъ интересамъ, выразителемъ которыхъ являлось государство. Прежде чѣмъ уяснить себѣ окончательно вопросъ о томъ, откуда брало государство средства для покрытія всѣхъ этихъ расхо-

довъ, мы должны теперь познакомиться съ русскимъ расходнымъ бюджетомъ и его выполненіемъ въ изучаемое нами время.

Первое обращающее на себя вниманіе явленіе, которое обнаруживается при изученіи русскихъ государственныхъ расходовъ съ 60-хъ годовъ XIX вѣка до его конца,—это огромный ростъ этихъ расходовъ. Если взять даже одинъ обыкновенный бюджетъ, то ростъ обыкновенныхъ расходовъ окажется поразительнымъ. Въ 1861 г. вся израсходованная казной сумма равнялась всего 348 милліонамъ 600 тысячамъ рублей, а въ 1892 г. однихъ обыкновенныхъ расходовъ было произведено на 911 милліоновъ рублей. Къ этому надо прибавить еще громадные чрезвычайные расходы, которые въ 1892 г. доходили до 400 милліоновъ.

Государство тратило, такимъ образомъ, огромныя суммы, быстро возраставшія въ такой прогрессіи, что если сравнить государственные расходы начала и конца изучаемаго періода, то окажется, что они возросли приблизительно въ четыре раза. Уже изъ этого одного видно, что государство являлось типической для эпохи первоначальнаго накопленія хозяйственной организаціей: никогда траты не растутъ такъ быстро, расточительность не увеличивается столь головокружительно, какъ именно въ эпоху первоначальнаго накопленія, когда аппетиты хищниковъ разыгрываются до крайнихъ предѣловъ.

Но еще болѣе характерная и яркая картина развернется передъ нами, если мы обратимъ вниманіе на отдѣльныя статьи расходовъ.

Намъ уже извѣстно, какое важное значеніе для новорожденнаго капитализма вообще и для грюндерства въ частности имѣютъ желѣзныя дороги. Извѣстны отчасти и тѣ жертвы, которыя несло государство для цѣлей желѣзнодорожнаго строительства и для покровительства желѣзнодорожнымъ дѣльцамъ. Остается только дополнить приведенныя выше свѣдѣнія нѣкоторыми другими данными. Обыкновенный расходный бюджетъ министерства путей сообщенія постепенно увеличивался: въ 60-хъ и 70-хъ годахъ онъ не превышалъ 25 милл. руб., въ 1880 году равнялся $69^1/_2$ милліонамъ, въ 1886 г. дошелъ уже до 86,4 милл., а въ 1892 г.—до 146,7 милл. руб. Такимъ образомъ расходы казны по министерству путей сообщенія въ 1892 году увеличились сравнительно съ 60-ми годами почти въ шесть разъ. Принимая во вниманіе, что и ростъ задолженности государства проистекалъ главнымъ образомъ изъ стремленія увеличить траты на желѣзнодорожное дѣло, легко понять, какъ усердно служило государство интересамъ развивающагося капитализма и общественныхъ классовъ, выдвигающихся подъ вліяніемъ этого развитія на первый планъ.

Другая дань, которую государство платило прямо и непосредственно капиталистамъ,—это платежи по государственнымъ займамъ. И здѣсь дань прогрессировала въ своихъ размѣрахъ, несмотря даже на произведенныя во второй половинѣ 80-хъ годовъ конверсіи мно-

гихъ государственныхъ займовъ. Въ 1866 г. расходы по системѣ государственнаго кредита доходили почти до 75 милліоновъ рублей, въ 1879 г. поднялись до $172^1/_2$ милліоновъ, въ 1889 г.—до $258^1/_2$ милліоновъ, такъ что съ 1866 г. по 1889 г. возросли почти въ $3^1/_2$ раза. Въ 1891 г. система кредита поглощала 28,26% всего бюджета.

Развивающійся капитализмъ для охраны и пріобрѣтенія внѣшнихъ и внутреннихъ рынковъ, а также для защиты кармановъ гг. капиталистовъ отъ „враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ“ и для поддержанія буржуазнаго „порядка“ нуждается въ арміи, флотѣ и полиціи. И соотвѣтственно этому увеличиваются расходные бюджеты министерствъ военнаго, морского и внутреннихъ дѣлъ. Въ 1860 г. на военное и морское министерства было израсходовано всего около 129 милл. руб., что уже тогда составляло болѣе 36% общихъ государственныхъ расходовъ. Въ 1898 г. соотвѣтствующій расходъ достигъ почти 371 милл., т.-е. увеличился почти втрое. Министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало въ 1862 г. менѣе 9 милліоновъ казенныхъ денегъ, въ 1898 г. оно поглотило болѣе 80 милліоновъ рублей. Необходимо прибавить, что армія, флотъ и администрація, увеличиваясь количественно и поглощая все большія денежныя суммы, служатъ источниками жизненныхъ средствъ и для стараго помѣстнаго и растерявшаго свои помѣстья крѣпостническаго дворянства, изъ среды котораго пополняются почти исключительно сухопутный и морской офицерскій корпусъ и штатъ высшей центральной и мѣстной администраціи. Зато государство было очень осторожно въ расходованіи средствъ на нужды массы населенія. Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія занималъ въ ряду бюджетовъ различныхъ вѣдомствъ послѣднее мѣсто. Какъ далеко оно отставало отъ вѣдомствъ наиболѣе привилегированныхъ, покажутъ нѣсколько цифръ. Въ смѣтѣ на 1881 годъ—почти середина разсматриваемаго нами періода—расходы министерства просвѣщенія фигурируютъ въ суммѣ 17.414.000 рублей, тогда какъ военное министерство въ этомъ году располагало 225.664.000 р., министерство финансовъ—108.369.000 руб. Такъ, даже въ концѣ царствованія Александра II, россійская имперія продолжала быть, главнымъ образомъ, тою же военно-финансовою организаціей, какой было Московское государство XVII вѣка. Если мы сравнимъ, въ этомъ отношеніи, полуфеодальную Россію съ развитыми буржуазными странами западной Европы и внѣевропейскими, архаизмъ русскаго строя еще больше бросится намъ въ глаза. Въ концѣ XIX вѣка Россія затрачивала на *начальное* народное образованіе по 31 коп. на каждаго жителя: т.-е. вдвое менѣе Испаніи (62 коп.), въ два съ половиной раза менѣе Румыніи (80 коп.) и Венгріи (79 коп.), почти въ *восемь* разъ менѣе Пруссіи (2 руб. 45 коп.) и въ *четырнадцать* разъ менѣе Соединенныхъ Штатовъ (4 руб. 36 коп.) *).

Такъ главныя массы средствъ,

---

*) См. Озеровъ, „Экономическая Россія и ея финансовая политика“, стр. 236—237.

сосредоточивавшихся въ государственной казнѣ, широкимъ и глубокимъ потокомъ направлялись въ карманы правящихъ классовъ общества, служили надежной ихъ матеріальной опорой и поддержкой. Откуда же брались эти матеріальныя средства, какіе классы общества несли по преимуществу жертвы въ интересахъ господствующаго меньшинства? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ необходимости представить общую характеристику системы русскихъ государственныхъ доходовъ во второй половинѣ XIX вѣка.

Русская податная система 60-хъ и 70-хъ годовъ XIX вѣка представляла собою такое же наслѣдіе крѣпостной эпохи, какъ и очень многое въ хозяйственной жизни Россіи того времени. Она вся покоилась на эксплоатаціи платежныхъ силъ и средствъ малоимущаго населенія, по преимуществу крестьянской массы. Среди прямыхъ налоговъ опредѣляющую роль играла въ то время подушная подать, прямой обломокъ старины. Изъ 83 милліоновъ рублей, собранныхъ въ видѣ прямыхъ налоговъ съ населенія въ 1869 г., на долю подушной подати приходилось $38^1/_2$ милліоновъ, т.-е. болѣе 46%. Въ 1879 г. подушная подать доставила казнѣ 52 милл. рублей, а всѣхъ прямыхъ налоговъ поступило менѣе $117^1/_2$ милл. рублей, такъ что процентное отношеніе подушнаго сбора ко всѣмъ остальнымъ прямымъ налогамъ почти совсѣмъ не измѣнилось. А подушная подать лежала именно на крестьянствѣ.

Еще болѣе важное значеніе въ ряду прямыхъ налоговъ принадлежало другому обломку историческаго прошлаго—выкупнымъ платежамъ, налогу, платившемуся крестьянами въ видѣ выкупа за полученную при освобожденіи землю. Насколько тяжелъ былъ этотъ налогъ,—видно изъ того, что, по приблизительному расчету, въ 90-хъ годахъ на десятину крестьянской земли выкупныхъ платежей падало въ среднемъ по 89 коп. въ годъ, тогда какъ другихъ прямыхъ казенныхъ сборовъ всего по 6 коп., земскихъ по 26 к. и мірскихъ по 40 к. Другими словами, выкупные платежи составляли 55,3% всей суммы прямыхъ сборовъ, уплачивавшихся крестьянами, и 93,6% всѣхъ прямыхъ *казенныхъ* сборовъ съ крестьянъ. Не надо при этомъ забывать, что выкупные платежи ни въ какомъ случаѣ не являлись простымъ возвратомъ крестьянами въ казну суммъ, уплаченныхъ послѣднею за землю помѣщикамъ: выкупная операція была источникомъ новаго, дополнительнаго дохода для казны, такъ что, переплачивая за дорого оцѣненную землю, крестьяне вмѣстѣ съ тѣмъ переплачивали еще и въ пользу государства лишнія суммы. Когда въ 1902 г. сведенъ былъ общій балансъ выкупной операціи, оказалось, что прибыль казны равняется 25 милліонамъ 654 тысячамъ рублей.

Еще болѣе важную роль въ бюджетѣ игралъ важнѣйшій для того времени косвенный налогъ—питейный; въ 1869 г. онъ доставилъ казнѣ почти 138 мил. руб., что составляетъ болѣе $31^1/_2$% всѣхъ доходовъ отъ прямого и косвеннаго обложенія. Въ 1879 г. поступленія

отъ питейнаго дохода превысили 228 мил. руб., или $34^1/_2\%$ всѣхъ государственныхъ доходовъ. Питейный сборъ главной своей тяжестью опять-таки ложился на массу населенія.

Къ этому надо еще прибавить, что весь государственный бюджетъ покоился на косвенномъ обложеніи: косвенные налоги, которые опять таки особенно обременительны для маломощной массы, приблизительно впятеро превышали своими размѣрами сумму, получавшуюся путемъ сборовъ прямыхъ налоговъ.

Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, въ министерство Бунге, сдѣланы были нѣкоторые шаги къ реформѣ податного обложенія: съ 1883 г. подушная подать стала постепенно уничтожаться; въ 1882 г. былъ введенъ особый налогъ на наслѣдства и даренія. Предполагалось и введеніе подоходнаго налога. Но послѣднее предположеніе такъ и осталось неосуществленнымъ. Къ тому же порядокъ раскладки другихъ прямыхъ налоговъ—поземельнаго и подомоваго, изъ которыхъ первый былъ введенъ въ 1875 г., а второй въ 1863 г.,—установленъ былъ такой, что и въ данномъ отношеніи интересы малоимущихъ слоевъ населенія приносились въ жертву интересамъ обезпеченнаго и господствующаго крѣпостническаго и капиталистическаго меньшинства. Обложеніе поземельнымъ налогомъ распредѣлено по губерніямъ далеко не въ соотвѣтствіи съ доходностью земель. По уѣздамъ сумма, пришедшаяся на губерніи, развертывается губернскими земскими собраніями, а уѣздныя управы распредѣляютъ платежи каждаго отдѣльнаго имѣнія. И результатъ получается въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ неблагопріятный для крестьянскаго землевладѣнія.

Если взять даже общій итогъ сбора государственнаго поземельнаго налога для всей Россіи, то оказывается, что десятина крестьянской земли въ среднемъ обложена этимъ налогомъ на 20% сильнѣе, чѣмъ десятина земли дворянской. Мѣстами же неравномѣрность обложенія доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Но въ общей массѣ падавшихъ на землю платежей поземельный налогъ составлялъ лишь ничтожную долю. Классовый смыслъ земельнаго обложенія станетъ для насъ ясенъ, если мы сравнимъ платежи всѣхъ наименованій, падавшіе на крестьянскую надѣльную землю, съ одной стороны, и на землю „частныхъ владѣльцевъ“, т.-е. дворянства и, отчасти, буржуазіи, съ другой. Въ 90-хъ годахъ XIX вѣка, напримѣръ, въ устюженскомъ уѣздѣ новгородской губерніи, каждая крестьянская десятина платила всего, считая съ выкупными платежами, 89,9 коп., а каждая „частновладѣльческая“—8,1 коп., почти въ 12 разъ меньше. Въ епифанскомъ у. тульской губ. крестьяне платили, съ выкупными, по 3 р. 81 коп. съ десятины, а безъ выкупныхъ—1 р. 58 коп., а помѣщики, даже съ сословными дворянскими сборами, всего по 50 коп. Въ ветлужскомъ уѣздѣ костромской губ. крестьянская десятина была обложена съ выкупными въ 1 р. 2 коп., безъ нихъ—

въ 52 коп., тогда какъ помѣщики платили 8—10 коп. *).

Въ 1885 г. введенъ налогъ на доходы съ денежныхъ капиталовъ, но онъ значительно ниже поземельнаго. Въ общемъ всѣ эти робкія полумѣры, какъ и послѣдовавшія за ними уменьшенія выкупныхъ платежей, не привели къ измѣненію системы податей, а постоянная нужда правительства въ деньгахъ и покровительственная политика вызвали усиленный ростъ косвеннаго обложенія. Фискальный, а не принципіальный характеръ носитъ и введеніе такого прямого налога, какъ квартирный въ 1894 г.: вопреки утвержденіямъ министерства финансовъ, квартирный налогъ не имѣетъ ничего общаго съ подоходнымъ, а представляетъ собою обложеніе многосемейныхъ лицъ тѣмъ болѣе, что прогрессія для болѣе дорогихъ квартиръ весьма невелика, и допускается множество важныхъ исключеній изъ платежа налога.

Отмѣна подушной подати и вынужденное совершенной неплатежеспособностью крестьянской массы пониженіе выкупныхъ платежей повели къ дальнѣйшему пониженію прямого обложенія. Прямые налоги дали въ 1889 г. только 89 мил. руб. Выкупныхъ платежей поступило въ то же время $94^1/_2$ милліона. Это— капля въ морѣ русскаго бюджета. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что общая сумма однихъ обыкновенныхъ доходовъ простиралась въ 1889 г. до $914^1/_2$ мил. руб.

*) См. *Шидловскій*, „Земельное обложеніе" („Сводъ трудовъ мѣстн. комит. о нуждахъ сельскохоз. пром."), passim.

Этотъ огромный ростъ доходовъ совершался, слѣдовательно, не на счетъ прямого обложенія. Поступленія шли изъ другихъ источниковъ. Включеніе части этихъ поступленій въ число государственныхъ доходовъ имѣло, правда, лишь счетный, бухгалтерскій характеръ: сюда относится, напр., въ значительной степени повышеніе доходовъ съ казенныхъ имуществъ и капиталовъ, главная доля котораго пришлась на увеличеніе доходовъ съ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе роста казенной желѣзнодорожной сѣти; дѣло въ томъ, что всѣ эти новые доходы всецѣло поглощались расходами, и первыхъ даже не хватало для покрытія послѣднихъ.

Главное значеніе въ системѣ русскихъ государственныхъ доходовъ продолжало и во второй половинѣ XIX вѣка оставаться за косвенными налогами, которые вмѣстѣ съ пошлинами составляли немногимъ менѣе половины всѣхъ доходовъ. Если взять чистый бюджетъ, т.-е. исключить оборотныя суммы, имѣющія чисто-счетное бухгалтерское значеніе, то окажется, что въ 1880 году косвенные налоги составляли 69,2% всего дохода, а въ 1892 г.—71,6%. Притомъ косвенные налоги постоянно и очень быстро возрастали. Мы уже говорили выше о повышеніи таможеннаго обложенія. Прибавимъ здѣсь для иллюстраціи роста косвенныхъ налоговъ указанія на то, какія измѣненія были внесены въ этомъ отношеніи въ косвенное обложеніе въ 1887 и 1888 гг. За это непродолжительное время были введены новые налоги на освѣтительные нефтяные продукты и на зажи-

гательныя спички и были повышены акцизъ на спиртъ, табачный акцизъ, увеличенъ простой гербовый сборъ и гербовый сборъ на русскія и иностранныя процентныя бумаги, увеличена вдвое пошлина съ заграничныхъ паспортовъ. Въ 1892 г. увеличены акцизы на спиртъ, вино, пиво, табакъ, освѣтительныя масла и спички, и введенъ дополнительный акцизъ съ рафинада. Съ 1880 по 1892 г. доходъ отъ косвеннаго обложенія увеличился на 37%.

Первенствующую роль среди косвенныхъ налоговъ попрежнему игралъ налогъ питейный.

Въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ упраздненія откуповъ и замѣны ихъ акцизной системой, питейный доходъ давалъ около 100 мил. руб. въ годъ, составляя около трети всѣхъ доходовъ. Въ 1893 г. онъ дошелъ до 231,7 мил., а въ 1894 г.—до 264,9 мил., т.-е. увеличился сравнительно съ 60-ми годами болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза.

Чрезвычайно характернымъ, наконецъ, является то обстоятельство, что сильно росли доходы отъ государственныхъ регалій — особенно отъ почты и телеграфа: въ 1880 г. они дали неполныхъ 22 мил., въ 1886 г. уже 25,6 мил., а въ 1892 г. почти 34 мил., что за 12 лѣтъ даетъ увеличеніе почти на 55%. И этотъ ростъ имѣлъ большое фискальное значеніе, доставлялъ огромныя выгоды государственной казнѣ, такъ какъ не сопровождался соотвѣтственнымъ улучшеніемъ тѣхъ отраслей, изъ которыхъ извлекался доходъ. Это въ особенности надо сказать о почтовомъ и телеграфномъ дѣлѣ. Въ 1880 г. почта и телеграфъ причинили казнѣ убытокъ въ 400 тыс. руб., но въ 1886 г. оказалась уже прибыль въ 800 тысячъ, а въ 1892 г. эта прибыль поднялась до 7,6 мил. руб.

Всѣ цифры, съ которыми мы сейчасъ оперировали, относятся къ такъ называемому обыкновенному бюджету. Но кромѣ обыкновенныхъ доходовъ имѣлись еще чрезвычайные рессурсы, къ которымъ, по закону 1894 г., относились вклады въ Государственный банкъ на вѣчное время, поступленія отъ займовъ и продажи крупныхъ государственныхъ имуществъ и суммы, поступавшія въ возвратъ долговъ желѣзнодорожныхъ обществъ казнѣ. Фактически, однако, главнымъ чрезвычайнымъ рессурсомъ были именно государственные займы.

Спрашивается теперь: удалось ли въ 80-хъ годахъ уничтожить тотъ хроническій дефицитъ, какимъ страдала русская казна въ теченіе всего XIX столѣтія? Министры финансовъ направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы съ блескомъ заключить и главное исполнить смѣту. Съ этою цѣлью намѣренно исчислялись въ весьма скромныхъ, завѣдомо-невѣрныхъ цифрахъ доходы, въ смѣтахъ отмѣчалось постоянно благополучное состояніе обыкновеннаго бюджета, а по исполненіи росписи оказывалась обыкновенно значительная „свободная наличность государственнаго казначейства“, получавшаяся главнымъ образомъ въ результатѣ поступленій и расходовъ по обыкновенному бюджету. Въ отдѣльныхъ случаяхъ нерѣдко получалось впечатлѣніе, что и чрезвычайные расходы покры-

ваются избытками обыкновенныхъ. Но если взять сколько-нибудь продолжительный періодъ времени и оцѣнить его финансовые результаты, картина получается совсѣмъ другая: тогда окажется, что государство все время жило въ долгъ, и что такъ называемая „свободная наличность“ получалась именно путемъ займовъ. Такъ, въ десятилѣтіе съ 1889 по 1898 г., если сбалансировать всѣ—и обыкновенные и чрезвычайные—доходы и расходы, то окажется дефицитъ въ 28 милліоновъ рублей. А въ то же время было заключено займовъ на 760 мил. р. Стало быть, реальный дефицитъ простирался за 10 лѣтъ до 788 мил.

Понятно, какую важность имѣетъ при такихъ условіяхъ система государственнаго кредита. Россія жила въ долгъ. Это такъ. Но не менѣе важно знать, на какихъ условіяхъ принимала она на себя долговыя обязательства. Это заставляетъ насъ обратиться къ разсмотрѣнію характеристичныхъ чертъ русскаго государственнаго кредита.

VI.

Государственный кредитъ.

Предшествующее изложеніе — въ особенности разсмотрѣніе основныхъ характеристическихъ признаковъ русскаго государственнаго бюджета, доходовъ и расходовъ государства,—дѣлаетъ вполнѣ естественнымъ то заключеніе, что задолженность государства должна была расти и притомъ чрезвычайно быстро. Если считать не только государственные займы, заключенные на удовлетвореніе общихъ потребностей, но и желѣзнодорожные консолидированные займы и обязательства выкупной операціи, то окажется, что уже въ 1892 г. сумма государственнаго долга приближалась къ $5^1/_2$ милліардамъ рублей, между тѣмъ какъ въ половинѣ вѣка государственный долгъ составлялъ всего немногимъ болѣе милліарда рублей и даже въ 1861 г. равнялся только 2 милліардамъ 180 милліонамъ.

Чрезвычайно важно прослѣдить главные моменты исторіи русскихъ займовъ съ 60-хъ до начала 90-хъ годовъ: эта исторія даетъ цѣлый рядъ яркихъ, характерныхъ иллюстрацій хищническаго хозяйничанья на счетъ народа въ интересахъ господствующихъ классовъ.

Старыя, дореформенныя кредитныя учрежденія были ликвидированы чрезвычайно небрежно, съ огромными выгодами для вкладчиковъ и съ колоссальными убытками для казны: вкладчикамъ было уплачено болѣе 831 милліона рублей, и сверхъ того былъ заключенъ рядъ ликвидаціонныхъ внѣшнихъ займовъ на номинальную сумму въ 86,4 мил. руб., при чемъ эти займы послужили источникомъ большихъ прибылей для заграничныхъ кредиторовъ казны и банкировъ-посредниковъ: достаточно указать на то, что на дѣлѣ отъ этихъ займовъ выручено было государствомъ всего 66,2 мил. руб. Для цѣлей той же ликвидаціи было выпущено разныхъ банковыхъ билетовъ и серій на 523 мил. руб.

Шестидесятые и семидесятые годы возложили на казну и другую финансовую задачу тоже въ извѣстномъ смыслѣ ликвидаціоннаго характера,—именно выкупную операцію. Владѣльцамъ земли, поступившей въ надѣлъ крестьянамъ, было передано въ видѣ разнаго рода облигацій 664 мил. руб. Фактически это, какъ извѣстно, была плата не только за землю, но и за самихъ освобожденныхъ отъ крѣпостного права крестьянъ.

Огромные долги получились—далѣе—въ результатѣ желѣзнодорожнаго строительства и вообще желѣзнодорожной политики правительства. Уже въ 60-хъ и 70-хъ годахъ желѣзнодорожныхъ займовъ было заключено на 1 милліардъ 200 мил. руб. Послѣдующее время—до начала 90-хъ годовъ—дало новый приростъ желѣзнодорожнаго долга: новыхъ займовъ для цѣлей желѣзнодорожнаго строительства было заключено въ это время болѣе, чѣмъ на 600 мил. руб., да кромѣ того около 300 мил. долговъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ было переведено на казну вслѣдствіе перехода частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства.

Наконецъ, важной причиной, увеличивавшей государственный долгъ, былъ милитаризмъ,—расходы на армію, флотъ и веденіе войнъ—крымской и русско-турецкой. Для этихъ цѣлей всего занято было немногимъ менѣе 2-хъ милліардовъ рублей.

Тяжесть этого долгового бремени въ значительной степени усиливалась тѣми условіями, при которыхъ русское правительство заключало свои займы. Во-первыхъ, оно, за исключеніемъ немногихъ внутреннихъ займовъ, составившихъ лишь небольшую часть общей суммы государственнаго долга, никогда не имѣло возможности обращаться непосредственно къ той массѣ мелкихъ сберегателей, въ рукахъ которыхъ размѣщались, въ концѣ-концовъ, русскія процентныя бумаги. Непремѣннымъ условіемъ,—и это подчеркиваетъ лишній разъ средневѣковой характеръ русскаго государственнаго кредита,—было посредничество крупныхъ банкирскихъ фирмъ и синдикатовъ. Ближайшими кредиторами русской казны являлись они, и чтобы попасть въ русскій казенный сундукъ, деньги западно-европейской публики должны были пройти черезъ ихъ руки. Само собою разумѣется, что посредничество это отнюдь не было даровымъ или хотя бы только дешевымъ. При выпускѣ гарантированныхъ правительствомъ желѣзнодорожныхъ займовъ, въ 60-хъ—70-хъ гг., эта комиссія банкировъ доходила иногда до 10% всей суммы.

Для займовъ самого правительства она составляла, до начала 80-хъ годовъ, не менѣе 4% (напримѣръ, для 5% консолидированнаго желѣзнодорожнаго займа 1884 года—4,37%). Лишь наступившая въ концѣ этого десятилѣтія на международномъ денежномъ рынкѣ большая дешевизна, позволившая, между прочимъ, Вышнеградскому провести его конверсіи, о которыхъ дальше, позволила понизить и эту комиссію до 2% и даже нѣсколько ниже *). Рас-

*) Теперь, въ „конституціонную" эру она опять, какъ извѣстно, выросла до чудовищныхъ размѣровъ.

ходы и при такомъ пониженіи все же оставались милліонными и, напримѣръ, общій итогъ вознагражденія за посредничество при сейчасъ упомянутыхъ конверсіяхъ составили ни много, ни мало, какъ 21.667.000 рублей. Но безъ этого расхода обойтись было нельзя не въ силу какихъ-либо техническихъ затрудненій, а по причинамъ чисто политическаго характера. Западно-европейская публика относилась къ денежнымъ обѣщаніямъ русскаго правительства съ крайнимъ недовѣріемъ, и не только отсутствіе ручательства за русскую кредитоспособность со стороны мѣстныхъ, извѣстныхъ этой публикѣ банкировъ, но даже неполная слаженность этого ручательства грозила русскому займу крахомъ. Грознымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ могъ служить золотой 3% заемъ 1891 года—одинъ изъ послѣднихъ займовъ разсматриваемаго періода, слишкомъ смѣло спекулировавшій на очень благопріятныя условія денежнаго рынка. Организуя его, министерство Вышнеградскаго не поладило съ наиболѣе вліятельной частью парижской биржи, въ лицѣ Ротшильдовъ, которые и отказались принять въ дѣлѣ какое-либо участіе. Тѣмъ не менѣе, посредниковъ русское правительство нашло, и притомъ довольно солидныхъ: то было время перваго расцвѣта русско-французскаго союза, и спекуляція на русскій заемъ въ Парижѣ казалась выгодной. Хорошо оплачиваемыя парижскія газеты помѣстили рядъ патріотическихъ статей, доказывавшихъ нравственную обязанность французскаго общества прійти на помощь державѣ-союзницѣ: но публика не брала облигацій новаго займа, разсуждая, что если Ротшильды отъ этого дѣла устранились, то тутъ что-то не чисто. Тщетно организовавшій заемъ синдикатъ банкировъ прибѣгалъ къ самымъ героическимъ средствамъ,—разсылая, напримѣръ, своихъ агентовъ даже по улицамъ, съ соотвѣтствующими воззваніями, и подъ шумокъ уступая облигаціи за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ было объявлено: облигацій *не бралъ никто*, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ. Чтобы хоть сколько-нибудь спасти положеніе, пришлось прибѣгнуть къ фиктивной подпискѣ, устроенной самими же банкирами, выпускавшими заемъ: она въ 8 разъ превысила сумму займа, каковые „блестящіе результаты“ были немедленно соотвѣтствующимъ образомъ комментированы какъ въ подкупленныхъ парижскихъ газетахъ, такъ и въ офиціальныхъ публикаціяхъ русскаго министерства финансовъ. Но само собою разумѣется, что все это не только не дало послѣднему ни одного рубля, а напротивъ—вынуло еще весьма значительное количество рублей изъ его кармана. Въ 1891 г. заемъ совсѣмъ не удалось размѣстить—синдикатъ, всѣми правдами и неправдами, продалъ къ концу слѣдующаго, 1892-го года, около $^3/_5$ его и отказался отъ дальнѣйшей борьбы, считая ее безнадежной: $^2/_5$ *займа были приняты обратно въ казну*. О дальнѣйшей судьбѣ злосчастныхъ 3% облигацій 1891 года мы имѣемъ уже только офиціальные отчеты, правдивость которыхъ достаточно ясна изъ предыдущаго: такъ что на фіаско 1892 года прекращаются, въ сущности,

[illegible] рядъ [illegible] указывав- [illegible]

[illegible] средствамъ,— [illegible]

1881.

всѣ наши *точныя* свѣдѣнія объ этой операціи *).

Уже изъ нѣкоторыхъ подробностей только что разсказаннаго эпизода читатель могъ убѣдиться, что недовѣріе къ русскимъ фондамъ объяснялось отнюдь не однимъ невѣжествомъ западно-европейской публики по части русскихъ дѣлъ вообще и, въ частности, кредитоспособности россійской имперіи,—какъ хотѣли бы думать нѣкоторые русскіе финансисты. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ,—въ объективности котораго именно въ силу этого его предразсудка никакъ нельзя сомнѣваться,—даетъ такую характеристику обычныхъ пріемовъ и методовъ дѣйствія русскаго министерства финансовъ конца 80-хъ, начала 90-хъ годовъ, что остается удивляться не тому, что намъ не всѣ вѣрили, а тому, что намъ хоть кто-нибудь вѣрилъ. Приводимъ эту характеристику его подлинными словами. „Министерство постоянно сообщало въ офиціальныхъ документахъ (напр., всеподданнѣйшихъ докладахъ) совершенно невѣрныя и неточныя данныя о результатахъ конверсіонныхъ операцій... Сводимымъ министерствомъ бюджетамъ вѣрить было невозможно, такъ какъ они были составлены необычайно искусственно и даже носили фиктивный характеръ: предположенныя цифры никогда не совпадали съ дѣйствительнымъ поступленіемъ, а такіе пріемы, какъ перечисленіе металлическихъ рублей въ кредитные по произвольно взятымъ и *всегда невѣрнымъ* курсамъ, позволяли играть цифрами ad libitum и затемнять еще болѣе дѣло. Государственный контроль въ своихъ отчетахъ ни разу не пролилъ на дѣло истиннаго свѣта и въ своихъ объяснительныхъ запискахъ зачастую повторялъ голословно выводы министерства финансовъ о чрезвычайной выгодности совершонныхъ послѣднимъ кредитныхъ операцій“ *).

При такихъ условіяхъ пріобрѣтеніе долговыхъ обязательствъ „первокласной европейской державы“ (выраженіе только что цитированнаго финансиста) являлось, несомнѣнно, операціей, не лишенной нѣкотораго риска, что и учитывалось биржею вполнѣ реально, какъ всегда это дѣлается: отъ Россіи ждали гораздо болѣе высокаго процента, чѣмъ какимъ довольствовались у себя дома, пріобрѣтая бумаги дѣйствительно „первокласныхъ“ державъ, съ правильнымъ бюджетомъ. Фонды самодержавной россійской монархіи оказывались, благодаря этому, на котировочныхъ таблицахъ въ весьма пикантномъ сосѣдствѣ съ фондами разныхъ экзотическихъ республикъ южно-американскаго материка, и были случаи, что послѣдніе отваживались даже вступать въ конкуренцію съ русскими бумагами: такъ было, напримѣръ, на берлинской биржѣ въ концѣ 80-хъ годовъ. Въ это время,—сравнительно очень благопріятное для кредитныхъ операцій русскаго правительства за границей,—только наши 5% бумаги доходили до паритета (и были даже нѣсколько выше его), тогда какъ за

*) Подробности о ней см. у *Мигулина* „Русскій государственный кредитъ“ II, стр. 182—188.

*) *Мигулинъ*, ibid, стр. 252. Курсивъ автора.

4% не давали больше 93 за сто, а 3% держались около 80, между тѣмъ, англійскія трехпроцентныя бумаги разцѣнивались выше пари, а германскія 4% доходили до 106—107 за сто. Изъ всѣхъ „великихъ державъ“ Европы только самая маленькая и бѣдная, Италія, заключала тогда займы на худшихъ условіяхъ, чѣмъ Россія *). И все же для послѣдней это время было, повторяемъ, временемъ неслыханнаго благополучія сравнительно съ 60-ми—70-ми годами. „Первый 5% англоголландскій заемъ 1864 г.“ обошелся русскому правительству, въ дѣйствительности, почти въ $6^1/_2$%, принимая въ разсчетъ эмиссіонный курсъ его, т.-е. тѣ деньги, которыя правительство дѣйствительно получило за свои бумаги, а не то, что было на этихъ бумагахъ написано. Второй англоголландскій заемъ 1866 г. обошелся даже дороже $6^1/_2$% дѣйствительныхъ, а первый консолидированный желѣзнодорожный заемъ 1870 года почти въ $6^3/_4$%. Еще въ 1883 году Россія не рѣшалась выпускать 6% бумаги по нарицательной цѣнѣ: шестипроцентный заемъ этого года былъ реализованъ по $96^1/_2$ за 100. Въ это время даже румынскія 5% бумаги стояли выше—ихъ расцѣнивали по $98^1/_2$ за 100. Все это были займы, заключенные среди глубокаго мира, — не трудно себѣ представить, что дѣлалось во время войны: 5% номинально заемъ, выпущенный 26 мая 1877 года для войны съ Турціей, обошелся болѣе, нежели въ $7^1/_2$% дѣйствительныхъ. Къ этому нужно добавить, что какъ и всѣ рискованныя бумаги, русскіе фонды были предметомъ самой „оживленной“ спекуляціи, благодаря чему цѣна ихъ не только прыгала годъ отъ года, и даже отъ мѣсяца къ мѣсяцу, на 8—9%, но и въ одно и то же время на различныхъ биржахъ Европы была различная.

Такъ, уже упомянутые выше англоголландскіе займы котировались во второй половинѣ 80-хъ годовъ въ Амстердамѣ по $102^1/_2$,—а въ Лондонѣ лишь по $99^1/_8$; 5% заемъ 1855 г. можно было купить въ Амстердамѣ по $86^1/_2$, а въ Берлинѣ за него давали уже $91^1/_2$. Первый консолидированный желѣзнодорожный заемъ въ Парижѣ не спускался ниже $94^1/_2$, а поднимался максимально, даже до 103: а въ Лондонѣ его расцѣнивали и по 93,—а выше $101^3/_4$ онъ никогда здѣсь не стоялъ. Между тѣмъ, это былъ одинъ изъ наиболѣе совершенныхъ типовъ займа, технически онъ близко подходилъ къ обычному типу займовъ большихъ европейскихъ державъ. Условія болѣе старыхъ займовъ были, обыкновенно, гораздо пестрѣе, сложнѣе, менѣе понятны для широкой публики и, стало быть, болѣе удобны для спекулянтовъ, чѣмъ условія консолидированнаго желѣзнодорожнаго займа. Большая часть займовъ была заключена на золотую валюту, но были и серебряные; были займы въ рентной формѣ, но большая часть подлежала погашенію, при чемъ сроки и условія погашенія для каждаго займа были свои; одни подлежали купонному налогу, другіе нѣтъ. Живя долгами, не умѣли даже и этого дѣлать систематически—и „перехватывали“ въ трудныя

---

*) Ibid, II, стр. 232.

минуты, гдѣ, какъ и сколько возможно. Когда условія денежнаго рынка къ концу 80-хъ годовъ поправились даже и для Россіи,—на первую очередь выступили два вопроса: объ *унификаціи* или *консолидаціи* нашего государственнаго долга—сведенія пестрой массы разновременныхъ займовъ къ одному типу, и о пониженіи платившихся по этому долгу процентовъ. Разрѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ и составило задачу весьма нашумѣвшей въ свое время *конверсіи*, произведенной Вышнеградскимъ въ концѣ 80-хъ годовъ.

Вышнеградскій ставилъ своею задачею замѣнить старые высокопроцентные займы новыми низкопроцентными, но основанными на прежней системѣ тиражей, ежегодныхъ уплатъ погашенія.

Благопріятствующими условіями здѣсь были, во-первыхъ, неоднократно упоминавшееся удешевленіе капиталовъ на европейскихъ биржахъ въ это время, во-вторыхъ, намѣчавшійся уже русско-французскій союзъ, о вліяніи котораго тоже говорилось выше. Совпаденіе двухъ этихъ условій было такъ заманчиво, что заграничные корреспонденты Вышнеградскаго настоятельно совѣтовали ему не терять времени, такъ какъ другой такой конъюнктуры можно и не дождаться. Новый министръ финансовъ (Вышнеградскій былъ назначенъ 1 января 1887 г.) съ такой готовностью послѣдовалъ этимъ совѣтамъ, что первая его конверсіальная операція (выкупъ 5% займа 1877 г. и замѣна его 4% займомъ 1889 г.), благодаря поспѣшности, съ которой она была ведена, дала крупный убытокъ—въ суммѣ, превышавшей 5 мил. 200 тысячъ руб. (при общей суммѣ выкупавшагося займа въ 80 съ небольшимъ милліоновъ)*). Наученное опытомъ, министерство вело позднѣйшія операціи этого рода осторожнѣе, но все же результаты конверсій Вышнеградскаго совершенно не соотвѣтствовали ни тому шуму, который былъ поднятъ около нихъ рептильной печатью, въ Россіи и за границей, ни офиціальнымъ заявленіямъ самого министра. Конверсія охватила только *меньшую* часть русскаго государственнаго долга: при Вышнеградскомъ въ теченіе 3 лѣтъ въ 17 пріемовъ было конвертировано займовъ на сумму 1.695 536.000 руб. кредита, а весь долгъ Россіи къ 1 января 1887 г. составлялъ 4.518 057.000 р. **).

Мѣры Вышнеградскаго, конечно, уменьшили разнообразіе формъ и видовъ русскихъ государственныхъ займовъ, понизили процентъ по нимъ, уменьшили ежегодный расходъ по системѣ государственнаго кредита. Но эти успѣхи были сравнительно невелики; достаточно указать въ этомъ отношеніи, напр., на то, что хотя номинальный процентъ по займамъ Вышнеградскій пытался установить въ размѣрѣ 4-хъ, но на дѣлѣ, дѣйствительный процентъ былъ немногимъ ниже стараго: только въ половинѣ всѣхъ случаевъ онъ опускался ниже $4^1/_2$, въ другой же половинѣ былъ выше этой нормы

*) Характерность этого промаха особенно подчеркивается тѣмъ, что *общій планъ* конверсіи Вышнеградскій получилъ уже въ готовомъ видѣ отъ своего предшественника, Бунге.

**) Мигулинъ, ib. II, стр. 237, ср. стр. 20.

и иногда поднимался до $4,77\%$, $4,86\%$ и даже $4,98\%$.

Дѣйствительное же сбереженіе, достигнутое конверсіями, является до смѣшного ничтожнымъ для такой грандіозной операціи, составляя всего $4^1/_2$ милліона рублей. Правда, расходы по системѣ государственнаго кредита въ русскомъ бюджетѣ для *даннаго* момента сократились на $21^1/_2$ милліонъ, но это былъ результатъ, главнымъ образомъ, *разсрочки* прежнихъ займовъ на болѣе длинные сроки, что само по себѣ безъ всякихъ конверсій дало бы уже $^2/_3$ бюджетнаго сбереженія, достигнутаго Вышнеградскимъ. Но разсрочка обозначала только перенесеніе долгового бремени на будущія поколѣнія, а отнюдь не облегченіе этого бремени вообще. Въ итогѣ отъ конверсій больше всего выиграла не русская казна и не плательщики податей въ Россіи, а тѣ, преимущественно иностранные, капиталисты, при посредствѣ которыхъ проводились конверсіонныя операціи, да французская мелкая буржуазія, получившая въ новыхъ русскихъ бумагахъ болѣе выгодное помѣщеніе для своихъ сбереженій, чѣмъ какое она имѣла раньше.

Нельзя, однако, сказать, чтобы благами кредитныхъ операцій Вышнеградскаго вовсе не воспользовалось русское общество—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые слои его. Во-первыхъ, очищавшіяся при конверсіонныхъ займахъ суммы поступали въ распоряженіе Государственнаго банка, который могъ расширить и дѣйствительно расширилъ при ихъ помощи свои кредитныя операціи, что было выгодно для торговцевъ и промышленниковъ. А затѣмъ, и главнымъ образомъ, всѣ эти операціи, и въ томъ числѣ и конверсіи, пошли на пользу командующаго класса общества, крупныхъ землевладѣльцевъ. Раньше, чѣмъ использовать благопріятную конъюнктуру для конвертированія государственныхъ займовъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, Вышнеградскій уже поспѣшилъ провести конверсію закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, высокіе проценты котораго, какъ мы знаемъ, сильно угнетали русскаго помѣщика *). Не могло быть сомнѣнія, что эта операція, отвлекая къ себѣ часть средствъ новаго французскаго рынка, должна была вредно отразиться на конверсіи собственно государственной, но передъ этимъ не остановились, казна могла и потерпѣть,—важно было выручить дворянство. Какъ будто для того, чтобы особенно подчеркнуть эту сторону дѣла, новые $4^1/_2\%$ закладные листы (выпущенные взамѣнъ старыхъ 5%), гарантированные правительствомъ, были избавлены отъ уплаты купоннаго налога. Несмотря на такое крупное пожертвованіе государственнаго казначейства и отъ этой конверсіи больше выиграли банкиры, посредники и заграничные держатели закладныхъ листовъ, нежели общество взаимнаго поземельнаго кредита и его кліенты. И для облегченія участи задолжавшихъ помѣщиковъ Вышнеградскому пришлось прибѣгнуть къ мѣропріятію

*) См. главу „Общая политика правительства съ 60-хъ по 80-ые гг.“.

уже совершенно экстраординарнаго характера, безъ знакомства съ которымъ наше представленіе о русской финансовой политикѣ 80-хъ годовъ было бы весьма неполнымъ: то былъ 3-й выигрышный заемъ 1889 года. Выигрышные займы (всѣ три внутренніе) были особой специфически—русской формой охоты на мелкаго сберегателя,—типъ новый, только зарождавшійся у насъ вмѣстѣ съ капиталистическимъ хозяйствомъ. Западно-европейскаго мелкаго буржуа, терпѣливо откладывавшаго франкъ за франкомъ, можно было завлечь прочнымъ и постояннымъ, хотя бы и небольшимъ абсолютно доходомъ: онъ хорошо понималъ, что получить за свои деньги 5% отъ русскаго правительства выгоднѣе, нежели $3^1/_2$ отъ своего, отечественнаго; и разъ банкирамъ въ союзѣ съ газетами удавалось разсѣять опасеніе мелкаго капиталиста за свои гроши, онъ охотно развязывалъ кубышку. Русскаго „сберегателя", мелкаго хищника, жадно „цапавшаго" гдѣ и сколько можно, прочнымъ небольшимъ доходомъ соблазнить было еще нельзя: эра сберегательныхъ кассъ была впереди. Въ немъ нужно было разбудить азартъ, поманить его перспективой внезапной крупной прибыли, при чемъ можно было быть увѣреннымъ, что въ степени вѣроятности этой прибыли онъ ни за что не сумѣетъ разобраться. Историкъ русскаго государственнаго кредита справедливо приписываетъ относительный неуспѣхъ перваго изъ этихъ займовъ (1864 года), между прочимъ, тому, что въ немъ было слишкомъ много тонкостей, недоступныхъ сознанію тогдашней большой публики*): нѣтъ сомнѣнія, что если бы вмѣсто этихъ тонкостей попросту назначали два выигрыша въ двѣсти тысячъ, вмѣсто одного, интересъ къ займу сразу поднялся бы вдвое, несмотря на то, что шансы умереть отъ холеры или тифа и въ то время были гораздо больше шансовъ стать обладателемъ двухсотъ тысячъ при помощи лотерейнаго билета. Первый выигрышный заемъ, очень характерно для буржуазной эры начала 60-хъ годовъ, былъ предназначенъ для „преподанія Государственному банку достаточныхъ средствъ къ расширенію операцій его въ пользу отечественной промышленности и къ вспособленію дѣятельнаго сооруженія важнѣйшей для государства линіи желѣзныхъ дорогъ между Москвою и Чернымъ моремъ". На дѣлѣ, Государственный банкъ долженъ былъ самъ изыскивать средства для реализаціи займа, назначавшагося для „преподанія" этому самому банку средствъ: пришлось выпустить слишкомъ на 40 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, чтобы оплатить билеты выигрышные. Двѣ пятыхъ новаго займа (выпущеннаго на номинальную сумму въ 100 милліоновъ руб.) были, въ сущности, перекладываніемъ денегъ изъ одного казеннаго кармана въ другой. Ко времени выпуска 2-го займа (1866 года), предназначеннаго уже главнымъ образомъ „для безостановочнаго распространенія сѣти нашихъ желѣзныхъ дорогъ", кое-кто успѣлъ уже выиграть двѣсти тысячъ, и лотерейные биле-

*) См. наз. соч. г. Мигулина, т. I, стр. 313—314.

ты стали гораздо популярнѣе: государственный банкъ смогъ ихъ продавать на 6—7% выше пари. А къ концу министерства Рейтерна (1878 года) билеты перваго займа котировались по 219—248 руб., а второго по 218—246. Такъ какъ рыночный процентъ въ то время въ Россіи былъ не ниже 5, а выигрышные билеты при указанной расцѣнкѣ давали съ небольшимъ 2%, то, очевидно, что доходъ, получавшійся по купонамъ этихъ бумагъ, не игралъ въ глазахъ пріобрѣтавшихъ ихъ никакой роли: цѣнилась только возможность крупнаго выигрыша. Психологически дѣло ничѣмъ не отличалось отъ игры въ рулетку; а, какъ извѣстно, нѣтъ болѣе безпроигрышнаго помѣщенія денегъ, чѣмъ паи какого-нибудь игорнаго дома. Объ этой простой истинѣ нельзя было не вспомнить, когда въ концѣ 80-хъ годовъ передъ министерствомъ финансовъ встала задача найти такую комбинацію, при которой кліенты дворянскаго банка могли платить этому послѣднему по своимъ долгамъ меньшій %, чѣмъ тотъ, какой платила сама казна по своимъ. Казалось, что давать деньги взаймы за меньшій %, чѣмъ самъ ихъ получилъ, можно только въ явный себѣ убытокъ: такъ оно въ концѣ-концовъ и вышло, разумѣется; но на первое время, ловкая спекуляція на жадность и невѣжество публики помогли покрыть, по крайней мѣрѣ, часть убытковъ изъ ея кармановъ. 12 октября 1889 года появился именной указъ о выпускѣ „закладныхъ съ выиграшами листовъ дворянскаго банка“ на 80 мил. руб. нарицательныхъ. Обычно, эмиссіонный курсъ русскихъ займовъ былъ ниже нарицательнаго, а процентъ, стало быть, фактически выше. Но въ 1889 году выигрышные билеты 1-го займа достигали уже до 276 руб., а 2-го до 247½: и Вышнеградскій съ большими основаніями разсчитывалъ, что за билеты новаго займа можно будетъ получить не менѣе 215 руб. (такова и была назначена ихъ эмиссіонная цѣна), т.-е. добыть для дворянскаго банка деньги изъ 3% дѣйствительныхъ. Если же принять въ расчетъ, что при тиражѣ держатель билета получалъ только 125 р., и не считать выигрышей, то заемъ оказывался *однопроцентнымъ*. Такъ какъ на денежномъ рынкѣ тогда никто и не слыхалъ о такомъ процентѣ, то очевидно, что названіе новыхъ лотерейныхъ билетовъ процентными бумагами было лишь красивой формой: не ради этого несчастнаго 1% брала ихъ публика. Достаточно наученная опытомъ, она брала ихъ на этотъ разъ даже и не ради выигрыша: не трудно было предвидѣть, что новые выигрышные билеты, выпускавшіеся по курсу нѣсколько низшему, чѣмъ стояли старые въ данный моментъ, на первыхъ же порахъ должны стать предметомъ азартной биржевой игры. Мелкіе биржевые шакалы и спѣшили запастись ими, въ надеждѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ продать ихъ съ крупной надбавкой. Государственный банкъ шелъ навстрѣчу этимъ стремленіямъ съ необычайной готовностью. Онъ не только въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практиковалъ продажу новыхъ билетовъ въ разсрочку,—по примѣру спеку-

лировавшихъ на жадность публики мелкихъ банкирскихъ конторъ,—но еще и кредитовалъ покупателей новаго „дворянскаго“ займа изъ неслыханно низкаго %: подъ залогъ временныхъ свидѣтельствъ на новые закладные листы (т.-е. квитанціи о произведенныхъ уже, въ разсрочку, уплатахъ) государственный банкъ давалъ ссуду до 75% изъ 4% годовыхъ (тогда какъ за ссуду подъ другія бумаги взималось въ то время $6^1/_2$%). Этими послѣдними пріемами надѣялись раздразнить жадность самыхъ микроскопическихъ „сберегателей“, у которыхъ въ карманѣ шевелились даже не сотни, а только десятки рублей. И эти десятки должны были быть теперь принесены на алтарь „государственной задачи“—спасенія отъ долговъ россійскаго дворянства. Успѣхъ займа былъ блестящій. „Въ дни, на которые была назначена подписка, учрежденія, гдѣ она принималась, въ буквальномъ смыслѣ были осаждены желающей подписаться на заемъ публикой. Всѣ остальныя банковыя операціи пришлось на это время совершенно пріостановить, служащіе не успѣвали принимать заявленія и выдавать квитанціи на вносимые залоги. Въ часы закрытія учрежденій публика не хотѣла уходить и настойчиво требовала, чтобы подписка продолжалась. Въ виду того, что съ самаго начала была вполнѣ очевидна невозможность удовлетворить всѣ требованія полностью и предвидѣлась разверстка, большинство подписчиковъ записывалось на сумму, во много разъ превышавшую средства подписчика, въ надеждѣ получить по разверсткѣ большее количество листовъ, нежели пришлось бы получить при подпискѣ на суммы, которыми подписчики въ дѣйствительности располагали. Записывались на чужое имя, часто вымышленное, на имя своихъ дѣтей, родственниковъ по 1—2 билета на каждое, въ надеждѣ по бывшимъ раньше прецедентамъ, что такія мелкія требованія будутъ удовлетворены полностью предпочтительно передъ крупными *). Въ результатѣ заемъ былъ покрытъ почти въ *33 раза*—и дворянскій банкъ получилъ въ свое распоряженіе огромную сумму, около 90 милліоновъ руб., въ сущности, изъ *одного* процента. Теперь можно было не только понизить платежи его заемщиковъ до $4^1/_2$%, но и оказать имъ цѣлый рядъ другихъ льготъ, перечисленныхъ въ высочайшемъ указѣ, данномъ одновременно съ указомъ о новомъ выигрышномъ займѣ,—и въ существѣ дѣла сводившихся къ тому, чтобы „такъ или иначе освобождать заемщиковъ отъ срочныхъ платежей“ **), т.-е. превращать понемногу кредитъ государства его „первенствующему сословію“ въ даровой. Наказанной же за все это оказалась жадность мелкихъ сберегателей: выигрышные билеты 3-го займа не только не поднялись въ цѣнѣ, какъ ожидало большинство ихъ пріобрѣтателей, а, наоборотъ, упали къ 1891 году до 193 руб., а къ 1893-му—даже до 188, уронивъ на нѣсколько рублей своихъ предшественниковъ, билеты 1-го и 2-го займовъ.

Система русскаго государственна-

*) Мигулинъ, назв. соч. II стр. 443—444.
**) Ibid., 453.

го кредита носитъ на себѣ, такимъ образомъ, какъ и другія стороны государственнаго хозяйства, ясный отпечатокъ эпохи первоначальнаго накопленія—съ ея хищническими пріемами добыванія и самыми нераціональными способами траты добытыхъ денегъ. Но къ началу 90-годовъ эта эпоха, видимо, уже заканчивалась. Русскій государственный долгъ понемногу европеизировался: онъ сталъ менѣе пестрымъ и болѣе дешевымъ. Въ началѣ разсматриваемаго періода, въ 1866 году, Россія была должна 2.267.858.000 руб., въ концѣ—въ 1892 году—5.874.111.000 руб., расходы же „по системѣ государственнаго кредита", и % по этому долгу, составляли, въ отношеніи ко всему бюджету, въ 1862 году—29%, а въ 1892 только 28%: абсолютная сумма долга выросла слишкомъ вдвое, а относительная его тяжесть даже чуть-чуть уменьшилась. Въ началѣ этого періода займовъ съ производительной цѣлью совсѣмъ не числилось въ его составѣ; въ концѣ же консолидированные желѣзнодорожные займы составляли почти четверть всей его суммы (1.412.938.000 руб.). Мы уже знаемъ, *какъ* строились наши желѣзныя дороги, но, тѣмъ не менѣе, расходы на ихъ постройку все же нельзя не признать болѣе раціональными, нежели расходы по вознагражденію помѣщиковъ за отмѣну барщины,—что, въ сущности, представляла собою выкупная операція, главная кредитная операція русскаго правительства въ началѣ 60-хъ годовъ. Классовый смыслъ финансовой политики этого правительства не измѣнился: дворянинъ-помѣщикъ попрежнему оставался и субъектомъ и объектомъ распредѣленія всѣхъ благъ, изливавшихся изъ казеннаго сундука. Но рядомъ съ дворяниномъ все опредѣленнѣе выступаетъ другая фигура—фигура купца, отъ котораго зависѣло, будетъ что-нибудь въ этомъ сундукѣ или нѣтъ. Только въ то время, какъ русскій дворянинъ продолжалъ оставаться строго національнымъ типомъ—его сверстники въ западной Европѣ давно вымерли,—представитель капитала, какъ и самъ этотъ послѣдній, былъ личностью интернаціональной. Въ противоположность своему прототипу французскому „генеральному контролеру" XVIII вѣка, русскій министръ финансовъ конца XIX долженъ былъ ухаживать не столько за буржуазіей своей родной страны, сколько за буржуа странъ далекихъ, но болѣе богатыхъ золотомъ. Вершитель судебъ русской казны жилъ тогда въ Парижѣ, Лондонѣ или Амстердамѣ; чтобы его умилостивить, его нерѣдко удостоивали привилегіи россійскаго дворянина—получать даромъ, ни за что ни про что, русскія народныя деньги. Такъ, напримѣръ, при конверсіи серебрянаго займа 1855 года, произведенной въ 1890 году, владѣльцамъ билетовъ этого займа была предложена цѣна на 20% выше дѣйствительной. Экономически, съ точки зрѣнія развитія международнаго капитализма, дѣло, конечно, не мѣнялось отъ этого: но для русской внутренней политики было, конечно, совсѣмъ не все равно, зависѣло ли то, чѣмъ держался государственный механизмъ отъ тѣхъ, кто непосредственно выносилъ

на себѣ его толчки, или отъ тѣхъ, кто смотрѣлъ на его работу со стороны, — интересуясь только тѣмъ, хорошо ли онъ выжимаетъ соки изъ русскаго плательщика налоговъ. Россія конца XIX вѣка становилась, очень медленно и поздно, тѣмъ, чѣмъ давно были Англія и Франція—буржуазной страной; но въ числѣ громадныхъ различій между этими странами не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что ни у Англіи, ни у Франціи вовсе не было заграничныхъ долговъ, тогда какъ изъ шести, приблизительно, милліардовъ русскаго долга (безъ кредитныхъ билетовъ) половина (2.118.869.000 руб. металлическихъ—сликомъ 3 милліарда рублей кредитныхъ) была въ рукахъ иностранцевъ.

VII.

Вліяніе финансовой политики на благосостояніе народныхъ массъ.

Мы видѣли, какъ промышленный, торговый и ростовщическій капиталъ и хищники всякаго рода—неограниченные властители хозяйственной жизни въ періодъ первоначальнаго накопленія—извлекали изъ финансовой политики самодержавнаго правительства великія и богатыя милости. Намъ предстоитъ теперь въ видѣ заключительнаго аккорда изобразить въ главныхъ чертахъ вліяніе той же финансовой политики на благосостояніе народныхъ массъ, расчленимыхъ экономически, организуемыхъ соціально и развиваемыхъ идейно процессомъ развитія самаго капиталистическаго строя.

Предварительно необходимо, однако, сдѣлать одну оговорку: если сильное вліяніе правительственной финансовой политики на благосостояніе народныхъ массъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, то былобы все-таки большой ошибкой приписывать этому вліянію исключительное значеніе. Дѣло въ томъ, что самыя общія условія хозяйственной жизни дифференцировали народную массу въ экономическомъ, классовомъ отношеніи, выдѣляли изъ нея съ одной стороны сельскую буржуазію, съ другой—пролетаріатъ и пауперизировали средній слой — такъ называемое трудовое крестьянство. Финансовая система и финансовая политика, будучи только неразрывной частью и необходимымъ признакомъ эпохи первоначальнаго накопленія, вліяли тутъ какъ части одного великаго цѣлаго вмѣстѣ съ этимъ цѣлымъ или, точнѣе, съ другими его элементами.

Для того, чтобы точнѣе и правильнѣе опредѣлить вліяніе финансовой политики на благосостояніе населенія, мы разсмотримъ особо вліяніе отдѣльныхъ сторонъ этой политики, характеризованныхъ выше.

Вліяніе таможенной политики удобнѣе разсмотрѣть въ связи съ вліяніемъ вообще косвеннаго обложенія. Поэтому мы начнемъ съ опредѣленія вліянія русской желѣзнодорожной политики.

Въ двухъ, главнымъ образомъ, отношеніяхъ сказалось это вліяніе: во-первыхъ, въ непосредственныхъ

экономическихъ результатахъ постройки обширной желѣзнодорожной сѣти, во-вторыхъ, въ напряженіи платежныхъ силъ населенія, призываемыхъ государствомъ къ оплатѣ повышенныхъ желѣзнодорожныхъ расходовъ и платежей по желѣзнодорожнымъ займамъ. Поскольку проявлялось это послѣднее вліяніе, рѣчь о немъ пойдетъ при окончательномъ учетѣ тяжести русскаго бюджета для народныхъ массъ. Не забудемъ только, что, какъ выше было выяснено, желѣзнодорожнымъ расходамъ принадлежала первенствующая роль въ ростѣ русской государственной задолженности. Теперь—нѣсколько словъ о первомъ вліяніи.

Желѣзныя дороги производятъ полнѣйшій и глубочайшій переворотъ въ хозяйствѣ той мѣстности, гдѣ онѣ пролагаются. Переворотъ этотъ совершается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ развитѣе экономически данная мѣстность или чѣмъ богаче она задатками для быстраго хозяйственнаго развитія. Но даже и тамъ, гдѣ желѣзныя дороги носятъ чисто грюндерскій характеръ, гдѣ не имѣется достаточныхъ задатковъ для *немедленнаго* развитія производительныхъ силъ—и тамъ рано или поздно желѣзнодорожные пути прокладываютъ дорогу капитализму.

Уже къ половинѣ 70-хъ годовъ вліяніе желѣзныхъ дорогъ на нашъ *ввозъ* и *вывозъ* сказалось съ чрезвычайной силой. Если мы примемъ размѣры русскаго хлѣбнаго экспорта въ трехлѣтіе 1857—59 гг., когда русской желѣзнодорожной сѣти еще не существовало, за 100, то уже для трехлѣтія 1866—68 гг., когда эта сѣть только что начала создаваться, мы получимъ 149,80, а для трехлѣтія 1872—74 гг. — 239,97%. Въ 1859 году вывозъ хлѣба изъ Россіи за границу составлялъ 8.900.000 четв., въ 1874 г.—26.723.000 четвертей; въ первомъ случаѣ весь хлѣбъ былъ подвезенъ къ портамъ лошадьми и водяными путями, во второмъ только немного болѣе 1/3—9.032.000 четвертей; остальныя 17.691.000 четв. были подвезены по желѣзнымъ дорогамъ *). Но увеличеніе сбыта вызывало и интенсификацію производства въ размѣрахъ, не слыханныхъ въ крѣпостную эпоху: уже къ половинѣ 70-хъ годовъ наблюдатели отмѣчали, что въ Курской, напр., губерніи было распахано все, что только возможно: склоны овраговъ, дно спущенныхъ прудовъ и т. д. Желѣзныя дороги въ колоссальныхъ размѣрахъ ускорили тотъ процессъ приспособленія Россіи къ требованіямъ всемірнаго хлѣбнаго рынка, который въ первой половинѣ вѣка такъ помогъ разложенію крѣпостного хозяйства. Но, нужно прибавить, дорого обошлось Россіи это приспособленіе. Цѣны на международномъ хлѣбномъ рынкѣ отнюдь не поднимались, а падали; чтобы удержать доходность русскаго земледѣлія на прежнемъ уровнѣ, приходилось выбрасывать на рынокъ все больше и больше хлѣба. За восьмилѣтіе 1893—1901 гг. было вывезено хлѣба болѣе предшествующаго восьмилѣтія (1884 — 1892 гг.) на 31,6%—болѣе почти на милліардъ пудовъ,—а выручка за него увели-

*) См. Бліохъ, „Вліяніе жел. дор. на экономическое состояніе Россіи“, т. II, стр. 39—42.

чилась лишь на 9,5%. Какъ интенсификація барщины въ свое время покупала увеличеніе количества продукта истощеніемъ и вырожденіемъ населенія, то же повторялось и теперь съ интенсификаціей „вольнаго труда“ за предѣлы экономической разумности. Русская деревня конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ не только ничего не оберегала, но тратила свой „капиталъ“—продавая свой инвентарь, лишая тѣмъ себя возможности не только вести „интенсификацію“ дальше, но и оставаться на прежнемъ уровнѣ. Данныя военно-конскихъ переписей 1888, 1893 и 1899 гг., для орловской губерніи, даютъ такую градацію цифръ:

1888 г. . .	221.989	лошадей.
1893 г. . .	188.908	„
1899 г. . .	177.539	„

„Если цифру 1888 года мы возьмемъ за 100, то получится такой убывающій рядъ: 100; 85,1; 79,9“ *). Это, такъ сказать, *абсолютное* обнищаніе русской черноземной деревни—независимое отъ *относительнаго* разоренія отдѣльныхъ слоевъ крестьянства, на счетъ которыхъ обогащались и поднимались другіе **)—не всецѣло, разумѣется, объясняется давленіемъ мірового сельско-хозяйственнаго кризиса, давшаго почувствовать себя „глубинѣ Россіи“, благодаря паровому транспорту вообще и желѣзнымъ дорогамъ въ частности. Значительную долю здѣсь приходится отвести и послѣдствіямъ той классовой финансовой политикѣ, которую вело русское правительство второй половины XIX вѣка, и итоги которой именно въ этомъ отношеніи мы сейчасъ попытаемся здѣсь подвести. Но приписывать все или даже бóльшую часть народнаго разоренія исключительно тяжелымъ „податямъ“, какъ это дѣлало московское крестьянство XVI вѣка въ своихъ челобитныхъ,—значило бы приписывать этому „искусственному“ фактору слишкомъ большое значеніе—бóльшее даже, чѣмъ какое ему приписывали наивные современники Грознаго, рядомъ съ „податями“ стереотипно повторявшіе всегда жалобу и на „хлѣбную дороговь“. Но прежде, чѣмъ перейти къ непосредственному вліянію „податей“, еще нѣсколько данныхъ, характеризующихъ пріобщеніе Россіи къ міровому капиталистическому хозяйству, благодаря постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Россія начала 50-хъ годовъ (трехлѣтіе 1850—52 гг.) ввозила къ себѣ ежегодно только 0,3 милл. пудовъ *желѣза*, въ трехлѣтіе 1860—62 гг. ввозилось уже 2,3 милл. пудовъ. А въ 1869—71 гг. было ввезено 22,4 милліона, въ 1872—74 гг.—28,4 милліона пудовъ. За десять лѣтъ развитія желѣзнодорожной сѣти ввозъ желѣза выросъ болѣе, нежели въ 10 разъ, нужно прибавить, что значительную долю ввезеннаго и поглощала сама эта сѣть, въ видѣ рельсовъ, паровозовъ и т. д. Привозъ *хлопка*, т.-е. эволюція наиболѣе важной и самостоятельной отрасли туземной индустріи, стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти: въ 1860—62 гг.

*) См. ст. Анненскаго, въ сборникѣ „Нужды деревни“, т. II, стр. 564.

**) Объ этой *дифференціаціи* крестьянства см. ст. „Аграрный вопросъ“, въ IV части.

было ввезено 1.849 тыс. пуд., въ 1869—71 гг. — 3.194 тыс. пуд., въ 1872—74 гг.—3.747 тыс. пуд., въ 1876 г. уже 4.539 тыс. пуд., въ 1891—95 гг.—9.278 тыс. пудовъ.

Таковы главнѣйшія послѣдствія русской желѣзнодорожной политики. Безъ сомнѣнія и другія стороны финансоваго хозяйства Россіи во второй половинѣ XIX вѣка вліяли въ томъ же направленіи къ усиленію капитализма. Но еще больше сказывалось это вліяніе въ томъ смыслѣ, что размѣры платежей, лежавшихъ на населеніи, становились все болѣе тяжелыми, и такимъ образомъ платежныя силы малоимущей крестьянской массы подрывались въ корень. Цѣлый рядъ убѣдительныхъ фактовъ свидѣтельствуетъ прежде всего о непосильной тяжести для крестьянскаго бюджета прямого обложенія.

Уже въ 70-хъ годахъ было установлено, что прямые налоги всякихъ наименованій, падающіе на десятину надѣльной крестьянской земли, обыкновенно превышаютъ доходность этой десятины, — превышаютъ въ пропорціи иногда прямо фантастической. Для черноземной полосы съ общиннымъ землевладѣніемъ платежи составляли, по вычисленію профессора Янсона, отъ 30 до 148% доходности у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а у бывшихъ помѣщичьихъ *превосходили* ее отъ 24 до 124% при среднемъ надѣлѣ и до 200% (иначе говоря, втрое) при низшемъ *). Цифры нечерноземной полосы, вообще говоря, гораздо грандіознѣе, какъ этого и можно было ожидать. Приводимъ составленную тѣмъ же статистикомъ табличку. Платежи составляли по отношенію къ доходности земли.

Въ губерніяхъ.	Для крест. бывш. государств.	Для крест. бывш. помѣщич.
Тверской . . .	244%	252%
Смоленской . .	166%	220%
Костромской .	146%	240%
Псковской . .	130%	213%
Владимірской .	168%	276%
Вятской . . .	97%	200%

Прибавимъ къ этому, что доходность здѣсь (т.-е. въ нечерноземной полосѣ) есть величина совершенно фиктивная, такъ какъ если земельный надѣлъ не можетъ обезпечить насущныхъ потребностей крестьянской семьи, то еще менѣе, конечно, онъ можетъ давать дѣйствительнаго дохода *). По просту говоря, налогъ, поземельный по формѣ, былъ, въ сущности дѣла, *личнымъ*—падалъ на личный заработокъ крестьянина и вынуждалъ его идти на поиски этого заработка при наименѣе выгодныхъ условіяхъ, оставаясь юридически привязаннымъ къ своему голодному надѣлу,—чѣмъ налоги и выполняли свою соціальную функцію. Если мы примемъ во вниманіе и эти „посторонніе заработки“ крестьянства нечерноземной полосы, то у него окажутся даже „избытки“, но цифры этихъ послѣднихъ только еще лучше подчеркиваютъ всю громадность эксплоатаціи государственнаго крѣпостного, созданнаго реформой 19 февраля, его новымъ бариномъ — государствомъ. Такъ, въ новгородской гу-

*) Ю Янсонъ, „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, стр. 80—81.

*) Ibid., стр. 33.

берніи весь годовой доходъ населенія какъ отъ земли, такъ и отъ заработковъ на сторонѣ, составлялъ по вычисленію губернской земской управы, около 8,9 милліон. рублей. Изъ нихъ болѣе, чѣмъ на 3 милліона крестьянамъ приходилось прикупать хлѣба. Изъ остальныхъ же пяти съ небольшимъ милліоновъ нужно было уплатить болѣе трехъ съ четвертью милліоновъ рублей всякаго рода прямыхъ налоговъ и сборовъ. Если остатокъ раздѣлить на число крестьянскихъ дворовъ, то на каждый дворъ придется по 12 р. 65 коп. на всѣ расходы крестьянскаго хозяйства: на соль, платье, обувь, орудія и т. д. Въ общемъ итогѣ новгородскій крестьянинъ 70-хъ годовъ 56% своего дохода тратилъ на государство и лишь 44% на себя, при чемъ въ послѣдней части заключались еще и косвенные налоги, которыми были обложены почти всѣ предметы крестьянскаго потребленія. Какъ видимъ, названіе „государева тяглеца“ онъ заслуживалъ въ полной мѣрѣ, ибо „тянуть тягло“, наполнять казенный сундукъ было, очевидно, его главной функціей,—а все остальное, включая его собственное существованіе, было лишь побочнымъ, необходимымъ для достиженія этой главной цѣли условіемъ. Нѣтъ надобности говорить, что новгородская губернія вовсе не являлась въ данномъ отношеніи какимъ-либо исключеніемъ. Тверской крестьянинъ въ то же время зарабатывалъ на каждую душу около восьми рублей, а платилъ отъ одиннадцати до тринадцати съ полтиной. Въ вятской губерніи налоги брали 47% всего крестьянскаго дохода, въ костромской до 41% (опять-таки все время не считая налоговъ косвенныхъ),—и только въ богатой заработкомъ ярославской цифра эта спускалась до 35% *).

Но нечерноземная полоса, благодаря близости столицы, развитію промышленности и сравнительно густой желѣзнодорожной сѣти, представляла, въ смыслѣ „стороннихъ заработковъ“, особенно благопріятныя условія: въ черноземной эти заработки почти отсутствовали (въ самарской, напримѣръ, губерніи они не покрыли бы и половины податей). Здѣсь фискальная политика выжимала изъ крестьянина не деньги для казеннаго сундука, а рабочую силу для помѣщичьей экономіи, вынуждая крестьянъ пріарендовывать землю къ своему скудному надѣлу на условіяхъ, которыя привели бы въ ужасъ европейскаго фермера. Вопросъ о крестьянской внѣнадѣльной арендѣ детально будетъ разсмотрѣнъ въ другомъ мѣстѣ **), а въ общей формѣ о немъ уже говорилось во вступительной главѣ настоящаго отдѣла „Исторіи Россіи“ ***). Здѣсь напомнимъ только читателю, что арендныя цѣны на землю въ періодъ 1861—1871 гг. возросли, въ черноземной полосѣ Россіи, на 300—400%, тогда какъ цѣны на хлѣбъ повысились лишь на 50—80%: т.-е. что эксплоатація помѣщикомъ арендатора-крестьянина въ теченіе десяти

*) Ibid., стр. 35—37.

**) См. главу „Аграрный вопросъ въ концѣ вѣка“.

***) См. главу „Общая политика правительства“, т. V, стр. 3 и слѣд.

лѣть послѣ „освобожденія“ послѣдняго увеличилась, по крайней мѣрѣ, въ два съ половиною раза. При такой успѣшной конкуренціи отдѣльнаго помѣщика съ помѣщичьимъ государствомъ, по части выжиманія соковъ изъ земледѣльческаго населенія, нельзя было ожидать, чтобы оба конкурента были одинаково удовлетворены въ своихъ претензіяхъ: государству иногда приходилось и потерпѣть. Въ уже упомянутой выше самарской губерніи недоимка противъ оклада составляла, въ % этого послѣдняго на 1 января 1874 года, 54% по подушной подати и отъ 35—45% по выкупнымъ платежамъ. Въ 1897 году та же недоимка составляла 10.776.000 руб., при годичномъ окладѣ 3.417.000 р., а за этотъ двадцатипятилѣтній промежутокъ времени была отмѣнена подушная подать и наложены выкупные платежи *)

Въ тамбовской губерніи недоимки составляли въ 70-хъ гг. отъ 3 до 5% оклада, въ 80-хъ уже отъ 16 до 35%, а въ 90-хъ дошли до того, что превысили окладъ сначала въ $1^1/_2$, потомъ въ 2 и даже почти въ $2^1/_2$ раза. Въ нижегородской губерніи недоимки по окладнымъ государственнымъ сборамъ, числившіяся за сельскимъ населеніемъ губерніи, возросли на 237% въ десятилѣтіе съ 1882 по 1892 годъ. Между 1891 и 1900 годами недоимки увеличились еще вдвое. Къ 1-му января 1901 г. недоимочность нижегородскихъ крестьянъ вчетверо превышала окладъ лежавшихъ на нихъ прямыхъ податей.

Косвенные налоги, особенно таможенныя пошлины и акцизы, вліяли на хозяйственное положеніе населенія прежде всего въ томъ смыслѣ, что уменьшали потребленіе многихъ весьма полезныхъ продуктовъ и тѣмъ, съ одной стороны, задерживали развитіе производительныхъ силъ, съ другой, понижали жизненный уровень населенія. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣютъ таможенныя пошлины на желѣзо, машины и удобрительные матеріалы и акцизъ на сахаръ, связанный съ знаменитой сахарной нормировкой.

Что касается машинъ, желѣза и искусственныхъ удобреній, то обложеніе ихъ высокими таможенными пошлинами сокращало ихъ приложеніе, въ особенности въ сельскомъ и въ частности въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Таможенный протекціонизмъ въ данномъ отношеніи прямо и непосредстненно становился поперекъ дороги развитію производительныхъ силъ страны, преимущественно повышенію сельско-хозяйственной техники на крестьянскихъ земляхъ. Желѣзо, сталь и чугунъ въ Россіи обложены пошлиной вдвое и втрое большей, чѣмъ въ Америкѣ. Населеніе переплачиваетъ на таможенныхъ пошлинахъ до 300 мил. руб. въ годъ, въ томъ числѣ на желѣзѣ переплачиваетъ 100 мил. ежегодно.

Но еще важнѣе то, что желѣзо, какъ оно ни необходимо, просто не покупается вслѣдствіе его дороговизны, проистекающей изъ высокаго

*) Цифры для 1879 года взяты у Янсона, цит. соч., приложенія табл. IX. Для 1897 г. у П. Сабурова „Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ 1866—1897“, приложенія № 44 и № 46.

таможеннаго обложенія; въ крестьянскомъ хозяйствѣ большою рѣдкостью считается даже обыкновенный желѣзный гвоздь. Желѣза въ Россіи потребляется на одного жителя вшестеро меньше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, впятеро меньше, чѣмъ въ Англіи и Германіи, и втрое меньше, чѣмъ во Франціи.

Еще тяжелѣе отзываются на интересахъ несостоятельнаго населенія высокій акцизъ на сахаръ и сахарная нормировка. Акцизъ на сахаръ, равнявшійся до 1892 г. 1 рублю съ пуда, въ этомъ году былъ повышенъ до 1 р. 40 к., а въ 1893 г. до 1 р. 75 к. Уже это одно увеличиваетъ цѣну на сахаръ, по крайней мѣрѣ, вдвое, слѣдовательно, соотвѣтственно сокращаетъ и его потребленіе. Но еще большее повышеніе цѣнъ и еще болѣе сильное сокращеніе потребленія вызывается сахарной нормировкой, установленной въ 1895 г. въ интересахъ сахарозаводчиковъ. По закону этого года, комитетъ министровъ каждый годъ устанавливаетъ количество сахара, выпускаемаго на внутренній рынокъ; это количество по извѣстнымъ правиламъ распредѣляется между заводами. Сахаръ, продаваемый сверхъ этого количества, облагается двойнымъ акцизомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый годъ устанавливается и предѣльная продажная цѣна сахара. Если цѣны на сахаръ поднимаются выше этой цѣны, министръ финансовъ можетъ разрѣшить выпустить на рынокъ, безъ оплаты двойнымъ акцизомъ, дополнительное количество сахара изъ неприкосновеннаго запаса, существующаго на каждомъ заводѣ. Вслѣдствіе всего этого, а также вслѣдствіе освобожденія русскаго сахара, вывозимаго за границу, отъ акциза, сахаръ въ Россіи стоитъ въ $2^1/_2$ раза дороже, чѣмъ въ Англіи, а потребленіе сахара у насъ въ 40 разъ слабѣе, чѣмъ въ Англіи: въ Англіи потребляется на одного жителя по 80 фунтовъ сахара въ годъ, а у насъ едва по 2 фунта.

Понятно, что при такихъ условіяхъ косвенное обложеніе, львиную долю котораго составляли таможенныя пошлины и питейный доходъ, еще больше, чѣмъ прямые налоги, подрывало платежныя силы населенія. По счастливому выраженію одного мѣстнаго практическаго работника, у крестьянина, благодаря косвенному обложенію, получалось такое положеніе: „не хочешь спать зимой по 17 часовъ, а хочешь работать при огнѣ,—плати акцизъ на спички и керосинъ; хочешь покурить,—плати акцизъ за спички и табакъ; хочешь выпить рюмку водки,—плати въ 15 разъ дороже дѣйствительной ея стоимости, а если водку желаешь замѣнить чаемъ,—плати за чай и сахаръ втрое дороже, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ; хочешь пахать плугомъ,—плати таможенную пошлину на желѣзо и т. д. и т. д.“. Въ московской губерніи въ видѣ косвенныхъ налоговъ населеніе платило 12% всего своего валового дохода, въ орловской 28% земледѣльческаго дохода а въ саратовской болѣе 30% свободнаго дохода, получающагося за вычетомъ расходовъ на обсѣмененіе полей и на пропитаніе населенія однимъ хлѣбомъ. Валовой доходъ на десятину крестьянской земли равнялся въ 90-хъ годахъ въ среднемъ

8,99 руб. Издержки простирались до 5,22 р. Остатокъ былъ въ 3,77 р. Но платежи въ казну, въ земство и въ міръ и арендная плата за помѣщичью землю поглощали въ общемъ по 4,45 руб. на десятину. Вь результатѣ получался дефицитъ въ 68 коп. на десятину.

Начиная настоящую главу, мы оговорились, что тяжелое положеніе крестьянской массы, ея пауперизація, вытекаетъ далеко не изъ одной финансовой политики правительства, а обязано своимъ существованіемъ цѣлому ряду извѣстныхъ условій, среди которыхъ государственное хозяйство является только одною изъ производныхъ отъ нихъ частностей. При всемъ томъ, однако, ясно на основаніи предшествующаго изложенія, что въ дѣлѣ разоренія массы населенія финансовой политикѣ правительства принадлежала далеко не послѣдняя, а, напротивъ, весьма видная и вліятельная роль. Поэтому нѣтъ ничего естественнѣе, какъ закончить настоящій очеркъ двумя-тремя картинками, характеризующими жизненный уровень средняго русскаго крестьянина. Картинки эти, какъ и большая часть изложеннаго въ послѣдней главѣ матеріала, заимствованы изъ трудовъ извѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Въ московской губерніи 34% всего валоваго дохода крестьянъ уходитъ на оплату налоговъ прямыхъ и косвенныхъ, саратовскій крестьянинъ уплачиваетъ въ видѣ всякаго рода налоговъ цѣлую половину свободнаго дохода. Среди пищевыхъ веществъ, потребляемыхъ уфимскимъ крестьяниномъ, нѣтъ ни мяса, ни молока, ни яицъ, есть только, да и то не всегда, черный хлѣбъ и жидкій кирпичный чай. А вотъ потрясающая своей непроглядной мрачностью картина, набросанная въ тульской губерніи. Жилищемъ крестьянина обычно служитъ 8—9 аршинная изба, высотою не болѣе сажени; до сихъ поръ нерѣдки курныя избы, изба почти всегда крыта соломой, а на зиму для тепла во многихъ мѣстностяхъ обкладывается почти до крыши навозомъ. Полы почти всегда земляные, такъ какъ въ холода въ избу вносятся телята, ягнята и поросята; иногда вводится даже и корова. Топятъ соломой, а въ неурожайные годы даже и навозомъ. Бань почти нѣтъ. Моются крестьяне въ избахъ, въ печахъ, размазывая грязь по тѣлу съ помощью небольшого количества теплой воды и почти всегда безъ мыла. Такіе продукты, какъ мясо, крупа, сало, масло постное являются на столѣ крестьянина лишь въ исключительные моменты его жизни, иногда два-три раза въ годъ; обычную же пищу его составляютъ хлѣбъ, квасъ, часто капуста и лукъ, а осенью свѣжія овощи. При этомъ крестьяне далеко не всегда ѣдятъ досыта.

Таковъ жизненный уровень средняго русскаго крестьянина. Интересы правящихъ классовъ общества, которымъ такъ усердно служила финансовая политика государства во второй половинѣ XIX вѣка, обезпечивались протекціонизмомъ аграрнымъ и промышленнымъ въ величайшей степени. Здѣсь не мѣсто говорить объ аграрной политикѣ правительства и ея результатахъ,—

Владиміръ Васильевичъ Стасовъ.

Съ портрета работы И. Е. Рѣпина.

(Русскій музей Импер. Александра III въ С.-Петербургѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

этому будетъ посвящена особая статья,—но нельзя не отмѣтить, что тѣ препятствія, которыя правительство своей финансовой политикой, въ частности эксцессами протекціонизма, ставило развитію производительныхъ силъ страны, сильно содѣйствовали тому сохраненію крѣпостническаго, кабальнаго хозяйства, которое повышало земельную ренту далеко за предѣлы нормы, допустимой и возможной при нормальной капиталистической организаціи хозяйства. Арендныя цѣны на землю непомѣрно вздувались, и въ результатѣ получалась еще большая пауперизація массъ, столь характерная для эпохи первоначальнаго накопленія.

Въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ находились, разумѣется, и тѣ огромныя прибыли въ 20, 30, 50, 70 и болѣе процентовъ, какія извлекали изъ своихъ предпріятій рыцари первоначальнаго накопленія.

Для полноты характеристики, въ видѣ заключительнаго аккорда, остается прибавить только одно: все зданіе государственнаго хозяйства, столь колоссальное, даже грандіозное на первый взглядъ, на дѣлѣ увѣнчивалось и вмѣстѣ съ тѣмъ подрывалось хищеніями и злоупотребленіями совершенно невѣроятныхъ размѣровъ. Подрядчики при постройкѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, благодаря взяточничеству строителей-чиновниковъ, получали на сотни тысячъ и милліоны рублей болѣе, чѣмъ слѣдовало; броня для военныхъ судовъ обходилась вдвое дороже обычнаго; при организаціи общественныхъ работъ въ голодный 1891 годъ было израсходовано безъ всякаго контроля и въ значительной степени расхищено 16 милліоновъ рублей; при казенныхъ подрядахъ и поставкахъ чиновники соглашались сплошь и рядомъ на непомѣрно-высокія цѣны, получая за это отъ поставщиковъ „комиссіонное вознагражденіе“ въ 10—20% суммы, за которую сданъ подрядъ или поставка. Государственное хозяйство Россіи съ 60-хъ до начала 90-хъ годовъ все было построено на принципѣ покровительства хищническому капитализму и докапиталистическому хищничеству. Почти всѣ плоды народнаго труда переходили въ руки протежируемыхъ хищниковъ. Одна часть этихъ плодовъ,—несомнѣнно, даже большая ихъ часть—переходила въ цѣпкія лапы рыцарей наживы непосредственно. Другая часть сосредоточивалась въ обширномъ передаточномъ резервуарѣ, черезъ посредство котораго опять-таки попадала въ тѣ же руки. Этотъ передаточный резервуаръ носитъ названіе государственной казны. Онъ былъ необходимъ, потому что государство само по себѣ было необходимымъ аппаратомъ для полнаго проведенія въ жизнь лозунга „обогащайтесь“. И потому въ то время, кромѣ пауперизаціи и пролетаризаціи массъ и непомѣрнаго обогащенія верховъ, намѣтился еще одинъ весьма важный результатъ финансовой политики правительства,—концентрація экономической силы въ рукахъ государства, укрѣплявшая господствовавшій автократическій строй. Во всей полнотѣ этотъ результатъ намѣтился, однако, лишь въ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка, въ

эпоху министерства Витте. Тогда же нашли себѣ цѣлый рядъ новыхъ, яркихъ подтвержденій и другія стороны русскаго государственнаго хозяйства, о которыхъ шла рѣчь выше, и въ то же время завершились тѣ процессы и осуществились въ дѣйствительности тѣ тенденціи, которыя намѣтились раньше. Этотъ во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно важный и интересный моментъ развитія русскаго государственнаго хозяйства найдетъ себѣ освѣщеніе въ особой статьѣ.

ГЛАВА X.

Развитіе крупной промышленности и рабочее движеніе до 1892 г.

(Л. Мартова).

Крупная обрабатывающая промышленность, получившая свое начало въ Россіи при Петрѣ Великомъ, постепенно развивалась въ теченіе XVIII и первой половины XIX вѣка. Крѣпостная промышленность, основанная на кабальномъ трудѣ и въ значительной степени находившаяся въ рукахъ дворянства, уступала мѣсто капиталистической индустріи, примѣнявшей вольнонаемный трудъ и руководимой городской и сельской буржуазіей, въ средѣ которой было не мало выходцевъ изъ крѣпостного крестьянства. По расчету проф. Туганъ-Барановскаго [1]), въ 1832 году изъ 5.599 фабрикъ всего 862 принадлежали дворянамъ (14%). Въ концѣ 40-хъ годовъ изъ общаго числа до 10.000 фабрикъ дворянамъ принадлежало до 500, т.-е. уже только 5%.

Въ атмосферѣ развивавшагося денежнаго обмѣна, разлагавшаго старыя экономическія формы быта, соціальныя бѣдствія, связанныя съ развитіемъ крупной индустріи, должны были съ особенной силой проявиться тамъ, гдѣ новыя капиталистическія отношенія тѣсно сплелись съ старыми крѣпостническими, гдѣ производителю приходилось нести то и другое ярмо, а собственникъ бился въ сѣтяхъ противорѣчій между двумя несовмѣстимыми способами производства. Поссессіонные и вотчинные заводы и фабрики въ первой половинѣ XIX вѣка уже имѣли свой „рабочій вопросъ", какъ его уже знали на зарѣ развитія современной промышленности, въ XV и XVI вѣкахъ, рудники Саксоніи и Богеміи, гдѣ точно также сосуществовали производственныя отношенія феодализма и капитализма [1]).

Регламентація производства на

[1]) Русская фабрика, стр. 90—91.

[1]) См. объ этомъ у Каутскаго: Die Vorläufer des modernen Socialismus. Bd. 1.

поссессіонныхъ фабрикахъ (онѣ не имѣли права сокращать производство, измѣнять его характеръ и уменьшать число занятыхъ рабочихъ) стала непреодолимымъ препятствіемъ для развитія этой привилегированной промышленности, когда бокъ-о-бокъ съ ней выросла и окрѣпла свободная промышленность, постоянно измѣнявшая и совершенствовавшая свои способы производства. Къ тому же и кабальный трудъ оказался, какъ и въ земледѣліи, менѣе производительнымъ, чѣмъ вольнонаемный, и, несмотря на крайне низкую его оплату, обходился дорого.

При такихъ условіяхъ фабриканты, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе пытаются отстоять отживающую форму производства путемъ усиленія эксплоатаціи рабочихъ. А такое усиленіе при наличности медленнаго техническаго прогресса было возможно только въ формѣ постояннаго нарушенія установившихся отношеній или въ формѣ прямыхъ злоупотребленій. Борьба противъ этихъ посягательствъ на традиціонно-сложившіяся нормы фабрично-заводскаго быта и составляетъ содержаніе рабочихъ волненій первой половины XIX вѣка. Рядомъ съ этой причиной дѣйствовало стремленіе къ повышенію заработной платы, стимулируемое болѣе высокими заработками вольнонаемныхъ рабочихъ, плата которыхъ въ теченіе всей второй четверти вѣка возвышалась, благодаря тому, что развивавшаяся капиталистическая промышленность не находила достаточнаго количества свободныхъ рабочихъ рукъ.

Формы этихъ фабричныхъ волненій были различны: отъ подачи коллективныхъ заявленій и посылки делегатовъ къ властямъ до забастовокъ и разнообразныхъ видовъ пассивнаго и активнаго сопротивленія.

Постоянныя волненія поссессіонныхъ рабочихъ заставляли фабрикантовъ еще болѣе отрицательно относиться къ системѣ кабальнаго труда, а правительство—спѣшить съ ликвидаціей этой отжившей формы производства. Въ 1840 г. былъ изданъ законъ, дозволившій фабрикантамъ переходъ отъ кабальнаго труда къ вольнонаемному, и фабриканты широко воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ. Такимъ образомъ, самое радикальное изъ требованій, выставлявшихся во время безпорядковъ поссессіонными рабочими, было удовлетворено по отношенію ко многимъ изъ нихъ. Но такъ какъ законъ 1840 г. давалъ увольняемымъ при ликвидаціи поссессіонныхъ отношеній рабочимъ лишь право записываться въ мѣщане или переселяться на казенныя земли, то во многихъ случаяхъ рабочіе упорно отказывались отъ примѣненія этого закона, требуя сохраненія за ними старой осѣдлости. На этой почвѣ въ 40-хъ годахъ происходилъ рядъ волненій, для подавленія которыхъ пускалась въ ходъ военная сила.

Среди рабочихъ вольнонаемныхъ волненія были рѣже, чѣмъ на поссессіонныхъ и вотчинныхъ фабрикахъ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь имѣли мѣсто серьезные безпорядки, какъ, напр., въ дмитровскомъ уѣздѣ московской губ. въ 1844 г. на Вознесенской хлопчатобумажной ману-

фактурѣ, гдѣ дѣло дошло до примѣненія военной силы. Въ 1847 г. московскій генералъ-губернаторъ кн. Щербатовъ констатировалъ, согласно жалобамъ самихъ рабочихъ, слѣдующіе поводы къ неудовольствію съ ихъ стороны: уплата заработка фабричными издѣліями, негодность харчей, штрафы и произвольные вычеты.

Волненія поссессіонныхъ и вольнонаемныхъ рабочихъ побудили правительство Николая I заняться законодательнымъ регулированіемъ отношеній между капиталистами и рабочими. Первый законъ, изданный въ этомъ отношеніи,—законъ 24 мая 1835 года,—вызванъ прежде всего заботой объ интересахъ фабрикантовъ. Послѣдніе, пользуясь вольнонаемнымъ трудомъ отпущенныхъ на оброкъ помѣщичьихъ крестьянъ, зависѣли отъ произвола помѣщиковъ, которые нерѣдко отзывали своихъ крѣпостныхъ обратно до истеченія срока ихъ найма на фабрикѣ. Попытка иниціатора законопроекта, московскаго генералъ-губернатора кн. Голицына, внести въ него пункты, ограждающіе интересы рабочихъ довольно серьезными гарантіями, натолкнулась на рѣзкую оппозицію представителей петербургскаго и московскаго купечества [1]), и подъ ихъ давленіемъ законопроектъ въ окончательномъ видѣ, кромѣ обязательства хозяевъ ввести расчетныя книги и вывѣшивать на фабрикѣ правила внутренняго распорядка, не заключаетъ никакихъ другихъ ограниченій произвола капиталистовъ. За то онъ, освобождая фабрикантовъ отъ обязанности отпускать по требованію помѣщика принадлежащихъ послѣднему крѣпостныхъ, въ то же время воспрещаетъ рабочему самовольное расторженіе договора, равно какъ предъявленіе требованія объ увеличеніи платы; фабриканту же законъ разрѣшаетъ увольненіе рабочаго съ предупрежденіемъ за 2 недѣли, „по причинѣ невыполненія имъ обязанностей или по буйному поведенію".

Этотъ первый фабричный законъ распространялся первоначально только на Петербургъ и Москву. Въ томъ же 1835 г. его дѣйствіе распространено на Ригу. Дальнѣйшее географическое расширеніе сферы дѣйствія закона свидѣтельствуетъ о постепенномъ ростѣ вольнонаемной фабричной промышленности и обостреніи взаимныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ: законъ 1835 года распространенъ въ 1836 г. на весь прибалтійскій край, въ 1837 г. на владимірскую и калужскую губерніи, въ 1839—на тверскую, въ 1843—на всю московскую губернію, въ 1846—на фабричные пункты черниговской, въ 1847—нижегородской и 1852—казанской губерніи, а въ 1853 г.—на свеклосахарные заводы кіевской губерніи.

Послѣ волненій на Вознесенской мануфактурѣ въ 1844 году правительственное разслѣдованіе обнаружило весьма широкое примѣненіе на фабрикахъ московской губерніи дѣтскаго труда. До 2.100 дѣтей работало на 23-хъ бумагопрядильныхъ фабрикахъ днемъ и ночью. 7 авгу-

1) См. Туганъ-Барановскій, тамъ же, стр. 171.

ста 1845 г. издано Положеніе комитета министровъ о воспрещеніи фабричнаго труда малолѣтнихъ до 12-тилѣтняго возраста. Однако, этотъ законъ никогда не былъ примѣненъ и вскорѣ былъ забытъ самимъ правительствомъ.

Болѣе практическое значеніе имѣли для рабочихъ двѣ статьи изданнаго въ 1845 же году Уложенія о наказаніяхъ, явившіяся отвѣтомъ правительства на учащавшіяся рабочія волненія. Именно, ст. 1791 приравниваетъ къ „возстанію противъ властей, правительствомъ установленныхъ", и караетъ въ извѣстныхъ случаяхъ каторжными работами „явное неповиновеніе владѣльцу или управляющему заводомъ, оказанное цѣлой артелью или толпой". Слѣдующая 1792 ст. впервые вводитъ въ русское законодательство понятіе *стачки* рабочихъ, подвергая зачинщиковъ аресту отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, а простыхъ участниковъ—отъ 7 дней до 3 недѣль.

Отъ простыхъ репрессивныхъ мѣръ правительство скоро перешло къ мѣрамъ предупредительнымъ, проникнутымъ тѣмъ же духомъ полицейской опеки. Поводъ къ нимъ подала революція 1848 г. Извѣстный реакціонеръ, московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, въ особой запискѣ, представленной императору Николаю I, указывалъ, что „кромѣ 36 тысячъ фабричныхъ въ Москвѣ считается временныхъ цеховыхъ, вольноотпущенниковъ и дворовыхъ 37 тысячъ человѣкъ... Для охраненія тишины и благоденствія, коими въ настоящее время наслаждается одна Россія, правительство не должно допускать скопленія безнравственныхъ и бездомныхъ людей, которые легко пристаютъ къ каждому движенію, нарушающему частное или общественное спокойствіе" [1]). Закревскій предложилъ воспретить вовсе постройку новыхъ и расширеніе старыхъ фабрикъ въ Москвѣ. Этотъ реакціонный проектъ, хотя и вызвалъ оппозицію фабрикантовъ и министерства финансовъ, но получилъ одобреніе Николая I и въ смягченномъ, правда, видѣ пріобрѣлъ силу закона 28 іюня 1849 г. Экономическое развитіе, однако, не считалось съ буквой этого архаическаго проявленія полицейской мудрости, и закону 1849 г. никогда не было суждено примѣняться на дѣлѣ.

Къ началу пореформеннаго періода исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ мы видимъ, такимъ образомъ, фабрично-заводскій пролетаріатъ въ видѣ концентрированной въ нѣсколькихъ раіонахъ полумилліонной массы, на добрую половину состоящей въ крѣпостной зависимости отъ фабрикантовъ или же отъ помѣщиковъ, совершенно безправной передъ произволомъ капиталиста и подозрительной правительственнымъ властямъ, для которыхъ фабричный рабочій является воплощеніемъ крайняго обостренія мятежныхъ думъ и чувствъ, присущихъ всей народной массѣ крѣпостной Россіи. Къ моменту, когда начало ликвидироваться крѣпостное право, правительственныя власти питали опасенія, что объявленіе „воли" встрѣчено будетъ въ Петербургѣ и Москвѣ безпорядками го-

[1]) Цит. у Туганъ-Барановскаго, стр. 179.

родской „черни“, среди которой фабрично-заводскій и ремесленный пролетаріатъ занималъ главное мѣсто.

Въ качествѣ класса, подозрительнаго самодержавному правительству и подлежащаго неослабному надзору съ его стороны, руссій пролетаріатъ вступилъ въ пореформенный періодъ исторіи.

I.

Рабочій вопросъ съ 60-хъ до начала 90-хъ годовъ.

Условія, при которыхъ совершилось освобожденіе крестьянъ, отразились непосредственно на экономическомъ положеніи фабрично-заводскаго пролетаріата. Разоренная деревня высылала въ города и промышленные центры новыя и новыя толпы пролетаріевъ, обостряя конкуренцію среди рабочаго населенія. Въ то же время быстрое введеніе усовершенствованныхъ способовъ производства сокращало относительно спросъ на рабочія руки, обезцѣнивало профессіональную квалифицированность рабочаго, создавало ему конкурентовъ въ лицѣ женщинъ и дѣтей и ослабляло силу его сопротивленія фабриканту [1]). И то же техническое развитіе фабрики, убивая конкурировавшіе съ нею кустарные промыслы и ремесла, приводило къ новому переполненію рабочаго рынка избыточными руками.

За первыя 20 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ наблюдается крайне слабое движеніе вверхъ номинальной заработной платы фабричныхъ рабочихъ при одновременномъ возрастаніи цѣнъ на жизненные продукты, являвшемся естественнымъ результатомъ развитія капитализма и городской жизни. Такимъ образомъ, реальная заработная плата падала. Такъ, для шуйскаго уѣзда владимірской губерніи мы, переводя мѣсячную плату на пуды ржаной муки по цѣнамъ соотвѣтствующихъ лѣтъ, получимъ слѣдующее измѣненіе реальной заработной платы различныхъ категорій рабочихъ:

	1856—57 гг.	1883 г.	% пониженія или повышенія.
Прядильщики	26.0	14.9	— 43%
Ставильщики	6.2	5.1	— 18%
Набойщики	17.2	11.7	— 32%
Ткачи механич.	20.2	10.7	— 47%
Ткачи ручные	11.9	5.8	— 52%
Кузнецы	16.4	21.4	+ 30%
Слесаря	21.7	19.4	— 10%
Столяры	20.1	26.3	+ 31%
Банкоброшницы	9.8	7.3	— 25%
Мотальщицы	16.1	10.3	— 36%

За исключеніемъ кузнецовъ и столяровъ, всѣ категоріи испытали сильное пониженіе реальной заработной платы. То же мы видимъ и въ г. Иваново-Вознесенскѣ, гдѣ заработокъ механическихъ ткачей, выраженный въ пудахъ хлѣба, упалъ за этотъ же періодъ времени съ 23.2 до 13.7 (пониженіе на 41%) [1]),

[1]) См. объ этомъ у Я. Гарелина, „Городъ Иваново-Вознесенскъ“, часть II, 1885 г.

[1]) Туганъ-Барановскій, ор. с., 434; Песковъ, „Фабричный бытъ владимірской губ.,“ Спб., 1884.

заработокъ набойщиковъ съ 17.3 до 11.7, а прядильщиковъ — съ 26 до 14.9 [1]).

Заработной платѣ соотвѣтствовали и прочія условія фабричнаго труда. Въ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ Иваново-Вознесенска и Шуи въ началѣ 80-хъ гг. практиковалась 12-тичасовая работа, а на ситцепечатныхъ фабрикахъ $13^1/_2$ и даже $14^1/_2$ часовъ; при этомъ примѣнялись сверхурочныя работы, удлинявшія рабочій день фактически до 18—20-ти часовъ [2]). Въ виленскомъ фабричномъ округѣ въ 1885 году инспекція констатировала, какъ обычное явленіе для кожевенныхъ заводовъ, рабочій день въ 13 часовъ, а для текстильнаго производства—до 16-ти часовъ реальной работы. На спичечныхъ фабрикахъ „рабочій день начинается лѣтомъ съ восходомъ солнца и заканчивается съ его закатомъ“ [3]).

В. В. Святловскій [4]) констатируетъ, что по 16—17-ти часовъ въ сутки работаютъ мелкіе ватные и костопальные заводы, а по 18-ти—спичечные, парусино-ткацкіе и овчино-шубные въ московскомъ и харьковскомъ фабричныхъ округахъ. Въ джутовомъ и кирпичномъ производствахъ обыченъ 15-тичасовой рабочій день, встрѣчающійся также и въ шерсто-и бумагопрядильняхъ московскаго округа. Побочныя фабрики обыкновенно работаютъ по 13—14-ти часовъ въ сутки.

[1]) Рабочее движеніе въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ. Женева 1900.

[2]) Ibid.

[3]) Отчетъ фабр. инсп. виленскаго округа за 1885 г.

[4]) Святловскій. „Фабричный рабочій“, стр. 39—40.

По Дементьеву [1]), лишь въ десятой части фабрикъ московской губ. число рабочихъ часовъ было къ началу 80-хъ гг. меньше 12-ти, обычно оно равнялось $13-13^1/_2$. Въ 5% всего числа фабрикъ рабочій день равенъ 18-ти часамъ (въ рогожныхъ заведеніяхъ, въ красильныхъ отдѣленіяхъ ситцевыхъ фабрикъ, на фарфоровыхъ заводахъ). „Недѣля“ въ 1878 г. сообщала, что рогожники г. Рославля работаютъ, за вычетомъ перерывовъ, 21 часъ въ сутки [2]). На шахтахъ екатеринославской губ. въ 70-хъ гг. обычной была 17-тичасовая работа, но встрѣчалась и болѣе продолжительная, при чемъ малолѣтніе работали столько же, сколько и взрослые [3]). На золотыхъ промыслахъ Сибири и Урала въ 60-хъ гг. рабочій день часто превышалъ даже 15-тичасовую норму, установленную закономъ 1838 года [4]).

Комиссія, учрежденная въ 1859 г. петербургскимъ генералъ-губернаторомъ констатировала на шести бумагопрядильняхъ 14-тичасовой рабочій день для дѣтей въ возрастѣ 8—14 лѣтъ.

Ночная работа была распространена чрезвычайно сильно. Ночью работали почти на всѣхъ текстильныхъ фабрикахъ московско-владимірскаго района; въ харьковскомъ округѣ треть всѣхъ рабочихъ (преимущественно на сахарныхъ заводахъ) работала ночью. Въ Польшѣ ночная работа была общимъ прави-

[1]) Дементьевъ, „Фабрика“, I-е изд. стр. 88.

[2]) Цитировано у Пажитнова, „Положеніе раб. класса въ Россіи“ Спб. 1906, стр. 71.

[3]) Пажитновъ, стр. 226—7.

[4]) В. Семевскій, „Рабочіе на золотыхъ промыслахъ“. Т. 2.

ломъ въ заводахъ сосновицкаго округа и на сахарныхъ заводахъ.

Воскресный отдыхъ нерѣдко не превышалъ 12-ти часовъ, какъ это было, напр., на фабрикѣ Саввы Морозова въ с. Никольскомъ (Орѣховѣ-Зуевѣ) [1]).

Во все время пореформеннаго періода наблюдается развитіе системы *штрафовъ* на фабрикѣ, являясь, съ одной стороны, реакціей фабрикантовъ на повышающуюся чувствительность и самосознаніе рабочаго; съ другой—методомъ приспособленія капиталистовъ къ колебаніямъ промышленности, позволявшимъ имъ ослаблять на счетъ рабочихъ дѣйствіе періодовъ кризиса или застоя. Штрафованіе въ размѣрѣ трети мѣсячнаго заработка было въ началѣ 80-хъ гг. обычнымъ на заводахъ Юза [2]). На чудовищное развитіе системы штрафовъ единодушно обращаетъ вниманіе вся литература конца 70-хъ и начала 80-хъ гг., посвященная быту фабрично-заводскихъ рабочихъ (см. особенно у Янжула, Микулина, Святловскаго, Пескова), а проф. Янжулъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что на фабрикахъ средней Россіи штрафы составляютъ изрядную статью дополнительнаго дохода фабрикантовъ [3]). Само правительство въ 1886 году. признало штрафныя операціи фабрикантовъ „неблаговидными" (въ мотивировкѣ законопроекта 3 іюня 1886 г.) [4]).

Не менѣе, если не болѣе доходную статью составляла система расплаты товарами изъ хозяйскихъ лавокъ. Эта система вызвала особенное раздраженіе рабочихъ, такъ какъ не только чувствительно сокращала ихъ заработокъ, но и давала поводъ къ постояннымъ злоупотребленіямъ худшаго рода. Сроки расплаты также давали пищу для неудовольствія рабочихъ. Въ началѣ 80-хъ гг., по даннымъ Янжула, Пескова и Святловскаго, только на 11,5% фабрикъ примѣнялся еженедѣльный срокъ расплаты, на 4,4%—2 или 3 раза въ мѣсяцъ, на 40,7%—ежемѣсячный и на 43,5%—болѣе продолжительный срокъ или же вовсе неопредѣленный [1]). Къ этому надо прибавить систему удерживанія конторой части заработка при расплатѣ, весьма распространенную особенно въ центральномъ районѣ.

Ужасныя гигіеническія условія работы и жизни въ фабричныхъ казармахъ дополняютъ эту картину обстановки промышленнаго пролетаріата въ періодъ 60—80-хъ гг., вмѣстѣ съ профессіональными заболѣваніями и чрезвычайнымъ обиліемъ травматическихъ поврежденій, послѣ которыхъ рабочіе и ихъ семьи не получали обыкновенно никакого обезпеченія [2]).

Тягостныя сами по себѣ и, какъ мы видѣли, ухудшившіяся условія

---

[1]) Песковъ, op. c., стр. 97.

[2]) Пажитновъ, 88.

[3]) Янжулъ, „Фабричный бытъ Московской губ.", стр. 85.

[4]) На Никольской мануфактурѣ Саввы Морозова штрафы достигали 300,000 руб. въ годъ, составляя 40% выдаваемой заработной платы (Пажитновъ, 88).

[1]) С. Прокоповичъ, „Къ рабочему вопросу". Спб. 1905, стр. 83.

[2]) О несчастн. случаяхъ см. Погожевъ, „Фабр. бытъ Германіи и Россіи". 1882. О гигіенич. условіяхъ и санитар. состояніи фабрикъ факты собраны у Пажитнова.

труда русскихъ рабочихъ должны были вызвать, и дѣйствительно вызвали, съ ихъ стороны рядъ волненій, которыя, за немногими исключеніями, носили тотъ же характеръ, что и „безпорядки“ фабричныхъ рабочихъ къ дореформенную эпоху. Уже въ 1865 г. происходятъ какія-то волненія рабочихъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Въ 1870 г. пресса обращаетъ вниманіе на рядъ вспыхнувшихъ въ этомъ году стачекъ (прядильщики и портные въ Петербургѣ, одна фабрика въ Варшавѣ, ткачи въ Бѣлостокѣ, суконщики въ с. Сѣтунь подъ Москвой и доковые рабочіе въ Кронштадтѣ) и впервые заговариваетъ о „рабочемъ вопросѣ“ въ Россіи, какъ о вопросѣ отношеній между наемнымъ трудомъ и капиталомъ. Въ четырехъ изъ пяти случаевъ поводомъ къ конфликту являлись вопросы заработной платы. При стачкѣ прядильщиковъ Невской бумагопрядильни въ Петербургѣ стачечники, кромѣ судебной отвѣтственности (3—7 дней ареста), подверглись и административной высылкѣ.

Въ 1871 г. печатью отмѣчены вновь волненія въ Орѣховѣ-Зуевѣ и стачка 4000 извозчиковъ въ Одессѣ, протестовавшихъ противъ введенія таксы. Въ іюнѣ 1872 г. была стачка строительныхъ рабочихъ въ Кронштадтѣ, боровшихся за повышеніе платы и уничтоженіе штрафовъ, при чемъ рабочіе оказали сопротивленіе аресту одного изъ руководителей, что вызвало присылку вооруженной команды. Въ августѣ того же года начались волненія на Кренгольмской мануфактурѣ около города Нарвы. Требованія рабочихъ сводились къ сокращенію рабочаго времени, предоставленію дѣтямъ возможности посѣщать школу, уменьшенію штрафовъ. Арестъ делегатовъ, посланныхъ рабочими къ губернатору, вызвалъ общую стачку (11 сент.), шествіе въ гор. Нарву толпой, столкновеніе съ солдатами. 18 сентября стачка прекратилась послѣ ареста руководителей. Въ январѣ 1873 г. была забастовка на фабрикѣ Михина въ Костромѣ изъ-за принужденія рабочихъ работать въ день Новаго года. Въ томъ же году была стачка на солеварныхъ промыслахъ Баскунчакскаго озера (астрах губ.), вызванная неаккуратнымъ расчетомъ; во время стачки объѣздчики по приказанію управляющаго Акимова замучили одного рабочаго на смерть, а жандармскія власти затушили уголовное дѣло, возбужденное противъ Акимова [1]). Въ 1874 году штрафы вызвали забастовку на суконной фабрикѣ Лазарева въ Москвѣ (въ концѣ октября), при чемъ судъ въ концѣ концовъ оправдалъ забастовщиковъ въ виду явныхъ злоупотребленій фабриканта. Въ томъ же году въ Ландваровѣ виленской губ. бастовалъ гвоздильно-проволочный заводъ. Въ 1875 г. произошли безпорядки на заводѣ Юза изъ-за невыдачи конторой заработанныхъ денегъ: рабочіе разгромили лавки и трактиры. Дѣло кончилось присылкой военной команды. Продолжающаяся неуплата денегъ вызвала повтореніе безпорядковъ черезъ мѣсяцъ. Измѣненіе выговоренныхъ условій найма вызвало въ маѣ того же года мирную стачку 800 рабочихъ на постройкѣ оренбургской

[1]) „Впередъ“, 1875 г., № 22.

жел. дор.; стачка окончилась тѣлеснымъ наказаніемъ, примѣненнымъ властями ко всѣмъ участникамъ, послѣ чего 15 человѣкъ было сослано въ архангельскую губ. Въ іюлѣ этого же года 4000 рабочихъ мануфактуры Коншина въ Серпуховѣ бастовали, требуя отмѣны штрафовъ и произвольныхъ вычетовъ; рабочіе держались очень стойко и выиграли стачку. Въ Вильнѣ на табачной фабрикѣ Дурунча рабочіе потребовали повышенія рабочей платы и „передачи рабочей кассы въ вѣдѣніе выборныхъ отъ рабочихъ". Стачка была подготовлена рабочими, которые вошли въ соглашеніе съ рабочими другихъ трехъ табачныхъ фабрикъ, обѣщавшихъ имъ поддержку. Фабриканты ожидали общей забастовки; однако, полицейскія мѣры ее предотвратили, а рабочіе Дурунча получили общій расчетъ. Въ 1876 г. борьба со штрафами вызвала въ мартѣ стачки 500 прядильщиковъ на мануфактурѣ Саввы Морозова въ Орѣховѣ - Зуевѣ и 400 рабочихъ Мышегскаго чугуно-литейнаго завода въ тарусскомъ уѣздѣ калужской губ. Первая изъ нихъ увѣнчалась успѣхомъ. Въ 1877 г. ткачи въ Бѣлостокѣ успѣшно боролись за увеличеніе расцѣнокъ.

За этотъ періодъ, съ 1865 до 1877 г., зарегистрованныя литературой стачки должны были охватывать около 20 тысячъ рабочихъ. Ихъ главнымъ мотивомъ являлся протестъ противъ особенно вопіющихъ, изъ ряда выходящихъ злоупотребленій фабрикантовъ, въ области особенно штрафовъ и другихъ вычетовъ изъ заработной платы. Характеръ движенія былъ стихійный и судорожный, элементъ сознательности въ нихъ еще очень слабъ.

Къ концу этого періода, впрочемъ, относится событіе, указавшее русскому обществу на наличность болѣе серьезнаго броженія въ рядахъ рабочихъ. Въ организованной революціоннымъ обществомъ „Земли и Воли" демонстраціи на Казанской площади въ Петербургѣ (6 декабря 1876 г.) приняло участіе до 200 рабочихъ. Но массы петербургскихъ рабочихъ эта манифестація, конечно, не коснулась.

Средина 70-хъ гг. была временемъ промышленнаго застоя. Съ 1878 г. начинается промышленное оживленіе. Этимъ, очевидно объясняется учащеніе стачекъ, наблюдаемое съ 1878 г. Стачки въ большинствѣ случаевъ продолжаютъ носить со стороны рабочихъ оборонительный характеръ, въ отличіе отъ странъ съ развитымъ и организованнымъ рабочимъ движеніемъ, гдѣ періоды промышленнаго подъема являются періодами аггрессивнаго экономическаго движенія рабочихъ. Если, при всей несознательности рабочихъ массъ, въ этотъ періодъ экономическаго подъема происходятъ оборонительныя стачки, то причиной этого являлась тенденція капиталистовъ даже и при благопріятной промышленной конъюнктюрѣ посягать на уже установившіяся условія найма (особенно на нормы расцѣнокъ). Съ другой стороны, благодаря промышленному процвѣтанію, рабочіе, въ случаяхъ извѣстныхъ намъ за этотъ періодъ стачекъ, легче, чѣмъ въ предыдущій періодъ, добивались удовлетворенія всѣхъ требованій, несмотря на то, что къ это-

му времени введенія въ разныхъ мѣстахъ Россіи исключительныхъ правилъ и учрежденія генералъ-губернаторствъ давленіе администраціи на стачечниковъ проявлялось еще болѣе сурово, чѣмъ прежде. Въ связи съ большой легкостью, съ которой стачечники добивались успѣха, стоитъ, очевидно, менѣе значительное, чѣмъ въ предыдущій періодъ, количество случаевъ, когда мирная стачка осложнялась разгромомъ зданій и подобными явленіями массоваго терроризма.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что разсматриваемый періодъ (1878—1881 гг.) былъ временемъ общественнаго оживленія, роста оппозиціоннаго движенія имущихъ классовъ, студенческихъ волненій и разгара революціонной борьбы „Земли и Воли" и „Народной Воли". Эти обстоятельства несомнѣнно сказались на настроеніи рабочихъ массъ, обостривъ ихъ чувствительность, какъ это, между прочимъ, видно изъ нѣкоторыхъ правительственныхъ документовъ того времени, напр., изъ всеподданнѣйшаго отчета харьковскаго губернатора за 1878 г[1]). Къ тому же на фабрикахъ и заводахъ крупныхъ центровъ въ то время были разсѣяны элементы, входившіе въ составъ революціонныхъ обществъ и оказывавшіе на массу то или иное воздѣйствіе въ моменты броженія.

Въ 29 стачкахъ, свѣдѣнія о которыхъ мы могли собрать за періодъ трехъ лѣтъ 1878—1880 гг., приняло участіе отъ 30 до 35 тысячъ рабочихъ. Въ 1878 г. бастовали въ Петербургѣ. Новая бумагопрядильня, прядильная фабрика Кенига, заводъ Курикина, фортепіанная фабрика Беккера, табачныя фабрики Шапшалъ и Мичри, въ Москвѣ были забастовки на 2 фабрикахъ, въ Костромѣ на заводѣ Шипова, въ Одессѣ бастовали грузчики товарной станціи. Мотивами большинства стачекъ была борьба противъ пониженія расцѣнокъ, штрафовъ и неправильной расплаты. Стачка въ Новой бумагопрядильнѣ въ Петербургѣ своими перипетіями привлекла къ себѣ вниманіе петербургскаго общества, и мы на ней остановимся подробнѣе.

Стачка вспыхнула 27 февраля, когда рабочимъ было объявлено о пониженіи расцѣнокъ. Стачечники обратились къ градоначальнику съ просьбой о вмѣшательствѣ и предъявили рядъ разнообразныхъ требованій. По предложенію градоначальника, они черезъ недѣлю взялись за работу, полагаясь на его обѣщаніе, что вскорѣ будутъ даны фабрикой нѣкоторыя уступки. Когда 15 марта были вывѣшены новыя правила, не содержавшія ни одного значительнаго улучшенія условій труда, рабочіе, считая, что градоначальникъ (ген. Козловъ) ихъ обманулъ, вновь заволновались и на слѣдующій день вывѣсили на фабрикѣ свои требованія въ такой редакціи:

„1) Почти 15-тичасовая работа, въ теченіе цѣлаго дня на ногахъ— работа непосильная; она убиваетъ здоровье даже самаго сильнаго человѣка, а на фабрикѣ, кромѣ мужчинъ, работаютъ и женщины и дѣти. Рабочіе требуютъ сократить

[1]) Цит. у Плеханова „Русскій рабочій" и т. д.

рабочее время на 2 часа. Начинать работу они хотятъ въ 6 часовъ утра и кончать въ 7 часовъ вечера, удѣляя изъ этого времени полтора часа на обѣдъ [1]). 2) Теперь начальство само сознало, что брать одну копейку въ день за вонючую и не всегда кипяченую воду не справедливо и обѣщается давать эту воду даромъ. Но это не подачка, а уступка необходимости. Теперь рабочіе требуютъ, чтобы эти копейки, составляющія въ годъ три рубля, были выданы рабочимъ обратно... вѣдь ихъ брали не по правиламъ и даже въ рабочихъ книжкахъ объ нихъ ничего не было упомянуто. 3) Инструменты и машины, а также части машинъ, хозяева всегда выбираютъ сами и выбираютъ потомъ съ лихвой затраченныя на нихъ деньги съ рабочихъ. Но машины и инструменты не вѣчны: они постоянно ломаются, какъ всякія и другія вещи, и насъ, рабочихъ, заставляютъ, кромѣ того, платить и за эту неизбѣжную порчу, взваливая на насъ обвиненія въ умышленной ихъ порчѣ. Но кто же въ этихъ случаяхъ будетъ рѣшать споръ между рабочими и хозяиномъ? Мы требуемъ уничтоженія § 3 правилъ, чтобы за поломку челноковъ, вилокъ и щетокъ не взималась съ насъ плата. 4) Мы требуемъ непремѣнно отмѣны штрафовъ за дурное поведеніе, такъ какъ *хозяинъ или его наемные холуи не могутъ быть безпристрастными судьями нашей нравственности*". Далѣе идутъ требованія уменьшенія штрафовъ за прогульные дни, повышенія расцѣнокъ (на 10%) и освобожденія арестованныхъ.

Въ тотъ же день рабочіе отправились къ дворцу наслѣдника (будущаго императора Александра III), чтобы лично ему подать жалобу. Послѣдняя была принята и рабочимъ обѣщано разслѣдованіе, которое ни къ чему не привело. Жалоба начиналась словами: „Мы, обманутые рабочіе бумагопрядильной фабрики, обращаемся къ Вашему Высочеству съ жалобой на притѣсненія нашихъ хозяевъ и полиціи". Рабочіе просятъ, чтобы, въ случаѣ назначенія слѣдственной комиссіи, въ составъ ея были введены выборные и отъ рабочихъ. Конецъ петиціи напоминаетъ текстъ той, которая была составлена въ январскіе дни 1905 года; возможно, что она служила образцомъ для составителей послѣдней. „Мы, — заявляютъ рабочіе,—обращаемся къ Вамъ, какъ къ отцу. Если не будутъ удовлетворены наши справедливыя требованія, то мы тогда будемъ знать, что намъ не на кого надѣяться, что никто не заступится за насъ и что мы должны положиться на насъ и на свои руки" [1]).

Въ этой забастовкѣ активную роль играли кружки „землевольцевъ" [2]). Въ томъ же 1878 году въ мартѣ рабочіе Одессы приняли жи-

---

[1]) Этой нормы рабочаго дня петербургскіе рабочіе текстильной промышленности добились, какъ извѣстно, только въ 1897 г.

[1]) Всѣ эти подробности взяты изъ описанія стачки въ газетѣ „Начало" 1878 (№ 1). См. „Рев. литература 1870-хъ гг." Базилевскаго.

[2]) Подробности см. у Плеханова „Русскій рабочій". Авторъ самъ дѣятельно участвовалъ въ руководствѣ стачкой.

вое участіе въ бурной уличной демонстраціи, разыгравшейся по поводу политическаго процесса Ковальскаго и др.

Въ самомъ началѣ 1879 г. стачка на Новой бумагопрядильнѣ возобновилась въ виду того, что администрація назначила къ увольненію 44-хъ участниковъ первой стачки. Бросивъ работу, стачечники выработали требованія, аналогичныя прошлогоднимъ. Къ стачкѣ примкнули рабочіе Нарвской бумагопрядильни (Шау). Забастовщики дѣйствовали весьма организованно, обратились съ просьбой о матеріальной поддержкѣ къ рабочимъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ, разсылали на другія фабрики воззванія, собирались на сходки для обсужденія своей политики и взаимно обязывались круговой порукой. Волненіе передалось на всѣ текстильныя фабрики: на фабрикахъ Чешера и Мальцева стачка не состоялась, лишь благодаря обѣщаніямъ хозяевъ дать нѣкоторыя уступки. Власти рѣшили подавить стачку силой и это имъ удалось на 10-й день послѣ того, какъ произведенъ былъ рядъ арестовъ и высылокъ, а всѣ малолѣтніе стачечники были подвергнуты наказанію розгами.

Въ томъ же 1879 г. были 4 забастовки, имѣвшія цѣлью повышеніе заработной платы (3900 рабочихъ мануфактуръ Третьяковыхъ и Ильиной въ Серпуховѣ, 1500 рабочихъ на 2 фабрикахъ въ Иваново-Вознесенскѣ, на одной фабрикѣ въ шуйскомъ уѣздѣ и въ м. Гуслицахъ подъ Москвой на фабрикѣ Балашова; первыя двѣ окончились побѣдой рабочихъ). Противъ увеличенія рабочаго дня (съ 10 до 11 ч.) бастовали въ мартѣ и добились уступки послѣ недѣльной забастовки мастеровые желѣзнодор. мастерскихъ въ Кіевѣ (2000 чел.). Противъ пониженія расцѣнокъ борьба велась въ Серпуховѣ (4000 раб. на фабрикѣ Коншина въ январѣ) и въ Петербургѣ на Сѣмянников. заводѣ (лѣтомъ). Обѣ стачки также сопровождались успѣхомъ.

Неправильный расчетъ и злоупотребленія властью фабриканта вызвали забастовки среди углекоповъ ст. Шохтной (іюль), въ желѣзнодорожн. мастерскихъ Воронежа (17 іюля), на суконной фабрикѣ Шредера въ Москвѣ (сент.); та же причина (невыдача платы въ срокъ) вызвала на заводѣ Сѣмянникова передъ Пасхой „бунтъ“ въ видѣ разгрома заводскихъ помѣщеній; рабочіе были избиты нагайками казаковъ. Изъ послѣднихъ движеній успѣшна была только стачка въ Воронежѣ. Наконецъ, здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о происшедшихъ въ апрѣлѣ 1879 г. крупныхъ безпорядкахъ въ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ рабочіе, возбужденные арестомъ одного изъ сотоварищей, произвели разгромъ всѣхъ полицейскихъ учрежденій и въ теченіе нѣсколькихъ дней господствовали въ городѣ.

Въ 1880 г. вызваны пониженіемъ расцѣнокъ стачки на шерстоткацкой фабрикѣ Каверина въ Москвѣ (февр.), на хлудовской мануфактурѣ въ Ярцевѣ, смоленской губ. (сент.), на фабрикѣ Щербакова въ Озерахъ, коломен. у. (окт.) и на фабрикѣ Сѣрикова въ Серпуховѣ (нояб.). Только первая прошла успѣшно

для рабочихъ. Хлудовская забастовка, благодаря грубому вмѣшательству мѣстныхъ властей, сопровождалась разгромомъ лавокъ и присылкой военной команды, послѣ чего 800 изъ 2600 стачечниковъ высланы по этапу. Сверхъ того происходили по разнымъ поводамъ забастовки на фаб. Бровкина въ Москвѣ, заводѣ Голубева въ Петербургѣ и кіевскихъ желѣзнодор. мастерскихъ.

Въ 1881 г. въ промышленности наступаетъ застой, обостренный послѣдовавшими въ 1882—1884 гг. кризисами во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ. Застой длился вплоть до 1887 г. и вызвалъ еще неизвѣстныя въ Россіи бѣдствія рабочаго класса. Въ статьѣ „Хроника рабочаго труда въ Россіи" С. Приклонскаго [1]) приводятся такія данныя о состояніи рабочаго рынка въ 1881 г.: на 4 фабрикахъ и заводахъ Петербурга изъ 6700 рабочихъ разсчитано 4300; въ александровскомъ уѣздѣ владимірской губ. осталось безъ работы 9000 рабочихъ, занятыхъ размоткой шелка. На Ярцевской фабрикѣ Хлудова расчитано 2000 рабочихъ; въ костромской губ. число рабочихъ сократилось на $^1/_3$, въ пос. Клинцахъ (черниговской губ.) на 40 %, а заработная плата понижена на $^1/_3$—$^1/_2$. На 20 % понижена плата въ мануфактурахъ Твери, гдѣ также часть рабочихъ расчитана; въ Иваново-Вознесенскѣ массовые расчеты и увеличеніе штрафовъ, какъ методъ фактическаго пониженія платы; въ Ржевѣ и его округѣ до 12000 прядильщиковъ пеньки безъ работы; сокращеніе работъ на Мальцевскихъ заводахъ и въ селѣ Павловѣ, гдѣ недѣльный заработокъ кустарей упалъ съ 2 р. 50 к. до 80 к. Въ 1882 г., по свидѣтельству Туганъ-Барановскаго, въ Варшавѣ лѣтомъ было 20.000 безработныхъ [1]).

За 6 лѣтъ (1881—1886) можно найти въ литературѣ упоминаніе о 48 болѣе или менѣе значительныхъ стачкахъ, охватившихъ болѣе 80.000 рабочихъ. Въ дѣйствительности количество стачекъ было значительно *большимъ*; есть много данныхъ, указывающихъ на то, что спеціально во владимірскомъ промышленномъ районѣ въ срединѣ 80-хъ гг. происходилъ рядъ стачекъ, о которыхъ точныхъ свѣдѣній въ печати не появлялось.

Значительное большинство стачекъ этого періода имѣло прямой или косвенной причиной пониженіе расцѣнокъ; во второмъ случаѣ дѣло шло о борьбѣ противъ возрастающихъ *штрафовъ* — скрытая форма пониженія платы — или за смѣну мастеровъ, примѣнявшихъ штрафы и вычеты. Таковы поводы стачекъ на Пермскомъ пушечномъ заводѣ (фев. 1882), на фаб. Дербенева въ Иваново-Вознесенскѣ (фев. 1882), на гвоздильномъ заводѣ въ Петербургѣ (май 1882), въ Брестскихъ желѣзнодор. мастерскихъ въ Москвѣ (ноябрь 1882), на мелкихъ ткацкихъ фабрикахъ Бѣлостока и въ колоссальной мануфактурѣ въ Жирардовѣ (дек. 1882), равно какъ среди ткачей въ Ревелѣ и на Кренгольм-

---

1) „Дѣло", 1883 г., январь.

1) Туганъ-Барановскій. „Фабрика", стр. 334.

ской мануфактурѣ и въ желѣзно-дор. мастерскихъ Борисоглѣбска (въ теченіе 1882 г.). По той же причинѣ бастовали Вознесенская мануфактура дмитровск. у. (фев. 1883), Ник. желѣзнодор. мастерскія въ Москвѣ (янв. 1884), Полтавскія желѣзнодор. мастерскія (апр. 1884), табачная фабрика Бостанжогло въ Москвѣ (май 1884), Тверская мануфактура Варвары Морозовой и Никольская Саввы Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ (въ янв. 1885), 5 Иваново-Вознесенскихъ фабрикъ (въ сентябрѣ 1885 г.), фарфоровый заводъ Кузнецова въ тверской губ. (ноябрь 1885). Повидимому, тѣ же поводы играли роль въ забастовкахъ въ Варшавско-Вѣнскихъ желѣзно-дор. мастерскихъ и на заводахъ Бромлея и Давидсона въ Москвѣ (май 1882), на Жирардовской мануфактурѣ (авг. 1884), и на чугунномъ (1883 и 1886), и Путиловскомъ (1884) заводахъ, и на фабрикахъ Паля и Максвеля (осень 1886) въ Петербургѣ. Въ 1884 г. въ іюнѣ бастовалъ механическій заводъ Максвеля противъ увеличенія рабочаго дня на 2 $1/_2$ часа, а въ декабрѣ того же года на Вознесенской мануфактурѣ вновь разыгралась стачка, вызванная сокращеніемъ числа рабочихъ дней до 4 въ недѣлю и завершившаяся побѣдой рабочихъ.

Спеціально непомѣрные штрафы играли видную роль въ поводахъ къ недовольству рабочихъ на фаб. Дербенева въ Ивановѣ, въ Николаевскихъ желѣзно-дор. мастерскихъ, на фаб. Варвары и Саввы Морозовыхъ, на заводѣ Кузнецова.

Слѣдуетъ еще упомянуть о неотлившихся въ стачку волненіяхъ среди варшавскихъ рабочихъ въ фев. 1883 г. заставившихъ полицеймейстера отмѣнить изданный имъ приказъ, согласно которому всѣ женщины-работницы, подобно проституткамъ, подлежали врачебно-полицейскому надзору. Наконецъ, осенью 1885 г. въ Варшавѣ передъ Королевскимъ замкомъ произошла бурная демонстрація безработныхъ, требовавшихъ себѣ работы [1]). На почвѣ возроставшей безработицы происходилъ рядъ стачекъ и волненій на пристаняхъ Херсона, Таганрога, Твери, Рыбинска.

Стачки этого періода отличались и многочисленностью участниковъ, и остротой своей формы. Желѣзнодорожные мастеровые Варшавско-Вѣнской дороги, забастовавъ, произвели уличные безпорядки. При стачкѣ въ Жирардовѣ въ декабрѣ 1882 г. произошло столкновеніе 8000 стачечниковъ съ войсками; солдаты стрѣляли, убивъ 3-хъ и ранивъ 13 стачечниковъ. Во время стачки въ Николаевскихъ мастерскихъ въ Москвѣ въ янв. 1884 г. рабочіе избили помощника начальника. Декабрьская стачка того же года на Вознесенской мануфактурѣ сопровождалась разгромомъ, были вызваны войска, и 115 стачечниковъ подверглись высылкѣ. Разгромъ произведенъ былъ также ткачами Морозовской мануфактуры въ Твери и орѣхово-зуевскими ткачами Саввы Морозова, а также рабочими завода Кузнецова.

Рядомъ съ этими проявленіями рѣзкаго классоваго возмущенія за-

---

[1]) См. Мазовецкій. „Исторія соціалистическаго движенія въ Польшѣ". Загр. изд. 1904 г.

мѣчается болѣе организованный характеръ стачекъ и болѣе сознательное формулированіе требованій. Въ этомъ отношеніи знаменательный фактъ представляла стачка 70 еврейскихъ ткачей въ Бѣлостокѣ, происшедшая, какъ выше указано, въ дек. 1882 г. Она происходила при организованной поддержкѣ со стороны небастовавшихъ еврейскихъ рабочихъ, которые обложили себя опредѣленнымъ сборомъ въ пользу стачечниковъ, и при бойкотѣ мѣстъ стачечниковъ со стороны ткачей-нѣмцевъ [1]). Стачка была, благодаря этому обстоятельству, выиграна. Стачка въ Жирардовѣ, закончившаяся кровопролитіемъ, была въ значительной мѣрѣ стачкой солидарности громаднаго большинства рабочихъ, поддержавшихъ забастовавшихъ шпульницъ. Начатая требованіемъ сохраненія старой нормы заработка, она продолжалась подъ флагомъ требованія сокращенія рабочаго времени на 1 часъ [2]). Когда жандармскія власти привлекли къ суду 11 рабочихъ Александровскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ которыхъ происходила борьба путемъ „саботажа“ (загроможденія желѣзнодор. пути) противъ системы сдачи работъ подрядчикамъ, то всѣ 200 стачечниковъ явились въ камеру мироваго судьи, требуя, чтобы и ихъ привлекли къ отвѣтственности [3]).

Примѣръ чрезвычайной для того времени организованности и планомѣрности представляла собой знаменитая стачка на Никольской мануфактурѣ Саввы Морозова. Ей предшествовала агитаціонная дѣятельность рабочихъ Мосеенко, Волкова и Иванова, которые явились и руководителями самой забастовки. Планъ стачки былъ выработанъ на предварительныхъ собраніяхъ вліятельныхъ рабочихъ. Прибывшему въ началѣ стачки губернатору Волковъ, въ качествѣ делегата, предъявилъ тщательно разработанныя требованія стачечниковъ, заключавшія въ себѣ возвращеніе штрафовъ за нѣсколько лѣтъ, нормировку ихъ въ будущемъ (не свыше 50% заработка), регулированіе браковки товара, вознагражденіе за забастовку и организованное представительство рабочихъ въ лицѣ избранныхъ ими старостъ. Во время забастовки вожди стачечниковъ старались поддержать среди нихъ полный порядокъ: происшедшій 9 января разгромъ былъ дѣломъ безработныхъ и хулигановъ. Арестъ Волкова вызвалъ попытку отбить его силой. Стачка закончилась двумя судебными процессами и высылкой 800 рабочихъ, но тетрадь требованій, предъявленная Волковымъ, послужила матеріаломъ для послѣдовавшаго фабричнаго законодательства [1]).

Значительная организованность видна въ Иваново-Вознесенской забастовкѣ сентября 1885 г., въ которой участвовало 6000 рабочихъ 5-ти крупныхъ фабрикъ, повидимому, предварительно сговорившихся между собой. Поводомъ послу-

---

1) С. Прокоповичъ, „Къ рабочему вопросу“, стр. 62.

2) Л. Плохоцкій, „Стачечная борьба польскихъ рабочихъ“. „Жизнь“, № 6. Женева. 1902 г.

3) „Нар. Воля“, № 11—12.

1) 10-тилѣтіе Морозовской стачки. Женева. 1896 г.

Иванъ Николаевичъ Крамской.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

жило введеніе на фабрикѣ 9-тичасовыхъ смѣнъ въ виду только что изданнаго закона, воспретившаго ночную работу женщинъ. При сдѣльной платѣ это нововведеніе означало паденіе заработка, и рабочіе требовали повышенія расцѣнокъ, чего и добились.

Ноябрьская стачка на фарфоровомъ заводѣ Кузнецова въ томъ же году была подготовлена на тайномъ собраніи 100 рабочихъ. Арестованные полиціей „зачинщики“ были толпой освобождены изъ-подъ ареста [1]).

Въ осеннихъ стачкахъ 1886 г. въ Петербургѣ руководство принадлежало кружкамъ рабочихъ-соціалистовъ, имѣвшихъ связи съ народовольческими кружками интеллигентовъ [2]).

Начавшееся въ 1887 г. промышленное оживленіе, вмѣстѣ съ изданіемъ ряда фабричныхъ законовъ и введеніемъ фабричной инспекціи, значительно ослабило интенсивность рабочаго движенія. За періодъ съ 1887 по 1889 годъ количество стачекъ очень незначительно. Въ 1887 г. была въ теченіе іюля и августа „перемежающаяся“ забастовка ткачей Бѣлостока: пока однѣ мастерскія бастовали, другія продолжали работать и поддерживать бастующихъ. Благодаря этому способу дѣйствія, свидѣтельствующему объ организованности стачки, послѣдняя увѣнчалась успѣхомъ: рабочіе добились увеличенія расцѣнокъ. Стачка 300 чесальщиковъ на фабрикѣ Зотова въ Костромѣ (ноябрь 1887), направленная противъ пониженія расцѣнковъ, потерпѣла пораженіе. Лѣтомъ 1887 года была неудачная стачка на фабр. Максвеля въ Петербургѣ. Въ 1888 году въ концѣ сентября началась стачка въ Шуѣ, охватившая 4 крупныя фабрики и длившаяся 10 дней. Ея поводъ былъ тотъ же, что въ Иваново-Вознесенской стачкѣ 1885 года: протестъ противъ введенія двухсмѣнной работы, сократившей заработокъ. Результатъ стачки былъ невыгоденъ для рабочихъ: фабриканты ввели одну 13-тичасовую смѣну, при чемъ число занятыхъ рабочихъ было сокращено. Къ тому же 1888 году относится начало стачечнаго движенія среди еврейскихъ ремесленныхъ подмастерьевъ г. Вильны. Въ 1889 г. происходятъ мелкія забастовки на фабрикахъ Иваново - Вознесенска, направленныя противъ ночной работы.

II.

Правительство и рабочій вопросъ до начала 90-хъ годовъ.

Промышленный кризисъ начала 80-хъ годовъ съ сопровождавшей его острой безработицей, равно какъ и многочисленныя волненія рабочихъ и участіе отдѣльныхъ единицъ изъ ихъ среды въ сенсаціонныхъ политическихъ процессахъ—все это выдвинуло рабочій вопросъ на видное мѣсто въ ряду вопросовъ, занимавшихъ вниманіе общества. Періодическая литература впервые по-

[1]) Прокоповичъ, „Къ рабочему вопросу“, стр. 68.

[2]) Изъ „Рабочаго движенія за Невской заставой“. Воспоминанія рабочаго. Женева. 1900.

священъ сравнительно много мѣста рабочему вопросу. Въ январской книжкѣ умѣренно - либеральной „Русской Рѣчи“ за 1881 г. указывается на то, что до послѣдняго времени думали, что рабочаго вопроса въ Россіи не существуетъ; однако, волненія послѣднихъ лѣтъ и особенно появленіе на скамьѣ подсудимыхъ по политическимъ дѣламъ такихъ личностей, какъ Прѣсняковъ, Окладскій и Тихоновъ [1]), показываютъ, что Россія въ этомъ отношеніи мало отличается отъ другихъ странъ.

„Долго замалчиваемый у насъ рабочій вопросъ,—писалъ С. Приклонскій,—какъ будто выросъ изъ земли и предсталъ предъ нашими глазами въ то время, когда продолжительный промышленный кризисъ ухудшилъ положеніе рабочихъ“ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ усиленное вниманіе обратило на рабочій вопросъ и правительство Александра III. 80-ые годы положили начало развитію русскаго фабричнаго законодательства.

Съ самаго начала предыдущаго царствованія вопросъ о регламентаціи отношеній между наемными рабочими и капиталистами возникалъ въ правящихъ сферахъ. Образованы были еще въ 1859 году двѣ комиссіи по выработкѣ проекта правилъ для фабрикъ: одна при петербургскомъ градоначальникѣ, другая—при министерствѣ финансовъ. Онѣ проектировали запрещеніе ночной работы, запрещеніе дѣтскаго труда и ограниченіе 10-ю часами труда подростковъ, учрежденіе инспекціи и промысловыхъ судовъ изъ представителей отъ рабочихъ и капиталистовъ.

Проекты эти встрѣтили сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикантовъ петербургскаго района, по крайней мѣрѣ, въ части, касающейся ночной работы и труда малолѣтнихъ. Вся же остальная масса фабрикантовъ оказала проекту энергичную оппозицію, выдвигая принципъ невмѣшательства государства въ экономическія отношенія. Капиталисты ссылались на благодѣтельность физическаго труда для дѣтей, отвлекающаго ихъ отъ праздности. Эта оппозиція вызвала со стороны тверского губернатора графа Баранова фразу въ офиціальной бумагѣ о „тартюфовскихъ“ пріемахъ фабрикантовъ, которые парадируютъ заботами о „свободѣ народнаго труда“. „Освобожденіе крестьянъ, — писалъ гр. Барановъ,—изъ крѣпости помѣщика естественно влечетъ за собой освобожденіе рабочихъ изъ крѣпости хозяевъ... Государству нужны здоровые, разумные и способные граждане, а не тупоумные, хотя съ виду и очень покорные“.

Проектъ введенія фабричной инспекціи особенно раздражилъ буржуазію. Московскіе и тверскіе фабриканты объявили его проявленіемъ

---

[1]) Всѣ трое судились по процессу „Нар. Воли“ въ 1880 г.: первый казненъ, остальные осуждены на каторгу за участіе въ рядѣ террористическихъ актовъ.

[2]) С. Приклонскій, „Хрон. рабоч. труда“. „Дѣло“, 1883 г. I. За 2 года до этого ту же мысль высказалъ революціонный журналъ „Земля и Воля“ съ своей точки зрѣнія. („Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые выдвигаются самой жизнью на подобающее мѣсто“).

оскорбительнаго недовѣрія къ ихъ классу. Тверскіе фабриканты писали: „Фабрика есть домъ трудолюбія, ночная ревизія фабрикъ похожа на слѣдствіе и можетъ подать поводъ къ всевозможнымъ притѣсненіямъ со стороны ревизоровъ".

Несмотря на склонность правительства къ усиленію регламентаціи и опеки во всѣхъ сферахъ соціальной жизни и на настроеніе извѣстной части бюрократіи, выразителемъ которой въ данномъ случаѣ являлся гр. Барановъ и которая, сь болѣе или менѣе сословно - дворянской точки зрѣнія, относилась къ усиливающейся буржуазіи безъ всякой благожелательности,—не смотря на это проекты комиссій 1859 г. не имѣли успѣха: оппозиція фабрикантовъ привела къ ихъ крушенію.

Положеніе рабочихъ на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ въ 60-хъ гг. уже было регулировано рядомъ правилъ, предоставившихъ рабочимъ гарантіи, которыхъ не знали ихъ собратья въ частной промышленности. Такъ, по положенію 8 марта 1861 г. о горныхъ заводахъ, были созданы горнозаводскія товарищества, т.-е. организаціи для защиты профессіональныхъ интересовъ рабочихъ. Вѣдѣнію этихъ товариществъ подлежали, между прочимъ, внутренніе конфликты и недоразумѣнія между заводоправленіями и отдѣльными рабочими, при чемъ наложеніе на виновныхъ штрафовъ находилось въ рукахъ товариществъ. Тѣмъ же положеніемъ установлено обязательство заводоуправленій поддерживать рабочаго во время его болѣзни и опредѣлены пенсіи пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ и ихъ семьямъ. Аналогичныя постановленія были созданы и для другихъ казенныхъ предпріятій (жел. дорогъ, заводовъ морского и артиллер. вѣдомствъ и т. д.). Въ положеніи о частныхъ золотыхъ и платиновыхъ пріискахъ было также установлено вознагражденіе рабочаго или его семьи за понесенное на работѣ увѣчье или смерть „вслѣдствіе непринятія промышленникомъ предписанныхъ горнымъ уставомъ предосторожностей".

Въ теченіе 70-хъ гг. опять двѣ комиссіи (Игнатьева въ 1870 г. и Валуева въ 1874 г.) пытались ограничить трудъ малолѣтнихъ и подростковъ, но Государственный совѣтъ не утвердилъ выработанныхъ ими проектовъ, встрѣтившихъ новую ожесточенную опозицію фабрикантовъ (преимущественно московскаго района).

Только стачки конца 70-хъ и начала 80-хъ гг. заставили правительство игнорировать эту оппозицію. 1 іюня 1882 г. изданъ былъ законъ о работѣ малолѣтнихъ, запрещавшій фабричную работу для дѣтей, не достигшихъ 12-тилѣтняго возраста, и ночную, праздничную и воскресную работу дѣтей вообще, а для дневной работы дѣтей въ возрастѣ 12—15 лѣтъ установившій 8-ми час. норму, возложивъ при этомъ на фабрикантовъ обязательство предоставить время для посѣщенія школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, создана, была, наконецъ, въ Россіи фабричная инспекція, но количественный составъ ея былъ настолько незначителенъ, что она лишь въ самой ничтожной степени могла слѣдить за исполненіемъ закона. Введеніе послѣдняго въ

дѣйствіе было, въ интересахъ фабрикантовъ, отсрочено на 2 года.

Этотъ первый русскій фабричный законъ съ самаго начала оставался позади не только требованій гигіенистовъ, но и пожеланій представителей наиболѣе передовыхъ отраслей крупной промышленности. Запрещенія ночной работы, — и не только для дѣтей, но и для женщинъ,—требовали представители петербургскихъ бумагопрядиленъ, настаивая на томъ, что лишь такая мѣра предотвратитъ возможность чрезвычайнаго, носящаго спекулятивный характеръ, расширенія производства въ моменты оживленія рынка.

Тѣ же фабриканты находили возможнымъ нормированіе рабочаго дня взрослыхъ мужчинъ 70 часами въ недѣлю. Прибалтійскіе и польскіе фабриканты держались тѣхъ же взглядовъ. Но капиталистическая буржуазія московско-владимірскаго района, не вышедшая еще въ сферѣ пріемовъ эксплоатаціи изъ періода первоначальнаго накопленія, не шла ни на какія реформы, и, такъ такъ она составляла въ то время одинъ изъ главныхъ оплотовъ воцарившейся въ правительственныхъ сферахъ воинствующей реакціи [1]), послѣднія не рѣшались пойти дальше того, что составило содержаніе закона 1882 года, причемъ въ 1884 г. были еще изданы правила объ изъятіяхъ изъ этого закона для нѣкоторыхъ производствъ.

Однако, усиливавшіяся волненія рабочихъ не позволили остановиться на этихъ полумѣрахъ. 4 февраля 1885 г. въ отношеніи къ министру финансовъ глава тогдашняго правительства, мин. вн. дѣлъ гр. Д. Толстой, писалъ:

„Изслѣдованіе мѣстными властями причинъ... стачекъ рабочихъ обнаружило, что онѣ грозили принять размѣръ серьезныхъ волненій и произошли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ законодательствѣ общихъ постановленій, на основаніи коихъ могли бы опредѣлиться взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. Такой пробѣлъ въ законодательствѣ, обусловливая разнообразные порядки на фабрикахъ, открывалъ широкій просторъ произвольнымъ, клонящимся къ ущербу рабочихъ, распоряженіямъ фабрикантовъ и ставилъ первыхъ въ крайне тяжелое положеніе: несоразмѣрно высокіе штрафы въ виду временнаго упадка промышленной дѣятельности часто служили въ рукахъ фабрикантовъ способомъ искусственнаго пониженія заработной платы до того, что рабочій лишался возможности уплатить лежащія на немъ повинности и прокормить свою семью; высокія цѣны въ фабричныхъ лавкахъ и недобросовѣстность приказчиковъ вызывали справедливый ропотъ и недовольство рабочихъ, а недостатокъ точности при составленіи условій съ малограмотными людьми порождалъ постоянные споры въ расчетахъ задѣльной платы... Совокупность всѣхъ изложенныхъ, а также и многихъ другихъ причинъ влекла за собою, какъ показалъ опытъ, возникновеніе безпорядковъ, а необходимость для

[1]) Связь М. Н. Каткова съ крупной буржуазіей никогда не прерывалась.

прекращенія ихъ прибѣгать къ содѣйствію войскъ въ достаточной степени свидѣтельствовала о настоятельности приступить къ составленію, въ развитіе дѣйствующаго законодательства, такихъ нормальныхъ правилъ, которыя, ограничивая въ извѣстной степени произволъ фабрикантовъ, способствовали бы устраненію въ будущемъ прискорбныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ московской и владимірской губерніяхъ".

Вслѣдъ затѣмъ была создана комиссія подъ предсѣдательствомъ дир. департ. полиціи В. К. Плеве для выработки новаго закона. Но еще до окончанія ея трудовъ былъ изданъ законъ 3-го іюня 1885 г., воспрещавшій временно (на 3 года) занимать женщинъ и подростковъ (до 17 лѣтъ) ночной работой на хлопчато - бумажныхъ, шерстяныхъ и полотняныхъ фабрикахъ [1]); въ томъ же году расширенъ штатъ фабричныхъ инспекторовъ.

Законъ 1885 года, впервые регламентировавшій трудъ взрослыхъ женщинъ, оказалъ значительное вліяніе на ходъ рабочаго движенія: съ одной стороны, онъ вызвалъ у рабочихъ-мужчинъ стремленіе отвоевать себѣ ту же свободу отъ ночного труда, особенно, поскольку онъ рѣзко ставилъ вопросъ о разрушеніи рабочей семьи, въ которой мужъ долженъ былъ работать во время отдыха жены и обратно; съ другой стороны, въ тѣхъ отрасляхъ текстильнаго производства, гдѣ женскій трудъ преобладалъ, примѣненіе этого закона привело фабрикантовъ къ введенію двухсмѣнной системы (по 9 часовъ), сократившей заработки рабочихъ—отсюда рядъ стачекъ во владимірской губерніи, длившихся съ перерывами до середины 90-хъ гг.

Комиссія Плеве представила проектъ общаго фабричнаго закона въ Государственный совѣтъ, который и одобрилъ его. Законъ былъ изданъ 3-го іюня 1886 г. При его обсужденіи въ Государственномъ совѣтѣ высказывались, что положеніе рабочихъ является „прискорбнымъ", и что „возникающее отсюда раздраженіе противъ фабрикантовъ, при трудности для темнаго люда отыскивать законнымъ образомъ защиту своихъ правъ, постоянно поддерживаетъ въ рабочихъ склонность искать возстановленія этихъ правъ путемъ стачекъ и безпорядковъ, сопровождающихся грубыми проявленіями своеволія и насилія" [1]).

Въ отчетѣ Государственнаго совѣта за 1886 г. появленіе закона 3-го іюня комментируется такъ: „постепенно накопляющееся въ классѣ фабричныхъ рабочихъ недовольство дѣлаетъ его благопріятной, воспріимчивой почвой для преступныхъ ученій, стремящихся къ уничтоженію государственнаго и общественнаго строя. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что представители противоправительственной пропаганды сосредоточиваютъ въ послѣднее время свое вниманіе на фабричномъ населеніи и нерѣдко скрываются въ его ря-

[1]) Въ 1886 г. дѣйствіе закона распространено на другія отрасли текстильнаго производства.

[1]) См. Литвиновъ-Фалинскій, „Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи". Спб. 1900 г., стр. 61.

дахъ... Въ виду этого и въ заботѣ о возможномъ устраненіи фабричныхъ стачекъ и безпорядковъ, министерство внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ безъ дальнѣйшихъ промедленій приступить къ пересмотру существующихъ постановленій Устава о промышленности въ смыслѣ урегулированія взаимныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими".

Составленная въ 1892 году записка министерства финансовъ „о пересмотрѣ статей закона, карающихъ забастовки", прямо заявляетъ, что „крупные безпорядки въ московской и владимірской губерніяхъ послужили толчкомъ къ изданію спеціальнаго закона 3-го іюня 1886 г." [1]).

Главныя постановленія этого закона таковы: 1) обязательность расплаты не рѣже 1 раза въ мѣсяцъ; 2) запрещеніе расплаты купонами и товарами; 3) запрещеніе вычетовъ для уплаты долговъ рабочаго конторѣ на покрытіе расходовъ по врачебной помощи, за освѣщеніе и за пользованіе орудіями труда. Изданныя въ томъ же 1886 г. (1 октября) правила о надзорѣ за исполненіемъ закона вводятъ обязательныя расчетныя книжки, регулируютъ штрафы и операціи фабричныхъ лавокъ. Въ общемъ, законъ и правила удовлетворяютъ существеннымъ изъ требованій, выставленныхъ рабочими во время забастовки въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были расширены права фабричной инспекціи и созданы коллегіальныя губернскія присутствія по фабричнымъ дѣламъ, которымъ предоставлено штрафовать фабрикантовъ въ размѣрѣ 300 руб. и издавать, въ развитіе закона, обязательныя постановленія.

Другія стороны закона 1886 г., касающіяся репрессивной—по отношенію къ пролетаріату — дѣятельности правительства, будутъ разсмотрѣны ниже [1]).

Новый законъ вызвалъ бурю негодованія со стороны капиталистовъ. Министръ финансовъ Бунге былъ объявленъ „соціалистомъ". Правительство пошло навстрѣчу претензіямъ фабрикантовъ, воспретивъ печатаніе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ (эти отчеты не опубликовывались послѣ 1885 года). Послѣднимъ пришлось вести упорную борьбу за проведеніе закона 1886 г. въ жизнь; фабриканты всячески обходили законъ, особенно въ его постановленіяхъ, регулирующихъ штрафы [2]). Давленіе фабрикантовъ и сочувствующей имъ консервативной прессы несомнѣнно оказало вліяніе на послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ увольненіе министра Бунге, замѣненнаго Вышнеградскимъ. Въ началѣ 1887 г. послѣднему было подано ходатайство Московскаго отдѣленія общества содѣйствія торговли и промышленности, въ которомъ заявлялось:

---

[1]) Записка эта напечатана въ №№ 4—6 „Освобожденія" за 1902 г. и въ отдѣльныхъ изданіяхъ „Освобожденія" и „Лиги Р. Р. С. Д." (Женева 1902).

[1]) Первоначально дѣйствіе закона было распространено лишь на петербургскую, московскую и владимірскую губерніи и лишь позднѣе на остальныя.

[2]) Объ этихъ обходахъ см. А. Микулинъ, „Очерки по исторіи примѣненія закона 3 іюня 1886 г. на фабрикахъ и заводахъ влад. губ." Владиміръ. 1893 г.

„Воззрѣнія инспекціи на взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими построены на совершенно ложномъ представленіи о противоположности интересовъ сторонъ. Московское отдѣленіе, напротивъ, видитъ въ сотрудничествѣ хозяевъ и рабочихъ на фабрикахъ союзъ, основанный на сходствѣ интересовъ и различіи способностей, дополняющихъ одно другое“ [1]).

Въ томъ же году при посѣщеніи министромъ Нижегородской ярмарки ему представлена была отъ всероссійскаго купечества докладная записка о нуждахъ промышленности и торговли. Въ запискѣ вновь повторялись жалобы на законъ 1886 г. и на инспекцію. Министръ обѣщалъ удовлетворить ходатайства буржуазіи.

Наступившее промышленное оживленіе и ослабленіе рабочаго движенія въ его острыхъ формахъ благопріятствовали фабрикантамъ. Правительство подвергло „очищенію“ составъ фабричной инспекціи, удаливъ тѣхъ изъ инспекторовъ, которые вызвали противъ себя наибольшее раздраженіе буржуазіи. А 24-го апрѣля 1890 г. изданъ новый законъ, значительно испортившій реформу 1886 года. Онъ предоставлялъ фабричной инспекціи дозволять воскресную и праздничную работу малолѣтнихъ, а фабричнымъ присутствіямъ или губернаторамъ—ночной трудъ женщинъ; отмѣнилъ запрещеніе ночного труда подростковъ въ стеклянномъ производствѣ и предоставилъ министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ разрѣшать на извѣстный срокъ въ отдѣльныхъ производствахъ наемъ дѣтей въ возрастѣ 10—12 лѣтъ.

Если въ развитіи фабричнаго законодательства въ собственномъ смыслѣ слова мы наблюдаемъ чрезвычайную медленность и колебаніе, придающія ему зигзагообразное направленіе, то нельзя того же сказать о правительственной политикѣ по отношенію къ рабочему движенію, какъ проявленію классовой борьбы. Какъ въ періодъ неутверждаемыхъ проектовъ, такъ и въ краткую эпоху фабричнаго законодательства, репрессивная политика правительства развивалась систематически, слѣдуя шагъ за шагомъ за ходомъ рабочаго движенія.

Въ 1866 году, при изданіи новаго Уложенія о наказаніяхъ, правда, была выкинута статья 1791 Уложенія 1845 года, приравнивавшая „явное неповиновеніе“ фабриканту къ „возстанію“. Она была найдена связанной съ кабальными отношеніями на фабрикѣ, а потому устарѣвшей. Зато статья, каравшая арестомъ въ размѣрѣ отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ участниковъ стачекъ, происшедшихъ въ цѣляхъ повышенія заработной платы, была сохранена въ силѣ, какъ ст. 1358 новаго Уложенія. Но она не успѣла еще быть примѣненной на практикѣ, когда послѣ стачки на Невской бумагопрядильнѣ въ Петербургѣ послѣдовало (6 іюня 1870 г.) высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы губернаторы, въ случаѣ стачекъ на фабрикахъ и заводахъ, „не допуская дѣла до судебнаго разбирательства, немедленно по обнаруженіи глав-

[1]) Цитир. у Туганъ-Барановскаго, l. c., стр. 417.

ныхъ зачинщиковъ, высылали таковыхъ въ одну изъ назначенныхъ для того губерній". 30 сент. 1871 г. право высылки распространено и на ремесленниковъ.

Въ 1874 г. было издано дополненіе къ ст. 318 Уложенія о наказаніяхъ, каравшее ссылкой на житье въ Сибирь, съ лишеніемъ правъ, или заключеніемъ въ крѣпости за принадлежность къ сообществу, имѣвшему цѣлью „возбужденіе вражды между хозяевами и рабочими".

8 августа 1878 года состоялось повелѣніе о предоставленіи свободнаго доступа на всѣ фабрики и заводы чинамъ полиціи и жандармеріи, съ правомъ производства обысковъ и арестовъ. Мѣра эта, насколько извѣстно, не вызвала со стороны капиталистовъ тѣхъ протестовъ противъ нарушенія неприкосновенности ихъ зданій, какіе за 20 лѣтъ до того имѣли мѣсто по поводу проекта введенія фабричной инспекціи. Въ 1879 г. ген.-губернаторъ Юго-Западнаго края возложилъ на фабрикантовъ обязанность слѣдить за „недопущеніемъ въ среду рабочихъ распространителей вредныхъ политическихъ ученій", а въ 1880 г. фабрикантамъ дано право учреждать спеціальныя полицейскія должности при фабрикахъ.

Законъ 1886 г., удовлетворявшій, какъ мы видѣли, часть требованій рабочихъ, въ то же время усиливалъ наказанія за стачки и расширялъ сферу преслѣдуемыхъ дѣяній въ этой области. Отнынѣ наказуемыми становились стачки, направленныя не только къ возвышенію заработной платы, но и другихъ условій найма, а мѣра наказанія повышена для „подстрекателей" до 4—8 мѣс. тюремнаго заключенія. Въ случаѣ осложненія стачки поврежденіемъ имущества, наказаніе повышается до 8—16 мѣс. для подстрекателей и 4—8 мѣс. для участниковъ; тѣ же нормы установлены для пытающихся примѣнить насиліе противъ отказывающихся бастовать.

Помимо того, законъ 1886 года устанавливаетъ для рабочихъ уголовную отвѣтственность за досрочное или—при наймѣ на неопредѣленный срокъ—совершонное безъ предупрежденія за 2 недѣли расторженіе договора о наймѣ; расторженіе договора по ст. 51-й карается арестомъ до 1 мѣсяца. Между тѣмъ, такое же расторженіе договора со стороны фабриканта подвергаетъ послѣдняго лишь гражданской отвѣтственности. Эту разницу законъ мотивировалъ имущественной необезпеченностью рабочаго. Въ цитированной выше запискѣ м-ва финансовъ отъ 1902 г. говорится по этому поводу: „при всемъ стараніи нельзя отыскивать достаточно основательныхъ мотивовъ, которые оправдывали бы существованіе статьи 51-й". Министерство признало, что оно „противорѣчитъ основнымъ началамъ уголовнаго права" [1]). Между тѣмъ, по этой статьѣ привлекались ежегодно сотни рабочихъ. Такъ, по даннымъ сводовъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, количество привлеченныхъ къ судебной отвѣтственности по этой статьѣ достигло:

во 2-й половинѣ 1900 г.	872
въ 1901 г.	640
въ 1902 г.	561

[1]) „Русскій законъ и рабочій". Штутгартъ 1902, стр. 8.

Въ гор. Ивановѣ-Вознесенскѣ за 6 лѣтъ, съ 1890 по 1895 г. привлечено 143 человѣка [1]).

Въ томъ же 1886 году были изданы правила о наймѣ на сельскія работы, въ которыхъ, рядомъ съ наказаніемъ рабочихъ за стачки и самовольный уходъ, заключалось еще нѣсколько респрессивныхъ постановленій, стѣсняющихъ личность и свободу сельскаго рабочаго.

III.

Зачатки соціалистическаго рабочаго движенія (1860-е—90-е годы).

Вплоть до 90-хъ годовъ мы видимъ только стихійныя экономическія движенія пролетаріата, являющіяся непосредственной реакціей рабочихъ массъ противъ условій жизни, въ которыя ихъ ставитъ развитіе капиталистическихъ производственныхъ отношеній. Лишь въ отдѣльныхъ немногихъ случаяхъ въ этотъ стихійный процессъ привходятъ извѣстные элементы организованности, какъ то было въ Морозовской стачкѣ 1885 г. Для того, чтобы ясно представить себѣ картину превращенія этого стихійнаго массоваго движенія въ движеніе организованное и пропитывающееся все большей классовой сознательностью, намъ надо бросить бѣглый взглядъ на различные факторы, которые воздѣйствовали на рабочій классъ *со стороны* и тѣмъ въ той или иной мѣрѣ способствовали подъему его интеллектуальнаго уровня.

Отношеніе правительства къ рабочему классу достаточно выяснено въ предыдущей главѣ какъ со стороны систематическихъ репрессій по отношенію къ рабочему *движенію*, такъ и со стороны тѣхъ его заботъ о рабочемъ классѣ, которыя такъ или иначе выразились въ развитіи фабричнаго законодательства. Мы видѣли, что эти послѣднія были всегда проникнуты духомъ опеки, характеризующимъ полицейское государство, поэтому, въ нихъ нельзя найти и слѣда готовности содѣйствовать развитію самодѣятельности рабочихъ или хотя бы только терпѣть ее. Равнымъ образомъ, въ области хотя бы элементарнаго школьнаго обученія правительство въ разсматриваемый періодъ такъ же мало заботилось о культурныхъ нуждахъ фабрично-заводскаго пролетаріата, какъ и о нуждахъ крестьянства.

Что касается общества, то изъ его самоуправляющихся органовъ *земства* мѣстами (напр., во владимірской, московской, частью смоленской и тверской губерніяхъ) пытались активно вмѣшаться въ отношенія между рабочими и нанимателями и изданіемъ „обязательныхъ постановленій“ наложить узду на неограниченную эксплоатацію фабрикантовъ, преимущественно въ сферѣ гигіенической обстановки фабричнаго труда. Что касается городскихъ самоуправленій, находившихся въ рукахъ торговой и домовладѣльческой буржуазіи, то они

[1]) Данныя взяты у С. Н. Прокоповича, стр. 93 и 95.

постоянно проявляли самое безучастное и черствое отношеніе къ городскому пролетаріату.

Съ либеральными и просвѣщенными элементами общества пролетаріатъ впервые столкнулся въ началѣ 60-хъ годовъ, когда возникло движеніе въ пользу устройства воскресныхъ школъ. Обслуживая, вообще, городскую бѣдноту, онѣ, между прочимъ, шли навстрѣчу потребности въ грамотности, обнаруживавшейся среди рабочихъ, преимущественно ремесленныхъ. Какъ извѣстно, воскресныя школы скоро были повсемѣстно закрыты правительствомъ, и самое увлеченіе общества просвѣтительной дѣятельностью этого рода исчезло съ окончаніемъ подъема 1-й половины 60-хъ годовъ. Кое-гдѣ, впрочемъ, на фабрикахъ уцѣлѣли школы, устроенныя въ этотъ періодъ болѣе или менѣе либеральными хозяевами.

Начавшееся тогда же увлеченіе кооперативами — преимущественно производительными—не имѣло какихъ-нибудь серьезныхъ послѣдствій: производительныя артели, образованныя интеллигентами въ разныхъ ремеслахъ, не достигли сколько-нибудь замѣтныхъ размѣровъ и скоро разрушились. Въ 70-е годы производительныя ассоціаціи смѣняются кооперативами другихъ видовъ, но главной сферой ихъ примѣненія является деревня. Правда, въ городахъ тогда же начинаютъ основываться потребительныя товарищества, но они основываются среди низшихъ слоевъ буржуазныхъ классовъ: чиновниковъ, офицеровъ, служащихъ всякаго рода. Нѣкоторыя изъ нихъ, тѣмъ не менѣе, втянули въ свою организацію и рабочихъ, и въ 70-хъ годахъ насчитывалось уже нѣкоторое количество потребительныхъ обществъ, основанныхъ служащими, но включавшихъ и извѣстную часть рабочихъ (Путиловское, Брянское и др., равно какъ потребительныя общества желѣзнодорожниковъ). Эти общества иногда пользовались матеріальной поддержкой капиталистовъ, и въ этомъ можно видѣть извѣстное стремленіе послѣднихъ считаться съ заявившимъ о себѣ въ забастовкахъ и волненіяхъ рабочимъ классомъ. Не затрагивая рабочихъ массъ и будучи, по общему правилу, руководимы такъ, что рабочіе занимали въ нихъ неравноправное и приниженное положеніе, эти потребительныя общества все же извѣстному слою рабочихъ (болѣе пожилымъ квалифицированнымъ рабочимъ) дали нѣкоторый навыкъ въ организаціонномъ дѣлѣ.

Имущіе классы и интеллигенція способствовали также возникновенію кассъ взаимопомощи и больничныхъ кассъ среди наемныхъ рабочихъ въ торговлѣ и промышленности. Особенно кассы типографщиковъ и приказчиковъ обязаны иниціативѣ и матеріальной поддержкѣ предпринимателей и представителей интеллигенціи. Въ обществахъ взаимопомощи приказчиковъ еще въ концѣ 90-хъ годовъ на 8 дѣйствительныхъ членовъ приходился въ среднемъ 1 почетный членъ или членъ-соревнователь, такъ что элементъ филантропіи игралъ видную роль въ этихъ учрежденіяхъ взаимопомощи.

Комбинируя данныя, собранныя

г. Прокоповичемъ [1]) о различныхъ кассахъ взаимопомощи рабочихъ, приказчиковъ и ремесленниковъ, мы находимъ, что къ концу 80-хъ годовъ такихъ обществъ насчитывалось:

Среди ремесленниковъ	70	изъ нихъ 58 въ Прибалт. краѣ, 6 въ Петербургѣ, по 1 въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Хвалынскѣ, Кронштадтѣ.
Среди приказчиковъ	34	
Среди типографщиковъ	13	въ Варшавѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Казани.
Среди горнорабочихъ Польши	14	
Среди горнорабочихъ Урала	13	
Среди горнорабочихъ друг. мѣстъ	13	на Кавказѣ, въ олонецкой губ. и въ пермской.
На фабрикахъ и заводахъ	13	1 въ Ригѣ, 3 въ Либавѣ, 1 въ Тукумѣ, 1 на Уралѣ, 3 въ Петербургѣ, 1 въ Харьковѣ, 1 въ Тулѣ.
Итого	160	

Сюда не входятъ: 1) обязательныя кассы, устроенныя въ варшавской и гродненской губерніяхъ съ принудительнымъ вычетомъ изъ заработной платы опредѣленнаго процента; 2) такія же принудительныя кассы при желѣзныхъ дорогахъ, и 3) многочисленныя кассы еврейскихъ ремесленниковъ Литвы и Бѣлоруссіи, образовавшіяся изъ религіозныхъ братствъ („хевры"), объединявшія мастеровъ и подмастерьевъ для дѣла взаимопомощи, но иногда, подъ вліяніемъ внутреннихъ антагонизмовъ, превращавшіяся въ спеціально-подмастерскіе союзы, порою съ чисто-боевыми задачами.

Что касается численнаго состава этихъ учрежденій, то, напр., въ приказчичьихъ обществахъ среднее число членовъ на 1 кассу (въ 1898 году) было 275. Касса бѣлостокскихъ суконщиковъ въ 1885 г. имѣла 1000 членовъ. Въ 1891 г. 15 горнозаводскихъ кассъ Урала, Кавказа и олонецкой губ. насчитывали 7934 члена.

Развитіе кассъ взаимопомощи среди рабочаго класса постоянно наталкивалось на препятствіе со стороны бюрократіи, несмотря на неоднократно дѣлавшіяся представителями правительства заявленія о полезности этихъ учрежденій. Въ концѣ 1885 года группа рабочихъ шлиссельбургскаго участка гор. Петербурга подала заявленіе градоначальнику ген. Грессеру о разрѣшеніи имъ основать взаимно-вспомогательное общество по типу дѣйствовавшаго съ 1862 г. въ Петербургѣ нѣмецкаго ремесленнаго общества „Пальма". Градоначальникъ, вызвавъ иниціаторовъ, предложилъ имъ собрать и доставить ему подписи желающихъ быть членами общества. Когда это было сдѣлано, всѣ подписавшіеся (многіе—семейные люди) были арестованы и высланы изъ столицы [1]).

Періодъ 80-хъ гг. характеризовался значительнымъ развитіемъ

[1]) Прокоповичъ. „Къ рабочему вопросу".

[1]) „Изъ рабоч. движенія за Невской заставой". Женева, 1900, стр. 11.

культурно - просвѣтительной дѣятельности либеральнаго общества, далеко опередившимъ по размѣрамъ эпоху 60-хъ годовъ. Множество интеллигентныхъ силъ, разочаровавшихся въ революціонномъ движеніи, искало себѣ примѣненія въ этой сферѣ. Значительная доля этой культурно-просвѣтительной работы была направлена въ среду пролетаріата. Изданіе дешевыхъ книгъ („Посредникъ" и другія фирмы), устройство книжныхъ складовъ (напримѣръ, А. М. Калмыковой въ Петербургѣ), организація воскресныхъ и вечернихъ школъ—все это шло навстрѣчу значительному подъему духовныхъ интересовъ, которымъ характеризуются 80-е годы въ жизни рабочихъ крупныхъ промышленныхъ центровъ. Этотъ подъемъ стоялъ несомнѣнно въ тѣсной связи съ бурями, пережитыми рабочимъ классомъ во время стачечной полосы первой половины десятилѣтія. Въ теченіе 80-хъ годовъ во всѣхъ крупныхъ городскихъ центрахъ выработался извѣстный, еще очень тонкій, слой рабочихъ, выдѣляющихся изъ окружающей среды своимъ культурнымъ уровнемъ и интеллигентностью и находящихся въ нѣкоторомъ общеніи съ демократической частью интеллигенціи. Когда въ 1888 г. такою группою рабочихъ былъ посланъ адресъ Глѣбу Успенскому по поводу юбилея его литературной дѣятельности, то знаменитый писатель въ „Русской Мысли" отмѣтилъ нарожденіе „новаго читателя" изъ среды городского пролетаріата [1]). Около того же времени другой писатель-народникъ С. Каронинъ (Н. Петропавловскій) впервые изобразилъ въ беллетристическомъ произведеніи (повѣсть „Снизу вверхъ") типъ нарождающагося рабочаго-интеллигента, воспитаннаго условіями суровой капиталистической дѣйствительности.

Общеніе съ демократической интеллигенціей на почвѣ удовлетворенія культурныхъ запросовъ, способствуя проникновенію въ среду рабочихъ либеральныхъ взглядовъ этой интеллигенціи, должно было въ 80-хъ годахъ познакомить рабочихъ съ *толстовствомъ*, которое въ

[1]) Интересно привести нѣкоторыя выдержки изъ этого письма рабочихъ къ извѣстному писателю, дающія понятіе о внутренней жизни упомянутаго слоя рабочихъ въ теченіе общественной реакціи 80-хъ годовъ.

„Сколько прошло времени, сколько пролетѣло голыхъ годовъ безплодно, пока мы сами своимъ умомъ и желаніемъ къ развитію, а иногда съ помощью добрыхъ людей, добрались до хорошихъ книгъ, которыя открыли намъ глаза, показали свѣтъ и правду. Мы сумѣли сами для себя изъ этихъ хорошихъ книгъ извлечъ пользу. Мы научились думать о своей жизни, о своихъ товарищахъ, о жизни разныхъ людей, научились отличать добро отъ зла, правду отъ лжи"... „Въ праздничные дни и по вечерамъ мы полюбили читать хорошія книги, и вечеръ проходилъ незамѣтно. Довольные чтеніемъ, мы расходились съ волненіемъ въ душѣ, и забывалась на время тяжелая доля рабочаго, жизнь на заводахъ и фабрикахъ, тяжелая, обидная, безправная, полная бранью и униженіемъ. Мы чахли въ ней, и чахли наши дѣти по фабрикамъ и мастерскимъ; но вѣра въ добро и правду не покидала насъ, облегчала измученное сердце, и надежда въ дущѣ загорается". (Цит. у П. Б. Аксельрода „Рабочій классъ и революціонное движеніе въ Россіи". Перев. съ нѣмецк. Библіотека „Обществ. Пользы". Спб. 1907 стр. 24—25).

это время имѣло большое вліяніе на умы интеллигенціи. Толстовская критика церковнаго догматизма и пропаганда личнаго самоусовершенствованія отвѣчали, въ свою очередь, духовнымъ запросамъ пробуждавшагося передового слоя рабочихъ. Въ Петербургѣ существовали кружки рабочихъ-толстовцевъ. Но религіозная критика и этическая пропаганда шли въ рабочую среду и съ другой стороны. Въ православномъ крестьянствѣ 80-е годы, какъ извѣстно, ознаменовались сильнымъ религіознымъ кризисомъ, выразившимся въ развитіи, главнымъ образомъ, раціоналистическихъ сектъ. При тѣсной связи городской рабочей массы съ деревней эти секты стали распространяться и въ промышленныхъ центрахъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ распространялась преимущественно секта бывшаго уральскаго заводчика Пашкова [1]), но сюда также проникало и вліяніе штундизма. Послѣдній сильно распространился среди рабочихъ южной Россіи, особенно Одессы, Николаева, Екатеринослава, Севастополя.

Группы рабочихъ - сектантовъ обыкновенно стремились замыкаться въ свой тѣсный мірокъ, изолированный отъ окружающей среды; полицейскія преслѣдованія, которымъ они подвергались, лишь укрѣпляли ихъ въ этихъ стремленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, онѣ оказывали несомнѣнное вліяніе на рабочую массу, подрывая ея традиціонное религіозное міровоззрѣніе и содѣйствуя развитію идейныхъ запросовъ въ ея средѣ.

Среди всѣхъ внѣшнихъ вліяній на промышленный пролетаріатъ относительно наибольшее значеніе имѣла пропаганда идей утопическаго соціализма, исходившая изъ тайныхъ обществъ, образованныхъ революціонной интеллигенціей.

Первые случаи обращенія революціонныхъ кружковъ къ рабочимъ относятся къ началу 60-хъ годовъ въ періодъ увлеченія интеллигенціи воскресными школами. Въ 1862 г. въ офиціальномъ органѣ „Сѣверная Почта“ было напечатано (№ 119 отъ 3 іюня):

„Показаніями фабричныхъ работниковъ на Петербургской сторонѣ обнаружено, что въ двухъ воскресныхъ школахъ (Сампсоніевской на Выборг. стор. и Введенской на Петербургской) преподается ученіе, направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію соціалистическихъ понятій о правѣ собственности и къ возмущенію противъ правительства... По докладу о семъ м—ра вн. дѣлъ, Высочайше разрѣшено: учредить особую слѣдственную комиссію для подробнаго изслѣдованія, при депутатѣ отъ Министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствій распорядителей Сампсоньевской и Введенской школъ и преподаваемаго въ нихъ обученія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, закрыть обѣ школы, впредь до окончанія и опредѣленія слѣдствія [1])“.

Этотъ эпизодъ послужилъ поводомъ къ нѣсколькимъ жандармскимъ

---

[1]) Она, повидимому, распространялась главнымъ образомъ черезъ домашнюю прислугу тѣхъ аристократическихъ домовъ, въ которыхъ Пашковъ пріобрѣлъ послѣдователей.

[1]) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.“, подъ ред. Базилевскаго Томъ I.

разслѣдованіямъ, въ результатѣ которыхъ возникло два политическихъ процесса. По первому Василій Хохряковъ былъ въ февралѣ 1863 г. приговоренъ къ 9 годамъ каторжныхъ работъ, студентъ Беневольскій сосланъ на поселеніе, рабочіе же В. Трифоновъ, Е. Коченковъ и М. Федоровъ присуждены къ наказанію 15 розгами. Относительно второго процесса имѣется такое извѣстіе въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“, (№ 43) за 1863 г.:

„По сентенціи военнаго суда, 16 стрѣлковаго баталіона поручику Якову Ушакову, присужденному Генералъ-Аудиторіатомъ, на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ, къ лишенію всѣхъ правъ и смертной казни разстрѣляніемъ *за распространеніе вредныхъ идей между фабричными работниками* посредствомъ чтенія и передачи имъ сочиненій возмутительнаго содержанія“, смертная казнь замѣнена 4-хлѣтней каторгой [1]).

Въ мотивированномъ приговорѣ Верховнаго уголовнаго суда по дѣлу „Каракозовцевъ“ (Прибавленіе къ № 78 „Сенатскихъ Вѣдомостей“, 1866 г.) читаемъ:

„Судебное слѣдствіе обнаружило, что еще въ 1863 г. составился въ Москвѣ кружокъ изъ молодыхъ людей, зараженныхъ соціалистическими идеями“... Они „старались... устроить заводъ въ жиздринскомъ уѣздѣ на соціальномъ (!) началѣ для рабочихъ Мальцевскихъ заводовъ“.

Есть данныя о пропагандѣ среди рабочихъ членовъ тайнаго общества, организованнаго С. Нечаевымъ (1869 г.).

Съ начала 70-хъ годовъ соціалистическое движеніе въ интеллигенціи приняло массовый характеръ. Тысячи интеллигентовъ, усвоивъ идеи соціализма, посвятили себя пропагандѣ этихъ идей среди народа. Съ точки зрѣнія тогдашнихъ взглядовъ на соціальное состояніе Россіи, они преимущественно обращали свое вниманіе на крестьянство, но частью связанные необходимостью жить и дѣйствовать въ городахъ, частью разсчитывая легко отыскать первыхъ адептовъ среди болѣе развитого городского населенія, многіе изъ нихъ занялись пропагандой среди рабочихъ. Революціонныя общества, извѣстныя подъ именемъ „Чайковцевъ“ (главнымъ образомъ въ Петербургѣ), кружковъ Долгушина (въ Москвѣ), Фел. Волховскаго (Одесса), равно какъ дѣйствовавшая преимущественно въ центральномъ районѣ организація, основанная группой кавказцевъ и вернувшихся въ Россію цюрихскихъ эмигрантовъ (кн. Циціановъ, Джабадари, Кардашевъ, Софья Бардина, сестры Фигнеръ, Любатовичъ, Субботины и др.), кружки „бунтарей“ въ Кіевѣ и Харьковѣ, группы послѣдователей П. Лаврова („лавристы“), вступали въ сношенія съ единицами изъ рабочей среды, поселялись въ рабочихъ артеляхъ, основывали артельныя мастерскія и, образуя рабочіе кружки, распространяли заграничныя изданія и легальную демократическую литературу. Особенно много въ этомъ направленіи сдѣлалъ кружокъ „Чай-

[1]) Тамъ же. Я. Ушаковъ—въ настоящее время членъ Государственнаго совѣта и лидеръ крайней правой его фракціи.

ковцевъ", члены котораго кн. Крапоткинъ, Кравчинскій (Степнякъ) и другіе устраивали въ фабричныхъ предмѣстьяхъ Петербурга чтеніе систематическихъ лекцій по соціально-политическимъ вопросамъ, и „московская" организація, члены которой, какъ С. Бардина и другіе, поступали простыми работницами на фабрики, чтобы найти доступъ къ рабочей массѣ.

Заполнившая собою первую половину 70-хъ годовъ, эта пропаганда имѣла несомнѣнный успѣхъ. Уже начиная съ 1872 г., въ политическихъ процессахъ на скамьѣ подсудимыхъ фигурируютъ рядовые рабочіе, выступающіе, какъ убѣжденные соціалисты [1]). Въ 1875 году въ Одессѣ соціалистъ Заславскій основалъ революціонную рабочую организацію „Южнорусскій рабочій союзъ", ставившій своей цѣлью пропаганду среди рабочихъ соціально-революціонныхъ идей. Союзъ охватилъ нѣсколько десятковъ рабочихъ, но затѣмъ былъ разрушенъ арестами, а члены его подверглись ссылкѣ на поселеніе по суду. Въ томъ же 1875 году группа русскихъ анархистовъ въ Женевѣ основала газету „Работникъ", разсчитанную на пропаганду среди городского и сельскаго рабочаго населенія. Въ процессѣ „50-ти" (московской организаціи) въ 1877 году вскрылись факты соціалистической пропаганды въ Москвѣ и ея районѣ, въ Иваново-Вознесенскѣ и Тулѣ. Обвиняемый ткачъ Петръ Алексѣевъ произнесъ на судѣ смѣлую рѣчь, въ которой говорилъ о закрѣпощеніи рабочихъ капиталистомъ, являющемся продолженіемъ былого закрѣпощенія помѣщикомъ. Рѣчь эту, служившую долго послѣ того агитаціоннымъ цѣлямъ, онъ закончилъ извѣстными словами о „мускулистой рукѣ рабочаго", которая уничтожитъ „ярмо деспотизма" [1]).

Выше упоминалось объ участіи рабочихъ въ демонстраціяхъ 6 декабря 1876 г. на Казанской площади въ Петербургѣ. Общество „Земля и Воля", организовавшее эту демонстрацію, посвящало много силъ пропагандѣ среди рабочихъ (этой дѣятельностью особенно занимался, между прочимъ, Г. В. Плехановъ), и подъ его вліяніемъ находилось въ Петербургѣ много кружковъ. Члены этихъ кружковъ играли активную роль въ петербургскихъ стачкахъ 1878 г. Имѣя во главѣ весьма интеллигентныхъ и энергичныхъ дѣятелей, какъ Викторъ Обнорскій, Петерсенъ и особенно Степанъ Халтуринъ [2]), эти рабочіе кружки въ концѣ 1878 года задались цѣлью создать одну рабочую организацію въ Петербургѣ, которая могла бы затѣмъ превратиться въ общую организацію пролетаріата Россіи. На собраніяхъ 23 и 30 декабря 1878 г.

[1]) Таковы присужденные къ каторгѣ ткачи Александровъ, Герасимовъ, Тефтулъ, Союзовъ, Агаповъ, Петръ Алексѣевъ, Малиновскій, умершій въ тюрьмѣ, Крыловъ и многіе другіе.

[1]) Осужденный на 6 лѣтъ каторги, Петръ Алексѣевъ былъ въ 1891 г. убитъ въ якутской области съ цѣлью грабежа.

[2]) В. Обнорскій былъ въ 1880 г. сосланъ на каторгу, Петерсенъ оставался активнымъ дѣятелемъ рабочаго движенія до послѣднихъ лѣтъ. Участникъ двухъ террористическихъ предпріятій, Ст. Халтуринъ былъ казненъ въ Одессѣ въ 1882 году.

организація была основана, подъ именемъ „Сѣвернаго союза русскихъ рабочихъ". Вскорѣ появилась въ печати программа Союза. Въ ея первыхъ строкахъ говорится:

„Сознавая крайне вредную сторону политическаго и экономическаго гнета, обрушивающагося на наши головы со всею силой своего невыносимаго каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего соціальнаго положенія, лишающаго насъ всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существованіе, сознавая, наконецъ, болѣе невозможнымъ сносить этотъ порядокъ вещей, грозящій намъ полнѣйшимъ матеріальнымъ лишеніемъ и парализаціей духовныхъ силъ, мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 до 30 декабря 1878 года пришли къ мысли объ организаціи общерусскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрушенныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственныя интересы, цѣли и стремленія, служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы".

Далѣе говорится: „Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ", тѣсно примыкая по своимъ задачамъ *къ соціально-демократической партіи Запада* [1]), ставитъ своей программой":.. слѣдуютъ пункты программы, заключающіе замѣну существующаго политическаго и экономическаго строя „свободной народной федераціей общинъ", „уничтоженіе поземельной собственности и замѣну ея общиннымъ землевладѣніемъ", „правильную ассоціаціонную организацію труда, предоставляющую въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства". Вслѣдъ затѣмъ излагается программа-минимумъ, включающая свободу слова, печати, собраній и сходокъ, уничтоженіе сословныхъ правъ и привилегій, введеніе милиціи и т. д., равно какъ „ограниченіе числа рабочихъ часовъ", запрещеніе дѣтскаго труда, отмѣну косвенныхъ налоговъ и учрежденіе производительныхъ ассоціацій и даровой государственный кредитъ для нихъ и крестьянскихъ общинъ. Требованіе политическихъ свободъ мотивируется тѣмъ, что „политической свободой обезпечивается прежде всего рѣшеніе соціальнаго вопроса" [1]).

Программа Союза представляла, такимъ образомъ, комбинацію идей революціонно-народническихъ съ соціалъ-демократическими въ той ихъ, окрашенной лассальянствомъ, формѣ, въ какой онѣ были усвоены въ то время германской соціалъ-демократіей. Слова о томъ, что Союзъ тѣсно примыкаетъ къ соціалъ-демократической партіи Запада, очевидно, имѣли въ виду германскую соціалъ-демократію; это указаніе тѣмъ болѣе знаменательно, что въ кругу тогдашнихъ русскихъ соціалистовъ, проникнутыхъ идеями бакунинскаго анархизма, эта партія считалась почти реакціонной. Точно такъ же въ разрѣзъ со взглядами соціалисти-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[1]) См. Куклинъ. „Итоги революціоннаго движенія въ Россіи". Женева. 1903.

Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ческой интеллигенціи шло установленіе программы-минимумъ и особенно требованіе политической свободы въ предѣлахъ современнаго государства. Правда, введенія парламентаризма программа не требовала, но уже одно ея указаніе на необходимость политической свободы для разрѣшенія соціальнаго вопроса вызвало со стороны органа „Земля и Воля" полемику, въ которой этотъ органъ справедливо указывалъ на эклектизмъ разбираемой программы.

„Въ теоретической части программы,—писалъ онъ,—мы не видимъ, къ сожалѣнію, полной послѣдовательно развитой системы воззрѣній, а скорѣе смѣшеніе программъ различныхъ западныхъ соціалистическихъ партій".

„Отрицаніе государства и требованіе коммунальной автономіи зачисляетъ нашихъ товарищей въ лагерь соціалистовъ - революціонеровъ..., а послѣдующіе параграфы программы *прямо взяты изъ катехизиса нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ*" [1]).

„Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы съ эксплоататорами посвящается слишкомъ много мѣста, и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ положительномъ смыслѣ,—а положенія программы о значеніи пропаганды фактами, объ активной борьбѣ даже не дебатируются. О воззрѣніяхъ „Сѣв. Союза" на этотъ предметъ можно догадываться лишь потому, что онъ включилъ стачки въ число признанныхъ орудій борьбы и пропаганды" [2]).

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) „Земля и Воля", № 4. (напечат. въ сборникѣ „Рев. литер. 70-хъ гг." апр. 200–201).

На эту статью члены „Сѣвернаго Союза" отвѣтили письмомъ, помѣщоннымъ въ № 5 того же органа [1]), представляющимъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ документовъ по исторіи эволюціи общественной мысли въ Россіи.

„Главное обвиненіе,—пишутъ рабочіе по поводу статьи въ „Землѣ и Волѣ",—сводилось къ тому, что въ нашей программѣ замѣчается путаница понятій и воззрѣній на различные оттѣнки революціонной партіи Запада и въ особенности (что-де очень странно) замѣчается *смѣшеніе соціалистическихъ требованій съ конституціонными* [2]). Мы вѣримъ, что наша программа, дѣйствительно, должна была вызвать порицанія именно этой стороной, но только мы, съ своей стороны, ничего въ ней нелогичнаго не видимъ. Вѣдь, собственно говоря, если мы разбираемъ какое-нибудь сужденіе, то намъ нужно обратить вниманіе на то, есть ли въ немъ логика, а не на то, изъ чьихъ мыслей и словъ это сужденіе. Между тѣмъ, многіе, какъ видно, именно и обращаютъ свое вниманіе только на послѣднее, и посему въ своихъ замѣчаніяхъ доходили до того, что требованіе политической свободы нами, рабочими, считали просто нелѣпымъ и невяжущимся съ вопросомъ объ удовлетвореніи желудка".

„Вотъ здѣсь-то, признаться, мы и не видимъ никакой логики, ничего кромѣ недомыслія. Вѣдь, высказать подобныя соображенія — значитъ прямо отказывать намъ даже въ

[1]) Тамъ же, стр. 257–260.

[2]) Курсивъ нашъ.

малѣйшемъ пониманіи окружающихъ явленій, значитъ прямо глумиться надъ нашими мозгами и приписывать разрѣшеніе соціальнаго вопроса однимъ только желудкамъ. Боимся, чтобы при такомъ узкомъ разрѣшеніи мы не поняли другъ друга... Развѣ мы сами не знаемъ, что лучше быть сытымъ и мечтать о свободѣ, чѣмъ, сидя на пищѣ святого Антонія, добиваться свободы? *Но что же дѣлать, если логика желаній и помысловъ уступаетъ передъ нелогичностью исторіи и если политическая свобода является прежде соціальнаго удовлетворенія?* [1]) Насъ можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою программу гдѣ-нибудь въ Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни да назойливаго попа сосѣдняго селенія ничего не видятъ. Въ этомъ случаѣ наша программа, конечно, кромѣ усмѣшки, ничего бы не вызвала, такъ какъ представленія о Сысойкѣ, умѣющемъ хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободѣ какъ-то не вяжутся. *Но въ томъ-то и сила, что мы уже вышли изъ условій этой жизни* [2]), начинаемъ сознавать происходящее вокругъ насъ, а главное, что и заставило насъ выставить, повидимому, чуждыя намъ требованія, мы составляемъ организацію не ради ея самой, а ради дальнѣйшей пропаганды и активной борьбы. Наша логика въ данномъ случаѣ коротка и проста. Намъ нечего ѣсть, негдѣ жить,—и мы требуемъ себѣ пищи и жилища; насъ ничему не учатъ, кромѣ ругательствъ и подпалочнаго подчиненія, и мы требуемъ измѣненія этой первобытной системы воспитанія. Но мы знаемъ, что требованія наши такъ и останутся требованіями, если мы, сложа руки, будемъ взирать съ умиленіемъ, какъ наши... хозяева распоряжаются нашими животами... И вотъ мы сплачиваемся, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу знамя соціальнаго переворота и вступаемъ на путь борьбы. Но мы знаемъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу организацію отъ произвола властей, дозволитъ намъ правильно развить свое міровоззрѣніе и успѣшнѣе вести дѣло пропаганды,—и вотъ мы, ради сбереженія своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой свободы, требуемъ отмѣны разныхъ стѣснительныхъ „положеній“ и „уложеній“. Такое требованіе тѣмъ болѣе удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунамъ [1]), этимъ дѣятелямъ будущей всероссійской говорилки — слѣдовательно, на осуществленіе его расчитывать не такъ трудно... Мы только говоримъ, что... политическая свобода все-таки очень важное условіе для скорѣйшаго переворота и болѣе или менѣе осмысленнаго рѣшенія соціальнаго вопроса“.

„Земля и Воля“ не безъ ехидства спрашивала, почему программа „Союза“ умалчиваетъ объ аграрномъ вопросѣ и что̀ онъ думаетъ требовать для крестьянъ—всеобщаго ли передѣла земель или „послѣдовательныхъ реформъ въ родѣ отмѣны

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Курсивъ нашъ.

[1]) Т.-е. либераламъ.

выкупныхъ платежей за землю, переразверстки надѣловъ и т. д.“? Какъ извѣстно, народники написали на своемъ знамени—„Черный передѣлъ“. Члены „Союза“ не уклонились отъ отвѣта и, признавъ, что они въ своей программѣ „черезчуръ увлеклись своимъ городскимъ положеніемъ и черезчуръ пропитались духомъ различныхъ программъ Запада“, почему и не упомянули объ аграрномъ вопросѣ, заявили, что „необходимыми требованіями“ въ этомъ вопросѣ считаютъ: „увеличеніе надѣловъ сообразно потребностямъ семьи на счетъ незанятыхъ и помѣщичьихъ земель“ и податную реформу.

По поводу указаній на отсутствіе въ программѣ упоминанія о средствахъ борьбы „Союзъ“ отвѣчалъ: „при слабости еще организаціи, при недостаткѣ энергичныхъ боевыхъ силъ, наша дѣятельность будетъ носить характеръ *пропаганды и мирной агитаціи*“, не исключающей, однако, руководства стачками. И въ этомъ пунктѣ отвѣтъ шелъ въ разрѣзъ съ „бунтарскимъ“ направленіемъ народнической интеллигенціи.

Въ общемъ и цѣломъ изложенный документъ носилъ на себѣ печать такого рѣшительнаго перехода отъ традицій народническаго бакунизма къ современному соціалъ-демократизму, который показывалъ ясно, что рабочій соціализмъ не могъ бы долго ужиться въ рамкахъ идеологіи, господствовавшей въ соціалистической интеллигенціи того времени.

Было бы, однако, ошибкой думать, что дѣятели „Сѣвернаго Союза“ сознательно стояли на почвѣ ученія о классовой борьбѣ. Воззваніе, приложенное къ программѣ и обращенное къ рабочимъ, говоритъ о миссіи „Союза“ „обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть, и воскресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ“.

„Союзъ“ въ 1879 г. включалъ свыше 200 членовъ. Дальнѣйшему его росту препятствовали усилившіяся респрессіи, вторженіе провокаторовъ и особенно переходъ соціалистовъ-землевольцевъ къ террористической борьбѣ, въ которой приняли участіе и многіе изъ членовъ „Союза“ [1]). Къ концу 1879 г. послѣдній распался, не успѣвъ выпустить задуманной Халтуринымъ газеты для рабочихъ.

Періодъ 1877—1879 гг. былъ также временемъ зарожденія соціалистическихъ рабочихъ кружковъ среди польскихъ рабочихъ г. Варшавы, гдѣ, благодаря большему развитію промышленности, непосредственному сосѣдству съ западно-европейскими странами и большей культурности рабочихъ, успѣхъ этой пропаганды былъ болѣе замѣтнымъ, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Россіи. Къ тому же польскіе соціалисты, хотя и проникнутые, подобно русскимъ, идеями бакунизма, съ самаго начала стояли на почвѣ рабочаго движенія и не переживали полосы аграрно-соціалистическихъ увлеченій. Въ этомъ первомъ періодѣ соціалистическаго движенія въ Польшѣ, закончившемся арестами въ августѣ

[1]) Революціонные рабочіе кружки начинаютъ образовывать „боевыя дружины“ и примѣнять „фабричный терроръ“ въ экономической борьбѣ.

1879 г., принимали дѣятельное участіе выдвинувшіеся впослѣдствіи Мендельсонъ, Людв. Варынскій, В. Сѣрошевскій, Э. Пекарскій.

Въ 1879 г. въ Кіевѣ и Одессѣ вновь образовался „Южно-русскій рабочій союзъ", распространившій свою дѣятельность на другіе центры Юга и просуществовавшій до 1882 г. По своему направленію, этотъ „Союзъ" не имѣлъ того самобытнаго характера, какой отмѣчалъ „Союзъ сѣверно-русскихъ рабочихъ", и находился всецѣло подъ вліяніемъ народническихъ и народовольческихъ взглядовъ, царившихъ въ революціонной средѣ. Въ Петербургѣ послѣ распаденія общества „Земли и Воли" на „Нар. Волю" и „Черн. Передѣлъ", обѣ организаціи продолжали пропаганду среди рабочихъ и издавали для нихъ въ 1880 и 1881 гг. спеціальныя газеты (народовольцы—„Рабочую газету", чернопередѣльцы—„Зерно"). Среди народовольцевъ активную роль, какъ агитаторъ въ рабочей средѣ, игралъ Тимоѳей Михайловъ (подъ именемъ Лапина), о которомъ прокуроръ Муравьевъ въ процессѣ о цареубійцахъ выразился, что онъ былъ „апостоломъ петербургскихъ рабочихъ" [1]).

Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ народовольческіе и чернопередѣльческіе рабочіе кружки существовали въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ-на-Д., Полтавѣ, Екатеринославѣ, Новочеркаскѣ, Елизаветградѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Николаевѣ. Дѣятельность этихъ кружковъ носила чисто-пропагандистскій характеръ и, при незначительности охватываемаго ими слоя рабочихъ, не оказывала вліянія на общественную жизнь.

Иначе сложилось дѣло въ Польшѣ, гдѣ къ началу 1882 г. изъ остатковъ кружковъ 1879 г. создалась соціалистическая партія „Пролетаріатъ" (во главѣ съ Куницкимъ, Яновичемъ, Варынскимъ, Пухевичемъ и др.). Эта партія выставила въ своей программѣ принципъ классовой борьбы пролетаріата и повела довольно широкую агитацію среди рабочихъ массъ въ Варшавѣ, Жирардовѣ, Лодзи, Згержѣ, Томашовѣ и другихъ фабричныхъ центрахъ. Ея члены, организованные въ многочисленные рабочіе кружки, принимали участіе въ забастовкахъ этого періода, и партіи отчасти принадлежала иниціатива въ возбужденіи массовыхъ протестовъ рабочихъ (напр., въ 1883 г. по поводу распоряженія полицеймейстера Варшавы о подчиненіи работницъ врачебно-полицейскому надзору). Хотя партія „Пролетаріатъ" и не была чужда *бланкизма*, представляла себѣ политическое преобразованіе въ видѣ захвата власти и офиціально исповѣдывала терроризмъ (на практикѣ, впрочемъ, не примѣненный ею), тѣмъ не менѣе, по сравненію съ тогдашними и прежними русскими революціонными организаціями, была въ гораздо большей степени проникнута идеями научнаго соціализма и рабочей соціалъ-демократіи. Признаніе

---

[1]) Т. Михайловъ былъ казненъ по дѣлу 1 марта. О его дѣятельности, какъ агитатора, см. въ цитированной брошюрѣ „Изъ рабоч. движенія за Невской заставой", а также В. Панкратовъ, „Изъ дѣятельности среди рабочихъ 1880—84 г." Изд-во „Молодая Россія", Москва, 1906 г.

ею террора привело къ отдѣленію части членовъ, во главѣ съ Пухевичемъ образовавшихъ организацію „Солидарность“ еще болѣе социалъ-демократическаго типа. Послѣдняя продержалась не долго. Самъ „Пролетаріатъ“ былъ уничтоженъ арестами 1884 г., приведшими къ „процессу 29-ти“ въ Варшавѣ, который закончился четырьмя смертными казнями. Рѣчь Людв. Варынскаго [1]) на судѣ развивала марксистское пониманіе соціалистической дѣятельности. „Мы,—сказалъ онъ,—подготовляли не переворотъ, а условія для переворота... Мы сумѣли сдѣлать рабочее движеніе сознательнымъ, сумѣли схватить его въ тиски организаціонной дисциплины и, формулировавъ опредѣленно программу средствъ и цѣлей,—вести пролетаріатъ къ побѣдѣ“ [2]).

Въ 1887 году возобновилась въ значительно болѣе узкихъ рамкахъ организація „Пролетаріата“ въ Варшавѣ и съ перерывами, которые вызывались арестами, продолжала существовать до конца десятилѣтія. Въ 1889 г. рядомъ съ нею возникъ рядъ кружковъ рабочихъ, не сочувствовавшихъ рѣзко политическому и террористическому направленію „Пролетаріата“. Они образовали „Рабочій Союзъ“, выдвинувшій на первый планъ организацію экономической борьбы рабочихъ.

Въ самой Россіи большая часть рабочихъ кружковъ была уничтожена во время тѣхъ массовыхъ арестовъ и судебныхъ процессовъ, которые, продолжаясь съ 1882 по 1887 годъ, добили и безъ того клонившееся къ упадку революціонное движеніе интеллигенціи. Рабочіе, объединившіеся въ этихъ кружкахъ, не успѣли поэтому ознакомиться съ литературной пропагандой „Группы Освобожденія Труда“, возниковеніе которой означало наступленіе новой эры въ судьбахъ русскаго соціализма. Упомянутая группа, образованная Г. В. Плехановымъ, П. Б. Аксельродомъ, В. И. Засуличъ, Л. Дейчемъ и вскорѣ умершимъ Игнатовымъ, положила въ основу своей дѣятельности принципы научнаго соціализма и призвала русскихъ соціалистовъ бросить народническую утопію и заговорщическую тактику, чтобы приступить къ организаціи самостоятельной рабочей партіи, которая объединяла бы сознательныхъ рабочихъ и боролась прежде всего за политическую свободу.

Такъ какъ выступленіе „Группы Освобожденія Труда“ совпало съ полнымъ торжествомъ общественной реакціи, то ея пропаганда въ первые годы не встрѣчала почти вовсе отклика. Только въ Петербургѣ въ 1884 году группа интеллигентовъ, руководимая Благоевымъ [1]), пришла болѣе или менѣе самостоятельно къ усвоенію соціалъ-демократическихъ идей и до 1886 г., когда была уничтожена арестами, вела въ духѣ этихъ идей пропаганду среди рабочихъ, причемъ вступила въ сношенія съ „Группой Освобожденія Труда“, члены которой (Плехановъ и Аксельродъ) помѣстили программныя статьи въ органѣ Благоевской группы „Ра-

[1]) Л. Варынскій умеръ въ Шлиссельб. крѣпости.

[2]) См. Кульчицкій, l. c., стр. 60.

[1]) Въ настоящее время лидеръ одной изъ соціалистическихъ фракцій въ Болгаріи.

бочій" (вышло 2 №№). Взгляды Благоева и его товарищей были окрашены въ сильной степени лассальянствомъ (требованіемъ государственной помощи для производительныхъ ассоціацій).

Вліяніе соціалъ-демократической пропаганды „Группы Освобожденія Труда" распространялось только на интеллигенцію, среди которой во 2-й половинѣ 80-хъ годовъ у Плеханова уже имѣлись послѣдователи. Въ немногихъ существовавшихъ въ теченіе 2-й половины 80-хъ гг. революціонныхъ группахъ, продолжавшихъ дѣйствовать подъ знаменемъ „Народной Воли", находились люди, раздѣлявшіе полностью или отчасти марксистскія идеи. Косвенное вліяніе этихъ идей сказывалось въ томъ, что революціонныя группы конца 80-хъ гг. (въ Петербургѣ, Минскѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ, Вильнѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Костромѣ, Ростовѣ-на-Д.) не прерывали связей съ передовыми фабрично-заводскими рабочими и вели среди нихъ нѣкоторую пропаганду, которая часто носила почти только культурно-просвѣтительный характеръ.

Всѣ эти попытки воздѣйствія соціалистической интеллигенціи на пролетаріатъ въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ имѣли извѣстное значеніе для подготовки того массоваго рабочаго движенія, которое окрасило собою послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка. Мало отражаясь непосредственно на милліонахъ рабочаго класса, эти пропагандистскія попытки способствовали умноженію числа сознательныхъ единицъ, разсѣянныхъ въ рабочемъ классѣ, уплотненію культурнаго слоя рабочихъ, формировавшагося постепенно въ процессѣ общественнаго развитія. Къ моменту, когда общественная реакція начала приходить къ концу, въ промышленныхъ центрахъ Россіи среди этого культурнаго слоя рабочихъ, выдавшагося своимъ умственнымъ и моральнымъ уровнемъ надъ приниженной и темной рабочей массой, имѣлись уже тысячи единицъ, прошедшихъ извѣстную школу политическаго воздѣйствія.

Въ этой именно средѣ преимущественно рекрутировались члены соціалистическихъ организацій слѣдующаго періода. Отъ нея исходила и инціатива организованной классовой борьбы.

IV.

Стихійное и соціалистическое рабочее движеніе въ періодъ 1890—1893 гг.

Начавшееся съ 1887 г. промышленное оживленіе пріостановилось въ теченіе 1891—1892 гг., частью вслѣдствіе общаго застоя на міровомъ рынкѣ, частью же, благодаря голоду этихъ 2-хъ лѣтъ, отразившихся особенно на текстильной промышленности, которая работаетъ преимущественно на сельскаго потребителя. Несмотря на то, что привозъ иностранной хлопчатобумажной пряжи за трехлѣтіе 1891—1893 гг. упалъ по сравненію съ предыдущимъ трехлѣтіемъ на $47^1/_2$% [результатъ уси-

леннаго протекціонизма во время министерства Вышнеградскаго [1])], потребленіе хлопка въ русской промышленности поднялось за это трехлѣтіе всего на 10,8%. Но дѣйствительнаго промышленнаго кризиса не было, и производство чугуна не переставало возрастать. За трехлѣтіе 1888—1890 гг. оно достигло 145½ милл. пудовъ, за періодъ 1891—93 гг.—197 милл. [2]) (возрастаніе на 36%). Число занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ, не обложенныхъ акцизомъ, числилось 720 тыс. рабочихъ, въ 1891 г.—738 тыс., въ 1893 г.—860 тыс.

Однако, это увеличеніе числа занятыхъ рабочихъ сопровождалось колоссальнымъ наплывомъ въ города безработныхъ, выгнанныхъ голодомъ изъ деревни. Благодаря этому обстоятельству, заработная плата подверглась пониженію [3]), въ то время какъ, благодаря неурожаямъ, цѣны на хлѣбъ и другіе продукты потребленія сильно возрасли. Отсюда—острое состояніе недовольства и безпокойства, охватившее рабочее населеніе городовъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ (напр., Витебскъ) оно выразилось въ уличныхъ безпорядкахъ по поводу вздорожанія хлѣба. Въ Заверцѣ, Петрок. губ. эти безпорядки (осенью 1891 г.) привели къ столкновенію съ полиціей и избіенію демонстрантовъ. Въ городахъ Поволжья, гдѣ, благодаря неурожаю и упадку хлѣбной торговли, скопилась масса безработныхъ портовыхъ рабочихъ, то же недовольство нашло себѣ пищу въ „холерныхъ бунтахъ“ (въ Саратовѣ, Астрахани, Царицынѣ, Хвалынскѣ, Покровской слободѣ), принявшихъ столь грозные размѣры, что правительство для борьбы съ ними прибѣгло къ военнымъ судамъ и смертнымъ казнямъ.

Въ разсматриваемый періодъ стачечное движеніе въ собственной Россіи (безъ Польши) проявилось въ рядѣ забастовокъ на Уралѣ въ 1890 году (въ екатеринбургскомъ округѣ ихъ было 6—съ требованіемъ повышенія заработной платы), стачкѣ на табачной фабрикѣ Богданова въ Петербургѣ въ началѣ 1891 года, стачкѣ на ткацкой мануфактурѣ въ Вышнемъ Волочкѣ (1894), въ Ярославской Корзинкинской мануфактурѣ (1892), въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Курско-Харьково-Севастопольской жел. дороги и на Юзовскомъ заводѣ въ 1892 г., стачкѣ на Хлудовской бумагопрядильнѣ въ г. Егорьевскѣ рязанской губерніи, поддержанной всѣми остальными фабриками этого города въ 1893 г., общей забастовкѣ ткацкихъ фабрикъ въ Шуѣ въ томъ же году и, наконецъ, въ рядѣ стачекъ въ ремесленныхъ мастерскихъ разныхъ цеховъ гор. Вильны въ теченіе 1892—93 гг. (особенно стачка портныхъ въ теченіе осени 1893 г.). Регистрація острыхъ столкновеній труда съ капиталомъ въ это время въ періодической прессѣ всего менѣе отличалась полнотой, и слѣдуетъ допустить, что въ дѣйствительности

[1]) Туганъ-Барановскій. „Фабрика,“ стр. 313.

[2]) Новый таможенный тарифъ 1891 г.

[3]) За пятилѣтіе 1891—95 гг. средній заработокъ рабочаго-мужчины на мануф. Цинделя въ Москвѣ составлялъ 231 р. 60. к. противъ 236 р. 60 к. въ предыдущее и 247 р. 30 к. въ послѣдующее десятилѣтіе (Шестаковъ. „Рабочіе на мануфактурѣ тов. Эмиль Циндель“. Москва. 1900).

стачекъ было больше, особенно въ теченіе 1892 года въ промышленномъ центральномъ районѣ, гдѣ рабочимъ приходилось отстаивать заработную-плату отъ попытокъ пониженія ея фабрикантами, которые стремились использовать наплывъ безработныхъ изъ деревни.

Въ стачкахъ на фабрикахъ главнымъ мотивомъ являлось повышеніе заработной платы или борьба противъ ея пониженія; въ стачкахъ же ремесленниковъ въ Вильнѣ главная борьба сосредоточивалась на сокращеніи рабочаго дня. Желѣзнодорожные рабочіе Курско-Харьково-Севастопольской желѣзной дороги боролись въ 1892 г. противъ введенія расчетныхъ книжекъ, такъ какъ при этомъ введеніи администрація пыталась кодифицировать рядъ такихъ ухудшеній въ условіяхъ труда, которыя, будучи установлены въ предыдущій періодъ, еще оспаривались рабочими. Стачка 1892 г. на Ярославской мануфактурѣ и Егорьевская стачка 1893 г., равно какъ Юзовская стачка, сопровождались фабричными погромами и вмѣшательствомъ вооруженной силы [1]. Въ общемъ, стачки (кромѣ движеній виленскихъ ремесленниковъ) кончаются пораженіемъ рабочихъ.

По выдержанности рабочихъ и ихъ единодушію, общая стачка въ Шуѣ (лѣтомъ 1893 года) выдѣлялась въ ряду одновременныхъ съ нею столкновеній труда съ капиталомъ. Эта стачка являлась логическимъ продолженіемъ движенія 1888 года и началась во имя сокращенія рабочаго дня, какъ только обнаружившееся промышленное оживленіе позволило рабочимъ надѣяться на успѣхъ ихъ выступленія. Стачка длилась недѣлю и закончилась побѣдой рабочихъ: съ 1 окт. 1893 года на всѣхъ фабрикахъ Шуи введенъ 12-ти час. раб. день (вмѣсто 13-ти часовъ) [1].

Въ Польшѣ періодъ 1890—93 гг. богатъ рядомъ массовыхъ стачечныхъ движеній, превосходившихъ по своимъ размѣрамъ не только одновременныя движенія въ остальной Россіи, но и аналогичныя движенія польскихъ рабочихъ во второй половинѣ 80-хъ гг. Количество бастовавшихъ за этотъ періодъ рабочихъ Польши значительно превзошло 100.000. Стачки происходили среди горнорабочихъ Домброва (въ 1891 г. на копи „Нивка", въ іюлѣ 1892 г. на нѣсколькихъ копяхъ), среди текстильныхъ рабочихъ въ Лодзи и Жирардовѣ въ маѣ 1891 г., въ Лодзи, Томашовѣ, Згержѣ, Пабіаницахъ и ЗдунскойВолѣ въ маѣ слѣдующаго (1892) года, среди ремесленныхъ рабочихъ и на мелкихъ фабрикахъ Варшавы въ маѣ и іюнѣ 1891 г. и среди строительныхъ рабочихъ въ томъ же городѣ весной 1892 года. Борьба за повышеніе заработной платы и за сокращеніе рабочаго дня, въ значительномъ числѣ случаевъ увѣнчавшаяся успѣхомъ [2],

[1]) Въ Юзовкѣ рабочія волненія сплелись съ „холернымъ бунтомъ" и закончились военнымъ судомъ и смертными приговорами.

[1]) См. „Продолжительность рабочаго дня и заработная плата". Изданіе м-ва финансовъ. 1896 г., стр. 43.

[2]) Волненія, не переходившія въ стачку, побудили администрацію Варшавско-Вѣнскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ повысить весной 1890 г. заработную плату

составляла главное содержаніе этого движенія, въ которомъ значительную роль играла агитація соціалистическихъ организацій. Стачка въ Томашовѣ въ іюнѣ 1892 г., подобно стачкѣ на Курско-Севастоп. дорогѣ того же года (см. выше), была направлена противъ введенія расчетныхъ книжекъ и вызвана тѣми же мотивами.

Происходившія въ тѣсной связи съ дѣятельностью соціалистовъ стачки въ Польшѣ, первоначально встрѣтившія сравнительно терпимое отношеніе со стороны правительственной администраціи, затѣмъ, наталкиваются на рѣшительное противодѣйствіе съ ея стороны. Въ маѣ 1891 г. во время стачки въ Жирардовѣ, несмотря на выдержанное и спокойное поведеніе стачечниковъ, вмѣшательство полиціи въ стачку вызвало рядъ уличныхъ схватокъ, которыя послужили поводомъ для вызова войскъ. Войсками руководилъ лично варшавскій губернаторъ Медемъ. Произошли новыя столкновенія, заключившіяся избіеніемъ рабочихъ: нѣсколько человѣкъ было убито, свыше 900 стачечниковъ было арестовано и выслано [1]).

Въ слѣдующемъ году еще болѣе кровопролитныя столкновенія произошли въ Лодзи. 5 мая началась забастовка на различныхъ ткацкихъ фабрикахъ; рабочіе требовали сокращенія рабочаго дня и увеличенія заработной платы. Попытка стачечниковъ „снимать“ съ работы рабочихъ другихъ фабрикъ привела къ столкновенію съ полиціей и къ арестамъ рабочихъ. Тогда рабочіе одной изъ крупныхъ фабрикъ—Познанскаго — попытались отбить арестованныхъ. Въ солдатъ, конвоировавшихъ послѣднихъ, полетѣли камни; солдаты отвѣчали выстрѣлами, убившими 5 человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ малолѣтнихъ и одну женщину. Разъяренная толпа заставила солдатъ отступить.

Высшія власти края предписали самыя строгія мѣры репрессіи. Утверждаютъ, что тогдашній варшавскій генералъ-губернаторъ Гурко телеграфировалъ губернатору Миллеру: „Стрѣлять, патроновъ не жалѣть“. Дѣйствуя маленькими отрядами, войска для разсѣянія толпы рабочихъ, пускали въ ходъ огнестрѣльное оружіе. Новые трупы еще болѣе ожесточили рабочихъ; стачка стала всеобщей, и рабочее населеніе, отбивая повсюду арестованныхъ, овладѣвъ тюрьмой и нѣкоторыми казармами, становилось хозяиномъ въ городѣ. Власти и капиталисты покидали городъ. Между тѣмъ, въ предмѣстьи Балуты, повидимому, не безъ участія агентовъ полиціи, хулиганами былъ произведенъ еврейскій погромъ. Стянутыя со всѣхъ сторонъ войска заполнили городъ и подавили стачку, которая захватила нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ. Губернаторъ запретилъ фабрикантамъ дѣлать какія бы то ни было уступки стачечникамъ. Число убитыхъ во время этихъ дней

на 10%; строительные рабочіе добились въ Варшавѣ повышенія платы на 10% и сокращенія раб. времени съ 14 до 12 часовъ; такихъ же уступокъ добились послѣ стачекъ 1892 г. на фабрикахъ Згержа, Томашова, Здун. Воли и Пабіаницъ; въ Лодзи на многихъ ткацкихъ фабрикахъ хозяева, опасаясь волненій, уменьшили весной 1892 г. рабочій день на 1 часъ.

[1]) Кульчицкій, l. с., стр. 95—96.

рабочихъ было не менѣе 40—50. События въ Лодзи привлекли къ себѣ вниманіе русскаго и польскаго общества и были имъ встрѣчены какъ проявленіе революціоннаго движенія рабочаго класса, несмотря на старанія реакціонной прессы представить ихъ въ видѣ стихійнаго погромнаго движенія [1]). Лодзинскіе фабриканты обратились къ правительству съ ходатайствомъ о регулированіи законодательнымъ путемъ рабочаго дня по всей имперіи. Ходатайство было отклонено [2]); какъ выше упомянуто, въ слѣдующемъ году лодзинскіе фабриканты сами сократили рабочій день на 1 часъ, чтобы избѣжать повторенія волненій.

Какъ жирардовскія, такъ и лодзинскія волненія находились въ связи съ майскими манифестаціями, которыя въ Польшѣ возникли одновременно съ странами западной Европы, т.-е. въ 1890 г. Отголоскомъ агитаціи и стачекъ 1890—1892 гг. явилось динамитное покушеніе въ Лодзи въ концѣ 1893 г. Въ домъ крупнаго фабриканта Куницера, который при одномъ незначительномъ столкновеніи съ рабочими вызвалъ казаковъ, примѣнившихъ воздѣйствіе нагайками, была брошена бомба. Часть зданія была разрушена, но человѣческихъ жертвъ не было. Произведенное слѣдствіе, отличавшееся крайне жестокими мѣрами понужденія со стороны жандармскихъ и полицейскихъ властей, обнаружило существованіе значительной рабочей организаціи, изъ среды которой вышли виновники покушенія. Пятеро рабочихъ [1]) были преданы военному суду, приговорившему ихъ къ смертной казни, замѣненной каторжными работами и ссылкой на поселеніе. Нѣсколько десятковъ рабочихъ подверглись ссылкѣ въ административномъ порядкѣ въ сѣверныя и сибирскія губерніи.

Соціалистическая агитація, подъ вліяніемъ которой находилось рабочее движеніе въ Польшѣ, концентрировалась въ началѣ десятилѣтія, съ одной стороны, въ группахъ, перенявшихъ отъ старой организаціи имя и программу „Пролетаріатъ“, съ другой стороны, въ образовавшемся въ началѣ 1890 года „Союзѣ польскихъ рабочихъ“, основателемъ котораго Л. Кульчицкій называетъ Януша Танскаго († 1899 г.). Состоя преимущественно изъ рабочихъ, „Союзъ“ признавалъ принципы международной соціалъ-демократіи, но, въ примѣненіи этихъ принциповъ къ мѣстнымъ условіямъ, ставилъ на первый планъ своей дѣятельности руководство экономической борьбой рабочихъ и организацію рабочихъ для этой борьбы. Соотвѣтственно этому, „Союзъ“ на

---

[1]) См. о лодзинскихъ событіяхъ у Л. Плохоцкаго „Стачечная борьба польскихъ рабочихъ“. „Жизнь“ № 6. Женева. 1902 г., стр. 35—39.

[2]) Плохоцкій (тамъ же, стр. 38) утверждаетъ, что въ связи съ кровавымъ подавленіемъ рабочаго движенія въ Жирардовѣ и Лодзи, этотъ неуспѣхъ ходатайства польскихъ капиталистовъ о законодательномъ сокращеніи рабочаго дня сыгралъ извѣстную роль въ усиленіи среди извѣстной части польскихъ рабочихъ сепаратистскихъ тенденцій, окрасившихъ соціалистическое движеніе въ Польшѣ второй половины 90-хъ годовъ.

[1]) Грубецкій, Клепсатель, отецъ и сынъ Корчмареки и Циммерманъ.

практикѣ не вносилъ элементовъ политики въ свою агитацію. Онъ организовалъ (преимущественно въ Варшавѣ) стачечныя боевыя кассы въ разныхъ профессіяхъ. По словамъ Л. Кульчицкаго, къ 1892 г. число рабочихъ, организованныхъ въ эти нелегально существовавшія кассы, доходило до 6.000 человѣкъ. Примыкающая къ „Союзу" интеллигенція вела научно-соціалистическую пропаганду въ легальной польской печати.

Аресты ослабили въ 1891 г. организацію „Союза", лишили ее главныхъ интеллигентныхъ силъ, и въ слѣдующемъ году онъ сошелъ со сцены. Въ концѣ того же года началось объединеніе различныхъ соціалистическихъ группъ Польши, завершившееся образованіемъ „Польской Соціалистической Партіи", въ центрѣ политической программы которой стояло образованіе самостоятельной польской республики, а въ 1893 году выдѣлились въ особую организацію (С. Д. Ц. Польскаго и Литвы) группы, отрицавшія необходимость борьбы за національную самостоятельность.

На Парижскомъ международномъ конгрессѣ 1889 г., постановившемъ ежегодную майскую манифестацію, присутствовалъ, въ качествѣ делегата, варшавскій рабочій - каменщикъ Владиславъ Ангельскій [1]). Весной 1890 г. соціалисты вели усиленную агитацію въ Варшавѣ въ пользу исполненія рѣшенія международнаго конгресса, и эта агитація имѣла значительный успѣхъ, привлекши вниманіе широкихъ массъ рабочихъ къ идеѣ систематической борьбы за сокращеніе рабочаго дня. Въ день перваго мая 1890 года въ Варшавѣ бастовало до 10.000 рабочихъ; въ 1891 г. первомайская забастовка была слабѣе въ Варшавѣ вслѣдствіе принятыхъ заранѣе администраціей мѣръ; за то она распространилась на крупныя фабрики Жирардова и Лодзи. Въ 1892 г. агитація по поводу 1 мая послужила толчкомъ къ тѣмъ событіямъ, которыя окончились вышеописанной бойней. Въ 1893 г. майская забастовка произошла только среди кожевниковъ и каменщиковъ Варшавы; рабочіе заводовъ и фабрикъ работали подъ давленіемъ полиціи. Для развитія рабочаго движенія въ Польшѣ майскія манифестаціи имѣли громадное значеніе.

Голодовки 1891 и 1892 гг., въ связи съ „холерными" бунтами, вызвали вниманіе прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества къ экономическимъ вопросамъ и въ особенности остро поставили тотъ вопросъ о судьбахъ русскаго капитализма и крестьянской общины, который въ теченіе всѣхъ 80-хъ гг. уже вызвалъ въ средѣ революціонной демократической интеллигенціи дѣленіе на народниковъ и марксистовъ. Разоблаченный голодомъ фактъ массоваго разоренія крестьянства, рядомъ съ неуклонно идущимъ впередъ развитіемъ промышленнаго капитализма, много содѣйствовалъ усиленію вліянія марксистскихъ идей на счетъ идей стараго народничества. Соотвѣтственно этому, усиливается тяга наиболѣе крайнихъ элементовъ демократиче-

[1]) Застрѣлился въ 1899 г. въ сибирской ссылкѣ.

ской интеллигенции къ активной дѣятельности среди городского пролетаріата и въ тѣхъ тайныхъ кружкахъ, которые уже раньше занимались этой дѣятельностью, и среди тѣхъ интеллигентныхъ одиночекъ, которыя входили въ общеніе съ пролетаріатомъ на почвѣ легальной просвѣтительной работы, марксисты пріобрѣли перевѣсъ.

Распропагандированные частью марксистами - соціалъ - демократами, частью народовольцами, петербургскіе рабочіе весной 1891 года приняли участіе въ демонстраціяхъ учащейся молодежи, посылавшей привѣтственные адресы и депутаціи къ заболѣвшему писателю-публицисту Н. В. Шелгунову [1]). Когда вскорѣ послѣ того Шелгуновъ умеръ и на его похоронахъ студенческая молодежь организовала многолюдную демонстрацію, въ послѣдней приняло участіе нѣсколько десятковъ рабочихъ, возложившихъ вѣнокъ съ надписью: „Указателю пути къ свободѣ и братству". Демонстрація эта была первымъ проявленіемъ движенія рабочихъ, находившихся подъ вліяніемъ соціалъ-демократическихъ идей.

Въ томъ же 1891 году рабочіе, организованные въ соціалъ-демократическіе кружки въ Петербургѣ, устроили тайное собраніе, посвященное дню 1 мая. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ на этомъ собраніи, воспроизведенныхъ и распространенныхъ между рабочими и учащейся молодежью, впервые были формулированы самими рабочими идеи классовой борьбы и классовой организаціи [1]). Такія же тайныя майскія

---

[1]) „Вы первый,—писали рабочіе въ своемъ адресѣ,—признали жалкое положеніе рабочаго класса въ Россіи. Вы всегда старались и стараетесь до сихъ поръ объяснить намъ причины, которыя отодвигаютъ насъ назадъ и держатъ насъ въ томъ угнетенномъ состояніи, въ которомъ мы закованы, словно въ желѣзныя цѣпи, нашими правителями и капиталистами... Вы выполнили свою задачу, показавъ намъ какъ мы должны вести борьбу". Какъ справедливо указываетъ П. Аксельродъ. („Раб. классъ и револ. движ. въ Россіи". Пер. съ нѣм., Спб., 1907), написанныя въ 60-хъ гг. сочиненія Шелгунова о рабочемъ вопросѣ (между прочимъ, его популяризація сочиненія Ф. Энгельса о положеніи рабочаго класса въ Англіи), были къ 80-мъ гг. забыты интеллигенціей, но стали очень популярны среди рабочихъ.

[1]) Въ одной изъ рѣчей ораторъ-рабочій, указавъ на прогрессивную роль демократической интеллигенціи 70-хъ годовъ, пытавшейся пробудить русскій народъ, воскликнулъ: „Но народъ не призналъ въ нихъ друзей и смотрѣлъ на нихъ съ недовѣрчивостью. Такъ понесемъ же теперь мы, товарищи, свое скромное знаніе въ народъ: не сумѣемъ ли мы передать его народу и не пойметъ ли онъ теперь насъ, потому что мы ближе стоимъ къ нему, чѣмъ интеллигенція? Только жаль одного, что у насъ нѣтъ ни откуда помощи, какъ было у прежнихъ рабочихъ, исключая небольшой кучки людей, которымъ мы всегда отдадимъ сердечное спасибо. Нынѣшняя молодежь не слышитъ народнаго стона и не видитъ народнаго горя,— она и не думаетъ о народѣ. Эта молодежь не что иное, какъ паразитическій элементъ общества: она способна только потреблять продукты общественнаго труда и не думаетъ платить за эти труды народу". Господство реакціонныхъ настроеній и общественнаго индифферентизма въ интеллигенціи того времени объясняетъ эту объективно-неправильную характеристику. Въ рѣчи другого оратора находимъ конкретизацію политическихъ задачъ. Чтобы осуществить общественное переустройство, „намъ не-

собранія происходили въ 1892 году въ Петербургѣ и Вильнѣ; въ 1893 г.— въ Вильнѣ. Въ широкихъ рабочихъ массахъ Россіи еще о майской манифестаціи ничего не знали и, вообще, дѣятельность русскихъ соціалистическихъ кружковъ, которые все больше принимали марксистскую программу „Группы Освобожденія Труда", протекала совершенно внѣ движенія широкихъ массъ.

Только въ Вильнѣ въ теченіе 1892 и 1893 гг., подъ непосредственнымъ вліяніемъ примѣра „Союза польскихъ рабочихъ", соціалъ-демократическая группа, руководимая А. Кремеромъ и др., успѣшно организовала среди еврейскихъ ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ цеховыя кассы, преслѣдовавшія одновременно задачи взаимопощи и поддержки въ стачечной борьбѣ. Такія кассы были организованы среди портныхъ, ювелировъ, сапожниковъ, столяровъ, слесарей, чулочницъ, работницъ конвертныхъ фабрикъ, щетинщиковъ, табачниковъ, наборщиковъ, литографовъ и др. ремесленниковъ [1]). Кассы оказывали отдѣльнымъ своимъ членамъ моральную и матеріальную поддержку въ столь частыхъ въ ремесленныхъ мастерскихъ и на мелкихъ фабрикахъ случаяхъ неправильнаго расчета и тому подобныхъ злоупотребленій и грубаго обращенія, организовали бойкотъ мѣстъ, принадлежавшихъ уволеннымъ членамъ и помогали рабочимъ въ случаѣ судебной тяжбы съ хозяиномъ; онѣ же организовали въ 1892 г. планомѣрное движеніе въ пользу осуществле-

обходимо пріобрѣсти политическія права", именно „учрежденіе конституціи, основанной на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ", подчиненіе арміи и бюрократіи законодательному собранію, свободу собраній, союзовъ, печати, безплатное народное образованіе, судъ присяжныхъ. Рядомъ съ этими политическими требованіями, какъ ближайшія экономическія требованія, указаны національзація земли и государственная помощь производительнымъ ассоціаціямъ. Послѣднее требованіе, какъ разъ въ 1891 г. вычеркнутое изъ программы германской с.-д. партіи, куда оно, вопреки протесту Маркса, было внесено подъ вліяніемъ лассальянцевъ, фигурировало, какъ мы видѣли, въ программѣ „Сѣв. русск. союза" и петерб. с.-д. группы Благоева. Его же ввела въ свой проектъ программы (1885 г.) „Группа Освобожденія Труда". Симпатіи къ идеѣ производительныхъ ассоціацій питались частью традиціями народничества, частью популярными среди рабочихъ сочиненіями Лассаля. Сильно распространенное еще въ Россіи мелкое производство питало иллюзіи возможности широкаго развитія и процвѣтанія этой формы коопераціи. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг. попытки организаціи производительныхъ ассоціацій были нерѣдки среди соціалъ-демократовъ-рабочихъ ремесленнаго производства въ Литвѣ.

[1]) По словамъ доклада Бунда на Парижскомъ конгрессѣ 1900 года, первая касса была организована въ Вильнѣ въ 1888 г. чулочницами; затѣмъ, кассы были основаны портными, заготовщиками и конвертницами. Въ 1893 г. кассы стали основываться въ Минскѣ, Сморгони, Гомелѣ и среди еврейскихъ ремесленныхъ рабочихъ въ Варшавѣ. Эти основанныя соціалъ-демократами кассы часто натыкались на организаціи ремесленныхъ рабочихъ, сложившіяся въ дореформенное время и продолжавшія существовать въ своей традиціонной формѣ религіозныхъ братствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти старыя организаціи непосредственно перерождались въ боевыя кассы. (См. у Прокоповича, „Къ рабочему вопросу", также у Акимова, „Очеркъ развитія соціалъ-демократіи въ Россіи" и Rabinowitsch, „Die Organisationen des jüdischen Proletariats".)

нія старинного закона XVIII вѣка (1785 г.) объ ограниченіи рабочаго дня ремесленниковъ 10 часами въ сутки. Этотъ законъ, не отмѣненный юридически, фактически нигдѣ не примѣнялся и былъ настолько забытъ, что сами мѣстные соціалъ-демократы, по словамъ В. Акимова, натолкнулись на него случайно, когда виленскій городской голова упомянулъ о немъ въ одномъ изъ обязательныхъ постановленій.

Опираясь на почву закона, соціалъ-демократы черезъ посредство рабочихъ кассъ вызвали агитацію, въ результатѣ которой ремесленные рабочіе разныхъ цеховъ обращались сначала къ административнымъ властямъ, а затѣмъ къ фабричной инспекціи съ ходатайствами объ исполненіи нарушеннаго закона. Мѣстный фабричный инспекторъ, по буквѣ закона не имѣвшій никакого касательства къ ремесленнымъ мастерскимъ, призналъ справедливость требованій рабочихъ и оказывалъ соотвѣтствующее давленіе на хозяевъ. По сообщенію доклада Бунда на Парижскомъ соціалистическомъ конгрессѣ 1900 г. [1]), виленскій фабричный инспекторъ, къ которому весной 1892 г. обратились портные съ жалобой на несоблюденіе закона 1785 г., предложилъ имъ „самовольно уходить изъ мастерскихъ послѣ 10 часовъ работы“. Попытка провести нормальный рабочій день захватнымъ путемъ была осуществлена портными и вызвала репрессіи хозяевъ въ видѣ увольненія 14-ти рабочихъ. За этимъ послѣдовала стачка всѣхъ портныхъ въ городѣ, длившаяся 7 недѣль и положившая начало активному стачечному движенію въ Литвѣ и Бѣлоруссіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что содѣйствіе, оказанное на первыхъ порахъ еврейскимъ ремесленнымъ рабочимъ администраціей и особенно фабричной инспекціей въ этой экономической борьбѣ и шедшей въ разрѣзъ съ общей политикой правительства по рабочему вопросу, объясняется экономической слабостью и политическимъ безправіемъ еврейской мелкой и средней буржуазіи и традиціонной враждой къ ней со стороны бюрократіи. Несомнѣнно также, что это обстоятельство чрезвычайно облегчило первые шаги организованнаго движенія еврейскаго пролетаріата, которое къ рединѣ 90-хъ гг. значительно обогнало движеніе другихъ народностей Россіи (кромѣ поляковъ).

Во внутренней Россіи соціалъ-демократическая пропаганда велась въ тѣсныхъ замкнутыхъ кружкахъ, включавшихъ наиболѣе развитую рабочую молодежь, которая не пользовалась вліяніемъ на массы рабочихъ и оставалась въ сторонѣ отъ жизни послѣднихъ. Поскольку соціалъ-демократы, интеллигенты и рабочіе, (одни въ качествѣ преподавателей, другіе въ качествѣ учениковъ) посѣщали воскресныя и вечернія школы, имѣвшіяся кое-гдѣ, они оказывали извѣстное пропагандистское воздѣйствіе на болѣе широкій слой рабочей молодежи. Какъ это воздѣйствіе, такъ и самыя занятія въ соціалъ-демократическихъ кружкахъ, носили на себѣ не менѣе отпечатокъ

[1]) См. „Докладъ о русскомъ с. д. движеніи Междунар. соціалист. конгрессу въ Парижѣ 1900 г.“. Изд. „Союза“. Женева. 1901, стр. 53.

культурной работы, чѣмъ политической пропаганды, а суммы, собиравшіяся въ спеціальныя кассы, устроенныя при нѣкоторыхъ кружкахъ, большей частью тратились на устройство библіотекъ и выписку журналовъ и газетъ. Эта дѣятельность соціалъ - демократическихъ кружковъ оказала несомнѣнно громадное вліяніе именно на повышеніе культурнаго уровня и моральное возрожденіе рабочаго класса, который въ теченіе 30 лѣтъ пореформеннаго развитія, благодаря ухудшившимся экономическимъ условіямъ, въ своей массѣ представлялъ классъ приниженный, съ низкимъ уровнемъ культурныхъ потребностей. Внеся сильную идеалистическую струю въ жизнь наиболѣе отзывчивой рабочей молодежи и развивая жажду знаній, проявляющуюся въ ней подъ вліяніемъ экономическихъ условій развивающагося крупнаго производства, соціалъ-демократическіе кружки косвенно оказывали вліяніе на рабочій классъ въ цѣломъ, въ сторонѣ отъ котораго они стояли, и это вліяніе было учтено въ послѣдующемъ періодѣ. Въ соціально-политическомъ отношеніи эти кружки явились той ячейкой, изъ которой впослѣдствіи развились рабочіе кадры соціалъ-демократіи и вышли непосредственные руководители экономической и политической борьбы рабочихъ.

Рабочіе кружки въ началѣ 90-хъ гг. существовали въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Гомелѣ, Харьковѣ, Костромѣ, Владимірѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Ростовѣ-на-Дону, Одессѣ, Тулѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Саратовѣ. Въ составъ ихъ входили преимущественно рабочіе крупныхъ механическихъ заводовъ въ столицахъ и ремесленные рабочіе въ провинціи. Въ Одессѣ (1891—1893 гг.), опираясь на слѣды работы прежнихъ пропагандистовъ, соціалъ-демократы образовывали кружки рабочихъ среди моряковъ торговаго флота [1]) и среди строительныхъ рабочихъ. Въ промышленномъ Владимірскомъ районѣ пропаганда велась среди ткачей и прядильщиковъ; въ остальныхъ же мѣстахъ Россіи фабричный пролетаріатъ, вообще, гораздо менѣе былъ затронутъ пропагандой соціалистовъ, чѣмъ пролетаріатъ заводскій.

О томъ, какъ медленно и съ какими препятствіями развивалось дѣло кружковой соціалистической пропаганды, можно судить по слѣдующему разсказу о рабочихъ кружкахъ въ гор. Иваново-Вознесенскѣ.

„... Въ теченіе 80-хъ годовъ ни о какихъ кружкахъ среди рабочихъ не было слышно, и образованіе перваго кружка, объединившаго нѣсколькихъ мѣстныхъ интеллигентовъ и рабочихъ, относится къ началу 1890 г.

Кружокъ преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, цѣли самообразованія и отчасти пропаганды, но никакой опредѣленной окраски не имѣлъ. Послѣ ареста въ 1891 г. главарей (И. О. Слуховской, Крестовъ, Ноздринъ, Ларіоновъ, Ефраси и др.) кружокъ распался окончательно. Между тѣмъ, ивановскіе рабочіе, уже воспитанные предшествовавшей

[1]) Дѣятельность штурмана Калашникова, сосланнаго въ Сибирь (застрѣлился въ 1901 году).

(стачечной) борьбой, представляли изъ себя благодарную почву для воспріятія соціалистическихъ идей. Недоставало только искорки, чтобы зажечь пожаръ, и эту искру привезъ съ собою одинъ интеллигентъ, высланный сюда изъ другого города. Этотъ товарищъ въ 1892 г. положилъ начало ивановской рабочей организаціи, существующей до сихъ поръ, несмотря на всѣ погромы. Быстро составился кружокъ въ 7 чел. рабочихъ, надъ которыми первое время, понятно, пришлось много работать. Однимъ изъ первыхъ попалъ въ кружокъ ткачъ Кириллъ Николаевичъ Отроковъ, которому въ то время было 20 л. [1]). Онъ болѣе другихъ рабочихъ интересовался религіозными вопросами, которые вообще очень занимаютъ молодыхъ рабочихъ. Вскорѣ, однако, удалось направить мысли рабочихъ на разрѣшеніе жизненныхъ вопросовъ. О тяжеломъ экономическомъ положеніи русскихъ рабочихъ говорить долго, конечно, не приходилось; это былъ слишкомъ очевидный фактъ. Гораздо большее вниманіе удѣлялось положенію западно-европейскихъ рабочихъ, сравненію этого положенія съ русской дѣйствительностью и выясненію тѣхъ пріемовъ, при помощи которыхъ наши заграничные товарищи добились лучшей доли. Книга Беллами „Черезъ 100 лѣтъ“ [2]) въ то время принесла большую пользу. Вскорѣ основатель кружка долженъ былъ на 2 г. оставить Иваново-Вознесенскъ, а въ это время искорки все болѣе и и болѣе разгорались. Члены кружка собирались, читали, учились и привлекали все новыхъ и новыхъ членовъ. Много было невыясненнаго у этихъ юнцовъ, оставшихся безъ всякаго руководителя; была у нихъ программа; но никто не могъ ни растолковать, ни защитить ее какъ слѣдуетъ. Въ это время въ кружкѣ былъ поднятъ вопросъ о значеніи потребительныхъ обществъ, а нѣкоторые, въ особенности Отроковъ, всегда упорный и энергичный въ практическихъ дѣлахъ, настаивали на необходимости открыть свою собственную потребительную лавку; но эта мысль не осуществилась. Въ теченіе двухъ лѣтъ число членовъ кружка дошло до 15 человѣкъ, при чемъ была основана касса“ [1]). Такой же медленный ростъ кружковой организаціи наблюдался и въ другихъ городахъ, тѣмъ болѣе, что политическая полиція постоянно нарушала этотъ ростъ арестами членовъ кружковъ и терроризовала рабочихъ крайне тяжелыми карами, которымъ подвергались арестованные. Такъ, одесскіе пропагандисты Д. Гольдендахъ (1891 г.), Ю. Нахамкисъ, Г. Циперовичъ и Калашниковъ (1893—1894) за свою дѣятельность подверглись, по высочайшему повелѣнію, первый—4 годамъ одиночнаго тюремнаго заключенія, послѣдніе – ссылкѣ въ якутскую область на 10 лѣтъ. Руководитель петер-

[1]) Умеръ въ 1899 г. въ ссылкѣ въ олонецкой губ.

[2]) Въ качествѣ почти единственной легальной книги того времени, трактовавшей о соціалистическомъ строѣ, книга Беллами оказала большое вліяніе на распространеніе соціалистическихъ идей.

[1]) „Рабочее движеніе въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ“. Женева. 1900.

Василій Григорьевичъ Перовъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

бургскаго соціалъ-демократическаго кружка, инженеръ Михаилъ Бруснёвъ (1891 — 2 гг.) былъ приговоренъ къ 4 г. тюремнаго заключенія и 10 г. ссылки. Видный пропагандистъ Н. Е. Федосѣевъ, работавшій во владимірской губерніи въ 1892 г., былъ сосланъ на 3 г. въ вологодскую губернію, а оттуда—вновь на 5 лѣтъ въ восточную Сибирь [1]). Вообще правительство преслѣдовало кружковую пропаганду соціализма, въ значительной мѣрѣ носившую культурно-просвѣтительный характеръ, какъ тяжелое политическое преступленіе [2]).

Медленность, съ которою пропаганда марксистовъ развивалась въ первые годы, объясняется далеко не исключительно преслѣдованіями политической полиціи. Главная трудность заключалась въ отсутствіи въ прошломъ какихъ-нибудь организованныхъ общественныхъ движеній, въ которыя былъ бы вовлеченъ рабочій классъ и въ которыхъ онъ получилъ бы первоначальное политическое воспитаніе и навыкъ къ общественной самодѣятельности. Марксъ и Энгельсъ всегда подчеркивали то громадное значеніе, которое имѣло для развитія рабочаго движенія политическое воспитаніе, данное пролетаріату буржуазіей. Въ Англіи, Франціи и Германіи, до возникновенія самостоятельнаго классоваго движенія пролетаріата, рабочія массы участвовали въ общественныхъ движеніяхъ буржуазіи и мелкаго мѣщанства, переживая вмѣстѣ съ ними, въ благопріятной атмосферѣ сочувственнаго общественнаго мнѣнія, сложную идейную эволюцію, пока не наступилъ моментъ ихъ отдѣленія отъ буржуазіи. Въ Россіи у пролетаріата въ его массѣ этого предварительнаго опыта не имѣлось; соціалистическая пропаганда интеллигенціи 70-хъ и 80-хъ гг. не успѣла вызвать среди рабочихъ массоваго движенія съ широкими общественно-политическими задачами. Соціалъ-демократамъ поэтому приходилось прежде всего стараться вывести рабочія массы, вообще, изъ состоянія общественнаго индиферентизма и пріобщить ихъ впервые къ общественнымъ интересамъ. Отсюда—сильное, по необходимости, преобладаніе культурно-просвѣтительныхъ моментовъ въ дѣятельности соціалъ-демократическихъ кружковъ.

Въ иномъ положеніи находились соціалисты тѣхъ окраинъ Россіи, которыя имѣли свои традиціи политическихъ или общественныхъ движеній народнаго характера. Въ Польшѣ быстрому успѣху соціализма содѣйствовало участіе рабочихъ въ прежнихъ національно - политическихъ движеніяхъ: здѣсь задачей соціалистовъ, какъ и въ западной Европѣ, явилось отдѣлить рабочія массы отъ общества, воспитаннаго въ традиціяхъ національзма и воспитывавшаго въ этихъ традиціяхъ народныя массы. Въ аналогичномъ положеніи были латышскіе соціалисты. Первые кружки соціалистической латышской

[1]) Застрѣлился въ 1898 г. въ Сибири.

[2]) Позднѣе польскій соціалист. органъ „Przeswit", борясь противъ направленія еврейской с. д. группы въ Вильнѣ, которая, между прочимъ, обучала рабочихъ русскому языку, говорилъ, что виленскіе соціалъ-демократы фактически попадаютъ въ тюрьму и ссылку на долгіе годы за преподаваніе исторіи Иловайскаго и правилъ употребленія буквы ѣ.

интеллигенціи, образовавшіеся въ 1893 году, обращались къ рабочимъ, стоявшимъ на довольно высокомъ культурномъ уровнѣ, съ призывомъ отдѣлиться отъ узко-національнаго движенія латышской буржуазіи и поставить себѣ самостоясельныя классовыя задачи.

ГЛАВА XI.

Крестьянство и народническое движеніе.

I.

Крестьянская реформа 1861 года передала крестьянъ изъ рукъ помѣщиковъ въ руки государства на такихъ условіяхъ, при которыхъ крестьяне должны были сразу же оказаться его неоплатными должниками. Извѣстны тѣ выводы, къ которымъ пришелъ проф. Янсонъ послѣ изученія условій крестьянскаго хозяйства къ концу семидесятыхъ годовъ[1]). Тамъ, гдѣ только произведенная земствами оцѣнка доходности земель позволяла опредѣлить отношеніе къ ней крестьянскихъ платежей,— тамъ, во всей нечерноземной полосѣ, „платежи эти превышаютъ исчисленную доходность“[2]). То же самое было и въ черноземной полосѣ: „Не только средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающіе вообще (въ этой полосѣ) 3 десятинъ, но и высшіе ихъ надѣлы въ $3-3^1/_2$ десятины, даже надѣлы части государственныхъ крестьянъ не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенія. Что же сказать о среднихъ надѣлахъ въ 2 съ небольшимъ десятины и особенно о тѣхъ крестьянахъ, которые получили надѣлы ниже средняго по губерніи и низшіе надѣлы? А такихъ въ черноземной трехпольной полосѣ *почти половина, а мѣстами большинство!*“[1]).

„Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говорилъ петербургскій губернскій предводитель дворянства, графъ А. П. Шуваловъ, въ валуевской комиссіи 1872 года по изслѣдованію сельскаго хозяйства, что въ общей сложности налоги съ крестьянскаго надѣла превышаютъ доходность земли, такъ что не возможно ихъ даже признать земельными, при чемъ надѣлъ является тутъ не какъ дѣйствительная собственность, а какъ способъ пріурочиванія плательщиковъ къ одному мѣсту, для цѣлей фиска“[2]).

Такое положеніе вещей вполнѣ опредѣляло экономическія судьбы трудового крестьянства за все истек-

¹) Ср. выше, стр. 108.

²) „Опытъ статист. изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, изд. 1881 г., стр. 33—35.

¹) *Ibid*,—стр. 86.

²) И. М. Страховскій, ***Крестьянскій вопросъ въ законодательствѣ послѣ 1861 г.***, сборникъ „Крестьянскій Строй“, стр. 409.

шее полустолѣтіе. Будучи освобождено отъ крѣпостного права, оно осталось прикрѣпленнымъ къ землѣ въ интересахъ автократическаго государства. Въ силу экономической необходимости, связанное по рукамъ и ногамъ неоплатнымъ долгомъ государству, оно принуждено было вести свое земельное хозяйство при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и безъ всякой надежды на какую-нибудь возможность его улучшенія—такъ какъ весь доходъ съ него не покрывалъ въ большинствѣ случаевъ лежащихъ на землѣ платежей. Такая экономическая политика, сводившаяся къ непосредственному отчужденію продуктовъ крестьянскаго сельско-хозяйственнаго производства, вмѣстѣ съ пониженіемъ его производительныхъ силъ, вполнѣ соотвѣтствовала тому докапиталистическому фазису развитія, который еще переживала Россія послѣ совершившагося освобожденія крестьянъ. Капиталистическій фазисъ хозяйственнаго развитія характеризуется эксплуатаціей рабочихъ массъ на почвѣ улучшенныхъ способовъ производства и роста національнаго богатства; орудіемъ этой эксплоатаціи является развитіе производительныхъ силъ. Основною чертою экономической политики до-капиталистическаго строя является, напротивъ того, пользованіе доходами малопроизводительнаго труда и общій подрывъ главной отрасли національнаго производства, которою въ такихъ случаяхъ всегда бываетъ земледѣліе. Такъ это было во времена Людовика XIV или Людовика XVI во Франціи, такъ это происходило и у насъ въ Россіи въ послѣ-реформенную эпоху. Съ 1861 года и по настоящее время государственные доходы въ Россіи возрасли въ 6 разъ, въ то время какъ численность населенія увеличилась только въ два раза; между тѣмъ государственные сборы падали за все это время главнымъ образомъ на трудовое крестьянство, оказывавшееся постоянно въ недоимкахъ, т.-е. не успѣвавшее покрывать изъ своихъ скудныхъ земельныхъ доходовъ лежавшіе на немъ платежи [1]). Это значитъ, что трудовое крестьянство обрабатывало за это время свыше 140 милліоновъ десятинъ своей надѣльной земли исключительно въ пользу автократическаго государства. Это огромное земельное хозяйство фактически находилось какъ бы въ рукахъ правительства, которое получало отъ него свои главные доходы. Вынуждаемые безысходностью своего положенія, крестьяне

[1]) Если мы возьмемъ, напр., бюджетъ 1877 года, то увидимъ, что общая цифра государственныхъ доходовъ составляла тогда 598.000.000 рублей, изъ которыхъ сумма, доставленная подушными и оброчными податями, таможенными пошлинами, акцизными сборами и выкупными платежами, равнялась 421.000.000 р., т.-е. составляла болѣе 70% бюджета („Россія“, отдѣльное изданіе изъ „Энциклоп. Словаря“, стр. 198—201). Что касается недоимокъ, то въ 1890 году онѣ доходили въ средне-промышленныхъ губерніяхъ до 2 р. 8 к. на каждую душу, въ средне-черноземныхъ губерніяхъ—до 2 р. 40 к., въ восточныхъ губерніяхъ—до 7 р. 50 к.; по отношенію къ годовому окладу, недоимки въ воронежской губ. доходили до 40% оклада, въ орловской губ.—до 81%, въ уфимской—до 115%, въ оренбургской—до 135%, въ казанской—до 165%, въ самарской—до 240% (*Крестьянскій строй*, стр. 441).

изъ года въ годъ должны были обрабатывать эту землю, при чемъ всю получавшуюся выручку, за исключеніемъ части, соотвѣтствовавшей самой минимальной заработной платѣ, передавали, въ видѣ прямыхъ или косвенныхъ платежей, государству.

Низкій уровень развитія производительныхъ силъ въ земледѣльческомъ производствѣ Россіи, занимавшемъ въ 1897 году около 86% всего взрослаго рабочаго населенія[1]), подтверждается тѣмъ фактомъ, что изъ всей суммы ея ежегоднаго національнаго дохода, опредѣляемаго приблизительно въ 6 милліардовъ рублей [2]), на долю земледѣльческаго производства (даже со включеніемъ лѣсоводства и рыболовства) приходится лишь три съ небольшимъ милліарда, тогда какъ, при одинаковомъ среднемъ уровнѣ развитія производительныхъ силъ какъ въ области городской, такъ и въ области сельской промышленности, доходъ съ земледѣльческаго производства въ Европейской Россіи, занимающаго, какъ уже сказано выше, болѣе 80% всего взрослаго рабочаго населенія, долженъ былъ бы равняться по меньшей мѣрѣ 12-ти милліардамъ. Эта именно крайне низкая степень производительности земледѣльческаго труда объясняетъ крайне низкую цифру ежегоднаго дохода, приходящагося въ Россіи на каждаго человѣка и равнявшагося, по вычисленію Mulhall'а, для 1894 года, 74 рублямъ, а по вычисленію г. Прокоповича, для 1900 года—63 рублямъ [1]).

Такова общая картина экономическаго положенія пореформенной Россіи: господство земледѣльческаго производства и крайне низкій уровень производительныхъ силъ, при чемъ 1/3 всего національнаго дохода поглощается государственнымъ бюджетомъ. Здѣсь налицо всѣ существенныя черты, какими характеризуется жизнь до-капиталистическаго общественнаго строя.

При такихъ условіяхъ началось развитіе въ Россіи соціалистическаго движенія, стремившагося охватить, въ силу своей основной задачи, рабочія массы. Естественно, что тою областью, куда оно стремилось проникнуть съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ, являлась крестьянская среда, обнимавшая въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ почти что всю массу русскаго рабочаго населенія. Такую цѣль ставила себѣ первая революціонная организація соціалистическаго характера, возникшая послѣ отмѣны крѣпостного права подъ именемъ „Земли и Воли“. Она возникла въ 1861 году по иниціативѣ Николая Серно-Соловьевича, Рымаренко, А. А. Слѣпцова и др., и несомнѣнно

[1]) „Статистич. свѣдѣнія по земельному вопросу“. изд. Гл. Упр. Землеуст. и Землѣд. 1906.

[2]) Для 1900 года и для 50 губерній Европейской Россіи (безъ Польши и Кавказа); см. С. Н. Прокоповичъ, *Опытъ исчисленія народнаго дохода*,—докладъ, представленный имъ въ статистическое отдѣленіе Вольнаго Экономическаго Общества.

[1]) Для Англіи, по цифрамъ, даваемымъ Мюлголломъ, годовой доходъ на каждую душу равняется 273 р., для Франціи—233 р., для Германіи—184 р., для Австріи—127 р. Если принять, что годовой доходъ отъ сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи равнялся бы 12 милліардамъ, то ея цифра годового дохода на каждую душу поднялась бы до 160 р.

находилась подъ идейнымъ вліяніемъ Чернышевскаго. Эта организація опиралась на ожиданіе огромнаго крестьянскаго возстанія, которое могло вспыхнуть въ Россіи, по ея предположенію, подъ вліяніемъ сильнаго разочарованія въ реформѣ 1861 года. Такого рода разочарованіе, какъ извѣстно, дѣйствительно явилось почти повсемѣстно въ Россіи, вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста объ отмѣнѣ крѣпостного права и вызвало множество мѣстныхъ крестьянскихъ безпорядковъ, кончавшихся по болшей части полицейскими усмиреніями, часто сопровождавшихся присылкой солдатъ на постой, а иногда приводившихъ и къ усмиренію вооруженной силой.

Изъ болѣе крупныхъ безпорядковъ, вызванныхъ объявленіемъ воли, слѣдуетъ упомянуть прежде всего о происшедшемъ въ апрѣлѣ 1861 г. въ селѣ Бездна, казанской губ. Здѣсь волненіе захватило три смежныхъ уѣзда казанской губерніи: спасскій, чистопольскій и лаишевскій, оно было подготовлено слухами о томъ, будто бы объявленіе воли задерживалось помѣщиками. Вся мѣстность находилась болѣе мѣсяца въ напряженномъ состояніи; барщинныя повинности не исполнялись; во многихъ имѣніяхъ начались порубки лѣса. Когда, наконецъ, во второй половинѣ марта было получено „Положеніе", ему никто не повѣрилъ. На этой почвѣ получило рѣшающее значеніе полу-мистическое толкованіе мѣстнымъ раскольникомъ-начетчикомъ Антономъ Петровымъ нѣкоторыхъ словъ „Положенія", въ пользу „истинной воли". Къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ крестьянскіе ходоки съ просьбами показать имъ въ „Положеніи" „истинную волю". Когда пріѣхали арестовать Антона Петрова, сначала исправникъ, потомъ предводитель дворянства и, наконецъ, присланный изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Апраксинъ, то защищать его собралось въ село Бездну болѣе 10.000 человѣкъ, при чемъ многіе пріѣхали за 100 и болѣе верстъ. Собравшіеся, впрочемъ, не думали оказывать сопротивленія Апраксину и встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью, какъ царскаго посланника. Три залпа они выдержали не дрогнувъ и только закрывали лица рукавицами. Они думали почему-то, что больше трехъ залповъ не будетъ. Но когда стали еще стрѣлять, они въ ужасѣ разбѣжались. Мертвыхъ никто не считалъ. Апраксинъ написалъ въ своемъ рапортѣ, что было убито 51 человѣкъ и ранено 77; но очевидцы опровергаютъ эти цифры. По свѣдѣніямъ, собраннымъ впослѣдствіи на мѣстѣ мировымъ посредникомъ Н. А. Крыловымъ, число убитыхъ было не менѣе 100 человѣкъ. Послѣ этого волненіе все еще не успокаивалось въ теченіе всѣхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Лѣтомъ въ г. Спасскѣ стоялъ въ сборѣ батальонъ, а другой батальонъ былъ разсыпанъ по крупнымъ имѣніямъ [1]).

Такого же рода кровавыя усмиренія произошли въ пензенской губ., гдѣ въ селѣ Черногаѣ было убито трое крестьянъ и ранено 18 (10 апр. 1861 г.), а въ дер. Кандѣев-

[1]) О безднинскомъ дѣлѣ см. подробнѣе статью И. Игнатовичъ, *Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1856 по 1863 г.*, „Минувшіе годы", августъ 1908 г.

кѣ убито 8 человѣкъ и ранено 27 (18 апр. 1861 г.); кромѣ того, 26 человѣкъ, послѣ наказанія кнутомъ, были сосланы въ каторжныя работы и 78 человѣкъ сосланы на поселеніе [1]).

Всѣхъ крестьянскихъ безпорядковъ и недоразумѣній насчитывается за первые два года послѣ отмѣны крѣпостного права 1100 случаевъ [2]).

„Крестьяне не берутъ уставныхъ грамотъ и настоятельно требуютъ сиротскаго надѣла,—писалъ князю Черкасскому Юрій Самаринъ изъ самарской губерніи.—Въ трехъ имѣніяхъ жандармскій офицеръ съ четырьмя рядовыми возстановилъ порядокъ сѣченіемъ; въ четвертое губернаторъ послалъ роту солдатъ" [3]).

„Крестьяне не идутъ на новый оброкъ, ибо опасаются принять на себя обязанности, которыхъ имъ, быть можетъ, не придется нести,—писалъ Кошелевъ князю Черкасскому изъ рязанской губерніи.—„Нѣтъ, малый, потерпимъ, а на оброкъ охотой не пойдемъ"—вотъ что говорятъ крестьяне" [4]).

„Нѣжинскіе крестьяне въ четырехъ селахъ, въ числѣ трехъ тысячъ душъ, — писалъ помѣщикъ Галаганъ,—объявили, что они считаютъ землю своей собственностью и ни за что не будутъ за нее работать" [5]).

И такъ было по всей Россіи. Повсюду освобожденные крестьяне не признавали объявленный манифестъ за настоящій и ждали отъ царя другой воли. Повсюду разсылались солдаты и шли усмиренія. „Въ рѣдкую поѣздку куда бы то ни было,—пишетъ объ этомъ времени одинъ изъ очевидцевъ,—не встрѣтишь бывало по дорогамъ солдатъ, двигающихся на усмиреніе. Страхъ въ народѣ распространился неимовѣрный" [1]).

Но какъ ни было велико разочарованіе трудового крестьянства, какъ ни было велико число отдѣльныхъ крестьянскихъ безпорядковъ, они не оправдали надеждъ русскихъ революціонеровъ 60-хъ годовъ. Всѣ эти безпорядки совсѣмъ не носили политическаго характера. Это были „бунты на колѣняхъ". Сознаніе трудового крестьянства еще не было затронуто никакимъ идейнымъ вліяніемъ. Въ немъ жила слѣпая вѣра въ авторитетъ монархическаго государства. Объ эту вѣру безпомощно разбилось все его недовольство. Реформа 1861 года вошла въ силу при условіяхъ значительной паники, вызванной въ крестьянствѣ повсемѣстными усмиреніями, т.-е. при условіяхъ, еще болѣе благопріятствовавшихъ помѣщичьимъ интересамъ, и стала производить свое дѣйствіе. Начался постепенный подрывъ производительныхъ силъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства; рабочій скотъ распродавался, распашки должны были все болѣе и болѣе расширяться на счетъ сѣнокосной и пастбищной площади. Зимою 1867—68 года уже обнаружился

1) „Историч. Вѣстникъ", 1881 г. № 12; „Русская старина", 1885 г. № 4.

2) Джаншіевъ, *Изъ эпохи великихъ реформъ*, стр. 83 (изд. 1894 г.).

3) „Матеріалы для біографіи кн. В. Черкасскаго", т. I, кн. 2. Приложеніе стр. 191.

4) *Ibid.*

5) „Матеріалы для біографіи кн. В. Черкасскаго", т. I, кн. 2. Приложеніе стр. 89.

1) Демертъ, *Новая Воля*, „Отеч. Записки", 1869 г., стр. 35.

голодъ въ рязанской, тульской, орловской, костромской, псковской и новгородской губерніяхъ; въ 1873 году вспыхнулъ страшный самарскій голодъ, захватившій частью уфимскую, оренбургскую, саратовскую и казанскую губерніи. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось письмо Л. Н. Толстого: „Нынѣшній годъ долженъ довести до нужды прежде бывшихъ богатыми крестьянъ и до нищеты и голода $^9/_{10}$ всего населенія“, писалъ онъ. Между тѣмъ, еще въ 1872 году правительство должно было выдать самарскому земству въ ссуду 600.000 р. изъ продовольственнаго капитала; неурожаи длились тамъ уже третій годъ; при этомъ чрезвычайное бузулукское уѣздное земское собраніе, состоявшееся въ концѣ августа 1873 г., испрашивало у правительства по телеграфу распоряженія „о прекращеніи продажи крестьянскаго скота за недоимки“. Все это хорошо рисуетъ намъ и экономическую политику правительства и причины голода.

Объективно положеніе русскаго трудоваго крестьянства уже и тогда стало невыносимымъ. На этой крайней тяжести экономическаго положенія была построена программа „хожденія въ народъ“. Бѣдственное существованіе и наличность общинныхъ традицій въ жизни трудового крестьянства вызывали надежды на возможность въ немъ самопроизвольнаго массоваго движенія соціальнаго характера, подъ вліяніемъ перваго же революціоннаго призыва: „Идите во всѣ концы Россіи, идите въ города и села, на фабрики и на посидѣлки“...—писало „Впередъ“ въ 1874 г.: — „Идите и разсказывайте, не преувеличивая, не украшая... Того, что есть, достаточно: оно говоритъ само за себя... Бросайте сѣмя: оно созрѣетъ. Придетъ спасеніе, придетъ воздаяніе“.

Но и эта попытка 1874 года осталась безъ всякихъ внѣшнихъ результатовъ. Она только бросила первыя сѣмена, создала нѣсколько десятковъ первыхъ піонеровъ сознательнаго крестьянства, затерявшихся въ массахъ. Крестьянскія массы переживали начавшійся процессъ своего экономическаго разрушенія съ сознаніемъ своего полнаго безсилія. Этотъ процессъ происходилъ, какъ мы видѣли, на почвѣ общей государственной политики, и только на этой политической почвѣ возможно было бы оказать ему противодѣйствіе. Но почва общей государственной политики была еще совершенно недоступна для массъ трудового крестьянства, такъ какъ въ сознаніи этихъ массъ все еще господствовала непоколебимая вѣра въ авторитетъ автократическаго государства. Это обстоятельство имѣло рѣшающее значеніе, такъ какъ имъ опредѣлялась исходная точка ихъ общественнаго міросозерцанія. Это міросозерцаніе должно было замкнуться въ сравнительно узкую сферу вопросовъ личной морали и общинныхъ распорядковъ. Вся ихъ неудовлетворенность всѣ ихъ исканія правды и справедливости могли проявляться пока лишь старымъ путемъ, въ формѣ возникновенія новыхъ религіозныхъ сектъ раціоналистическаго характера [1]). Въ 1864 году уже появились

[1]) Подробнѣе см. выше, т. V, гл. VI, стр. 280.

первые признаки нарождавшагося штундизма [1]). Несмотря на свое нѣмецкое названіе, это религіозное ученіе несомнѣнно получило столь быстрое и широкое распространеніе только потому, что оно служило какъ бы продолженіемъ или, какъ выражается П. Н. Милюковъ [2]), „обновленіемъ ученій раньше существовавшихъ сектъ евангельскаго направленія" (молокане и духоборы). Какъ было отмѣчено [3]), ученіе штундизма обнаружилось прежде всего въ херсонской губ. На судѣ одинъ изъ проповѣдниковъ новаго ученія объяснилъ, что „не намѣревался основать какую-либо секту, но что это вышло случайно: на одномъ сборищѣ рѣчь зашла о духовной жизни, а присутствующій тутъ же священникъ ничего не могъ объяснить на предложенные вопросы. Тогда,—продолжалъ онъ,—возгорѣлось у меня желаніе собственнымъ умомъ понять слово Божіе и растолковать его другимъ. Охотниковъ слушать меня явилось множество; всѣ шли добровольно и всѣхъ училъ я, какъ самъ понималъ" [4]).

Ученіе штундизма скоро охватило всю херсонскую губернію, затѣмъ распространилось по кіевской, подольской и волынской, захватило нѣкоторыя части, екатеринославской, харьковской и полтавской губерній, а къ началу 80-хъ годовъ стало появляться въ могилевской и черниговской губерніяхъ и даже попало въ Петербургъ [1]). Къ 1891 году это ученіе, по свѣдѣніямъ миссіонерскаго съѣзда, было распространено болѣе чѣмъ въ 30-ти губерніяхъ. Хотя оно не было на первыхъ же шагахъ причислено офиціально къ „особо вреднымъ" сектамъ, но съ его приверженцами поступали согласно „административному усмотрѣнію". Всѣхъ выдающихся пропагандистовъ новаго ученія сажали въ тюрьмы, отправляли на увѣщаніе въ монастыри или отдавали подъ строгій надзоръ, съ воспрещеніемъ выѣзда далѣе 30-ти верстъ съ мѣста жительства. Значительное число сектантовъ долго засиживалось по тюрьмамъ и по монастырямъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, изъ шести штундистовъ, подвергнутыхъ предварительному заключенію, только двое вышли послѣ суда на свободу, остальные померли въ острогѣ [2]). Одинъ изъ вожаковъ штундизма, Вовкажъ, былъ привлеченъ къ уголовному обвиненію въ кощунствѣ и распространеніи лжеученія въ 1872 г., а судъ надъ нимъ происходилъ въ 1876 г.; слѣдствіе тянулось три года [3]). Въ 1878 году, въ одесскомъ окружномъ судѣ разбирался большой процессъ о штундистахъ, причемъ въ числѣ обвиняемыхъ были самые видные руководители новаго ученія; присяжные, хотя всѣ они были выбраны исключительно изъ православныхъ, вынесли оправдательный приговоръ, потому что на судѣ были обнаружены, со всѣми подробностями, тем-

---

1) Е. Р., *Русскіе раціоналисты*, „Вѣстникъ Европы", 1881, № 7.

2) „Очерки по исторіи русской культуры", часть вторая.

3) Т. V, стр. 262.

4) Е. Р., *Русскіе раціоналисты*, „Вѣстникъ Европы", 1881 г., № 7, стр. 304.

1) *Ibid.*

2) *Ibid.*, стр 316.

3) „Отеч. записки", 1878 г., № 5.

ныя стороны предварительной административной расправы съ сектантами [1]).

Исторія религіозныхъ ученій раціоналистическаго характера, распространявшихся среди русскаго крестьянства, — обширная и мало разработанная тема, особенно со стороны значенія этого явленія, какъ показателя интенсивной духовной и умственной жизни въ массахъ трудового крестьянства. У насъ нѣтъ даже точныхъ данныхъ о степени распространенности религіозныхъ ученій раціоналистическаго характера въ Россіи, о числѣ захваченныхъ имъ лицъ, такъ какъ офиціальныя свѣдѣнія опредѣляютъ это число для 1893 года менѣе чѣмъ въ 200.000, а неофиціальныя свѣдѣнія — въ 2 милліона. Но—что еще важнѣе—для насъ остаются совершенно почти безвѣстными всѣ эти проповѣдники новыхъ ученій за послѣднее полустолѣтіе—ученій, шедшихъ въ полный разрѣзъ съ окружающею ихъ рутиною. Между тѣмъ, сколько лицъ, прямо выдающихся по своимъ умственнымъ силамъ, должна была выдвинуть при этомъ эта, повидимому, однообразная, сѣрая, сермяжная масса, влачащая ничѣмъ неотмѣченное для насъ существованіе, кажущееся лишеннымъ малѣйшаго проблеска умственнаго интереса? Кто набросаетъ хоть сколько-нибудь полную картину той необычайной душевной стойкости, которая была проявлена въ этомъ движеніи тысячами безымянныхъ героевъ, погибшихъ на своемъ посту или перенесшихъ неописуемыя муки во имя истины, какъ они понимали ее? И такая стойкость была проявлена на почвѣ высшаго духовнаго интереса, внѣ прямой зависимости отъ окружающихъ матеріальныхъ заботъ, и не только исключительно-одаренными людьми, но также и массами зауряднаго русскаго крестьянства. Фактъ широкаго распространенія въ этихъ массахъ идей, далеко выходящихъ за предѣлы чисто-формальной, обрядовой религіи, не подлежитъ сомнѣнію и долженъ быть принятъ во вниманіе при подведеніи общаго итога.

Что касается отношенія сектантовъ раціоналистическаго направленія или „духовныхъ христіанъ", какъ они часто называютъ себя, къ соціалистическому теченію, то нѣкоторое указаніе на это могутъ дать тѣ отвѣты, которые были получены на обращенное къ нимъ открытое письмо представителей ученія „о непротивленіи", подписанное именами И. Трегубова и А. и В. Чертковыхъ. Это открытое письмо было напечатано въ „Свободномъ Словѣ", издававшемся въ Лондонѣ, въ сентябрѣ 1902 г. Въ числѣ тѣхъ вопросовъ, на которые обращавшіеся просили отвѣта, находился, между прочимъ, такой: „Хорошо или дурно бунтовать противъ притѣснителей, грабить и убивать правителей? И почему?" И вотъ на этотъ вопросъ былъ полученъ отъ одной группы сектантовъ, за подписью десяти человѣкъ, слѣдующій отвѣтъ [1]):

---

[1]) *Русскіе раціоналисты*, стр. 316—317; „Дѣло", 1878 г., № 5.

[1]) Этотъ отвѣтъ былъ напечатанъ въ „Народныхъ листкахъ", издававшихся Д. Хилковымъ.

„Въ первомъ вопросѣ вы очевидно ошибочно поставили слово „бунтовать“ (противъ притѣснителей) вмѣсто слова „возмущаться“; а потому мы принуждены отвѣтить на вашъ первый вопросъ такъ: бунтовать всегда дурно, но возмущаться противъ притѣснителей всегда хорошо, и тѣмъ болѣе хорошо, чѣмъ самоотверженнѣй и любовнѣй *къ притѣсненнымъ* будетъ способъ возмущенія“.

II.

Со второй половины XIX вѣка, послѣ отмѣны крѣпостного права, крестьянскія массы, хотя неособенно быстро и не въ особенно большихъ размѣрахъ, но все-таки стали выдѣлять изъ своей среды все болѣе и болѣе членовъ семей становившихся въ ряды городского пролетаріата. Въ 1854 г. число рабочихъ въ Европейской Россіи (за исключеніемъ горнаго производства) равнялось 460.000 человѣкъ, а въ 1881 г.— 771.000[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ стала все болѣе и болѣе развиваться крупная фабричная промышленность со всѣми своими послѣдствіями соціальнаго характера. Какъ болѣе доступная къ сближенію, среда фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ ранѣе всего обратила на себя вниманіе піонеровъ русскаго соціализма. Извѣстно, что первые кружки изъ представителей рабочаго класса, затронутыхъ соціалистической пропагандой, возникли, въ началѣ 70-хъ годовъ, именно въ большихъ городахъ. Но хотя городское рабочее движеніе, проявившееся въ этихъ первоначальныхъ зачаткахъ, никогда уже не прекращалось до сихъ поръ, главная струя развивавшагося соціалистическаго теченія была направлена тогда въ другую сторону. Въ силу общаго характера этого движенія, разсчитывавшаго, какъ мы уже видѣли, на самопроизвольную, стихійную волну крестьянскихъ возстаній, оно не могло долго удержаться въ городахъ. Начавшись въ 1871 и 1872 гг. въ Петербургѣ и Одессѣ, оно къ лѣту 1874 г. уже разсыпалось по деревнямъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми захваченными имъ городскими рабочими. Слѣдующимъ фазисомъ этого движенія, въ 1876—78 годахъ, послѣ выяснившейся невозможности ждать непосредственнаго взрыва массовыхъ крестьянскихъ волненій, была, какъ извѣстно, выработка обширнаго организованнаго плана революціонныхъ колоній или „поселеній“. Хотя центромъ землевольческой организаціи оставался Петербургъ, въ которомъ не прекращалось сближеніе съ фабричными и заводскими рабочими, главное вниманіе организаціи было сосредоточено все-таки на деревенской работѣ, съ цѣлью болѣе или менѣе продолжительнаго и систематическаго воздѣйствія на крестьянскую среду, на почвѣ ея ближайшихъ жизненныхъ интересовъ. Эта попытка также не повела ни къ какимъ видимымъ результатамъ и снова послужила лишь задачѣ медленнаго проникновенія въ трудовую крестьянскую массу эле-

[1]) „Россія“, отдѣльное изданіе „Энциклопед. Словаря“.

ментовъ соціалистическаго міросозерцанія и зарожденія въ ней единичныхъ представителей этого міросозерцанія.

Затѣмъ, уже въ половинѣ 1879 г., въ силу главнымъ образомъ непреодолимыхъ внѣшнихъ препятствій, не позволявшихъ землевольческимъ поселеніямъ сколько-нибудь укрѣпиться на мѣстахъ и продержаться тамъ сколько-нибудь продолжительное время, произошелъ, какъ извѣстно, замѣтный поворотъ въ общей постановкѣ соціалистическихъ задачъ въ Россіи. Центръ движенія былъ перенесенъ въ города; деревня была при этомъ на долгое время предоставлена самой себѣ, и вся организованная соціалистическая пропаганда была направлена почти исключительно на городскія рабочія массы.

Но и тамъ она долго еще не давала видимыхъ массовыхъ результатовъ; въ теченіе всѣхъ восьмидесятыхъ и первой половины девяностыхъ годовъ пропаганда среди городскихъ рабочихъ носила исключительно кружковый характеръ. Хотя отдѣльные сознательные рабочіе, уже въ періодъ „Земли и Воли“ 70-хъ годовъ, играли иногда болѣе или менѣе выдающуюся роль при массовыхъ рабочихъ движеніяхъ, какъ, напр., во время стачекъ на Новой бумагопрядильнѣ и на патронномъ заводѣ въ Петербургѣ въ 1878 г., но эти отдѣльные сознательные рабочіе не являлись представителями массоваго рабочаго движенія; рабочія массы смотрѣли тогда на нихъ, какъ на людей, чуждыхъ себѣ и называли ихъ часто „студентами“. „Теперь уже трудно встрѣтить такую фабрику или заводъ, или даже сколько-нибудь значительную мастерскую,—читаемъ мы въ передовой статьѣ „Земли и Воли“ за 1879 годъ [1]),—гдѣ нельзя было бы найти рабочихъ-соціалистовъ. Но какъ ни отрадны подобныя явленія, они, однако, лишаются огромной доли своего значенія, когда мы начинаемъ ближе присматриваться къ положенію этихъ спропагандированныхъ рабочихъ въ средѣ ихъ товарищей... До послѣдняго времени рабочіе-соціалисты были разбиты на мелкіе кружки, задававшіеся почти исключительно цѣлями самообразованія, имѣвшіе иногда кассы, библіотеки и въ практической дѣятельности не шедшіе дальше пропаганды. Рабочая масса относилась къ рабочимъ-соціалистамъ, какъ къ чему то чуждому, относилась часто насмѣшливо, иногда даже враждебно, и это — фактъ такого рода, въ которомъ, къ прискорбію, не можетъ не сознаться всякій, знакомый съ дѣломъ“. Сѣверный Рабочій Союзъ, возникшій въ Петербургѣ въ декабрѣ 1878 г. подъ вліяніемъ рабочихъ Обнорскаго и Халтурина, не былъ массовой организаціей; онъ состоялъ изъ сотни съ небольшимъ сознательныхъ рабочихъ, разсыпанныхъ по разнымъ фабрикамъ и заводамъ; это была конспиративная организація. Весною 1879 года около 60 человѣкъ этой организаціи были сразу арестованы, и союзъ распался.

Время для массоваго соціалистическаго движенія еще не пришло тогда въ Россіи какъ для деревен-

[1]) Статья эта была написана Плехановымъ (см. О. В. Аптекманъ, „Земля и Воля 70-хъ годовъ“, стр. 156).

скихъ, такъ и для рабочихъ массъ. Надо замѣтить, что, несмотря на свою большую воспріимчивость къ соціалистической пропагандѣ вслѣдствіе условій городской и фабричной жизни, городской пролетаріатъ самъ по себѣ далеко еще не представляетъ готоваго контингента для вступленія въ ряды соціалистическихъ партій; его классовое самосознаніе развивается лишь съ большимъ трудомъ, подъ вліяніемъ жизненныхъ и идейныхъ воздѣйствій, и вначалѣ очень медленно. Вотъ почему Марксъ говоритъ въ „Нищетѣ философіи" объ „организаціи пролетаріата въ классъ", какъ о такомъ процессѣ, когда рабочія массы, составлявшія до того лишь матеріалъ для рабочаго класса, лишь рабочій классъ an sich, превращаются въ рабочій классъ für sich.

Если мы возьмемъ для примѣра Францію, то увидимъ, что даже до настоящаго времени сравнительно лишь очень ничтожная часть ея городского пролетаріата стоитъ въ рядахъ соціалистическихъ и даже просто классовыхъ синдикальныхъ организацій. Изъ всего контингента рабочихъ, занятыхъ во Франціи въ текстильной промышленности (около 900.000 человѣкъ), сгруппированныхъ въ профессіональные синдикаты, по офиціальнымъ даннымъ Annuaire statistique за 1905 годъ, состояло лишь около 80.000 человѣкъ; но и эту цифру надо считать далеко не соотвѣтствующею дѣйствительности, такъ какъ сюда включены безъ разбору всѣ текстильные синдикаты: и желтые, и клерикальные, и чисто-фиктивные, числящіеся лишь на бумагѣ; если же сосчитать только рабочихъ, вошедшихъ въ составъ дѣйствительно классовой организаціи Генеральной Конфедераціи Труда, то таковыхъ оказывается всего лишь 26.000 человѣкъ, т.-е. менѣе 3% всего числа текстильныхъ рабочихъ. Число же текстильныхъ рабочихъ, вошедшихъ въ составъ французской соціалистической партіи, еще гораздо меньше того: объ этомъ можно судить по тому факту, что въ четырехъ главныхъ департаментахъ текстильной промышленности, Сѣверномъ, Ронскомъ, Вогезскомъ и Нижней Сены, всѣхъ рабочихъ этой профессіи имѣется 368.000 человѣкъ; между тѣмъ, число *всѣхъ* членовъ соціалистической партіи въ этихъ четырехъ департаментахъ доходитъ только до 13.000 человѣкъ (10.250 въ Сѣверномъ департаментѣ, 857 — въ Ронскомъ, 500 — въ Вогезскомъ и 1300 въ департаментѣ Нижней Сены). Изъ другихъ крупныхъ отраслей французской промышленности, металлургія насчитываетъ 585.000 рабочихъ; изъ нихъ офиціальная цифра вошедшихъ въ синдикаты показана, за 1905 г., въ 90.000 рабочихъ, число же рабочихъ, входящихъ въ составъ классовыхъ металлургическихъ синдикальныхъ организацій, не болѣе 30.000 человѣкъ [1]). Горно-рабочихъ насчитывается во Франціи около 190.000 человѣкъ; изъ нихъ къ профессіональнымъ классовымъ организаціямъ примыкаетъ лишь около

---

[1]) Такихъ классовыхъ синдикальныхъ металлургическихъ организацій четыре: Fédération dés mouleurs имѣетъ 6000 человѣкъ, Fédération des mécanitiens—5000, Fédération des maréchaux — около 5000 и l'Union fédérale de la Metallurgie—14000.

35.000 человѣкъ. Соціалистическая организація департамента Pas-de-Calais, этого центра угольной промышленности, насчитываетъ всего лишь 2.300 всѣхъ своихъ членовъ [1]).

Таковы цифры, показывающія крайне медленный ростъ классовой сознательности среди французскаго городского пролетаріата. Если это объясняется тѣми или другими особенностями французской общественной жизни, то отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что, сама по себѣ, концентрація производства въ большихъ промышленныхъ центрахъ, сопровождающаяся скопленіемъ рабочихъ массъ, и та видимая простота и наглядность, съ какими обнаруживается на фабрикѣ или на заводѣ противоположность интересовъ, отдѣляющая пролетарія отъ капиталиста, еще не составляютъ всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для превращенія неорганизованныхъ и внутренно несплоченныхъ рабочихъ массъ въ организованный и сознающій свои общественныя задачи рабочій классъ.

Мы считали необходимымъ указать на эту лишь относительно большую воспріимчивость промышленнаго пролетаріата къ усвоенію сознательнаго взгляда на свои общественныя задачи—усвоенію, требующему, помимо чисто-экономическихъ условій, продолжительнаго и упорнаго идейнаго воздѣйствія, — какъ на одну изъ очень существенныхъ объективныхъ данныхъ, на которыя опирается такъ называемое народническое теченіе въ русскомъ соціализмѣ въ своихъ общихъ программныхъ построеніяхъ.

III.

Еще медленнѣе должна была идти внутренняя работа развитія общественной сознательности среди массъ русскаго трудового крестьянства, благодаря долговременному и почти полному перерыву въ идейномъ вліяніи на него со стороны соціалистическихъ партій. Это идейное вліяніе и ранѣе проникало лишь въ слишкомъ слабыхъ дозахъ въ огромную многомилліонную трудовую крестьянскую массу, но съ конца 70-хъ годовъ оно, какъ мы видѣли, прекратилось почти совершенно. Въ деревняхъ оставались тогда лишь въ немногихъ мѣстахъ одиночки-пропагандисты, которые устраивались тамъ окончательно, иногда женившись на крестьянкахъ и ведя крестьянское хозяйство, иногда въ качествѣ врачей или мелкихъ помѣщиковъ. Такого рода убѣжденные и упорные люди вели свою медленную работу по цѣлымъ годамъ; подъ ихъ вліяніемъ вырабатывались отдѣльные сознательные крестьяне, подъ ихъ вліяніемъ создавалась болѣе благопріятная почва для позднѣйшей пропаганды; но это были совершенно исключительные случаи [1]); въ общемъ же трудовая кре-

[1]) Всѣ эти цифры доставлены намъ Е. Сталинскимъ, специально занятымъ изученіемъ французскаго рабочаго движенія.

[1]) Объ одномъ изъ такихъ случаевъ въ саратовской губ. разсказывалъ И. Майновъ въ своихъ воспоминаніяхъ о жизни саратовскихъ кружковъ въ № 4 заграни-

стьянская масса была предоставлена на долгое время самой себѣ, стихійному вліянію окружающихъ ее экономическихъ и политическихъ условій. Вліяніе, идущее со стороны, изъ другой общественной среды, обнаруживалось развѣ только въ культурной сферѣ, въ формѣ распространенія грамотности и нѣкоторой дозы просвѣщенія путемъ земскихъ и частныхъ школъ съ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ учительскимъ персоналомъ.

Въ сферѣ экономическихъ условій, на почвѣ возраставшей земельной нужды, трудовая крестьянская масса, предоставленная самой себѣ, медленно вырабатывала нѣкоторыя формы землевладѣнія, соотвѣтствовавшія ея классовому положенію. Реформой 1861 года она была поставлена, по своимъ интересамъ, въ рѣзкое противорѣчіе ко всѣмъ имущимъ -классамъ. Это было особое, *податное* сословіе; вся его жизненная задача сводилась къ труду и платежамъ. Чиновникъ, помѣщикъ, купецъ видѣли въ немъ какъ бы прирожденный источникъ своихъ доходовъ; оно само рѣзко отдѣляло себя отъ остальныхъ слоевъ общества: между „бариномъ“ и „мужикомъ“ лежала въ его глазахъ непереходимая грань. Это неизбѣжно создавало особую трудовую, мужицкую психологію; это неизбѣжно объединяло и связывало между собою трудовое крестьянство, которое, въ сферѣ своихъ самыхъ насущныхъ жизненныхъ интересовъ, на каждомъ шагу противопоставляло себя всѣмъ остальнымъ не трудящимся и не нуждающимся классамъ. Ту роль, какую играла для городского рабочаго фабрика, играла для каждаго деревенскаго работника вся обстановка его трудовой жизни. Реформа 1861 года не сдѣлала его собственникомъ, который получалъ бы доходъ отъ своей земли и вслѣдствіе этого привязывался бы къ своему участку земли всей своей душой. Это была фиктивная собственность, извѣстная форма эксплоатаціи его труда; во многихъ мѣстахъ въ теченіе первыхъ 10-ти или 15-ти лѣтъ послѣ реформы онъ даже „отпихивался“ отъ своего надѣла; распредѣленіе общинной земли сводилось въ такихъ случаяхъ къ уравнительному распредѣленію податной тяжести. Но даже и впослѣдствіи, когда вслѣдствіе повышенія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, надѣлъ - „разоритель“ сдѣлался на-

наго „Былого“ 1903 г.: „Нѣкто—назовемъ его хоть Боголюбовымъ—прослуживъ нѣсколько лѣтъ волостнымъ писаремъ въ одномъ большомъ селѣ, женился на крестьянкѣ, приписался и самъ въ крестьяне и занялся земледѣліемъ на крестьянскій ладъ. Чрезвычайно осторожный въ своей дѣятельности, онъ уцѣлѣлъ, несмотря на частые обыски и всевозможныя каверзы со стороны мѣстныхъ кулаковъ и уѣздной администраціи. Личными качествами и культурнымъ вліяніемъ на крестьянскій обиходъ, а всего болѣе чрезвычайно стойкой и умѣлой защитой деревенскихъ интересовъ противъ всѣхъ безчисленныхъ враговъ и супостатовъ деревенскаго міра, Боголюбовъ пріобрѣлъ огромный авторитетъ въ населеніи огромнаго раіона...“— Изъ другихъ этого рода дѣятелей слѣдуетъ упомянуть о Константинѣ Феофилактовичѣ Агринскомъ, умершемъ на своемъ хуторѣ около Аткарска въ 1903 г., а также объ Андреѣ Петровичѣ Цезаревѣ, служившемъ сначала учителемъ, а затѣмъ сельскимъ писаремъ въ аткарскомъ же уѣздѣ.

дѣломъ - „кормителемъ", это былъ все-таки только *кормитель*, обезпечивавшій для огромнаго большинства лишь самую минимальную заработную плату и не приносившій никакого дохода.

Сообразно такому общему характеру своего экономическаго положенія, трудовое крестьянство не было въ состояніи выработать въ себѣ болѣе или менѣе замѣтной привязанности къ земельной собственности; съ цѣлью насажденія въ немъ этой привязанности, правительство должно было въ послѣднее время прибѣгнуть, какъ извѣстно, къ совершенно экстреннымъ мѣрамъ. Какія же, если не собственническія, то другія формы землевладѣнія вырабатывались за разсматриваемый періодъ въ средѣ нашего трудового крестьянства?

Извѣстно, что все крестьянское землевладѣніе распадается въ Россіи на общинное и подворное. По даннымъ центральнаго статистическаго комитета за 1887 г. въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, изъ 142 милліоновъ десятинъ надѣльной земли 80% находилось въ общинномъ владѣніи и 20% въ подворномъ, при чемъ 75% крестьянскаго населенія принадлежало къ общинникамъ и только 25% къ подворнымъ владѣльцамъ. Къ подворнымъ владѣльцамъ принадлежитъ большинство крестьянъ полтавской, кіевской, волынской, подольской, витебской и минской губерній и все крестьянство литовскихъ и прибалтійскихъ губерній. Въ остальной Россіи господствуетъ общинное землевладѣніе. Въ сферѣ этого общиннаго землевладѣнія и вырабатывались тѣ новыя его формы, которыя служатъ прямымъ указаніемъ на присутствіе и развитіе въ міросозерцаніи трудового крестьянства элементовъ, соотвѣтствующихъ его классовому положенію.

Относительно различныхъ формъ общиннаго землевладѣнія, имѣющихъ мѣсто въ Европейской Россіи, а также происходившихъ въ немъ перемѣнъ, собранъ очень большой статистическій матеріалъ. Онъ собранъ тридцатилѣтними работами земскихъ статистиковъ. Тѣ цифровые выводы по этому чрезвычайно важному вопросу, съ которыми мы должны познакомить читателей, сдѣланы были извѣстнымъ изслѣдователемъ общиннаго землевладѣнія К. Качоровскимъ. Въ его рукахъ были собраны данныя по 35 губерніямъ [1]); изъ общаго числа 358 уѣздовъ этихъ губерній свѣдѣнія были собраны по 191 уѣзду, т.-е. слишкомъ по половинѣ всѣхъ уѣздовъ. Въ этихъ 191 уѣздахъ у К. Качоровскаго имѣлись въ рукахъ точныя данныя о 73.811 общинахъ, въ которыхъ живетъ 3.582.780 крестьянскихъ семей или около 22 милл. душъ, владѣющихъ 38.611.000 десятинъ общинной земли [2]).

[1]) олонецкой, вятской, вологодской, пермской, новгородской, ярославской, костромской, нижегородской, уфимской, самарской, московской, владимірской, тверской, рязанской, тамбовской, казанской, симбирской, пензенской, саратовской, воронежской, курской, полтавской, тульской, орловской, харьковской, екатеринославской, херсонской, таврической, астраханской, калужской, смоленской, черниговской, псковской, петербургской, витебской.

[2]) Выводы эти опубликованы въ недавно вышедшей работѣ П. Вельяминова „Кре-

Выводы эти касаются прежде всего современнаго положенія общиннаго землевладѣнія. Изъ всѣхъ 73.811 общинъ, подвергшихся обслѣдованію, 42.415 состоятъ изъ бывш. помѣщичьихъ крестьянъ, 24.750—изъ б. государственныхъ и 6.646—изъ б. удѣльныхъ, монастырскихъ и друг. разрядовъ. Для большей простоты изложенія мы будемъ приводить здѣсь лишь цифры, касающіяся первыхъ двухъ большихъ разрядовъ крестьянъ, т.-е. б. помѣщичьихъ и б. государственныхъ.

На каждыя 100 общинъ у б. помѣщичьихъ приходится такихъ, гдѣ земля, разверстанная по ревизскимъ душамъ еще при отмѣнѣ крѣпостного права, переходила съ тѣхъ поръ по наслѣдству, не подвергаясь никакимъ передѣламъ, или гдѣ бывали время отъ времени лишь частичные передѣлы—48 общинъ; у б. государственныхъ крестьянъ общинъ этой категоріи насчитывается лишь 17%.

Съ другой стороны, такихъ общинъ, гдѣ идутъ правильные передѣлы—или по наличнымъ душамъ мужского пола, или по рабочимъ силамъ семей, или по ѣдокамъ—оказывается у б. помѣщичьихъ крестьянъ 46%, а у б. государственныхъ—72%.

Наконецъ остается еще третья категорія общинъ, гдѣ пока еще имѣется незанятая земля, на которую и садятся новыя, прибылыя души, и гдѣ вслѣдствіе этого не бываетъ общихъ передѣловъ. Такія общины встрѣчаются въ олонецкой, вологодской, уфимской губерніяхъ, а также въ глухихъ, многоземельныхъ углахъ пермской, новгородской, ярославской, костромской, нижегородской и самарской губерній. Въ этой категоріи насчитывается у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 5% всѣхъ обслѣдованныхъ общинъ, а у бывшихъ государственныхъ крестьянъ—11%. Общины этого разряда примыкаютъ ко второй категоріи, такъ какъ общинное начало въ землевладѣніи не только не заглохло и не замерло въ нихъ, а, напротивъ того, находится въ періодѣ своего развитія; но во избѣжаніе какихъ-либо сомнѣній мы оставляемъ въ сторонѣ 5.370 изслѣдованныхъ общинъ этой категоріи и будемъ имѣть дѣло лишь съ общинами первой и второй категорій.

Итакъ, мы видимъ, что 46% общинъ б. помѣщичьихъ крестьянъ и 72% общинъ б. государстванныхъ, т.-е., счетомъ, 19.510 общинъ первыхъ и 17.820 вторыхъ или болѣе 55% всего числа—оказались съ правильными передѣлами.

Но приведенныя цифры еще не даютъ точнаго представленія о той сферѣ вліянія, на которую распространяется дѣйствіе уравнительнаго принципа въ русскомъ общинномъ землевладѣніи, такъ какъ онѣ говорятъ лишь о *числѣ* общинъ той и другой категоріи, но не указываютъ на цифру земледѣльческаго населенія, обнимаемаго этими категоріями общинъ. Между тѣмъ, оказывается, что бо́льшая или меньшая жизненность общинныхъ порядковъ землевладѣнія находится въ большой зависимости отъ бо́льшихъ или меньшихъ размѣровъ самой общины. Общины, въ которыхъ общин-

стьянская община“ (1908 г., изд. „Трудового Союза“), сдѣланной по матеріаламъ и подъ редакціей К. Качоровскаго.

73.811 общ

ряда

т.-е., счетом

прибыли

ные порядки землевладѣнія не только не развивались за весь разсматриваемый періодъ, но, напротивъ того, какъ бы падали и замирали, оказываются какъ разъ принадлежащими къ числу малолюдныхъ и малоземельныхъ—и наоборотъ.

Такимъ образомъ, если мы будемъ принимать во вниманіе не число общинъ, а *число семей*, принадлежащихъ къ той или другой категоріи общинъ, то мы увидимъ, что у б. помѣщичьихъ крестьянъ, изъ каждыхъ ста семей, 44 семьи принадлежали къ общинамъ безъ передѣловъ, и 52 семьи—къ общинамъ съ правильными уровнительными передѣлами (остальные 4% приходятся на общины третьей категоріи съ имѣющимися у нихъ еще незанятыми землями); но еще болѣе поразительна эта зависимость въ общинахъ б. государственныхъ крестьянъ: здѣсь изъ каждыхъ 100 семей на первую категорію общинъ приходилось лишь 9%, а на вторую категорію 86% (остальные 5% падаютъ на общины съ еще незанятыми цѣликомъ землями). Понятно, что такая прямяя связь между жизненностью общинныхъ порядковъ и населенностью общинъ должны въ значительной степени повысить вышеуказанные 55% въ смыслѣ еще гораздо большаго процента земледѣльческаго населенія, охватываемаго практикой правильныхъ передѣловъ.

По даннымъ изслѣдованія [1]) земледѣльческое населенія всѣхъ разсматриваемыхъ 73.811 общинъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ по различнымъ категоріямъ общинъ:

Общины совсѣмъ безъ передѣловъ .	13%
Общины лишь съ болѣе или менѣе слабыми признаками уравнительныхъ передѣловъ.	10%
Общины, еще имѣющія незанятыя земли.	6%
Общины съ прочно установившимися уравнительными передѣлами . .	71%

Что касается количества надѣльной земли, приходящейся на каждую изъ этихъ категорій общинъ, то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ слѣдующія цифры:

Общины 1-й категоріи владѣютъ 9% всей надѣльной земли.

Общины 2-й категоріи владѣютъ 8% всей надѣльной земли.

Общины 3-й категоріи владѣютъ 9% всей надѣльной земли.

Общины 4-й категоріи владѣютъ 74% всей надѣльной земли.

Но еще болѣе имѣетъ значенія вопросъ о тѣхъ *перемѣнахъ*, какія происходили въ разсматриваемый періодъ въ сферѣ русскаго общиннаго землевладѣнія, о томъ *направленіи*, въ которомъ происходило постепенное измѣненіе и развитіе его формъ.

Прежде всего надо замѣтить, что въ теченіе первыхъ 10 или 15 лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права и послѣдней ревизской переписи, бывшей въ 1858 году, ни бывшіе помѣщичьи, ни бывшіе государственные крестьяне въ большинствѣ случаевъ и не думали приступать ни къ какимъ передѣламъ. Среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ циркулировало тогда очень распространенное мнѣніе, что земля „дана царемъ ревизнымъ душамъ“, которыя и платятъ за нее выкупъ; а бывшіе

[1]) L. c., стр. 97—104.

государственные крестьяне все ждали слѣдующей ревизіи и безъ нея не рѣшались приступить къ передѣламъ; по старой привычкѣ они ожидали для этого формальнаго разрѣшенія начальства. Какъ бы то ни было, но остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что послѣ отмѣны крѣпостного права практика передѣловъ, въ теченіе извѣстнаго времени въ огромномъ большинствѣ общинъ, какъ бы совершенно замерла [1]), и уже то обстоятельство, что теперь мы видимъ среди значительнаго большинства общиннаго крестьянскаго населенія эту практику, напротивъ того, возстановившейся и правильно дѣйствующей, можетъ служить указаніемъ на то общее направленіе, какое восторжествовало въ концѣ-концовъ въ земельныхъ распорядкахъ общинныхъ крестьянъ.

Но еще яснѣе мы увидимъ это изъ болѣе детальныхъ данныхъ, собранныхъ по вопросу объ измѣненіи общинныхъ земельныхъ порядковъ въ довольно значительномъ количествѣ общинъ. Въ рукахъ К. Качоровскаго имѣлись по этому поводу свѣдѣнія, во-первыхъ, касавшіяся 66 уѣздовъ различныхъ губерній и 6.830 общинъ этихъ уѣздовъ (т.-е. почти $^1/_3$ всѣхъ ихъ общинъ) [2]). Здѣсь были собраны свѣдѣнія о земельныхъ распорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ 80-хъ годахъ, и затѣмъ свѣдѣнія объ этихъ распорядкахъ за періодъ времени съ 1897 по 1902 г. Кромѣ того, г. Качоровскій располагалъ полными свѣдѣніями о 2573 общинахъ саратовской губ., [1]) за періодъ времени отъ 70-хъ годовъ до конца 90-хъ; наконецъ, имѣлись еще свѣдѣнія о 3.590 общинахъ (т.-е. о $^2/_3$ всѣхъ общинъ) московской губ., за періодъ времени съ конца 70-хъ годовъ и до 1898 г., и свѣдѣнія о 873 общинахъ (16% всѣхъ общинъ) владимірской губ., за періодъ времени съ конца 70-хъ годовъ и до 1902 г. Такимъ образомъ были собраны сравнительныя данныя болѣе чѣмъ о 13.860 общинахъ разныхъ губерній. Посмотримъ теперь, что намъ говорятъ эти данныя.

Въ 66 обслѣдованныхъ уѣздахъ и 6.830 общинахъ разныхъ губерній, на каждыя 100 общинъ приходилось въ началѣ 80-хъ годовъ такихъ общинъ, гдѣ земля была разверстана по старымъ ревизскимъ душамъ и гдѣ или не было вовсе никакихъ передѣловъ, или же происходили лишь изрѣдка надѣленія малоземельныхъ семей выморочными и другими освобождавшимися надѣлами—65 общинъ; въ періодъ же вторичнаго статистическаго изслѣдованія, происходившаго между 1897 и 1902 годами, такихъ общинъ оказалось только 12%.

Далѣе: такихъ общинъ, гдѣ въ началѣ 80-хъ годовъ, земля хотя и была разверстана по старымъ ревизскимъ душамъ, но гдѣ все-таки часто про-

---

[1]) См. объ этомъ, между прочимъ, у Каблукова, въ книгѣ „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства", стр. 98, изд. 1899 г.

[2]) Изъ этихъ 66 уѣздовъ 4 принадлежатъ къ промышленнымъ губерніямъ, 16—къ губерніямъ западнаго района, 13—къ губерніямъ сѣвернаго района, 5—восточнаго района, 7—приволжскаго земледѣльческаго района, 16—центральнаго черноземнаго района и 5—южн. района.

[1]) Т.-е. почти о $^9/_{10}$ всѣхъ общинъ этой губерніи.

исходили частичные передѣлы, свалки и навалки надѣловъ, было тогда 9%, ко времени же вторичнаго статистическаго изслѣдованія такихъ общинъ оказалось лишь 2%.

Общинъ, гдѣ шли правильные общіе передѣлы по наличнымъ мужскимъ душамъ, было въ началѣ 80-хъ годовъ 11%, а между 1897 и 1902 гг.—59%.

Общинъ, гдѣ происходили общіе и частные передѣлы по рабочимъ силамъ семей, было въ первый періодъ 9%, а во второй періодъ—8%.

Наконецъ, общинъ, гдѣ шли правильные общіе и частичные передѣлы „по ѣдокамъ", при чемъ нерѣдко принимались въ соображеніе также и рабочія силы семей, было 20 или 25 лѣтъ тому назадъ 6%, а 5 или 10 лѣтъ тому назадъ 19%.

Чтобы лучше оцѣнить значеніе происшедшихъ здѣсь перемѣнъ, надо обратить вниманіе не только на сильное паденіе числа безпередѣльныхъ или малопередѣльныхъ общинъ, сократившихся съ 74% до 14%, но также и на очень важное движеніе въ сторону перехода отъ передѣловъ по старымъ ревизскимъ душамъ къ передѣламъ по наличнымъ мужскимъ душамъ или по рабочимъ силамъ семей, а главное по *ѣдокамъ*. Первою формою перехода отъ первоначальной разверстки земли по старымъ ревизскимъ душамъ бываютъ обыкновенно передѣлы ея по наличнымъ мужскимъ душамъ; но такая форма передѣла далеко не всегда соотвѣтствуетъ принципу справедливаго уравненія земли, такъ какъ, во-первыхъ, при этомъ остается безъ земли вся женская половина трудового крестьянства, а во-вторыхъ, часто оказываются обдѣленными тѣ семьи, въ которыхъ мало мальчиковъ и вообще мало мужскихъ душъ, по сравненію съ семьями, гдѣ много дѣтей мужского пола, хотя бы и малолѣтнихъ. Тогда въ общинѣ начинается борьба за болѣе уравнительную разверстку. Такая борьба приводитъ къ тому, что въ общинахъ съ передѣломъ по наличнымъ мужскимъ душамъ, или совсѣмъ перестаютъ давать надѣлы малолѣтнимъ дѣтямъ, или же нарѣзаютъ имъ лишь по четвертой части или по половинѣ надѣла, принимая, слѣдовательно, въ соображеніе дѣйствительныя потребности семьи въ землѣ, какъ въ средствѣ производства, руководствуясь при передѣлахъ не столько числомъ наличныхъ мужскихъ душъ, сколько числомъ наличныхъ *работниковъ*; такимъ образомъ, создается форма передѣловъ по рабочимъ силамъ семей. Съ другой же стороны, въ общинахъ съ разверсткой или по наличнымъ мужскимъ душамъ, или по работникамъ, начинаютъ также прибавлять надѣловъ тѣмъ домохозяевамъ, у которыхъ на рукахъ много дочерей или сестеръ, слѣдовательно, принимаютъ въ соображеніе не только рабочія силы семей, но также и ихъ потребность въ продовольствіи.

Наконецъ, какъ послѣдняя стадія этого развитія формъ передѣловъ въ сторону все большей и большей ихъ уравнительности, является форма передѣла „по ѣдокамъ" какъ мужского, такъ и женскаго пола, при чемъ крестьянскія семьи получаютъ надѣльную землю по такому расчету, чтобы каждая изъ нихъ

имѣла въ ней равномѣрную долю, какъ въ источникѣ средствъ существованія. „Каждая семья получаетъ доступъ къ землѣ соотвѣтственно числу людей, требующихъ пропитанія“ [1]).

Таковы послѣдовательные фазисы въ ходѣ развитія уравнительности передѣловъ. Сначала дѣйствуетъ традиціонный принципъ ревизскихъ душъ. Но затѣмъ выступаетъ на видъ неуравнительность, несправедливость этого принципа съ точки зрѣнія не капиталистическаго, не собственническаго, а трудового міровоззрѣнія. Начинается борьба между двумя принципами: уравнительнымъ и традиціоннымъ. Традиціонный принципъ имѣетъ на своей сторонѣ тѣ крестьянскія семьи, которымъ онъ доставляетъ матеріальную выгоду, которыя основали на немъ извѣстную степень своего благосостоянія. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ зажиточные крестьяне, кулаки. Ихъ аргументъ—право собственности, право наличнаго капитала; съ точки зрѣнія этого міровоззрѣнія нѣтъ основаній для передачи въ пользу неимущихъ и противъ имущихъ; наличность тѣхъ и другихъ равно законна и необходима съ точки зрѣнія сторонниковъ собственности и капитала. Но на сторонѣ традиціоннаго принципа въ этомъ случаѣ можетъ оказаться и дѣйствительно оказывается также извѣстная часть трудового крестьянства, которая защищаетъ право *затраченнаго труда.* Семьи, живущія на большихъ надѣлахъ и обрабатывающія ихъ своимъ собственнымъ трудомъ, могутъ отстаивать право на нихъ въ силу вложеннаго въ нихъ труда. Надѣлы не превышаютъ ихъ рабочихъ силъ; онѣ владѣютъ ими, потому что обрабатываютъ ихъ. Это право не собственности и не капитала, а *право труда.* Противная партія, добивающаяся передѣла, должна опираться въ такихъ случаяхъ лишь на право жить и работать, *на право на трудъ.* Это право наиболѣе соотвѣтствуетъ міровоззрѣнію рабочаго класса, общіе интересы котораго требуютъ равенства и справедливости въ доступѣ къ средствамъ производства между всѣмъ трудящимся населеніемъ. И вотъ мы видимъ, что именно этотъ принципъ началъ прокладывать себѣ замѣтную дорогу въ общинныхъ распорядкахъ русскаго трудового крестьянства. Надо замѣтить, что для того, чтобы добиться перехода отъ того положенія, какое устанавливается при передѣлахъ по старымъ ревизскимъ душамъ, къ передѣлу по наличнымъ мужскимъ душамъ или къ передѣлу по числу наличныхъ работниковъ, затѣмъ къ различнымъ уравнительнымъ поправкамъ въ этихъ формахъ разверстки и, наконецъ, къ передѣлу по ѣдокамъ,—необходимо было каждый разъ имѣть на своей сторонѣ не менѣе $^2/_3$ всѣхъ голосовъ, т.-е. для этого необходимо было, чтобы данное теченіе охватило значительное большинство домохозяевъ, чтобы къ нему присоединилась также и часть крестьянъ, лично теряющихъ при новой системѣ передѣла. Между тѣмъ, такого рода измѣненія въ формахъ передѣла происходили,

[1]) П. Вельяминовъ, „Крестьянская община“, стр. 61.

какъ мы видѣли, въ очень значительномъ количествѣ тѣхъ 6.800 общинъ, данныя о которыхъ мы сообщили выше: не только число общинъ съ передѣлами по наличнымъ мужскимъ душамъ или по рабочимъ силамъ поднялось здѣсь, съ 80-хъ годовъ по 90-ые, съ 20% до 67%, но и число передѣловъ по ѣдокамъ поднялось за это время съ 6% до 19%, отъ 410 до 1.290 общинъ, т.-е. увеличилось болѣе, чѣмъ втрое.

Еще болѣе подробныя данныя по этому коренному вопросу развитія классоваго міросозерцанія въ средѣ трудового крестьянства мы имѣемъ по отношенію къ 2.570 обслѣдованнымъ общинамъ саратовской губ., составляющимъ около $^9/_{10}$ всѣхъ общинъ этой губерніи. Здѣсь имѣются записи, относящіяся къ четыремъ періодамъ, а именно: къ 1870 году, 1880-му, 1890-му и 1900-му. Движеніе цифръ, касающееся различныхъ формъ передѣловъ, оказывается здѣсь въ слѣдующемъ видѣ:

Къ 1870-му году, изъ всѣхъ 2.573 общинъ, такихъ, гдѣ совсѣмъ не происходило передѣловъ, было 42%; такихъ, гдѣ передѣлы случались лишь частичные, было 22%; такихъ, гдѣ происходили общіе и частичные передѣлы по рабочимъ силамъ семей, было 32%; наконецъ, такихъ, гдѣ шли передѣлы по наличнымъ мужскимъ душамъ и по ѣдокамъ, было лишь 1% (остальные 3% приходятся на долю общинъ, въ которыхъ по недостаточности записей нельзя было установить точныхъ цифръ). Надо замѣтить, что разверстка земли по рабочимъ силамъ установилась здѣсь раньше разверстки по мужскимъ душамъ и по ѣдокамъ, потому что до 70-хъ и въ 70-хъ годахъ надѣлы въ саратовской губерніи относились къ категоріи не „кормителей", а „разорителей"; поэтому уравнительность передѣла требовала прежде всего перенесенія тяжести на болѣе сильныя плечи.

Затѣмъ движеніе происходило въ такомъ направленіи:

Къ 1880 году безпередѣльныхъ общинъ оказалось 36%; общинъ съ зачатками передѣловъ — 21%; общинъ съ передѣлами по рабочимъ силамъ — 34%; общинъ съ передѣлами по наличнымъ мужскимъ душамъ и по ѣдокамъ — 5% (4% пришлось на долю общинъ съ недостаточными записями).

Къ 1890 году общинъ первой категоріи оказалось 22%, общинъ второй категоріи — 20%, третьей категоріи — 32%, четвертой — 23% (общинъ съ недостаточными записями — 3%).

Къ 1900 году соотвѣтствующія цифры получились слѣдующія: 16%, 17%, 22%, 41% (общинъ съ недостаточными записями — 4%).

Такимъ образомъ движеніе цифръ оказалось въ такомъ видѣ:

По первой категор. .	42%	36%	22%	16%
По второй категор. .	22%	21%	20%	17%
По третьей категор. .	32%	34%	32%	22%
По четверт. категор.	1%	5%	23%	41%

Двѣ среднія категоріи, служащія переходными ступенями въ этомъ движеніи, мало измѣнили свои размѣры, такъ какъ притокъ къ нимъ общинъ первой категоріи уравновѣшивался постояннымъ отливомъ въ сторону четвертой категоріи. Результаты движенія могутъ быть охарактеризованы значительною убы-

лью безпередѣльныхъ общинъ и значительнымъ возрастаніемъ такихъ общинъ, гдѣ, при разверсткѣ земли по мужскимъ душамъ, принималось вмѣстѣ съ тѣмъ въ соображеніе число ѣдоковъ въ каждой семьѣ, гдѣ регулирующимъ принципомъ передѣловъ являлась потребность каждой семьи въ пропитаніи, какъ норма, наиболѣе соотвѣтствующая міровоззрѣнію трудового класса.

Тотъ же самый характеръ перемѣнъ въ способѣ распредѣленія общинныхъ земель выясняется изъ записей, произведенныхъ по отношенію къ 3.590 общинамъ московской губерніи въ два различные срока: первая запись — въ концѣ семидесятыхъ годовъ и вторая— между 1897 и 1899 годами.

Здѣсь были намѣчены слѣдующія пять категорій общинъ: безъ всякихъ передѣловъ, съ частичными передѣлали, съ общими передѣлами по мужскимъ душамъ, съ общими передѣлами по рабочимъ силамъ семей и съ общими передѣлами по ѣдокамъ обоего пола (при чемъ нерѣдко принимались во вниманіе и рабочія силы семей). Распредѣленіе общинъ по этимъ категоріямъ въ два вышеуказанные срока было такого рода.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ.	47%	26%	2%	23%	2%
Между 1897 и 1899 годами . . .	6%	17%	5%	53%	19%

Главное теченіе замѣчается здѣсь въ сторону перехода отъ безпередѣльныхъ и мало-передѣльныхъ общинъ къ общинамъ съ передѣлами по рабочимъ силамъ семей; но при этомъ очень замѣтно растетъ также число общинъ, гдѣ при передѣлахъ принимается во вниманіе число ѣдоковъ.

Наконецъ, въ 873 общинахъ владимирской губерніи, гдѣ были сдѣланы записи въ концѣ 70-хъ годовъ и въ 1902 году, изслѣдованныя общины распредѣлялись по тѣмъ же самымъ пяти категоріямъвъ слѣдующихъ процентныхъ цифрахъ:

Въ 70-хъ годахъ	69%	4%	11%	2%	7%
Въ 1902 году .	5%	1%	41%	41%	12%

Недостающіе 7% въ записи 70-хъ годовъ падаютъ на долю общинъ, гдѣ не оказалось достаточныхъ данныхъ.

Итакъ, помимо общей процентной цифры, указывающей на сравнительно незначительное число крестьянъ, живущихъ въ общинахъ безъ правильныхъ передѣловъ,—мы видимъ, что это число все болѣе и болѣе *уменьшалось* за разсматриваемый періодъ, что это не постоянная, а перемѣнная цифра, и что измѣнялась она неуклонно въ сторону торжества общиннаго начала надъ принципомъ частной собственности въ области крестьянскаго землевладѣнія.

Мало того, мы можемъ также судить, на основаніи значительнаго статистическаго матеріала, что общинное землевладѣніе въ Россіи развивается не только въ смыслѣ постояннаго возрастанія числа общинъ съ правильными общими передѣлами, но также и въ смыслѣ постояннаго возрастанія *уравнительности* этихъ передѣловъ, въ смыслѣ выработки такихъ новыхъ формъ общиннаго землевладѣнія, которыя обезпечивали бы доступъ къ землѣ каждому землевладѣльцу и вмѣстѣ

съ тѣмъ стремились бы доставить каждой земледѣльческой семьѣ равную возможность пропитанія.

Это именно мы и имѣли въ виду, когда говорили, что трудовое крестьянство въ Россіи, предоставленное на долгое время самому себѣ, самопроизвольному дѣйствію окружающихъ его экономическихъ условій, проявило въ своей экономической жизни тѣ стремленія, какія соотвѣтствуютъ его классовому положенію, всей той обстановкѣ, въ какой оно оказалось послѣ отмѣны крѣпостного права. Во всей этой обстановкѣ не было тѣхъ элементовъ, подъ вліяніемъ которыхъ въ его средѣ могла бы развиваться психологія мелкой крестьянской буржуазіи: у него не было въ рукахъ реальной земельной собственности, которая доставляла бы ему возможность хотя бы самаго скромнаго существованія; оно не могло войти въ русло сколько-нибудь уравновѣшенной крестьянской жизни, не могло болѣе или менѣе спокойно наслаждаться своеобразною привлекательностью земледѣльческаго труда и замкнуться въ узкую сферу крестьянскаго обихода. Оно со всѣхъ сторонъ было окружено непрерывными заботами и непосильными тягостями; оно каждую минуту чувствовало себя въ положеніи *рабочаго класса*, въ положеніи полной зависимости отъ собственности и капитала, въ положеніи полной необезпеченности въ своихъ средствахъ существованія. Нивеллирующее дѣйствіе капиталистическаго строя, по отношенію къ трудовой части населенія, проявилось въ этомъ случаѣ въ формѣ общаго обѣдненія всей крестьянской массы, при выдѣленіи изъ ея среды лишь очень малаго процента зажиточныхъ крестьянъ, деревенскихъ торговцевъ и кулаковъ. Та рѣзкая диференціація положеній, какая свойственна капитализму, отбросила у насъ въ ряды рабочаго класса не только болѣе или менѣе замѣтную часть обѣднѣвшаго и разорившагося земледѣльческаго населенія, но почти что всю его многомилліонную массу, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ статистическія данныя. Однимъ изъ лучшихъ способовъ оцѣнки экономическаго положенія крестьянскаго хозяйства, доступной для статистическихъ изслѣдованій, считается, какъ извѣстно, подсчетъ числа рабочихъ лошадей: фактическій матеріалъ для этого доставляется періодически происходящими военно-конскими переписями. Н. Огановскій приводитъ слѣдующія данныя по этому вопросу, относящіяся къ 1888 и къ 1901 гг. и касающіяся 31 губерній Европейской Россіи, захваченной переписями: [1])

Если принять за 100 число хозяевъ-крестьянъ бывшихъ въ 1888 г. или совсѣмъ безлошадными или владѣвшихъ одною, двумя, тремя, четырьмя, пятью и шестью и большимъ количествомъ лошадей, то къ 1901 году число хозяевъ-крестьянъ всѣхъ этихъ семи категорій будетъ выражаться слѣдующими цифами:

125, 122, 96. 65, 57, 45, 40.

Всего болѣе возрасло, какъ видимъ, число безлошадныхъ и однолошадныхъ крестьянъ; всего болѣе уменьшилось число обезпеченныхъ

[1]) „Земельный переворотъ въ Россіи, его причины и слѣдствія“, изд. 1907.

семей, владѣвшихъ пятью и шестью или больше лошадьми. Процессъ нивеллировки въ смыслѣ всеобщаго обѣднѣнія, происходившій въ теченіе разсматриваемаго періода, выясняется здѣсь съ полной наглядностью. Что касается общихъ результатовъ этого процесса, то они также съ достаточной отчетливостью характеризуются тѣмъ, что, согласно даннымъ, приводимымъ Н. Огановскимъ, число хозяевъ, имѣвшихъ по три и болѣе лошадей, составляло въ 1888 г. 10½% всѣхъ хозяевъ-крестьянъ обслѣдованныхъ 31 губерній, а къ 1901 году число этихъ хозяевъ-крестьянъ составляло уже только 5,7%; число всѣхъ безлошадныхъ составляло къ этому времени 33,5%, а число одно—и двулошадныхъ 60,8%.

Такимъ образомъ почти вся масса трудового крестьянства, за исключеніемъ 6%, стоитъ теперь на одной и той же очень низкой хозяйственной ступени; ибо и двулошадное крестьянское хозяйство не можетъ считаться сколько-нибудь обезпеченнымъ въ своихъ средствахъ существованія; это все та же низкая ступень благосостоянія, характеризуемая минимальнымъ трудовымъ заработкомъ. Принимая минимальное годовое продовольствіе, потребное на каждую душу, въ 18 пудовъ хлѣба, Л. Марессъ даетъ слѣдующую таблицу распредѣленія нашего крестьянскаго населенія по количеству хлѣба, получаемаго имъ какъ съ надѣльной, такъ и съ арендуемой земли: [1])

Крестьянъ съ продовольствіемъ ниже этой нормы	52,3%
Крестьянъ съ продовольствіемъ, достигающимъ этй нормы	31,8%
Крестьянъ съ продовольствіемъ, превышающимъ эту норму	15,9%

Здѣсь мы опять видимъ, что огромное большинство нашихъ трудовыхъ крестьянъ, свыше 84%, должно быть причислено къ живущимъ и работающимъ при условіяхъ, или вовсе не обезпечивающихъ, или только что обезпечивающихъ имъ минимальную заработную плату, достаточную лишь для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей.

Такимъ образомъ фактъ низведенія почти всей массы русскаго земледѣльческаго населенія до уровня крестьянъ, стоящихъ на грани пауперизма, не получающихъ никакого чистаго дохода съ обрабатываемой ими земли, не можетъ подлежать сомнѣнію. Такое положеніе не можетъ быть результатомъ однѣхъ экономическихъ причинъ, не можетъ быть объяснено дѣйствіемъ капиталистической конкуренціи на почвѣ неравенства производительныхъ силъ, ибо мы не видимъ здѣсь роста состоятельной части крестьянства, не видимъ увеличенія и числа выдѣлившихся среднезажиточныхъ крестьянскихъ хозяйствъ насчетъ приращенія числа захудалыхъ и разоренныхъ хозяйствъ. Между тѣмъ, вліяніе капиталистической концентраціи въ сферѣ сельскохозяйственной промышленности должно было бы сказаться здѣсь именно въ области *крестьянскаго* землевладѣнія, а не въ области крупнаго дворянскаго или купеческаго землевладѣнія, такъ какъ общее передвиженіе

[1]) Л. Марессъ, „Производство и потребленіе хлѣба", въ сборникѣ „Вліяніе урожаевъ" 1897, т. I, стр. 25—26.

частной поземельной собственности происходило, какъ извѣстно, въ Россіи за весь разсматриваемый періодъ въ сторону роста *крестьянскаго*, а не крупнаго землевладѣнія. Съ 1861 года и по 1900 годъ въ руки крестьянъ перешло около 20 милліоновъ десятинъ бывшей помѣщичьей земли, при чемъ средній размѣръ дворянскихъ и купеческихъ имѣній также не увеличивался, а уменьшался за все это время: въ 1877 г. этотъ средній размѣръ равнялся для дворянскихъ имѣній 622 десятинамъ, а для купеческихъ—775, тогда какъ въ 1887 г. онъ уже равнялся 599 и 758 десятинамъ [1]). Мы видимъ, слѣдовательно, что общее передвиженіе въ области сельскохозяйственнаго производства происходило въ сторону возрастанія числа не крупныхъ, а мелкихъ хозяйствъ, а потому вліяніе капиталистической конкуренціи должно было бы оказаться здѣсь въ сферѣ именно этого главнаго теченія, оно должно было бы проявиться въ формѣ увеличенія числа среднезажиточныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, въ формѣ выдѣленія изъ среды крестьянства болѣе или менѣе многочисленнаго контингента мелкой крестьянской буржуазіи. Между тѣмъ, мы этого вовсе не замѣчаемъ въ общихъ результатахъ движенія сельскохозяйственной промышленности, въ общемъ экономическомъ результатѣ этой отрасли производства, получившемся въ Россіи за истекшее полустолѣтіе; мы замѣчаемъ, напротивъ того, упадокъ благосостоянія среди крестьянства по всей линіи, общее обѣднѣніе, общее пониженіе производительныхъ силъ. Такое явленіе не свойственно капиталистическому фазису въ развитіи общественной жизни; оно свойственно лишь экономической политикѣ полу-феодальнаго автократическаго государства, основанной на непосредственномъ отчужденіи въ пользу государства продуктовъ малопроизводительнаго труда крестьянскихъ массъ.

Характерною чертою чисто-капиталистическаго фазиса развитія является въ вопросахъ, касающихся самоопредѣленія рабочихъ массъ, ростъ классовой сознательности среди *городского пролетаріата*, какъ подъ вліяніемъ концентраціи большого количества рабочихъ въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, такъ и подъ вліяніемъ соприкосновенія ихъ съ условіями городской жизни. Характерною чертою буржуазно-автократическаго фазиса развитія, съ пережитками стараго федальнаго строя, является, въ этихъ вопросахъ, ростъ классоваго самосознанія *въ огромныхъ массахъ трудового крестьянства,* подъ дѣйствіемъ того нивеллирующаго и объединяющаго вліянія, какое обусловливается въ такихъ случаяхъ господствующей экономической политикой государства. Фактическое подтвержденіе этому мы только что видѣли въ экономической жизни русскаго общиннаго земледѣльческаго населенія за всю вторую половину XIX вѣка. Предоставленное почти всецѣло своей собственной судьбѣ, почти всецѣло отстраненное въ теченіе очень долгаго времени отъ идейныхъ воздѣйствій со стороны политическихъ партій, оно тѣмъ не менѣе, въ развитіи

[1]) Н. Огановскій, „Земельный переворотъ“, стр. 7.

своихъ общинныхъ порядковъ, шло за весь этотъ періодъ времени по тому именно направленію, какое соотвѣтствовало его объективному классовому положенію. Вотъ почему мы сочли необходимымъ остановиться болѣе или менѣе подробно на этой сторонѣ внутренней крестьянской жизни. Происходя въ глубинѣ крестьянскихъ массъ и не проявляясь никакими замѣтными внѣшними признаками, процессъ развитія общинныхъ земельныхъ порядковъ въ крестьянской средѣ имѣетъ огромное общественное значеніе, какъ все близко касающееся развитія массоваго самосознанія. Изъ всѣхъ процессовъ развитія, какіе происходили въ жизни русскаго трудового крестьянства въ періодъ его оторванности отъ идейныхъ вліяній, самымъ важнымъ, въ нашихъ глазахъ, несомнѣнно является этотъ процессъ медленнаго, но неуклоннаго измѣненія его общинныхъ порядковъ землевладѣнія въ сторону ихъ уравнительности не только по рабочимъ силамъ, но также и по наличному числу членовъ въ каждой семьѣ. Наличность этого послѣдняго все болѣе и болѣе развивающагося теченія, переходящаго за предѣлы чисто-трудового міросозерцанія, которое отстаиваетъ лишь право затраченнаго труда, но принимающаго въ соображеніе также *право на трудъ и на жизнь* каждаго члена общества, какъ норму соціалистическаго строя, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ объективныхъ основъ для того требованія соціализаціи земли, которое занимаетъ столь важное мѣсто въ программѣ-минимумъ одного изъ нашихъ современныхъ соціалистическихъ теченій. Выставляя это требованіе, это теченіе опирается, какъ мы видимъ, не только на чисто теоретическія соображенія и на анализъ особыхъ условій развитія земледѣльческаго производства въ буржуазно-капиталистическомъ строѣ, но также и на фактическое присутствіе вышеупомянутаго элемента въ міросозерцаніи русскаго трудового крестьянства.

IV.

Что касается внѣшней стороны общественной жизни русскаго крестьянства въ ближайшія десятилѣтія послѣ отмѣны крѣпостного права,—общественной жизни, развивавшейся на почвѣ непосильной тяжести, налагавшейся на крестьянъ государствомъ, на почвѣ нараставшей нужды и періодическихъ голодовокъ, вызываемыхъ разрушеніемъ ихъ сельскохозяйственныхъ производительныхъ силъ, то она могла выражаться лишь въ единичныхъ мѣстныхъ волненіяхъ, служившихъ какъ бы *рефлективнымъ* проявленіемъ безысходнаго и нестерпимаго положенія. При отсутствіи объединяющей политической идеи, въ силу полной замкнутости политическаго горизонта для крестьянскихъ массъ того времени, эти мѣстныя волненія имѣли весьма малое общественное значеніе, они возникали отъ времени до времени въ томъ или другомъ мѣстѣ обширной Россіи и какъ бы безслѣдно исче-

зали на внѣшней зеркальной поверхности офиціальной государственной жизни. Возможно, что если бы была предпринята огромная работа по собиранію всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ, если бы были подведены общіе итоги количеству всѣхъ возникавшихъ за данный періодъ отдѣльныхъ аграрныхъ безпорядковъ и сопротивленій властямъ, при непринятіи уставныхъ грамотъ, при продажѣ имущества за недоимки, при отобраніи крестьянскихъ земель въ пользу помѣщиковъ и т. д.;—если бы было подсчитано общее число пострадавшихъ при этомъ мірскихъ ходатаевъ и вожаковъ, а также общее число усмиренныхъ подневольныхъ мятежниковъ,—то возможно, что въ такомъ случаѣ получилась бы болѣе или менѣе внушительная картина, которая позволила бы сдѣлать тѣ или другіе выводы о степени пассивнаго отношенія къ своимъ судьбамъ массъ трудового крестьянства. Но, къ сожалѣнію, никакой сводной работы по данному вопросу въ настоящее время не имѣется. Что касается внутреннихъ хроникъ и современныхъ обозрѣній большихъ журналовъ этого періода, то, какъ извѣстно, обзоръ событій этого рода былъ для нихъ вполнѣ закрытой областью. Лишь изрѣдка, на протяженіи цѣлыхъ десятилѣтій, можно встрѣтить въ нихъ мимолетную замѣтку о какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ крестьянскаго протеста или сопротивленія.

Такъ, наприм., въ „Отеч. Запискахъ“ за цѣлое десятилѣтіе съ января 1867 и по декабрь 1876 гг. описаны лишь два случая крестьянскихъ безпорядковъ [1]). Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что отдѣльныя крестьянскія волненія возникали за это время во многихъ другихъ мѣстахъ. Извѣстны, напримѣръ, огромные аграрные безпорядки, происходившіе въ началѣ 70-хъ годовъ въ 12 волостяхъ чигиринскаго староства, охватившіе около 17.000 бывшихъ казенныхъ крестьянъ. Можно, наконецъ, привести еще нѣсколько случаевъ за тѣ же семидесятые годы; такъ, въ заграничномъ „Впередъ“ за 1876 г. перепечатаны выдержки изъ русскихъ газетъ о бунтѣ крестьянъ-половниковъ въ никольскомъ уѣздѣ вологодской губ.; о бунтѣ въ деревнѣ Холмѣ юхновскаго уѣзда смоленской губ.; о бунтѣ въ селахъ Рождественскомъ и Никитовкѣ валуйскаго уѣзда воронежской губ.; о бунтѣ 3.000 крестьянъ села Богородскаго нижегородской губ., при чемъ взбунтовавшіеся сжигали усадьбу и не хотѣли платить требуемыя съ нихъ деньги. Затѣмъ, тамъ же и въ томъ же 1876 г. сообщается, со словъ „Новороссійскаго Телеграфа“, что въ гадячскомъ уѣздѣ полтавской губ. стали довольно частыми поджоги, какъ результатъ крестьянской мести за штрафы по поводу потравы; со словъ „Новаго Времени“, что въ губерніяхъ ярославской и костромской „въ особенности часто стали повторяться случаи отказа крестьянъ отъ платежа оброковъ помѣщикамъ“. Наконецъ, имѣется еще сообщеніе о двухъ уѣздахъ подольской губ., ольгополь-

[1]) Въ селѣ Сосновкѣ, въ апрѣлѣ 1868 г., и въ мостовинской волости сарапульск. у. въ октябрѣ того же года.

скомъ и проскуровскомъ, гдѣ среди крестьянъ „обнаруживается упорство и пассивное сопротивленіе властямъ".

Мы привели эти отрывочныя данныя вовсе не съ цѣлью подвести что-нибудь въ родѣ общаго итога по вопросу о крестьянскихъ движеніяхъ во второй половинѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ, а для того только, чтобы указать на полное отсутствіе въ настоящее время собранныхъ матеріаловъ, которые дали бы возможность представить сколько-нибудь удовлетворительную картину общественной и политической жизни трудового крестьянства за разсматриваемый періодъ внѣшнихъ проявленій его замкнутаго существованія [1]).

Переходя къ 80 годамъ, мы оказываемся, быть можетъ, въ нѣсколько лучшемъ положеніи, хотя и въ этомъ случаѣ, за отсутствіемъ сколько-нибудь систематически собранныхъ матеріаловъ, не можетъ быть рѣчи объ общихъ итогахъ; но тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ не получается все-таки такого сплошного пустого мѣста, какое мы только что видѣли по отношенію къ двумъ предыдущимъ десятилѣтіямъ. Это объясняется, впрочемъ, отнюдь не большей свободой печати. Въ этомъ отношеніи дѣло врядъ ли измѣнилось къ лучшему. Во всѣхъ *внутреннихъ обозрѣніяхъ* „Вѣстника Европы", напримѣръ, за цѣлыя 15 лѣтъ, съ 1877 и по 1891 годы включительно, можно было встрѣтить всего на всего лишь только *два* сообщенія изъ области народныхъ движеній: очень бѣглое перечисленіе мѣстностей, охваченныхъ еврейскими погромами, въ 1881 г. и сообщеніе о безпорядкахъ на Московской Вознесенской фабрикѣ и Орѣхово-Зуевской мануфактурѣ въ 1885 г. Но, съ одной стороны, самыя народныя движенія стали принимать тогда, какъ, напримѣръ, въ началѣ 80-хъ гг., болѣе широкій, болѣе массовый характеръ и вслѣдствіе этого уже не могли попрежнему безслѣдно затериваться въ деревенскихъ трущобахъ; съ другой же стороны, къ 80 годамъ стала достигать нѣсколько бо́льшаго развитія нелегальная публицистика, слѣдившая за провинціальными газетами, имѣвшая нерѣдко своихъ собственныхъ корреспондентовъ въ тѣхъ или иныхъ центрахъ движеній и такимъ образомъ оставившая послѣ себя кое-какіе матеріалы также по вопросу о крестьянскихъ движеніяхъ.

Прежде всего, переходя къ 80 годамъ, можно указать попрежнему на возникновеніе въ разныхъ мѣстахъ отдѣльныхъ крестьянскихъ бунтовъ. Такъ, мы встрѣчаемъ въ нелегальныхъ изданіяхъ слѣдующіе случаи столкновеній крестьянъ съ помѣщиками, окончившихся военнымъ постоемъ или преданіемъ суду зачинщиковъ.

Въ концѣ 1879 г. въ воронежской губ. произошло столкновеніе у крестьянъ айдарской волости, се-

[1]) О томъ, насколько были распространены въ семидесятыхъ годахъ случаи усмиренія крестьянскихъ безпорядковъ, можно судить отчасти по тому факту, что въ 1877 г. понадобилось изданіе особаго положенія „о дѣйствіи военныхъ командъ при народныхъ волненіяхъ" (отъ 29 октября).

ла Утянки, съ помѣщикомъ Фирсовымъ, захотѣвшимъ отрѣзать крестьянъ отъ водопоя. Дѣло кончилось преданіемъ суду 29 человѣкъ.

29 апрѣля 1880 г. вспыхнули безпорядки въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ черниговской губ. въ имѣніи князя Голицына, въ селѣ Костобобры. Дѣло началось изъ-за невозможности крестьянамъ выгнать куда-нибудь свою скотину безъ того, чтобы не получилась потрава. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ, когда управляющій съ урядникомъ и нѣсколькими работниками стали загонять крестьянскихъ лошадей въ экономію, на нихъ набросилась толпа крестьянъ. Урядникъ съ работниками были избиты до полусмерти, управляющій ускользнулъ и сообщилъ о бунтѣ полиціи. По распоряженію губернатора, въ Костобобры прибылъ батальонъ солдатъ и расположился по квартирамъ; зачинщики были арестованы.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1880 г., въ двухъ селахъ той же губерніи, Солоповкѣ и Автузчинахъ, крестьяне оказали сопротивленіе при размежеваніи своихъ земель съ помѣщичьими. Были присланы на постой три роты и арестованы нѣкоторые крестьяне.

Въ 20-хъ числахъ мая, въ черниговской же губерніи, бунтовали крестьяне въ имѣніи уѣзднаго предводителя дворянства, Подсудіевскаго. Для усмиренія четырехъ селеній, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ изъ-за спорнаго выгона, были отправлены два батальона солдатъ и расквартированы по хатамъ.

Въ началѣ іюля 1880 г. крестьяне села Щетинина великолуцкаго уѣзда псковской губ. оказали сопротивленіе судебному приставу, пріѣхавшему продавать ихъ имущество. Была прислана военная команда изъ 10 человѣкъ [1]).

За 1881 годъ въ одной изъ корреспонденцій изъ Воронежа сообщается о томъ, что „антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками за нынѣшнее лѣто страшно усилился... Такое отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ, разумѣется, обостряется, и тутъ слѣдуютъ поджоги и воровство скота, хлѣба. Воровство копенъ съ поля повсемѣстно. Поджоги все болѣе и болѣе распространяются, при чемъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ жгутъ особенно часто. Частые очень поджоги (каждый годъ нѣсколько) въ воронежскомъ уѣздѣ вокругъ села Хавы-Покровской. Въ бирючевскомъ уѣздѣ ежегодно жгутъ помѣщика Рѣзникова, въ бобровскомъ—Сѣверцева. Только что подожгли Марина въ Подгородномъ, въ 6 верстахъ отъ Воронежа. Пишущему эти строки крестьяне сами говорили, что подожгли помѣщика за то, что онъ беретъ слишкомъ много за прогонъ скота черезъ его землю“ [2]).

Въ корреспонденціи изъ Саратова за 1882 г. сообщается, что „въ кузнецкомъ уѣздѣ, у арендатора Вальгалина крестьяне ночью свезли весь хлѣбъ съ половинныхъ посѣвовъ и, когда онъ вздумалъ было силой вернуть свои снопы съ крестьянскихъ гуменъ, то былъ встрѣченъ дружнымъ натискомъ въ колья и вилы. У владѣльца Самбикина, саратовскаго уѣзда, было скошено

[1]) „Листокъ Н. В.“, № 3.

[2]) „Н. В.“, № 6.

и свезено съ луговъ сѣно, прежде сдававшееся крестьянамъ и удержанное за недоимки. Въ аткарскомъ уѣздѣ у помѣщика Штейнберга, за многолѣтнія притѣсненія сожжено гумно съ хлѣбомъ на нѣсколько тысячъ. Въ нѣкоторыя села становые и урядники не показываются иначе, какъ съ большимъ конвоемъ сотскихъ и казаковъ. Особенно плохо приходится урядникамъ. Въ саратовской губ. нынѣшними осенними праздниками было уже до 20 случаевъ, что урядниковъ избивали, какъ говорится, до полусмерти, и это въ такихъ близкихъ къ Саратову селахъ, какъ Кирсановка, Злобовка, Чардыжъ и др. [1]).

За 1883 годъ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, перепечатку о „Постановленіи Уфимскаго губернскаго собранія дворянства“ отъ 27 іюня, препровожденномъ министру внутреннихъ дѣлъ; въ этомъ постановленіи дворяне жалуются на свое „критическое и беззащитное положеніе“ въ виду насилій, чинимыхъ надъ ними окружающимъ населеніемъ, при чемъ, въ подтвержденіе приводятъ слѣдующія данныя:

Дворянинъ Курковскій сообщаетъ о самоуправствѣ башкиръ и крестьянъ уфимской губ., о захватѣ дворянскихъ земель, о поджогѣ усадебъ, о нанесеніи побоевъ и увѣчій: „Дерзость поселянъ въ этомъ отношеніи увеличивается съ каждымъ днемъ и превосходитъ всякое вѣроятіе,—говоритъ Курковскій,—понятіе о правѣ собственности и законѣ совершенно расшаталось“. Затѣмъ дворянинъ Фокъ сообщаетъ о безпощадныхъ порубкахъ лѣса. Въ бирскомъ уѣздѣ вся земля его жены, законной владѣтельницы, захвачена, лѣсная дача вырублена, лѣсная стража насильственно удалена. Весной 1883 г. усадьба дворянина Черневскаго сожжена и весь помѣщичій хлѣбъ увезенъ изъ амбара. Къ дворянину Ралль явились крестьяне, бывшіе крѣпостные его жены, и заявили, что они рѣшили взять себѣ участокъ ея земли въ 50 дес. и будутъ пользоваться имъ, не взирая ни на что. У помѣщика Ермолова крестьяне пришли на поля, согнали его рабочихъ и объявили, что поля эти они берутъ въ свою собственность и т. д. [1]).

За 1884 годъ мы встрѣчаемъ замѣтку о крупныхъ волненіяхъ въ имѣніи Кочубея, кролевецкаго у. черниговской губ., при чемъ для усмиренія потребовалась военная сила. Сообщается также о безпорядкахъ въ золотоношскомъ у. полтавской губ. и въ разныхъ мѣстахъ екатеринославской губ. Очень серьезныя волненія происходили на Дону, въ слободѣ Большинской и прилегающихъ поселкахъ. Крестьяне самовольно вырубали помѣщичьи лѣса и свозили ихъ, открыто нападали на помѣщичьи усадьбы; для усмиренія бунта была послана военная команда [2]).

За 1885 годъ приводятся слѣдующіе случаи аграрныхъ волненій. Въ воронежской губ., у богатаго землевладѣльца, бывшаго предводителя дворянства, произведенъ, счетомъ, тридцать пятый поджогъ. Въ Чиги-

---

[1]) „Н. В“, № 8—9.

[1]) „Вѣст. Н. В.“, № 4.

[2]) Ibid., № 3.

ринѣ кіевской губ. военный судъ разсматривалъ дѣло о преступномъ сообществѣ, ставившемъ цѣлью производство потравъ на помѣщичьихъ поляхъ, при чемъ изъ 14 обвиняемыхъ 9 были приговорены къ каторжнымъ работамъ. Въ селѣ Попелкахъ подольской губ., крестьяне захватили спорный выпасъ и прогнали пріѣхавшихъ властей; въ селѣ былъ поставленъ военный постой и арестовано 34 человѣка. Въ Коротоякѣ воронежской губ. были преданы суду 325 крестьянъ за самовольное разрытіе плотины, затоплявшей ихъ луга. Въ могилевской губ. аграрныя волненія значительныхъ размѣровъ приняли хроническій характеръ. Въ мѣстечкѣ Городищѣ кіевской губ. и въ мѣстечкѣ Гоголевкѣ черниговской губ. былъ произведенъ самовольный захватъ пастбища и вооруженное сопротивленіе властямъ, кончившееся судомъ и каторгою для виновныхъ. Въ херсонской губ. масса поджоговъ и аграрныхъ преступленій. Въ краснослободскомъ уѣздѣ пензенской губ., крестьяне убили подрядчика Каверина изъ-за спорнаго участка земли и мельницы; 15 человѣкъ арестованы. Въ с. Червегахъ подольской губ. крестьяне захватили помѣщичій лугъ и прогнали исправника; но когда явились двѣ роты солдатъ, они уступили и дѣло обошлось безъ экзекуціи. Въ кролевецкомъ уѣздѣ помѣщикъ съ работниками засталъ на своемъ выгонѣ табунъ крестьянскихъ лошадей; произошла ссора и свалка; крестьяне пустили въ ходъ колья, а помѣщикъ револьверъ; одинъ убитъ и двое раненыхъ. Въ селѣ Карабиновкѣ новомосковскаго уѣзда екатеринославской губ. крестьяне, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями помѣщика генерала Миско, рѣшили захватить его землю. Немедленно явился вице-губернаторъ Ракосовскій съ казаками и солдатами. Послѣ избіенія крестьянъ нагайками были выдѣлены 9 зачинщиковъ и преданы суду. Въ с. Дьяковцахъ гайсинскаго у. подольской губ. крестьяне не допустили отобранія у нихъ спорнаго участка земли и отправили ходоковъ въ Петербургъ; когда ходоки вернулись домой по этапу, взволнованная толпа напала на конвой, освободила ходоковъ и избила ненавистнаго урядника; послѣ этого были присланы солдаты и арестовано до 35 человѣкъ. Въ курской губ. были посланы два батальона для усмиренія аграрныхъ волненій въ с. Черницынѣ. Въ самарскомъ у. крестьяне подожгли хлѣбъ крупнаго землевладѣльца Бедряги; убытокъ простирался до 40.000 р. Въ с. Нещеровѣ кіевскаго у. крестьяне загнали свой скотъ въ лѣсъ помѣщика Гудимъ-Левковича и вступили въ драку съ лѣсною стражею; явился становой приставъ и началось слѣдствіе, но испуганная экономія вошла въ соглашеніе съ крестьянами. Въ с. Ольшанкѣ того же уѣзда, на землѣ Григоровскаго сахарнаго завода, сторожа задержали 32 штуки крестьянскаго скота; толпа, со старостой во главѣ, расшибла сарай и угнала свой скотъ; здѣсь также, когда началось слѣдствіе, экономія вошла въ соглашеніе съ крестьянами. Въ ахтырскомъ у. харьковской губ. произошло столкновеніе между крестьянами с. Клементьевскаго и Свято-

Троицкимъ монастыремъ, окончившееся убійствомъ арендатора. Крестьяне дер. Нижнепаровой курской губ. не хотѣли отдавать помѣщику спорную землю, присужденную въ его пользу сенатомъ, результатомъ чего была военная экзекуція. Въ с. Георгіевскомъ калужской губ. между крестьянами и арендаторомъ помѣщицы Голохвастовой произошло столкновеніе изъ-за спорнаго луга; крестьяне отняли силой сѣно, скошенное рабочими арендатора; виновные привлечены къ суду [1]).

На этомъ останавливаются сообщенія нелегальныхъ изданій того времени, такъ какъ послѣ 1885 г. они уже не появлялись. Приведенныя свѣдѣнія, не давая сколько-нибудь полной картины крестьянскихъ движеній за разсматриваемый періодъ, могутъ служить лишь указаніемъ того, что и въ 80-е годы, подобно тому какъ мы видѣли это раньше, деревенская жизнь слѣдовала своей неизбѣжной участи; она не входила ни въ какую опредѣленную норму, не принимала никакого устойчиваго положенія, но, напротивъ того, находясь въ состояніи хроническаго хозяйственнаго кризиса, становилась все болѣе и болѣе тяжелой для массъ трудового крестьянства, послѣдствіемъ чего и были эти рефлективныя проявленія стихійнаго характера. Крайняя неустойчивость и напряженность крестьянскаго настроенія, обусловливаемыя общими экономическими причинами, создали воспріимчивую почву для еврейскихъ погромовъ, вспыхнувшихъ на югѣ Россіи съ весны 1881 г. и почти не прекращавшихся въ теченіе двухъ лѣтъ.

Не касаясь непосредственныхъ причинъ еврейскихъ погромовъ этого времени и той связи, какая наблюдалась между этими погромами и націоналистической политикой гр. Н. П. Игнатьева, а также дѣятельностью назначеннаго тогда директоромъ деп. полиціи В. К. Плеве, мы должны отмѣтить ихъ здѣсь, какъ одинъ изъ показателей полной безвыходности какъ внѣшней обстановки, такъ и всего строя идей народныхъ массъ того времени. Съ одной стороны, полная невозможность физическаго существованія, среди постоянной нужды, недоимокъ и голода; съ другой—отсутствіе всякихъ представленій о возможности политическаго переустройства. Въ этомъ замкнутомъ кругу безсильно бились народныя массы, представляя собою готовый матеріалъ для стихійныхъ взрывовъ. „Сильно заблуждаются тѣ,—писалъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 7 мая 1881 г.,—которые полагаютъ, что безпорядки, съ такою страшною силою охватившіе почти весь югъ Россіи, хотя и направленные исключительно противъ евреевъ, вызваны одною только племенною ненавистью къ нимъ. Движеніе это вызвано причинами экономическаго или, вѣрнѣе, соціальнаго свойства, а евреи явились здѣсь чѣмъ-то вродѣ пресловутаго козлища искупленія“.

Еврейскіе погромы начались въ Елисаветградѣ въ апрѣлѣ 1881 г.; затѣмъ они вспыхнули въ Голтѣ, Знаменкѣ, въ Кіевѣ, Кишиневѣ, Васильковѣ, Бѣлой Церкви, Жмеринкѣ, Фастовѣ, въ Николаевѣ, Одессѣ,

[1]) „Н. В.“, № 11—12.

Смѣлѣ, Лозовой, въ Ромнахъ, Волочискѣ, Александровкѣ, Березовкѣ, Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ, Борисполѣ, Лубнахъ, въ Борзнѣ и уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ опять въ Одессѣ. Въ слѣдующемъ году погромы начались также съ апрѣля мѣсяца въ Балтѣ и затѣмъ появлялись въ разныхъ мѣстахъ до самаго августа: въ Дубоссарахъ, Летичевѣ, Меджибожѣ, новой Прагѣ, Березноватовкѣ, Висункѣ, Пирятинѣ, Окнахъ и пр. Наконецъ, въ 1883 г. произошли огромные погромы въ Екатеринославѣ, Ростовѣ-на-Дону, новомосковскомъ уѣздѣ и въ Кривомъ Рогѣ.

Изъ двухъ главныхъ элементовъ, имѣвшихъ рѣшающее значеніе въ сферѣ общественныхъ движеній крестьянскихъ массъ, ихъ экономическаго положенія и ихъ отношенія къ политическимъ вопросамъ, необходимо складывался такой политическій итогъ, который обрекалъ ихъ на рядъ дѣйствій, лишенныхъ всякаго смысла и всякаго результата. Явно нелѣпый и безумный характеръ всѣхъ ихъ попытокъ выбиться изъ данныхъ условій существованія не былъ результатомъ личныхъ свойствъ составлявшихъ ихъ единицъ, а вытекалъ съ полною внутреннею необходимостью изъ характера ихъ политическаго міросозерцанія. Здѣсь именно лежалъ ключъ къ разгадкѣ всего положенія; все сводилось къ тому, что для крестьянскихъ массъ въ силу исторически сложившихся политическихъ взглядовъ ихъ, являлась внутренно недоступной та именно область общественной жизни, въ которой одной могли получить разрѣшеніе волновавшіе и мучившіе ихъ вопросы; и пока эта область оставалась закрытой для ихъ міросозерцанія, до тѣхъ поръ всѣ ихъ столкновенія съ государствомъ должны были носить чисто-стихійный характеръ.

V.

Мы уже упоминали, что къ 80-мъ годамъ развитіе соціалистическаго движенія въ Россіи привело его къ постановкѣ политическаго вопроса. Мы видѣли, что первоначально только что еще возникавшая соціалистическая партія устраняла этотъ вопросъ изъ круга своихъ ближайшихъ задачъ, но въ концѣ-концовъ она должна была признать его неразрывно связаннымъ со своею основною цѣлью. „Понятно, что, призывая партію къ борьбѣ съ правительствомъ, — читаемъ мы въ „Народной Волѣ“ отъ 1 октября 1879 г., — мы нисколько не отрѣшаемся отъ переворота соціальнаго, экономическаго; мы говоримъ только, что при нашихъ государственныхъ порядкахъ политическій и соціальный переворотъ совершенно сливаются, и одинъ безъ другого совершенно немыслимы“.

Въ странахъ буржуазно-демократическаго типа, гдѣ соціалистическому движенію предшествовало господство буржуазіи, сопровождавшееся извѣстною долею политической свободы, соціалистическое движеніе способно было развиваться внѣ условій политическаго переворота; тамъ оно могло достигать нѣ-

которыхъ изъ своихъ ближайшихъ задачъ на почвѣ постепеннаго расширенія политическаго вліянія рабочихъ массъ, откладывая революціонную постановку вопроса до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Въ странахъ буржуазно-автократическаго типа задачи соціалистическаго движенія ставятся иначе самою жизнью, независимо отъ тѣхъ или другихъ теоретическихъ взглядовъ. Особенность фактическаго положенія заключается здѣсь въ томъ, что для соціалистическаго движенія становится необходимой революціонная постановка политическаго вопроса на самыхъ же первыхъ шагахъ его развитія, при чемъ этимъ самымъ вдвигаются, такъ сказать, въ революціонныя рамки также и всѣ его ближайшія соціальныя задачи. Отсюда получается тотъ синтезъ политическихъ и экономическихъ революціонныхъ задачъ, который характеризуетъ собою соціалистическое движеніе конца семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же политическій вопросъ занималъ, какъ мы видѣли, совершенно исключительное положеніе по тому значенію, какое онъ имѣлъ въ области массовыхъ движеній. Ближайшая задача соціалистическихъ движеній, вытекавшая изъ фактическаго положенія вещей, совпадала такимъ образомъ съ ближайшими потребностями массоваго движенія. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что, при данныхъ условіяхъ, развитіе соціалистическаго движенія въ Россіи рѣзко отклонилось на извѣстное время въ сторону политики. Такъ было именно въ періодъ „Народной Воли". Затѣмъ, подъ вліяніемъ большой идейной реакціи, наступившей вслѣдъ за огромнымъ напряженіемъ духовныхъ силъ цѣлаго поколѣнія—напряженіемъ, которое не могло еще привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, а должно было неминуемо кончиться болѣе или менѣе быстрой гибелью представителей этого направленія,—наступилъ періодъ продолжительнаго общественнаго затишья и полной остановки политической жизни. Наступило господство политической реакціи—естественное продолженіе и завершеніе той политической программы, осуществленіе которой было безпрепятственно начато еще при министерствахъ Валуева и Тимашева въ царствованіе Александра II и было прервано лишь революціонными событіями послѣдней половины семидесятыхъ годовъ.

Силы соціалистической партіи, исчерпанныя до самаго дна движеніемъ семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ, начали постепенно накопляться вновь лишь къ срединѣ девяностыхъ годовъ. Первымъ толчкомъ къ нѣкоторому общественному пробужденію наиболѣе чуткихъ элементовъ русской интеллигенціи послужили два крупныхъ событія, какъ бы подведшихъ итоги соціальному положенію Россіи: голодъ 1891 года и холера 1892—1893 годовъ. По этому поводу любопытно привести слѣдующую выдержку изъ офиціальнаго письма тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ И. Дурново къ министру народнаго просвѣщенія Делянову (отъ 5 февраля 1895 г.): „Въ ряду общественныхъ явленій, особенно

выдвинувшихся въ минувшемъ году, слѣдуетъ отмѣтить рѣзко проявившееся въ разныхъ слояхъ интеллигентныхъ классовъ стремленіе содѣйствовать поднятію уровня народнаго образованія путемъ организаціи народныхъ чтеній, открытія библіотекъ и читаленъ для фабричнаго и сельскаго населенія, и, наконецъ, безвозмезднаго распространенія въ народѣ дешевыхъ изданій, книгъ и брошюръ научнаго, нравственнаго и литературнаго содержанія... Неурожай 91 года и холера 92—93 гг. вызвали усиленный наплывъ молодежи въ деревню и въ результатѣ оживили нѣсколько заглохшее въ теченіи восьмидесятыхъ годовъ стремленіе русской молодежи къ поднятію, по личному почину интеллигенціи, умственнаго уровня народа. Изъ имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній можно заключить, что это движеніе, охватывающее молодежь, развивается послѣдовательно и носитъ на себѣ не характеръ случайнаго временнаго явленія, а какъ бы систематическаго осуществленія программы и представляется однимъ изъ средствъ борьбы, на легальной почвѣ, противоправительственныхъ элементовъ...“ [1]).

Затѣмъ, офиціальнымъ подтвержденіемъ оживившейся тогда культурно-просвѣтительной дѣятельности, сосредоточившейся въ земствахъ въ рукахъ такъ называемаго „третьяго элемента“, а также связанной съ развитіемъ дѣятельности петербургскаго комитета грамотности съ его отдѣленіями, можетъ служить также слѣдующее извлеченіе изъ „XVII-го обзора важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ Имперіи по государственнымъ преступленіямъ за 1892 и 93 годы“:

„Въ 1892 г. была масса дознаній преимущественно по кружковой дѣятельности „землячествъ“ и студенческихъ организацій, основанныхъ для распространенія литературы среди рабочихъ... Въ теченіе отчетнаго періода была захвачена незначительная типографія; было выпущено нѣсколько подпольныхъ изданій... Часть пропагандистовъ стремилась работать среди сельскаго населенія, начавъ съ работы легальной; воспользовавшись холерой, они поступили въ санитары, фельдшера и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мѣстныя жандармскія власти нашли даже нужнымъ затруднить доступъ студентовъ къ санитарной дѣятельности“ [1]).

Такимъ образомъ, непосредственныя впечатлѣнія общественныхъ бѣдствій послужили стимуломъ къ оживленію культурныхъ, а также и соціалистическихъ стремленій въ той тяжелой общественной атмосферѣ, какая была создана идейной реакціей 80-хъ годовъ. Мало-по-малу стали возникать небольшія соціалистическія организаціи. Первоначально эти организаціи, хотя и различались между собою оттѣнками соціалистической мысли, направили

[1]) Это письмо было напечатано въ № 19 „Летучихъ Листковъ“, издававшихся въ Лондонѣ фондомъ Вольной Русской Прессы. При составленіи этой главы мы въ значительной степени пользовались матеріалами, собранными С. Н. Слетовымъ.

[1]) „Летучій Листокъ Ф. В. Р. П.“, № 14.

всѣ свои усилія въ одну и ту же сторону—по линіи наименьшаго сопротивленія, при полномъ устраненіи политической программы. Объективное положеніе дѣлъ къ тому времени было таково: оставался еще почти совершенно не затронутымъ соціалистическимъ движеніемъ довольно значительный контингентъ городского рабочаго населенія, выдвинутый развитіемъ русской крупной промышленности. Представлялась ближайшая и сравнительно менѣе трудная задача идейнаго воздѣйствія на этотъ будущій авангардъ массоваго рабочаго движенія. На эту именно задачу и были устремлены первыя усилія тѣхъ соціалистическихъ группъ, которыя стали возникать въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ къ срединѣ девяностыхъ годовъ.

Какъ на промежуточное явленіе, отголосокъ предшествующей эпохи, слѣдуетъ указать на появившуюся нѣсколько ранѣе этого времени и просуществовавшую съ 1891 г. по апрѣль 1894 года „Группу Народовольцевъ“ перваго состава (М. С. Александровъ, Б. Л. Зотовъ, Н. Г. Бѣлецкій, М. Г. Сущинскій, А. А. Федуловъ и др.). Она возникла въ октябрѣ 1891 г., поставила свою типографію и выпустила двѣ прокламаціи, изъ которыхъ одна („Свободное Слово“) была написана Н. К. Михайловскимъ. Въ 1892 г. группа напечатала свою „Народовольческую программу“, которая являлась программой Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли“ 1880 года, съ нѣсколькими измѣненіями, „обусловленными временемъ“, но не выходившими за предѣлы „основныхъ принциповъ народовольчества“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „группа народовольцевъ“ напечатала „Первое письмо къ голодающимъ крестьянамъ“ Н. М. Астырева—этого піонера крестьянскаго движенія, уже тогда настоятельно призывавшаго соціалистовъ къ работѣ въ деревнѣ, а также „Письмо къ молодежи“ Федулова: „горячо написанный призывъ организоваться подъ знаменемъ Народной Воли“ [1]).

Лѣтомъ 1892 г. группа выпустила первый номеръ своего „Летучаго Листка Группы Народовольцевъ“, состоявшій изъ трехъ статей; двѣ изъ нихъ были написаны Федуловымъ, а третья—однимъ статистикомъ. Статья статистика была написана „въ умѣренно-либеральномъ тонѣ, съ преклоненіемъ передъ Лорисъ-Меликовымъ, съ отрицательнымъ отношеніемъ къ крайнимъ партіямъ“, какъ выражался авторъ; но главнымъ ея содержаніемъ была критика правительственной политики, и группа нашла возможнымъ напечатать ее, вытравивши по возможности политически-умѣренный духъ. Въ публикѣ имѣла успѣхъ какъ разъ именно только эта статья. Листокъ въ цѣломъ былъ принятъ довольно холодно [2]).

Лѣтомъ 1893 г. Группа выпустила № 2 „Летучаго Листка“ и двѣ брошюры: „Александръ III (къ десятилѣтію коронаціи)“ и „Братцы-товарищи“, написанную рабочимъ.

Вмѣстѣ съ этой издательской дѣятельностью, Группа вела пропаганду среди петербургскихъ рабочихъ. На-

---

[1]) М. С. Александровъ, „Группа Народовольцевъ“, *Былое*, 1906 г., № 11, стр. 20.
[2]) М. С. Александровъ, ibid, стр. 21.

до замѣтить, что въ рабочей средѣ замѣчалась непрерывная связь между соціалистическими движеніями всѣхъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ періодовъ. Группа землевольцевъ встрѣчалась съ сознательными рабочими, доставленными ей движеніемъ начала 70-хъ годовъ; группы начала 90-хъ годовъ встрѣчались съ рабочими, примыкавшими къ партіи Народной Воли. Авторъ воспоминаній о „Группѣ Народовольцевъ", по возвращеніи въ Петербургъ въ 1890 г., розыскалъ представителей тѣхъ двухъ рабочихъ кружковъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ 1885 г. Одинъ изъ этихъ кружковъ былъ соціалъ-демократическій, а другой народовольческій. Въ 1890 г. въ Петербургѣ возникъ центральный рабочій кружокъ изъ представителей различныхъ петербургскихъ районовъ, при чемъ въ этотъ центральный рабочій кружокъ допускался лишь одинъ (ни въ какомъ случаѣ не болѣе) представитель интеллигенціи. Въ 1891 г. этимъ представителемъ отъ интеллигенціи былъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ вышеупомянутый авторъ воспоминаній о Группѣ Народовольцевъ и одинъ изъ ея основателей, смѣнившій собою представителя отъ соціалъ - демократической группы. Рѣзко проведеннаго различія въ дѣятельности среди рабочихъ между обоими направленіями еще не замѣчалось тогда. Брошюры, которыми пользовались тогда для пропаганды, были и соціалъ-демократическаго и народовольческаго характера. „Хотя въ центральномъ (рабочемъ) кружкѣ представительствовалъ соціалъ-демократъ, но приглашенія, исходившія отъ него, заниматься въ отдѣльныхъ кружкахъ, обращались постоянно и къ народовольцамъ, вѣроятно, за недостаткомъ интеллигентныхъ силъ среди соціалъ-демократовъ. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло вплоть до большихъ арестовъ въ апрѣлѣ 1894 года" [1]).

Въ августѣ 1894 г. „Группа Народовольцевъ" перваго состава потерпѣла полный разгромъ. Тогда было арестовано около 20 человѣкъ, принадлежавшихъ къ группѣ. Осталось неарестованными лишь нѣсколько человѣкъ.

Мы назвали „Группу Народовольцевъ" перваго состава отголоскомъ прежняго направленія, потому что въ ея дѣятельности, поскольку она руководилась „основными принципами народовольчества", не было тѣхъ элементовъ, которые могли бы разсчитывать на дальнѣйшее успѣшное развитіе. Въ своей политической программѣ она цѣликомъ переносила постановку вопроса конца семидесятыхъ годовъ въ совсѣмъ иную общественную атмосферу. Та сторона ея дѣятельности, которая имѣла существенное и реальное значеніе—соціалистическая пропаганда среди рабочихъ—ничѣмъ не была связана съ ея общей програмной концепціей и шла по одному направленію съ дѣятельностью противоположной соціалистической фракціи—по направленію кружковой работы, замкнутой въ предѣлы развитія соціалистическаго сознанія отдѣльныхъ рабочихъ.

Вскорѣ послѣ апрѣльскихъ арестовъ 1894 г., возникла Группа На-

---

[1]) Ibid. стр. 12.

родовольцевъ обновленнаго состава [1]), формально все еще не измѣнившая своей программы и формально руководившаяся въ своихъ общихъ програмныхъ взглядахъ традиціями старой Народной Воли. Въ дѣйствительности же эта группа, въ своемъ руководящемъ большинствѣ, все болѣе и болѣе склонялась къ тому, чтобы ограничить свою дѣятельность соціалистической пропагандой среди городского пролетаріата, при чемъ даже въ теоретическомъ обоснованіи такой постановки вопроса она сближалась съ соціалъ-демократическими взглядами. Два слѣдующихъ номера „Летучаго Листка", выпущенные этой группой, 3-й и 4-й, вызвали удивленіе и отрицательное отношеніе къ себѣ со стороны жившихъ за границей представителей старой Народной Воли (П. Л. Лавровъ, М. Н. Полонская и др.): они находили ихъ „далекими отъ всего народовольческаго и проникнутыми тенденціями, идущими въ разрѣзъ съ народовольчествомъ [2]).

Съ другой стороны, сторонники соціалъ-демократическаго направленія находили, что эта группа отличалась отъ нихъ „развѣ названіемъ и традиціями" [3]). Не выходя въ своей практической дѣятельности изъ предѣловъ ближайшей и непосредственной задачи распространенія соціалистическихъ идей среди городского пролетаріата, оба направленія естественно почти сливались между собою въ своей революціонной работѣ. Группа Народовольцевъ перепечатала въ своей типографіи народовольческую брошюру 1884 г. „Царь Голодъ", написанную А. Н. Бахомъ, которая охотно распространялась соціалъ-демократами; та же самая группа взялась напечатать брошюру „Объясненіе законовъ о стачкахъ", полученную ею отъ „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса" [1]); прокламація по поводу массовыхъ стачекъ мая — іюня 1896 г., производившая наибольшее впечатлѣніе на рабочихъ, была выпущена „Группой Народовольцевъ".

Такимъ образомъ, фактически, къ срединѣ 90-хъ годовъ существовалъ только единый способъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, примѣнявшійся всѣми тогдашними представителями соціалистической мысли. Этотъ способъ характеризовался, во-первыхъ, сосредоточеніемъ всего вниманія на городскомъ пролетаріатѣ и, во вторыхъ, отрицательнымъ отношеніемъ къ политической борьбѣ, какъ къ ближайшей задачѣ того времени.

„Что касается до рабочаго класса,—пишетъ авторъ воспоминаній о Группѣ Народовольцевъ перваго состава,—то предполагалось, что не его дѣло завоевывать политическую свободу, онъ долженъ лишь подготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ свое время свободой, за-

---

[1]) Бѣлевскій, Прейсъ, мужъ и жена Ергины, А. Г. Успенскій, Фейтъ, Леоновичъ и др.

[2]) „Съ родины на родину", № 6—7, 1896 г., стр. 475—476.

[3]) К. Я., „Первые шаги", „Былое", 1907 г., № 9, стр. 138.

[1]) Петербуржецъ, „Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія", стр. 49.

воеванной буржуазіей. Вопросъ о роли пролетаріата въ завоеваніи политической свободы былъ однимъ изъ пунктовъ нашего разногласія съ соціалъ-демократами" [1]). — „Ни въ одной изъ прокламацій Союза Борьбы 95-го года, — пишетъ В. Акимовъ,—не было политическихъ тенденцій". И далѣе: „Изъ документовъ, опубликованныхъ Петербуржцемъ, именно видно, что мечты организаторовъ не летѣли дальше Петербурга и касались только экономической борьбы" [2]).— „Реакція, какъ извѣстно, всегда вызываетъ противоположную крайность,—пишетъ Петербуржецъ— часто нежелательную, но почти всегда неизбѣжную. Такъ случилось и въ данномъ случаѣ: на необходимость борьбы за политическую свободу временно какъ-то перестали обращать вниманіе. Основная мысль пропагандистовъ конца 70-хъ годовъ какъ будто заглохла, и началась новая проповѣдь сознательной жизни" [3]).

Такимъ образомъ, господствовавшая тенденція того времени, все болѣе и болѣе раздѣлявшаяся представителями народовольческой группы 3-го и 4-го „Летучаго Листка", сводилась къ тому, что изъ задачи соціалистическаго переустройства выдѣлялась лишь одна небольшая подготовительная часть ея, кружковая пропаганда среди городского пролетаріата, и на этомъ пока останавливалась вся програмная концепція соціалистической дѣятельности. Утрачивалась и какъ бы терялась изъ вида связь этой первоначальной стадіи съ представленіемъ о всемъ общественномъ переворотѣ. Эта связь существовала, конечно, теоретически, въ формѣ общихъ эволюціонныхъ построеній, въ формѣ признанія руководящей роли пролетаріата въ дѣлѣ осуществленія конечной цѣли, но она не находила для себя конкретнаго выраженія въ непосредственной практической дѣятельности. Въ самой постановкѣ вопроса, въ самой *программѣ* дѣятельности соціалистическихъ группъ того времени все вниманіе было обращено только на одну подготовительную сторону соціалистическаго движенія.

Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока, въ силу своего собственнаго развитія, начавшееся движеніе не переросло первоначальныхъ рамокъ. Признакомъ неминуемаго наступленія болѣе широкой постановки вопроса послужила массовая стачка лѣта 1896 г. Эта стачка ясно показала, что размѣры тогдашней соціалистической дѣятельности не удовлетворяли требованіямъ времени. Но, вмѣстѣ съ расширеніемъ рамокъ дѣятельности, неизбѣжно должна была явиться мысль о томъ, чтобы вывести ее изъ предѣловъ чисто мѣстной, изолированной работы и поставить ее въ связь съ той или другой програмной концепціей. Чистый экономизмъ, какъ отрицательное отношеніе къ политикѣ, долженъ

[1]) М. С. Александровъ, „Группа Народовольцевъ", *Былое*, 1906 г., № 11, стр. 10.

[2]) Вл. Акимовъ, „Матеріалы для характеристики развитія Р. С.-Д. Р. Партіи", женевское изданіе, 1905 г., стран. 41, 44.

[3]) Петербуржецъ, „Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ", Лондонъ, 1902 г., стр 6–7.

былъ уступить мѣсто опредѣленнымъ политическимъ программамъ; болѣе или менѣе расходившіяся между собою соціалистическія *направленія*, отчасти даже сливавшіяся въ своей практической дѣятельности, должны были уступить мѣсто опредѣленнымъ *партіямъ*.

ГЛАВА XII.

Судьба судебной реформы въ послѣдней трети XIX вѣка.

(М. П. Чубинскаго.)

1.

Мы дали въ своемъ мѣстѣ картину подготовленія, обнародованія и первыхъ шаговъ проведенія въ жизнь судебной реформы. Мы дали и ея оцѣнку по существу.

Теперь передъ нами новая задача: мы должны прослѣдить судьбу этой реформы до начала XX вѣка и показать, насколько на дѣлѣ осуществилось торжественно провозглашенное начало законности и какова была судьба тѣхъ прогрессивныхъ основныхъ принциповъ реформы, которые составили ея украшеніе и привлекли къ ней общія симпатіи. Раньше мы уже сказали, что въ сферѣ судебныхъ уставовъ шагъ за шагомъ пошли сокращенія, разъясненія и перестройки, и что жизнь новыхъ судебныхъ учрежденій мало-по-малу превратилась въ „многострадальное житіе“. Теперь предстоитъ разсмотрѣть данное дѣло подробно и привести факты и доказательства.

Остановимся сначала на общихъ условіяхъ разсматриваемаго періода. Эти общія условія всегда налагаютъ свой отпечатокъ на отдѣльныя реформы и на судьбу отдѣльныхъ учрежденій. Власть всегда старается направлять жизнь страны по линіи тѣхъ лозунговъ, которые въ данный моментъ она объявила руководящими. Когда прежніе лозунги измѣнены, начинается работа по подгонкѣ къ новымъ лозунгамъ дѣятельности всѣхъ учрежденій, и, чѣмъ въ болѣе яркомъ противорѣчіи по своей организаціи и основамъ стоитъ съ новымъ курсомъ какое-либо учрежденіе, тѣмъ энергичнѣе становятся направляемыя на него атаки, тѣмъ интенсивнѣе развивается стремленіе подогнать его подъ общій шаблонъ.

Когда правительствомъ былъ взятъ новый курсъ и отступленіе отъ либеральныхъ началъ мало-по-малу перешло въ откровенную реакціонную политику, изъ всѣхъ такъ наз. великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ наиболѣе стала рѣзать глаза судебная реформа.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни громаденъ былъ соціальный переворотъ,

произведенный освобожденіемъ крестьянъ, онъ не явился серьезнымъ тормазомъ для поворота къ реакціи. Освобожденные отъ власти помѣщиковъ крестьяне раздѣлили судьбу общеполитическаго безправія, благодаря урѣзкѣ надѣловъ попали въ тяжелыя экономическія условія, а по темнотѣ своей вообще не являлись опасной активной силой. Сверхъ того, въ лицѣ своихъ выборныхъ властей они были почти всецѣло подчинены полиціи, а на практикѣ подчиненіе распространилось и на всю крестьянскую массу.

Если мы обратимся къ печати, то увидимъ, что, хотя реформа въ этой области отчасти сняла ярмо предварительной цензуры, но свобода печати все же являлась недостижимымъ идеаломъ. Дамокловъ мечъ предостереженій и другихъ каръ и широко развившаяся практика путемъ особыхъ секретныхъ циркуляровъ запрещать даже не подцензурнымъ изданіямъ обсужденіе „нежелательныхъ" вопросовъ, въ связи съ цензурнымъ гнетомъ для остальной печати,—все это не давало печати возможности стать мощной и независимой силой въ той мѣрѣ, въ какой ею она сдѣлалась на Западѣ.

Наконецъ, земская реформа, съ которой, какъ мы знаемъ, правительство поспѣшило, чтобы „положить предѣлъ несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій", была замкнута въ тѣсный кругъ мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ и построена на полномъ разобщеніи земствъ разныхъ губерній.

Съ судебной реформой дѣло обстояло нѣсколько иначе. Она давала суду значительную долю независимости отъ администраціи; она принесла подсудимымъ и обществу рядъ гарантій, которыя, какъ мы видѣли, имѣли по существу своему конституціонный характеръ; она, наконецъ, выдвигала на первый планъ принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ, способствуя въ этомъ отношеніи разрушенію сословныхъ перегородокъ и подчеркивая лозунгъ законности не только для населенія, но и для власти.

Ясно, поэтому, что, когда прозвучалъ отбой, когда правительство признало, что оно зашло слишкомъ далеко въ своихъ „увлеченіяхъ реформами", и взяло курсъ назадъ, оно не могло не почувствовать кореннаго противорѣчія этого курса съ тѣми принципами, которые стали проникать въ русскую жизнь, благодаря дѣятельности новыхъ судовъ. Удары посыпались и на крестьянское самоуправленіе, и на земство, и на печать, но новые суды удостоились особаго вниманія, и ихъ путь сдѣлался путемъ тернистымъ.

Если же мы обратимъ еще вниманіе на тѣ завѣты, которые были преподаны дѣятелямъ новаго суда при его открытіи, то для насъ сдѣлается особенно понятнымъ, въ какое противорѣчіе съ измѣнившеюся дѣйствительностью должна была стать дѣятельность новыхъ судебныхъ учрежденій.

Еще до открытія новыхъ судовъ, привѣтствуя вновь назначенныхъ судебныхъ слѣдователей, извѣстный судебный дѣятель (впослѣдствіи прокуроръ московской палаты, а затѣмъ сенаторъ) Ровинскій про-

изнесъ характерную рѣчь, которая и теперь, почти полвѣка спустя, звучитъ, какъ призывъ, полный идеалами, чуждыми русской дѣйствительности. Онъ заявилъ, что его не смущаетъ молодость и неопытность новыхъ дѣятелей, ибо надо „дорожить жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа“. „Намъ дорога ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу... Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды: добраго мнѣнія общества,* которое всегда отличитъ и оцѣнитъ трудъ и способности“. Въ заключеніе Ровинскій желаетъ начинающимъ дѣятелямъ, чтобы они, оглядываясь со временемъ на пройденный путь, могли сказать каждому, что „служили дѣлу, а не лицамъ“ и „были *прежде всего людьми, а уже потомъ чиновниками*“.

Непривычныя и несвойственныя нашему историческому прошлому ноты звучали при открытіи новыхъ судовъ и въ рѣчахъ главы судебнаго вѣдомства, министра юстиціи Замятнина, который петербургскому составу судебныхъ дѣятелей, между прочимъ, сказалъ: „Вамъ ввѣряется охраненіе самыхъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ открываются и всѣ способы для возможно успѣшнаго достиженія высокой цѣли... Всѣмъ судебнымъ установленіямъ отъ высшихъ до нисшихъ дается полная самостоятельность... *Вы не будете имѣть возможности ссылаться на предписанія начальства...* Кто бы ни прибѣгнулъ къ вашему суду, богатый или бѣдный, вельможа или простолюдинъ, *всякій найдетъ у васъ равную защиту* и покровительство своимъ законнымъ требованіямъ и равное противодѣйствіе несправедливымъ стремленіямъ. Завязывая свои глаза передъ всякими *внѣшними и посторонними вліяніями,* вы тѣмъ полнѣе раскроете внутреннія очи совѣсти и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать на вѣсахъ правосудія правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній“.

Нѣсколько позже въ Москвѣ, при открытіи, новыхъ судовъ Замятнинъ обратилъ однородный призывъ и къ мировому институту. Признавая мировой судъ „краеугольнымъ камнемъ“ новаго суда, онъ отмѣтилъ его важную задачу „вѣдать дѣла лицъ, наиболѣе въ этомъ судѣ нуждающихся“ и энергично напомнилъ, что „дарованная судамъ самостоятельность даетъ полную возможность твердо и нелицепріятно охранять святость законовъ и точное ихъ исполненіе“.

Первый призывъ судебныхъ дѣятелей близко принялъ къ сердцу эти завѣты и самъ энергично ихъ пропагандировалъ, примѣромъ чего можетъ служить прекрасная рѣчь перваго предсѣдателя московскаго окружнаго суда Люминарскаго, обращенная къ первому составу судебныхъ приставовъ. „Пусть, — закончилъ онъ,—не бѣдность страшится богатства, а, напротивъ, богатый, но неисправный должникъ поспѣшитъ удовлетворить своего незнатнаго

кредитора. Пусть исполнительный листъ въ вашихъ рукахъ будетъ сильнѣе денегъ и связей сильныхъ міра сего. Съ этимъ оружіемъ вамъ некого и нечего бояться. Защитой вашей будетъ судъ и законъ".

И такое направленіе являлось господствующимъ: современники констатируютъ настоящій энтузіазмъ, который А. Ф. Кони назвалъ „первой любовью"; лица, занимавшія видное положеніе въ другихъ вѣдомствахъ, оставляли мѣста и съ пониженіемъ шли въ новыя судебныя учрежденія, гдѣ считали работу не службой, а общественнымъ служеніемъ. Выдвинулся цѣлый рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, которыхъ мы упоминали уже, говоря о созданіи судебной реформы.

Въ результатѣ—быстро завоеванное довѣріе общества и поразительный успѣхъ реформы, получившій и вполнѣ офиціальное признаніе. Всеподданнѣйшій отчетъ министра юстиціи за 1866 годъ по высочайшему повелѣнію поступилъ въ комитетъ министровъ, который нашелъ желательнымъ напечатать для общаго свѣдѣнія все, что можетъ быть признано полезнымъ и любопытнымъ. А такимъ въ отчетѣ оказалось многое. Отчетъ свидѣтельствовалъ о возникающемъ *довѣріи народа къ суду,* особенно мировому, и о томъ, что *присяжные засѣдатели вполнѣ оправдали* возложенныя на нихъ *надежды* и проявили поразительное вниманіе къ дѣлу; отчетъ констатировалъ, что „общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ возвысилось", а вмѣстѣ съ тѣмъ выросло „взаимное довѣріе лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми слоями общества".

Не даромъ государь написалъ на отчетѣ: „Искренно благодарю за все, что уже сдѣлано", а комитетъ министровъ усмотрѣлъ изъ отчета „вполнѣ успѣшный ходъ судебнаго преобразованія" и пожелалъ, чтобы въ будущемъ дѣло велось съ тѣмъ же успѣхомъ. Даже министерство внутреннихъ дѣлъ, которому скоро суждено было повести упорную борьбу съ новымъ судомъ, на первыхъ порахъ писало въ своемъ офиціальномъ органѣ „Сѣверная почта", что „благодѣтельныя послѣдствія судебной реформы признаются всѣми безъ исключенія правительственными вѣдомствами и свидѣтельствуются губернаторами всѣхъ губерній, гдѣ уже введены новыя судебныя установленія".

Дружнымъ хоромъ вторила и печать и особенно громко въ этомъ хорѣ звучалъ голосъ будущаго непримиримаго врага судебной реформы Каткова, который говорилъ о „великомъ дѣлѣ гражданскаго обновленія Россіи" и воздавалъ „честь и славу" новому судебному вѣдомству и его дѣятелямъ.

Но вся эта идиллія длилась недолго. Когда новый судъ широко развернулъ свою дѣятельность и показалъ себя дѣйствительно независимымъ отъ внѣшнихъ и посторонних воздѣйствій, не преклоняясь ни передъ богатствомъ, ни передъ связями, и строго охраняя равенство всѣхъ передъ закономъ, когда выяснилось, что между законностью и видами правительства онъ умѣетъ проводить строгую грань, тогда въ связи съ общей пе-

ремѣной политическаго курса начался долгій и энергичный походъ противъ новаго суда.

Онъ увеличивался по мѣрѣ усиленія общаго реакціоннаго движенія. Сперва явились отдѣльные выпады, отдѣльныя „мѣропріятія", указанія отдѣльныхъ „несовершенствъ"; затѣмъ, эти выпады стали учащаться и усиливаться въ тонѣ, а далѣе они получили планомѣрную организацію, и правительство приступило къ рѣшительной ломкѣ устоевъ новаго суда подъ одобрительные припѣвы поднявшей голову реакціонной печати, гдѣ судъ иронически стали именовать „судебной республикой", судъ присяжныхъ—„судомъ улицы" или „судомъ черни", и гдѣ наиболѣе усердные и беззастѣнчивые публицисты (особенно въ газетѣ „Вѣсть") уже прямо стали обвинять судъ въ „революціонныхъ стремленіяхъ" и въ подрываніи основъ нашего государственнаго строя.

Еще недавно Катковъ отмѣчалъ, что все, чѣмъ только дорожитъ человѣческое общество, желающее выйти изъ состоянія варварства и безсилія, „предполагаетъ прежде всего идею законности и обезпечивается прежде всего ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни; законность же и права становятся дѣйствительностью лишь тамъ, гдѣ судъ есть сила независимая и самостоятельная" и гдѣ онъ, не подлежа административному контролю, возвышаетъ и облагораживаетъ общественную среду. Еще недавно Катковъ утверждалъ, что лишь такой судъ можетъ положить конецъ нашимъ старымъ порядкамъ, когда „бюрократическая администрація была все во всемъ, а суды были только ея придатками". Еще недавно онъ вѣрилъ въ то, что новыя начала побѣдятъ и „видоизмѣнятъ весь строй нашего гражданскаго быта"; онъ требовалъ, чтобы изъ зданія судебныхъ уставовъ „не было вынимаемо камней", и чтобы необходимыя измѣненія „согласовались съ ихъ общимъ духомъ".

Но измѣнились времена, и тотъ же Катковъ, уже стяжавшій патріотическіе лавры и отрѣшившійся отъ либерализма, явился во главѣ яростныхъ враговъ новаго суда и не останавливался ни передъ чѣмъ въ дѣлѣ глумленія, злобы и поруганія того, что раньше цѣнилъ и убѣжденно защищалъ.

Ярко рисуетъ одинъ изъ современниковъ (Сухотинъ) картину той эволюціи, которая произошла въ отношеніи къ новому суду. Въ 66—67 гг. онъ отмѣчаетъ, что „опять начинаетъ разыгрываться тайная сила, на время было умолкнувшая. Нѣкоторые люди, упоенные властью произвола, не терпятъ значенія и силы судебной реформы, которая есть единственная разумная сила". По его словамъ, многіе изъ тѣхъ, которые еще недавно либеральничали, со времени реакціи „теряютъ стыдъ и лицемѣрятъ, какъ лакеи", а „администрація хочетъ наложить руки на судебную реформу".

Но проходятъ годы, и пессимистическія краски все болѣе и болѣе сгущаются; тотъ же авторъ уже прямо утверждаетъ, что „всякій, кто желаетъ независимости для новыхъ судебныхъ учрежденій, тотъ заподазривается правительствомъ и пе-

тербургской знатью, какъ демократъ, красный или какъ наивный человѣкъ".

Исторія судебной реформы превращается въ мартирологъ ея; къ обозрѣнію его отдѣльныхъ стадій мы теперь и обратимся.

2.

Уже въ 1866 году возникло серьезное неудовольствіе на новый судъ въ виду его рѣшеній по дѣламъ, въ которыхъ была заинтересована администрація.

Оправдательные приговоры по двумъ нашумѣвшимъ литературнымъ процессамъ (особенно по процессу популярнаго журнала „Современникъ", гдѣ противъ Пыпина и Жуковскаго по иниціативѣ министерства внутреннихъ дѣлъ были выдвинуты совершенно несообразныя обвиненія), а затѣмъ оправданіе по невмѣняемости мелкаго чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ Протопопова, оскорбившаго дѣйствіемъ своего начальника вицедиректора,—все это возмутило бюрократическіе круги и имѣло послѣдствія, весьма важныя для судебныхъ уставовъ.

Литературные процессы вызвали 12 декабря того же года новеллу къ уставамъ, коей первой инстанціей для процессовъ печати сдѣланы уже не окружные суды, а судебныя палаты; эти же процессы и дѣло Протопопова положили начало посягательствамъ на независимость суда и на несмѣняемость судей. Только благодаря энергичному заступничеству министра юстиціи Замятнина не былъ смѣщенъ „несмѣняемый" предсѣдатель петербургскаго суда Мотовиловъ, но эта была побѣда Пирра, открывшая собой рядъ пораженій.

Уже при Замятнинѣ начались случаи перевода на другія должности чиновъ прокуратуры, вызвавшихъ чѣмъ-либо особое неудовольствіе министра внутреннихъ дѣлъ, и въ это же время, несмотря на энергичныя возраженія министра юстиціи и другихъ противъ проекта министра внутреннихъ дѣлъ Валуева объ усиленіи губернаторской власти, предложенная имъ и отвергнутая государственнымъ совѣтомъ мѣра прошла въ жизнь, какъ высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ, и тому же министру юстиціи пришлось разослать циркуляръ, коимъ признавалось обязательнымъ для чиновъ судебнаго вѣдомства являться по вызовамъ губернатора, не взирая даже на старшинство по чину или должности, и подчиняться законнымъ требованіямъ этого представителя высшей въ губерніи власти.

Соотвѣтствующимъ циркуляромъ, который Никитенко называетъ „уродливымъ дѣтищемъ Валуева", были оповѣщены губернаторы, и нѣкоторые изъ нихъ такъ вдохновились, что стали дѣлать конфиденціальныя представленія высшему начальству о необходимости высылки изъ губерніи нѣкоторыхъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Затѣмъ, когда въ томъ же году за рѣчи и постановленія политическаго характера была пріостановлена въ Петербургѣ дѣятельность земскихъ учрежденій, эта пріостановка сопровождалась нѣсколькими высылками въ адми-

нистративномъ порядкѣ, а одному изъ гласныхъ, сенатору Любощинскому, велѣно было подать въ отставку.

По заступничеству министра юстиціи сенаторство было сохранено за Любощинскимъ, но, какъ свидѣтельствуетъ кн. Мещерскій, императоръ Александръ II съ изумленіемъ и досадой отнесся къ докладу министра юстиціи, сославшагося на то, что государь, даровавъ несмѣняемость чинамъ судебнаго вѣдомства, не можетъ уже увольнять ихъ безъ суда.

Послѣ этого было рѣшено привлечь другихъ лицъ къ управленію министерствомъ юстиціи. Въ началѣ 1867 года былъ уволенъ товарищъ министра Стояновскій, назначенный сенаторомъ, а затѣмъ послѣдовала и отставка Замятнина съ назначеніемъ его членомъ государственнаго совѣта. Временное управленіе министерствомъ было поручено кн. Урусову, а затѣмъ министромъ юстиціи сдѣлался рекомендованный шефомъ жандармовъ Шуваловымъ графъ Паленъ, бывшій до того губернаторомъ и по судебному вѣдомству никогда не служившій.

По свидѣтельству А. Ф. Кони, сочувствовавшая реформамъ великая княгиня Елена Павловна „очень горячо принимала къ сердцу слухи о томъ, что послѣ паденія министра юстиціи Замятнина высокимъ началамъ, вложеннымъ въ судебные уставы, можетъ, какъ тогда были многіе убѣждены, грозить серьезная опасность“.

Слухи оказались вѣрными. Со времени назначенія Палена реакціонная политика въ отношеніи новаго суда стала развиваться почти безостановочно.

Да иначе и быть не могло. Если справедливо замѣчаніе проф. Тальберга, что „всякое посягательство на основныя положенія судебной реформы несомнѣнно свидѣтельствуетъ о попятномъ движеніи общественной мысли и упадкѣ правосудія въ странѣ“, то еще болѣе справедливо, что такое посягательство прежде всего обозначаетъ попятный курсъ правительственной политики. Основныя начала судебной реформы писались во время мечтаній объ „увѣнчаніи зданія“, о превращеніи Россіи въ правовое государство и постановкѣ власти въ рамки закона; мы видѣли даже, что на судебныхъ уставахъ отразилась мысль о нѣкоторыхъ гарантіяхъ конституціоннаго характера.

Когда же сдѣлалось яснымъ, что основныя черты нашего государственнаго строя должны остаться неприкосновенными, то, чѣмъ больше проникала въ жизнь и укрѣплялась судебная реформа, тѣмъ въ болѣе яркое и непримиримое противорѣчіе становилась она съ основами нашего режима—всемогущей бюрократіей и идеей надзаконности власти.

Это долго не сознавалось. Долгіе годы оптимисты и въ наукѣ и въ публицистикѣ доказывали полную возможность совмѣстить процвѣтаніе новаго суда съ сохраненіемъ въ неприкосновенности стараго строя, и лишь рѣдкимъ исключеніемъ были тѣ, кто, какъ напримѣръ, покойный В. Д. Спасовичъ въ своей рѣчи въ день десятилѣтія судебной реформы, выражали твердое пожеланіе, чтобы „были обновлены и пересозданы всѣ политическія учрежденія, среди ко-

торыхъ новыя судебныя установленія стоятъ одинако“, ибо иначе предвидѣли для судебныхъ уставовъ грозную опасность.

Понадобился рядъ ударовъ, не оставившихъ въ зданіи судебныхъ уставовъ камня на камнѣ, чтобы оптимизмъ разсѣялся, и общество поняло, что произошло печальное, но неизбѣжное приспособленіе новаго суда къ духу стараго режима, что новый судъ утерялъ многіе изъ тѣхъ признаковъ, которые непроходимой гранью отдѣляли его отъ стараго суда, и что служеніе великому дѣлу правосудія понемногу превратилось въ заурядную службу по судебному вѣдомству.

Посмотримъ теперь, какъ это произошло.

Мы знаемъ первоначальную формулу основныхъ положеній, гласившую, что судебная власть принадлежитъ судамъ „*безъ всякаго участія властей административныхъ*“, но мы знаемъ также, что уже при разсмотрѣніи судебныхъ уставовъ въ государственномъ совѣтѣ состоялся компромиссъ, создавшій примѣчаніе къ 1 ст. уст. уг. суд., въ силу котораго „административная власть принимаетъ въ установленномъ закономъ порядкѣ мѣры для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ“.

Вотъ эти-то мѣры и стали широко развиваться вмѣстѣ съ ростомъ реакціи, и дѣло дошло до того, что на почвѣ маленькаго примѣчанія выросла цѣлая система. Рядомъ съ обычнымъ судомъ по судебнымъ уставамъ выросла, съ одной стороны, почти совершенно отстранившая судъ отъ цѣлой категоріи дѣлъ административная расправа, а съ другой стороны, стали постоянно практиковаться изъятія изъ общаго судебнаго порядка, осуществляемыя путемъ передачи дѣлъ на разсмотрѣніе чрезвычайныхъ спеціальныхъ судовъ, какими у насъ явились суды военные.

Въ дореформенное время такой порядокъ былъ обычнымъ. Во-первыхъ, въ сводѣ законовъ можно было насчитать свыше сорока случаевъ, въ которыхъ допускалось преданіе виновныхъ военному суду, а во-вторыхъ, по сепаратнымъ высочайшимъ повелѣніямъ также неоднократно примѣнялся военный судъ или налагалась безъ всякаго суда кара въ видѣ сдачи въ солдаты, заточенія въ тюрьмѣ, крѣпости или монастырѣ и т. п., при чемъ извѣстны случаи заточеніи *одиночныхъ* и *пожизненныхъ*.

Судебные уставы, казалось, должны были положить конецъ такому порядку. Даже допустивъ, какъ мы знаемъ, право администраціи принимать мѣры *предупрежденія* и *пресѣченія*, государственный совѣтъ вовсе не предполагалъ узаконять такимъ путемъ возможность наложенія въ административномъ порядкѣ *наказаній*, такъ что позднѣйшая практика явилась отклоненіемъ отъ закона и его искаженіемъ. Не предвидѣли составители судебныхъ уставовъ и примѣненія въ мирное время спеціальныхъ военныхъ судовъ, ибо справедливо указали на то „основательное недовѣріе“, которое вызываютъ всякія спеціальныя коммиссіи, назначаемыя для суда по извѣстному дѣлу или категоріи дѣлъ.

Военное правосудіе въ мирное

время считалось совершенно похороненнымъ, и даже въ подцензурной печати того времени мы находимъ совершенно уничтожающую его, яркую и рѣзкую оцѣнку, данную авторомъ работы о судебной реформѣ Филипповымъ. Лишь заслуживающимъ одобренія minim'омъ признаетъ авторъ установленіе того правила, что въ мирное время политическія дѣла изъяты отъ суда военнаго. По существу же онъ вообще считаетъ невозможной передачу военному суду дѣлъ о гражданскихъ лицахъ. Онъ говоритъ: „Что такое военный судъ? Не есть ли это употребленіе силы съ самымъ слабымъ участіемъ права? Развѣ военный судъ, находящійся подъ страхомъ дисциплины и подъ вліяніемъ страстей, возбужденныхъ экстренностью положенія, можетъ быть безпристрастнымъ? Развѣ общество этого не понимаетъ и не сознаетъ ясно, что военный судъ есть въ строгомъ смыслѣ не судъ, а произвольное наказаніе, облеченное только въ форму военнаго приговора?... Взволнованное состояніе умовъ нельзя успокоить военными судами... Нерѣдко военное положеніе страны вызывается не столько дѣйствительною потребностью и опасностью отъ народнаго волненія, сколько робостью, трусливостью и преувеличеннымъ взглядомъ на нихъ администраторовъ... Нельзя отступать отъ законности и справедливости и немедленно прибѣгать къ насилію. И не можетъ ли каждый разъ администрація намѣренно объявлять край въ военномъ положеніи для того, чтобы обойти общую подсудность и пріобрѣсти право суда... Согласно ли это съ достоинствомъ правительства, націи и суда?..“

Какъ видимъ, авторъ, писавшій до военно-судебной реформы, имѣлъ въ виду не нормальную подсудность военно-окружныхъ судовъ, а функціонированіе военнаго суда въ мирное время и преданіе ему лицъ гражданскаго состоянія. Этому послѣднему порядку авторъ выноситъ рѣзкій и опредѣленный приговоръ, по существу вполнѣ пригодный для какихъ бы то ни было чрезвычайныхъ судовъ и расправъ внѣ обычнаго судебнаго порядка.

Но таковъ былъ не только голосъ изъ общества. При обсужденіи соотвѣтствующаго вопроса въ государственномъ совѣтѣ на такую же точку зрѣнія стало большинство совѣта, которое категорически высказалось въ томъ смыслѣ, что если бы и возникла надобность въ особо суровой репрессіи, то „лучше сдѣлать соотвѣтствующія этому измѣненія въ уложеніи о наказаніяхъ, нежели допускать изъятія изъ общаго порядка подсудности. Такія изъятія признавались всегда и вездѣ не только нераціональными, но и несправедливыми и возбуждали недовѣріе къ судамъ особеннымъ или чрезвычайнымъ“.

Итакъ, старый порядокъ изъятій, казалось, долженъ былъ явиться навсегда похороненнымъ. Къ сожалѣнію, ближайшее же будущее показало, что ему было суждено воскреснуть и распространиться.

Начнемъ съ вопроса объ участіи верховной власти въ непосредственномъ отправленіи правосудія.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, сопровождавшемъ основныя поло-

Антон Григорьевич Рубинштейн

[illegible] правительства,

[illegible]

[illegible] ленныхъ экст- [illegible]

[illegible]

вѣта, которое категорически выска- [illegible]

[illegible]

женія судебной реформы, между прочимъ указано, что, вопреки мнѣнію министра юстиціи, члены соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта *единогласно* высказались за то, чтобы на высочайшее разрѣшеніе представлялись только дѣла о помилованіи, такъ какъ „отъ высочайшей власти должны исходить однѣ милости, карать же и наказывать долженъ законъ и судъ". Но дѣйствительность сложилась совершенно иначе. Министры и шефъ жандармовъ продолжали неоднократно испрашивать высочайшія повелѣнія о наложеніи каръ безъ суда, а благодаря этому случаи лишенія должности, запрещенія въѣзда въ столицы, высылокъ, ссылки и даже лишенія свободы помимо всякаго судебнаго разбирательства сохранились на практикѣ и послѣ судебныхъ уставовъ.

Въ этой области извѣстны такіе отдѣльные яркіе примѣры, какъ многолѣтнее заточеніе безъ суда въ крѣпость или монастырь, или какъ *повышеніе* наказанія, опредѣленнаго судомъ. Послѣдній фактъ имѣлъ, напримѣръ, мѣсто по громкому политическому процессу, извѣстному подъ названіемъ „дѣло 193-хъ": цѣлый рядъ оправданныхъ по этому дѣлу подсудимыхъ подвергся ссылкѣ, а нѣсколькимъ изъ болѣе замѣтныхъ подсудимыхъ, приговоренныхъ сенатомъ къ ссылкѣ на поселеніе, это наказаніе замѣнено болѣе тяжкимъ.

Далѣе, при народныхъ волненіяхъ, дѣйствіяхъ скопомъ и т. д., и послѣ судебныхъ уставовъ сохранилась практика наложенія каръ администраціей безъ слѣдствія и суда, при чемъ этимъ карамъ обычно предшествовали массовыя экзекуціи. Власти, произведя усмиреніе, требовали выдачи „зачинщиковъ" или опредѣляли послѣднихъ по своему усмотрѣнію, и зачинщики тутъ же на мѣстѣ подвергались жестокому сѣченію розгами, а иногда даже плетьми.

Казалось бы, что это—вопіющее беззаконіе, идущее въ разрѣзъ какъ съ основными положеніями судебныхъ уставовъ, такъ и съ указомъ 1863 года объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, а между тѣмъ оно практиковалось гласно и неукоснительно. Дѣло объясняется тѣмъ, что легальнымъ титуломъ явилось постановленіе комитета министровъ, испросившаго на воскрешенную имъ дореформенную практику высочайшее соизволеніе.

Обращаясь къ послѣдующему ходу событій, мы увидимъ, что, хотя и по тексту судебныхъ уставовъ *настоящія гарантіи* были допущены лишь въ тѣхъ дѣлахъ, которыя стояли внѣ всякаго соприкосновенія съ прерогативами правительства, но и этого оказалось мало: нормальный судебный порядокъ какъ въ стадіи предварительнаго слѣдствія, такъ и въ стадіи разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла, сталъ все болѣе и болѣе оттѣсняться по цѣлому ряду дѣлъ частью юрисдикціей военныхъ судовъ, частью наложеніемъ административныхъ каръ, прикрытыхъ формами принятія мѣръ предупрежденія и пресѣченія.

Такъ, по закону 19 мая 1871 года, дознанія по государственнымъ преступленіямъ переданы чинамъ корпуса жандармовъ и установлено,

что законченныя дознанія препровождаются прокуроромъ судебной палаты министру юстиціи, который, *по сношеніи съ шефомъ жандармовъ,* или дѣлаетъ распоряженіе о направленіи дѣла въ судебномъ порядкѣ, или испрашиваетъ высочайшее повелѣніе о прекращеніи производства. Но на ряду съ этой комбинаціей новелла прямо устанавливаетъ возможность и другого исхода — разрѣшенія дѣла въ административномъ порядкѣ, т.-е. *наложенія кары безъ суда.*

Новелла сопровождалась характерной мотивировкой. Новый порядокъ прежде всего оправдывался чрезмѣрной строгостью существующихъ наказаній за государственныя преступленія и необходимыми поэтому „видами человѣколюбія"; но рядомъ съ этимъ шло указаніе на „трудность во многихъ случаяхъ собрать достаточно уликъ для постановки обвинительнаго приговора", идущее въ совершенный разрѣзъ съ помянутыми „видами человѣколюбія", разъ и въ этихъ случаяхъ налагалась какая-либо кара.

Законъ 7 іюня 1872 года передаетъ судъ по важнѣйшимъ государственнымъ преступленіямъ особому присутствію сената съ участіемъ сословныхъ представителей, а въ 1874 году выходитъ законъ, изъемлющій изъ нормальной юрисдикціи дѣла о составленіи противозаконныхъ сообществъ и объ участіи въ нихъ. Въ 1878 году такая же судьба постигаетъ дѣла о явномъ возстаніи противъ правительственныхъ властей, о противодѣйствіи или сопротивленіи ихъ распоряженіямъ, а также объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ, о нанесеніи имъ ранъ и увѣчій при исполненіи ими служебныхъ обязанностей или вслѣдствіе такого исполненія. Затѣмъ, съ 1878 по 1901 годъ издается рядъ законовъ, коими расширяется несудебный порядокъ рѣшенія политическихъ дѣлъ, при чемъ уже не требуется высочайшаго соизволенія, а для наложенія административной кары признается достаточнымъ сперва соглашеніе министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ даже просто соглашеніе высшихъ органовъ, имъ подчиненныхъ.

Особенно характерными и важными по своимъ послѣдствіямъ, далеко уводящимъ насъ отъ судебныхъ уставовъ, являются законъ 9 августа 1878 года, коимъ открывается возможность за важнѣйшія политическія преступленія и посягательства на должностныхъ лицъ предавать обвиняемыхъ военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени, законъ 1882 года о полицейскомъ надзорѣ и законъ 1881 года—знаменитое „Положеніе о мѣрахъ къ огражденію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія", которое ввело систему въ административныя кары и которое по существу своему съ полнымъ правомъ можетъ быть названо нашей великой хартіей вольностей навыворотъ.

Нормальный судъ по важнѣйшимъ противоправительственнымъ дѣяніямъ послѣ этихъ законодательныхъ актовъ почти исчезъ; они закрѣпили и расширили всѣ сдѣланныя раньше изъятія и оставили лишь выборъ между примѣненіемъ

каръ въ административномъ порядкѣ и сужденіемъ военнымъ судомъ по законамъ военнаго времени.

Остановимся теперь на основныхъ чертахъ военнаго правосудія.

Въ силу 17 и 18 ст. положенія объ охранѣ, министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-губернаторамъ и военнымъ главноначальствующимъ предоставлено право цѣлый рядъ преступленій передавать въ военный судъ для сужденія по законамъ военнаго времени, *когда они признаютъ это неизбѣжнымъ* въ видахъ огражденія государственнаго и общественнаго порядка. Указанное право даже не ограничено твердыми территоріальными предѣлами: по ст. 28 и 31 полож. даже „въ смежныхъ губерніяхъ и областяхъ или даже *во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства*" можетъ быть отданъ приказъ о примѣненіи военнаго суда; достаточно, значитъ, чтобы гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ была введена усиленная охрана.

По вопросу о томъ, за какія вины можетъ грозить военный судъ, мы находимъ, что къ случаямъ, о которыхъ говорилъ законъ 1878 года, добавлено указаніе на всякаго рода посягательства на должностныхъ лицъ, включая сюда войско и полицію, если они „сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ".

Какъ видимъ, кругъ достаточно широкій, но еще нужно добавить, что неясное выраженіе въ ст. 17— „сужденіе по законамъ военнаго времени" — не было разъяснено въ законодательномъ порядкѣ; практика же восприняла разъясненіе главнаго военнаго суда, который (въ 1887 году, № 117) категорически заявилъ, что упомянутые законы военнаго времени „обнимаютъ собою нормы какъ процессуальныя, такъ и матеріальныя", а потому санкціонировалъ примѣненіе 279 ст. воинск. уст. о нак., т.-е. смертной казни, и при томъ не только въ предѣлахъ перечня разъясненной статьи, но и внѣ *этого исчерпывающаго перечня.*

Сверхъ того, военнымъ судамъ предписано путемъ *циркуляра* и до сихъ поръ *не опубликованнаго,* примѣняя 279 ст., приговаривать *исключительно къ смертной казни* (циркуляръ министра Ванновскаго съ ссылкой на словесное высочайшее повелѣніе отъ 11 августа 1887 г.), прибѣгая при наличности смягчающихъ вину обстоятельствъ лишь *къ ходатайству* о смягченіи наказанія. Это ходатайство должно быть изложено отдѣльно отъ приговора и, какъ свидѣтельствуетъ постоянный опытъ, оно слишкомъ часто остается безъ уваженія. Если мы прибавимъ сюда, что въ военномъ судѣ сроки и всякія гарантіи правъ обвиняемаго сведены къ ничтожному minim'у и даже право подачи кассаціонной жалобы и прошенія о помилованіи поставлено въ зависимость отъ согласія мѣстнаго высшаго военнаго начальства, то мы ясно увидимъ, какой порядокъ сужденія антиправительственныхъ дѣяній пришелъ на смѣну порядка, начертаннаго въ судебныхъ уставахъ.

Обратимся теперь къ наложенію наказаній безъ суда, т.-е. въ порядкѣ административномъ. Оффиціально это не наказанія, а лишь мѣры преду-

прежденія и пресѣченія, но, если мы вникнемъ въ существо этихъ мѣръ, то мы ясно увидимъ, что по существу передъ нами—настоящія и порою тяжкія кары, наложенныя съ полнымъ нарушеніемъ порядка, предусмотрѣннаго судебными уставами.

Начнемъ съ того, что уже стадія предварительнаго производства лишена надлежащихъ гарантій. Обычной мѣрой „пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда“ является здѣсь лишеніе обвиняемаго свободы, почти всегда въ видѣ одиночнаго заключенія, которое иногда длится невѣроятно долго (напримѣръ, по т.-наз. „дѣлу 193-хъ“ многіе просидѣли въ предварительномъ одиночномъ заключеніи болѣе трехъ лѣтъ). Отсюда—случаи самоубійства, сумасшествія, а въ видѣ заурядныхъ послѣдствій разстройство здоровья и въ частности нервной системы.

Затѣмъ, слѣдуетъ административный приговоръ; офиціально въ немъ идетъ рѣчь объ отдачѣ подъ надзоръ полиціи, но для осуществленія надзора обычно назначается отдаленное мѣсто жительства, такъ что de facto надзоръ превращается въ ссылку, т.-е. въ настоящее наказаніе и притомъ порою чрезвычайно тяжкое, ибо ссылаютъ въ такія глухія и почти невозможныя для существованія мѣста, какъ отдаленные улусы якутской области, нарымскій край и т. п.

Картина должна быть дополнена тѣмъ, что неимущимъ ссыльнымъ выдается, и то далеко неаккуратно, очень малое ежемѣсячное пособіе, что имъ запрещена служебная, педагогическая, врачебная и вообще всякая интеллектуальная дѣятельность, что жить приходится не только вдали отъ культурныхъ условій, но иногда прямо среди дикарей, и что, наконецъ, тяжесть ссылки во многихъ отношеніяхъ зависитъ отъ произвола мѣстныхъ властей, которыя въ этихъ отдаленныхъ и „гиблыхъ“ мѣстахъ зачастую стоятъ неизмѣримо ниже средняго уровня.

А между тѣмъ, этотъ порядокъ, составляющій коренное противорѣчіе съ основными началами судебной реформы, сталъ все болѣе и болѣе завоевывать позиціи, такъ что за послѣднее десятилѣтіе XIX в. онъ получилъ безраздѣльное господство, а съ 1894 по 1901 годъ, какъ свидѣтельствуютъ офиціальныя данныя, уже *ни одно* преступленіе, относящееся къ той категоріи, которую имѣли въ виду исключительныя положенія и ограничительныя новеллы, не было разсмотрѣно въ порядкѣ, установленномъ судебными уставами даже въ измѣненной ихъ редакціи.

Болѣе того. Для примѣненія административной кары вовсе не требуется непремѣнно наличности преступленія и при томъ вполнѣ доказаннаго. Наша практика сдѣлала въ этой области рѣшительный шагъ, который не только оказался въ противорѣчіи съ основами судебныхъ уставовъ, но и создалъ нѣчто гораздо худшее, чѣмъ дореформенный институтъ „оставленія въ подозрѣніи“: оставленный даже въ „сильнѣйшемъ подозрѣніи“ подвергался нѣкоторымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ въ правахъ, но онъ оставался у себя дома; заподозрѣнный въ по-

слѣдней трети XIX в. легко могъ попасть въ ссылку.

Что ссылка можетъ быть наложена при отстуствіи опредѣленнаго преступнаго дѣянія и достаточныхъ уликъ,—этому имѣются безспорныя и офиціальныя доказательства. Какъ мы видѣли, уже въ законѣ 19 мая 1871 г. административныя кары мотивировались не только „видами человѣколюбія", но и тѣмъ, что *не всегда удается собрать достаточное количество уликъ для постановки обвинительнаго приговора*". Такимъ образомъ вмѣсто соотвѣтствующихъ духу судебныхъ уставовъ правилъ—„сомнѣніе въ пользу обвиняемаго" и „всякій почитается невиннымъ, доколѣ его виновность не будетъ доказана" — является новое правило: всякій заподозрѣнный можетъ быть приравненъ къ уличенному.

Въ началѣ же XX вѣка уже прямо отождествляется неблагонадежность и преступность, ибо закономъ 7 іюня 1904 года прямо устанавливается возможность наложенія административныхъ каръ за дѣла, по которымъ на основаніи данныхъ, добытыхъ при дознаніи, „*обвиняемые не могутъ быть изобличены въ учиненіи опредѣленнаго преступнаго дѣянія государственнаго*", ибо установленнымъ является „*лишь* вредное вообще для государственнаго порядка или общественнаго спокойствія направленіе дѣятельности обвиняемыхъ, или *политическая ихъ неблагонадежность*".

При такой постановкѣ дѣла немудрено, что каждая серьезная провѣрка приговоровъ, постановленныхъ въ административномъ порядкѣ (напримѣръ въ 1880 г. при Лорисъ-Меликовѣ и въ 1905 г., „въ дни свободъ"), неизбѣжно вызываетъ массовую отмѣну этихъ приговоровъ. Практика наша знаетъ, напримѣръ, случай—лишенія свободы „*на предметъ переписки объ уясненіи политической неблагонадежности*", а въ назначеніи высылки дѣло иногда доходитъ до курьезовъ, подобныхъ тому, который имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ крупныхъ южныхъ городовъ: при сообщеніи надлежащему начальству необходимыхъ свѣдѣній въ графѣ о проступкѣ, подавшемъ поводъ къ наложенію административной кары на одного изъ обвиняемыхъ, было лаконически обозначено: „гулялъ съ Лавровой", а карою за это „преступленіе" явилась трехлѣтняя ссылка...

Итакъ, громадная область дѣлъ явилась совершенно изъятой изъ вѣдѣнія новыхъ судовъ; довѣріе къ нимъ власти упало, сами они были взяты въ подозрѣніе, а для разбора указанныхъ дѣлъ была создана процедура, не имѣющая ничего общаго съ судебными уставами и разрушающая ихъ основныя положенія.

3.

Устраненіе судебныхъ учрежденій отъ цѣлаго ряда дѣлъ не явилось единственной „реформой наоборотъ". Наряду съ нимъ шла цѣлая вереница мѣръ, имѣвшихъ цѣлью, во-первыхъ, сокращеніе компетенціи суда присяжныхъ и правъ адвокатскаго сословія, во-вторыхъ, уменьшеніе судейской независимости и несмѣняемости и, въ - третьихъ, уничтоженіе созданной судебными уставами твердой границы между властью судебной и властью

административной. Къ обозрѣнію этихъ мѣръ мы и переходимъ.

Причины, вызвавшія реакціонный походъ противъ новыхъ судовъ вообще, не могли не отразиться съ особой интенсивностью на судѣ присяжныхъ. Независимый присяжный элементъ, недоступный воздѣйствіямъ и внушеніямъ, сдѣлался ненавистенъ всѣмъ тѣмъ, которые при старыхъ порядкахъ, благодаря разнымъ связямъ, хоронили свои грѣшки или выходили сухими изъ воды. Враждебное отношеніе этого суда къ фактамъ насилія и произвола ошеломляло всѣхъ сторонниковъ того убѣжденія, что, разъ они являются агентами власти, законъ для нихъ не писанъ. Сверхъ того, судъ присяжныхъ, рѣшая по убѣжденію и совѣсти вопросъ о виновности, часто выносилъ оправдательные вердикты при доказанности событія преступленія и даже при наличности сознанія обвиняемаго, а это обстоятельство въ глазахъ всѣхъ сторонниковъ формализма являлось вопіющимъ беззаконіемъ и присвоеніемъ себѣ присяжными прерогативы помилованія.

Рядъ процессовъ, въ исходѣ которыхъ администрація считала себя особо заинтересованной, положилъ начало ряду новеллъ, ограничивающихъ компетенцію присяжнаго суда. Уже на первыхъ порахъ, какъ мы знаемъ, у этого суда были отняты преступленія, совершаемыя путемъ печати. Еще бóльшую роль сыгралъ уже упомянутый нами процессъ Протопопова и особенно процессъ Засуличъ, въ которомъ присяжными была оправдана подсудимая, покушавшаяся на жизнь петербургскаго градоначальника Трепова послѣ тяжкаго надругательства со стороны этого послѣдняго надъ близкимъ подсудимой политическимъ заключеннымъ.

Оба вердикта вызвали въ реакціонныхъ кругахъ страшное негодованіе. Органъ реакціонеровъ „Вѣсть“ сталъ писать о „революціонныхъ проискахъ“ суда; изъ того же лагеря послышались рѣчи о глумленіи надъ властью и „торжествѣ крамолы“.

И вотъ въ первую очередь, по иниціативѣ министра юстиціи Палена, изъемлются закономъ 9 мая 1878 г. отъ суда присяжныхъ и передаются судебнымъ палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей дѣла о явномъ возстаніи противъ властей, о противодѣйствіи ихъ распоряженіямъ и постановленіямъ и о всякаго рода посягательствахъ на должностныхъ лицъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей или вслѣдствіе такого исполненія. Затѣмъ, когда по представленію министра юстиціи Набокова было предположено раздѣлить по существу означенную категорію дѣлъ на дѣла болѣе и менѣе важныя, возвративъ послѣднія въ вѣдѣніе присяжныхъ, въ концѣ концовъ послѣдовало лишь дальнѣйшее суженіе компетенціи суда присяжныхъ.

При министрѣ юстиціи Манасеинѣ уже прямо было заявлено, что цѣлый рядъ дѣлъ болѣе сложныхъ недоступенъ правильному пониманію присяжныхъ; законъ 7 іюля 1889 года наноситъ рѣшительный ударъ ихъ компетенціи; онъ передаетъ частью палатамъ, а частью сенату съ участіемъ сословныхъ

представителей всѣ дѣла о преступленіяхъ по службѣ, рядъ дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, дѣла банковыя, нарушенія уставовъ казенныхъ управленій и др.

Рядомъ съ этимъ дѣлаются попытки измѣнить составъ лицъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя: законы 12 іюня 1884 г., 28 апрѣля 1887 г. и 3 декабря 1890 г. измѣняютъ существеннымъ образомъ правила о составленіи списковъ присяжныхъ, особенно выдвигая значеніе имущественнаго ценза, а въ результатѣ, даже по признанію офиціальныхъ источниковъ, значительно сокращается тотъ кругъ лицъ, изъ котораго почерпаются присяжные.

Особенно характернымъ въ дѣлѣ нанесенія ударовъ суду присяжныхъ является слѣдующее. И на западѣ имѣются враги этого суда, выдвинувшіе противъ него рядъ аргументовъ и желающіе его уничтоженія; но эти враги (особенно въ лицѣ талантливаго представителя уголовно-антропологической школы Энрико Ферри) требуютъ, чтобы судъ присяжныхъ обязательно сохраненъ былъ для политическихъ преступленій, преступленій печати и всѣхъ преступленій, гдѣ замѣшаны интересы органовъ власти, т.-е. во всѣхъ тѣхъ именно случаяхъ, которые у насъ изъяты изъ компетенціи присяжныхъ.

Такимъ образомъ независимый голосъ представителей общественной совѣсти ко вреду для истинныхъ интересовъ правосудія у насъ надолго умолкъ въ той области, гдѣ онъ долженъ былъ бы звучать особенно громко.

Справедливость заставляетъ насъ, однако, отмѣтить, что въ походѣ на судъ присяжныхъ его врагамъ, помимо собственнаго желанія, пришлось остановиться на половинѣ дороги; суду присяжныхъ готовилась еще горшая участь, но попытки послѣдняго рода потерпѣли фіаско.

Съ началомъ восьмидесятыхъ годовъ и наступившимъ разгаромъ реакціи все сильнѣе и настойчивѣе изъ праваго лагеря раздаются голоса, требующіе уничтоженія суда присяжныхъ; рядомъ же съ этимъ идутъ предложенія такихъ реформъ, которыя, формально сохраняя судъ присяжныхъ, совершенно исказили бы его сущность и его природу. По справедливому замѣчанію Джаншіева, судъ присяжныхъ самъ „очутился подъ немилостивымъ судомъ въ положеніи травимаго звѣря“, несмотря на то, что этотъ судъ, какъ удачно опредѣляетъ проф. Фойницкій, вездѣ „сдѣлался естественнымъ судьей по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ для человѣка европейской культуры“. М. Н. Катковъ, который прежде привѣтствовалъ „заложеніе основъ независимой судебной власти“ и „привлеченіе всего народа къ дѣйствительному участію въ правосудіи“, теперь въ своихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ подалъ подхваченный многими сигналъ къ непрерывной травлѣ новаго суда („Катковъ,— отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ академикъ Никитенко,— какъ бѣшеный кидается на новые суды“) и особенно суда присяжныхъ.

Очень трудно формулировать вкратцѣ всѣ тѣ нападки, которыя посыпались на присяжныхъ: ненависти и глумленія здѣсь неизмѣримо больше, чѣмъ критики и доказательствъ; но болѣе существенные пункты мы постараемся отмѣтить.

Въ своей книгѣ „Судъ и полиція“ цѣлый обвинительный актъ противъ суда присяжныхъ выдвинулъ г. Фуксъ; присяжные, по его мнѣнію, вносятъ въ судебное дѣло элементъ случайности и произвола и ниспровергаютъ авторитетъ закона, а по существу „эта революціонно-демократическая форма суда несовмѣстима съ существующей въ Россіи формой правленія“. Далѣе, рядъ энергичныхъ нападокъ на судъ присяжныхъ сдѣлалъ въ своемъ оберъ—прокурорскомъ заключеніи по громкому дѣлу Мельницкихъ извѣстный криминалистъ Н. А. Неклюдовъ, который возмущался „скандальными оправдательными приговорами присяжныхъ“, ихъ произволомъ и вліяніемъ на нихъ случайныхъ обстоятельствъ и моментовъ, не относящихся къ существу дѣла.

Такимъ образомъ, судъ присяжныхъ подвергся серьезной опасности особенно со стороны тѣхъ враговъ, которые хорошо знали, что дѣлали, выдвигая эпитетъ „революціонно-демократическій“.

Судъ присяжныхъ, несмотря на указанныя грозныя обвиненія, все же уцѣлѣлъ. Во-первыхъ, правительство, уже устранившее присяжныхъ отъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, гдѣ были замѣшаны его органы власти и вообще какіе бы то ни было его прямые интересы, не чувствовало уже въ вопросѣ особой остроты, а, во-вторыхъ, обвинителямъ и въ судебныхъ сферахъ и въ печати данъ былъ рѣшительный отпоръ.

Еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ виду нападокъ на судъ присяжныхъ, А. Ф. Кони представилъ министру юстиціи Палену обширную докладную записку въ защиту этого института, написанную съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, что она сыграла серьезную роль, и Паленъ долженъ былъ признать „богатство собранныхъ матеріаловъ и вѣрность выводовъ“. Рѣшительную отповѣдь встрѣтилъ и Фуксъ въ лицѣ Джаншіева, Аксакова и мн. др. Наконецъ, выступленіе Неклюдова сопровождалось одновременнымъ выступленіемъ въ сенатѣ Спасовича, который далъ глубокій и обстоятельный отвѣтъ Неклюдову по существу. Спасовичъ поставилъ вопросъ прямо и рѣшительно, не закрывая глазъ на недостатки суда присяжныхъ, но и съ полнымъ сознаніемъ незамѣнимыхъ его достоинствъ. Онъ указалъ, что по дѣлу Мельницкихъ „судятся не лица, а обвиняется и судится самъ институтъ присяжныхъ, обвиняемый въ дурномъ и неправильномъ дѣйствіи... на него мы молились, его мы нѣжили и чествовали, а теперь, можетъ быть, будемъ собственными руками разрушать“.

Допуская далѣе, что „институтъ боленъ, серьезно боленъ“, Спасовичъ указываетъ, что во многомъ виноватъ не институтъ самъ по себѣ, а тѣ неправильныя условія, въ которыя онъ поставленъ и въ которыхъ ему приходится функціониро-

вать. Значительная часть грѣха лежитъ не на присяжныхъ, а на такихъ элементахъ, оказавшихъ вліяніе на развитіе и дѣятельность суда присяжныхъ, какъ слѣдователи, прокуратура, адвокатура, судьи и самый сенатъ, которому въ отношеніи къ суду присяжныхъ подобала „роль опытнаго педагога", а онъ между тѣмъ сдѣлалъ много противорѣчивыхъ и неправильныхъ „надстроекъ къ законамъ" въ области опредѣленія условій дѣятельности присяжныхъ вообще и постановки имъ вопросовъ на судѣ—въ частности.

Рекомендуя „дать въ руки суду болѣе удовлетворительный и порядочный уголовный кодексъ", чѣмъ устарѣвшее уложеніе о наказаніяхъ, Спасовичъ въ заключеніе категорически осуждаетъ стремленіе смотрѣть на присяжныхъ, какъ на какую-то „mimosa pudica", и даетъ вѣрное опредѣленіе сущности суда присяжныхъ, утверждая, что они не только судьи факта, судьи конкретныхъ обстоятельствъ (какъ говорила вслѣдъ за Буцковскимъ старая доктрина и вмѣстѣ съ ней сенатъ), но и судьи *„вопроса о виновности въ полномъ его объемѣ"*.

Такимъ образомъ, своей рѣчью, весьма повліявшею на дальнѣйшій ходъ кассаціонной практики сената, Спасовичъ оказалъ цѣнную услугу русскому правосудію, ослабивъ ударъ, грозившій суду присяжныхъ.

Но, если судъ присяжныхъ, несмотря на всѣ нападки, уцѣлѣлъ отъ уничтоженія, то это не избавило его отъ посягательствъ иного рода. Въ девяностыхъ годахъ является рядъ предложеній *реформировать* этотъ судъ, но при этомъ были предложены такіе проекты реформы, которые, сохраняя внѣшнюю оболочку присяжнаго института, убивали его живую душу.

Таковъ прежде всего былъ проектъ министра юстиціи Манасеина, который въ 1893 году предложилъ, чтобы коронный судъ могъ отмѣнять не только вердиктъ присяжныхъ, коимъ, по единогласному мнѣнію судей, осужденъ явно невинный (порядокъ, принятый нашими судебными уставами и лучшими кодексами континентальной Европы), но и каждый вердиктъ, коимъ, по мнѣнію короннаго суда, оправданъ виновный.

Очевидно, что, если бы этотъ проектъ осуществился, послѣдовало бы полное торжество формальной точки зрѣнія и рядъ весьма вредныхъ послѣдствій. Возьмемъ тѣ случаи, когда фактъ преступленія доказанъ, и особенно когда имѣется налицо сознаніе обвиняемаго; присяжные, оцѣнивая вину подсудимаго по внутреннему убѣжденію, вовсе не считаютъ синонимами понятія „совершилъ" и „виновенъ"; они считаются съ мотивами дѣянія, со всей его житейской обстановкой, съ прошлымъ подсудимаго и его личностью, а потому по совѣсти и въ интересахъ жизненной правды могутъ отвѣтить „нѣтъ, невиновенъ" въ то время, когда коронный судья твердо сказалъ бы „да".

Такихъ случаевъ можетъ быть очень много и, если не будетъ разъ навсегда признано, что присяжные не только судьи факта, но и судьи вопроса о виновности въ полномъ его объемѣ, неизбѣжны будутъ постоянные конфликты между корон-

нымъ и присяжнымъ судомъ: первый сдѣлается опекуномъ и хозяиномъ второго; ослабѣетъ драгоцѣнное свойство присяжныхъ—ихъ независимость, сознаніе отвѣтственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и напряженно внимательное отношеніе къ дѣлу и т. п.

Проектъ Манасеина, на которомъ императоръ Александръ III уже написалъ „съ“ (согласенъ), послѣ дальнѣйшей разработки былъ посланъ на заключеніе вѣдомствъ и здѣсь встрѣтилъ энергичную оппозицію, при чемъ особенно отрицательно и съ блестящей мотивировкой высказался противъ проекта уголовный кассаціонный департаментъ сената; проектъ въ жизнь не прошелъ и утвержденія не получилъ.

Являлись проекты и другого рода. Было предложено слить присяжныхъ и судей въ одну коллегію, при чемъ въ печати эту идею особенно энергично пропагандировали въ 1895 году гг. Дейтрихъ и Закревскій.

Данный проектъ отчасти нашелъ осуществленіе въ выработанныхъ комиссіей министра юстиціи Муравьева преобразованныхъ судебныхъ уставахъ, создавшихъ для ряда дѣлъ смѣшанную коллегію изъ 3 судей и 9 присяжныхъ съ повышеннымъ цензомъ подъ названіемъ суда со спеціальными присяжными. Уставы остались неутвержденными, а потому мы можемъ на этомъ проектѣ больше не останавливаться. Отмѣтимъ только, что и безъ слiянія коллегій коронные судьи имѣютъ и теперь осуществляемую ими возможность широкаго вліянія на присяжныхъ; но только теперь это вліяніе оказывается въ залѣ судебнаго засѣданія, гласно и на глазахъ сторонъ, которыя имѣютъ право протеста, если усмотрятъ что-либо, несогласное съ закономъ; при сліяніи же центръ тяжести перемѣстился бы въ судейскую совѣщательную комнату и явилась бы возможность безконтрольнаго вліянія и даже давленія, благодаря чему исчезла бы самостоятельность присяжныхъ, составляющая душу института, и мы во многихъ случаяхъ, особенно при болѣе пассивныхъ составахъ, имѣли бы скорѣе безгласныхъ, чѣмъ присяжныхъ засѣдателей.

Итакъ, судъ присяжныхъ сохранилъ свою первоначальную организацію, которая и въ новой литературѣ встрѣтила рядъ убѣжденныхъ защитниковъ (Фойницкій, Случевскій, Кони, Бобрищевъ-Пушкинъ и мн. др.). Характерно, что время отъ времени атаки возобновляются и, напримѣръ, въ 1903 г. въ отдѣленіи уголовнаго кассаціоннаго департамента состоялось рѣшеніе, коимъ категорически отвергалось право присяжныхъ оправдывать сознавшихся подсудимыхъ; рѣшеніе это встрѣтило дружный протестъ въ общей и юридической печати и было отмѣнено департаментомъ.

Но сфера присяжнаго суда оказалась сильно сокращенной; продолжая свою высокую миссію, онъ вошелъ въ двадцатый вѣкъ съ такимъ умаленіемъ его компетенціи, что дѣла, наиболѣе важныя для общественныхъ интересовъ и правъ, сдѣлались ему неподсудными.

Обратимся теперь къ другому элементу, участвующему въ дѣлѣ суда,—адвокатурѣ, дѣятельность ко-

торой въ сферѣ уголовнаго суда была мѣтко охарактеризована въ нашей литературѣ, какъ „служеніе общественное“.

Уже судебными уставами самоуправленіе адвокатуры было поставлено подъ контроль судебныхъ палатъ и подвергнуто нѣкоторымъ ограниченіямъ. Но, какъ показалъ опытъ, эти ограниченія не помѣшали сословію присяжныхъ повѣренныхъ развиваться и пріобрѣтать широкое общественное довѣріе, не помѣшали ему, находясь подъ эгидой выборныхъ совѣтовъ и чтя законъ и судъ, держать себя по отношенію къ послѣднему съ полнымъ достоинствомъ и независимо.

Но не такъ смотрѣло на дѣло министерство юстиціи, предпочитающее и адвокатуру поставить хотя бы въ косвенную отъ себя зависимость, подчинивъ ее по дѣламъ дисциплинарнымъ не выборнымъ совѣтамъ, а окружнымъ судамъ.

Уже въ 1874 году министерство сдѣлало представленіе, въ которомъ утверждало, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были уже учреждены совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, они „не оправдали возложенной на нихъ задачи надзора за охраненіемъ достоинства и нравственной чистоты въ дѣйствіяхъ лицъ, принадлежавшихъ къ этому сословію“. Результатомъ явилась новелла о временной пріостановкѣ открытія новыхъ совѣтовъ, а въ 1889 году сюда была присоединена новелла, пріостанавливающая дальнѣйшее открытіе отдѣленій совѣтовъ; хотя эти ограниченія по тексту закона должны были имѣть временный характеръ, но и въ XX-й вѣкъ мы вошли съ полнымъ ихъ сохраненіемъ.

Но этимъ посягательства на независимость адвокатуры не ограничились. Въ 1878 г. министръ юстиціи Паленъ пожелалъ „для возвышенія нравственнаго уровня“ присяжной адвокатуры получить право по своему усмотрѣнію исключать изъ сословія „недостойныхъ“ присяжныхъ повѣренныхъ, тогда какъ раньше это право было ему предоставлено закономъ 1874 года лишь относительно частныхъ повѣренныхъ. Это домогательство было отвергнуто государственнымъ совѣтомъ, но Дамокловъ мечъ оставался занесеннымъ надъ адвокатурой.

Шесть лѣтъ спустя, въ упомянутомъ уже нами заключеніи по дѣлу Мельницкихъ, оберъ-прокуроръ Неклюдовъ рѣзко и сильно обрушился на адвокатуру. Возмущаясь „скандальными оправдательными приговорами присяжныхъ“, онъ приписывалъ ихъ злоупотребленіямъ защиты, настаивалъ на ея обузданіи и на принятіи строгихъ мѣръ, которыя воспрепятствовали бы защитѣ „попирать законы морали и общественнаго строя“, превращать судебныя рѣчи въ „судебный потопъ“ и „требовать, чтобы ей былъ отпущенъ ея Варрава“, „распиная“ при этомъ свидѣтелей, потерпѣвшаго, обвинителя и „самый законъ“.

Брошенную перчатку поднялъ Спасовичъ. Онъ энергично въ томъ же засѣданіи выступилъ на защиту свободы адвокатуры и ея правъ на судѣ. Отмѣтивъ, что требуемыя мѣры еще не приняты и „слово защиты еще свободно“, онъ просилъ у предсѣдателя позволенія „можетъ быть

въ послѣдній разъ воспользоваться словомъ во всемъ объемѣ этой свободы" и затѣмъ въ своей рѣчи детально выяснилъ, что цѣлый рядъ серьезныхъ причинъ оказываетъ вліяніе на характеръ вердиктовъ присяжныхъ, и что, слѣдовательно, невѣрно и несправедливо сваливать все на злоупотребленія адвокатуры.

Затѣмъ, по инціативѣ Спасовича, въ печати появился протестъ, подписанный такими выдающимися представителями адвокатуры, какъ Стасовъ, Арсеньевъ, Унковскій и Люстихъ; въ протестѣ детально и убѣдительно была опровергнута аргументація Неклюдова и доказано было, что при осуществленіи желаемыхъ имъ рамокъ въ сущности исчезла бы всякая свобода защиты, и что предложенные имъ „надрѣзы и прижиганія" неспособны ни въ малѣйшей степени содѣйствовать „дѣлу суда и правды" и „оздоровленію судейскаго организма, если бы и были установлены какія-либо ненормальности въ отправленіяхъ правосудія".

Отвѣта со стороны Неклюдова не послѣдовало. Слово адвокатуры осталось въ предѣлахъ той относительной свободы, которую оно имѣло до дѣла Мельницкихъ, и въ связи съ этимъ дѣломъ новыхъ скорпіоновъ на долю адвокатуры не выпало.

Но нельзя сказать, что всѣ посягательства, хотя бы и неудавшіяся, прошли безслѣдно; осадокъ остался и выразился въ томъ весьма далекомъ отъ идеала отношеніи къ адвокатурѣ со стороны магистратуры и въ частности отношеніи многихъ предсѣдательствующихъ къ адвокатамъ, выступающимъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, которое, къ сожалѣнію, является печальной особенностью нашей судебной жизни, знающей типы предсѣдателей раздражительныхъ и обрывающихъ защиту и въ то же время прекрасно умѣющихъ себя сдерживать и оставаться въ границахъ корректности, когда они обращаются къ прокуратурѣ.

Нельзя въ заключеніе пройти молчаніемъ мѣръ спеціальныхъ и сепаратныхъ: это мѣры ограниченія доступа въ адвокатуру евреевъ, порою переходившія къ прямому недопущенію и сохранившіяся и въ началѣ XX вѣка.

Итакъ, представителямъ общественнаго элемента въ судѣ—присяжнымъ засѣдателямъ и присяжнымъ повѣреннымъ—пришлось не мало испытать, благодаря недовѣрію къ нимъ правительства. Естественно, что разъ это недовѣріе явилось, оно распространялось и дальше, т.-е. на все общество и выразительницу его взглядовъ—печать. Принципы гласности и публичности судебнаго разбирательства, провозглашенные въ эпоху довѣрія къ обществу, широко распахнули двери суда. Съ упадкомъ довѣрія не могло не возникнуть стремленія эти двери, если не захлопнуть, то призатворить.

Судебнымъ уставамъ было извѣстно лишь закрытіе дверей *по постановленію самаго суда* и при томъ *въ ясно и точно опредѣленныхъ закономъ исключительныхъ случаяхъ.* Съ 1887 г. этотъ порядокъ испытываетъ цѣлый рядъ весьма существенныхъ измѣненій. Во-первыхъ, суду предоставлено право закрывать двери засѣданія по своему усмотрѣнію во всѣхъ случаяхъ, когда судъ признаетъ,

что въ данномъ дѣлѣ публичное изслѣдованіе „оскорбляетъ религіозное чувство или нарушаетъ требованія нравственности, или же не можетъ быть допущено *въ видахъ огражденія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка или обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій*“. Очевидно, что при полной неопредѣленности подчеркнутыхъ нами выраженій судъ получилъ дискреціонное право закрывать двери во всѣхъ случаяхъ, когда находилъ это нужнымъ. Во-вторыхъ, появилось и закрытіе дверей помимо суда, властью министра юстиціи и генералъ-губернаторовъ. Большинство государственнаго совѣта отрицательно отнеслось къ представленію министра юстиціи по данному вопросу. Хотя министръ и указывалъ, что въ дѣлѣ могутъ заключаться „данныя, имѣющія особый характеръ и неподлежащія публичному обсужденію“, при чемъ оцѣнка этихъ данныхъ „не можетъ быть предоставлена мѣстному суду“, которому даже не всегда удобно сообщить надлежащія свѣдѣнія, но большинство государственнаго совѣта справедливо нашло, что право министра давать предписанія суду о слушаніи дѣла непублично явилось бы умаленіемъ достоинства суда и нарушило бы основныя начала нашего судебнаго строя, ибо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ „публичность безспорно вліяетъ на правильность самаго приговора“.

Тѣмъ не менѣе, закономъ сдѣлалось не это мнѣніе, а мнѣніе меньшинства, поддержавшаго представленіе министра юстиціи, и съ этого времени непубличное слушаніе дѣлъ „по ордеру министра юстиціи“ становится обычнымъ явленіемъ въ области нашего правосудія. Наконецъ, въ силу положенія объ усиленной охранѣ явилась совершенно неизвѣстная судебнымъ уставамъ и чуждая ихъ духу комбинація, предоставившая въ особо охраняемыхъ мѣстностяхъ усмотрѣнію генералъ-губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ закрытіе дверей судебнаго засѣданія по всякому дѣлу, „публичное разсмотрѣніе коего можетъ послужить *поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка*“. При полной неопредѣленности этой формулы, отсутствіи способовъ обжалованія и широкомъ распространеніи у насъ исключительныхъ положеній, непубличность процессовъ по административному усмотрѣнію получила самое обильное примѣненіе. Обществу какъ бы стали говорить: „не твое дѣло“, и притомъ именно въ случаяхъ особо важныхъ, волнующихъ это общество и задѣвающихъ его интересы. Тѣсная связь между обществомъ и судомъ, довѣріе перваго къ послѣднему потерпѣли серьезный ущербъ, а гарантіи правъ подсудимыхъ очевидно и серьезно умалились.

4.

Не избѣжалъ соотвѣтствующихъ воздѣйствій и коронный судъ. Провозглашенныя судебными уставами независимость и несмѣняемость судей съ поворотомъ правительственнаго курса дали поводъ къ рѣчамъ о „независимости отъ закона“ и о „судебной республикѣ“, а за рѣчами послѣдовали гармонирующія съ ихъ духомъ „мѣропріятія“.

Такъ какъ чрезвычайно важной является стадія предварительнаго разслѣдованія дѣла, которая нерѣдко, напримѣръ, при полученіи сознанія подсудимаго, оговора одними другихъ и т. п., отчасти предрѣшаетъ направленіе и исходъ процесса, то естественно, что первый натискъ направился на тѣ изъ судебныхъ органовъ, которые играли главную роль въ этой стадіи, т.-е. на судебныхъ слѣдователей, пользовавшихся по судебнымъ уставамъ всѣми судейскими правами, а слѣдовательно несмѣняемостью и независимостью отъ прокуратуры, наблюдающей за ходомъ слѣдствія. Съ появленіемъ Палена на креслѣ министра юстиціи рѣшено было измѣнить этотъ порядокъ; Паленъ, который открыто высказывалъ свое недовольство независимостью слѣдователей отъ прокуратуры, испросилъ высочайшее разрѣшеніе на пріостановку назначенія новыхъ судебныхъ слѣдователей. Послѣ этого систематически уже назначаются лишь и. д. судебныхъ слѣдователей или просто командируются къ исправленію слѣдовательской должности чиновники, причисленные къ министерству юстиціи.

Вся эта обширная новая фаланга судебныхъ чиновъ уже не пользовалась ни независимостью, ни несмѣняемостью; завися въ дальнѣйшемъ движеніи по службѣ отъ одобрительнаго отзыва прокуратуры, она зачастую стала относиться къ послѣдней уже не какъ равный къ равному, а какъ подчиненный къ высшему; начинается съ одной стороны расцвѣтъ карьеризма, а съ другой стремленіе вести слѣдствія въ обвинительномъ направленіи; отсюда—злоупотребленіе предварительнымъ заключеніемъ обвиняемыхъ, склонность игнорировать ихъ жалобы, широкое довѣріе къ даннымъ полицейскаго дознанія, нерѣдко являющимся плодомъ побоевъ, истязаній и всякаго рода беззаконія и т. п. Прибавимъ сюда молодость и неопытность большинства слѣдователей, частое равнодушіе къ дѣлу и стремленіе перейти на болѣе видную и сулящую скорое движеніе впередъ должность,— и мы поймемъ, что не только пострадалъ принципъ независимости и несмѣняемости по отношенію къ значительной части представителей судебнаго вѣдомства, но одновременно тяжко пострадалъ и интересъ самаго судебнаго дѣла. Наше предварительное слѣдствіе быстро сдѣлалось предметомъ обильныхъ и справедливыхъ нареканій и признано самой несостоятельной частью нашего уголовнаго процесса.

За первымъ обходнымъ натискомъ на принципъ несмѣняемости послѣдовали въ разгаръ реакціи восьмидесятыхъ годовъ атаки болѣе прямыя и рѣшительныя.

Государственный совѣтъ, который раньше, какъ мы видѣли, въ лицѣ большинства своего стремился къ защитѣ основныхъ началъ судебной реформы, теперь въ полномъ сочувствіи взглядамъ министра юстиціи сталъ находить, что этотъ послѣдній, „находясь во главѣ судебнаго вѣдомства и неся отвѣтственность передъ верховной властью за правильный ходъ правосудія въ имперіи", очевидно, долженъ „располагать вполнѣ достаточными спо-

собами къ устраненію усматриваемыхъ имъ въ дѣятельности судебныхъ чиновъ уклоненій отъ законнаго порядка". Исходя изъ этого, совѣтъ одобрилъ цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ мѣръ. По закону 20 мая 1885 года министръ юстиціи получилъ право требовать отъ всѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства письменныхъ объясненій, дѣлать имъ указанія и напоминанія и даже вызывать ихъ для представленія личныхъ объясненій. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность наложенія на судей въ дисциплинарномъ порядкѣ такихъ тяжкихъ каръ, какъ перемѣщеніе и увольненіе. Такія кары могутъ постигнуть судью при многократныхъ служебныхъ упущеніяхъ, свидѣтельствующихъ о явномъ пренебреженіи судьи къ своимъ обязанностямъ или о несоотвѣтствіи его занимаемому имъ положенію, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда судья дозволилъ себѣ такіе безнравственные или предосудительные поступки, которые несовмѣстны съ достоинствомъ судейскаго званія и, получивъ огласку, лишаютъ судью необходимаго довѣрія и уваженія со стороны населенія.

Такова была новелла. При оцѣнкѣ ея мнѣнія расходятся. Громадное большинство лицъ, выступавшихъ въ литературѣ, относится къ ней отрицательно и видитъ въ ней подрывъ принципа несмѣняемости, а одинъ изъ авторовъ, проф. Михайловскій, даже прямо именуетъ ее „смертельнымъ ударомъ" указанному принципу. Но встрѣчается и оцѣнка болѣе благопріятная. Напримѣръ, въ очеркѣ, посвященномъ памяти министра юстиціи Набокова, А. Ѳ. Кони утверждаетъ, что нельзя не принимать мѣръ противъ судей, унижающихъ свое званіе, и что новелла „ничѣмъ не грозитъ судьѣ, сознающему важность несомыхъ имъ обязанностей".

Мы думаемъ, что первое изъ положеній уважаемаго автора совершенно вѣрно, но не можетъ оправдывать существа новеллы, ибо мѣры противъ унижающихъ свое званіе судей могутъ быть построены совершенно иначе и на иныхъ принципахъ; что же касается второго положенія, то оно можетъ весьма и весьма быть оспариваемо. Несомнѣнно, что авторъ новеллы Набоковъ, въ трудное время стоявшій во главѣ судебнаго вѣдомства и по мѣрѣ силъ и возможности защищавшій основы судебной реформы, не имѣлъ въ виду подрыва судейской несмѣняемости и исходилъ изъ тѣхъ же побужденій моральнаго порядка, изъ которыхъ исходитъ Кони въ своей защитѣ новеллы; но столь же несомнѣнно, что по редакціи своей новелла открыла полную возможность посягательствъ на судейскую несмѣняемость. Какъ справедливо замѣтили редакторы судебныхъ уставовъ, „понятіе поступковъ, противныхъ добрымъ нравамъ, благопристойности и приличію, весьма широко и неопредѣлительно, допускаетъ различное толкованіе его различными лицами и мѣняется, смотря по времени и мѣсту", т.-е., прибавимъ мы, открываетъ дорогу произволу. Если мы вспомнимъ, что въ текстѣ новеллы имѣется именно такое неопредѣленное выраженіе, какъ ссылка на поступки „несовмѣстные съ достоинствомъ судей-

скаго званія“, что дисциплинарное производство творится безъ участія защиты и не публично, и что давленіе со стороны министра гораздо легче можно осуществить при дисциплинарномъ разбирательствѣ, чѣмъ при судебномъ, то намъ яснымъ станетъ, что новелла дѣйствительно открыла просторъ посягательствамъ на принципъ несмѣняемости и поколебала независимость судейскаго положенія.

Наша практика подтвердила именно этотъ выводъ, а не выводъ оптимистическій [1]). Путемъ дисциплинарныхъ каръ и даже путемъ угрозы дисциплинарнымъ производствомъ, соединенной съ требованіемъ немедленно подать въ отставку, министерство юстиціи вывело изъ строя не мало и такихъ судебныхъ дѣятелей, которые были нравственно безупречными, но въ томъ или иномъ отношеніи начальству „неугодными“, не говоря уже о привлеченіи въ дѣло дисциплинарнаго производства тенденцій и подозрѣній чисто политическаго характера.

Одновременно съ усиліемъ правъ министра юстиціи усилена на мѣстахъ зависимость чиновъ судебнаго вѣдомства отъ старшаго предсѣдателя судебной палаты.

Предложеніе предоставить старшему предсѣдателю право надзора за всѣми состоящими въ округѣ судебной палаты должностными лицами судебнаго вѣдомства было сдѣлано уже при составленіи судебныхъ уставовъ, но большинство комиссіи отвергло это предложеніе, и на ту же точку зрѣнія сталъ государственный совѣтъ. Но времена измѣнились, и проектъ превращенія старшаго предсѣдателя въ начальника судебнаго округа встрѣтилъ полное сочувствіе государственнаго совѣта, который теперь высказался въ томъ смыслѣ, что надзоръ судебныхъ коллегій соединенъ „съ формальностями“ и лишенъ „надлежащихъ быстроты и рѣшительности“, а потому для усиленія надзора увеличилъ права единоличной власти старшаго предсѣдателя, котораго уполномочилъ „прекращать усматриваемые безпорядки“ и дѣлать „указанія и напоминанія“ всѣмъ чинамъ округа, уже прямо признаннымъ его „подчиненными“.

На практикѣ новый законъ создалъ грустныя и отрицательныя явленія, совершенно уничтожающія представленіе о независимыхъ и блюдущихъ свое достоинство судьяхъ и слагающіяся въ характерную картину, весьма вѣрно схваченную І. В. Гессеномъ. По его словамъ, „пріемная старшаго предсѣдателя—это въ миніатюрѣ министерская пріемная; она полна судебными чиновниками; одинъ представляется по случаю назначенія, другой благодаритъ, третій ходатайствуетъ о назначеніи,

[1]) Чрезвычайно поучительны тѣ примѣры, которые приводитъ проф. Михайловскій въ своей книгѣ „Основные принципы организаціи уголовнаго суда“. Близко знакомый съ нашими судебными порядками авторъ указываетъ, что предосудительными поступками, несовмѣстимыми съ достоинствомъ судейскаго званія, признаны, напримѣръ, „участіе въ концертѣ въ качествѣ исполнителя, нежеланіе жить вмѣстѣ съ своей женой, отказъ жертвовать на патріотическія цѣли, нежеланіе посѣщать церковь, дружба съ т. наз. политически неблагонадежными и т. д., и т. п.

Александръ Порфирьевичъ Бородинъ

[illegible]ртрета [illegible] И. Е. Р[illegible]ымъ 18[illegible]

[illegible]

[illegible] Россіи въ XIX вѣкѣ». Изданіе [illegible] А. и И. Гранатъ и К°

ненъ „надлежащихъ быстроты и

его словамъ, „при-

четвертый проситъ поддержать представленіе суда, ибо всѣ эти представленія проходятъ черезъ руки старшаго предсѣдателя и безъ поклона никому не получить желаемаго назначенія (конечно, если не имѣть непосредственной протекціи во всемогущемъ центральномъ управленіи)“...

Много уже мы привели примѣровъ искаженія судебныхъ уставовъ, но мартирологъ судебной реформы еще нами не законченъ. Оставался долго нетронутымъ одинъ изъ краеугольныхъ камней судебныхъ уставовъ—мировой институтъ. Мировые судьи, становящіеся судьями по выборамъ и утверждаемые сенатомъ, стояли особнякомъ отъ прочей судейской семьи. Въ виду того, что мировая юстиція была поставлена отдѣльно отъ общихъ судовъ, мировые судьи не входили въ іерархическую лѣстницу чиновъ судебнаго вѣдомства, обычно не получали назначеній въ общія судебныя мѣста, а потому не втягивались въ атмосферу карьеризма и искательства. Конечно, не весь ихъ составъ былъ безукоризненнымъ и не вездѣ ихъ дѣятельность являлась безупречной; но въ общемъ они сумѣли удержать свою добрую славу, возникшую послѣ введенія новыхъ судовъ, когда, какъ мы имѣли уже случай говорить, они сразу сдѣлались весьма популярными и стали своею дѣятельностью пріучать народъ къ доступности юстиціи и къ пониманію идеи законности.

Успѣшность и плодотворность работы мировыхъ судей были засвидѣтельствованы не разъ не только прессой и представителями науки, но и вполнѣ офиціально и во всеподданѣйшихъ отчетахъ и въ различныхъ отзывахъ. Даже въ болѣе позднее время, когда сенаторскія ревизіи, возродившіяся со временъ Лорисъ-Меликова, вскрыли многія язвы нашихъ порядковъ и нашего провинціальнаго строя, мировыя судебныя учрежденія, по отзывамъ ревизующихъ сенаторовъ, составили исключеніе и на общемъ мрачномъ фонѣ оказались единственнымъ свѣтлымъ пятномъ.

Но, несмотря на это, дни мирового института были уже сочтены. Начиналась „дворянская эра“, и на очередь были поставлены задачи, ничего общаго не имѣющія съ такими основными идеями судебныхъ уставовъ, какъ равенство всѣхъ передъ закономъ, укрѣпленіе уваженія къ закону въ дѣятельности всѣхъ отъ высшихъ до низшихъ и т. п. Теперь очередной задачей было признано возвращеніе назадъ къ патріахальнымъ преданіямъ и укрѣпленіе сословности, съ одной стороны, въ формѣ предоставленія помѣстному дворянству особыхъ правъ и привилегій, а съ другой—въ формѣ „обузданія“ мужика и подчиненія его снова власти дворянства въ лицѣ особыхъ начальниковъ.

На пути „новой эры“ стоялъ мировой институтъ, и онъ долженъ былъ погибнуть.

Замѣчательно, что побѣдившія въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ идеи вовсе не являлись новыми даже со стороны тѣхъ конкретныхъ формъ, въ которыя они выливались. Каждый разъ, когда глашатаи старыхъ порядковъ и въ частности крѣпост-

ничества подымали голову и начинали взывать, они вращались въ узкомъ и тѣсномъ кольцѣ. Напомнимъ хотя бы, что при освобожденіи крестьянъ крѣпостническая партія отстаивала *сохраненіе за дворянствомъ полицейской вотчинной власти надъ крестьянами,* и что о данныхъ въ этомъ направленіи обѣщаніяхъ извѣстный графъ Клейнмихель рѣшился напомнить императору Александру II даже въ томъ заключительномъ засѣданіи государственнаго совѣта, когда окончательно и безповоротно были намѣчены другія начала реформы.

Съ начала восьмидесятыхъ годовъ и съ разгаромъ реакціи на время примолкшія вожделѣнія возрождаются, и возникаетъ рядъ проектовъ, частью сокращающихъ дѣятельность мирового института, частью совершенно его отмѣняющихъ и создающихъ типъ начальника-судьи изъ помѣстныхъ дворянъ. Сперва эти проекты встрѣчали отпоръ, но къ 1889 году въ высшихъ сферахъ созрѣло полное къ нимъ сочувствіе, и явилось знаменитое „Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ", окончательно ниспровергшее мировую юстицію, а вмѣстѣ съ ней и рядъ основныхъ началъ судебныхъ уставовъ, въ особенности же начало раздѣльности властей судебной и административной.

Напрасными оказались самыя непоколебимыя возраженія. Все, что говорилось при созданіи судебныхъ уставовъ, теперь отбрасывали съ пренебреженіемъ. Не хотѣли считаться съ указаніемъ на то, что теоретическое начало принципа раздѣленія властей основано на исторической почвѣ, что, какъ справедливо отмѣтилъ Филипповъ, „смѣшеніе этихъ властей вездѣ и во всѣ вѣка порождало самый ужасный деспотизмъ, унижало достоинство человѣка, лишало его личности, дѣлало всѣ стороны правъ человѣка шаткими и произвольными". Забыли, что государственный совѣтъ при обсужденіи судебной реформы категорически призналъ указанное начало раздѣленія властей „одинаково необходимымъ для достиженія цѣлей каждой изъ нихъ" и въ частности нашелъ глубоко вреднымъ всякое вмѣшательство администраціи въ дѣло судебное, каковъ бы ни былъ „предлогъ" этого вмѣшательства. Презрѣли доводы большинства извѣстной такъ наз. „Кахановской" комиссіи 1884 года, по авторитетному утвержденію которой совмѣщеніе судебныхъ и административныхъ функцій невозможно... Для обезпеченія населенія противъ произвола властей, безспорно, необходимо, чтобы взысканія за неисполненіе законныхъ требованій этихъ властей налагались не ими самими, *а судомъ, стоящимъ внѣ всякой зависимости отъ органовъ администраціи,* непосредственно заинтересованныхъ въ томъ или иномъ исходѣ дѣла... Въ результатѣ... *оказался* бы такой *произволъ на мѣстахъ,* отъ котораго только и оставалось бы бѣжать изъ уѣзда"... Не помогло, наконецъ, и энергичное противодѣйствіе министра юстиціи Манасеина, который даже по поводу попытокъ частичнаго уменьшенія компетенціи мировыхъ судей съ передачей менѣе важныхъ крестьянскихъ дѣлъ проектируемымъ но-

вымъ судебно-административнымъ органамъ писалъ: „Правильное отправленіе правосудія въ государствѣ составляетъ одну изъ первостепенныхъ государственныхъ потребностей... Передача обширныхъ судебныхъ функцій земскимъ начальникамъ съ единственною цѣлью возвысить и упрочить ихъ авторитетъ едва ли соотвѣтствовала бы интересамъ государства, не допускающимъ *обращенія судебной власти въ орудіе для достиженія цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ цѣлями правосудія*".

Все это были „теоретическія" соображенія и къ тому же во многомъ заимствованныя у „гнилаго" запада, а у насъ наступило торжество „самобытныхъ началъ" и эпоха презрѣнія къ отвлеченнымъ „умствованіямъ". Не были приняты даже компромиссныя попытки, предложенныя, казалось бы, достаточно уже въ то время консервативнымъ большинствомъ государственнаго совѣта, и въ результатѣ явился законъ 12 іюля 1889 г., которымъ выборный мировой институтъ почти уничтоженъ (онъ оставленъ лишь въ ничтожномъ числѣ самыхъ большихъ городовъ), а на его мѣсто водворена сложная система судебно-административныхъ органовъ, и такимъ образомъ осуществилась реформа, какъ увидимъ далѣе, глубоко-вредная для интересовъ правосудія и настолько подорвавшая въ населеніи понятія о правѣ и законѣ, что ее, по справедливому замѣчанію проф. Михайловскаго, нельзя не назвать „печальной страницей въ исторіи русскаго права".

Остановимся теперь на содержаніи и сущности этой реформы.

Въ уѣздахъ, вмѣсто мировыхъ судей, были введены земскіе начальники, получившіе широкія административныя полномочія въ отношеніи крестьянскаго населенія и его выборныхъ органовъ, съ правомъ наложенія дисциплинарныхъ взысканій включительно. Съ этими административными полномочіями они соединили судейскія функціи для всего населенія ихъ участка и роль контролеровъ и опекуновъ волостнаго суда.

Но такъ какъ судейская компетенція земскихъ начальниковъ была поставлена въ болѣе тѣсные предѣлы, чѣмъ компетенція прежнихъ мировыхъ судей, то для разбора дѣлъ, т. сказать вычтенныхъ у мировыхъ судей, созданы уѣздные члены окружнаго суда, единственный авторитетно и самостоятельно поставленный судебный органъ въ новой реформѣ, но съ другой стороны органъ, не имѣющій надлежащихъ полномочій и способовъ въ томъ случаѣ, если бы онъ пожелалъ бороться съ произволомъ представителей административно-судебной власти.

Въ городахъ вмѣсто выборныхъ мировыхъ судей явились городскіе судьи, но это судьи, во-первыхъ, назначаемые министромъ юстиціи, а, во-вторыхъ, поставленные ниже всѣхъ прочихъ судей, ибо члены палатъ, судовъ и мировые судьи находились въ одномъ и томъ же (пятомъ) классѣ должности и считались равными по своему судейскому достоинству, а городскіе судьи понижены классомъ, могутъ благо-

даря этому быть увольняемы консультацiей министерства юстицiи, а потому являются не равными съ прочими судьями, а такими, о несмѣняемости и независимости которыхъ можно говорить лишь съ очень большими натяжками.

Второй инстанцiей является уѣздный съѣздъ, гдѣ предсѣдательствуетъ предводитель дворянства, и гдѣ судебные органы въ лицѣ уѣзднаго члена суда и одного-двухъ городскихъ судей составляютъ меньшинство, которое всегда количественно можетъ быть подавлено остальными членами съѣзда—земскими начальниками.

Наконецъ, въ нарушенiе единства кассацiонной инстанцiи, которой и для общихъ и для мировыхъ учрежденiй являлся сенатъ, для новыхъ судебно-административныхъ учрежденiй кассацiонной инстанцiей въ каждой губернiи являются губернскiя присутствiя, почти сплошь состоящiя изъ представителей администрацiи и находящiяся подъ предсѣдательствомъ губернатора.

Такова была организацiя. Обращаясь къ личному составу новыхъ учрежденiй, мы увидимъ, что законъ допустилъ въ составъ земскихъ начальниковъ не только людей безъ юридическаго образованiя, но даже и безъ законченнаго средняго, разъ они обладаютъ полнымъ земельнымъ цензомъ и являются мѣстными дворянами. Послѣдняя категорiя допущена какъ бы въ видѣ исключенiя, но практика широко раздвинула рамки этого исключенiя, и въ рядахъ земскихъ начальниковъ очутилась масса людей съ невысокимъ образовательнымъ цензомъ, доминирующими же количественно явились отставные военные, нерѣдко лишь съ цензомъ юнкерскаго училища.

Являясь по отношенiю къ губернатору безусловно подчиненными и зависящими отъ его усмотрѣнiя, земскiе начальники въ свою очередь къ крестьянскому населенiю стали относиться, какъ властители, требующiе безпрекословнаго повиновенiя. Имѣя власть налагать кары за неисполненiе губернаторскихъ и собственныхъ „законныхъ распоряженiй“, получая неоднократные циркуляры, въ которыхъ подчеркивался принципъ, положенный въ основу всей реформы и требовавшiй созданiя „близкой къ народу *твердой* правительственной власти“, проникаясь идеей, что „твердость“ и есть главное, и что всевозможными „формальностями“ не слѣдуетъ стѣсняться, наконецъ, слыша припѣвы реакцiонной печати, призывавшей къ „усмиренiю зазнавшагося мужика“, земскiе начальники вольно и невольно внесли атмосферу произвола въ свою административную дѣятельность, и этотъ произволъ не могъ не отразиться и на ихъ судебной дѣятельности.

Въ волостныхъ судахъ, сохранившихъ по „Положенiю о крестьянахъ“ право присуждать къ тѣлесному наказанiю розгами до 20 ударовъ, это право начало примѣняться къ жизни все рѣже и рѣже. Съ появленiемъ земскихъ начальниковъ и подъ ихъ давленiемъ тѣлесныя наказанiя возродились къ ликованiю стоявшей на стражѣ дворянскихъ интересовъ газеты „Гражданинъ“, ея редактора кн. Мещер-

скаго и всѣхъ крѣпостниковъ и обскурантовъ, привѣтствовавшихъ расцвѣтъ розги, какъ залогъ спокойной и безопасной жизни въ дворянскихъ усадьбахъ.

Въ сношенія власти съ населеніемъ, которое у мировыхъ судей облекалось въ корректныя формы, земскіе начальники внесли рѣзкое неравенство: сохраняя вѣжливость къ лицамъ привиллегированнымъ, по отношенію къ крестьянскому и мѣщанскому населенію, не выключая стариковъ, женщинъ и лицъ, получившихъ нѣкоторое образованіе, новые органы ввели „тыканіе“, окрики, а иногда грубую брань и энергическіе жесты, доходившіе до „рукоприкладства“.

Возродилось и дореформенное вліяніе на дѣла секретарей, ибо, благодаря плохой подготовкѣ, а иногда и абсолютной неподготовленности къ судейскому дѣлу, земскіе начальники сплошь и рядомъ должны были всецѣло полагаться на своихъ письмоводителей, контингентъ которыхъ, являясь сброднымъ и случайнымъ, пополнялся, между прочимъ, изъ выгнанныхъ чиновниковъ, подпольныхъ адвокатовъ и др. подобныхъ элементовъ; въ рукахъ этихъ элементовъ фактически очутилась судейская власть, и не нужно много сообразительности, чтобы угадать, въ какомъ направленіи они ее использовали.

Словомъ, самая темная сторона новой реформы состояла въ томъ, что судебные функціи подчинились функціямъ административнымъ, что администраторы - судьи поставили усмотрѣніе и охрану такъ наз. престижа власти выше авторитета закона, а сословныя тенденціи получили отраженіе на судебныхъ приговорахъ, чѣмъ идея правильнаго суда не только искажалась, но и подрывалась въ корень.

Мы не будемъ уже говорить о формальной сторонѣ, т.-е. о томъ, какъ велось и излагалось дѣлопроизводство и какъ мотивировались приговоры. Полная путаница, нескладность и безсвязность, систематическое нарушеніе обрядовъ и формъ судопроизводства, неправильное, а иногда совершенно ни съ чѣмъ несообразное примѣненіе закона,—все это указанныя компетентными наблюдателями характерныя и заурядныя черты дѣлопроизводства земскихъ начальниковъ.

Немногимъ лучше дѣло обстоитъ въ съѣздахъ. Подавляя количественно немногочисленныхъ представителей судебной власти и систематически возражая противъ отмѣны приговоровъ, яко бы подрывающей авторитетъ земскаго начальника въ глазахъ населенія, члены съѣзда—земскіе начальники—перенесли и въ отправленіе правосудія съѣздами тѣ черты собственнаго правосудія, которыя мы видѣли выше. Предводители же дворянства зачастую не желали и въ судебныхъ засѣданіяхъ съѣзда уступать предсѣдательство уѣзднымъ членамъ окружнаго суда, сами на предсѣдательскомъ креслѣ нерѣдко являлись не безпристрастными блюстителями правды и закона, а покровителями и блюстителями сословныхъ поползновеній и сословной политики.

Наконецъ, новоявленныя кассаціонныя инстанціи въ лицѣ губерн-

скихъ присутствій не только не поправляли дѣла, но вносили въ него еще горшій хаосъ. Вмѣсто одного сената, охраняющаго единообразное примѣненіе закона и обладающаго знаніями и авторитетомъ, въ каждой губерніи явилась своя кассаціонная инстанція, находящаяся въ зависимости отъ губернатора и въ громадномъ большинствѣ состоящая не изъ опытныхъ и образованныхъ судей-юристовъ, а изъ обычныхъ губернскихъ чиновниковъ, иногда далекихъ не только отъ юридическаго, но и вообще отъ всякаго законченнаго образованія.

Само собою разумѣется, что результаты дѣятельности столь компетентныхъ „кассаторовъ", обязанныхъ разъяснять истинный смыслъ закона и давать „руководящія указанія" всѣмъ подвластнымъ имъ судебно-административнымъ учрежденіямъ, оказались болѣе, чѣмъ плачевными. Безпомощность и запутанность—въ лучшемъ случаѣ, угожденіе сильнымъ, тенденціозность и слѣпое подчиненіе указкѣ губернаторовъ—въ худшемъ,—вотъ основныя черты, характерныя для губернскихъ присутствій, создавшихъ кассаціонную пестроту вмѣсто кассаціоннаго единства.

Поэтому, подводя итоги, мы можемъ сказать, что съ изданіемъ „Положенія" о земскихъ начальникахъ, дѣлу судебной реформы былъ нанесенъ окончательный ударъ. Снова, какъ въ дореформенное время, явились многочисленность и разнохарактерность судебныхъ инстанцій и судебныхъ порядковъ; воскресли навсегда, казалось, похороненные взгляды и нравы. Снова расцвѣлъ принципъ усмотрѣнія, а принципъ законности былъ подавленъ и отодвинутъ къ явному вреду не только для дѣла правосудія, но и вообще для политическихъ и экономическихъ интересовъ народа, нуждающихся для своего развитія въ свѣтлой и чистой правовой атмосферѣ.

5.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло со всевозможными законодательными новеллами, разрушавшими судебные уставы. Но параллельно съ ними шла работа и иного рода. Во-первыхъ, въ такъ наз. кодификаціонномъ порядкѣ даже на внѣшнюю форму судебныхъ уставовъ было сдѣлано посягательство; въ 1884 году они разбиваются на части и въ такомъ видѣ вводятся въ сводъ законовъ. Раньше они стояли, какъ цѣльный и изолированный памятникъ; теперь ихъ „объединили" и подвели подъ одну крышу съ дореформенными законами. Затѣмъ, въ дополненіе и разъясненіе закона закипѣла работа циркулярнаго характера; здѣсь-то и отразились особенно чувствительно тѣ компромиссы, которые были допущены при составленіи судебныхъ уставовъ; теперь, получая расширительное толкованіе, согласное съ „новымъ курсомъ", они оказывали серьезное вліяніе на личный составъ судебнаго вѣдомства, а слѣдовательно и на направленіе его дѣятельности.

И циркуляры министровъ юстиціи, и распоряженія старшихъ предсѣдателей палатъ, и даже наказы нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстъ,—все это развивалось въ соотвѣтствіи съ

духомъ времени. Чѣмъ упорнѣе становилась реакція, чѣмъ больше отодвигались на заднiй планъ завѣты „эпохи великихъ реформъ“, чѣмъ ярче становилось противорѣчіе этихъ завѣтовъ и основныхъ принциповъ новаго судебнаго строя нашему общему строю и политикѣ „твердой руки“, чѣмъ яснѣе воплощается въ дѣятельности высшихъ сферъ лозунгъ „назадъ“,—тѣмъ энергичнѣе идетъ работа надъ бюрократизацiей судебнаго вѣдомства, стремленіе привить ему идеалы іерархической подчиненности и заставить судебныхъ дѣятелей работать не въ духѣ вышедшаго изъ моды принципа строгой законности, а въ духѣ политическихъ лозунговъ момента и стремленія угадывать и проводить въ жизнь виды правительства. И мы видимъ, что судебное вѣдомство, раньше стоявшее въ гордомъ одиночествѣ среди другихъ необновленныхъ учрежденiй, постепенно засасывается реакціонной пучиной и приближается къ другимъ учрежденіямъ какъ внѣшнимъ образомъ—путемъ воздѣлыванія на ряду съ прочимъ чиновничествомъ культа форменной одежды съ ея „вышушками, погончиками и петличками“, такъ и внутреннимъ—путемъ проникновенія началами карьеризма и всякаго рода приспособленія. Конечно, среди судебныхъ дѣятелей осталось не мало людей, вѣрныхъ старымъ богамъ и лучшимъ старымъ преданіямъ, но массу, господствующее большинство, уже составили новые люди.

Мы говорили уже о новыхъ типахъ грубыхъ и обрывающихъ предсѣдателей, о крайне неудовлетворительномъ отношеніи представителей магистратуры къ адвокатурѣ, о путешествіяхъ на поклонъ въ пріемныя министра юстиціи, старшаго предсѣдателя палаты и т. п. явленіяхъ. Теперь прибавимъ, что въ погонѣ за карьерой въ судейской семьѣ развились и такіе типы, которые стараются дать ultra petitum, забѣжать даже впередъ требованiй начальства. Посылаются доносы на лицъ, проявившихъ „неблагонадежность“ въ своихъ дѣйствіяхъ или показаніяхъ на судѣ, возникаютъ стремленія при направленіи и рѣшеніи судебныхъ дѣлъ клонить во что бы то ни стало къ обвиненію или къ высшей мѣрѣ наказанія, не стѣсняясь такими мѣрами, какъ злоупотребленіе подслѣдственнымъ задержаніемъ, пользованіе мутными источниками и слухами, превращеніе предсѣдательскаго резюме во вторую обвинительную рѣчь. Доходитъ иногда даже до того, что на судѣ всѣми силами охраняются не интересы обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ, а интересы сыщиковъ и полиціи, при чемъ игнорируются раскрытыя на судѣ злоупотребленія при дознаніи, включительно съ вымогательствами, подкупами и истязаніями, а протесты участвующихъ въ дѣлѣ лицъ устраняются, какъ яко бы „не относящіеся къ данному дѣлу“. Съ администрацiей эти представители судебнаго вѣдомства уже не вступаютъ въ конфликты и обыкновенно идутъ съ ней рука объ руку. Они не только представляются губернаторамъ, пріѣзжая на службу и вступая въ должность; они, идя навстрѣчу предписаніямъ особо ретивыхъ судебныхъ мѣстъ и

властей, даже при губернаторскихъ проѣздахъ являются представиться „въ полной парадной формѣ“ и т. д., и т. п.

Объ этомъ упадкѣ судебнаго вѣдомства дружно свидѣтельствуютъ наблюдатели его жизни. Уже съ конца семидесятыхъ годовъ начинаютъ появляться статьи, въ которыхъ съ грустью, а иногда и съ сдержаннымъ негодованіемъ отмѣчается „новый курсъ“, и которыя иногда носятъ такія, напримѣръ, заглавія, какъ „Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ“. Не мало указаній на происшедшую перемѣну находимъ мы въ статьяхъ и рѣчахъ А. Ф. Кони; онъ указываетъ, что явилась „приспособляемость“ и отреченіе отъ того, въ пользу и честь чего говорилось такъ много задушевныхъ словъ; онъ ставитъ въ особую похвалу Зарудному то, что послѣдній не обращалъ въ своей дѣятельности вниманія *на „столь обычныя у насъ соображенія“* о томъ, „ловко ли? удобно ли?“ Онъ, наконецъ, воздавъ должное судебнымъ дѣятелямъ перваго призыва, констатируетъ, что въ дальнѣйшее время „подъ вліяніемъ разныхъ причинъ“ среди представителей судебнаго вѣдомства появились „ремесленники судебной профессіи, безразличные въ выборѣ вѣдомства чиновники и диллетанты, чуждые духу и строгимъ требованіямъ судебныхъ уставовъ“.

В. Д. Спасовичъ въ рѣчи по дѣлу члена суда Савицкаго, произнесенной въ сенатѣ въ 1880 году, не отрицаетъ, что подсудимый готовъ былъ на каждомъ шагу протестовать и являться неуполномоченнымъ „печальникомъ о судебныхъ порядкахъ“, но находитъ, что это вовсе не дурныя качества въ эпоху, когда „судебные уставы значительно пообносились, и *духъ ихъ улетучился*, а *рутина* то и дѣло, что *засасываетъ ихъ* и *доля живого дѣла становится меньше и меньше*“.

Наконецъ, знаменитый писатель земли русской Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ „Воскресеніе“ мощною кистью набросалъ цѣлую картину нашихъ судебныхъ нравовъ и порядковъ, которая ясно показала, какую громадную эволюцію совершили по сравненію съ первыми годами жизни „новаго суда“ судебные дѣятели позднѣйшей формаціи. И если люди, ослѣпленные преданіями и воспоминаніями о старомъ, стали кричать о „пасквилѣ“ и „клеветѣ“, то всѣ близко знакомые съ „житіемъ“ судебныхъ уставовъ, наоборотъ, оцѣнили прозорливость автора и всю глубину его горькой правды...

Чтобы вполнѣ уяснить себѣ, какъ произошла эта громадная эволюція, мы должны кромѣ уже извѣстныхъ намъ новеллъ, поколебавшихъ судейскую несмѣняемость и независимость, вспомнить всѣ тѣ условія, въ которыхъ очутилась у насъ судебная служба. На разборѣ этихъ условій мы теперь и остановимся.

Уже большинство комиссіи, составлявшей судебные уставы, въ свое время указывало, какъ „важно, чтобы никто изъ судей не разсчитывалъ на срочныя награды и не искалъ ихъ, и чтобы законъ не указывалъ судьямъ начальниковъ, аттестующихъ и представляющихъ къ наградамъ“. Еще рѣшительнѣе вы-

сказались нѣкоторые изъ приславшихъ въ редакціонную комиссію свои замѣчанія; они прямо заявляли, что предоставленіе министру юстиціи права, не считаясь съ судебными коллегіями, представлять къ наградамъ, а тѣмъ болѣе къ повышеніямъ, совершенно неудобно.

Одинъ изъ современниковъ судебной реформы Филипповъ, какъ бы предчувствуя будущее, писалъ: „При безусловномъ правѣ министерства отвергать кандидатовъ судебныхъ мѣстъ при замѣщеніи судебныхъ должностей, правило о судебной карьерѣ можетъ остаться мертвою буквою закона... *Не сдѣлаются ли должности судей привилегіей одной прокуратуры?.. Не можетъ ли* черезъ подобный порядокъ и *самая юстиція принять одностороннее направленіе прокуратуры?..* Министерство будетъ лучше знать своихъ прокуроровъ, чѣмъ судей; первые, какъ его чиновники, могутъ болѣе влiять на мнѣніе министерства при выборахъ кандидатовъ на должности, чѣмъ судьи, которые болѣе удалены отъ него и которые не всегда будутъ дѣйствовать въ его видахъ".

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Филипповъ указалъ, что гдѣ нѣтъ настоящей независимости, гдѣ существуетъ подчиненность, тамъ „стѣснена свобода дѣйствій, и совѣсть судей ставится въ зависимость отъ посторонней воли"; вмѣстѣ съ тѣмъ „является или боязнь наказанія, или ожиданіе награды, а при такомъ порядкѣ нельзя ожидать правдиваго суда".

Всѣ эти опасенія у насъ сбылись въ худшемъ видѣ, т.-е. произошло то, что происходило и въ другихъ странахъ при аналогичныхъ условіяхъ,—при торжествѣ бюрократическихъ порядковъ, нераздѣльныхъ съ абсолютизмомъ, который, по прекрасному выраженію Чичерина, „отражается на всѣхъ его органахъ".

Возьмемъ, напримѣръ, Францію въ эпоху реакціи и имперіализма, послѣ переворота, произведеннаго Наполеономъ III, и мы увидимъ яркую картину упадка сословія судей и всего судебнаго дѣла, нарисованную извѣстнымъ Бордо въ его книгѣ: „Philosophie de la procedure civile", на которую не разъ ссылались при составленіи судебныхъ уставовъ. Онъ говорилъ о судьяхъ: „Они являются простыми чиновниками; министерство овладѣло безгранично назначеніемъ судей, и должности ихъ сдѣлались исключительной привиллегіей прокуратуры... *Назначаются не лица, пользующіяся общественнымъ довѣріемъ, уваженіемъ или заслугами, а чиновники, особенно отличившіеся угодливостью* теперешнему *правительству* и своими жестокими преслѣдованіями французской свободы, давшіе окрѣпнуть нынѣшнему порядку вещей во Франціи"...

Оглядываясь на наше судебное вѣдомство, нельзя не признать, что иногда исторія повторяется.

Право судебныхъ мѣстъ представлять своихъ кандидатовъ на открывшіяся вакансіи у насъ все болѣе и болѣе умаляется. Часто едва судебное мѣсто успѣетъ назначить общее собраніе для выбора кандидата, какъ получаетъ увѣдомленіе, что уже состоялось замѣщеніе вакансіи по распоряженію министра. Тотъ же министръ сдѣлался выс-

шимъ и почти единственнымъ распорядителемъ наградъ, повышеній и т. п.

Сложившійся порядокъ имѣетъ съ судебными уставами болѣе чѣмъ мало общаго: доминирующую роль теперь играетъ органъ министра юстиціи—прокуратура—и при томъ въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, черезъ прокуратуру и только черезъ прокуратуру дѣлаются быстрыя судебныя карьеры; чтобы скоро пройти въ члены окружного суда, нужно не засиживаться ни городскимъ, ни мировымъ (по назначенію) судьей, ни слѣдователемъ, а поскорѣе попасть въ товарищи прокурора, ибо послѣднимъ отдается предпочтеніе передъ гораздо болѣе заслуженными судьями и слѣдователями. Не нужно, далѣе, ни минуты задумываться, если есть возможность съ должности судьи или слѣдователя перейти на канцелярскую и по классу низшую должность секретаря судебной палаты или секретаря при прокурорѣ судебной палаты, ибо счастливцы, попавшіе на эти должности, прямо становятся товарищами прокурора и даже членами суда, да и въ будущемъ остаются на виду, какъ лично извѣстные старшему предсѣдателю и прокурору палаты.

Равнымъ образомъ должности прокурора суда и товарища прокурора палаты de facto гораздо болѣе способствуютъ движенію по службѣ, чѣмъ должности товарища предсѣдателя суда или члена палаты. Изъ первыхъ легче, чѣмъ изъ вторыхъ, переходятъ въ предсѣдатели суда, въ товарищи оберъ-прокурора и т. д.

Такимъ образомъ успѣхъ по службѣ въ весьма серьезной мѣрѣ обусловленъ прохожденіемъ черезъ прокурорскій надзоръ; въ частности же особое значеніе имѣетъ та отрасль прокуратуры, которая спеціализируется на политическихъ дѣлахъ, т.-е. откомандировывается для постояннаго наблюденія надъ жандармскимъ дознаніемъ по этимъ дѣламъ. Здѣсь карьера часто идетъ уже съ головокружительной быстротой, и товарищи прокурора окружного суда въ нѣсколько лѣтъ достигаютъ мѣстъ прокурора суда, товарища прокурора судебной палаты, товарища оберъ-прокурора и даже выше.

Наконецъ, особо привилегированнымъ является положеніе товарищей оберъ-прокурора сената; они состоятъ въ одномъ рангѣ съ судьями и прокурорами судовъ, но безъ крупнаго скачка вверхъ ихъ карьера не обходится, конечно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда кто-либо независимостью взглядовъ и поступковъ или другимъ подобнымъ неудобнымъ качествомъ обратитъ на себя „спеціальное“ вниманіе; они попадаютъ въ сенаторы или оберъ-прокуроры и лишь въ видѣ minim'а назначаются предсѣдателями департамента судебной палаты.

Словомъ, прокуратура и удачная карьера—это почти синонимы.

Но прокуратура играетъ и другую чрезвычайно важную роль. По запросамъ изъ министерства юстиціи она даетъ конфиденціальные отзывы о всѣхъ членахъ судебныхъ мѣстъ, при которыхъ она состоитъ, и такимъ образомъ имѣетъ серьезное вліяніе на ихъ карьеру. Ни одно новое назначеніе, ни одинъ переводъ

не совершаются безъ запроса со стороны министерства къ прокурору мѣстной палаты, а отъ него въ подлежащихъ случаяхъ къ прокурору суда.

Поэтому каждый слѣдователь и каждый судья должны считаться съ представителями прокурорскаго надзора едва ли не больше, чѣмъ съ предсѣдателями судебныхъ мѣстъ, а всякій, поссорившійся съ прокуратурой, какъ бы безукоризненно и самоотверженно онъ ни велъ свое дѣло, можетъ смѣло ставить крестъ надъ своей служебной карьерой, и мы знаемъ, что иногда дѣло доходитъ до открытыхъ заявленій вродѣ того, что „пока я прокуроромъ, такой-то дальше не двинется", и эти гордыя предсказанія сбываются.

Спрашивается, что же могло помѣшать такому извращенію того высокаго понятія о судейской независимости, которое было положено въ основу судебныхъ уставовъ?

Народное представительство? — Самая мысль о немъ считалась преступленіемъ. Пресса, какъ выразительница общественнаго мнѣнія? — Она была охвачена цензурными тисками, съ одной стороны, и Дамокловымъ мечомъ предостереженій, съ другой, да и вообще ея голосъ мало имѣлъ значенія въ глазахъ власти. Наука? — Но она знала законы и не всегда была посвящена въ мистеріи судебнаго вѣдомства, иногда хорошо укрытыя отъ всякаго посторонняго глаза, а когда она поднимала свой голосъ, то съ нимъ обычно считались не больше, чѣмъ съ голосомъ прессы, ибо систематически не обращали вниманія на протесты противъ искаженія основныхъ началъ судебныхъ уставовъ и особенно противъ созданія судебно-административныхъ учрежденій даже со стороны такихъ видныхъ представителей юридической мысли, какъ Фойницкій, Арсеньевъ, Кони, Спасовичъ и др.

Наконецъ, сенатъ, какъ высшій блюститель законности въ странѣ? — Самъ сенатъ получилъ далеко не вполнѣ независимую организацію и самъ подвергся серьезной эволюціи. Уже одно отсутствіе выборнаго начала и права хотя бы частичнаго самопополненія должно было дать опредѣленные результаты. Недаромъ нѣкоторые изъ редакторовъ судебныхъ уставовъ отстаивали указанное начало и считали необходимымъ, чтобы съ представленіями объ избранныхъ кандидатахъ къ государю входилъ первоприсутствующій общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ. Недаромъ и въ комиссіи и въ прессѣ раздавались голоса, что порядокъ назначенія сенаторовъ можетъ играть важную роль и вліять на самостоятельность сенаторской коллегіи; необходимымъ признавался такой порядокъ, при которомъ достоинство судебной власти сенаторовъ могло бы стоять внѣ подозрѣній и возможности какихъ бы то ни было вліяній.

Государственный совѣтъ сталъ на иную точку зрѣнія: онъ нашелъ, что сенаторы должны назначаться по непосредственному усмотрѣнію государя. Этотъ порядокъ сталъ закономъ, но de facto представленія о назначеніи сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ сосредоточились въ рукахъ министра юстиціи.

Результаты не замедлили сказаться. Въ сенатскую практику также проникъ духъ „приспособленія“ къ вѣяніямъ момента, а вмѣстѣ съ нимъ неустойчивость рѣшеній, стремленіе выходить за кассаціонныя рамки,— словомъ все то, что лишило сенатъ возможности хотя бы въ сравнительно тѣсныхъ предѣлахъ быть стойкимъ и послѣдовательнымъ блюстителемъ законности, охранителемъ основныхъ началъ судебныхъ уставовъ и лучшихъ традицій, сохранившихся отъ первыхъ лѣтъ дѣятельности новаго суда.

Если мы прибавимъ къ сказанному, что работа нашихъ судебныхъ дѣятелей часто подавляетъ своей тяжестью въ смыслѣ количества дѣлъ, что трудъ ихъ оплачивается сравнительно скудно, а иногда (въ періодъ прохожденія стажа кандидата на судебныя должности) и совсѣмъ не оплачивается, что, благодаря слабости нашей культуры, иногда приходится жить и работать въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, то мы не будемъ удивляться тому, что такъ удачно начатое дѣло новаго суда покатилось по наклонной плоскости, ухудшаясь съ каждымъ годомъ, и продолжало катиться и въ началѣ XX вѣка.

6.

Посмотримъ теперь, какіе законы находились въ рукахъ нашего суда и подлежали примѣненію, и что было сдѣлано правительствомъ какъ въ этой области, такъ и въ дѣлѣ подведенія итоговъ долголѣтней ломки судебныхъ уставовъ.

Въ области гражданскаго права все время, съ началомъ XX вѣка включительно, продолжалось дѣйствіе первой части X-го тома св. зак., при чемъ этотъ устарѣвшій, хаотическій и болѣе чѣмъ плохой по существу матеріалъ былъ покрытъ цѣлымъ лѣсомъ надстроекъ, сдѣланныхъ гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ сената.

Эти надстройки пестры, противорѣчивы и нерѣдко имѣютъ очень мало общаго съ текстомъ разъясняемаго закона, ибо требованія жизни, безконечно опередившей устарѣвшее право, приводили къ тому, что подъ видомъ „разъясненія“ закона въ дѣйствительности происходило настоящее законодательное творчество.

Для выхода изъ всей этой путаницы была создана комиссія, которая приступила съ 1882 года къ грандіозной работѣ по созданію гражданскаго уложенія, работѣ, которая отличалась особой сложностью не только по существу, но и потому, что цивилистическій матеріалъ еще ни разу въ Россіи не являлся предметомъ планомѣрной законодательной обработки, соотвѣтствующей научнымъ принципамъ и назрѣвшимъ потребностямъ гражданскаго оборота. Предсѣдателями комиссіи послѣдовательно были Старицкій, Стояновскій, Книримъ и Карницкій. Членами являлись почти исключительно заслуженные судебные практики и представители вѣдомствъ, ибо изъ профессоровъ цивилистовъ членомъ комиссіи былъ только бывшій профессоръ, сенаторъ Пахманъ, а въ числѣ сотрудниковъ состоялъ также лишь одинъ бывшій проф. Кремлевъ. Даже правомъ приглашать для участія въ своихъ тру-

дахъ спеціалистовъ комиссія пользовалась весьма скупо и лишь въ послѣдніе годы привлекла такого цѣннаго сотрудника, какъ проф. Петражицкій.

Послѣ четверть-вѣковой работы труды комиссіи пришли къ концу, и она создала проектъ, во всякомъ случаѣ неизмѣримо болѣе цѣнный, чѣмъ первая часть X-го тома. Но мы стоимъ еще очень далеко не только отъ введенія новаго гражданскаго уложенія въ дѣйствіе, но и отъ разсмотрѣнія его законодательными инстанціями. Поэтому, не останавливаясь больше на новомъ проектѣ, мы лишь отмѣтимъ, что въ теченіе всего разсматриваемаго періода судъ долженъ былъ примѣнять устарѣлые и совершенно несостоятельные гражданскіе законы.

Обратимся къ области уголовнаго права.

Въ свое время мы отмѣтили тѣ измѣненія, которыя были произведены въ этой области мировымъ уставомъ и отразились и на уложеніи о наказаніяхъ при согласованіи его съ уставомъ. Тогда же мы указали, что матеріальное право оказалось лишь слегка починеннымъ, тогда какъ радикальная реформа здѣсь давно уже назрѣла и являлась неотложной, и это обстоятельство было признано правительственными кругами уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Но неотложное оказалось надолго отложеннымъ фактически. Лишь въ декабрѣ 1879 года были высочайше утверждены основныя положенія для преобразованія тюремнаго дѣла и всей системы наказаній, при чемъ одновременно послѣдовало категорическое заявленіе государственнаго совѣта о необходимости коренной переработки всего уложенія о наказаніяхъ.

И дѣйствительно, это уложеніе даже послѣ сдѣланнаго приспособленія его къ мировому уставу все же сохранило много существенныхъ противорѣчій съ послѣднимъ. Сверхъ того, несмотря на рядъ сепаратныхъ законовъ, внесшихъ кой-какія улучшенія, и на частичныя передѣлки и исправленія въ 1866 и 1885 гг., уложеніе не избавилось отъ своихъ основныхъ недостатковъ. Главнѣйшій изъ нихъ заключается въ томъ, что составленное въ дореформенныя времена уложеніе пропитано духомъ этихъ временъ и носитъ на себѣ яркій отпечатокъ старой крѣпостнической Россіи; по существу же оно отличается полной ненаучностью, запутанностью, казуистичностью, невыдержанностью основныхъ принциповъ и поражающей архаичностью, находящейся въ непримиримомъ противорѣчіи съ современными потребностями и понятіями.

И вотъ мы видимъ, что въ такомъ высоко офиціальномъ документѣ, какъ всеподданнѣйшій докладъ главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ кн. Урусова и министра юстиціи Набокова отъ 22 апр. 1881 г., его авторы категорически заявляютъ, что уложеніе „не только не соотвѣтствуетъ требованіямъ судебныхъ уставовъ, но и *является препятствіемъ... правильному отправленію правосудія,* въ особенности на судѣ съ присяжными".

Съ 30 апрѣля того же года образуется комитетъ для составленія проекта новаго уголовнаго уложенія,

которому даются довольно широкія полномочія и въ частности право, исходя изъ утвержденныхъ въ 1879 г. основныхъ положеній, сообразоваться въ своей работѣ „съ потребностями современнаго состоянія государства, указаніями судебнаго опыта..., а равно съ положеніемъ науки уголовнаго права и постановленіями уголовнаго законодательства иностранныхъ государствъ".

Предсѣдателемъ комиссіи отъ начала и до конца былъ Э. В. Фришъ, а въ составъ комиссіи вмѣстѣ съ двумя заслуженными практиками вошли такіе видные представители науки уголовнаго права, какъ Таганцевъ, Фойницкій, Неклюдовъ и (нѣсколько позже) Случевскій.

Первоначальный текстъ выработаннаго комиссіей проекта подвергся ряду измѣненій и передѣлокъ; частью (но очень мало) комиссія приняла во вниманіе возраженія представителей науки и судебнаго вѣдомства, приславшихъ по вызову комиссіи замѣчанія на проектъ общей части, напечатанный во всеобщее свѣдѣніе, частью комиссіи пришлось отступить передъ протестомъ вліятельныхъ вѣдомствъ (въ проектахъ статей, относящихся къ преступленіямъ религіознымъ и политическимъ). Въ законченную форму проектъ вылился въ 1895 г. и былъ снабженъ объяснительной запиской.

Затѣмъ, начались мытарства проекта. Его разсматривали и перерабатывали послѣдовательно министерство юстиціи, особое совѣщаніе при государственномъ совѣтѣ, особое присутствіе государственнаго совѣта и, наконецъ, общее собраніе того же совѣта. 22 марта 1903 года проектъ получилъ высочайшее утвержденіе, но и тутъ судьба новаго уголовнаго уложенія оказалась совершенно необычной: его вступленіе въ дѣйствіе отсрочилось на неопредѣленное время, и лишь болѣе поздними сепаратными законами были введены въ дѣйствіе нѣкоторыя его части, главнымъ образомъ, относительно государственныхъ и религіозныхъ преступленій.

Если мы примемъ во вниманіе изложенную исторію новаго уложенія, то мы поймемъ, что многіе изъ его недостатковъ нужно поставить въ вину не его редакторамъ, а обстоятельствамъ, отъ ихъ воли не зависѣвшимъ. Оцѣнивая послѣ этой оговорки окончательный текстъ, нельзя не признать, что уложеніе имѣетъ большія положительныя, но и большія отрицательныя качества. Со стороны технической оно дѣлаетъ громадный шагъ впередъ, сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ, и, объединяя все наше уголовное законодательство, приближается къ лучшимъ европейскимъ кодексамъ эпохи его первоначальной выработки, т.-е. восьмидесятыхъ годовъ; оно отличается научностью и выдержанностью опредѣленій, ясностью, полнотой и сравнительной краткостью изложенія; оно уничтожаетъ многіе архаизмы нашего права, смягчаетъ его суровость, расширяетъ права судьи и вводитъ довольно стройную классификацію.

Но не менѣе важны и стороны отрицательныя. Уложеніе вырабатывалось такъ долго, что жизнь успѣла далеко опередить его; многимъ вполнѣ назрѣвшимъ культурнымъ потребностямъ оно не удо-

влетворяетъ; оно не знаетъ лучшихъ институтовъ, выдвинутыхъ новѣйшей научной мыслью и носитъ отпечатокъ нашего стараго государственнаго строя, переживавшаго кульминаціонный пунктъ своихъ реакціонныхъ проявленій какъ разъ въ періодъ составленія уложенія; оно, наконецъ, начало стариться, не переживъ предварительно поры розовой юности.

Какъ мы знаемъ, и это далекое отъ совершенства новое уложеніе въ дѣйствіе не вошло. Въ началѣ двадцатаго вѣка суду, какъ и раньше, приходится оперировать съ кодексомъ, который безповоротно признанъ устарѣвшимъ и негоднымъ; введеніе же въ дѣйствіе раздѣловъ, относящихся къ государственнымъ и религіознымъ преступленіямъ, во-первыхъ, порождаетъ двойственность кодексовъ, смущающую совѣсть судей и вносящую хаосъ въ общественное правосознаніе, а, во-вторыхъ, мало подвигаетъ насъ впередъ, ибо именно эти отдѣлы болѣе всего отражаютъ наше прошлое, и въ нихъ первоначальныя намѣренія редакторовъ получили въ послѣдующихъ инстанціяхъ наиболѣе тяжелые удары.

Итакъ, плоды кодификаціи матеріальнаго права являются далекими отъ возможнаго совершенства и въ главной своей массѣ еще не получаютъ примѣненія въ жизни.

Посмотримъ теперь, какъ обстояло дѣло съ кодификаціей процессуальной.

Мы видѣли, въ какое состояніе были приведены судебные уставы позднѣйшей законодательной и административной практикой. Осталась оболочка, уцѣлѣли нѣкоторыя формы, но измѣнилось содержаніе и была убита душа, т.-е. главныя идеи, одухотворявшія судебные уставы. Во многомъ старое съ новымъ осталось совершенно несогласованнымъ; появилась пестрота инстанцій и невѣроятная пестрота судебныхъ порядковъ. Зданіе судебныхъ уставовъ, получивъ рядъ ударовъ, дало опасныя трещины; его окружили недоброкачественными подпорками и покрыли пристройками и надстройками, прилѣпленными безъ соображенія съ первоначальнымъ планомъ и вопреки ему.

Еще болѣе дѣло осложнилось тѣмъ, что при распространеніи судебной реформы на окраины (Царство Польское, Кавказъ, Среднеазіатскія владѣнія, Сибирь), ее подвергали дальнѣйшимъ спеціальнымъ искаженіямъ и экспериментамъ, какъ, напримѣръ, отмѣняли судъ присяжныхъ, вводили мировыхъ судей по назначенію, соединяли въ одномъ лицѣ функціи слѣдователя и судьи и т. п.

Единственнымъ выходомъ изъ создавшагося хаоса была бы радикальная реформа въ строго опредѣленномъ направленіи, т.-е. новая процессуальная кодификація, исходящая изъ какихъ-либо ясно усвоенныхъ принциповъ. Одинъ изъ возможныхъ путей состоялъ въ томъ, чтобы вернуться къ основнымъ началамъ судебныхъ уставовъ и позаботиться о ихъ развитіи и дополненіи по даннымъ опыта и въ соотвѣтствіи съ назрѣвшими культурными потребностями; но въ этомъ случаѣ нужно было бы разрушить всѣ пристройки, отказаться отъ та-

кихъ „самобытныхъ“ идей, какъ смѣшеніе суда съ администраціей, принесеніе интересовъ правосудія въ жертву идеѣ охраны „престижа власти“, примиреніе съ независимостью судебныхъ дѣятелей, — словомъ, неизбѣженъ былъ бы полный разрывъ съ тѣмъ общимъ реакціоннымъ курсомъ, который въ теченіе долгаго періода опредѣлялъ всю внутреннюю политику.

Второй возможный путь заключался въ томъ, чтобы при кодификаціи вернуться къ дореформенному порядку и подвести суды подъ общій планъ остальныхъ правительственныхъ учрежденій, сдѣлавъ ихъ такими же обыкновенными орудіями бюрократическаго режима, какими они были до введенія судебныхъ уставовъ. Тогда въ интересахъ послѣдовательности предстояло искоренить судъ присяжныхъ, свести адвокатуру на роль простыхъ и зависимыхъ отъ суда ходатаевъ, отмѣнить несмѣняемость, устроить наглядные мосты для дальнѣйшаго объединенія суда и администраціи и т. п.

Но этотъ путь имѣлъ свои опасныя и неудобныя стороны. При всемъ стремленіи къ самобытности правительство было безсильно остановить ходъ исторіи, который требовалъ участія въ различныхъ международныхъ комбинаціяхъ, создавалъ необходимость прибѣгать къ Европѣ при совершеніи займовъ и въ общемъ заставлялъ хоть въ нѣкоторой степени считаться съ тѣмъ, что скажетъ Европа. Къ тому же, какъ ни мало у насъ обращалось вниманія на общественное мнѣніе, власти все же не могли не сознавать опасности столь явнаго и открытаго поворота назадъ къ тому прошлому, которое не разъ совершенно офиціально и, казалось бы, безповоротно категорически осуждалось. Недовольство и броженіе, и безъ того сдерживаемыя лишь путемъ чрезвычайныхъ мѣръ, могли еще болѣе обостриться и принять серьезные размѣры.

Короче говоря, существовало два прямыхъ и послѣдовательныхъ пути, но первый изъ нихъ возродилъ бы общественныя надежды, далъ бы имъ точку опоры и повелъ бы къ возобновленію вопроса объ „увѣнчаніи зданія“, т.-е. о конституціи; второй же путь грозилъ полнымъ разрывомъ со всѣми живыми, культурными и прогрессивными элементами страны, не исключая и элементовъ умѣренныхъ, и такимъ образомъ въ будущемъ сулилъ серьезныя осложненія, если не потрясенія, и изолировалъ насъ отъ культурныхъ странъ Запада.

Ни на первый, ни на второй путь правительство не пошло, ибо опасалось результатовъ, неизбѣжно связанныхъ съ каждымъ изъ этихъ путей.

Но отказомъ отъ обоихъ путей правительство заранѣе обрекало кодификацію на неуспѣхъ, ибо сведеніе къ стройному единству находящихся въ органическомъ противорѣчіи элементовъ есть дѣло невозможное; формы измѣнились бы, а образовавшійся до кодификаціи хаосъ такъ бы и остался хаосомъ.

И вотъ за дѣло кодификаціи, при такихъ условіяхъ видимо безнадежное, взялся Н. В. Муравьевъ, назначенный министромъ юстиціи въ январѣ 1894 г. и въ томъ же году

испросившій согласіе государя на учрежденіе комиссіи для полнаго пересмотра судебныхъ уставовъ.

Комиссія проработала пять лѣтъ; она имѣла чрезвычайно многочисленный составъ съ рѣзко выраженнымъ преобладаніемъ представителей бюрократіи надъ представителями науки; она составила проекты реформированныхъ судебныхъ уставовъ и написала объяснительныя къ нимъ записки. Проекты были внесены въ государственный совѣтъ, но онъ возвратилъ ихъ министру юстиціи для переработки, и съ тѣхъ поръ дѣло стоитъ на точкѣ замерзанія.

Но даже, если бы этого не случилось, если бы „обновленные“ уставы стали закономъ, дѣло приведенія въ порядокъ нашего судебнаго строя по вышеуказаннымъ причинамъ все равно впередъ бы не подвинулось. Положеніе вещей весьма значительно ухудшилось бы, но не сдѣлалось бы опредѣленнымъ, ибо творцы обновленныхъ уставовъ, сдѣлавъ рядъ существенныхъ уступокъ реакціи и закрѣпивъ порядокъ, созданный извѣстными намъ новеллами и циркулярами, не рѣшились идти до конца; новый грузъ они продолжали прикрывать старымъ флагомъ, т.-е. старыми принципами судебныхъ уставовъ. Въ результатѣ ихъ творчества явился самый неудачный архитектурный памятникъ, свидѣтельствующій лишь о томъ, къ чему приводитъ попытка объять необъятное и соединить несоединимое; характерными чертами памятника явились частыя противорѣчія, механическое соединеніе разнородныхъ элементовъ и рядъ объясненій, отличающихся замаскированнымъ, но безспорнымъ лицемѣріемъ.

Самый яркій примѣръ двойственности далъ предсѣдатель комиссіи; по тому же пути пошла за нимъ и комиссія.

Давая въ одной изъ своихъ работъ общую характеристику судебныхъ уставовъ, Н. В. Муравьевъ назвалъ ихъ книгой „малой по объему, великой по содержанію“; по его категорическому заявленію, начала, проведенныя въ судебныхъ уставахъ, „такъ высоки и чисты, вліянія и послѣдствія ихъ такъ благодѣтельны для русской жизни, что *дальше ихъ намъ не зачѣмъ и некуда идти*“. Прибавимъ, что это было сказано съ полнымъ пониманіемъ всѣхъ темныхъ сторонъ нашего дореформеннаго прошлаго, отъ котораго, по справедливому замѣчанію того же автора, уставы отдѣляетъ цѣлая „бездна“.

Тѣмъ же преклоненіемъ передъ „идеаломъ, воздвигнутымъ законодателемъ“ въ судебныхъ уставахъ, дышетъ рѣчь Н. В. Муравьева, сказанная въ государственномъ совѣтѣ, которому предстояло разсмотрѣть проектъ реформы. „Ничѣмъ не изгладимымъ завѣтомъ“ именуется здѣсь судъ, „скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ“ и „высоко поставленная, независимая судебная власть, повсюду въ высшемъ, какъ и въ низшемъ, утверждающая уваженіе къ закону“. Эти завѣты и идеалы „никогда не утратятъ своего величія и мощи, никогда не перестанутъ управлять судьбами *достойной своего имени юстиціи* уже по одному тому, что въ нихъ ключъ къ судебной истинѣ“.

16[6]

Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ рѣчей Н. В. Муравьевъ указывалъ на высокія задачи судебнаго вѣдомства, громилъ непотизмъ и карьеризмъ и призывалъ къ работѣ въ духѣ идеаловъ, начертанныхъ составителями судебныхъ уставовъ.

Казалось бы трудно яснѣе формулировать необходимость такой реформы, которая сняла бы всѣ надстройки, всѣ уродливыя позднѣйшія наслоенія и вернулась къ основнымъ началамъ судебныхъ уставовъ, но... не то мы услышимъ отъ Н. В. Муравьева дальше.

Уже въ рѣчи, нами цитированной и произнесенной въ государственномъ совѣтѣ, имѣется подозрительная фраза: преклонившись передъ словами, въ которыхъ заключаются „завѣты" и „идеалы", ораторъ мимоходомъ отмѣчаетъ, что „этими словами *злоупотребляли*, приводя ихъ иногда не къ мѣсту или не во-время".

Смыслъ фразы раскрывается въ полномъ объемѣ, если мы обратимся ко всеподданнѣйшему докладу Н. В. Муравьева о необходимости судебной реформы. На первый планъ уже рѣшительно здѣсь выдвигаются не задачи правосудія, а задачи политическаго характера, которыя должны дать тонъ и окраску всему судебному дѣлу. Мы читаемъ, что у насъ „судъ долженъ быть прежде всего вѣрнымъ и вѣрноподданнымъ проводникомъ и исполнителемъ самодержавной воли Монарха" и, „какъ органъ правительства, долженъ быть солидаренъ съ другими его органами". Правда, авторъ какъ будто говоритъ о солидарности лишь съ „законными дѣйствіями и начинаніями" другихъ органовъ, но какъ понимается здѣсь законность, видно изъ дальнѣйшаго, гдѣ на судъ возлагается обязанность „оберегать не только существующій законный порядокъ, но и *достоинство государства и его правительственной власти всюду, гдѣ это достоинство можетъ быть затронуто въ дѣлахъ судебнаго вѣдомства*". Такимъ образомъ, пресловутая охрана престижа власти ставится на ряду съ законностью, которой, очевидно, приходится отступать въ тѣхъ случаяхъ, когда власть выходила изъ рамокъ закона; слово „законность" сохранено, но ему дано толкованіе, разрушающее истинное содержаніе принципа законности.

Послѣ этого мы уже не будемъ удивляться, читая, что „*нѣкоторыя начала судебныхъ уставовъ не соотвѣтствуютъ особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго быта*", и что въ категорію этихъ „несоотвѣтствующихъ началъ" Н. В. Муравьевъ относитъ все, что уводило насъ отъ дореформенныхъ порядковъ, ибо упоминаетъ и организацію кассаціонной инстанціи, и судъ присяжныхъ, и самоуправляющуюся адвокатуру, и отдѣленіе суда отъ администраціи, и даже столь подорванную уже новеллами судейскую несмѣняемость...

Таковъ былъ тонъ, данный предсѣдателемъ; отзвукомъ явилось направленіе работы комиссіи и ея объясненія, запутанныя и полныя непримиримыхъ противорѣчій.

Не останавливаясь на подробностяхъ, мы все же должны все болѣе существенное отмѣтить. Комиссія главной своей задачей при-

знала „улучшеніе“ судебной части, а „отнюдь не ломку и даже не реформу“ ея. Она признаетъ всю важность данныхъ судебными уставами „устоевъ“ правосудія. Она вообще чрезвычайно высоко ставитъ судъ и признаетъ, что онъ долженъ быть независимъ „отъ постороннихъ вліяній и давленій“; она признаетъ высокую важность судейской несмѣняемости и независимости, которыя привлекаютъ въ судебное вѣдомство „даровитыхъ и просвѣщенныхъ людей“; поэтому судья долженъ ничего не опасаться и „не стѣсняться ничѣмъ, кромѣ закона, совѣсти и фактовъ“. Комиссія, далѣе, желаетъ положить конецъ создавшейся пестротѣ судебныхъ инстанцій, а потому прежде всего стремится къ объединенію мѣстной юстиціи; она даетъ лестный отзывъ о мировомъ судѣ, отмѣчая его справедливость, безпристрастіе и заслуженное имъ общественное довѣріе; она высоко чтитъ принципы гласности и публичности; она цѣнитъ независимость суда присяжныхъ и пр., и пр.

Но далѣе приходится перейти отъ словъ къ дѣлу, и здѣсь мы видимъ, что комиссія санкціонировала почти все то, что для разрушенія основныхъ началъ судебныхъ уставовъ было сдѣлано въ реакціонную эпоху путемъ новеллъ и циркуляровъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пошла еще дальше. Неприкосновенной оставлена судебная компетенція земскихъ начальниковъ, погребены выборные мировые судьи, расширены полномочія полиціи въ стадіи предварительнаго производства, закрѣплены ограниченія гласности, созданъ въ видѣ общей мѣры уже неудачно испробованный на окраинахъ институтъ лицъ, соединяющихъ одновременно функціи судей и слѣдователей, созданъ для многихъ дѣлъ институтъ спеціальныхъ присяжныхъ, утрачивающихъ самостоятельность вслѣдствіе слiянія ихъ съ коронными судьями въ одну коллегію, увеличивается пестрота судебныхъ инстанцій и пр., и пр.

Въ основномъ же вопросѣ о несмѣняемости и независимости судей комиссія ударила полный отбой отъ ею же провозглашенныхъ принциповъ и подтвердила это своими объясненіями. При всѣхъ уже извѣстныхъ намъ ограниченіяхъ принципа несмѣняемости комиссія находитъ, что правительство все еще „лишено“ достаточныхъ средствъ къ быстрому „возстановленію порядка“ и удаленію „недостойныхъ“ дѣятелей. Поэтому не только лишены несмѣняемости участковые судьи, но и высказаны общія соображенія на ту тему, что правительство, въ лицѣ министра юстиціи, „отвѣтственное за успѣшный ходъ правосудія, должно имѣть право „не стѣсняться“ рекомендаціей судебныхъ мѣстъ, а назначать тѣхъ, кого „по имѣющимся у него свѣдѣніямъ признаетъ достойнымъ“; сверхъ того необходимой признается возможность для правительства не только „вліять“ на составъ судей, но и „направлять“ дѣятельность всѣхъ, кому „ввѣрена судебная власть въ интересахъ цѣлаго государства“.

Дальше идти было некуда; даже въ составѣ комиссіи ея постановленія вызвали цѣлый рядъ особыхъ мнѣній и не только со сто-

роны прогрессивныхъ судебныхъ дѣятелей въ лицѣ, напримѣръ, А. Ф. Кони, но и со стороны такихъ суровыхъ представителей вѣдомства, какъ бывшій прокуроръ по дѣлу 193-хъ сенаторъ Желеховскій, присоединившійся по многимъ вопросамъ къ числу лицъ, протестовавшихъ противъ полнаго искаженія началъ судебныхъ уставовъ.

Проектъ, какъ мы знаемъ, не прошелъ въ государственномъ совѣтѣ, но вопіющая необходимость реформы осталась.

Теперь, послѣ 17 октября, положившаго грань между старой и новой Россіей, казалось бы, не должно быть препятствій къ возстановленію въ Россіи истиннаго правосудія и возрожденію судебнаго вѣдомства.

Но жизнь говоритъ иное. Россія пережила и переживаетъ небывалую реакцію, полную эксцессовъ, и мы до сихъ поръ можемъ вѣровать въ грядущую и обновляющую правосудіе реформу, можемъ надѣяться на нее, но пока не можемъ питать относительно нея никакой твердой увѣренности и не можемъ даже съ приблизительной точностью сказать, когда мы ее дождемся.

И при „обновленномъ“ строѣ мы живемъ среди господства исключительныхъ положеній и связанныхъ съ ними безпощадныхъ каръ, среди того расцвѣта административныхъ „усмотрѣній“, который въ корнѣ противорѣчитъ понятіямъ о нормальномъ управленіи и нормальномъ судебномъ строѣ, опирающемся на безусловное торжество законности надъ какимъ бы то ни было произволомъ.

Но здѣсь грань, на которой должна остановиться наша работа. Это не прошлое, а настоящее. Для него часъ суда исторіи еще не наступилъ.

ГЛАВА XIII.

Польскій вопросъ (1863—1892).

(З. Ленскаго.)

Въ эпоху, послѣдовавшую за возстаніемъ 1863—64 гг., въ теченіе послѣдняго 35-лѣтія XIX в., характеръ польскаго вопроса совершенно видоизмѣнился. Онъ не только сошелъ съ исторической сцены, какъ вопросъ международной политики, но утратилъ также свою прежнюю простоту и опредѣленность въ глазахъ самого польскаго общества. До 1863 г. польскій вопросъ все еще разсматривался правительствами, такъ сказать, en bloc. Несмотря на то, что каждая изъ трехъ державъ, владѣвшихъ частью раздѣленной Польши, была формально и по существу совершенно самостоятельной по отношенію къ своему „захвату“, правительства Россіи, Австріи и Пруссіи считали себя, однако, связанными другъ съ другомъ въ польскомъ вопросѣ не, только какъ ви-

невники т. наз. „исторической несправедливости“, но какъ хранители опредѣленнаго политическаго status quo въ Европѣ. Польскій вопросъ былъ какъ бы центральнымъ узломъ, въ которомъ сходились нити международной политики. Достаточно вспомнить такіе факты, какъ протестующую ноту англійскаго правительства противъ отмѣны конституціи Царства Польскаго Николаемъ I въ 1832 г., занятіе Кракова войсками трехъ державъ, дипломатическое вмѣшательство въ 1863 г.

А развѣ европейская демократія не такими же глазами смотрѣла на польскій вопросъ? Въ 1848 г. Марксъ видѣлъ въ возстановленіи Польши самый важный вопросъ международной революціи. Въ маѣ 1848 г. парижскій народъ устроилъ крупную демонстрацію въ пользу Польши. Подъ лозунгомъ возстановленія Польши 15 лѣтъ спустя зародилось въ Лондонѣ международное общество рабочихъ. Національное дѣло поляковъ было, по воззрѣнію тогдашнихъ соціалистовъ, тожественно съ дѣломъ демократіи и пролетаріата на Западѣ.

Во всѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, въ господствующемъ сословіи, была крѣпка традиція независимой Польши. Польская демократія, возлагавшая надежды не на дипломатію, а на возстаніе, всегда себѣ представляла это послѣднее, какъ одновременное возстаніе всѣхъ частей Польши, независимо отъ разъединявшихъ ихъ государственныхъ перегородокъ. Такими были по своему замыслу неудачное возстаніе 1846 г. и возстаніе 1863 г. Укладъ жизни во всѣхъ трехъ захватахъ былъ болѣе или менѣе одинаковый. Ни экономическіе, ни политическіе интересы не проводили между ними никакой грани. Шляхтичъ Познани, Галиціи, Царства Польскаго и западнаго края чувствовалъ себя прежде всего шляхтичемъ и полякомъ и меньше всего подданнымъ того или другого государства, связь съ которымъ выражалась въ уплатѣ налоговъ и несеніи другихъ мало пріятныхъ повинностей. Не было еще налицо тѣхъ моментовъ, которые могли бы вытѣснить объединявшую поляковъ различныхъ провинцій традиціонную идею независимой Польши. Не было еще новыхъ, захватывающихъ жизненныхъ связей, которыя заставляли бы о ней забыть, направляя вниманіе въ другую сторону. Эти связи возникли и постепенно все болѣе и болѣе укрѣплялись въ теченіе ближайшихъ 25 лѣтъ послѣ возстанія.

Въ Царствѣ Польскомъ крестьянская реформа въ корнѣ измѣнила земельныя отношенія и содѣйствовала развитію могучей фабрично-заводской промышленности, расцвѣтъ которой находился въ прямой зависимости отъ россійскаго потребительскаго рынка. Въ Галиціи конституція 1867 г. позволила шляхтѣ занять положеніе *политически* господствующаго класса не только у себя, на родинѣ, но въ Австрійской монархіи въ цѣломъ. Въ Познани Бисмарковскій культуркампфъ, натискъ экономической и политической германизаціи заняли исключительное вниманіе тамошняго польскаго общества. Такимъ образомъ, въ каждомъ „захватѣ“ создавались своеобразныя экономическія отно-

шенія, *свои* интересы, *свои* партійныя группировки, словомъ, *своя* внутренняя жизнь. Жизнь усложняется и углубляется. По мѣрѣ усиленія экономической мощи и активной роли демократическихъ слоевъ народа—мѣщанства, крестьянства, рабочихъ, интеллигенціи—борьба экономическая и идейная между различными общественными классами выдвигается на первый планъ. Былое, весьма въ сущности невинное, дѣленіе шляхетскаго политическаго міра на „бѣлыхъ“ и „красныхъ“ замѣняется серьезной и глубокой, какъ пропасть, классовой группировкой политическихъ партій. Шляхта и крестьянство, капиталисты и рабочіе объединяются и организуются на почвѣ своихъ интересовъ, выдвигая свои программы и своихъ идеологовъ. Эта групповая и классовая борьба переплетается и усложняется національной рознью между поляками и русинами въ Галиціи, между поляками и нѣмцами въ Познани и В. Пруссіи, наконецъ, между поляками и евреями въ Царствѣ Польскомъ.

Итакъ, съ одной стороны, все больше и больше консолидируется органическая связь между „захватомъ“ и государствомъ; съ другой,—внутреннее развитіе каждаго „захвата“ принимаетъ свои опредѣленныя формы и совершается въ особыхъ условіяхъ. Говоря о растущей органической связи, мы имѣемъ въ виду фактъ все большаго вовлеченія провинціи въ кругъ прежде всего экономической и затѣмъ политической жизни цѣлаго государства. На этой почвѣ впервые изъ Галиціи, превратившейся въ эльдорадо господствующаго землевладѣльческаго класса, раздается новый лозунгъ: *лойялизмъ.* Идея возстанія и традиція независимаго польскаго государства осмѣиваются и осуждаются въ „Портфелѣ Станчика“, коллективномъ произведеніи Тарновскаго, Шуйскаго и Козьмяна конца 60-хъ гг. Отказъ отъ мечтаній прошлаго, *лойяльное* примиреніе съ судьбой, преданность монарху провозглашаются, какъ долгъ политической мудрости и польскаго патріотизма. Политическая конспирація,—писали и говорили галиційскіе станчики,—имѣющая цѣлью возстановленіе Польши, отжила свой вѣкъ, и единственной задачей, стоящей на очереди, является работа надъ внутреннимъ развитіемъ общества въ тѣхъ политическихъ границахъ и рамкахъ, которыя созданы исторіей. Этотъ лозунгъ, исходившій отъ краковскихъ консерваторовъ и шляхетскихъ ретроградовъ, въ общей своей формѣ становится политическимъ credo варшавскихъ прогрессистовъ и идеологовъ буржуазіи...

Политически и экономически разъединенные, идущіе каждый своимъ особымъ путемъ, три захвата продолжали, однако, быть національно связанными. Литература питалась тремя источниками, два польскихъ университета (краковскій и львовскій) представляли не только Галицію, но, такъ сказать, всю Польшу въ научномъ отношеніи, особенно въ дѣлѣ разработки польской исторіи. Печать Царства Польскаго продолжала удѣлять весьма много вниманія дѣламъ Галиціи и Познани, какъ въ свою очередь печать этихъ провинцій—дѣламъ Царства.

Сознаніе національнаго единства не падаетъ, напротивъ, оно распространяется, по мѣрѣ демократизаціи общества, на болѣе широкіе слои населенія, въ то время, какъ прежде оно было монополіей господствующаго сословія. Германизаторская политика прусскаго и обрусительная политика русскаго правительства сильно поддерживаютъ и повышаютъ національное самосознаніе. Демократическая интеллигенція, отражая и перерабатывая этотъ стихійный процессъ роста національнаго самосознанія, пытается направить его въ программное русло и, по линіи наименьшаго сопротивленія, причаливаетъ къ забытой пристани... независимой Польши. И мы видимъ, какъ послѣ 25-лѣтняго изгнанія эта идея снова возвращается въ умы польской демократіи. Она, впрочемъ, никогда *окончательно* не изчезала, хотя и не принимала опредѣленныхъ очертаній въ практическомъ смыслѣ. Своеобразный трагизмъ польской интеллигенціи въ томъ и состоитъ, что прошлое постоянно бросаетъ свою траурную тѣнь на настоящее. Исторія польской общественной мысли за послѣднее 40-лѣтіе есть безпрестанная борьба между желаніемъ вырваться на торную дорогу европейскаго общечеловѣческаго прогресса и таинственнымъ, страстнымъ тяготѣніемъ къ традиціи, къ прошлому, къ сводамъ Вавельскаго замка.

Trzeba z synami naprzód iść
Po życie sięgać nowe!

пѣлъ вскорѣ послѣ возстанія романтикъ Аснык. Къ освобожденію изъ тисковъ прошлаго страстно, но напрасно стремится въ началѣ XX в. знаменитый поэтъ Выспянскій въ своей символической драмѣ „Wyzwolenie".

Рѣзче и полнѣе всего различныя теченія польской общественной мысли проявлялись въ русскомъ „захватѣ", въ Царствѣ Польскомъ, исторія котораго за послѣднее 40-лѣтіе развивалась независимо отъ исторіи Галиціи и Познани. Къ изложенію ея мы и переходимъ въ дальнѣйшемъ. Остановимся прежде всего на тѣхъ внѣшнихъ, созданныхъ русскимъ правительствомъ, рамкахъ, въ которыхъ приходилось послѣ возстанія развиваться Царству Польскому.

Послѣ усмиренія.

Вскорѣ послѣ военно-полицейскаго подавленія возстанія началась систематическая руссификація Царства Польскаго и еще болѣе безпощадное искорененіе всего польскаго въ западныхъ губерніяхъ. Ради мнимаго избавленія „исконно-русскаго" края отъ опасности полонизма здѣсь репрессіи были доведены до крайней степени. Особенное вниманіе было обращено на земельную политику. 10 декабря 1865 года было издано высочайшее повелѣніе, воспрещавшее лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ девяти западныхъ губерніяхъ. Полякамъ же, высланнымъ изъ западнаго края, повелѣно было въ двухгодичный срокъ продать свои имѣнія лицамъ русскаго

происхожденія, православнаго или лютеранскаго вѣроисповѣданія. Еще въ 1864 г. былъ съ этой цѣлью образованъ фондъ на покупку русскими пріобрѣтателями частныхъ имѣній и оброчныхъ статей, а также установлены чрезвычайныя льготы при покупкѣ имѣній. Мысль М. Н. Муравьева о насажденіи русскаго землевладѣнія въ сѣверо-западномъ краѣ добилась, благодаря этимъ мѣрамъ, своего осуществленія.

Для борьбы съ польскимъ элементомъ въ городахъ съ государственной службы удалены были всѣ поляки, была до крайности стѣснена торговля польскими книгами, воспрещено было въ кофейняхъ и ресторанахъ имѣть польскія газеты, запрещено было преподаваніе на польскомъ языкѣ даже въ частныхъ кругахъ, не было допущено изданіе польскихъ книгъ и газетъ въ Вильнѣ и т. п.

Въ Царствѣ Польскомъ работа правительства по обрусенію края растянулась на болѣе продолжительный періодъ, такъ какъ она требовала большаго напряженія и такъ какъ не сразу были установлены тѣ начала, на которыхъ нужно строить зданіе „органическаго слиянія“ съ имперіей. Только послѣ 1866 года правительство повидимому почувствовало въ этомъ отношеніи почву подъ ногами, когда окончательно выяснилось, что „боевая“ энергія польскаго общества, даже въ потенціи истощена.

Какъ и послѣ 1831 года, возстаніе 1863 года явилось прежде всего желаннымъ поводомъ для награжденія майоратными имѣніями цѣлаго множества штатскихъ и военныхъ сановниковъ, такъ или иначе причастныхъ къ усмиренію мятежа. Иниціаторомъ этихъ пожалованій былъ намѣстникъ гр. Бергъ, и раздача имѣній превратилась въ настоящую оргію, о которой преемникъ гр. Берга, гр. Коцебу выразился, что „c'était une vraie spoliation du denier public“. Въ управленіе гр. Берга розданы были изъ конфискованныхъ и государственныхъ земель 130 майоратовъ съ площадью въ 331.610 морговъ [1]).

Высшая власть съ осени 1863 г. была сосредоточена въ рукахъ учредительнаго комитета, во главѣ котораго стоялъ Милютинъ, а его ближайшими помощниками были кн. Черкасскій, Я. А. Соловьевъ, А. И. Кошелевъ и нѣсколько другихъ лицъ. Учредительный комитетъ получилъ значеніе учрежденія по преимуществу законодательнаго, и всѣ административныя реформы, проведенныя въ Царствѣ Польскомъ въ ближайшіе годы послѣ возстанія, это—дѣло его рукъ. Отъ автономіи Царства Польскаго шагъ за шагомъ не оставлено было камня на камнѣ. Въ промежуткѣ отъ марта 1867 г. по мартъ 1868 года упразднены были всѣ автономныя учрежденія, оставшіяся отчасти въ наслѣдство отъ эпохи Николая I, отчасти являвшіяся продуктомъ реформъ Вѣлепольскаго: государственный совѣтъ Царства Польскаго, правительственная комиссія финансовъ и казначейства, комиссія народнаго просвѣщенія, комиссія внутреннихъ дѣлъ, комиссія юстиціи, дипломатическая канцелярія при намѣстникѣ.

---

[1]) 1 моргъ=$^1/_2$ десятины.

Всѣ отрасли управленія Царства были подчинены соотвѣтствующимъ имперскимъ вѣдомствамъ.

Административныя преобразованія, имѣвшія цѣлью централизацію правительственнаго механизма всей имперіи въ Петербургѣ, не были бы столь чувствительны, если бы имъ не сопутствовало насажденіе русскаго языка и вытѣсненіе изъ всѣхъ учрежденій чиновника-поляка съ замѣной его русскимъ. Русскій языкъ былъ введенъ въ губернскомъ и уѣздномъ правленіи въ 1868 году, въ финансовыхъ учрежденіяхъ въ 1869 г., въ судопроизводствѣ—въ началѣ 70-хъ гг. Въ качествѣ мѣры, тѣсно связанной съ руссификаціей правительственныхъ учрежденій, изданъ 30 іюня 1867 г. законъ о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, служащихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Упраздненіе административной автономіи и связанное съ нимъ обрусеніе правительственныхъ учрежденій намѣчалось уже въ 1863 г. и входило, конечно, съ самаго начала въ планы реформаторовъ-бюрократовъ, присланныхъ обновить общественно - политическую жизнь Царства Польскаго. Но обрусеніе школы и насажденіе православія явились уже чѣмъ-то новымъ, совершенно не входившимъ въ первоначальные планы ни Милютина, ни Александра II, ни даже Каткова. А между тѣмъ, обрусительная школьная политика заняла главное мѣсто въ системѣ „органическаго слиянія".

Въ рескриптѣ Александра II на имя намѣстника въ 1864 г. сказано было: „При устройствѣ учебныхъ заведеній, особенно среднихъ и высшихъ, собственно въ отношеніи педагогическомъ, главною заботой правительства должно быть распространеніе въ юношествѣ здравыхъ познаній и развитіе въ немъ любви къ дѣльному труду и основательному научному образованію. Не дозволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было превращать разсадники науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая системы общественнаго воспитанія въ Царствѣ Польскомъ и возвышая въ немъ уровень преподаванія".

А между тѣмъ, спустя 3—4 года послѣ изданія упомянутаго рескрипта, превращеніе „разсадниковъ науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей" стало чуть ли не основной задачей правительства въ Царствѣ Польскомъ. Вмѣсто предположенныхъ Милютинымъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній для каждой народности (поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ, литовцевъ, русиновъ), принята была въ 1866 г., въ министерство гр. Д. А. Толстого, идея смѣшанныхъ училищъ для всѣхъ національностей. Въ „смѣшанныхъ" училищахъ преподаваніе велось на русскомъ языкѣ, и необходимость ихъ мотивировалась тѣмъ, что для евреевъ не стоитъ открывать отдѣльныхъ гимназій, а, между тѣмъ, нельзя отдать ихъ на жертву полонизму. Въ 1868 году изъ общаго числа 55 средне-учебныхъ заведеній, въ 20 преподаваніе велось на русскомъ языкѣ, а въ силу высочайше утвержденнаго 1-го мая 1869 года положенія комитета Царства Поль-

скаго вскорѣ вообще было введено преподаваніе на русскомъ языкѣ. Въ народныхъ сельскихъ и гминныхъ училищахъ введеніе преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ во всемъ Царствѣ Польскомъ началось съ 1870 года.

Варшавская главная школа, учрежденная Вѣлёпольскимъ въ 1862 г., была преобразована въ императорскій варшавскій университетъ въ силу рескрипта 30 августа 1867 г. Преобразованіе, однако, не пошло на пользу единственной высшей школѣ края: въ 1866 — 67 гг. она насчитывала 1302 слушателя, а въ 1872 г., уже въ качествѣ императорскаго университета,—445 студентовъ. И неудивительно. Университетъ сдѣлался выгоднымъ пріютомъ для чиновниковъ съ званіемъ ученыхъ, которые реальныя преимущества службы въ Царствѣ Польскомъ ставили гораздо выше, чѣмъ идеальныя цѣнности науки. Ректора и инспектора съ самаго начала рѣшено было назначать изъ природныхъ русскихъ, а въ маѣ 1871 г. состоялось высочайшее повеленіе о назначеніи всѣхъ, безъ исключенія, лицъ учебнаго персонала въ варшавскомъ университетѣ правительственной властью. Итакъ, доступъ къ университетской каѳедрѣ былъ окончательно закрытъ для польскихъ научныхъ силъ.

Насажденіемъ православія особенно увлекся кн. В. А. Черкасскій, ближайшій сотрудникъ Милютина, неожиданно для себя открывшій въ такъ называемомъ польскомъ Забужьи, т.-е. нѣкоторыхъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній, поселенія русиновъ-уніатовъ. Какъ славянофилъ, онъ рѣшилъ „оградить русско-уніатскій край отъ посягательства на него полонизма“ и въ 1866 г. настоялъ на изданіи намѣстникомъ края, гр. Бергомъ, указа, воспрещавшаго переходъ уніатовъ въ католичество; нарушившихъ же этотъ указъ было повелѣно „приписать къ мѣстнымъ греко-уніатскимъ приходамъ“. Этимъ было положено начало пресловутому возсоединенію уніатовъ „Холмщины“, заключительный актъ котораго былъ разыгранъ гр. Д. А. Толстымъ, повелѣвшимъ въ 1875 году замѣнить уніатскій обрядъ православнымъ. Наиболѣе рьянымъ возсоединителемъ греко-уніатовъ въ лоно православной церкви былъ сѣдлецкій губернаторъ Громека, который „для пользы святого дѣла“ прибѣгалъ къ цѣлой системѣ насилій, заставляя населеніе казацкими нагайками, военными постоями и всяческими преслѣдованіями примыкать къ новой вѣрѣ. Уніатское дѣло— одна изъ наиболѣе позорныхъ страницъ въ исторіи религіозной „терпимости“ русскаго самодержавнаго правительства.

Хозяйственный переворотъ.

Самымъ важнымъ послѣдствіемъ возстанія 1863 г. явилась крестьянская реформа, проведенная русскимъ правительствомъ. Мы указывали уже, что радикализмъ этой реформы имѣлъ подъ собою опредѣленную политическую почву: щедрымъ земельнымъ подаркомъ привязать

польское крестьянство къ русскому правительству. Въ наказаніе за „панскій бунтъ“ польскій *хлопъ* получилъ „по манію царя“ не только землю, которою онъ пользовался въ то время, но и тѣ участки, которые когда-то были у него отобраны помѣщиками подъ разными предлогами, и вдобавокъ—право на сервитуты, т.-е. право пользоваться господскимъ лѣсомъ и пастбищемъ.

Можно почти съ увѣренностью сказать, что безъ возстанія, при нормальномъ теченіи крестьянской реформы, интересы помѣщиковъ были бы соблюдены въ несравненно болѣе высокой степени, а крестьяне оказались бы несомнѣнно въ болѣе невыгодномъ положеніи. Законы объ „окупѣ“ барщины и добровольномъ очиншеваніи, изданные при Вѣлёпольскомъ, вполнѣ подтверждаютъ такое предположеніе. На этихъ законахъ лежитъ печать интересовъ господствующаго сословія. Возстаніе развязало руки у петербургской бюрократіи. Несдерживаемая никакими вліяніями со стороны заинтересованнаго помѣщичьяго класса, бюрократія смѣло отдалась на волю соціально-политическаго экспериментированія, отъ котораго у польской шляхты волосы становились дыбомъ. Милютинъ представлялся ей самымъ ярымъ нигилистомъ и соціалистомъ. На крестьянскую реформу она смотрѣла, какъ на грабежъ среди бѣлаго дня, на который приходится глядѣть молча.

На основаніи указовъ 19-го февраля 1864 г. крестьяне (отчасти мѣщане) пріобрѣли въ собственность по сравненію съ площадью земли, бывшей доселѣ въ ихъ пользованіи, новую площадь въ размѣрѣ 1.916.355 морговъ. Это расширеніе крестьянской земельной собственности совершилось почти исключительно за счетъ частнаго помѣщичьяго землевладѣнія. Указъ 1864 г. создалъ значительное число, не меньше 200 тысячъ, *новыхъ* мелкихъ крестьянскихъ усадебъ, изъ коихъ свыше половины имѣли карликовые размѣры, занимали не болѣе 3-хъ морговъ. Милютинъ стремился къ тому чтобы не оставить безземельнаго пролетаріата, уже весьма многочисленнаго, какъ мы знаемъ, въ то время. Эта мѣра, разумѣется, отнюдь не задержала роста пролетаризованнаго деревенскаго населенія. Въ 1889 году, при общей цифрѣ населенія Ц. Польскаго свыше 8 милліоновъ, насчитывали не меньше 2 милліоновъ безземельнаго пролетаріата.

Крестьянская реформа кореннымъ образомъ измѣнила условія веденія помѣщичьяго хозяйства. Даровой барщинный трудъ исчезъ. Указъ 1864 г. сразу и повсемѣстно освободилъ крестьянъ *навсегда* отъ всѣхъ, безъ исключенія, повинностей, которыми они были обложены въ пользу владѣльцевъ имѣній. Состоянія „временной обязанности“ для Царства Польскаго не было установлено. Изъяты были и тѣ косвенные пути, которые въ такомъ изобиліи проложила реформа 1861 года для того, чтобы не лишить землевладѣльцевъ дешевой рабочей силы. Отрѣзки, какъ извѣстно, сослужили въ этомъ отношеніи большую службу. Между тѣмъ, въ Царствѣ отрѣзано было не у крестьянъ, а у помѣщиковъ. Притомъ институтъ сервитутовъ давалъ крестьянину полную возможность

не закабаляться у помѣщика. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, вызывали необходимость имѣть значительный оборотный капиталъ на наемъ рабочей силы, которая теперь стала расцѣниваться дороже, чѣмъ до реформы. Въ первое время помогли, конечно, ликвидаціонные 4% листы. Но этого оказалось мало. Необходимо было прибѣгать къ кредиту, съ одной стороны, у Общества взаимнаго земельнаго кредита, съ другой—у частныхъ банковъ и лицъ. Что далеко не всѣ въ состояніи были пережить этотъ хозяйственный кризисъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры.

Къ 1885 г. въ рукахъ евреевъ находилось свыше ½ милліона морговъ земли, между тѣмъ какъ до реформы они владѣли не больше 50 тыс. морговъ; въ рукахъ иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, находилось въ это же время болѣе 1 милл. морг., считая одно лишь крупное землевладѣніе и не считая ½ милл. морг., принадлежащихъ нѣмецкимъ крестьянамъ-колонистамъ. Вся эта громадная земельная площадь, ушедшая въ теченіе какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ изъ рукъ польскихъ дворянъ, свидѣтельствуетъ о тяжеломъ кризисѣ, противъ напора котораго многія помѣщичьи хозяйства оказались безсильными. Сельско-хозяйственный кризисъ 80-хъ гг., вызванный заатлантической конкуренціей, только усилилъ этотъ процессъ.

Вскорѣ послѣ реформы началась также парцелляція помѣщичьихъ владѣній, т.-е. продажа цѣлыхъ имѣній или части ихъ въ раздробь крестьянамъ. Въ значительной мѣрѣ этому содѣйствовали сервитуты, тяготѣвшіе на имѣніяхъ. Стремленіе освободиться отъ сервитутовъ приводило къ регулированію ихъ путемъ добровольныхъ сдѣлокъ о замѣнѣ права *пользованія* господскимъ лѣсомъ и пастбищемъ правомъ *собственности* на опредѣленной величины участки помѣщичьей земли. Такимъ образомъ, до 1889 г., благодаря замѣнѣ сервитутовъ, крестьянская собственность увеличилась на 900 тыс. морг.; а благодаря прямой парцелляціи, дробленію имѣній—на 500 тыс. морговъ. Но особенно большіе размѣры этотъ процессъ принялъ съ начала 90-хъ гг., когда въ Царствѣ Польскомъ было учреждено отдѣленіе крестьянскаго банка. Въ одной только радомской губ. было покупкой пріобрѣтено крестьянами до 1889 г. 147,160 морг. на сумму около 6 милл. рублей. Больше всего подвергались парцелляціи имѣнія средней величины отъ 30 до 300 десятинъ. Даже высокія цѣны земли, господствовавшія въ періодъ 1877—1881 гг., не могли повліять тормозящимъ образомъ на парцелляціонный процессъ; онъ пошелъ тѣмъ болѣе быстро, когда кризисъ европейскаго сельскаго хозяйства вызвалъ паденіе цѣнъ земли. Уже въ концѣ 80-хъ гг. размѣры крестьянскаго, вообще мелкаго землевладѣнія, довольно значительно превышали площадь крупнаго, дворянскаго землевладѣнія, и эта передвижка въ пользу крестьянской собственности продолжала съ тѣхъ поръ обнаруживаться еще больше.

Описанныя явленія были лишь одной стороной того соціально-экономическаго процесса, который со-

вершался въ Царствѣ Польскомъ послѣ проведенія тамъ крестьянской реформы—притомъ стороной не самой главной. Доминирующимъ факторомъ въ экономической жизни страны, заслонившимъ какъ будто все остальное, было сильное развитіе фабрично-заводской промышленности. Фабричная промышленность существовала, конечно, и до 1864 г. Уничтоженіе таможни между Царствомъ Польскимъ и Россіей въ 1851 г. не мало содѣйствовало ея подъему, но годы революціи опять остановили ея ростъ. Послѣ возстанія, благодаря появленію новаго массоваго потребителя въ лицѣ освобожденннаго крестьянства, благодаря цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, промышленность чрезвычайно оживилась. Въ 60-хъ гг. были построены фабрично-лодзинская, варшавско-петербургская, варшавско-тереспольская ж. д., въ 70-хъ гг.—привислянская, въ 80-хъ гг.—ивангородско-домбровская. Всѣ эти дороги соединяли промышленные центры Царства Польскаго съ внутренними губерніями Россіи, ставшими для него главнымъ потребительнымъ рынкомъ. Лодзь—центръ текстильной промышленности, въ сравнительно короткій промежутокъ времени превратилась во второй по населенности городъ въ краѣ, а вокругъ Лодзи образовалось цѣлое кольцо фабричныхъ мѣстечекъ и поселковъ (Пабіанице, Згержъ, Озерковъ, Здунская-Воля, Томашовъ, Завѣрце и т. д.), ставшихъ со временемъ крупными пунктами текстильнаго производства. Продукты его въ главной своей массѣ поступаютъ не на мѣстный, а на отдаленный россійскій рынокъ. Въ широкихъ размѣрахъ сбытъ на т. наз. восточныхъ рынкахъ начался только въ 70-хъ гг., т.-е. послѣ соединенія Царства Польскаго нѣсколькими рельсовыми путями съ внутренними губерніями. Въ теченіе долгаго времени районъ сбыта составляли губерніи сѣверо-и юго-западнаго края. Съ 1880 г. польская промышленность завоевываетъ Новороссію. Въ это же время она укрѣпляетъ за собою Кавказъ и Закавказье (1883—1885), и въ слѣдующіе годы она охватываетъ центральныя и приволжскія губерніи. Отношеніе количества вывезенныхъ тканей во внутреннія губерніи къ общей суммѣ текстильнаго производства выражается, по изслѣдованію, относящемуся къ концу 90-хъ гг., въ 75—90%; въ самомъ Царствѣ Польскомъ оставалось, слѣдовательно, 10—25% мѣстнаго производства.

Если русскій рынокъ сыгралъ такую выдающуюся роль въ дѣлѣ развитія польской текстильной промышленности, то на ростъ, по истинѣ американскій, металлургической и каменноугольной промышленности оказала первостепенное вліяніе русская таможенная политика. Лучшей иллюстраціей этого вліянія является возникновеніе на почвѣ таможеннаго протекціонизма новаго крупнаго промышленнаго района, сосновицко-домбровскаго. Нѣмецкіе фабриканты и заводчики послѣ повышенія таможенныхъ пошлинъ въ 1877 г. почти на 50% (таможенныя пошлины стали взиматься золотомъ вмѣсто прежнихъ ассигнацій) рѣшили перенести свои предпріятія по ту сторону границы; такимъ образомъ, у самой

границы, бокъ-о-бокъ съ прусской Силезіей, послѣ 1877 г. выросла каменно-угольная, горнозаводская и металлургическая промышленность, основаніе которой положили заграничные, преимущественно германскіе капиталисты. Въ періодъ между 1870—1893 гг. добыча каменнаго угля въ Царствѣ Польскомъ возросла въ 10 разъ, поднявшись съ $19^1/_2$ милл. пуд. до 192 милл. Какую громадную роль сыграла таможенная политика русскаго правительства на судьбы польскаго капитализма, доказываютъ цифры, отмѣченныя „Комиссіей по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ", рѣчь о которой еще впереди. Изъ 141 наиболѣе крупныхъ фабрикъ и заводовъ, обслѣдованныхъ комиссіей въ 1886 г., почти половина была основана въ теченіе послѣднихъ 9 лѣтъ, протекшихъ послѣ таможенной реформы. Интересно отмѣтить, что вся промышленность сосновицко-домбровскаго района выросла на крестьянской надѣльной землѣ, которая, по указамъ 1864 г., не могла переходить въ руки другихъ сословій. Капиталъ оказался, однако, сильнѣе буквы закона. Не было ничего легче, какъ составить сельскій приговоръ о принадлежности даннаго лица—какого-нибудь германскаго или французскаго капиталиста—къ крестьянскому сословію или продать участокъ подъ видомъ фиктивной долгосрочной аренды. Такимъ же окольнымъ путемъ крестьянская земля для надобностей фабричной промышленности отчуждалась въ лодзинскомъ районѣ.

Царство Польское въ теченіе 30-лѣтія, послѣдовавшаго за возстаніемъ, превратилось въ страну крупной капиталистической промышленности. По весьма суммарнымъ цифрамъ Кошутскаго приблизительная сумма сельско-хозяйственнаго производства равнялась въ 1867 г. 240 милл. руб., въ 1899 г. — 400 милл. руб. Сумма фабрично-заводскаго производства выражалась въ 1870 г. въ 64 милл. руб., въ 1897 г.—въ 505 милл. руб. Другими словами, въ началѣ нашей эпохи сельское хозяйство занимало въ экономической жизни страны преобладающее мѣсто, и стоимость его продуктовъ почти въ 4 раза превышала стоимость продуктовъ крупной промышлености; въ концѣ XIX ст. эти двѣ отрасли народнаго хозяйства помѣнялись своими мѣстами. Въ области сельско-хозяйственнаго производства и связанной съ нимъ торговли произошелъ въ высшей степени знаменательный поворотъ. Еще въ началѣ 70-хъ годовъ Царство Польское было страною, экспортирующей большія количества зерна. Привозъ хлѣбныхъ продуктовъ въ Царство былъ минимальный. Спустя 20 лѣтъ вывозъ зерна уменьшился въ нѣсколько разъ, а привозъ зерна, муки и прочихъ хлѣбныхъ продуктовъ изъ внутреннихъ русскихъ губерній превысилъ вывозъ за границу больше, чѣмъ вдвое.

Параллельно съ развитіемъ промышленности и сосредоточеніемъ ея въ нѣсколькихъ центрахъ шелъ притокъ населенія въ эти центры. Варшава, Лодзь, Домброва, Сосновицы, Ченстохово и т. д. возрастали по числу жителей съ лихорадочной быстротой. Туда устремлялись без-

земельные и малоземельные крестьяне и покончившіе счеты со своимъ хозяйствомъ помѣщики, туда шли изъ другихъ мѣстечекъ и городовъ Царства Польскаго, туда, наконецъ, направлялись нѣмцы, кто со своимъ капиталомъ, кто—съ рабочей своей силой.

Десятилѣтіе позитивизма.

Какъ отразился описанный экономическій переворотъ въ головахъ людей, вовлеченныхъ въ него въ качествѣ ли прямыхъ участниковъ или чуткихъ зрителей? Какія измѣненія онъ вызвалъ въ общественно-политическомъ настроеніи и взглядахъ различныхъ соціальныхъ группъ? Какъ реагировала на него польская интеллигенція и ея выразительница — публицистика и литература? Наконецъ, какія опредѣленныя теченія и общественныя организаціи слагались на почвѣ этого переворота?

Поколѣніе молодежи, вышедшее спустя нѣсколько лѣтъ послѣ возстанія изъ высшей школы Царства Польскаго, Главной школы, мало походило на своихъ предшественниковъ. Окружающая общественная атмосфера была теперь совершенно другая, чѣмъ до возстанія, и задача состояла въ томъ, чтобы приспособить общественную мысль къ новымъ явленіямъ жизни. Эту задачу взялъ на себя т. наз. „варшавскій позитивизмъ“, направленіе, противопоставлявшее себя романтизму предшествующей эпохи. Дѣло было не въ философіи Огюста Конта, на которой новое направленіе хотѣло яко бы базировать, а въ тѣхъ выводахъ, которые дѣлались въ примѣненіи къ польскому обществу. „Позитивизмъ“ былъ не что иное, какъ буржуазный либерализмъ, какъ идеологія народившейся буржуазной Польши. Въ лицѣ молодыхъ публицистовъ, собравшихся вокругъ журнала „Еженедѣльное Обозрѣніе“, позитивизмъ обрушивался на традиціонные догматы въ литературѣ, политикѣ и общественной жизни. Онъ высмѣивалъ романтическую поэзію, осуждалъ идею вооруженнаго возстанія и Польши „отъ моря до моря“, указывалъ на отсталость польскаго общества въ области культурныхъ завоеваній, на опасность еще всевластнаго клерикализма, на предразсудки господствующаго дворянскаго сословія. Онъ рѣзко порывалъ съ прошлымъ и ставилъ на пьедесталъ новой жизни: прогрессъ, знаніе и „органическій трудъ“. Программа „органическаго труда“ противопоставлялась прежнимъ стремленіямъ, направленнымъ преимущественно на завоеваніе государственной независимости. „Органическій трудъ“, „работа у основъ“— лозунги новаго поколѣнія, должны были означать работу надъ поднятіемъ культурнаго уровня общества, его просвѣщеніемъ, искорененіемъ предразсудковъ шляхты, привлеченіемъ его къ промышленности и торговлѣ. Еврейскій вопросъ разрѣшался позитивистами въ смыслѣ полной ассимиляціи евреевъ, превращенія ихъ въ поляковъ моисеева закона; женскій вопросъ — въ смыслѣ предоставленія женщинѣ права тру-

диться на различныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности.

Политическихъ лозунговъ позитивизмъ не выдвигалъ не только потому, что мѣстныя условія не благопріятствовали этому, но потому, главнымъ образомъ, что онъ по существу своему былъ чуждъ политикѣ. И въ области знанія проблемы общественныя, соціологическія мало захватывали позитивистовъ. Дарвинъ, Бюхнеръ, Молешоттъ, матеріалистическая философія и естественныя науки, медицина и технологія —вокругъ нихъ сосредоточивались умственные интересы интеллигенціи 70-хъ гг. Журналъ „Природа и Промышленность", популяризировавшій теоріи и факты естественныхъ наукъ, пользовался такимъ распространеніемъ, какимъ никогда болѣе впослѣдствіи не пользовался популярный естественнонаучный журналъ. Если мы поищемъ въ *этомъ* отношеніи параллель позитивизму въ русской литературѣ, то, пожалуй, наиболѣе къ нему подходитъ направленіе, представляемое Писаревымъ.

Ставя крестъ на прошломъ Польши, позитивисты не дѣлали исключенія для демократической идеологіи 30—40 годовъ. И дѣйствительно, между старыми демократами эмиграціи и нео-демократами 70-хъ гг. была глубокая, существенная разница. Для первыхъ независимое Польское государство было началомъ и концомъ всѣхъ ихъ стремленій, улучшеніе доли народа должно было служить средствомъ къ осуществленію этой главной цѣли. Для позитивистовъ внутреннее обновленіе общества являлось самоцѣлью. Демократы стараго закала видѣли передъ собою только два класса—шляхту и крестьянство, при чемъ разрѣшеніе соціальнаго вопроса находили въ добровольномъ отказѣ шляхты отъ крѣпостного труда крестьянъ. Позитивисты видѣли, прежде всего, въ соціальномъ преобладаніи шляхты препятствіе для развитія буржуазнаго уклада общества, и все шляхетское было имъ ненавистно не съ точки зрѣнія интересовъ крестьянъ, о которыхъ уже успѣло позаботиться русское правительство, а съ точки зрѣнія интересовъ побѣдоноснаго шествія буржуазіи.

Апологія торгово-промышленнаго труда и различнаго рода либеральныхъ профессій вполнѣ соотвѣтствовала духу и требованіямъ момента, когда старыя „шляхетскія гнѣзда" разорялись, когда на стѣнахъ многихъ дворянскихъ усадебъ рука времени выводила грозную надпись: „Morituri" (на смерть обреченные)—заглавіе одной изъ повѣстей того періода, принадлежащей перу Крашевскаго. Беллетристическая литература 70-хъ гг., по преимуществу тенденціозная, идеализируетъ промышленный трудъ, противопоставляя праздности, пошлости и безсмысленности существованія владѣльцевъ замковъ и дворцовъ—жизнь, полную разумнаго смысла, энергіи и общественнаго идеализма владѣльцевъ фабрикъ, инженеровъ и докторовъ. Въ этой литературѣ звучали, однако, либеральныя и демократическія ноты. Достаточно вспомнить произведенія Ожешко, Балуцкаго, Пруса и Сенкевича перваго періода, когда онъ писалъ свои „Эскизы углемъ" и „Янко-Музыкантъ".

Владимиръ [illegible]

[illegible]

[illegible]

ходитъ направленіе, представляемое

зитивисты не дѣлали исклю-

жуазнаго уклада общества, и все

съ точки зрѣнія интересовъ кре-

ться русское правительство,

вала духу и требованіямъ момента,

разорялись, когда на стѣнахъ мно-

тература 70-хъ гг., по преимуществу

аточно вспомнить

Даже въ поэзію проникла эта тенденція „молота и кирки“. Охоровичъ въ стихотвореніи „Впередъ“ пѣлъ:

„Мы жаждемъ борьбы, что край озаритъ
Отъ сырыхъ подваловъ до мансардъ;
Пѣснь наша—движенье народовъ,
Громъ молотовъ и грохотъ машинъ“.

Могло бы казаться, что эта фразеологія намекаетъ на представителей труда въ буквальномъ смыслѣ слова, на пролетаріатъ, который все большими массами приливалъ въ города на службу къ промышленному капиталу. Но въ поле зрѣнія позитивистовъ пролетаріатъ не входилъ. Для нихъ „труженниками“ были владѣльцы и руководители промышленныхъ предпріятій. Объ истинной демократизаціи культуры они мало помышляли. Со своей проповѣдью прогресса, знанія и т. д. они не обращались къ низамъ, а къ среднимъ слоямъ общества: къ мѣщанской интеллигенціи и выходцамъ изъ шляхетскаго сословія. Они еще не сознавали и не отдавали себѣ отчета въ томъ, что „органическій трудъ“, который они воспѣвали, къ которому они призывали, есть „довольство сытыхъ“.

Наиболѣе полно и искренне была формулирована общественно-политическая программа польскихъ прогрессистовъ 70-хъ гг. въ статьѣ самаго талантливаго вожака послѣднихъ, Александра Свентоховскаго, „Политическія директивы“, помѣщенной въ сборникѣ „Ognisko“ въ 1882 году. Это историческій документъ, заслуживающій вниманія историка польской общественной мысли.

„Въ небогатой ткани политическихъ директивъ для нашего общества,—говоритъ Свентоховскій,—мы замѣтимъ одну общую нить, а именно принципъ возрожденія путемъ культурнаго развитія при рѣшительномъ разрывѣ съ традиціей вооруженныхъ вспышекъ. Насколько эта идея является глубоко прочувствованнымъ выводомъ изъ нашего опыта, убѣдительно свидѣтельствуетъ фактъ одновременнаго появленія ея на знаменахъ прямо противоположныхъ лагерей. Партія ультрамонтанская, аристократическая, пропитанная рафинированнымъ легитимизмомъ, такъ называемые галиційскіе станчики объединилась подъ этимъ знакомъ съ свободомыслящими и демократическими элементами нашего общества. Существуетъ рядъ глубокихъ различій въ пониманіи указанной политической программы со стороны этихъ группъ, но тѣмъ не менѣе формально она однородна какъ у тѣхъ, такъ у другихъ... Мы жаждемъ дѣйствительной жизни и реальнаго счастья. А изъ нашего горькаго опыта мы вынесли убѣжденіе, что опезпечить намъ первую и дать намъ второе не могутъ ни игра въ военную лотерею, ни заграничныя милости, но тяжелый, спокойный и упорный трудъ... Судьба ограничила всѣ наши стремленія и надежды областью культурнаго труда... Мы должны поэтому не только крѣпиться, развивать дѣльный характеръ и культивировать чистое чувство любви къ родинѣ, но также, насколько позволяетъ зависимость нашего коллективнаго труда отъ окружающихъ его условій, дышать постоянно свѣжимъ воздухомъ прогресса общечеловѣческой мысли, освѣженною

кровью питать нашъ организмъ и напрягать всю его творческую энергію. Нужно пробить побольше оконъ въ Европу и пусть идущія оттуда теченія провѣтрятъ нашу душную хату“.

Но вождь польскихъ прогрессистовъ не удовлетворяется однимъ только отрицаніемъ стараго политическаго катехизиса. Онъ выдвигаетъ также своего рода практическую программу. „Если насъ не могутъ болѣе привлекать лавры Болеславовъ храбрыхъ и Стефановъ Баторіевъ, — продолжаетъ Свентоховскій,—это отнюдь не значитъ, что мы обречены исключительно на защиту собственнаго гнѣзда и лишены возможности двинуться за его предѣлы. Всякій народъ, который не умираетъ, но живетъ и развивается, долженъ быть завоевателемъ, если не силой оружія, то силой цивилизаціи. Мы далеки отъ намѣренія восторгаться нашей участью, но обязаны тѣмъ не менѣе указать на одну хорошую ея сторону. Она открыла передъ нами широкое поприще торгово - промышленныхъ завоеваній, которымъ мы до сихъ поръ не достаточно овладѣли и на которомъ мы можемъ одержать болѣе вѣрныя побѣды, чѣмъ тѣ, на которыхъ раньше зиждились всѣ наши надежды... Мечты о завоеваніи внѣшней независимости должны въ наше время уступить мѣсто стремленію завоевать независимость внутреннюю. Эта послѣдняя можетъ быть только результатомъ укрѣпленія нашихъ умственныхъ и матеріальныхъ силъ, всесторонняго національнаго развитія, соединеннаго съ общимъ прогрессомъ, а также—демократизаціи общества, призывающей къ общественной дѣятельности элементы, непробудившіеся и несозрѣвшіе“.

„Политическія директивы“ —нѣчто въ родѣ политическаго завѣщанія позитивизма, уже въ то время (въ 1882 г.) утратившаго свою власть надъ умами. Новыя теченія пробивали себѣ дорогу: съ одной стороны, консервативныя и реакціонныя, съ другой—прогрессивныя и демократическія. Положительная сторона программы польскихъ прогрессистовъ, а именно призывъ къ торгово-промышленнымъ завоеваніямъ, не могла удовлетворять ни землевладѣльческихъ, ни мелко-буржуазныхъ, ни пролетарски-радикальныхъ элементовъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта перспектива была весьма заманчива для фабрикантовъ, состоявшихъ въ большинствѣ своемъ изъ нѣмцевъ и евреевъ, но она не могла заставить живѣе забиться сердца тѣхъ поляковъ, которые не были заинтересованы въ вывозѣ бумажныхъ и шерстяныхъ тканей въ Россію. Въ своемъ политическомъ завѣщаніи программа „органическаго труда“ явно обнаружила буржуазно-капиталистическое лицо, и неудивительно, что одинъ изъ демократическихъ публицистовъ далъ такую ѣдкую характеристику этой программы:

„Gdy darmozjadów sytych garść nieliczna
Pracą głodnego ludu się wzbogaca,
Oto jest bracie—praca organiczna,
Oto jest bracie—organiczna praca“.

Реакціонный національизмъ.

Экономическое развитіе, оказавшееся столь неблагопріятнымъ для дворянскаго землевладѣнія, не могло, однако, быстро и радикально покончить съ этимъ послѣднимъ. Несмотря на всѣ тяжелые удары, шляхта все еще оставалась доминирующимъ факторомъ общественной жизни. Этимъ и объясняются тѣ непрекращающіяся нападки на нее со страницъ позитивной печати, нападки, которыя были бы совсѣмъ непонятны, если бы дворянство представляло собою une quantité négligeable. Въ журналѣ „Prawda", редактируемомъ Свентоховскимъ, писалось въ 1884 г.: „До сихъ поръ наши общественныя понятія не вышли еще изъ той стадіи, которую всего правильнѣе было бы называть *нобилицентризмомъ*. Съ точки зрѣнія этой самобытной теоріи шляхта является ядромъ, истинной сущностью народа". И въ самомъ дѣлѣ, если въ районѣ столицы Царства Польскаго и крупныхъ промышленныхъ центровъ землевладѣлецъ дворянинъ утрачивалъ свое былое значеніе и являлся туда чаще въ роли *бывшаго* человѣка, чѣмъ гегемона жизни, то совсѣмъ другое дѣло было въ провинціи. Для нея помѣщикъ все еще являлся центральной фигурой, дававшей тонъ. При всесословности польской гмины (волости), при правѣ участія помѣщиковъ въ гминномъ судѣ для польской шляхты и послѣ проведенія крестьянской реформы остался открытымъ путь значительнаго вліянія на дѣла деревни, тѣмъ болѣе, что приходскій священникъ, играющій въ жизни католическаго крестьянства такую серьезную роль, всегда шелъ рука объ руку съ бариномъ. И провинціальные города, мѣстечки оставались связанными тѣсными узами съ окрестной шляхтой. Не говоря уже о торговлѣ, профессіональная интеллигенція, количественно ничтожная и качественно невысокаго пошиба, жила и матеріально, и культурно въ сферѣ вліянія шляхты.

Такой классъ, разумѣется, не хотѣлъ сдаваться подъ напоромъ новыхъ экономическихъ силъ и новыхъ идеологическихъ, враждебныхъ къ нему, вѣяній; онъ не хотѣлъ признать себя отжившимъ и выброшеннымъ „на живодерню исторіи".

Къ концу 70-хъ гг., одновременно съ пробивающимися первыми ростками польскаго соціализма, начинается нѣкоторое оживленіе въ землевладѣльческомъ лагерѣ. Выдвигались двѣ задачи: во-первыхъ, приспособить помѣщичье хозяйство къ совершившемуся перевороту, чтобы устоять въ экономической борьбѣ; во-вторыхъ, снова поставить шляхту на пьедесталъ носителя *національнаго* духа.

Не имѣя никакой сословной организаціи наподобіе русскаго дворянства, польская шляхта нашла суррогатъ подобной организаціи въ лицѣ Общества поземельнаго кредита, отдѣленія котораго находятся во всѣхъ губернскихъ городахъ. Это Общество, основанное въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго, сдѣлалось послѣ 1864 г. единственнымъ учрежденіемъ, которое объединяло интересы дворянскаго земле-

владѣнія, хотя и въ крайне односторонней формѣ—кредитной взаимопомощи. Ежегодно повторявшіеся выборы членовъ правленій превращались въ съѣзды провинціальной шляхты, которые, при скудости и мертвости общественной жизни, становились цѣлымъ событіемъ. Создаваемое этими съѣздами общеніе „братьи-шляхты" имѣло, однако, больше символическое, чѣмъ реальное значеніе, такъ какъ при бдительности надзора русской администраціи за малѣйшими проявленіями общественной жизни трудно было на легальной почвѣ сорганизоваться или вырабатывать программы.

Программа польскаго консерватизма вырабатывалась не въ Царствѣ Польскомъ, а въ Галиціи, гдѣ шляхта заняла доминирующее положеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Она господствовала въ сеймѣ, играла большую роль въ австрійскомъ рейхсратѣ, подчинила себѣ школу, администрацію, словомъ, всѣ сферы публичной жизни. Тамъ не было торгово-промышленной буржуазіи, которая претендовала бы на равную долю господства и значенія. Мы уже отчасти знакомы съ одной стороной программы галиційскихъ станчиковъ, а именно съ ихъ лойялизмомъ и безусловнымъ отказомъ отъ идеи независимости. Но отказываясь отъ національно-политической идеи, галиційская шляхта хотѣла замѣнить ее другой, яко бы тоже національной идеей. „Самымъ первымъ, самымъ плодотворнымъ и законнымъ выраженіемъ единства польскаго народа,—писалъ въ 1878 г. идейный вождь галиційскихъ станчиковъ, гр. Тарновскій, въ программной статьѣ ихъ органа „Czas",—есть и будетъ католическая религія, а символомъ нашего единства въ ней—папскій престолъ, къ подножію котораго мы должны повергнуть доказательства этого единства".

Католицизмъ провозглашается галиційскими станчиками, какъ основа польской національности. Въ другой польской провинціи, въ Познани, онъ не только провозглашается таковой, но благодаря Бисмарковскому культуркампфу, дѣйствительно становится въ авангардѣ національной самообороны. Борьба германскаго канцлера съ католической церковью вылилась въ польскихъ провинціяхъ, прежде всего, въ запретѣ преподавать въ школахъ католическую религію на польскомъ языкѣ. Это распоряженіе натолкнулось на рѣшительное сопротивленіе мѣстнаго духовенства. Познанскій архіепископъ Ледуховскій и многіе ксендзы за ослушаніе были заключены на долгіе сроки въ тюрьму и затѣмъ высланы изъ предѣловъ Пруссіи. Архіепископъ Ледуховскій сдѣлался національнымъ мученикомъ. Онъ—клерикалъ, реакціонеръ и вѣрный монархіи Гогенцоллерновъ, сталъ знаменоносцемъ въ борьбѣ съ германизаціей. Его лозунгъ: „черезъ костелъ для края", такимъ образомъ въ глазахъ многихъ получалъ съ національной точки зрѣнія, свое оправданіе.

Тѣ стремленія шляхты, которыя въ Галиціи и отчасти въ Познани находили свое выраженіе въ области политической дѣятельности, въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ политической жизни не было, могли проявляться лишь въ публицистикѣ и литера-

турѣ. Органами спеціально шляхетскими были: „Niwa“, превратившаяся въ концѣ 70-хъ гг. изъ умѣренно-прогрессивнаго журнала въ консервативный, газета „Słowo“, основанная въ 1882 г. и поставившая во главѣ редакціи Сенкевича, газета „Wiek“, защищавшая интересы среднихъ землевладѣльцевъ, и цѣлый рядъ другихъ органовъ, оставшихся въ наслѣдство отъ до-возстанческаго прошлаго. Главной задачей этой публицистики была защита религіозныхъ и общественныхъ традицій отъ посягательствъ позитивизма. Она нападала на принципъ экономическаго либерализма, на демократію, на теорію Дарвина, вообще на все, что было прогрессомъ. Со страницъ „Niwy“ раздается призывъ къ тѣмъ „отсутствующимъ“ аристократамъ, которые предоставили поле вліянія и „моральной власти“ надъ обществомъ выходцамъ изъ другихъ классовъ—изъ мѣщанства. Провозглашается принципъ, что именно шляхетская аристократія, имѣющая за собою историческія традиціи общественнаго водительства, должна занять всѣ оставшіяся позиціи, что она, однимъ словомъ, а не новая аристократія ума и денежнаго мѣшка, призвана представлять интересы польскаго народа.

Подъ напоромъ стихійно надвигающихся на дворянство вражескихъ силъ оно усиленно заговорило объ „обязанностяхъ крупнаго землевладѣнія“. На страницахъ „Niwy“ Людвигъ Гурскій—нѣкогда вліятельный членъ земледѣльческаго общества, теперь авторитетный идейный вождь шляхты Царства Польскаго, обстоятельно развивалъ эту программу обязанностей по отношенію къ „младшей братіи“, крестьянству. Благожелательной опекѣ русской бюрократіи нужно противопоставить такую же опеку барина—въ этомъ смыслъ программы. „Несмотря на понесенныя пораженія, несмотря на измѣнившіяся условія, шляхетская усадьба, какъ очагъ польскаго духа и національной мысли, все же высится *надъ* лѣсомъ фабричныхъ трубъ“, — съ гордостью заявлялъ идеологъ польскаго дворянства, желая этимъ подчеркнуть именно право дворянства, а не промышленной буржуазіи на общественную гегемонію.

Въ программу „обязанностей крупнаго землевладѣнія“ входило, въ качествѣ основнаго лозунга, сохраненіе земли *въ своихъ* рукахъ. Печать, защищавшая интересы шляхты, видѣла національную опасность не только въ фактѣ перехода дворянскихъ имѣній къ евреямъ и нѣмцамъ, но и въ парцелляціи ихъ среди крестьянъ. Ибо крестьянинъ ей рисовался дикимъ, эгоистическимъ, не чувствующимъ своей солидарности съ національнымъ цѣлымъ. Наоборотъ, прогрессивная печать уже тогда, въ 1882 году, въ лицѣ Свентоховскаго опредѣленно заявляла: „Я желаю, чтобы парцелляціонный процессъ развивался и желаю этого не только въ интересахъ подъема благосостоянія и просвѣщенія крестьянъ, отъ которыхъ жду много здоровой и живительной крови для нашего ослабленнаго шляхетскаго организма, но также въ интересахъ сохраненія земли; крестьянинъ является въ настоящее время самымъ лучшимъ хранителемъ ея, онъ не позволяетъ иностранцамъ

вырвать ее у себя... Въ этомъ политическій мотивъ нашей любви къ парцелляціи". Мотивъ, высказанный здѣсь Свентоховскимъ, сталъ особенно сильно звучать, сдѣлавшись почти лейтмотивомъ цѣлаго міровоззрѣнія, у польскихъ демократовъ - патріотовъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Другимъ крайне больнымъ вопросомъ для землевладѣльцевъ былъ вопросъ о сервитутахъ. Право крестьянъ пользоваться лѣсными и пастбищными сервитутами было постояннымъ источникомъ недоразумѣній и серьезныхъ столкновеній между крестьянами и помѣщиками; оно вмѣстѣ съ тѣмъ давало всегда возможность вмѣшиваться въ отношенія между ними русскому чиновнику—комиссару по крестьянскимъ дѣламъ. Поэтому у помѣщиковъ было сильно стремленіе регулировать сервитуты, и, дѣйствительно, несмотря на многочисленныя препятствія, уже къ началу 80-хъ годовъ было освобождено путемъ добровольныхъ сдѣлокъ 31% площади помѣщичьихъ земель отъ обременявшихъ ихъ сервитутовъ. Но характерно, что въ этомъ вопросѣ общественное мнѣніе было всецѣло на сторонѣ шляхты. Публицистамъ шляхетскаго лагеря удалось поддержать и какъ-то санкціонировать взглядъ, что по отношенію къ помѣщикамъ было поступлено несправедливо, что предоставленіе крестьянамъ права пользованія сервитутами не имѣетъ другихъ результатовъ, кромѣ обостренія соціальнаго антагонизма. За политическимъ моментомъ—усиленіемъ роли русскаго чиновника, совершенно было упущено изъ виду реальное и крупное значеніе сервитутовъ для крестьянскаго хозяйства. Только публицисты народники обратили вниманіе на эту сторону вопроса и освободились отъ гипноза застарѣлыхъ шляхетскихъ воззрѣній.

Идеологія консервативно-дворянскаго націонализма съ ея отстаиваніемъ прошлаго, выдвиганіемъ шляхты и пр. сама по себѣ не могла еще привлечь массы сторонниковъ. Для этого нужно было ее демократизировать, такъ сказать, оживить такими лозунгами, которые легко бы нашли откликъ въ умахъ толпы, ударить по живымъ, туго натянутымъ струнамъ. Подобной струной было, прежде всего, отношеніе массы къ евреямъ, затѣмъ, къ нѣмцамъ, составлявшимъ вмѣстѣ не менѣе 20% населенія Царства Польскаго. Но не въ количествѣ было дѣло. Билъ рѣзко въ глаза тотъ фактъ, что вся торговля и вся мощно развивающаяся промышленность находятся въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ, что къ нимъ же начинаютъ переходить дворянскія имѣнія. Для прогрессивной, либеральной публицистики 70-хъ годовъ этотъ фактъ не представлялъ ничего грознаго, такъ какъ для нея, прежде всего, была важной промышленность, какъ таковая, а разореніе шляхты казалось ей вполнѣ закономѣрнымъ; съ другой стороны, она не сомнѣвалась, что рано или поздно произойдетъ ассимиляція евреевъ и даже нѣмцевъ съ кореннымъ польскимъ элементомъ. Но тѣ, которые вынуждены были прибѣгать къ еврейскому кредиту, кто, будучи вытѣсненъ изъ деревни, вынужденъ былъ въ городѣ искать приложенія для своихъ

силъ или ничтожнаго капитала, совсѣмъ иначе думали на этотъ счетъ. Злоба и ненависть направлялись противъ еврея и нѣмца, этихъ „чужихъ“, занявшихъ всѣ мѣста за столомъ жизни и не допускающихъ къ нему „законныхъ хозяевъ“. Этому настроенію, которое накапливалось въ душахъ и польскихъ помѣщиковъ, и ремесленниковъ, и даже рабочихъ, далъ впервые выраженіе нѣкій Еленскій, выпустившій въ 1875 или 1876 году брошюру: „Евреи, нѣмцы и мы“. Брошюра, при всей своей неталантливости и искаженіяхъ, при всей грубости и невѣжествѣ ея автора, затрагивала настолько больной вопросъ, что въ теченіе 3—4 лѣтъ она дождалась нѣскольких изданій.

Еленскій ополчился противъ основного взгляда позитивизма въ еврейскомъ вопросѣ. „Надежда на сліяніе евреевъ съ массой народа,—доказываетъ онъ,—вообще говоря, очень слабая. Поддаваться ей—значитъ поддаваться одному изъ тѣхъ самообмановъ, которые уже не разъ намъ обходились такъ дорого“. Другой взглядъ, что евреи являются собственно торговымъ классомъ Польши, онъ пытается опровергнуть слѣдующими положеніями: „еврейское населеніе отнюдь не представляетъ настоящей торговли, а лишь тайное и преимущественно на обманѣ основанное лавочничество; главное стремленіе его—*эксплоатація* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и *развращеніе* трудящихся классовъ и въ особенности деревенскаго люда“.

Что касается нѣмцевъ, то авторъ утверждаетъ, что и они не ассимилируются съ обществомъ, являясь элементомъ чуждымъ, экономически порабощающимъ край; что нѣмецкая промышленность не создаетъ изъ среды мѣстнаго трудящагося населенія класса фабричныхъ рабочихъ и не допускаетъ поляковъ къ занятію мѣстъ техниковъ и мастеровъ; что она не перерабатываетъ продуктовъ мѣстнаго сельскаго хозяйства. „Какъ нѣмецъ-фабрикантъ, такъ и нѣмецъ-землевладѣлецъ являются для насъ тѣмъ, чѣмъ можетъ быть болѣзненный наростъ на здоровомъ организмѣ человѣка“, заключаетъ авторъ. Для борьбы и противъ евреевъ и противъ нѣмцевъ реакціонный „органичникъ“ Еленскій думаетъ, что необходимо будить во всѣхъ слояхъ *коренного* населенія духъ предпріимчивости, объединяться на экономической почвѣ, принимать болѣе сильное участіе въ торговой дѣятельности, организовать раціональный кредитъ и главное—не продавать нѣмцамъ ни одной пяди земли.

Проповѣдь Еленскаго была началомъ новаго типа польскаго націонализма, незнакомаго Польшѣ предшествующаго періода. Въ Польшѣ до-капиталистической, шляхта и шляхетская интеллигенція были проникнуты революціоннымъ патріотизмомъ, идеей возстановленія отечества, идеей, имѣвшей въ виду борьбу только съ *внѣшнимъ* врагомъ, съ силой чужого государства; новый націонализмъ прежде всего подчеркивалъ моментъ борьбы съ внутренней опасностью, которая рисовалась ему въ лицѣ евреевъ и нѣмцевъ, а равно и прогрессивныхъ теченій общественной мысли—позитивизма и соціализма.

„Грубая расправа слѣпыхъ инстинктовъ", которую еще въ 1879 г. точно предсказывалъ А. Свентоховскій въ сборникѣ своихъ новеллъ „O życie" („За жизнь"), посвященныхъ вопросу національно-экономической борьбы между „чужими" и аборигенами-поляками—произошла довольно скоро, въ 1881 году. Когда весною 1881 г. по югу Россіи пронесся ураганъ еврейскихъ погромовъ, и въ Царствѣ Польскомъ также отразилось его вліяніе. „Сначала какія-то глухія вѣсти, а потомъ писанныя афиши, расклеиваемыя ночью по улицамъ, предвѣщали, что и въ Варшавѣ дѣло дойдетъ до погрома. Срокъ послѣдняго назначенъ былъ на 15-е мая. Но день этотъ прошелъ, и все, повидимому, позволяетъ надѣяться, что порядокъ у насъ не будетъ нарушенъ". Такъ писалъ консервативный журналъ „Niwa". Дѣйствительно, съ тревогой ожидаемый погромъ имѣлъ мѣсто только спустя 7 мѣсяцевъ послѣ назначеннаго срока, во время рождественскихъ праздниковъ 1881 г.

Погромъ выдвинулъ еврейскій вопросъ на первый планъ, отодвинувши на время всѣ другіе вопросы. Онъ ошеломилъ польское общество, и съ тѣхъ поръ, можно сказать, начинается въ рядахъ его интеллигенціи та идейная диференціація, которая уже совершенно рѣзко обозначилась въ 80-хъ годахъ. Нѣкоторые органы печати, правда, дѣлая une bonne mine au mauvais jeu, пытались увѣрить своихъ читателей, что въ погромѣ принимали участіе только отбросы общества, „извѣстные полиціи карманники", „андрусы" (по современному—„хулиганы") и т. д. Этому, однако, противорѣчило громадное количество привлеченныхъ за участіе въ погромѣ, около 3000 человѣкъ, среди которыхъ были женщины, мужчины среднихъ лѣтъ и даже старики. Свентоховскій имѣлъ мужество признать, что разглагольствованія о „ничтожной кучкѣ"—просто легенда, выдуманная для самоуслажденія. Въ то же время печать, останавливаясь на причинахъ погрома, указывала на наличность не случайныхъ, а постоянныхъ условій, могущихъ вызвать подобныя явленія. Причины погромовъ въ сужденіяхъ тогдашней польской печати сводятся къ двумъ основнымъ моментамъ: съ одной стороны, разобщенность, оторванность еврейской массы отъ христіанскаго населенія, при чемъ эта разобщенность проявляется въ такихъ институтахъ, какъ кагалы и хедеры, въ такихъ сектахъ, какъ хассидизмъ; съ другой стороны, ростовщичество и торгашество, составляющія яко бы исключительную сферу занятій евреевъ, и озлобляющія противъ нихъ эксплоатируемое и обманываемое христіанское населеніе. Либеральные публицисты указывали на первый изъ этихъ моментовъ, видя въ внѣшней и внутренней ассимиляціи съ польскимъ обществомъ самую прочную гарантію мирныхъ отношеній между еврейскимъ и польскимъ населеніемъ; консервативные—подчеркивали второй моментъ.

Антисемитизмъ сталъ живучей струей въ польскомъ обществѣ. Со страницъ спеціально-юдофобскаго журнала „Rola", возникшаго въ 1882 г. подъ редакціей упомянутаго

выше Еленскаго и проповѣдывавшаго самый изувѣрскій антисемитизмъ и католическій фанатизмъ, онъ перешелъ на столбцы такого безусловно передового органа, какъ демократическій „Głos“ („Голосъ“), о взглядахъ котораго мы еще будемъ говорить въ дальнѣйшемъ. Не только мелкобуржуазные слои (ремесленники, лавочники, крестьянство и мелкая шляхта), но и интеллигенція польская высказывала и на дѣлѣ обнаруживала свое рѣзко враждебное отношеніе къ евреямъ.

Когда въ 1887 году варшавское отдѣленіе о-ва содѣйствія промышленности и торговлѣ составило проектъ организаціи ремесленниковъ, въ которомъ (проектѣ) было установлено обязательное участіе всѣхъ ремесленниковъ безъ различія вѣроисповѣданія въ такъ называемыхъ ремесленныхъ собраніяхъ, то при обсужденіи этого проекта 15 человѣкъ противъ 9-ти высказалось за ограниченіе евреевъ, а затѣмъ цѣлый рядъ ремесленныхъ цеховъ въ Варшавѣ заявилъ самый рѣшительный протестъ противъ мысли допустить евреевъ въ цехи. Подобнаго же рода отношеніе начинаетъ наблюдаться въ это время среди польской интеллигенціи. Когда русское правительство издало ограничительныя распоряженія противъ евреевъ въ отношеніи пріема въ среднія и высшія учебныя заведенія, зачисленія въ адвокатуру и т. д., то въ радикальномъ „Głos'ѣ“ эти ограниченія нашли полное одобреніе, они были признаны необходимыми „во избѣжаніе ожидовѣнія интеллигенціи“.

Въ то время какъ „Rola“ своимъ конечнымъ положительнымъ идеаломъ считала созданіе „христіанскихъ лавокъ“, демократическій „Głos“ видѣлъ „общественную цѣнность“ этого теченія въ томъ, что оно „приводитъ къ образованію *собственнаго* торговаго класса, тѣхъ посредствующихъ звеньевъ, той полуинтеллигенціи, которая составляетъ переходъ отъ привилегированныхъ классовъ къ народу“. Уничтоженіе монополіи евреевъ въ области розничной торговли имѣетъ, по мнѣнію публицистовъ „Głos'а“, общественное и политическое значеніе, а не только узко-экономическое. Демократическій патріотизмъ той интеллигенціи, которой вдохновлялся и которую вдохновлялъ „Głos“ сплетался съ реакціоннымъ антисемитизмомъ. Была создана для подкрѣпленія этого послѣдняго цѣлая теорія, формулированная редакторомъ Głos'а, І. Потоцкимъ. Положенія, легшія въ ея основу, были слѣдующія: еврейскій вопросъ не есть вопросъ только экономическій, такъ какъ еврейство представляетъ собою совершенно специфическую культуру; еврейское общество не есть классовое общество, такъ какъ все оно сверху до низу, отъ милліонеровъ до нищихъ, представляетъ одинъ громадный муравейникъ эксплоататоровъ; еврейская религія отнюдь не вліяетъ на поднятіе нравственнаго уровня, такъ какъ она санкціонируетъ-де эксплоатацію не-евреевъ. Отсюда Потоцкій заключалъ, что ассимиляція евреевъ невозможна ни съ теоретической, ни съ фактической стороны, и что самымъ лучшимъ способомъ разрѣшенія еврейскаго во-

проса является новый *exodus*, эмиграція евреевъ изъ предѣловъ Польши.

Въ художественной литературѣ, этомъ зеркалѣ общества, повышеніе націонализма находитъ яркое выраженіе въ знаменитой исторической трилогіи Сенкевича („Огнемъ и мечомъ“, „Потопъ“, „Панъ Володыевскій“), первая часть которой печаталась въ 1883 г., одновременно въ Краковскомъ „Czas'ѣ“ и варшавскомъ „Słow'ѣ“. Этотъ романъ, рисующій борьбу казачества съ Рѣчью Посполитой, изображаетъ польскую шляхту въ гомерическихъ чертахъ, ставитъ ее на недосягаемую высоту героизма, благородства, силы и просвѣщенія, въ то время какъ казачество изображено въ видѣ пьяной, безсмысленно-кровожадной дикой орды. Недаромъ историкъ польской литературы и глава галиційскихъ станчиковъ, гр. Тарновскій возвелъ Сенкевича за этотъ романъ въ генія, превышающаго даже Мицкевича. Мы выдѣляемъ романъ Сенкевича, потому что его небывалый успѣхъ, его совершенно безпримѣрное распространеніе свидѣтельствовали о томъ, что позитивизмъ еще не вытѣснилъ изъ умовъ и сердецъ любовь къ польской старинѣ, восторгъ передъ былымъ блескомъ Рѣчи Посполитой, шляхетскій духъ. Сенкевичъ, имѣвшій раньше (въ 70-хъ годахъ) нѣкоторую склонность къ демократіи и проявлявшій интересъ къ вопросамъ современности, становится писателемъ, возвеличивающимъ католическій костелъ, идеализирующимъ аристократію, панегиристомъ и Гомеромъ (по выраженію Брикнера) польской шляхты. Но въ то же время онъ становится любимѣйшимъ писателемъ въ Польшѣ, предметомъ почти общественнаго культа.

Соціалистическія теченія.

Въ отличіе отъ русскаго соціализма 70-хъ годовъ, имѣвшаго свои идеологическіе корни въ старомъ утопическомъ соціализмѣ и практически возлагавшаго свои надежды на крестьянство, польскій соціализмъ первоначальнаго періода не имѣлъ никакой преемственной связи съ роднымъ прошлымъ и съ самаго начала искалъ практической базы для себя въ рабочей средѣ городскихъ центровъ. Польская революціонная интеллигенція конца 70-хъ и первой половины 80-хъ гг. не переживала періода иллюзій насчетъ крестьянства, такъ какъ бытъ польскаго крестьянства не давалъ почвы для тѣхъ представленій, которыя въ Россіи питались какъ историческими событіями (бунтъ Стеньки Разина, Пугачевщина, крестьянскія волненія болѣе поздней эпохи), такъ и соціально-хозяйственнымъ строемъ современнаго крестьянства (расколъ и сектанство, общинное землевладѣніе). Первая соціалистическая польская интеллигенція въ значительной своей части воспитывалась въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на русской соціалистической литературѣ; но, однако, практическая жизнь диктовала для Царства Польскаго другой путь, чѣмъ для Россіи — путь про-

паганды соціалистическихъ идей среди городскихъ фабричныхъ рабочихъ.

Многіе склонны были считать соціализмъ совершенно чуждымъ, искусственно насажденнымъ и неспособнымъ привиться на польской почвѣ теченіемъ. Всего удивительнѣе, что въ этой оцѣнкѣ сходятся самыя различныя лица: прокуроры судебной палаты и галиційскіе станчики, либеральный польскій публицистъ и талантливый русскій адвокатъ. Умный и дальновидный Свентоховскій въ 1882 г. высказалъ по этому поводу слѣдующее вѣрное замѣчаніе: „характерной является обычная наша процедура при оцѣнкѣ общественныхъ явленій. Когда они нежелательны, мы заявляемъ прежде всего, что они не имѣютъ *у насъ* почвы; когда же они выростутъ на *нашей* почвѣ, мы ищемъ „*посторонняго* посѣва"; а когда таковаго не находимъ, мы записываемъ все на счетъ „случая" или *индивидуальной* злой воли".

Такая именно оцѣнка встрѣтила соціализмъ. Прокуроръ варшавской судебной палаты Плеве (будущій министръ) полагалъ, что „открытое въ Варшавѣ соціалистическое движеніе, какъ результатъ стремленій русской соціально-революціонной партіи, проникло сюда двумя путями: съ одной стороны, черезъ агентовъ южно-русскихъ соціалистовъ изъ юго-западныхъ губерній и Новороссіи, съ другой—черезъ молодежь, воспитанную въ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, главнымъ образомъ, въ медико-хирургической академіи". Его коллега, тоже прокуроръ варшавской судебной палаты, Трахимовскій, считаетъ нужнымъ добавить въ своемъ заключеніи по дѣлу о соціально-революціонной пропагандѣ, что „губерніи Царства Польскаго не представляютъ въ настоящее время [1]) подходящей почвы для соціалистическаго движенія". Консервативная и либеральная польская печать одинаково не вѣрили въ возможность соціалистическаго движенія въ Польшѣ. „Niwa", органъ шляхты и земельной аристократіи, считала „соціализмъ и нигилизмъ" порожденіемъ языческаго культа матеріальной силы въ современномъ обществѣ, намекая на популярную теорію борьбы за существованіе; она грозитъ отдѣльнымъ перебѣжчикамъ въ лагерь нигилистовъ тѣмъ, что „общество отвернется отъ нихъ съ отвращеніемъ, а голосъ общественной совѣсти заклеймитъ ихъ именемъ измѣнниковъ національному дѣлу".

Первыя свѣдѣнія о распространеніи соціалистическихъ идей среди молодежи варшавскаго университета относятся къ 1876 г. 21-лѣтній Людвикъ Варынскій, бывшій студентъ петербургскаго технологическаго института, въ декабрѣ 1876 г. пріѣзжаетъ въ Варшаву и, полный энтузіазма и революціонной активности, поступаетъ въ началѣ 1877 г. на одинъ изъ крупныхъ машиностроительныхъ заводовъ въ качествѣ простого рабочаго. Безошибочно почти можно сказать, что это была первая попытка „хожденія въ народъ" со стороны польской соціалистической интеллигенціи. Какъ мало

[1]) Въ 1879 г.

она похожа на „хожденіе въ народъ“ русскихъ соціалистовъ 70-хъ гг.! Въ скоромъ времени сорганизовались кружки студенческой молодежи для пропаганды среди рабочихъ. Происходили небольшія собранія съ участіемъ рабочихъ, на которыхъ читались брошюры и дискутировались вопросы соціализма. Агитаціонная литература была въ первое время весьма скудная: имѣлось нѣсколько за границей напечатанныхъ брошюръ, переведенныхъ отчасти съ нѣмецкаго, отчасти съ русскаго языка. Дѣлались сборы среди рабочихъ на дѣло агитаціи. Были даже попытки болѣе широко организовать денежные сборы и устраивать такъ наз. „кассы сопротивленія“, стачечныя кассы; но при тогдашнихъ условіяхъ эта попытка была найдена преждевременной.

Первые аресты произошли лѣтомъ 1878 г., и всего привлечено было къ отвѣтственности 80 человѣкъ, при чемъ 35 приходилось на долю рабочихъ. Въ слѣдующемъ году опять было привлечено 63 человѣка, изъ нихъ — 26 рабочихъ. Такимъ образомъ, съ момента возникновенія соціалистическаго движенія рабочіе играли въ немъ замѣтную роль. Среди нихъ выдвигаются уже такіе агитаторы, какъ Дулемба, приговоренный впослѣдствіи по дѣлу „Пролетаріата“ къ 13 годамъ каторги. Аресты 1878 и 1879 гг. закончились весьма суровыми административными карами — ссылкой въ В. Сибирь и тюремнымъ заключеніемъ на длинный срокъ. Многіе не въ силахъ были перенести тяжелыхъ условій и умирали. Въ теченіе неполныхъ двухъ лѣтъ умерло 7 человѣкъ [1]).

Новое движеніе, несмотря на его фактическую слабость и кружковой, чисто пропагандистскій характеръ, произвело тѣмъ не менѣе сильное впечатлѣніе на польское общество. Послѣ 12 лѣтъ общественной жизни въ *легальныхъ* рамкахъ снова запахло конспираціей и революціей, осужденными какъ галиційскими станчиками, такъ и варшавскими прогрессистами. Но дѣло было не только въ *революціонной* формѣ движенія, а въ его внутреннемъ характерѣ, столь отличномъ отъ конспирацій прежняго типа. Въ томъ же 1878 г. въ Варшавѣ былъ арестованъ небольшой кружокъ лицъ, — въ ихъ числѣ будущій небезызвѣстный новеллистъ Адамъ Шиманскій и не менѣе извѣстный публицистъ національной демократіи Поплавскій — за распространеніе прокламаціи, выпущенной яко бы отъ имени „Жонда народоваго“. Въ связи съ международными осложненіями, вызванными русско-турецкой войной, прокламація призывала польскій народъ къ организаціи будущихъ повстанческихъ кадровъ для завоеванія независимости. По поводу юношеской затѣи старики кивали головами, но она не произвела особеннаго эффекта въ обществѣ, тѣмъ болѣе она никого не ужасала и не

---

[1]) Имена этихъ первыхъ жертвъ польскаго соціалистическаго движенія: Плавинскій, Пласковицкая, Гласко, Марія Гильдъ, Поспѣловъ, Дзянковскій и Казимиръ Гильдъ. Кромѣ того въ крѣпости былъ убитъ часовымъ молодой рабочій Байте въ то время, когда онъ стоялъ на подоконникѣ.

возмущала. Возстаніе, жондъ, независимость — все это были старыя слова, не выходившія изъ рамокъ традиціоннаго патріотическаго катехизиса. Тутъ же была новая проповѣдь классовой борьбы подъ знаменемъ космополитизма, вдобавокъ такъ тѣсно связанная съ русскимъ революціоннымъ соціализмомъ. Первые ростки соціалистическаго движенія на польской почвѣ были встрѣчены поэтому негодованіемъ печати какъ лѣвой, такъ и правой. При цензурныхъ условіяхъ Царства Польскаго нельзя было высказываться вполнѣ открыто, но, просматривая печать того времени, мы видимъ, что такъ или иначе на новое явленіе приходилось реагировать. Ярыя нападки на соціализмъ появились въ либеральной газетѣ „Nowiny", редакторомъ которой въ 1879 г. былъ Свентоховскій. Нападки эти, исходившія отъ самого редактора, свидѣтельствовали о полномъ непониманіи основъ и цѣлей соціализма, выдавали филистерски-буржуазную природу позитивизма. Даже журналъ польскаго католическаго духовенства „Przegląd katolicki" началъ въ 1880 г. печатать рядъ статей подъ заглавіемъ: „Лѣкарство противъ соціализма".

Подъ вліяніемъ первыхъ проблесковъ соціализма беллетристическая литература начинаетъ затрагивать новые сюжеты. Болеславъ Прусъ, Ожешко и даже старый Крашевскій отзываются на злободневную тему. Прусъ въ разсказѣ „Возвратная волна" (1880) далъ сильное, въ теченіе цѣлаго 10-лѣтія не превзойденное изображеніе мученичества труда въ рабствѣ у капитала. „Миражи" и „Сильвекъ Цментарникъ" Ожешко, вышедшіе въ это же время, знакомятъ насъ съ зарожденіемъ новыхъ соціальныхъ идей какъ въ умахъ польской интеллигентной молодежи, такъ и среди низшихъ слоевъ пролетаріата. Ожешко въ повѣсти „Миражи" (Widma) показываетъ столкновеніе традиціоннаго патріотизма съ новыми вѣяніями, идущими изъ Россіи. „Историческія пѣсни" Нѣмцевича—съ одной стороны, красная рубаха — съ другой, символизируютъ въ разсказѣ это столкновеніе двухъ міровъ. Приблизительно въ такомъ же духѣ написана повѣсть Крашевскаго: „Безумная". Но на ряду съ этими писателями стараго поколѣнія выступаетъ впервые поэтесса Марія Конопницкая, которая, видя соціальную пропасть, зіяющую между богатыми и бѣдными, взываетъ къ голосу общественной совѣсти въ защиту униженныхъ и эксплоатируемыхъ.

Появленіе соціалистовъ дало толчокъ польской общественной мысли, которая съ этого именно момента начинаетъ рѣзче диференцироваться. Несмотря на затишье, послѣдовавшее за первыми арестами, которые вырвали изъ рядовъ молодого, несложившагося движенія почти всѣхъ, кто имѣлъ къ нему какое-либо прикосновеніе, общественная мысль, разъ выведенная изъ равновѣсія, больше не успокаивалась.

Спасшіеся отъ арестовъ пропагандисты соціализма эмигрировали за границу и первымъ дѣломъ принялись за изданіе журнала. Въ октябрѣ 1879 г. появился первый выпускъ „Равенства" (Równość), со-

державшій, между прочимъ, „Программу польскихъ соціалистовъ“. Она состоитъ изъ трехъ частей: въ 1-ой опредѣляется характеръ буржуазнаго общества, дѣлящагося на меньшинство, владѣющее капиталомъ, и большинство, обладающее рабочей силой, которая приняла форму товара; 2-ая содержитъ основные принципы соціализма; наконецъ, 3-я есть простое повтореніе резолюціи, принятой первымъ (женевскимъ) конгрессомъ международнаго общества рабочихъ въ 1866 году. Ни съ теоретической, ни съ практической стороны „Программа польскихъ соціалистовъ“ не представляетъ собою чего-либо глубоко продуманнаго и законченнаго. Того, что мы называемъ программой-минимумъ, въ ней совершенно нѣтъ. О политическихъ и экономическихъ реформахъ не говорится ни слова. Основной (2-ой) пунктъ программы гласитъ: „Средства и орудія труда должны перейти изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ въ общую собственность трудящихся, и этимъ путемъ наемный трудъ будетъ замѣненъ трудомъ обобществленнымъ въ фабричныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ ассоціаціяхъ“. Свое надлежащее развитіе этотъ пунктъ получилъ въ одной изъ статей „Равенства“ (№ 5), изъ которой вытекаетъ, что первые польскіе соціалисты стояли ближе къ Бакунину, чѣмъ къ Марксу. Ассоціація, община, федерація общинъ и федерація этихъ федерацій—вотъ какъ представляется нашимъ соціалистамъ строй и развитіе обобществленнаго производства. Вопросами организаціи государства они не занимались, совершенно игнорируя его. Политическая борьба за демократизацію государства имъ чужда, и въ этомъ отношеніи первые польскіе соціалисты—вѣрные ученики русскихъ землевольцевъ 70-хъ годовъ. „Патріотизмъ и соціализмъ, это двѣ идеи, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть согласованы“, думала группа „Равенства“. Независимая Польша, даже республиканская, категорически отвергалась ею. „Идея политическаго воскрешенія Польши, какъ республиканскаго государства, не можетъ быть нашей по той простой причинѣ, что въ случаѣ ея осуществленія польскій народъ не получилъ бы никакого облегченія, и яко бы свободный польскій рабочій попрежнему эксплоатировался бы польскимъ капиталистомъ въ свободной и независимой республикѣ польской“.

Группа „Равенства“ вращалась въ мірѣ абсолютовъ, и ея программа отнюдь не была связана съ реальной соціально - политической дѣйствительностью Польши. Она, по справедливому замѣчанію Розы Люксембургъ, была въ одинаковой степени примѣнима какъ къ тремъ „захватамъ“, такъ и къ Англіи, Франціи или Германіи. Этотъ періодъ теоретическаго броженія въ средѣ соціалистической эмиграціи закончился въ 1881 году расколомъ; отъ группы „Равенства“ откололся кружокъ, принявшій названіе „Польскій народъ“ (Lud polski) и выставившій *на ряду* съ соціалистическимъ идеаломъ нѣсколько смутный идеалъ національнаго возрожденія, т.-е. собственно независимаго польскаго государства; литературнымъ

выразителемъ этого теченія явился Болеславъ Лимановскій.

1-мъ декабря 1881 г. помѣчено воззваніе группы бывшихъ членовъ „Равенства“ и редакціи соціалистическаго журнала „Разсвѣтъ“ („Przedświt“ — замѣнилъ „Равенство“) къ русскимъ соціалистамъ. Въ этомъ документѣ польскіе соціалисты впервые переходятъ отъ общихъ и конечныхъ цѣлей пролетаріата къ формулированію конкретныхъ политическихъ задачъ *польскаго* пролетаріата. Цѣль воззванія — склонить русскихъ товарищей къ выработкѣ совмѣстной, единой политической программы. Здѣсь уже ясно подчеркивается безусловная необходимость политической свободы въ Россіи для массовой организаціи рабочаго класса. Далѣе, вполнѣ признавая международный характеръ соціалистическаго движенія, авторы воззванія, однако, видятъ тѣснѣйшую, органическую связь пролетаріата съ тѣмъ государствомъ, въ которомъ онъ находится, и потому выставляютъ слѣдующее характерное положеніе: „Польская соціалистическая партія не можетъ существовать, какъ единое цѣлое; могутъ существовать только польскія соціалистическія группы въ Австріи, Германіи и Россіи, которыя вмѣстѣ съ соціалистическими организаціями другихъ національностей въ данномъ государствѣ образуютъ организаціонный союзъ, что не мѣшаетъ имъ, конечно, входить въ сношенія какъ другъ съ другомъ, такъ и съ остальными соціалистическими организаціями“. Отсюда дѣлается выводъ о необходимости образованія единой соціалистической партіи, куда вошли бы соціалистическія организаціи различныхъ національностей, населяющихъ Россійскую имперію.

Въ этихъ взглядахъ, столь далекихъ отъ первоначальныхъ построеній польской соціалистической мысли, кромѣ вліянія Запада, сказалось въ еще большей степени вліяніе „Народной воли“, одержавшей въ Россіи побѣду надъ другими революціонными теченіями и своей тактикой политическаго террора импонировавшей такимъ людямъ, какъ Марксъ и Энгельсъ. Польскіе соціалисты, подчеркивая роль и значеніе политической свободы, видѣли именно въ террорѣ народовольцевъ главнѣйшее и даже единственное средство борьбы за эту свободу. Въ исторіи дальнѣйшей практической дѣятельности соціалистовъ въ Царствѣ Польскомъ, послѣ организаціи партіи „Пролетаріатъ“, вліяніе „Народной воли“ сказалось самымъ отчетливымъ образомъ.

Формально дѣятельность соціально-революціонной партіи начинается 1-го сентября 1882 г., съ даты, которую носитъ воззваніе, излагающее программу „рабочаго комитета“ этой партіи. Но фактически, разумѣется, пропаганда соціалистическая велась и до этой даты. Уже въ концѣ 1881 г. вернулся въ Варшаву Людвигъ Варынскій, который послѣдніе 2—3 г. пребывалъ частью за границей, гдѣ былъ однимъ изъ редакторовъ „Равенства“, частью въ Галиціи, гдѣ онъ участвовалъ въ качествѣ обвиняемаго въ такъ называемомъ Краковскомъ соціалистическомъ процессѣ. Вмѣстѣ съ его пріѣздомъ дѣятельность оживилась.

Почва, на которой приходилось дѣйствовать теперь, была гораздо болѣе взрыхлена, чѣмъ въ 1878 году, въ смыслѣ сочувственнаго отклика какъ у рабочихъ, такъ и у интеллигенціи. Немалое значеніе въ дѣлѣ возбужденія сознанія и революціонизированія рабочаго класса имѣли нѣкоторыя событія 1881 и 1882 гг. Мы говорили уже объ антиеврейскомъ погромѣ въ декабрѣ 1881 г. „Образованные“ классы какъ на сторонѣ христіанъ, такъ и евреевъ въ тревожномъ ожиданіи погрома, возвѣщеннаго еще на май 1881 г., пытались, прежде всего, во избѣжаніе взрыва сдѣлать хоть что-нибудь для рабочихъ.

Страхъ передъ „краснымъ призракомъ“ вылился въ страхъ передъ погромомъ, и для отвращенія послѣдняго ограниченные буржуазные публицисты и тѣ, кто прислушивался къ ихъ голосу, остановились на устройствѣ ссудныхъ кассъ. Такъ какъ рабочій, разсуждали, больше всего страдаетъ отъ ростовщичества, то предоставленіе ему дешеваго кредита можетъ оказаться хорошимъ цѣлебнымъ средствомъ и для разрѣшенія соціальныхъ недуговъ, и для предотвращенія погромной грозы. Дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ дней довольно щедро посыпались добровольныя пожертвованія на усиленіе средствъ ссудной кассы при варшавскомъ благотворительномъ обществѣ. Еще раньше владѣльцы нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ фабрикъ рѣшили учредить за собственный счетъ при своихъ заведеніяхъ кассы для выдачи пособій нуждающимся рабочимъ; говорилось также объ учрежденіи общей для всей Варшавы пенсіонной кассы, членами которой могли бы быть всѣ не причисленные къ цехамъ ремесленники и рабочіе Варшавы.

Всѣ эти попытки не могли не вызвать соотвѣтствующихъ толковъ въ рабочей массѣ, которая какъ разъ въ 1881 году переживала въ Варшавѣ періодъ тяжелой безработицы. Писали о 4000 вынужденно празднующихъ рабочихъ. Сама дѣйствительность, а не „гнусныя подстрекательства отбросовъ и враговъ мирнаго развитія и общественнаго благополучія“, какъ писалъ о первыхъ соціалистахъ журналъ польской шляты „Niwa“, демонстрировала рабочимъ прелести капиталистическаго строя.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1882 г. произошли первыя отмѣченныя въ исторіи польскаго рабочаго класса волненія въ мастерскихъ варшавско-вѣнской ж. д. Продѣлки желѣзнодорожной администраціи съ капиталами пенсіонной кассы рабочихъ, безцеремонное обращеніе съ рабочими и ухудшеніе условій труда истощили, наконецъ, ихъ терпѣніе, и 3-го апрѣля 2000 человѣкъ солидарно прекратили работу, выступивъ съ цѣлымъ рядомъ требованій. Напуганная администрація обѣщала уступки, предложивъ во избѣжаніе вынужденныхъ плохимъ состояніемъ дѣлъ увольненій, работать всѣмъ на 2 часа меньше; на это предложеніе масса охотно пошла, несмотря на то, что оно значительно сокращало и безъ того скудный заработокъ ея. Варшавская печать (кромѣ „Правды“ Свентоховскаго, помѣстившей какъ разъясненіе желѣзно-дорожн. правленія, такъ и пространный отвѣтъ на него съ точки зрѣнія интере-

Исаакъ Ильичъ Левитанъ.

веденіяхъ кассы для выдачи пособій нуждающимся рабочимъ; говорилось также объ учрежденіи общей для

разъясненіе желѣзно-дорожн. правленія, такъ и пространный отвѣтъ на него съ точки зрѣнія интере-

веденіяхъ кассы для выдачи пособіи нуждающимся рабочимъ; говорилось также объ учрежденіи общей для

разъясненіе желѣзно-дорожн. правленія, такъ и пространный отвѣтъ на него съ точки зрѣнія интере-

совъ рабочихъ) заняла, по поводу этого событія, враждебную позицію по отношенію къ рабочимъ, обнаживши вполнѣ свою лакейски-буржуазную природу. Но для общаго подъема самосознанія варшавскихъ рабочихъ, а также для подготовки крушенія въ глазахъ интеллигенціи еще живучей пока идеологіи „органическаго труда“ солидарное выступленіе 2000 рабочихъ имѣло не малое значеніе.

Забѣгая нѣсколько впередъ, отмѣтимъ еще волненія въ Жирардовѣ, которыя особенно грозно обнаружили оборотную сторону медали польскаго „органическаго“ капитализма. Весною 1883 г. въ посадѣ Жирардовъ, являющемся наиболѣе крупнымъ центромъ полотняной промышленности, вспыхнула небывалая доселѣ стачка 8000 рабочихъ, вызванная пониженіемъ заработной платы сравнительно небольшой группы прядильщицъ. Протестъ послѣднихъ рѣшила поддержать вся 8-тысячная масса. Фабриканты и мѣстная власть просили прислать войско. Прибыли солдаты, жандармы, и, прежде всего, были выловлены и посажены подъ арестъ „подстрекатели“ и „агитаторы“; „25-го апрѣля,—разсказываетъ авторъ корреспонденціи, помѣщенной въ „Разсвѣтѣ“ (№ 17, 1883 г.),—толпа рабочихъ съ женами и дѣтьми собралась передъ арестнымъ домомъ, гдѣ содержались „подстрекатели“. Блюстители порядка рѣшили во чтобы то ни стало разсѣять толпу. Послѣдняя, однако, не отступала и стала защищаться камнями. Отвѣтомъ были ружейные выстрѣлы солдатъ. На мѣстѣ осталось трое рабочихъ убитыхъ и много раненыхъ“. Массовые аресты среди рабочихъ завершили стачку, которая прекратилась только 28-го апрѣля.

Соціалистическая интеллигенція не участвовала въ описанныхъ фактахъ; они носили характеръ неорганизованный, стихійный. Но на фонѣ этихъ событій мало-по-малу видоизмѣнялось соціально - политическое міровоззрѣніе наиболѣе чуткой части интеллигенціи, а также могла успѣшно развернуться дѣятельность партіи „Пролетаріатъ“. Несмотря на усилія либеральныхъ публицистовъ уничтожить, дискредитировать соціализмъ, новыя идеи получали все большее распространеніе среди новаго поколѣнія молодежи. Свентоховскій не разъ въ своей „Правдѣ“ пишетъ о „соціалистической мути“, поучая своихъ прогрессивныхъ читателей, что „революціонность соціализма привлекаетъ къ себѣ злые, грубые инстинкты въ гораздо болѣе сильной степени, нежели спокойное примиреніе другихъ партій съ существующимъ порядкомъ вещей“; онъ съ пренебреженіемъ третируетъ „безсмысленныхъ энтузіастовъ, взирающихъ на дѣйствительность съ марксовско - лассалевскихъ высотъ“, и не стѣсняется утвержать, что во главѣ соціалистическаго движенія стоятъ люди, „для которыхъ соціологической альфой и омегой является динамитъ“.

Болѣе солидной по замыслу попыткой убить соціализмъ была статья Всцѣклицы: „Фантазіи польскихъ соціалистовъ передъ лицомъ доктрины ихъ учителя“. Статья была помѣщена въ томъ самомъ сборникѣ „Ognisko“, въ которомъ нап-

чатаны были „Политическія директивы Свентоховскаго". Въ ней впервые въ польской легальной печати подверглась разбору экономическая теорія Маркса, при чемъ авторъ на основаніи этого разбора приходитъ къ выводу, что польскіе ученики Маркса, пропагандирующіе идею соціальной революціи въ Польшѣ, измѣняютъ ученію Маркса. Онъ доказываетъ невозможность соціальной революціи по слѣдующимъ причинамъ: фабрично-заводская промышленность развита слабо; рабочій классъ эксплоатируется мало; въ экономической жизни края преобладающую роль играетъ крестьянство; нѣтъ въ Польшѣ общественнаго класса, который сочувствовалъ бы соціальной революціи.

Цѣль статьи Всцѣклицы состояла, однако, не въ этихъ отчасти вѣрныхъ, отчасти подтасованныхъ доказательствахъ, а въ томъ, чтобы дискредитировать соціализмъ въ глазахъ польской интеллигенціи. Эта цѣль, очевидно, не удалась. Интересъ къ общественнымъ вопросамъ вообще и къ соціализму въ частности возрасталъ. Печать въ положительной или отрицательной формѣ откликалась на возросшій спросъ. Въ концѣ 1882 г. появляется польскій переводъ „Квинтессенціи соціализма" Шэффле; въ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ позитивистскаго журнала „Przegląd Tygodniowy" печатаются переводныя и оригинальныя статьи, знакомящія читателей съ міромъ новыхъ явленій и воззрѣній, которыя до того времени или игнорировались или трактовались чисто по-обывательски. Съ тревогой и непріятнымъ чувствомъ представители прежняго направленія, польскіе „семидесятники", констатировали этотъ поворотъ. Въ характерной статьѣ подъ заглавіемъ „Новая волна" одинъ изъ нихъ писалъ въ „Правдѣ" въ концѣ 1883 г.: „Научная и общественная борьба труда съ капиталомъ, происходящая на Западѣ, должна была вовлечь и насъ. Поэтому экономическіе вопросы заняли очередное мѣсто въ литературѣ, вызывая сильное броженіе въ умахъ молодежи. Марксъ вступилъ на тронъ послѣ Дарвина, Лассаль—послѣ Геккеля. Въ періодической печати тоже царствуютъ соціологія и экономія... Уже теперь лозунги органическаго труда, которые недавно еще имѣли столько сторонниковъ, вызываютъ къ себѣ презрительное отношеніе... Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ у насъ издано цѣлыхъ четыре руководства политической экономіи, но только весьма храбрый издатель рѣшился бы издать естественно - научную книгу". А Свентоховскій, этотъ деміургъ польскаго „прогресса", восклицаетъ: „Да! о фабричныхъ инспекціяхъ, о трудѣ дѣтей и женщинъ, о стачкахъ и различныхъ экономическихъ явленіяхъ мы вынуждены думать гораздо больше, чѣмъ о вопросахъ естественно-научныхъ и эстетическихъ".

Программа, съ которой выступила соціально - революціонная партія „Пролетаріатъ" осенью 1882 года, является наиболѣе зрѣлымъ плодомъ польской соціалистической мысли 80-хъ годовъ. Послѣ общаго вступленія, говорящаго о классовой

основѣ европейскихъ обществъ, о борьбѣ пролетаріата противъ капиталистической эксплоатаціи во имя „полнаго экономическаго, политическаго и моральнаго освобожденія“, авторы программы переходятъ къ Царству Польскому. Оно не составляетъ исключенія и отмѣчено, подобно другимъ европейскимъ странамъ, всѣми чертами капиталистическаго строя, „хотя отсутствіе политическихъ свободъ придаетъ ему истощенный и болѣзненный видъ“. Польскій пролетаріатъ дольше другихъ пребывалъ въ летаргіи. „Кромѣ экономическихъ и политическихъ условій общаго характера, этому не мало содѣйствовала національно-политическая зависимость нашего края отъ завоевателей. Національныя движенія и возстанія, призывавшія всѣхъ поляковъ къ единству и къ общей борьбѣ противъ внѣшнихъ угнетателей, убивали въ нашемъ обществѣ классовое самосознаніе вообще и въ частности сознаніе трудящихся классовъ. Имъ не давали понять противорѣчія, которое реально существуетъ между интересами и стремленіями эксплоатируемыхъ, съ одной, и эксплоатирующихъ — съ другой стороны; напротивъ, пытались убѣдить общество, что это противорѣчіе вызывается у насъ искусственно внѣшнимъ гнетомъ и что оно падетъ вмѣстѣ съ возстановленіемъ „національной независимости“. Эта-то „независимость“, выдвигаемая какъ средство противъ всѣхъ соціальныхъ недуговъ и призывающая къ единодушію и доброму согласію всѣ классы, отвлекала вниманіе рабочаго отъ истинныхъ причинъ его нужды и угнетенія. И когда такимъ образомъ сторонники „независимости“, призывая къ фиктивному согласію, убивали всякое классовое движеніе, единственно нормальное въ современномъ обществѣ, врагъ старался использовать, къ величайшему вреду для трудящихся классовъ, реальныя отношенія совсѣмъ другимъ путемъ. Въ то время, какъ ослѣпленные національно-религіозной ненавистью городскіе рабочіе шли подъ знамена привилегированныхъ, не памятуя о своихъ интересахъ, сельское населеніе позволило себя дурачить правительству, которое сумѣло ударить въ струну его классовыхъ интересовъ. Милостиво даря его крохами правъ, правительство старалось посѣять среди нашихъ крестьянъ убѣжденіе, что оно-то именно и печется объ ихъ интересахъ и улучшеніи ихъ участи... Дольше, однако, такое положеніе продолжаться не можетъ! Нравственная эмансипація польскаго пролетаріата отъ противорѣчащихъ его классовымъ интересамъ вліяній привилегированныхъ классовъ, отъ національныхъ авторитетовъ и традицій должна безусловно предшествовать всякому движенію, имѣющему право быть зачисленнымъ въ разрядъ современныхъ народныхъ движеній“.

Такъ партія „Пролетаріатъ“ въ лицѣ своихъ основателей и руководителей относилась къ коренному, центральному политическому вопросу Польши — къ національной традиціи. Въ то самое время, какъ соціалисты предавали проклятію эту традицію, потому что она мѣшаетъ развитію классоваго самосознанія

польскаго пролетаріата, Свентоховскій, въ своихъ „Политическихъ директивахъ“ призывалъ буржуазную и шляхетскую интеллигенцію къ отказу отъ національной традиціи во имя хозяйственнаго и умственнаго прогресса страны. Но въ одномъ случаѣ вмѣстѣ съ отказомъ отъ національной традиціи ставится вообще крестъ на всякой политической борьбѣ, между тѣмъ какъ „Пролетаріатъ“ рѣшаетъ „добиваться самыхъ широкихъ политическихъ свободъ и обѣщаетъ бороться со всякимъ правительствомъ, къ какой-бы національности оно ни принадлежало, впредь до полнаго ихъ завоеванія“. Партія самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ „отсутствіе свободы совѣсти, языка, собраній, союзовъ, слова и печати, такъ какъ это ставитъ громадныя препятствія развитію самосознанія рабочихъ, возбуждая религіозно-національную ненависть и фанатизмъ, затрудняя пропаганду и массовую организацію, которая одна только можетъ положить основу для будущей организаціи соціалистическаго строя“.

Въ программахъ современныхъ соціалистическихъ партій, какъ всякой вообще политической партіи, главное вниманіе удѣляется тѣмъ конкретнымъ, осуществимымъ въ предѣлахъ буржуазнаго строя, экономическимъ, политическимъ и соціальнымъ реформамъ, которыхъ слѣдуетъ добиваться отъ государства въ интересахъ трудящихся. Такой системы реформъ программа партіи „Пролетаріатъ“ не содержитъ. Зато—что весьма характерно—предлагается цѣлая система *средствъ* для достиженія поставленныхъ партіей общихъ задачъ. Какъ разъ объ этомъ, т.-е. о средствахъ въ современныхъ программахъ не говорится ни слова. На ряду съ такими средствами, какъ „поднятіе нравственнаго уровня рабочихъ и пробужденіе въ нихъ чувства личнаго достоинства“ или „созданіе литературы, которая позволитъ народу познакомиться съ научными истинами, неприкрашенными превратными тенденціями эксплоататоровъ“ рекомендуются, напр., слѣдующія средства въ области политическаго дѣйствія: „всячески затруднять дѣятельность администраціи нашимъ сопротивленіемъ; возбуждать народъ къ неплатежу податей; оказывать противодѣйствіе правительственнымъ распоряженіямъ, направленнымъ противъ рабочихъ; упорно сопротивляться всякому вмѣшательству органовъ правительства въ дѣлѣ разрѣшенія столкновенія между рабочими и фабрикантами, открыто манифестировать свою симпатію для всѣхъ, кто борется съ деспотическимъ русскимъ правительствомъ“ и т. п. Нельзя не видѣть во всемъ этомъ отзвуковъ русскаго „бунтарства“.

Сильнѣе, однако, чѣмъ вліяніе отжившаго уже свой вѣкъ бунтарства, было вліяніе „Народной Воли“. Оно сказалось и въ организаціи партіи, и въ ея тактикѣ, и въ міровоззрѣніи. Душой организаціи въ теченіе почти двухъ лѣтъ вплоть до своего ареста 28 сентября 1883 г. былъ Варынскій, который обнаружилъ недюжинный талантъ организатора, оратора и писателя—публициста. Варынскій является безспорно центральной фигурой „Пролетаріата“. Программа этого послѣдняго

всецѣло творенiе Варынскаго. Онъ же организовалъ верховный „рабочiй комитетъ“ и затѣмъ мѣстные комитеты въ Згержѣ, Лодзи, Томашовѣ, Бѣлостокѣ и иныхъ городахъ. Въ отличiе отъ прежнихъ кружковъ пропаганды „Пролетарiатъ“ пытался развернуть болѣе широкую массовую агитацiю, главнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ для которой служили прокламацiи на текущiя и общiя темы. Такъ какъ партiя „Пролетарiатъ“ смотрѣла на себя, какъ на непосредственнаго подготовителя соцiальнаго переворота, то прокламацiи послѣдняго типа, призывавшiя *вообще* къ борьбѣ противъ существующаго порядка, преобладали надъ такими, которыя откликались на какое-либо событiе или имѣли въ виду какой-нибудь опредѣленный практическiй шагъ.

Только единственный разъ воззванiе, выпущенное партiей, имѣло дѣйствительное значенiе въ указанномъ смыслѣ. Въ февралѣ 1883 г. варшавскiй оберъ-полицеймейстеръ Бутурлинъ издалъ распоряженiе о томъ, чтобы фабричныя работницы подвергались санитарно-медицинскому осмотру наравнѣ съ проститутками. Это распоряженiе возмутило массу рабочихъ, но она не знала, какъ реагировать на него. „Рабочiй комитетъ“ немедленно выпустилъ воззванiе, выясняющее всю гнусность полицейскаго распоряженiя и призывающее къ рѣшительному отпору. Прокламацiя, распространенная въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, затрагивавшая вопросъ, который глубоко задѣлъ варшавскихъ рабочихъ, произвела на нихъ сильнѣйшее впечатлѣнiе, даже настолько сильное, что мѣстная администрацiя изъ боязни серьезныхъ осложненiй, отмѣнила свое распоряженiе. Эта первая *реальная* побѣда, подчеркнутая опять-таки спецiальной прокламацiей, имѣла большое значенiе въ смыслѣ роста авторитета и популярности партiи. И, можетъ быть, воспоминанiе именно объ этомъ фактѣ подсказывало отвѣтъ свидѣтелямъ-рабочимъ, выступавшимъ впослѣдствiи въ процессѣ „Пролетарiатцевъ“, на вопросъ, предлагаемый имъ прокуратурой о стремленiяхъ партiи „Пролетарiата“,—отвѣтъ, что партiя „стремилась улучшить положенiе рабочихъ“.

Вскорѣ послѣ этого отъ „Пролетарiата“ отдѣлилась небольшая группа, принявшая названiе: *Рабочая партiя „Солидарность“*. Въ отличiе отъ „Пролетарiата“ эта послѣдняя въ опубликованной ею программѣ дѣятельности видитъ центръ тяжести въ экономической борьбѣ путемъ стачекъ, между тѣмъ какъ политическая борьба, борьба съ правительствомъ, занимаетъ въ этой программѣ второстепенное мѣсто. Существованiе группы „Солидарность“ было кратковременное и осталось безъ влiянiя.

Терроръ, признаваемый „Пролетарiатомъ“ самымъ сильнымъ и почти единственно важнымъ средствомъ политической борьбы, не могъ въ Царствѣ Польскомъ играть той роли, какую онъ игралъ у „Народной Воли“. Правда, въ обвинительномъ актѣ по дѣлу „Пролетарiата“ приведены указанiя на разные планы покушенiй противъ высшихъ чиновъ мѣстной администрацiи, но указанiя эти ничѣмъ не подтверж-

даются. Политическій терроръ, къ которому организація нѣсколько разъ прибѣгала, былъ направленъ противъ шпіоновъ и провокаторовъ: на этой почвѣ были въ маѣ и августѣ 1884 г. совершены два убійства членами организаціи. Экономическій терроръ, о которомъ также говорилось не мало, сводился къ угрозамъ и предупрежденіямъ, посылаемымъ отъ имени партіи фабрикантамъ и управляющимъ, особенно грубо и несправедливо относившимся къ рабочимъ.

Своей дѣятельностью „Пролетаріатъ" сумѣлъ привлечь къ себѣ большой кругъ лицъ какъ изъ среды интеллигенціи, такъ—и рабочихъ. Въ его рядахъ оказались даже русскіе, находившіеся на государственной службѣ въ Царствѣ: судья Бардовскій, офицеры Сокольскій, Игельстромъ и Люри. Свыше 300 человѣкъ было арестовано въ качествѣ причастныхъ въ большей или меньшей степени къ „Пролетаріату". Изъ нихъ 29, какъ наиболѣе, по мнѣнію жандармско-прокурорскихъ властей, виновныхъ, было выдѣлено для судебнаго процесса, такъ какъ уготовленныя для нихъ кары не укладывались въ рамки „административнаго порядка", котораго оказалось достаточно для остальныхъ.

Дѣло 29-ти пролетаріатцевъ, преданныхъ военному суду, длилось почти цѣлый мѣсяцъ, отъ 23 ноября до 19 декабря 1885 г. Процессъ, слѣдовательно, начался лишь спустя 2½ года послѣ первыхъ арестовъ членовъ „Пролетаріата". Однимъ изъ главныхъ обвиненій, послужившихъ для военной прокуратуры основаніемъ требовать примѣненія ст. 249, т.-е. смертной казни къ 26-ти изъ 29-ти подсудимыхъ, была связь „Пролетаріата" съ „Народной Волей". Эта связь дѣйствительно существовала, она была формально закрѣплена офиціальными заявленіями, напечатанными въ партійныхъ журналахъ „Walka klass" и „Вѣстникъ Народной Воли" и, кромѣ того, рукописнымъ документомъ, найденнымъ у Бардовскаго, такъ называемымъ „Конфиденціальнымъ договоромъ съ Народной Волей", въ которомъ, между прочимъ, разграничивались сферы террористической дѣятельности Центральнаго Комитета „Пролетаріата", съ одной стороны, и Исполнительнаго Комитета „Народной воли"—съ другой. Соглашеніе это состоялось при ближайшемъ участіи Станислава Куницкаго, который послѣ ареста Варынскаго (28 сентября 1883 г.) сдѣлался душою организаціи. Оно не имѣло въ сущности никакихъ практическихъ послѣдствій, служа лишь формальнымъ выраженіемъ основного взгляда польскихъ революціонеровъ того времени, что соціалистическое движеніе въ Польшѣ должно быть самымъ тѣснымъ образомъ скоординировано съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ. Для прокуратуры же оно, прежде всего, являлось доказательствомъ террористическаго характера партіи „Пролетаріатъ". Оно въ связи съ упомянутыми двумя случаями убійства давало возможность суду разсматривать „Пролетаріатъ", какъ партію преимущественно террористическую. Несмотря на юридическіе доводы защиты, несмотря на большую программную рѣчь Варынскаго, под-

черкивавшаго пропагандистскій характеръ партіи, которая „не организуетъ переворота, а организуетъ *для* переворота“, военный судъ приговорилъ 6 изъ 29-ти обвиняемыхъ къ смертной казни, 18 къ безсрочной и 3 къ срочной каторгѣ, наконецъ, 2—къ поселенію. Въ теченіе 40 дней приговоренные ждали въ варшавской цитадели „смягченія“ своей участи въ Петербургѣ. По истеченіи этого срока дѣйствительно пришло „смягченіе“ для офицера Люри и рабочаго Шмауса, которымъ смертная казнь была замѣнена 10-лѣтней каторгой. Для б. студента института путей сообщенія Куницкаго, судьи Бардовскаго и рабочихъ Оссовскаго и Петрусинскаго смертный приговоръ былъ оставленъ въ силѣ: 28 января 1886 г. всѣ четверо мужественно погибли на висѣлицѣ.

Послѣ 1863 г. это были первыя казни въ Ц. Польскомъ. Произвели ли онѣ сильное впечатлѣніе на польское общество? Судя по тому, что писалось въ заграничномъ органѣ партіи („Walka klass“)—угнетенное и преслѣдуемое польское общество присматривалось къ висѣлицамъ 28 января съ „подобающимъ молчаніемъ“. Дѣйствительно, онѣ не вызвали со стороны какого бы то ни было общественнаго слоя ни малѣйшаго протеста. Какъ общество реагировало „въ душѣ“ на казни соціалистовъ—на этотъ счетъ трудно строить какія-либо заключенія. Эпилогомъ „Пролетаріата“ былъ второй военный судъ лѣтомъ 1886 г. надъ рабочими Ковалевскимъ и Гибшеромъ, обвиняемыми въ неудавшемся покушеніи на шпіона. Этотъ процессъ прошелъ почти незамѣченнымъ, хотя результатомъ его была еще одна смертная казнь—Ковалевскаго.

„Пролетаріатъ“ не былъ соціалистической партіей въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Хотя массовая организація рабочаго класса, его политическое просвѣщеніе составляли, съ точки зрѣнія программы, главнѣйшую задачу партіи, реальныя условія революціонной дѣятельности въ Россіи заставили повернуть ее въ сторону бланкизма—отъ марксизма. Этотъ поворотъ весьма опредѣленно выразился въ упомянутомъ выше соглашеніи съ „Народной Волей“, состоявшемся въ январѣ 1884 г. Въ документѣ, озаглавленномъ—Общія основанія программы и организаціонной дѣятельности Центральнаго Комитета Соціально-революціонной партіи „Пролетаріатъ“—и имѣвшемъ значеніе, какъ бы обмѣнной ноты съ Исполнительнымъ Комитетомъ „Народной Воли“, „Пролетаріату“ отводится роль вспомогательнаго отряда. „Народная воля“ является здѣсь главной движущей силой въ предстоящей россійской революціи, а эта послѣдняя рисуется дѣятелямъ „Пролетаріата“ въ видѣ внезапнаго захвата власти организованной группой революціонеровъ. Въ соглашеніи было, между прочимъ, выговорено, что „Центральный Комитетъ приступитъ къ осуществленію переворота не иначе, какъ по соглашенію съ Исполнительнымъ Комитетомъ“. Эти же бланкистскіе взгляды проповѣдывались и въ издававшемся въ Варшавѣ нелегальномъ журналѣ „Пролетаріатъ“. Въ № 3, напр., въ статьѣ „Мы и буржуазія“ встрѣчается весьма харак-

терное для тогдашнихъ „пролетаріатцевъ“ заявленіе:

„Масса рабочаго люда, сознавая свою неумѣлость въ дѣлѣ осуществленія переворота, ищетъ людей, которымъ она могла бы довѣриться, вручить руководство, а до поры до времени она молчитъ. Кто же, какъ не мы, можемъ и должны снискать это довѣріе! Но для пріобрѣтенія его необходимо дѣйствіями доказать, что мы—враги ея угнетателей, что мы не отступимъ отъ борьбы, которую ведемъ нынѣ въ ея интересахъ, что мы хотимъ, чтобы массы взяли *все*, что имъ принадлежитъ. Вотъ почему мы отвергаемъ турниръ буржуазныхъ парламентовъ, которые при несознательномъ большинствѣ отдаютъ судьбу переворота въ руки его враговъ. Энергичное, состоящее изъ однихъ соціалистовъ, правительство кажется намъ наилучшей гарантіей возможно полной эмансипаціи рабочаго класса“.

Послѣ процесса и казней „пролетаріатцевъ“ революціонно-соціалистическое движеніе заглохло на нѣсколько лѣтъ. Правда, заграницей продолжали выходить журналы „Walka klass“ и „Przedswit“, но, не говоря уже о томъ, что по содержанію своему они были оторваны отъ жизни края, эти изданія почти совершенно не доходили до Царства Польскаго, такъ какъ не было организаціи, которая занялась бы транспортированіемъ ихъ. Въ 1887—88 гг. возникаютъ въ Варшавѣ среди соціалистически настроенной учащейся молодежи кружки для пропаганды среди рабочихъ, члены которыхъ называютъ себя „пролетаріатцами“. Этимъ они подчеркиваютъ свою преемственную связь съ предшествующимъ поколѣніемъ революціонеровъ. Новый, т. наз. 2-ой „Пролетаріатъ“ принялъ цѣликомъ программу и тактику стараго; такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ полагать, потому что создавшаяся въ 1888 г. организація никакой новой программы не выработала. Одинъ изъ ея руководителей, Кульчицкій увѣряетъ въ своей „Исторіи революціоннаго движенія въ Царствѣ Польскомъ“, что въ отличіе отъ 1-го „Пролетаріата“ 2-ой выдвигалъ идею обще-россійской конституціи съ политической автономіей для Царства Польскаго.

Разумѣется, что у польскихъ соціалистовъ конца 80-хъ и 90-хъ гг. не могло уже быть той нерушимой, свѣжей вѣры въ быстрое наступленіе соціальнаго переворота путемъ захвата власти, которая была столь характерной для ихъ предшественниковъ, связанныхъ нитями мысли и чувства съ „Народной Волей“. Эта послѣдняя въ то время была окончательно разбита, и поэтому надежды на революцію въ самой Россіи почти совершенно померкли. Соціально-революціонное движеніе въ Польшѣ съ тѣхъ поръ должно было опереться исключительно на внутреннія силы. Главнѣйшей изъ такихъ силъ было продолжающееся развитіе польской промышленности и связанный съ нимъ количественный и качественный ростъ промышленнаго пролетаріата. Достаточно указать, что Лодзь, имѣвшая въ 1885 г. 150.000 жителей, черезъ 10 лѣтъ уже насчитывала 315.000 жителей, а производительность лодзинскихъ фабрикъ (текстильныхъ) воз-

росла за это время съ 36 милл. рублей до 90 милл. Въ сосновицкомъ районѣ добыча каменнаго угля въ 1880 г. выражалась въ 78,4 милл. пудовъ, въ 1890 г.—150,8 милл. п. То же самое относится и къ другимъ отраслямъ производства.

На фонѣ этихъ объективныхъ экономическихъ условій та новая идейная волна, которая была отмѣчена еще въ 1883—1884 гг. въ „Правдѣ", не прекратилась, несмотря на упадокъ „Пролетаріата". Благодаря „Пролетаріату", о которомъ прямо ничего нельзя было писать, соціализмъ сдѣлался жгучимъ вопросомъ въ польской публицистикѣ. Съ того времени журналъ „Przegląd tygodniowy", родоначальникъ польскаго позитивизма, открываетъ страницы своихъ ежемѣсячныхъ приложеній для статей о рабочемъ и соціалистическомъ движеніи за границей. Въ эти годы выходитъ нѣсколько книгъ о соціализмѣ, написанныхъ противниками его (Лавэле, Треика), появляется въ польскомъ переводѣ „Капиталъ" Маркса, а также мелкія сочиненія послѣдняго. Осенью 1886 г. начинаетъ выходить „Głos", еженедѣльный журналъ, поставившій своимъ девизомъ „подчиненіе интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ интересамъ народа". Къ „Głos'у" примкнули кромѣ патріотовъ-демократовъ также и соціалисты-марксисты, словомъ всѣ тѣ прогрессивные элементы, которые не удовлетворялись уже идеологіей либерализма. Въ „Głos'ѣ" впервые рабочій вопросъ съ академическихъ высотъ и изъ прекраснаго далека иностранныхъ обозрѣній сошелъ на мѣстную почву. Въ многочисленныхъ корреспонденціяхъ изъ Лодзи и другихъ промышленныхъ центровъ описывалось скверное положеніе польскихъ рабочихъ и рисовались картины эксплоатаціи со стороны фабрикантовъ. Тамъ же впервые поднимался и подробно обсуждался вопросъ о тяжеломъ положеніи милліоннаго сельскаго пролетаріата. Именно эта сторона „Głos'а", его открытая и искренняя защита интересовъ трудящихся отъ промышленнаго и землевладѣльческаго капитала, привлекала къ нему симпатіи интеллигентной молодежи и даже рабочихъ круговъ.

На „Głos'ѣ" воспиталась также группа соціалистовъ, образовавшая въ 1889 г. „Союзъ польскихъ рабочихъ". Эта группа, въ отличіе отъ „Пролетаріата", стремилась, прежде всего, къ созданію *массового* рабочаго движенія на почвѣ ближайшихъ экономическихъ интересовъ и стачечной борьбы за повседневныя, насущныя нужды. Политическія требованія „союзники" до поры до времени совершенно вычеркивали изъ круга своихъ задачъ. Въ 1889 г., какъ извѣстно, было принято на 1-омъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ постановленіе о первомайскомъ праздникѣ пролетаріата. Съ тѣхъ поръ и въ Польшѣ агитація за празднованіе 1-го мая явилась весьма существенной стороной дѣятельности соціалистическихъ партій. Уже въ 1890 г., подъ вліяніемъ соціалистической агитаціи, въ Варшавѣ отъ 8 до 10 тысячъ рабочихъ 1-го мая не явилось на работу, выразивъ этимъ свою солидарность

съ соціалистическимъ пролетаріатомъ З. Европы. Нужно, однако, замѣтить, что праздновали, главнымъ образомъ, мелкія мастерскія, на крупныхъ же фабрикахъ работа не прекращалась.

Не только массовая агитація, но и массовая организація началась къ тому времени. Въ 1890 г. „Союзъ польскихъ рабочихъ", однимъ изъ главныхъ дѣятелей котораго былъ Таньскій, основалъ „Кассу сопротивленія", суррогатъ профессіональнаго союза, умѣвшую охватить въ короткій періодъ времени нѣсколько тысячъ человѣкъ. Опытъ вскорѣ, разумѣется, показалъ, что подобнаго рода массовымъ организаціямъ нѣтъ мѣста при полномъ отсутствіи элементарной политической свободы, но въ первый моментъ „Союзники" очень увлекались этими кассами „сопротивленія", и рабочіе тоже обнаруживали къ нимъ большое тяготѣніе. Въ маѣ 1891 г. такая же касса основывается въ Лодзи, а въ Варшавѣ осенью этого года, разсказываетъ дѣятель того времени, писавшій подъ псевдонимомъ „Другъ", существовало 10 рабочихъ профессіональныхъ организацій со своими стачечными кассами, кассами взаимопомощи и библіотеками. Примѣняя современный масштабъ, эти организаціи, конечно, нельзя было бы считать совершенными. Но тогда это было новое и крупное явленіе.

1891 годъ вообще можно считать годомъ чрезвычайнаго оживленія, положившаго начало массовому рабочему движенію не только въ Варшавѣ, но и въ провинціи. Въ сосновицкомъ районѣ, въ каменноугольныхъ копяхъ Горной Домбровы вспыхиваетъ стачка 2.000 углекоповъ; въ Заверце, гдѣ рабочіе требовали пониженія цѣнъ на хлѣбъ (вспомнимъ, что это былъ голодный 1891 годъ), дѣло дошло до серьезныхъ волненій, вызвавшихъ появленіе войскъ; въ Жирардовѣ, гдѣ рабочая кровь уже лилась въ 1883 году, первомайскій праздникъ 1891 г. превратился въ кровопролитную баталію между войскомъ и рабочими: въ перестрѣлкѣ убито было нѣсколько рабочихъ, въ отместку были убиты стражникъ и солдатъ. Прибывшій въ Жирардовъ варшавскій губернаторъ Медемъ велѣлъ хватать безъ разбору рабочихъ и бить розгами; свыше 300 человѣкъ было отправлено по тюрьмамъ.

Пролетаріатъ, какъ массовая сила—только въ 1891—92 гг. рождается и для польской изящной литературы. Въ поэзіи Конопницкой пролетарій въ лучшемъ случаѣ есть жалкій, несчастный страдалецъ, имѣющій право на сочувствіе и состраданіе сильныхъ міра сего; въ поэзіи Андрея Нѣмоевскаго, выступившаго въ началѣ 90-хъ годовъ, рисуются не только страданія, но и цѣли пролетаріата на фонѣ глубокихъ шахтъ и дышащихъ огнемъ огромныхъ заводовъ.

Очевидно подъ вліяніемъ описанныхъ событій правительство ввело для губерній Ц. Польскаго въ октябрѣ 1891 г. новыя правила о наймѣ рабочихъ, составляющія не что иное, какъ примѣненіе закона 3 іюня 1886 г. къ этимъ, изъятымъ до сихъ поръ отъ дѣйствія упомянутаго закона, губерніямъ. Но введеніе рабочихъ

книжекъ не могло успокоить польскихъ рабочихъ. Предшествовавшія этой „реформѣ“ жестокія расправы слишкомъ ясно свидѣтельствовали о томъ, что надежды многихъ рабочихъ, якобы чисто экономическое движеніе и ихъ борьба съ фабрикантами, не вызовутъ репрессій со стороны правительства, были весьма иллюзорны. И поэтому политическая струя все яснѣе начинаетъ пробиваться въ агитаціи желавшаго быть аполитическимъ „Союза польскихъ рабочихъ“.

Описываемый періодъ массоваго рабочаго движенія, преимущественно и даже исключительно экономическаго характера, достигъ своей высшей точки въ событіяхъ, разразившихся въ Лодзи въ маѣ 1892 г. Несмотря на то, что въ этотъ моментъ дѣйствующія соціалистическія организаціи, „Союзъ“ и „Пролетаріатъ“, въ лицѣ главныхъ своихъ дѣятелей, находились въ рукахъ жандармовъ, покатившееся и давно уже переросшее рамки кружковой организаціи стихійное движеніе съ небывалой доселѣ мощью вырвалось между 3 и 6 мая въ Лодзи. Во вторникъ 3-го мая, первый разъ въ исторіи рабочаго движенія Россіи, началась всеобщая стачка не только фабричныхъ рабочихъ, но и каменщиковъ, плотниковъ, ремесленниковъ, которыхъ „снимали“ съ работы шествовавшія по улицамъ группы стачечниковъ. Въ теченіе первыхъ двухъ дней движеніе носило этотъ мирный и стройный характеръ. Фабриканты въ цѣломъ рядѣ случаевъ склонялись къ уступкамъ. Но на третій день къ вечеру движеніе совершенно неожиданно приняло характеръ антиеврейскаго погрома. Не установлено точно, хотя и можно предполагать, что полиція старалась дать такой оборотъ движенію; съ другой стороны, извѣстно, что въ погромѣ наибольшее участіе приняли „побытовцы“ изъ предмѣстья Лодзи—Балуты, т.-е. сосланные подъ надзоръ полиціи и составлявшіе здѣсь многотысячную колонію воры и уголовные преступники, вообще подонки, съ которыми, во всякомъ случаѣ, низшіе органы полиціи поддерживали довольно близкія связи. Какъ бы то ни было, въ теченіе двухъ дней свирѣпствовалъ самый дикій погромъ со всѣми связанными съ нимъ ужасами. Въ Лодзи было объявлено осадное положеніе. Сотни рабочихъ были арестованы, при чемъ арестуемыхъ, по приказанію петроковскаго губернатора Миллера, пріѣхавшаго на усмиреніе, сѣкли розгами. Приказъ „патроновъ не жалѣть“ былъ уже тогда данъ генералъ-губернаторомъ Гурко, и отъ солдатскихъ пуль погибло до 40 человѣкъ...

И на этотъ разъ правительство реагировало на рабочее движеніе принятіемъ соотвѣтствующихъ „реформаторскихъ“ мѣръ. Былъ изданъ циркуляръ, чтобы всѣ техники и фабричные мастера предъявили свидѣтельства объ основательномъ знакомствѣ съ русскимъ или польскимъ языкомъ, не знающіе же этихъ языковъ должны быть немедленно уволены. Это распоряженіе мотивировалось тѣмъ, что главныя жалобы со стороны рабочихъ раздавались именно на мастеровъ и техниковъ, которые въ Лодзи почти безъ исключенія, какъ и большинство фабри-

кантовъ, были нѣмцами. Устраненіемъ непріятныхъ нѣмецкихъ мастеровъ и замѣной ихъ мѣстными или *русскими* людьми начальство полагало вполнѣ умиротворить рабочихъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что не только русскій экономистъ Бѣловъ восторженно привѣтствовалъ эту мѣру, но и польская прогрессивная публицистика усматривала въ ней вполнѣ желательный путь, открывающій поприще дѣятельности для польскихъ техническихъ силъ. Майское движеніе въ Лодзи явилось для польскаго соціализма исходнымъ моментомъ для окончательнаго вступленія на новый путь—національный. Еще на международномъ соціалистическомъ съѣздѣ въ Брюсселѣ (1891 г.) польская делегація въ своемъ отчетѣ о польскомъ движеніи, говоря о массовомъ характерѣ его, приходила къ слѣдующему заключенію: „Эта перемѣна въ настроеніи массы диктуетъ соціалистической организаціи у насъ новыя обязанности, а именно: въ качествѣ самой сильной революціонной партіи она должна взять на себя роль руководителя народа во всѣхъ его стремленіяхъ... Растущее классовое самосознаніе и сильное вліяніе малочисленной и тайной организаціи на рабочія массы заставляютъ насъ выйти изъ рамокъ узкой, доктринерской пропаганды принциповъ и дать формулу всѣмъ общественнымъ стремленіямъ, этимъ самымъ становясь во главѣ всего общественно-политическаго движенія, охватывающаго въ настоящее время широкіе слои польскаго народа“.

Въ этихъ словахъ очень много намековъ, которые, вѣроятно, неособенно понятны были для европейскихъ соціалистовъ, но за то вполнѣ прозрачны для польскихъ. Рѣчь шла о томъ, чтобы выдвинуть національный принципъ, защиту національныхъ польскихъ требованій, крайняя формула которыхъ выражалась въ возстановленіи государственной независимости Польши. Эти стремленія, начиная со второй половины 80-хъ годовъ—подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ томѣ—все болѣе и болѣе оживлялись среди польской молодой интеллигенціи какъ въ эмиграціи, такъ и въ краѣ. Въ 1886 году образовалась „Польская Лига“, принявшая программу „Демократическаго общества“ 30-хъ годовъ, а въ 1889 г. въ Парижѣ сталъ выходить національно-соціалистическій журналъ „Ввидка“ („Сигналъ“), который во главу угла ставилъ польскую независимую республику.

Эти явленія въ польскомъ интеллигентскомъ міркѣ, въ связи съ казавшимся грандіознымъ въ сравненіи съ полнымъ затишьемъ въ Россіи движеніемъ польскихъ рабочихъ, все больше убѣждали польскихъ соціалистовъ, что наступило время рѣшительнаго пересмотра своихъ взглядовъ. Въ ноябрѣ 1892 г. на такъ называемомъ парижскомъ „съѣздѣ“ (собственно—конференціи) польскихъ соціалистовъ русской Польши, въ которомъ большинство участниковъ состояло изъ эмигрантовъ—членовъ „Пролетаріата“, „Союза“, а также „Объединенія“ и „Гмины національно-соціалистической“, были формулированы новые взгля-

ды. Результатомъ этой конференціи была выработка общей программы, въ основу которой былъ положенъ пунктъ: „Независимая демократическая республика Польская". Вновь созданная здѣсь „Польская партія соціалистическая" [1]) считаетъ отнынѣ необходимымъ „распространеніе своей дѣятельности на провинціи, нѣкогда соединенныя съ Рѣчью Посполитой, Польской", т.-е. на Литву и Украину; въ отношеніи же къ русскимъ революціонерамъ—„подчеркиваніе своей сепаратистической политики". Десять лѣтъ тому назадъ польскіе соціалисты смотрѣли на себя, какъ на вспомогательный отрядъ русской „Народной Воли"; теперь, относясь съ извѣстнаго рода высокомѣріемъ къ слабымъ проблескамъ революціоннаго движенія въ Россіи, соціалисты польскіе заявляютъ свою готовность „войти въ сношенія съ революціонными русскими группами, имѣющими цѣлью уничтоженіе самодержавія", но при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, что они „политически поддержать требованія п. п. с." и что, кромѣ того, „подчинять контролю п. п. с. свою дѣятельность въ районѣ, охваченномъ этой послѣдней". Эти начала на много лѣтъ опредѣлили воззрѣнія и образъ дѣйствій польскихъ соціалистовъ.

ГЛАВА XIV.

Научное движеніе въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

А. Естествознаніе и медицина.

(Л. А. Тарасевича.)

Въ западной Европѣ XIX столѣтіе, которое часто называютъ вѣкомъ пара и электричества и которое съ такимъ же правомъ можно назвать вмѣстѣ съ извѣстнымъ физикомъ Больцманомъ вѣкомъ механическаго объясненія природы или вѣкомъ Дарвина, съ самаго начала отмѣчено широкимъ развитіемъ всѣхъ отраслей естествознанія. Этотъ расцвѣтъ положительныхъ наукъ подготовляется и отчасти начинается уже съ конца XVIII столѣтія, и началомъ новой эры можно считать работы Лавуазье и его законъ сохраненія вещества (1770 г.). Параллельно съ введеніемъ въ науку новыхъ исходныхъ точекъ зрѣнія, съ развитіемъ и усовершенствованіемъ научной техники и методики,—особенно большую роль въ этомъ отношеніи сыграло усовершенствованіе микроскопа,—идетъ накопленіе фактическаго матеріала и широко раз-

[1]) Формально „польская соціалистическая партія" (п. п. с.) возникла въ февралѣ 1893 г., къ началу іюля этого же года относится 1-ый съѣздъ п. п. с.

вивается специализація. Прежде какъ бы объединенное въ рукахъ каждаго сколько-нибудь выдающагося ученаго въ своего рода энциклопедію естествознаніе распадается на отдѣльныя, обособленныя дисциплины, при чемъ одна за другой возникаютъ совершенно новыя отрасли знанія, новыя науки. Такимъ образомъ работы Биша ведутъ къ созданію науки о тканяхъ, а съ открытіями Шлейдена и Швана микроскопическая анатомія (гистологія) окончательно утверждается въ своихъ правахъ и затѣмъ постепенно пріобрѣтаетъ даже преобладающее положеніе, такъ какъ изученіе клѣтки привлекаетъ къ себѣ вниманіе все большаго и большаго числа изслѣдователей, обогащающихъ фактическое и теоретическое содержаніе науки. Ч. Бэлль, Мажанди, Флурансъ, І. Мюллеръ, а за ними въ особенности Гельмгольтцъ и К. Бернаръ не только кладутъ основы экспериментальной физіологіи, но и доводятъ ее до блестящаго развитія. Кювье, Декандоль, Гете создаютъ сравнительную анатомію; съ работами того же Кювье, Агасица, Циттеля связано рожденіе палеонтологіи; К. Бэръ является родоначальникомъ современной эмбріологіи и т. д., и т. д.

Практическіе и теоретическіе успѣхи въ вышеназванныхъ и другихъ смежныхъ областяхъ какъ бы оттѣсняютъ постепенно на второй планъ науки гуманитарныя. Лабораторія и экспериментъ, особенно съ крушеніемъ натурфилософіи, становятся въ научномъ движеніи на первый планъ. Число научныхъ работниковъ растетъ, открытія слѣдуютъ одно за другимъ: законъ сохраненія энергіи (Р. Майеръ, Гельмгольтцъ), ученіе о клѣткѣ (Шлейденъ и Шванъ), синтезъ органическихъ веществъ (Велеръ), установленіе связи между строеніемъ вещества и его свойствами (Пастеръ), геологическія теоріи Ляйеля, работы Ламарка и цѣлаго ряда предшественниковъ Дарвина,—вотъ нѣсколько примѣровъ, даже приблизительно не исчерпывающихъ того, что было внесено въ сокровищницу человѣческаго знанія въ первую половину прошлаго вѣка [1]) и что подготовило послѣдующую блестящую эпоху, когда теорія Дарвина, бактеріологія и экспериментальная медицина Пастера, клѣточная патологія Вирхова, періодическая система элементовъ Менделѣева и др. открытія и теоріи явились, съ одной стороны, завершеніемъ предыдущаго періода, а съ другой — исходными пунктами для огромнаго количества изслѣдованій, имѣвшихъ цѣлью детальное обоснованіе, расширеніе и углубленіе вышеназванныхъ общихъ взглядовъ и ученій.

Это широкое развитіе естествознанія подготовлялось издавна и имѣетъ свои корни какъ въ прошломъ западно-европейской науки,

[1]) Желающіе подробнѣе ознакомиться съ этой областью могутъ обратиться къ книгѣ пр. *Тимирязева*, „Основныя черты исторіи развитія біологіи въ 19 ст.", изд. т-ва Гранатъ и К°, 1908; къ книгѣ *Мармери*, „Прогрессъ науки", пер. съ англ. Спб., 1896. Подробный перечень всѣхъ выдающихся открытій см. *L. Darmstaedter*, Handbuch zur Geschichte, der Naturwissenschaften und der Technik 2-te Auf. Berlin. 1908, стр. 277—527.

такъ и во всей обстановкѣ жизни западныхъ народовъ.

Интересъ къ изученію и познанію природы сталъ проявляться еще со времени эпохи возрожденія. Работы въ этомъ направленіи производились въ рядѣ университетовъ, академій и другихъ подобныхъ учрежденій. Научное движеніе шло развиваясь послѣдовательно и неуклонно въ силу своихъ собственныхъ законовъ; оно само по себѣ привлекало вниманіе и вызывало симпатіи. Съ другой стороны, торговля, промышленность, техника, рядъ сознанныхъ народныхъ и государственныхъ потребностей создавали практическіе запросы къ наукѣ, служили новымъ лишнимъ стимуломъ для изслѣдованій и обусловливали со стороны общества и государства содѣйствіе и поддержку научнымъ работникамъ, поддержку какъ матеріальную, такъ и моральную.

Толчокъ, данный развитію общественно-политической жизни французской революціей, также долженъ быть принятъ въ расчетъ при оцѣнкѣ фактовъ, способствовавшихъ научному движенію.

Общее обновленіе и оживленіе сказалось и на научной мысли, придавши и ей новую энергію.

I.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у насъ. Сообразно съ общимъ ходомъ и условіями жизни у насъ всегда и во всемъ наблюдается отсталость отъ Западной Европы; сказалась она и на научномъ движеніи. И это тѣмъ болѣе, что въ теченіе своей предыдущей исторіи Россія оставалась дѣвственной въ естествознаніи и медицинѣ. Не пользовались сколько-нибудь широкимъ развитіемъ и другія науки, но къ этимъ въ особенности не проявлялось интереса.

Культуру свою мы заимствовали изъ Византіи, гдѣ, какъ извѣстно, естествознаніе и медицина не были въ почетѣ; тамъ не было собственныхъ видныхъ представителей названныхъ наукъ, и, въ случаяхъ надобности, византійскіе императоры выписывали, напр., арабскихъ врачей. А затѣмъ, послѣдующее татарское иго задавило надолго всякую вообще культуру и остановило всякое движеніе впередъ. Тяжелыя условія жизни, невозможность выйти изъ нихъ, отсутствіе надеждъ добиться собственными усиліями какихъ-либо реальныхъ результатовъ и улучшеній,—все это не только не давало возможности развиться здоровому и бодрому взгляду на жизнь, тому оптимизму, который составляетъ необходимую предпосылку для развитія сильнаго и широкаго интереса къ изученію природы, а, наоборотъ, создавало атмосферу покорности и приниженія, при которыхъ мысль или замираетъ или замыкается въ область религіи, въ кругъ размышленій о будущей жизни.

Занятія положительными науками не только не поощрялись, но на нихъ смотрѣли, какъ на грѣхъ.

Случайно возникавшія практическія потребности, которыя при при-

митивномъ характерѣ жизни и культуры не отличались ни силой, ни разнообразіемъ, удовлетворялись выпиской соотвѣтственныхъ спеціалистовъ изъ-за границы.

Петръ Великій впервые проявилъ послѣдовательно и настойчиво заботу о просвѣщеніи. И хотя главное вниманіе было обращено на прикладныя науки, на чисто практическія цѣли, сообразно съ чѣмъ создавались по преимуществу различныя профессіональныя школы, тѣмъ не менѣе и идея о насажденіи у насъ ученой дѣятельности и высшаго общаго образованія нашла себѣ выраженіе въ учрежденіи Академіи Наукъ (1725 г.) [1]. Петръ Великій думалъ также и объ открытіи университета и вступалъ даже по этому поводу въ переговоры и переписку съ выдающимися европейскими учеными, Лейбницемъ и Вольфомъ. Для учебныхъ цѣлей онъ учредилъ при Академіи Наукъ Академическіе Университетъ и Гимназію, которые прекратили свою дѣятельность первый въ концѣ XVIII в., а вторая въ 1805 году.

Русской науки, однако, этимъ путемъ создать не удалось. Среди академиковъ было немало выдающихся ученыхъ, какъ, напр., Бернулли, великій математикъ Эйлеръ и цѣлый рядъ другихъ. Но всѣ они— иностранцы по происхожденію, образованію и языку, приглашенные въ Россію только на опредѣленный срокъ (первые профессора законтрактовывались на 5 лѣтъ), оставались ей чуждыми во всѣхъ отношеніяхъ. Академическій университетъ нерѣдко совершенно не находилъ слушателей, и одно время, чтобы шли требуемыя уставомъ лекціи, приходилось даже выписывать студентовъ изъ Германіи и самимъ профессорамъ посѣщать лекціи другъ друга. Не лучше шли дѣла открытаго въ 1755 году московскаго университета. Временами на цѣлый факультетъ приходилось по одному студенту, и были періоды, когда весь преподавательскій персоналъ сводился къ одному профессору, напр., на медицинскомъ факультетѣ къ проф. Керштенсу.

Всѣ эти факты въ достаточной степени доказываютъ, что не было никакого научнаго движенія въ широкомъ смыслѣ слова.

Мало выдвинулось за XVIII столѣтіе и отдѣльныхъ ученыхъ. Изъ нихъ на первый планъ долженъ быть поставленъ знаменитый Ломоносовъ, много сдѣлавшій для популяризаціи науки въ Россіи, сильно двинувшій русскій языкъ и литературу, устроившій первую русскую химическую лабораторію при Академіи (1848 г.) и давшій толчокъ къ изслѣдованію русской природы. Затѣмъ, въ царствованіе Екатерины II интересъ къ географическому и естественно-историческому изслѣдованію Россіи замѣтно усиливается. Снаряжается съ этой цѣлью рядъ экспедицій, наиболѣе плодотворной изъ которыхъ была экспедиція Палласа и его сотрудниковъ, Соколова, Чуева и Рычкова

[1]) На которую все же возложены были и практическія задачи. Даже уставъ 1803 г. обращаетъ особое вниманіе академиковъ на изысканіе средствъ „къ умноженію народной промышленности и торговли".

[illegible] туры не отличались [illegible]

[illegible] личныя профессіональныя школы, [illegible] высшаго общаго образованія нашла [illegible] ликій думалъ также и объ открытіи университета и вступалъ даже по этому поводу въ переговоры и переписку съ выдающимися европейскими учеными, Лейбницемъ и Вольфомъ. [illegible] учредилъ при Академіи Наукъ Академическіе Университетъ и Гимназію, которые прекратили свою [illegible]

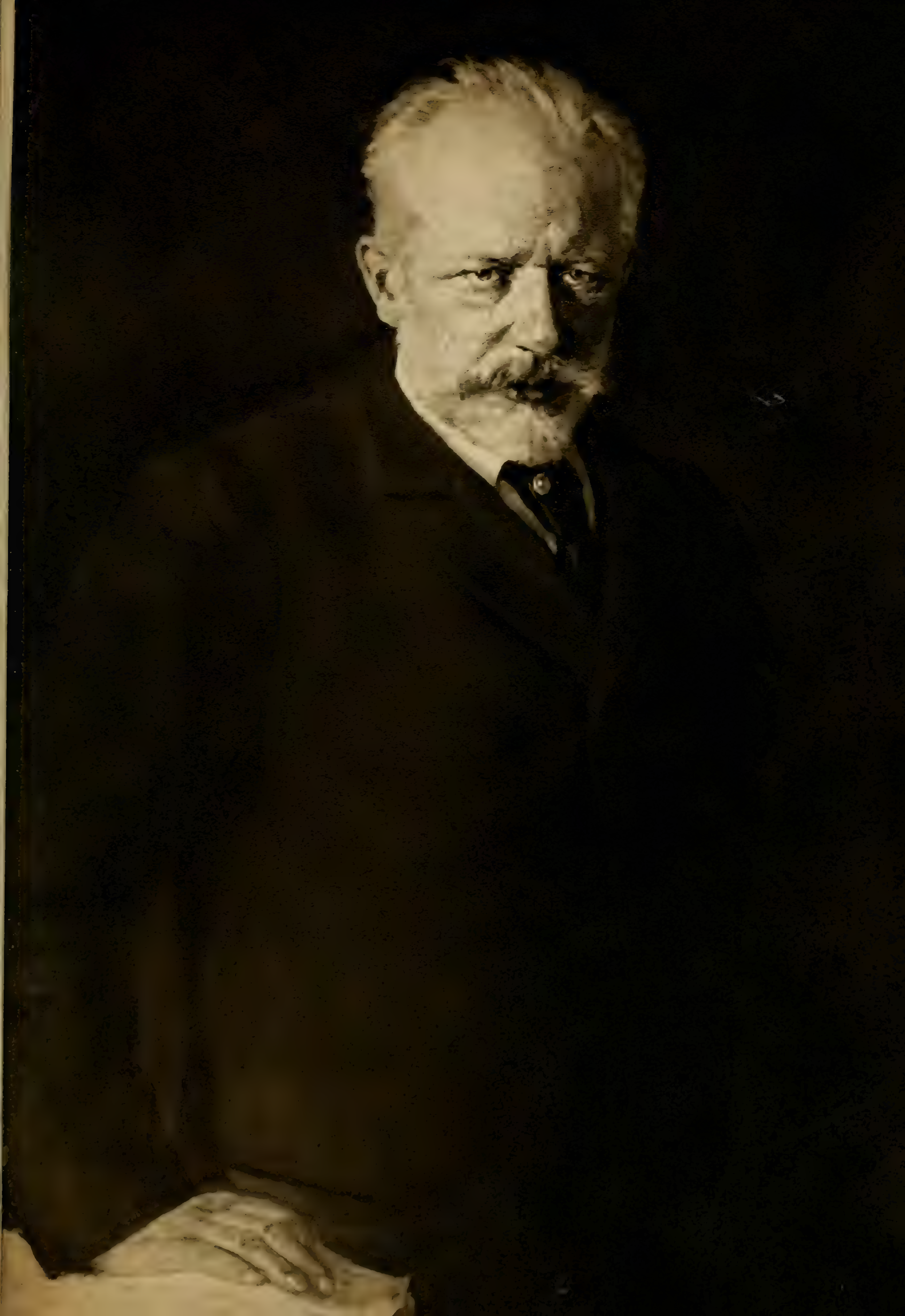
[illegible] нулли, великій математикъ Эйлеръ и цѣлый рядъ другихъ. Но всѣ они— иностранцы по происхожденію, обра- [illegible]

[illegible] сти и торговли".

[illegible] срокъ (первые профессора закон- [illegible] чтобы шли требуемыя уставомъ лекціи, приходилось даже выписывать студентовъ изъ Германіи и самимъ профессорамъ посѣщать лекціи другъ друга. Не лучше шли [illegible] ковскаго университета. Временами на цѣлый факультетъ приходилось [illegible] соналъ сводился къ одному профессору, напр., на медицинскомъ факультетѣ къ проф. Керштенсу.

Всѣ эти факты въ достаточной степени доказываютъ, что не было [illegible]

[illegible] ныхъ. Изъ [illegible] долженъ быть поставленъ знаменитый Ломоносовъ, много сдѣлавшій для [illegible] литературу, устроившій первую рус- [illegible] Екатерины II интересъ къ географическому и естественно-историче- [illegible] усиливается. Снаряжается съ этой [illegible]



(1768—1774 гг.). Ими, а затѣмъ и другими академиками, Лепехинымъ, Озерецковскимъ, Севергинымъ, Крашенинниковымъ было собрано много цѣннаго матеріала по географіи, флорѣ, фаунѣ, минералогіи Россіи до отдаленныхъ ея окраинъ, какъ, напр., Камчатка, включительно.

На ряду съ иностранцами, какъ Палласъ, который, однако, явился не временнымъ гостемъ, а уже сжился съ Россіей, Мессершмидтъ, Гмелинъ и др., мы здѣсь встрѣчаемъ и цѣлый рядъ русскихъ изслѣдователей, и это направленіе изученія и описанія Россіи является первымъ, въ которомъ начинаетъ развиваться и проявляться русская наука; такимъ образомъ, рѣчь уже можетъ идти не только объ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, но и о зародышѣ настоящаго научнаго движенія.

II.

Въ началѣ XIX вѣка создаются у насъ, подъ вліяніемъ болѣе частыхъ и болѣе тѣсныхъ сношеній и столкновеній съ Западомъ, новые очаги науки. Учреждаются Университеты казанскій, харьковскій, петербургскій, дерптскій и виленскій. Согласно первоначальному, довольно либеральному и широкому уставу, во многомъ заимствованному изъ Германіи, на нихъ, помимо чисто практической задачи подготовленія необходимыхъ государству чиновниковъ, возлагаются и болѣе высокія научныя функціи. Таково, напр., устройство ежемѣсячныхъ ученыхъ засѣданій „для разсужденія о новыхъ сочиненіяхъ, открытіяхъ и опытахъ", основаніе научныхъ и литературныхъ обществъ, организація конкурсовъ, премій и т. д. Все это, однако, остается лишь на бумагѣ, такъ какъ дѣятельности университетовъ, которая, конечно, не могла сразу же стать широкой и плодотворной за отсутствіемъ людей, вполнѣ подготовленныхъ къ научнымъ работамъ, уже во вторую половину царствованія Александра I былъ нанесенъ жестокій ударъ. Съ 1815 года, года основанія Священнаго Союза, начинается торжество реакціи, наиболѣе яркими представленіями которой по отношенію къ университетамъ являются знаменитые Магницкій и Руничъ, разгромившіе первый казанскій, а второй петербургскій университеты [1]).

Вмѣсто свободы преподаванія вводятся строгій контроль и регламентація, согласно которымъ, наприм., профессора физики обязываются во все продолженіе курса „указывать на премудрость Божію и ограниченности нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ"; а профессора медицины—предостерегать „отъ ослѣпленія, которому многіе изъ знатнѣйшихъ медиковъ подверглись отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ живого тѣла нашего" и

[1]) Мы не останавливаемся подробно на судьбахъ университетовъ, такъ какъ этому вопросу посвящена въ настоящемъ изданіи особая статья И. Н. Бороздина „Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка". При ней и библіографія по университетскому вопросу.

отъ впаденія въ гибельный матеріализмъ.

Подобныя тенденціи, въ связи съ изгнаніемъ Магницкимъ и Руничемъ лучшихъ профессоровъ, не могли, конечно, не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на научности и достоинствѣ преподаванія съ одной стороны, и на возбужденіи интереса къ наукѣ у слушателей—съ другой.

Нечего и говорить о томъ, что свобода изслѣдованія и преподаванія есть одно изъ необходимыхъ условій развитія науки. Нельзя не согласиться съ Лассалемъ [1]), когда онъ говоритъ, что: „При господствѣ законности все имѣетъ свои границы... Только одно теоретическое познаніе должно царить въ безграничной и безконечной свободѣ. Наука должна быть свободна, свободна даже до предѣловъ злоупотребленія, такъ какъ нельзя себѣ представить, сколько благодатныхъ открытій, какія богатства духа могутъ быть задушены въ зародышѣ однимъ фактомъ огражденія противъ злоупотребленій". И въ отношеніи нашего правительства къ ученымъ и наукѣ нельзя не видѣть одной изъ существенныхъ причинъ слабости русскаго научнаго движенія. Не даромъ, быть можетъ, та область, которая наименѣе вызывала подозрѣній и не подвергалась преслѣдованіямъ, а именно область математики дала цѣлую плеяду выдающихся ученыхъ въ то время, когда въ другихъ отрасляхъ знанія наблюдалось полное почти затишье.

[1]) *Ф. Лассаль.* Защитительная рѣчь „Наука и работники". Сочин. томъ 1-й. Изд. 1905 г., стр. 44-45.

Неблагопріятно вліяла далѣе недостаточность каѳедръ; такъ, напр., въ харьковскомъ университетѣ въ 1812—15 годахъ на естественномъ факультетѣ ихъ было всего двѣ: 1) химія съ металлургіей и 2) естественная исторія и ботаника. Въ Москвѣ одно лицо совмѣщало преподаваніе зоологіи и минералогіи „съ указаніемъ употребленія этихъ естественныхъ тѣлъ въ медицинѣ, технологіи и экономіи" и т. д.

Для замѣщенія каѳедръ нерѣдко приглашались профессора-иностранцы, которые, не зная языка, не имѣя достаточныхъ средствъ для устройства соотвѣтственной обстановки, не могли выполнить успѣшно своей задачи, не могли образовать себѣ послѣдователей изъ русскихъ. Лучшіе изъ нихъ не выдерживали долго русскихъ университетскихъ порядковъ и спѣшили уѣхать. Нѣкоторые молодые русскіе ученые, посланные въ 1808 году за границу и успѣвшіе зарекомендовать себя, какъ талантливые профессора, были удалены при разгромѣ 1821 года, послѣ чего профессорскій уровень палъ до послѣдней степени. Такъ, наприм., Н. И. Пироговъ въ своихъ запискахъ [1]) крайне отрицательно отзывается о профессорахъ московскаго университета (20-хъ годовъ), которые отличались бездарностью, отсутствіемъ знаній, относились къ дѣлу по-чиновничьи и вносили въ преподаваніе „комическій элементъ". Послѣ 1827 года въ цѣляхъ подъема профессуры начи-

[1]) Сочиненія Н. И. Пирогова, Спб. 1900 г., т. 2-й „Дневникъ стараго врача", стр. 304—321

нается посылка лучшихъ студентовъ на усовершенствованіе сначала въ Дерптъ, а затѣмъ за границу, и такимъ образомъ уже къ сороковымъ годамъ постепенно формируются заслуживающіе этого имени профессорскіе кадры.

Наконецъ, бѣдность университетскаго бюджета и отсутствіе лабораторій и другихъ вспомогательныхъ средствъ, безъ которыхъ немыслима работа въ области естественныхъ наукъ, довершаютъ общую картину той внутренней университетской обстановки, въ которой должна была совершаться ихъ учебная и научная работа.

Неблагопріятна была и внѣшняя обстановка. Помимо курса правительственной политики, принятаго съ 1815 года и оффиціально закрѣпленнаго уставомъ 1835 года, не могло не отозваться отрицательно на наукѣ безразличіе къ ней общества, отсутствіе живой связи и взаимодѣйствія между профессурой и внѣуниверситетскими кругами. Лишь начиная съ 30-хъ годовъ въ этомъ отношеніи совершается перемѣна, и университеты въ лицѣ своихъ лучшихъ профессоровъ становятся въ извѣстной мѣрѣ средоточіемъ и проводникомъ умственнаго движенія въ Россіи. Достаточно вспомнить, напр., дѣятельность и роль Грановскаго. Но такъ какъ интересы общества въ это время главнымъ образомъ и даже почти исключительно направлены въ сторону литературы, философіи и вообще къ наукамъ соціальнымъ и гуманитарнымъ, то нѣкоторое оживленіе, вызванное пробужденіемъ общества, далеко не сразу сказывается на естествознаніи, широкое движеніе въ области котораго наступаетъ много позже, въ 60-е годы.

III.

Чтобы составить себѣ болѣе опредѣленное и точное представленіе объ общемъ характерѣ нашего научнаго движенія за разсматриваемый періодъ, необходимо познакомиться съ состояніемъ и успѣхомъ каждой изъ наукъ, входящихъ въ составъ естествознанія. Мы начнемъ съ основныхъ наукъ, физики и химіи. Онѣ обѣ, и особенно *физика*, за отсутствіемъ другихъ лабораторій долгое время остаются связанными почти исключительно съ Академіей Наукъ, которая продолжаетъ еще пополняться по преимуществу иностранными учеными. Изъ физиковъ этого времени наиболѣе выдающимися являются академики Петровъ (1761—1834), искусный экспериментаторъ и наблюдатель, Парротъ и особенно его ученики, Ленцъ и Купферъ. Ленцъ извѣстенъ рядомъ работъ по физической географіи и электромагнетизму (между прочимъ, въ 1839 г. онъ вмѣстѣ съ Савельевымъ установилъ очень интересныя данныя относительно поляризаціи электродовъ). Купферъ сдѣлалъ очень много для русской метеорологіи; подъ его руководствомъ была учреждена при Академіи Наукъ первая магнитная обсерваторія (1830 г.), а затѣмъ и цѣлый рядъ магнитно-метеорологическихъ обсерваторій въ

другихъ мѣстахъ Россіи. Онъ же былъ и первымъ директоромъ Главной физической обсерваторіи. Такимъ образомъ, ему принадлежитъ часть насажденія въ Россіи метеорологическихъ изслѣдованій и учрежденій, о необходимости которыхъ писалъ еще Ломоносовъ (1759 г.), почти за сто лѣтъ до того. Совмѣстно съ ними работалъ и академикъ Якоби, построившій въ Петербургѣ въ 1834 г. первый электромоторъ, съ помощью котораго онъ въ 1838 г. совершилъ поѣздку по Невѣ (въ лодкѣ въ 12 метровъ длины и 2,6 л. ширины съ 12 пассажирами); въ 1837 году онъ же, опираясь на наблюденіе Даніеля, согласно которому осаждающаяся на электродѣ мѣдь точно воспроизводитъ его форму, открылъ получившую затѣмъ широкое примѣненіе гальванопластику. Были опубликованы различными академиками и профессорами, какъ, напр. тѣмъ же Ленцомъ, Двигубскимъ, Перевощиковымъ, различнаго рода руководства и пособія, но замѣтныхъ самостоятельныхъ открытій и изслѣдованій, кромѣ вышеперечисленныхъ, сдѣлано не было.

Появлявшіяся работы сводились главнымъ образомъ къ практическому приложенію раньше открытыхъ уже научныхъ истинъ, и мы не замѣчаемъ разработки новыхъ вопросовъ, изученія законовъ физики (тоже можно сказать и о другихъ наукахъ). Нѣтъ широкихъ научныхъ перспективъ: общество къ наукѣ равнодушно, а офиціальные служители, занятые мелочными вопросами, не могутъ не только правильно разрѣшить широкія научныя проблемы, но даже поставить ихъ.

Немногимъ лучше было положеніе *химіи*. Устроенная Ломоносовымъ лабораторія химіи долго оставалась единственной. Только съ открытіемъ университетовъ учреждаются и новыя лабораторіи, которыя, однако, по преимуществу предназначаются для занятій по фармаціи. Каково было ихъ оборудованіе, можно судить уже потому, что на обзаведеніе химической и фармацевтической лабораторіи въ харьковскомъ университетѣ (проф. Гизе, въ 1812 г.) было истрачено всего 184 руб., а въ петербургскомъ за пятилѣтній періодъ 1820—1824 годовъ на лабораторіи физическую и химическую было израсходовано лишь 200 руб. ассигнаціями! Поэтому-то до 30-хъ годовъ нельзя назвать ни одного крупнаго самостоятельнаго изслѣдованія, если не считать работъ Кирхгоффа, получившаго изъ крахмала виноградный сахаръ (1811 г.) путемъ нагрѣванія съ разведенной сѣрной кислотой и такимъ образомъ, открывшаго первую каталитическую реакцію. (Самое понятіе о катализѣ и этотъ терминъ введены въ науку позднѣе въ 1835 г. Берцеліусомъ). Отмѣтить слѣдуетъ развѣ только фактъ установленія русской химической номенклатуры Соловьевымъ, Щеголевымъ и Гессомъ. Въ то же время въ Зап. Европѣ химія разрабатывалась чрезвычайно быстро, и каждый годъ приносилъ важныя и интересныя открытія.—Только къ сороковымъ годамъ у насъ расширяются и улучшаются лабораторіи, работа оживляется и даже создаются два химическихъ центра, двѣ школы петербургская и казанская, изъ которыхъ

въ первое время преимущество принадлежитъ казанской, гдѣ работалъ знаменитый Зининъ, открывшій въ 1842 г. способъ превращенія нитротѣлъ въ амидотѣла (путемъ возстановленія сѣрнистымъ аммоніемъ) и получившій изъ нитробензола анилинъ. Въ томъ же году онъ изъ нитронафталина получилъ нафтиламинъ, а затѣмъ нашелъ и другія реакціи этого же типа. Эти открытія, помимо теоретическаго интереса, какъ первый случай искусственнаго полученія органическихъ основаній, имѣли и огромное практическое значеніе, такъ какъ они легли въ основу одной изъ крупныхъ отраслей промышленности настоящаго времени, а именно производства анилиновыхъ красокъ. Въ Казани же Клаусъ открылъ въ 1844 г. новый элементъ рутеній, а въ Спб. Воскресенскій и Гессъ въ свою очередь обогащаютъ химію, первый—открытіемъ хинона (1838 г.), впослѣдствіи ближе изученнаго Велеромъ, и теобромина (1841 г.), а второй выдающимися изслѣдованіями въ области термохиміи, при чемъ въ 1840 году онъ установилъ основной термохимическій законъ, согласно которому тепловой эффектъ химическаго процесса опредѣляется лишь начальнымъ и конечнымъ состояніемъ системъ взаимодѣйствующихъ тѣлъ и не зависитъ отъ пути, по которому идетъ реакція. Въ дальнѣйшемъ къ этому основному закону былъ сдѣланъ имъ же рядъ интересныхъ дополненій, какимъ является, напр., указаніе на отсутствіе теплового эффекта при реакціяхъ солевого обмѣна и т. п.

Такимъ образомъ, химія съ сороковыхъ годовъ уже становится на твердую почву, чтобы черезъ какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ дать пышный расцвѣтъ, связанный съ именами Менделѣева, Бутлерова, Морковникова, Меншуткина, Соколова и др. Химія раньше и въ большей мѣрѣ, нежели всѣ другія отрасли естествознанія, достигла у насъ высокой степени развитія, но все-таки развитіе это связано уже съ болѣе позднимъ періодомъ, и въ концѣ первой половины мы встрѣчаемся лишь съ его предвѣстниками. Между прочимъ, было бы несправедливо не упомянуть одного факта, хотя и относящагося скорѣе къ области техники—это именно предпринятой въ 1823 году братьями Дубиниными въ г. Моздокѣ перегонки петролеума на 10 лѣтъ раньше, чѣмъ подобныя попытки были сдѣланы въ Америкѣ.

Въ области *описательныхъ естественныхъ наукъ*, какими являлись въ первой половинѣ XIX в. не только минералогія и геологія, но почти всѣ отрасли біологіи, въ значительной мѣрѣ сохраняется и расширяется то направленіе, которое мы отмѣтили, говоря о XVIII вѣкѣ, о времени, соотвѣтствующемъ царствованію Екатерины II. Это именно стремленіе къ изученію географіи и естественной исторіи нашей обширной родины и сопредѣльныхъ странъ сѣверныхъ и азіатскихъ, а иногда и болѣе отдаленныхъ. Сообразно съ этимъ необходимо прежде всего отмѣтить большое количество всевозможныхъ путешествій и экспедицій.

Таково кругосвѣтное плаваніе

кап. Коцебу на кораблѣ „Рюрикъ“, поведшее къ открытію островов Романовыхъ, Рюриковыхъ, Крузенштерна и бухты Коцебу (1816 г.); открытіе въ 1819—21 гг. Беллинсгаузеномъ и Лазаревымъ у южнаго полюса земель Петра I и Александра I; путешествіе по Сѣверному Ледовитому океану Ф. Врангеля (1820—1824 гг.), который нашелъ къ сѣверу отъ Новой Сибири полосу теплаго теченія и предположилъ существованіе особой земли, открытой значительно позже Берри (1881 г.) и названной землей Врангеля.

Помимо этихъ чисто - географическаго характера экспедицій предпринимался рядъ путешествій внутрь Россіи съ болѣе широкими задачами. Изъ нихъ особенной славой пользуются экспедиціи, организованныя иностранцами, а именно: Александромъ Гумбольдтомъ съ Густавомъ Розе и Эренбергомъ (1829—30 г.) на Уралъ, въ Сибирь и Среднюю Азію, и Мурчисономъ въ сѣверную и среднюю Россію и на Уралъ (1840 — 41 г.). Эти и другія многочисленныя путешествія дали обширный и интересный матеріалъ, разработка и систематизированіе котораго поглощаетъ все почти вниманіе немногочисленныхъ русскихъ ученыхъ.

Въ области *минералогіи* первымъ спеціально отдавшимся всецѣло ей ученымъ надо считать академика Севергина (ум. въ 1826 г.). До него въ XVIII в. мы встрѣчаемъ лишь естествоиспытателей - энциклопедистовъ, каковы, напр., уже упомянутые нами Ломоносовъ, Палласъ, его сотрудникъ Лепехинъ и др. Севергину принадлежатъ, кромѣ массы отдѣльныхъ мемуаровъ, „Подробный Минералогическій Словарь“, „Опыты минералогическаго описанія Россіи“ и „Основанія минералогіи“, являющіяся первыми русскими оригинальными сочиненіями подобнаго рода. Направленіе у него чисто описательное, при чемъ въ основу классификаціи онъ кладетъ химическій составъ минераловъ.

Затѣмъ, уже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ большое вліяніе на ходъ и развитіе у насъ минералогіи и геологіи оказываетъ Соколовъ, талантливый профессоръ, хотя и не сдѣлавшій большихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Его руководства въ указанный періодъ употреблялись во всѣхъ университетахъ. Общее направленіе остается то же, что и у Севергина. Къ концу 40-хъ годовъ появляются и работы кристаллографическаго характера, начало которымъ было положено Кокшаровымъ, занявшимся точнымъ кристаллографическимъ изученіемъ и измѣреніемъ русскихъ минералловъ. Результаты его трудовъ изложены въ многотомныхъ „Матеріалахъ для минералогіи Россіи“, появившихся уже во второй половинѣ вѣка: первый томъ былъ опубликованъ въ 1853 г. Кокшаровскій періодъ минералогіи Агафоновъ [1]) въ своей замѣткѣ правильно называетъ „на-

[1]) См. его статью „Минералогія и кристаллографія“ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, полут. 55, стр. 746—750, см. тамъ же очерки по другимъ отдѣламъ естествознанія.

ціонально - описательно - кристаллографическимъ“.

Геологія [1]) начинаетъ развиваться еще позднѣе, при чемъ наибольшее вниманіе обращается на пользующіяся правительственнымъ поощреніемъ изслѣдованія, имѣющія практическое значеніе для начавшаго развиваться горнаго дѣла [2]). Сообразно съ этимъ изслѣдованія касались по преимуществу Урала, Алтая, Нерчинскаго округа и т. п., при чемъ изъ отдѣльныхъ ученыхъ выдѣлились своими практическими изслѣдованіями Гельмерсенъ и Гофманъ, палеонтологическими изслѣдованіяніями — Эйхвальдъ и Пандеръ, а какъ профессора-популяризаторы — Щуровскій, Куторга и Рулье, изучившій и прекрасно описавшій юрскіе осадки московской губерніи. Наиболѣе крупнымъ геологическимъ событіемъ всего этого періода слѣдуетъ, однако, признать путешествіе знаменитаго англійскаго геолога и палеонтолога Мурчисона, который заложилъ въ трудѣ, сдѣланномъ совмѣстно съ Вернейлемъ и Кейзерлингомъ, основу для послѣдующаго геологическаго изученія Россіи. Его изслѣдованія въ Россіи представляютъ и большой общій интересъ, такъ какъ, благодаря изученію русскихъ девонскихъ отложеній, Мурчисону удалось выяснить до тѣхъ поръ темныя отношенія соотвѣтственныхъ европейскихъ пластовъ. Мурчисономъ составлена была и карта, впервые давшая сплошное изображеніе геологическаго строенія Россіи (1845). Впослѣдствіи она была исправлена и дополнена Гельмерсеномъ. По странному совпаденію и первая вообще геологическая карта Россіи тоже составлена англичаниномъ Странгвейсомъ (1824 г.).

Въ томъ же положеніи находятся и *біологическія* науки, *ботаника* и *зоологія*: такая же скудость работниковъ и работъ, такое же преобладаніе чисто природо-описательнаго и притомъ узко-систематическаго направленія.

Въ 18 в. и онѣ связаны исключительно съ Академіей Наукъ, при чемъ наибольшого вниманія заслуживаютъ труды Гмелина, описавшаго флору Сибири, его ученика Крашенинникова, исполнившаго туже задачу для Камчатки, Палласа и его сотрудниковъ, сдѣлавшихъ много для изученія флоры, фауны и антропологіи Россіи. Въ концѣ 18 в. (1798 г.) гр. Разумовскій устраиваетъ въ Горенкахъ, подъ Москвою, ботаническій садъ, сдѣлавшійся временно средоточіемъ ботаническихъ изысканій. Затѣмъ, садъ этотъ пре-

[1]) *Неймайръ*, „Исторія Земли“. Т. 20, 1898 г., стр. 34, 639 и др.

[2]) Въ царствованіе Николая I было, между прочимъ, произведено впервые научное изслѣдованіе Донецкаго бассейна, играющаго въ настоящее время преобладающую роль въ нашей горной промышленности. Еще Петръ Великій, когда ему во время Азовскаго похода принесли кусокъ донецкаго угля, пророчески сказалъ: „Сей минералъ, если не намъ, то нашимъ потомкамъ полезенъ будетъ“. Но только въ 1827 году было сдѣлано Ковалевскимъ первое геологическое описаніе бассейна, а съ 1835 г. началось правильное его изученіе, связанное съ именемъ француза Ле-Пле.

кращаетъ свое существованіе, а въ 1823 г. учреждаетъ ботаническій садъ въ Петербургѣ, и съ этихъ поръ изслѣдованіе русской флоры идетъ живѣе и энергичнѣе. Турчаниновъ изучаетъ флору Сибири, Мейеръ — Кавказа, Шренкъ—сѣвера. Характеръ работъ этого времени ясно виденъ уже изъ ихъ заглавій. Таковы напр., Ilustrationes Algarum Rossiae акад. Мартина; Fungi Rossiae и т. п. Эти изслѣдованія какъ бы завершаются Ледебуромъ, который въ своей извѣстной „Flora Rossica“ объединяетъ ранѣе добытыя разрозненныя данныя. Трудъ его и понынѣ не утратилъ интереса и значенія для изучающихъ русскую флору. Всѣ другія направленія въ ботаникѣ, анатомическое, физіологическое, ученіе о клѣткѣ, которое въ Европѣ съ 30-хъ годовъ привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе, у насъ не разрабатывались, и движеніе въ этомъ направленіи возникаетъ съ третьей четверти столѣтія. Начало его тѣсно связано съ именемъ Ценковскаго.

Въ области *зоологіи* тоже направленіе, завѣщанное Палласомъ, находитъ себѣ выраженіе въ трудахъ Брандта, окончившаго медицинскій факультетъ въ Берлинѣ, а затѣмъ приглашеннаго въ академію адъюнктомъ по зоологіи. Назначенный директоромъ зоологическаго музея, который до него сохранялъ данный ему при Петрѣ характеръ кунсткамеры, онъ превращаетъ его въ настоящій музей и много дѣлаетъ для изученія русской фауны, въ особенности для изученія позвоночныхъ. (Наиболѣе извѣстное изъ его сочиненій „Beiträge zur näheren Kenntniss der Säugethiere Russlands“).—Кромѣ него работаютъ на томъ же поприщѣ Куторга, о которомъ мы уже упоминали, выдающійся педагогъ и популяризаторъ, преподававшій зоотомію, зоологію, анатомію и палеонтологію и умѣвшій привлекать на свои лекціи слушателей со всѣхъ факультетовъ; затѣмъ директоръ московскаго комитета акклиматизаціи, Рулье, издававшій первый популярный естественно-научный журналъ „Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ“ и др.—Всѣ названные ученые, между прочимъ, по своему образованію—медики.

При несомнѣнныхъ заслугахъ всѣ они, кромѣ Брандта, крупнаго слѣда въ наукѣ, однако, не оставили, и все выдающееся, что сдѣлано въ Россіи въ области біологіи за первую половину 19 в., связано почти исключительно съ именемъ Карла Эрнеста Бэра (1792—1876 гг.) [1], отца современной эмбріологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающагося географа, антрополога, ихтіолога.

Считать его, родившагося въ остзейскомъ краѣ, закончившаго свое воспитаніе въ Германіи и тамъ же въ Кенигсбергѣ опубликовавшаго свои знаменитые труды по эмбріологіи, всецѣло русскимъ ученымъ едва ли возможно. Но такъ какъ въ Россіи протекла вся вторая половина его жизни съ 1834 года, такъ какъ онъ много сдѣлалъ для ея изученія, такъ какъ эмбріологическому направленію у насъ вообще посчаст-

---

[1]) К. Беръ, его жизнь и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ Пр. Холодковскаго. Библ. Павленкова. Спб., 1893.

ливилось впослѣдствіи, и мы можемъ даже назвать это направленіе русскимъ, благодаря главнымъ образомъ трудамъ Ковалевскаго и Мечникова, а затѣмъ и другихъ русскихъ эмбріологовъ, то имѣется достаточно основаній, чтобы, хотя наполовину, причислить Бэра къ русской наукѣ. Во всякомъ случаѣ при общей оцѣнкѣ нашего научнаго движенія онъ не долженъ быть забытъ.

Бэръ окончилъ ревельскую гимназію и дерптскій медицинскій факультетъ, затѣмъ работалъ въ Вюрцбургѣ у Дёллиннгера, а въ 1817 г. сдѣлался прозекторомъ Бурдаха въ Кенигсбергѣ. Заинтересовашись исторіей развитія цыпленка еще въ Вюрцбургѣ, гдѣ этимъ вопросомъ занимался его другъ Пандеръ, впослѣдствіи тоже членъ Академіи Наукъ, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на эмбріологіи, и въ 1826 году опубликовалъ въ формѣ посланія на имя Академіи Наукъ (De ovi mammalium et hominis genesi epistola) свое знаменитое открытіе яйца млекопитающихъ. До работъ Ф. Вольфа, также бывшаго членомъ Академіи Наукъ, т.-е. до второй половины 18 в., эмбріологіи, какъ науки, не существовало. Взгляды въ этой области были не обоснованы и противорѣчивы, при чемъ въ общемъ господствовала теорія предобразованія, согласно которой будущій организмъ существуетъ въ яйцѣ готовый со всѣми своими частями, которыя не видны лишь въ силу своей малой величины и прозрачности. Такой зародышъ долженъ былъ заключать въ себѣ и всѣ будущіе зародыши, которые впослѣдствіи произойдутъ отъ него. Сообразно съ этимъ нѣкоторые любители вычисленій сосчитывали, что въ яичникахъ Евы было около 200.000.000.000 зародышей!

Вольфъ положилъ начало теоріи эпигенеза, или постепеннаго образованія органовъ изъ простой первоначальной основы, и теоріи зародышевыхъ листковъ, согласно которой различные органы образуются изъ различныхъ слоевъ или листковъ зародыша.

Бэръ, въ результатѣ своихъ эмбріологическихъ изслѣдованій пришелъ, между прочимъ, къ выводу, что каждый зародышъ опредѣленнаго животнаго, вмѣсто того, чтобы проходить стадіи, соотвѣтствующія другимъ опредѣленнымъ животнымъ, какъ думали раньше, напротивъ отдѣляется отъ нихъ и развивается по тому основному плану, по которому устроено тѣло организмовъ даннаго класса. Такимъ образомъ, онъ далъ сравнительно-анатомическимъ теоріямъ Кювье, въ частности теоріи типовъ, эмбріологическое обоснованіе. Работы Бэра не только дали эмбріологіи богатое фактическое содержаніе, но и придали ей сравнительный обобщающій характеръ, который она сохранила и впослѣдствіи и которымъ объясняется огромный общій интересъ эмбріологіи. Всѣ выводы и обобщенія Бэра приведены въ его „Исторіи развитія животныхъ". Не вдаваясь въ подробности, укажемъ лишь, что имъ установленъ законъ, согласно которому развитіе состоитъ въ преобразованіи ранѣе существующаго (по нынѣшней терминологіи законъ диференцировки), до-

казано сходство въ существенныхъ чертахъ начальныхъ стадій развитія у всѣхъ животныхъ (фаза пузыря, или, какъ мы теперь говоримъ, бластулы), открыта спинная струна, основа скелета позвоночныхъ, описано развитіе плодовыхъ оболочекъ, образованіе головного мозга изъ пузырей, образованіе глаза выпячиванія изъ передняго мозгового пузыря и т. д.

Съ переходомъ въ Россію характеръ его научной дѣятельности мѣняется, отъ „изученія микрокосма онъ переходитъ къ изученію макрокосма“, начинаетъ заниматься географіей и антропологіей. Между прочимъ, онъ предпринялъ рядъ экспедицій для изученія Россіи: на Новую Землю, на острова Финскаго залива, на Кольскій полуостровъ съ знаменитымъ впослѣдствіи путешественникомъ Миддендорфомъ, затѣмъ, уже послѣ 1850 г. къ берегамъ Каспійскаго моря, Азовскаго и т. д. Въ 1840 г. онъ съ Гельмерсеномъ начинаетъ издавать при Академіи журналъ „Матеріалы къ познанію Россійской имперіи“ (на нѣмецкомъ языкѣ), затѣмъ, по основаніи Географическаго о-ва принимаетъ дѣятельное участіе въ его трудахъ и т. д. Однимъ изъ плодовъ наблюденій, произведенныхъ во время этихъ путешествій, является такъ называемый законъ Бэра, или законъ отклоненія теченія рѣкъ подъ вліяніемъ вращенія земли. Этимъ закономъ, какъ извѣстно, объясняется то обстоятельство, что у нашихъ рѣкъ правый берегъ всегда высокій, а лѣвый—низкій.

Помимо теоретическихъ вопросовъ онъ занимался и практическими, изучая вмѣстѣ съ Данилевскимъ состояніе нашего рыболовства и рыбоводства (также послѣ 1850 г.).

Своими работами по антропологіи и спеціально по краніологіи онъ кладетъ основаніе русской антропологіи; заботится о насажденіи у насъ различныхъ спеціальныхъ отраслей естествознанія; и напр., въ 1860 г. способствуетъ образованію русскаго Энтомологическаго общества и т. д.

Такимъ образомъ, Бэръ долженъ быть признанъ самой крупной личностью въ нашей наукѣ первой половины XIX в.; его труды, хотя и не сразу, а лишь впослѣдствіи, отразились и на ея дальнѣйшемъ ходѣ. То, что ему не удалось быстро найти послѣдователей и сотрудниковъ и создать школу, объясняется общими условіями и общимъ состояніемъ русской науки въ разбираемое время.

IV.

Медицинскія школы, учрежденныя при Петрѣ Великомъ, были въ 1780 г. преобразованы въ училища болѣе высшаго типа, а въ 1799 г. въ медико-хирургическія академіи, петербургскую и московскую. Вслѣдъ затѣмъ въ началѣ XIX в. открываются и новые университеты съ медицинскими факультетами. Съ этихъ поръ и начинается развитіе у насъ *медицины*, которая совершаетъ на Западѣ къ этому времени рядъ крупныхъ шаговъ впередъ. На смѣну чисто-симптоматическому

направленію, сводившему все къ изученію внѣшнихъ признаковъ, и на смѣну отвлеченнымъ теоріямъ и умствованіямъ вводится итальянскимъ ученымъ Морганьи (1766 г.) „анатомическая мысль“, или ученіе, связывающее болѣзнь съ измѣненіями строенія опредѣленныхъ органовъ; возникаетъ такимъ образомъ положительное ученіе „о мѣстахъ и причинахъ болѣзней“, получающее дальнѣйшее развитіе въ работахъ Биша.

Открываются новые методы изслѣдованія — выстукиваніе (Ауэнбруггеръ-Корвизаръ) и выслушиваніе (Лаэннекъ), благодаря которымъ клиника, особенно по отношенію болѣзней легкихъ и сердца, совершенно преобразовывается. Тотъ же Лаэннекъ создаетъ клиническое и патолого-анатомическое ученіе о туберкулезѣ. Пинель кладетъ основы психіатріи и т. д. Вообще и теоретическія отрасли медицины, анатомія, физіологія, патологія, и клиническія дисциплины оживленно разрабатываются съ конца XVIII столѣтія во Франціи и Англіи, а затѣмъ и въ Германіи, гдѣ въ началѣ XIX вѣка господство натурфилософіи сильно задерживало поступательное движеніе науки.

У насъ это движеніе не встрѣчаетъ живого отголоска. *Анатомія* еще находитъ рядъ видныхъ представителей, какъ Загорскій, Буяльскій, Лодеръ, Ландцертъ и др., которые, помимо самостоятельныхъ изслѣдованій, много сдѣлали для преподаванія этой науки. Загорскій составилъ руководство по описательной анатоміи (1802 г.), выдержавшее пять изданій и служившее пособіемъ во всѣхъ университетахъ. Буяльскій издалъ превосходныя анатомо-хирургическія таблицы и т. д. Но больше всѣхъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ Пироговъ, къ которому мы возвратимся особо. Анатомія микроскопическая, какъ отдѣльная наука, не преподавалась до 1860 года и, строго говоря, не существовала, хотя нѣкоторые профессора анатоміи и пользовались иногда микроскопомъ. Большинство же не только оставляло гистологію въ сторонѣ, но относилось къ ней скептически, и это даже въ болѣе поздніе періоды, въ началѣ 50-хъ годовъ, какъ можно видѣть изъ записокъ Сѣченова[1]). Лишь съ сороковыхъ годовъ отдѣльные русскіе изслѣдователи начинаютъ заниматься самостоятельными изысканіями въ этой области (Заблоцкій, Велланскій).

Въ подчиненномъ положеніи находится и *физіологія*, которая до учрежденія самостоятельныхъ каѳедръ (1840 г.) преподавалась анатомами, терапевтами и т. п. Такъ, напр., въ петербургской мед.-хир. академіи физіологію читалъ анатомъ Загорскій, придерживавшійся сравнительно - анатомическаго направленія и не дававшій мѣста эксперименту. Его замѣститель патологъ Велланскій не только не способствовалъ насажденію эксперимента, но, будучи сторонникомъ взглядовъ Шеллинга и Окена, явился даже врагомъ опыта, считая его грубымъ и недостойнымъ философіи. Мы знаемъ, что Окенъ отвергалъ не только опытъ, но и логическій

[1]) Автобіографическая записка, И. М. Сѣченова. Москва, 1907 г., стр. 49 и слѣд.

методъ мышленія, а создалъ для себя особый натурфилософскій методъ, чтобы „выяснить прообразъ божественнаго въ отдѣльныхъ проявленіяхъ жизни“. Онъ самъ признавалъ свой методъ не методомъ выводовъ, а „диктаторскимъ, при которомъ получаешь слѣдствія, самъ не зная какъ“. При такомъ методѣ и получались выводы, что „организмъ есть прообразъ планеты, а потому долженъ быть круглымъ“, что животныхъ можно дѣлить на внутреностныхъ, кожныхъ, мясныхъ и дальше на языковыхъ, носовыхъ и т. п. (такъ какъ, по его мнѣнію, между царствомъ животныхъ въ цѣломъ и человѣческимъ организмомъ можетъ быть проведена полная аналогія).

Подобное направленіе могло принести лишь вредъ научному развитію, и вліяніе натурфилософіи должно быть принято въ расчетъ при оцѣнкѣ причинъ, задерживавшихъ у насъ развитіе естествознанія, тѣмъ болѣе, что русская наука находилась въ непосредственной связи и зависимости отъ германской. Даже нѣкоторые изъ современниковъ считали преподаваніе Велланскаго не только безполезнымъ, но и вреднымъ, такъ какъ онъ распространялъ безплодныя отвлеченныя идеи натурфилософіи. Но нельзя не поставить ему въ заслугу обширной эрудиціи и того, что онъ умѣлъ возбуждать интересъ и будить мысль у слушателей.

Первое оригинальное руководство физіологіи, оставшееся, впрочемъ, незаконченнымъ, появляется въ 1836 г.; составлено было оно Филомаѳитскимъ, авторомъ изслѣдованія о дыханіи птицъ и исторіи переливанія крови. Послѣдній вопросъ въ то время привлекалъ къ себѣ въ Европѣ вниманіе и клиницистовъ и экспериментаторовъ и былъ предметомъ массы изслѣдованій, которыми заинтересовались и у насъ.

Къ 40-мъ годамъ начинаетъ уже замѣчаться стремленіе ввести экспериментъ въ преподаваніе, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить дѣятельность занимавшагося вопросами о кишечныхъ паразитахъ и объ уродствахъ Мирама въ кіевскомъ университетѣ и особенно Загорскаго-сына, замѣстившаго въ 1847 г. Велланскаго и стремившагося поставить дѣло на путь, указанный Клодъ-Бернаромъ и Гельмгольтцомъ. Это стремленіе осуществляется, однако, лишь въ 60-хъ годахъ, и осуществленіе его тѣсно связано съ именемъ Сѣченова, этого „отца русской физіологіи“. Самому Сѣченову (l. c., стр. 52), въ бытность его въ московскомъ университетѣ, приходилось слушать физіологію (1852 г.) у Глѣбова совершенно безъ опытовъ.

При такомъ положеніи основныхъ медицинскихъ наукъ—общая патологія [1]) и патологическая анатомія были, конечно, въ томъ же видѣ, что и физіологія—не могла процвѣтать и *клиническая медицина*. Теперешняго подраздѣленія на спеціальности не существовало, клиники и

[1]) Экспериментальной патологіи еще не существовало, а патологическая анатомія читалась нерѣдко безъ микроскопа („Автоб. Сѣченова“, стр. 53) даже въ началѣ 50-хъ годовъ.

клиническія отдѣленія, которыя только начали учреждаться въ первые годы XIX в., по почину Франка и Базилевича, конечно, не могли быть поставлены на надлежащую высоту ни въ смыслѣ обстановки ни въ смыслѣ преподавательскаго персонала.

Преподаваніе въ клиникахъ нерѣдко носило отвлеченно-теоретическій характеръ или же сводилось къ голому эмпиризму. Лишь понемногу вносятся въ терапію болѣе здравыя начала Чаруковскимъ, который ввелъ у насъ выстукиваніе и выслушиваніе, и особенно Зейдлицемъ въ Петербургѣ, Иноземцевымъ въ Москвѣ и др. Имѣющихъ крупное научное значеніе самостоятельныхъ работъ совсѣмъ не появляется какъ въ области терапіи, такъ и въ большинствѣ другихъ отдѣловъ медицины. Оригинальныя сочиненія носятъ по преимуществу характеръ пособій и руководствъ. Таковы „Записки по педіатрикѣ“ Хотовицкаго; „Душевныя болѣзни, изложенныя сообразно началамъ нынѣшняго ученія психіатріи“ Бутковскаго; „Руководство судебной медицины“ Громова и др..

Въ лучшемъ положеніи находилась *хирургія*, въ которую Пироговъ вноситъ уже въ концѣ 30-хъ годовъ живую струю своею обширной и разносторонней научной и практической дѣятельностью.

Наиболѣе видными представителями этой науки до Пирогова были Бушъ, по руководству котораго долго велось преподаваніе хирургіи у насъ, и Саломонъ, составившій руководство къ оперативной хирургіи.

Родившійся въ 1810 году Н. И. Пироговъ [1]) поступилъ на московскій мед. фак. 14 лѣтъ. Какъ онъ характеризуетъ тогдашнихъ профессоровъ и преподаваніе, мы уже отчасти видѣли. „Чтеніе лекцій происходило изъ года въ годъ по одной и той же тетрадкѣ, иногда сильно потертой и засаленной, или же прямо по какому-либо учебнику, часто 50-хъ годовъ предыдущаго столѣтія“. Демонстрацій и опытовъ не производилось никакихъ. Исключеніе составляли лишь лекціи Лодера по анатоміи.

Посланный для усовершенствованія въ Дерптъ, гдѣ въ 1827 г. учрежденъ былъ, по мысли академика Паррота, профессорскій институтъ для приготовленія профессоровъ изъ природныхъ россіянъ, онъ сталъ работать у Мойера, при чемъ особенно много занимался операціями на трупахъ и на животныхъ. Въ Дерптѣ пробылъ онъ 5 лѣтъ, а затѣмъ, защитивши диссертацію о перевязкѣ брюшной аорты, поѣхалъ за границу, въ Берлинъ. Тамъ въ это время хирургія далеко не стояла на раціональной почвѣ; она, по словамъ Пирогова, была совершенно изолирована отъ своихъ реальныхъ основъ, анатоміи и физіологіи. Поучившись техникѣ у Грефе и пластическимъ операціямъ у Диффенбаха, онъ обратилъ особенное вниманіе на Лангенбека, анатомическое направленіе котораго вполнѣ соотвѣтствовало научнымъ взгля-

[1]) *Н. И. Пироговъ*. Сочиненія. Т. 20-й. „Дневникъ стараго врача“. Спб. 1900 г.

Н. И. Пироговъ. „Біографическій очеркъ Ю. Малиса“. Спб. 1893 г. Памяти Пирогова. Подъ ред. проф. Дьяконова. Москва 1892 г. и т. д.

дамъ Пирогова. Свое пребываніе за границей онъ могъ тѣмъ лучше использовать, что раньше пріобрѣлъ уже и самостоятельность и знанія, которыя особенно въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, напр., въ столь важномъ для топографической анатоміи и хирургіи вопросѣ о фасціяхъ, превосходили знанія учителей. По возвращеніи въ Россію онъ желалъ быть назначеннымъ въ Москву, но мѣсто это досталось Иноземцеву, его товарищу по профессорскому институту. Пироговъ же устроился въ Дерптѣ, гдѣ и пробылъ профессоромъ 5 лѣтъ, до 1841 г., когда перешелъ въ петербургскую медико-хирургическую академію. Своими обширными познаніями, блестящей техникой, выдающейся энергіей и высокими нравственными качествами онъ быстро пріобрѣлъ огромный авторитетъ. Плодами его научныхъ работъ за это время явились Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій съ атласомъ рисунковъ, давшая ему Демидовскую премію Академіи Наукъ и европейское научное имя, монографія о перерѣзкѣ Ахиллова сухожилія, операціи, до него считавшейся очень трудной, и два тома клиническихъ анналовъ—блестящій памятникъ его профессорской дѣятельности.

Существеннымъ свойствомъ его работъ является экспериментальная постановка изучаемыхъ вопросовъ; онъ не довольствовался клиническими наблюденіями, а считалъ необходимыми и опыты на животныхъ. Такимъ именно путемъ, впрыскивая животнымъ гной въ вены и наблюдая развивающіеся за этимъ процессы, онъ пришелъ къ заключенію, что воспаленіе венъ, переносные нарывы и зараженіе крови гноемъ относятся въ сущности къ одному и тому же процессу—піэміи; самое гнойное зараженіе онъ приравнивалъ къ процессамъ броженія. Правильность подобныхъ взглядовъ была доказана лишь долго спустя, благодаря бактеріологіи.

Въ Петербургѣ Пироговъ помимо ряда всевозможныхъ работъ и заботъ, среди которыхъ слѣдуетъ особенно отмѣтить приведеніе клиникъ въ благоустроенный видъ, учрежденіе анатомическаго института и музея патологической анатоміи и занятія въ комитетѣ по преобразованію преподаванія медицины, успѣлъ написать еще: Курсъ прикладной анатоміи съ атласомъ, Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла, Клиническую хирургію, въ которую вошла монографія объ остеопластической операціи [1]) на стопѣ, теперь извѣстной подъ именемъ Пироговской, Патологическую анатомію азіатской холеры съ атласомъ и

[1]) Какъ указываетъ Оллье, первыми хирургами, воспользовавшимися при резекціяхъ костеобразовательной способностью надкостницы были русскіе врачи Рклицкій и Караваевъ. Первый удалилъ каріозную лучевую кость, сохранивши надкостницу, и кость возстановилась. Второй произвелъ поднадкостничное изсѣченіе ребра у одного матроса; послѣдній умеръ черезъ 9 мѣсяцевъ, при чемъ на мѣстѣ ребра нашли костную пластинку. Такимъ образомъ, въ вопросъ объ остеопластическихъ операціяхъ русская хирургія внесла существенный вкладъ уже на первыхъ шагахъ своего развитія.

началъ свою знаменитую „Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum illustrata“ и т. д.

Помимо анатомо-хирургическихъ и анатомо-патологическихъ вопросовъ Пироговъ обращаетъ вниманіе на все, что представляетъ сколько-нибудь выдающійся интересъ въ области практической хирургіи и медицины. Когда въ 1846 г. изобрѣтена была Симпсономъ анестезія, Пироговъ произвелъ рядъ опытовъ на животныхъ, на себѣ, на больныхъ и здоровыхъ и съ успѣхомъ первый примѣнилъ эѳирный наркозъ для цѣлей военной хирургіи на полѣ сраженія въ 1847 году на Кавказѣ, куда онъ былъ командированъ. Тамъ онъ также произвелъ массу цѣнныхъ наблюденій надъ лѣченіемъ ранъ, при чемъ, рѣзко высказавшись противъ всякихъ пластырей и мазей и противъ употребленія губокъ, рекомендовалъ сухую перевязку, присыпку порошкомъ красной осадочной ртути, глубокіе разрѣзы для стока раневого отдѣленія и т. д. Все это показываетъ, какъ правильно оцѣнивалъ Пироговъ наблюдаемыя явленія и какъ глубоко проникалъ онъ въ ихъ сущность, и позволяетъ поставить его въ число наиболѣе проницательныхъ предшественниковъ Пастера и Листера.

Мы, конечно, не исчерпали этими краткими строками всего, что сдѣлалъ Пироговъ въ разсматриваемый нами періодъ. Не коснулись мы также и его позднѣйшей дѣятельности, научной, практической и педагогической, которая въ послѣдующіе 31 годъ его жизни (Пироговъ умеръ 23 ноября 1881 года) была столь же энергична, плодотворна и разнообразна.—Но и сказаннаго достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о характерѣ и объемѣ его дѣятельности, объ его заслугахъ передъ наукой и Россіей. Имъ наша наука, особенно хирургія и анатомія, можетъ и должна гордиться. Вліяніе его отразилось на нихъ несомнѣнно, и, однако, невольно бросается въ глаза, что вліяніе это сказалось съ большимъ опозданіемъ, что Пироговской школы, подобной тѣмъ, которыя формируются за границей вокругъ каждаго сколько-нибудь замѣтнаго ученаго, не образовалось, что, уходя, напр., изъ Академіи, онъ не оставилъ себѣ достойныхъ преемниковъ. Ясно, что условія русской жизни должны были заключать нѣчто, мѣшавшее созданію научныхъ школъ, мѣшавшее научному движенію. Не только въ университетѣ, но и въ другихъ сферахъ дѣятельности приходится констатировать тоже, и, напр., говоря по поводу военно-медицинской дѣятельности Пирогова, Бобровъ [1]) совершенно основательно приводитъ слова Генрици „Пироговъ не вышелъ тѣмъ колоссомъ геніальности, ума и самоотверженія передъ правительствомъ и народомъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ, единственно потому, что онъ не имѣлъ сочувствія и поддержки со стороны военно-медицинской администраціи“.—Такого сочувствія не было или было недостаточно и въ другихъ мѣстахъ, а потому дѣятельность Пирогова, какъ и другихъ наиболѣе выдающихся людей нашихъ,

[1]) Бобровъ—ibidem, стр. 36 и 7.

не находя отклика и поддержки, не оказывалась плодотворной въ той мѣрѣ, въ какой могла и должна была быть. И изъ профессоровъ мед. хир. Академіи (1855 г.) Пироговъ тоже ушелъ вслѣдствіе нравственнаго утомленія, постоянныхъ столкновеній и препятствій даже со стороны товарищей профессоровъ, вслѣдствіе административныхъ порядковъ, съ которыми онъ не могъ помириться. Такъ, по меньшей мѣрѣ, свидѣтельствуетъ въ своемъ историческомъ очеркѣ каѳедры нормальной анатоміи при военно-медицинской академіи профессоръ и директоръ ея Таренецкій.

Изъ другихъ спеціальностей упомянемъ еще акушерство, для насажденія котораго потрудились особенно Амбодикъ въ Петербургѣ и Рихтеръ въ Москвѣ, оставившіе, кромѣ спеціальныхъ работъ, и хорошія по тому времени руководства; и офтальмологію, особая каѳедра которой была учреждена въ петербургской академіи въ 1818 году. Отдѣльныхъ каѳедръ кожныхъ и дѣтскихъ болѣзней не было; то же слѣдуетъ сказать и о психіатріи, которая преподавалась лишь теоретически судебными медиками, фармакологами и т. п., и, наконецъ, о невропатологіи, создавшейся значительно позже. Судебная медицина тоже начинаетъ развиваться у насъ лишь съ 60-хъ годовъ съ введеніемъ гласнаго суда. Въ нѣсколько лучшемъ положеніи была фармація. Аптечное дѣло зарождается въ Россіи уже со временъ Іоанна Грознаго. Въ 1798 г. создается россійская фармакопея, а въ началѣ XIX вѣка основываются фармацевтическія общества въ Ригѣ и Петербургѣ, фармацевтическій журналъ и т. д. Лабораторіи фармаціи въ университетахъ въ первое время соединялись съ химическими. Изъ нихъ вышло нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій, каковы, напр., уже упомянутое открытіе Кирхгофа, работы Нелюбина и др. Это, конечно, потому, что потребность въ насажденіи аптечнаго дѣла была сознано раньше и что къ удовлетворенію ея были приложены извѣстныя заботы.

V.

Нашъ краткій очеркъ имѣлъ въ виду освѣтить лишь главнѣйшія основныя черты въ развитіи русской науки, но, какъ бы подробно мы ни разрабатывали исторію ея за первую половину XIX в., выводы все же будутъ далеко не утѣшительны. Мало было научныхъ учрежденій, мало вообще ученыхъ, а о выдающихся и говорить нечего. Во всей огромной области біологіи мы встрѣтили только одно имя, которое навѣки сохранится въ исторіи науки—полунѣмца Бэра; во всей медицинѣ—одного Пирогова, да и оба они, а въ особенности Пироговъ, значительной частью своей дѣятельности принадлежитъ третьей четверти вѣка. Первую же половину его нельзя не признать въ разсматриваемомъ отношеніи обширной пустыней съ рѣдкими, небольшими оазисами, вокругъ отдѣльныхъ болѣе энергичныхъ и живыхъ науч-

ныхъ работниковъ.—Говорили мы исключительно объ академіи наукъ и университетахъ потому, что нѣкоторыя специальныя высшія учебныя заведенія по существу могутъ быть приравнены къ университетамъ, а другихъ очаговъ науки, строго говоря, не существовало.

Не было далѣе дѣятельной связи между различными университетами и между высшей школой и окружающимъ обществомъ. Тѣ средства научнаго общенія, которыя теперь такъ широко развиты и роль которыхъ въ научномъ движеніи столь велика, или совсѣмъ отсутствовали или находились въ зародышѣ. Такъ, научныхъ съѣздовъ не было вовсе. Ученыхъ обществъ было крайне мало. Изъ занимавшихся разработкой естественно - историческихъ вопросовъ можно указать на Московское общество испытателей природы, основанное въ 1805 году, на Минералогическое общество (1817 г.) и на Русское географическое (1845 г.). Наиболѣе старое изъ научныхъ обществъ, Вольно-Экономическое, основанное еще въ 1765 году, имѣетъ сюда лишь косвенное отношеніе, поскольку оно занимается научными сельско-хозяйственными и техническими вопросами. Медицинскихъ обществъ за 50 лѣтъ во всей Россіи было основано лишь шесть: физико - медицинское при московскомъ университетѣ (1804 г.), Виленское (1805 г.), Варшавское (1821 г.), О-во русскихъ врачей въ Петербургѣ (1833 г.), О-во кіевскихъ врачей (1840 г.) и О-во одесскихъ врачей (1849 г.).

Жизнь этихъ немногихъ обществъ не отличалась интенсивностью. Далеко не всѣ даже издавали свои труды, и труды эти не представляли большого интереса. Такъ, напр., Медицинскія о-ва, кіевское и виленское, за этотъ періодъ трудовъ не печатали, варшавское стало выпускать ихъ лишь съ 1837 года. Минералогическое о-во съ самаго начала поставило себѣ задачей заниматься „минералогіей во всемъ пространствѣ этого слова“, а между тѣмъ за первыя 25—30 лѣтъ его существованія не было сдѣлано его членами никакихъ сколько-нибудь значительныхъ изслѣдованій, и даже компилятивныхъ работъ напечатано имъ мало и т. д. Да и не могло быть иначе, разъ не было достаточнаго количества научныхъ работниковъ, мало производилось изслѣдованій, мало проявлялось интереса со стороны.

Не въ лучшемъ положеніи была и научная печать. Если и сейчасъ число печатающихся у насъ отдѣльныхъ произведеній и періодическихъ изданій очень мало по сравненію съ Западной Европой, если и сейчасъ многія спеціальности не имѣютъ еще своихъ особыхъ органовъ, то тогда ихъ было еще меньше.—Бѣдна была и научно-популярная литература какъ оригинальная, такъ и переводная, что указываетъ на слабый интересъ къ наукѣ и со стороны болѣе широкихъ слоевъ общества.

Общее число научныхъ изданій, считая всѣ отрасли знанія, равнялось въ 1800 году всего пяти [1]). Къ 1825 году оно возрастаетъ до 20, къ

[1]) Таблица Лисовскаго у Брокгауза, полут. 54, стр. 416.

50-му году до 55, а къ концу шестидесятыхъ достигаетъ уже 150. И здѣсь опять передъ нами тоже явленіе, на которое мы уже не разъ наталкивались въ настоящемъ очеркѣ,—а именно совпаденіе оживленія и расширенія научной жизни съ эпохой шестидесятыхъ годовъ.

Все это—отсутствіе съѣздовъ, малочисленность обществъ, слабое развитіе научной печати, съ одной стороны, обусловливалось малой энергіей научной жизни, а съ другой—составляло рядъ препятствій къ повышенію этой энергіи. Создавался въ связи съ другими, ранѣе указанными моментами, своего рода заколдованный кругъ, быстрый выходъ изъ котораго могъ быть обусловленъ лишь широкими перемѣнами общаго строя и хода жизни.—Безъ такихъ перемѣнъ возможно было появленіе отдѣльныхъ ученыхъ, но немыслимо сколько-нибудь широкое движеніе, и совпаденіе научнаго расцвѣта третьей четверти вѣка съ эпохой великихъ реформъ не является случайнымъ. Между тѣмъ и другой имѣется несомнѣнно и причинная связь, при чемъ, конечно, въ корнѣ всѣхъ совершившихся перемѣнъ лежатъ болѣе глубокія причины, заключающіяся въ характерѣ и ходѣ всей соціальной жизни, съ которыми читатели настоящаго изданія знакомы уже по ряду спеціальныхъ статей.

Мы попутно сдѣлали рядъ указаній на причины, обусловившія такое печальное состояніе русской науки въ первой половинѣ XIX столѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ очерка хода научнаго движенія можно было отчасти видѣть, какъ эти причины постепенно устранялись и создавалась болѣе благопріятная обстановка.

Послѣ Петра Великаго и особенно съ начала XVIII вѣка постепенно расширяются потребности и запросы. Усложняющаяся государственная жизнь требуетъ для правильнаго функціонированія государственнаго механизма обширныхъ кадровъ лицъ съ спеціальной научной подготовкой. Увеличеніе народонаселенія, потребности бюджета, учащающіяся голодовки требуютъ большаго вниманія къ нуждамъ земледѣлія и сельскаго хозяйства. Начинаетъ сознаваться необходимость научной разработки связанныхъ съ послѣднимъ вопросовъ, устраиваются спеціальныя училища, образцовыя фермы, выпускаются изданія по сельскому хозяйству и т. д. Это не только требуетъ извѣстнаго поощренія и ассигнованія средствъ со стороны правительства на научное образованіе и научныя изысканія, но и ведетъ къ возникновенію соотвѣтственныхъ интересовъ въ обществѣ, что еще, конечно, важнѣе. Создаются такимъ образомъ, хотя и медленно, необходимыя для успѣха науки предпосылки.

Еще большій толчокъ въ этомъ направленіи даютъ начинающія развиваться промышленность, въ первое время въ особенности горная, и торговля. Жизнь, благодаря болѣе частымъ сношеніямъ съ Европой, особенно торговымъ, теряетъ свой патріархальный, примитивный характеръ, кустарные промыслы начинаютъ уступать мѣсто фабрикамъ, и сообразно съ этимъ уже при Алек-

сандрѣ I учреждаются преміи и награды за практическую дѣятельность въ смыслѣ усовершенствованія дѣла промышленности и торговли, учреждаются горный и технологическій институты и строительное училище, основываются періодическія изданія, какъ „Горный Журналъ“ и т. п. Все это не только благопріятствуетъ развитію прикладныхъ знаній, но неизбѣжно отражается и на чистой наукѣ, создавая запросы къ ней и повышая интересы.

Значенія указанныхъ моментовъ, вліянія практическихъ запросовъ, значенія сочувствія, матеріальнаго и моральнаго содѣйствія наукѣ и ученымъ со стороны правительства и общества никоимъ образомъ преуменьшать не слѣдуетъ. Уже одно то обстоятельство, что раньше и шире всего у насъ въ наукѣ развилось то направленіе, которое, ведя къ изученію и описанію русской природы, въ особенности примѣнительно къ использованію ея рессурсовъ, пользовалось покровительствомъ и содѣйствіемъ, опредѣленно говоритъ въ этомъ смыслѣ. И то, что у насъ эти потребности не своевременно сознавались, далеко не въ полной мѣрѣ оцѣнивались, и что удовлетвореніе ихъ сплошь и рядомъ подчинялось и приносилось въ жертву различнымъ политическимъ соображеніямъ, являлось и продолжаетъ являться серьезнымъ тормазомъ для насажденія и развитія науки. Какъ и почему направляютъ свою дѣятельность геніальные ученые, создатели эпохъ и направленій въ наукѣ, чѣмъ опредѣляется ихъ интересъ къ извѣстному вопросу или области знанія предпочтительно передъ другими, часто бываетъ совершенно невозможно опредѣлить, и мы должны ограничиться въ подобныхъ случаяхъ лишь констатированіемъ наличности извѣстнаго призванія, опредѣленнаго внутренняго стремленія въ данную сторону. Но у среднихъ научныхъ работниковъ, у тѣхъ, которые создаютъ массовую научную работу, это призваніе обычно направляется въ сторону господствующихъ запросовъ, по линіи наименьшаго сопротивленія; для нихъ мотивація одними внутренними стремленіями едва ли достаточна, и значительная роль должна быть приписана внѣшнимъ условіямъ, интересу окружающихъ, поддержкѣ и содѣйствію съ ихъ стороны и другимъ подобнымъ моментамъ, на важность которыхъ вполнѣ основательно указываетъ Петражицкій въ своемъ обширномъ трудѣ „Университетъ и Наука“. (Онъ даже предлагаетъ спеціальную мотиваціонную систему (т. II, стр. 531 и слѣд.) для подъема науки и университетовъ у насъ въ Россіи.)

Такія условія создаются и нарастаютъ у насъ постепенно въ теченіе всей первой половины вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается число и улучшается обстановка очаговъ науки, растетъ число лицъ, обладающихъ болѣе или менѣе достаточной подготовкой для самостоятельной работы.

Такимъ образомъ, къ началу второй половины вѣка мы видимъ у насъ значительную обстановку и другія условія, нежели въ концѣ XVIII столѣтія. Почва до извѣстной степени подготовлена, люди и ма-

теріалы, хотя и въ небольшомъ сравнительно числѣ, но все-таки имѣются. Движеніе въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ, напр., въ изслѣдованіи русской природы, въ химіи, въ медицинѣ, хотя и въ слабыхъ размѣрахъ, но началось уже. И когда послѣ Крымской войны наступаетъ общее оживленіе жизни, повышеніе общественной энергіи и самодѣятельности, то это сейчасъ же сказывается и на наукѣ, которая начинаетъ быстро и широко развиваться. На ряду съ дѣятелями на поприщѣ общественной и политической жизни, одинъ за другимъ выдвигаются крупные ученые, изслѣдованія и работы которыхъ представляютъ широкое значеніе и интересъ, двигая впередъ общечеловѣческую науку; создаются ученыя общества и журналы, устраиваются съѣзды и т. д. Благодаря широтѣ и важности вопросовъ, поставленныхъ и разрѣшаемыхъ естествознаніемъ, растетъ замѣтно интересъ къ естественнымъ наукамъ и со стороны тѣхъ, кто, казалось бы, далеко стоитъ отъ нихъ,—вспомнимъ хотя бы Писарева. Русская наука пріобрѣтаетъ соотвѣтствующее ей положеніе у себя дома и входитъ равноправнымъ, хотя и младшимъ, членомъ въ Европейскую семью.

В. Математика.

(В. Ф. Кагана.)

Возникновеніе въ Россіи систематической научной работы неразрывно связано съ учрежденіемъ Академіи Наукъ [1]). Если, по мысли Петра, въ молодую Академію должны были быть привлечены исключительно выдающіеся ученые, которые „совершенно и основательно дѣло свое разумѣютъ“, то математикѣ въ этомъ отношеніи особенно посчастливилось. Математикомъ былъ первый приглашенный въ Академію І. Германъ, „professor primarius“, какъ его называли, а вслѣдъ за нимъ въ составъ Академіи, отчасти по случайно благопріятной для математики комбинаціи, вошли люди, которые составили бы украшеніе любой изъ европейскихъ академій, какъ, напримѣръ, братья Николай и Даніилъ Бернулли, вошелъ и одинъ изъ великихъ творцовъ современнаго анализа Леонардъ Эйлеръ, дѣятельность котораго въ Петербургѣ именно и развернулась.

Германъ не принадлежалъ къ числу корифеевъ науки, но это былъ человѣкъ, занимавшій уже профессорскую каѳедру въ Падуѣ и во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ Лейбница, обладавшій широкимъ образованіемъ и несомнѣнно выдающимся дарованіемъ. Первые томы „Комментаріевъ Академіи“ (Commentarii Academiae Petropolitanae) содержатъ цѣлый рядъ его работъ, кромѣ которыхъ имъ было написано и руководство по математикѣ, предназначавшееся для императора Петра II

[1]) См. статью *П. Н. Бороздина* „Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка“.

„Abrégé des mathématiques pour l'usage de sa Majesté Imperiale de toutes les Russies. T. I contenant l'Arithmétique, la Géométrie e la Trigonométrie, далѣе T. III, contenant la Fortification et l'Architecture civile". Это сочиненіе было переведено на русскій языкъ академическимъ переводчикомъ Иваномъ Гарлицкимъ. Во всякомъ случаѣ, въ теченіе своего сравнительно непродолжительнаго пребыванія въ Россіи онъ честно исполнилъ по отношенію къ ней свои обязательства; но возникшія вскорѣ въ Академіи распри и тяжелая атмосфера, созданная ея руководителями, заставили его покинуть Петербургъ въ началѣ 1731 года.

Хотя братья Бернулли составляли уже младшее поколѣніе въ этой выдающейся семьѣ, младшее и по силѣ дарованія, но Даніилъ долженъ быть отнесенъ все же къ числу первоклассныхъ математиковъ и физиковъ XVIII столѣтія. Его „Гидродинамика" представляетъ собой врядъ ли не лучшій трактатъ по этому предмету въ XVIII столѣтіи. Въ русскую Академію онъ былъ приглашенъ въ качествѣ физіолога, и судьба улыбнулась, такимъ образомъ, русской математической каѳедрѣ лишній разъ. Въ Петербургѣ братья Бернулли оставались дольше Германа, но все-таки покинули его въ 1733 году. По отношенію къ нашей Академіи наибольшей, быть можетъ, заслугой братьевъ Бернулли было то, что они привлекли въ Академію Леонарда Эйлера. Но, повторяемъ, и тутъ математикѣ благопріятствовалъ случай, ибо Эйлеръ былъ приглашенъ собственно на каѳедру медицины, которой онъ усердно занялся, получивъ приглашеніе отъ Бернулли. „Молодые Бернулли, — писалъ Эйлеръ, — твердо обѣщали мнѣ, по прибытіи въ Петербургъ, похлопотать о пристойномъ для меня мѣстѣ, что скоро и случилось съ тѣмъ, чтобы я свои математическія познанія примѣнялъ къ медицинѣ". И дѣйствительно, каѳедру математики Эйлеръ занялъ лишь по отъѣздѣ Даніила Бернулли.

Здѣсь не мѣсто излагать подробно ученыя заслуги Эйлера; скажемъ только, что то было время, когда великія идеи Ньютона и Лейбница еще сравнительно недавно были опубликованы и современный высшій математическій анализъ еще только создавался. Мощные методы, которые эти идеи съ собой принесли, находили себѣ примѣненіе во всѣхъ отрасляхъ точнаго знанія, и это примѣненіе шло рука объ руку съ развитіемъ самаго анализа, часто указуя пути, по которымъ должно было развернуться новое исчисленіе. То была единственная, быть можетъ, по своей интенсивности эпоха математическаго творчества, и Эйлеръ былъ однимъ изъ немногихъ по своей продуктивности творцовъ. Его „Введеніе въ анализъ безконечно малыхъ", „Основанія диференціальнаго исчисленія" и „Основанія интегральнаго исчисленія" [1]) были первыми трактатами, въ которыхъ уже обширный, но разрозненный матері-

[1]) „Introductio in analysin infinitorum" (1748), „Institutiones calculi differentialis" (1755), „Institutiones calculi integralis" (1768—1770).

алъ новаго анализа былъ объединенъ въ цѣльную науку; въ нихъ былъ выработанъ тотъ твердый скелетъ современнаго высшаго анализа, который, мѣняя и улучшая свой покровъ, сохранился и по настоящее время. Но независимо отъ этого врядъ ли можно найти какую-либо отрасль чистой и прикладной математики, въ которой Эйлеръ не сдѣлалъ бы глубокихъ открытій, не рѣшилъ бы тѣхъ или иныхъ основныхъ задачъ.

Эйлеръ пробылъ въ Петербургѣ около 15 лѣтъ; пріѣхавъ сюда еще мало кому извѣстнымъ молодымъ человѣкомъ, онъ оставилъ русскую службу, когда европейскія академіи, соперничая другъ съ другомъ, предлагали ему свои каѳедры. „Въ Комментаріяхъ“ Академіи за эти годы напечатаны многіе его мемуары; кромѣ того, онъ выпустилъ во время пребыванія въ Петербургѣ свою „Механику“. Но этимъ не ограничилась его дѣятельность въ Петербургѣ. Онъ участвовалъ въ экзаменахъ въ академической гимназіи, въ кадетскомъ корпусѣ. Онъ написалъ руководство по ариѳметикѣ по-нѣмецки, которое затѣмъ было переведено на русскій языкъ его ученикомъ Адодуровымъ, онъ писалъ популярныя статьи для „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, онъ принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи о мѣрахъ и вѣсахъ и помогалъ астроному Делилю въ его трудахъ по русской картографіи; вслѣдствіе большого напряженія при этой работѣ онъ потерялъ даже правый глазъ. Переѣхавъ въ Берлинъ, Эйлеръ не прекратилъ связей съ Россіей. Онъ присылалъ работы для „Комментаріевъ“, предлагалъ задачи на премія, опубликованныя отъ имени русской Академіи, обучалъ и даже воспитывалъ у себя молодыхъ людей, которыхъ посылали къ нему въ Берлинъ. Возвратившись въ Петербургъ по приглашенію императрицы Екатерины II въ 1766 году, Эйлеръ здѣсь опубликовалъ свои „Основанія интегральнаго исчисленія“ и „Алгебру“, которая появилась въ русскомъ переводѣ его учениковъ, студентовъ Иноходцева и Юдина, раньше, чѣмъ въ оригиналѣ.

Таковы были люди, которымъ было ввѣрено насажденіе въ Россіи математики. Но, конечно, эту свою задачу имъ было труднѣе всего выполнить. Они прославили молодую Академію, они завоевали почетное мѣсто ея „Комментаріямъ“; но когда Татищевъ говорилъ: „напрасно ищете сѣмянъ, когда земли, на которую сѣять, не приготовлено“, то онъ былъ, конечно, въ значительной мѣрѣ правъ. Высшее учебное заведеніе, которое было связано съ Академіей и преподаваніе въ которомъ составляло одну изъ обязанностей приглашенныхъ академиковъ, пустовало въ такой мѣрѣ, что нѣкоторые профессора не имѣли слушателей въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Ясно, что насадить при такихъ условіяхъ математику было еще трудно. И тѣмъ не менѣе, первые русскіе математики были учениками Эйлера.

Трудно, конечно, сказать, кого слѣдуетъ признать первыми русскими математиками; но если разумѣть подъ этимъ людей, свободно владѣвшихъ современнымъ математическимъ анализомъ и писавшихъ по этому предмету, то этими пер-

венцами русской математики были, повидимому, С. К. Котельниковъ и С. Я. Румовскій. Съ 1550 года Эйлеру отъ времени до времени посылали на заключеніе работы выдающихся русскихъ студентовъ. На основаніи одной изъ такихъ работъ онъ предложилъ прислать къ нему для обученія молодого Котельникова, который въ качествѣ адъюнкта Академіи и былъ къ нему командированъ въ 1752 году; въ виду же успѣховъ послѣдняго Академія прислала въ 1754 году еще Софронова и Румовскаго. Первый былъ вскорѣ отосланъ Эйлеромъ обратно, а Котельниковымъ и Румовскимъ Эйлеръ былъ вполнѣ доволенъ. Въ 1753 году Эйлеръ послалъ даже работу Котельникова для напечатанія въ „Комментаріяхъ". Когда же Эйлера запросили о кандидатѣ на каѳедру механики для русской Академіи, то онъ писалъ, что считаетъ Котельникова гораздо болѣе подходящимъ кандидатомъ, чѣмъ тѣхъ мало даровитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, о которыхъ его запрашивали. И дѣйствительно, по возвращеніи Котельникова въ Россію, онъ скоро былъ приглашенъ въ Академію. До уровня самостоятельнаго творчества онъ, однако, не возвысился, хотя и написалъ нѣчто вродѣ основного курса математики, но ограничился первымъ томомъ: „Первыхъ основаній маѳиматическихъ наукъ часть I, содержащая въ себѣ ариѳметику, въ пользу учащагося въ Морскомъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ благороднаго юношества". Хотя книга эта, такимъ образомъ, должна была служить лишь учебникомъ для юношества, но она написана съ тенденціей научно систематизировать матеріалъ и несетъ на себѣ явный отпечатокъ вліянія Евклида. По образцу Евклидовыхъ началъ она начинаетъ съ опредѣленій, за которыми слѣдуютъ „понятія общія, которыя предварительно знать должно" и предложенія съ ихъ доказательствами. Любопытно, что „аксіомы или истинны" появляются лишь въ 58 параграфѣ. При всемъ томъ нужно сказать, что дедукція здѣсь врядъ ли слабѣе, чѣмъ въ большинствѣ европейскихъ сочиненій того же рода и той же эпохи. Что касается матеріала, включеннаго въ эту „ариѳметику", то онъ исчерпывается тѣмъ, что обыкновенно у насъ включаютъ въ начальные учебники, а охватываетъ еще ученіе о степеняхъ и корняхъ, о прогрессіяхъ, рядахъ и логариѳмахъ. Кромѣ того, Котельниковъ написалъ еще обстоятельный учебникъ геодезіи: „Молодой геодетъ или первыя основанія геодезіи, содержащія все геодетское знаніе". Врядъ ли можно требовать большаго отъ перваго ученаго, выросшаго въ странѣ, въ которой еще не было научной среды.

Что касается Румовскаго, то онъ посвятилъ себя астрономіи. Занимая въ теченіе 30 лѣтъ въ Академіи каѳедру астрономіи, онъ проявилъ обширную теоретическую и практическую дѣятельность; онъ много содѣйствовалъ установленію русской картографіи, напечатавъ каталогъ значительнаго числа астрономическихъ пунктовъ, организовавъ наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры по диску солнца въ 1769 году. Нѣкоторыя сочиненія Румовскаго были посвящены чистой математи-

кѣ, какъ, напримѣръ, „Сокращенная математика“.

Такимъ образомъ, традиціи Эйлера, къ сожалѣнію, однако, для Россіи еще платоническія, и нѣсколько его учениковъ, получившихъ у него серьезную математическую подготовку, не обогатившихъ, правда, науки, но давшихъ первыя серьезныя русскія сочиненія по математикѣ, научившихся у своего великаго учителя настойчиво трудиться и сумѣвшихъ примѣнить пріобрѣтенныя познанія, — таково было наслѣдіе, которое русская математика получила отъ XVIII столѣтія.

Къ самому концу XVIII столѣтія выдвигаются еще нѣкоторые русскіе математики, такъ же, какъ и ихъ предшественники, не сдѣлавшіе еще серьезныхъ вкладовъ въ науку, но основательно изучившіе высшую математику, преподававшіе ее въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ и опубликовавшіе рядъ сочиненій, которыя содѣйствовали распространенію математическихъ знаній. Сюда относится въ первую очередь Василій Ивановичъ Висковатовъ. По окончаніи кадетскаго корпуса онъ былъ оставленъ при корпусѣ для преподаванія математики; двадцати лѣтъ (1799) онъ былъ избранъ корреспондентомъ, а въ 1804 году адъюнктомъ Академіи наукъ; позднѣе онъ получилъ званіе экстра-ординарнаго академика. При учрежденіи института путей сообщенія онъ былъ назначенъ профессоромъ, но въ 1812 году неожиданно скончался на 34 году отъ роду. Висковатовъ опубликовалъ нѣсколько мемуаровъ въ изданіяхъ Академіи, а также руководство по элементарной алгебрѣ. Онъ перевелъ и издалъ „Основаніе механики“ Боссю и выпустилъ новое изданіе алгебры Эйлера. Несмотря на свою преждевременную смерть Висковатовъ имѣлъ уже многихъ учениковъ, которые съ большой похвалой отзывались о его преподаваніи.

Современникомъ Висковатова былъ Семенъ Емельяновичъ Гурьевъ, избранный въ Академію въ 1800 году. Этотъ математикъ дѣлаетъ уже смѣлую попытку улучшать Евклида. Въ 1798 году онъ выпустилъ сочиненіе „Опытъ о усовершеніи элементовъ геометріи, составляющій первую книгу математическихъ трудовъ академика Гурьева“. Авторъ пріобщается здѣсь къ тому обширному классу геометровъ, которыхъ не удовлетворяютъ разсужденія Евклида. Онъ пишетъ, что „всегда представлялъ себѣ огромное зданіе непрестанно возвышающееся на слабыхъ основаніяхъ, всегда сокрушался о преклонности къ паденію сей чрезвычайной громады полезнѣйшихъ роду человѣческому знаній“. Книга его немного, конечно, вноситъ въ обширную библіотеку изданій Евклида, исправленныхъ, дополненныхъ и переработанныхъ, но она свидѣтельствуетъ о глубокой вдумчивости и умѣніи разбираться въ весьма отвлеченныхъ вопросахъ. Эпоха, когда писалъ Гурьевъ, уже существенно отличалась отъ времени первыхъ дѣятелей русской Академіи. Въ важнѣйшихъ своихъ чертахъ къ этому времени новый анализъ уже сложился. и на ряду съ стремленіемъ закончить многія изъ поставленныхъ задачъ, развить и усовершенствовать методы исчисленія без-

конечно малыхъ, начинаетъ проявляться стремленіе къ болѣе глубокому контролю математическихъ разсужденій, къ болѣе тонкому анализу математическихъ доказательствъ. Изучая европейскихъ авторовъ, Гурьевъ уловилъ уже эту сторону дѣла. „Неосновательно тѣ думаютъ,—пишетъ онъ,—которые утверждаютъ, что строгость и совершенная математическая точность затрудняютъ и умъ обременяютъ". Ссылаясь на авторитетъ Д'Аламбера, онъ указываетъ, что „въ вопросѣ: какое изъ двухъ качествъ въ елементахъ наукъ должно быть предпочтено, или удобность или строгость точная? предполагается понятіе о семъ ложное, предполагается, будто точная строгость можетъ быть безъ удобности, что совсѣмъ напротивъ: чѣмъ выводъ строжае, тѣмъ онъ къ разумѣнію удобнѣе, ибо строгость состоитъ въ приведеніи всей цѣлости къ началамъ наипростѣйшимъ". Объ этомъ различіи воззрѣній намъ придется говорить еще ниже. Въ началѣ XIX столѣтія была составлена особая комиссія для составленія „Морского курса", т.-е. ряда учебниковъ для учащихся въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Первый томъ этого изданія былъ написанъ Висковатовымъ, а второй подъ заглавіемъ „Науки изчисленія книга первая содержащая Основанія Ариѳметики" принадлежалъ Гурьеву. Но и это сочиненіе не представляетъ собой только зауряднаго учебника, а носитъ на себѣ печать самостоятельной мысли и стремленіе систематизировать и научно разработать матеріалъ.

Одновременно стали появляться образованные математики и въ провинціи. Мы назовемъ только Т. Ѳ. Осиповскаго, прибывшаго въ Петербургъ изъ Владиміра. Онъ долгое время преподавалъ въ учительской гимназіи (открытой въ 1783 году и переименованной въ педагогическій институтъ въ 1804 г.) и здѣсь пріобрѣлъ такую извѣстность, что при открытіи харьковскаго университета въ 1805 году ему была поручена организація всего дѣла преподаванія. При содѣйствіи адъюнкта архитектуры Е. В. Васильева онъ долгое время велъ преподаваніе всей математики. Онъ издалъ „Курсъ математики" въ четырехъ томахъ, изъ которыхъ три первые содержатъ элементарную математику, а четвертый „аналитику или ѳеорію функцій". Это было первое русское полное руководство по математикѣ, не уступающее многимъ хорошимъ иностраннымъ сочиненіямъ того времени. Большинство русскихъ математиковъ, занявшихъ въ первой половинѣ XIX столѣтія каѳедры математики въ русскихъ университетахъ, учились по этому руководству. Въ вышедшей недавно брошюрѣ проф. Д. М. Синцова „Каѳедры математики чистой и прикладной въ Харьковскомъ университетѣ" приведены выработанныя Осиповскимъ программы преподаванія; онѣ обнаруживаютъ серьезнаго знатока своего дѣла. Съ 1813—1820 гг. Осиповскій былъ ректоромъ харьковскаго университета, но затѣмъ вслѣдствіе разногласій съ попечителемъ вынужденъ былъ вовсе оставить университетъ. Самостоятельныя работы Осиповскаго также стоятъ уже на болѣе значительной

высотѣ; по крайней мѣрѣ, его „Изслѣдованіе свѣтлыхъ явленій, видимыхъ иногда на небѣ въ опредѣленномъ положеніи въ разсужденіи солнца и луны“, по словамъ спеціалистовъ, значительно опередили другія работы по метеорологической оптикѣ.

Такъ медленно пріобщалась Россія къ сокровищницѣ точнаго знанія. Первые русскіе ея представители овладѣли европейской наукой, создали рядъ руководствъ, перевели иностранныя, знакомили съ математикой своихъ учениковъ. Эти книги находили своихъ читателей, которые усваивали и продолжали дѣло своихъ учителей. Въ 1819 году появился уже на русскомъ языкѣ Евклидъ: „Эвклидовыхъ началъ восемь книгъ“, переводъ съ греческаго Ѳ. Петрушевскаго съ его примѣчаніями, Петрушевскимъ же изданы вслѣдъ за тѣмъ переводы Архимеда: „Двѣ книги о шарѣ и цилиндрѣ, измѣреніе круга и леммы“ и „Псаммитъ или исчисленіе песку въ пространствѣ, равномъ шару неподвижныхъ звѣздъ“. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ появляется „Ручная математическая энциклопедія“ въ шести небольшихъ томикахъ, составленная Перевощиковымъ и изданная Ширяевымъ. Она содержитъ въ себѣ ариѳметику, геометрію, алгебру, приложеніе алгебры къ геометріи, диференціальное и интегральное исчисленія и высшую (собственно говоря, диференціальную) геометрію. Эта энциклопедія получила широкое распространеніе и оказала значительное вліяніе на развитіе у насъ математическихъ знаній. Мы встрѣчали еще не старыхъ профессоровъ математики, которые учились по этимъ книгамъ. На это подготовленіе математической среды, которая могла бы выдѣлить изъ себя творческія силы, ушла первая четверть XIX вѣка. Открытые въ началѣ столѣтія новые университеты въ Казани и въ Харьковѣ, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, въ которыхъ имъ приходилось въ ту пору дѣйствовать, и прямо и косвенно оказывали свое вліяніе. О профессорѣ Осиповскомъ, наладившемъ преподаваніе математики въ Харьковѣ, мы уже говорили; о казанскомъ университетѣ рѣчь будетъ еще впереди.

II.

Въ началѣ второй четверти XIX столѣтія къ Россіи появляются уже ученые, занявшіе почетное мѣсто въ европейской наукѣ. Если мы назвали Котельникова и Румовскаго первенцами русской математики, то первенцами русскаго математическаго творчества, того творчества, которое оставляетъ глубокій слѣдъ въ наукѣ, были Викторъ Яковлевичъ Буняковскій, Михаилъ Васильевичъ Остроградскій и Николай Ивановичъ Лобачевскій. Само собою разумѣется, что при изложенныхъ здѣсь условіяхъ возникновенія и развитія въ Россіи математическаго творчества еще не можетъ быть рѣчи о послѣдовательномъ развитіи въ первую половину XIX столѣтія какихъ-либо преемственныхъ идей о томъ, что можно было бы назвать школой. Появляются лишь

отдѣльныя личности съ ясно выраженнымъ выдающимся математическимъ дарованіемъ, но различные по складу ума, по своимъ интересамъ, по предметамъ занятій.

Въ обществѣ, стоящемъ далеко отъ математики, эта малодоступная, даже таинственная наука рисуется всегда какъ одно цѣлое; какъ одно цѣлое рисуется обыкновенно и коллегія ея представителей. Думаютъ, что въ этой области точнаго знанія не можетъ быть существеннаго различія мнѣній, не можетъ быть разногласій. Многіе представляютъ себѣ даже, что въ этой области человѣческаго знанія всѣ вопросы давно рѣшены и математикѣ нечего ждать отъ будущаго. Это глубокое заблужденіе. Здѣсъ, какъ и во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, царятъ различныя воззрѣнія, нерѣдко доходящія до полнаго взаимнаго отрицанія. Это различіе взглядовъ сказывается, во-первыхъ, въ выборѣ вопросовъ, заслуживающихъ вниманія въ математикѣ; далѣе, въ методахъ изслѣдованія и, наконецъ, въ опредѣленіи той стадіи, въ которой вопросъ можно считать рѣшеннымъ.

Передъ нами три крупныхъ математика. Если мы отнесемъ дѣятельность П. Л. Чебышева, который былъ значительно моложе ихъ, ко второй половинѣ столѣтія, то это были, несомнѣнно, лучшіе представители математической мысли въ Россіи за первую его половину. Но эти люди различны не только по силѣ и характеру своего дарованія, но и по своимъ научнымъ воззрѣніямъ, по складу ума, по характеру своего творчества. Мы постараемся выяснить это, насколько возможно сдѣлать это для читателя, не обладающаго спеціальнымъ образованіемъ.

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій родился въ 1801 году; онъ былъ сыномъ помѣщика полтавской губерніи, который предназначалъ сына для военной службы. Для предварительнаго образованія мальчика опредѣлили на девятомъ году отъ роду въ полтавскую гимназію; но изъ третьяго класса отецъ уже взялъ его оттуда, тѣмъ болѣе, что мальчикъ не обнаруживалъ большого прилеженія. Въ 1816 году молодой Остроградскій долженъ былъ уже поступить на военную службу, что вполнѣ совпадало съ его собственнымъ желаніемъ. Но по совѣту одного изъ родственниковъ отецъ склонился къ тому, чтобы опредѣлить его въ харьковскій университетъ, въ который онъ и вступилъ въ 1817 году на физико-математическое отдѣленіе. Съ новымъ и нѣсколько неожиданнымъ своимъ положеніемъ Остроградскій освоился не сразу и въ первый годъ учился довольно вяло. Любопытно, что интересъ къ математикѣ вызвали въ немъ не университетскіе профессора, а скромный учитель гимназіи, нѣкто Павловскій, у котораго онъ поселился въ концѣ второго учебнаго года. Съ этого времени Остроградскій начинаетъ работать съ лихорадочнымъ увлеченіемъ и скоро обращаетъ на себя особое вниманіе профессоровъ, въ частности Осиповскаго. Въ 1820 г. онъ съ отличіемъ оканчиваетъ университетъ и получаетъ такъ называемый „студентскій аттестатъ". Осиповскій считалъ справедли-

вымъ произвести Остроградскаго въ кандидаты и сдѣлалъ объ этомъ представленіе въ Совѣтъ университета. Однако, это встрѣтило противодѣйствіе со стороны профессора философіи Дудровича, личнаго врага Осиповскаго. Въ своемъ отзывѣ Дудровичъ ссылался на нарушеніе нѣкоторыхъ формальностей и, между прочимъ, писалъ: „я умалчиваю уже о томъ, что, несмотря на предписаніе начальства, Остроградскій не слушалъ Богопознанія и христіанскаго ученія". Эта своеобразная форма умолчанія имѣла, повидимому, рѣшающее значеніе. Несмотря на благопріятное отношеніе попечителя, дѣло дошло до министра, и Остроградскій не только не былъ произведенъ въ кандидаты, но былъ лишенъ студентскаго аттестата, для полученія котораго Остроградскому было предложено подвергнуться вновь экзамену.

Не легко было Остроградскому проглотить эту обиду. Подвергаться новому экзамену онъ не пожелалъ; но привязанность къ математикѣ успѣла уже пустить глубокіе корни, и онъ убѣдилъ отца отпустить его въ Парижъ поучиться у великихъ французскихъ математиковъ. Въ 1822 году Остроградскій оставилъ Россію.

Викторъ Яковлевичъ Буняковскій былъ моложе Остроградскаго на три года. Онъ родился въ мѣстечкѣ Барѣ, подольской губерніи въ 1804 году. Но первоначальное образованіе свое онъ получилъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ со своимъ сверстникомъ, сыномъ друга своего отца, графа А. П. Тормасова, онъ получилъ домашнее образованіе и вмѣстѣ съ нимъ въ 1820 году отправился за границу. Онъ жилъ нѣкоторое время въ Германіи, затѣмъ въ Лозаннѣ и, наконецъ, отправился въ Парижъ приблизительно въ то же время, какъ туда прибылъ Остроградскій.

Мы сказали уже выше, что вторая половина XVIII столѣтія и начало XIX были эпохой расцвѣта математическаго творчества. Изъ той плеяды геніальныхъ математиковъ этой эпохи, которые обезсмертили французскую науку, наши молодые люди не застали уже только Лагранжа. Коши, Лежандръ, Лапласъ, Фурье, Амперъ, Пуассонъ еще творили и преподавали математику; нѣкоторые изъ нихъ находились въ періодѣ расцвѣта своей дѣятельности. Трудами этихъ людей работа, начатая Эйлеромъ, была въ извѣстной мѣрѣ завершена: если Эйлеръ объединилъ въ цѣльную науку задачи и методы исчисленія безконечно малыхъ, то эти люди, совершенствуя и примѣняя эти методы, создали цѣльныя науки изъ тѣхъ дисциплинъ, въ которыхъ методы анализа безконечно малыхъ нашли себѣ примѣненіе. Сложилась механика, различные отдѣлы математической физики, небесная маханика; въ трудахъ этихъ геніальныхъ геометровъ эти науки вылились въ тѣ формы, въ которыхъ онѣ переданы намъ.

Казалось бы, что среди яркаго блеска этихъ свѣтилъ, имѣвшихъ множество талантливыхъ учениковъ, должны были затеряться молодые пришельцы изъ далекой страны, въ которой просвѣщеніе стояло еще на такомъ низкомъ уровнѣ. Однако, этого не случилось; напротивъ, оба

молодыхъ человѣка обратили на себя вниманіе. Буняковскій уже въ 1825 году былъ удостоенъ Парижскимъ университетомъ (Faculté des sciences) степени доктора математики. Эта степень во Франціи по значенію своему всегда стояла ближе къ нашей докторской степени, нежели въ Германіи, гдѣ она, собственно, соотвѣтствуетъ нашей степени кандидата. Что касается Остроградскаго, то онъ вошелъ съ корифеями французской науки въ самыя тѣсныя, подчасъ дружескія, сношенія. Уже въ 1825 году Коши въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ отзывается объ Остроградскомъ, какъ о чрезвычайно талантливомъ молодомъ человѣкѣ и указываетъ, что онъ далъ новые выводы нѣкоторыхъ его формулъ, относящихся къ интегральному исчисленію. Когда далѣе отецъ Остроградскаго, настойчиво требовавшій его возвращенія на родину, прекратилъ высылку сыну денегъ, то его пристроили въ Парижѣ преподавателемъ математики въ коллегіи Генрика IV; эта честь, сама по себѣ для иностранца не малая, свидѣтельствуетъ о той заботливости, которую проявили къ молодому ученому французскіе математики.

Вскорѣ, однако, молодые люди оба возвратились въ Россію, въ Петербургъ. Нечего и говорить, что теперь, когда талантливые молодые ученые пріѣхали изъ центра, въ которомъ наука, такъ сказать, созидалась, съ блестящими отзывами ея корифеевъ, они были встрѣчены съ распростертыми объятіями. Они не только были приглашены преподавателями различныхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, но вскорѣ были приняты въ Академію сначала въ качествѣ адъюнктовъ, а затѣмъ и академиковъ. Остроградскій повышался по этой лѣстницѣ нѣсколько быстрѣе, что вполнѣ соотвѣтствовало большому дарованію, его отличавшему.

Если первые русскіе математики, о которыхъ была рѣчь выше, были заняты, главнымъ образомъ, вопросами, сущность которыхъ доступна каждому образованному человѣку, то выяснить значеніе спеціальныхъ работъ Остроградскаго и Буняковскаго, не ограничиваясь общими мѣстами, уже гораздо труднѣе.

Характерная черта Остроградскаго, отчасти обусловленная, вѣроятно, характеромъ его дарованія, отчасти заимствованная имъ отъ своихъ великихъ учителей, заключалась въ томъ, что онъ брался всегда за коренные вопросы, не смущаясь ихъ трудностью. Вопросы, наиболѣе интересовавшіе Остроградскаго, относились къ области приложенія математики къ физикѣ, механикѣ и астрономіи. Тѣ вопросы чистой математики, въ которыхъ имъ достигнуты важные результаты (напримѣръ, его работы по варіаціонному исчисленію) также возникаютъ у него какъ бы попутно при изслѣдованіяхъ задачъ механики.

Сущность примѣненія анализа безконечно малыхъ въ механикѣ и къ физикѣ заключается въ томъ, что всякое физическое явленіе удается охарактеризовать особаго рода аналитическими соотношеніями, называемыми диференціальными уравненіями. Въ этихъ диференціальныхъ уравненіяхъ содержатся всѣ свойства явленій: нѣкоторыя изъ

этихъ свойствъ явно выражаются самыми диференціальными уравненіями, другіе, въ томъ числѣ самый ходъ явленія, съ теченіемъ времени вполнѣ опредѣляются, если помимо его диференціальныхъ уравненій извѣстно состояніе явленія въ нѣкоторый опредѣленный моментъ (такъ называемыя начальныя условія). Чтобы имѣть возможность дѣйствительно выразить, предсказать теченіе изучаемаго физическаго явленія, нужно, однако, эти диференціальныя уравненія разрѣшить, какъ говорятъ математики, проинтегрировать. Если бы мы умѣли это интегрированіе всегда выполнить, то не было бы предѣловъ мощи математическаго анализа, не было бы тайны природы, въ которую математикъ не могъ бы проникнуть. Къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ не такъ. Общихъ методовъ для интегрированія диференціальныхъ уравненій еще не только не выработано, но можно сказать, что сдѣланы только первые шаги на этомъ пути, сплошь загроможденномъ почти непреодолимыми преградами. Великіе творцы анализа овладѣли первыми позиціями, но каждый новый шагъ связанъ съ огромными затрудненіями. Тѣмъ важнѣе каждое новое завоеваніе, каждый новый успѣхъ, дающій обыкновенно возможность развить и обобщить методы, которыми мы располагаемъ.

Къ этой именно области относятся важнѣйшія работы Остроградскаго. Нѣкоторые случаи распространенія тепла, распространенія волнообразнаго движенія въ цилиндрѣ и общіе вопросы, касающіеся законовъ движенія упругаго тѣла, составляли предметъ многочисленныхъ изысканій Остроградскаго, въ которыхъ онъ конкурируетъ съ наиболѣе выдающимися математиками, часто опережая, часто улучшая ихъ результаты.

Самый выводъ диференціональныхъ уравненій механики имѣетъ большое значеніе; особенно цѣнны тѣ пріемы, которые даютъ возможность получать эти уравненія разнообразно при различныхъ условіяхъ, при различныхъ заданіяхъ. Одинъ изъ наиболѣе объемлющихъ и изящныхъ принциповъ, служащихъ для этой цѣли, принадлежитъ Гамильтону. Въ мемуарѣ, который можно съ одинаковымъ успѣхомъ отнести какъ къ варіаціонному исчисленію, такъ и къ механикѣ, Остроградскій приходитъ къ тому же принципу совершенно съ другой стороны и даетъ ему такое распространеніе, что нѣкоторые авторы называютъ этотъ принципъ „началомъ Гамильтона или Остроградскаго“.

Мы уже сказали, что къ вопросамъ чистой математики Остроградскій приходилъ обыкновенно отъ прикладныхъ дисциплинъ, однако, и здѣсь онъ умѣлъ всегда сказать новое слово. Методы интегрированія простѣйшихъ (алгебраическихъ) функцій послѣ работъ Эйлера считались вполнѣ установленными, тѣмъ не менѣе, въ эти пріемы Остроградскій внесъ существенныя улучшенія. Серьезный вкладъ внесенъ имъ также въ варіаціонное исчисленіе.

Вліяніе Остроградскаго, какъ профессора и преподавателя, было чрезвычайно велико. Среди лицъ, занявшихъ профессорскія каѳедры въ слѣдующемъ поколѣніи, почти всѣ

были, хотя бы короткое время, его учениками. Остроградскій и Буняковскій были первые русскіе профессора, которые сумѣли поставить преподаваніе математики на высоту европейской науки. „Алгебраическій анализъ“ Остроградскаго сыгралъ въ Россіи, быть можетъ, ту же роль, какъ аналогичныя лекціи Коши во Франціи.

Остроградскій скончался въ 1861 году отъ злокачественной язвы.

По сравненію съ Остроградскимъ дарованія Буняковскаго должны быть признаны гораздо болѣе скромными. Его работы переносятъ насъ въ совершенно иную область математическаго анализа. Если Остроградскаго интересуютъ, главнымъ образомъ, тѣ вопросы, которые находятъ себѣ непосредственное примѣненіе въ прикладныхъ наукахъ, въ вопросахъ, такъ сказать, практически насущныхъ, то Буняковскаго—въ особенности въ первую половину его дѣятельности — интересуютъ вопросы, главнымъ образомъ, чисто теоретическіе.

Большая часть работъ Буняковскаго въ первую половину его дѣятельности относится къ теоріи чиселъ. Эта отрасль математики по характеру своему существенно отличается отъ анализа. Въ то время, какъ анализъ гармонично развивается и отличается естественной послѣдовательностью своихъ законовъ, теорія чиселъ отличается удивительной причудливостью и своеобразностью отдѣльныхъ ея истинъ.

Кому не приходилось разлагать цѣлое число на простые множители? Но лишь немногіе знаютъ, что эта задача намъ доступна только въ простѣйшихъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ небольшими числами, которыя искусственно подобраны въ нашихъ задачникахъ. Если же намъ нужно опредѣлить, есть ли на удачу заданное большое число простое или составное, то мы бываемъ часто предоставлены тѣмъ примитивнымъ пріемамъ, которые предлагалъ еще одинъ изъ праотцевъ современной математики, Эротосѳенъ, за три столѣтія до Р. Х. Если же число содержитъ десятки милліоновъ, то можетъ не хватить человѣческой жизни, чтобы этими средствами опредѣлить, является ли оно простымъ или составнымъ. Задача, которую мы по привычкѣ считаемъ простой, оказывается въ дѣйствительности чрезвычайно сложной. Въ поискахъ за признаками простого числа развилась большая часть той дисциплины, которая посвящена дѣлимости чиселъ и составляетъ основу теоріи чиселъ; глубокіе вопросы, сюда относящіеся, очень трудны.

Къ этой именно области относятся многія работы Буняковскаго; онъ изучаетъ и самъ указываетъ нѣкоторыя любопытныя свойства дѣлителей даннаго числа, но нужно сказать, что трудныхъ основныхъ вопросовъ онъ не касается. Мы нигдѣ не находимъ у него той смѣлой постановки вопросовъ, на которую отважился позже Чебышевъ; напротивъ, онъ ограничивается обыкновенно элементарными задачами и не уходитъ далеко въ ихъ рѣшеніи.

Большинство другихъ работъ Буняковскаго относится къ теоріи вѣроятностей. Онъ написалъ по это-

му предмету обширный трактатъ „Основанія математической теоріи вѣроятностей“. Какъ авторъ указываетъ въ предисловіи, „эта книга есть первое сочиненіе на русскомъ языкѣ, заключающее въ себѣ подробное изложеніе какъ математическихъ началъ теоріи вѣроятностей, такъ и важнѣйшихъ ея приложеній къ жизни общественной, къ естественной философіи, а равно къ наукамъ политическимъ и нравственной“. Въ этомъ, можетъ быть, заключается и слабая сторона сочиненія, такъ какъ авторъ старается обнять циклъ вопросовъ, еще далеко не поддающихся математической обработкѣ. Буняковскій посвятилъ много труда и практическимъ приложеніямъ теоріи вѣроятностей къ русской статистикѣ. На основаніи разработанныхъ имъ матеріаловъ были устроены наши эмеритальныя кассы, а также установлены нормы воинскаго набора.

Нельзя не упомянуть также еще объ одномъ обширномъ трудѣ Буняковскаго—„Лексиконъ чистой и прикладной математики“. Словарь содержитъ переводъ французскихъ терминовъ чистой и прикладной математики на русскій языкъ, причемъ каждый терминъ подробно выясняется. Сочиненіе это имѣло цѣлью не только оріентировать русскаго читателя въ математической литературѣ, но и выработать устойчивую русскую терминологію. Лексиконъ заканчивается, однако, буквою Д; въ бумагахъ Буняковскаго послѣ его смерти была найдена рукопись, содержащая дальнѣйшій матеріалъ.

Вліяніе Буняковскаго, какъ преподавателя, было очень велико; благодаря же мягкому характеру и отзывчивому сердцу, онъ пользовался большими симпатіями. Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется сердечный характеръ, который носило празднованіе его пятидесятилѣтняго докторскаго юбилея, къ которому была даже выбита въ честь его медаль. Ученый получилъ, повидимому, воздаяніе, которое онъ въ значительной степени заслужилъ, какъ человѣкъ и общественный дѣятель.

Буняковскій и Остроградскій были учениками французскихъ математиковъ и остались вѣрными ихъ завѣтамъ въ теченіе всей своей дѣятельности. Мы упоминали уже выше, что въ XIX столѣтіи, почти съ самаго начала его, появляется другое ученіе, возникшее и окрѣпшее, главнымъ образомъ, въ Германіи. При необычайно быстромъ развитіи математическаго анализа въ XVIII столѣтіи, какъ это бываетъ нерѣдко въ эпоху особенно интенсивнаго творчества, количество добытаго матеріала шло въ ущербъ его качеству; многіе изъ полученныхъ результатовъ требовали переоцѣнки, требовали дополнительныхъ условій, при наличности которыхъ они только и могутъ быть признаны справедливыми. Чтобы эту переоцѣнку совершить, было необходимо возвратиться обратно къ самымъ началамъ математики, къ точному обоснованію ея исходныхъ дисциплинъ. Хотя ясно выраженные слѣды этого направленія мы находимъ также у Коши, но нужно сказать, что родиной этого направленія должна быть признана Германія. Идеи, ко-

торыя красной нитью проходятъ въ трудахъ великаго Гаусса,—этого короля математики XIX вѣка,—находятъ себѣ развитіе въ трудахъ Римана и затѣмъ, со времени Вейерштрасса, кладутъ глубокій отпечатокъ, можно сказать, на всѣ почти дальнѣйшія работы по математикѣ.

Остроградскій совершенно не умѣлъ оцѣнить этого теченія; Буняковскій относился къ нему сдержанно; этимъ въ значительной мѣрѣ обусловлено то отрицательное отношеніе, съ которымъ русскіе математики отнеслись къ Лобачевскому. Между тѣмъ, если Буняковскаго нужно признать весьма одареннымъ человѣкомъ, а Остроградскаго выдающимся талантомъ, то на трудахъ Лобачевскаго лежитъ печать генія.

Дѣятельность Лобачевскаго неразрывно связана съ исторіей казанскаго университета. Когда въ 1805 году былъ открытъ этотъ новый разсадникъ просвѣщенія на далекомъ востокѣ, то физико-математическій его факультетъ былъ обставленъ особенно хорошо. На каѳедру чистой математики былъ приглашенъ Бартельсъ, товарищъ Гаусса, сохранившій съ нимъ дружескія сношенія въ теченіе всей жизни. На каѳедру прикладной математики былъ приглашенъ привать-доцентъ геттингенскаго университета Реннеръ. На каѳедру же астрономіи и физики были приглашены извѣстные ученые Литровъ и Броннеръ. „Около 1810 года, — пишетъ лейпцигскій профессоръ Энгель,—физико-математическій факультетъ въ Казани былъ обставленъ научными силами такъ, какъ, можетъ быть, ни одинъ изъ германскихъ университетовъ. Николай Ивановичъ Лобачевскій былъ первенцомъ этого университета“.

Н. И. Лобачевскій родился въ 1793 году въ макарьевскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи (по другимъ указаніямъ, въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ). Въ 1802 году онъ былъ принятъ въ казанскую гимназію, а въ 1807 году—въ университетъ. Здѣсь онъ работалъ, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ Бартельса, который очень скоро обратилъ вниманіе на выдающіяся дарованія молодого человѣка. Бартельсу и Броннеру стоило не малаго труда отстоять молодого Лобачевскаго, строптивый характеръ котораго вызвалъ неудовольствіе субъинспектора Кондарева, а по его жалобамъ, ректора и попечителя. Лобачевскому посчастливилось, однако, больше, чѣмъ Остроградскому, и уже въ 1811 году Совѣтъ университета, согласно представленію Бартельса, Литрова и Броннера, призналъ его магистромъ математики. Съ этого времени начинается и научная его дѣятельность. Въ 1814 году Лобачевскій былъ назначенъ адъюнктомъ, а въ 1816 г.—профессоромъ казанскаго университета. Еще въ 1812 году Бартельсъ представилъ Совѣту его работу „Теорія эллиптическаго движенія небесныхъ тѣлъ“. Изученіемъ знаменитой книги Гаусса „Disquisitiones Arithmeticae“ вызвана работа Лобачевскаго о рѣшеніи двучленныхъ уравненій. Но не къ этимъ отраслямъ математики относятся выдающіяся заслуги Лобачевскаго. Вниманіе этого глубокаго мыслителя

было сосредоточено на другихъ вопросахъ, имѣющихъ за собой многовѣковую исторію.

Изъ какого матеріала, изъ какого источника развивается геометрія— обыкновенная, элементарная геометрія? Кого не интересовалъ этотъ вопросъ, стоящій на рубежѣ между математикой, философіей и теоріей познанія? Всякій образованный человѣкъ знаетъ, что математика развивается изъ небольшого числа элементарныхъ, очевидныхъ истинъ, называемыхъ аксіомами; геометръ принимаетъ эти посылки и строитъ на нихъ свое мощное зданіе; философъ ищетъ источника, изъ котораго эти истины почерпнуты. Это знаетъ всякій; но геометръ знаетъ нѣчто другое. Онъ знаетъ, что это утвержденіе представляетъ собой, въ сущности, иллюзію, что не только ни одинъ учебникъ, ни одинъ трактатъ по геометріи въ дѣйствительности не содержатъ сколько-нибудь строгаго обоснованія геометріи въ смыслѣ дѣйствительно логическаго развитія ея изъ небольшого числа посылокъ. Обычныя геометрическія разсужденія, въ дѣйствительности, представляютъ собой систематическое сплетеніе логическаго вывода съ наглядными соображеніями; интуиція проникаетъ наши доказательства въ такой мѣрѣ, что трудно даже сказать, играетъ ли логика въ геометрическомъ доказательствѣ доминирующую роль. Для человѣка практики, хотя бы даже практики научной, все это представляется дѣломъ второстепеннымъ. Не все ли равно, преобладаетъ ли въ доказательствѣ логика или непосредственное воззрѣніе, разъ оно насъ убѣждаетъ, разъ у насъ не остается сомнѣнія въ справедливости вывода? Но есть люди другого склада ума, въ глазахъ которыхъ эти вопросы играютъ огромную роль совершенно независимо отъ практическаго ихъ значенія. И это различіе воззрѣній было и будетъ, пока живетъ наука.

Стремленіе обосновать геометрію, т.-е. указать основныя положенія, на которыхъ она построена, и затѣмъ дѣйствительно развить ее строго логически изъ этихъ посылокъ, возникло въ глубокой древности и не прекращалась въ теченіе тысячелѣтій. Евклидъ, жившій въ III вѣкѣ до Р. Х., написалъ уже обширный трактатъ, содержащій систематическое изложеніе геометріи. Его безсмертныя „Начала“ сдѣлались руководствомъ, которое до послѣдняго столѣтія не сходило со школьной скамьи. Однако, (какъ мы видѣли уже изъ приведенной цитаты Гурьева) систему Евклида отнюдь нельзя признать совершенной (и въ этихъ своихъ взглядахъ Гурьевъ явился только первымъ русскимъ выразителемъ убѣжденія, которое раздѣляли и первоклассные геометры). Исторія попытокъ улучшить Евклида и „доставить геометріи“, выражаясь словами одного изъ первыхъ нашихъ математиковъ Гурьева, „все возможное совершенство“ могла бы заполнить многіе томы; и на этомъ дѣлѣ первоклассные геометры терпѣли крушеніе на ряду съ людьми ничтожнаго дарованія. Приведемъ еще нѣсколько словъ изъ Гурьева.

„Изъ математиковъ перваго класса Г. Лежандръ въ своихъ „Елементахъ Геометріи“, изданныхъ въ 1794 г.,

вознамѣрился исправить сію сообразованную съ предметами систему геометріи и доставить ей все возможное совершенство, со строгостію, превосходящею Евклидову и Архимедову; и можно сказать, что никогда первоначальная геометрія отъ новыхъ геометровъ не получала такового пособія; но отдавая всю справедливость Г. Лежандру, мы не должны забыть то, чѣмъ обязаны истинѣ“.

А истина заключается въ томъ, что система Лежандра все еще такъ же далека отъ совершенства, какъ и „Начала“ Евклида.

Въ исторіи обоснованія началъ геометріи красной нитью проходитъ одинъ вопросъ, играющій доминирующую роль. Въ то время, какъ всѣ основныя посылки Евклида (аксіомы и постулаты) чрезвычайно просты и ясны, послѣдняя его аксіома значительно отличается отъ другихъ; и это будетъ особенно ощутительно для неспеціалистовъ, когда мы приведемъ Евклидовъ текстъ этой аксіомы:

„Всякій разъ, какъ прямая при пересѣченіи съ двумя другими прямыми образуетъ съ ними внутренніе односторонніе углы, сумма которыхъ меньше двухъ прямыхъ, эти прямыя пересѣкаются съ той стороны, съ которой сумма меньше двухъ прямыхъ“.

Мы не сомнѣваемся, что многіе читатели не только не признаютъ этого предложенія очевидной истиной, но, пожалуй, затруднятся уяснить себѣ его содержаніе. Это затрудненіе исчезнетъ, когда мы дадимъ другую формулировку того же постулата, въ которой онъ приведенъ въ „Началахъ“ Лежандра. Дѣло сводится къ тому, что въ одной плоскости двѣ прямыя, изъ которыхъ одна перпендикулярна къ сѣкущей, а другая наклонена къ ней подъ острымъ угломъ, необходимо должны пересѣчься. Какъ это ни ясно, не подлежитъ все же сомнѣнію, что эта аксіома неизмѣримо сложнѣе тѣхъ элементарныхъ истинъ, которыя мы привыкли называть аксіомами. Эта аксіома находитъ себѣ примѣненіе въ теоріи параллельныхъ линій и пріобрѣтаетъ такое значеніе, что вся дальнѣйшая наша геометрія стоитъ въ зависимости отъ нея. Отсюда и возникло стремленіе доказать это предложеніе, т.-е. вывести его логически изъ остальныхъ посылокъ, не вводя вовсе новой аксіомы. Трудно себѣ представить, сколько на это было затрачено усилій. Профессоръ Кестнеръ въ XVIII столѣтіи собралъ уже цѣлую библіотеку сочиненій, относящихся къ этому вопросу. Трудно указать выдающагося геометра, который не дѣлалъ бы попытокъ доказать „Евклидовъ постулатъ“. Но росъ математическій анализъ, широко развивалась геометрія, математика обогащалась новыми истинами и методами, а доказательство элементарнаго предложенія Евклида не давалось людямъ, преодолѣвшимъ величайшія математическія трудности. Было предложено множество доказательствъ постулата Евклида, но всѣ они по тщательномъ изслѣдованіи оказались неправильными. Какъ говоритъ Гауссъ, во всѣхъ этихъ доказательствахъ невыясненной остается какая-либо ничтожная мелочь; но

когда вдумаешься, то оказывается, что въ этой именно мелочи и заключается вся суть дѣла.

Въ какой мѣрѣ былъ великъ интересъ къ этимъ вопросамъ, видно изъ того, что дань этому направленію отдали уже первые русскіе математики. Гурьевъ въ сочиненіи, о которомъ мы говорили выше, занятъ основами геометріи и даетъ доказательство Евклидова постулата. Буняковскій написалъ даже отдѣльную небольшую книжку „Параллельныя линіи", въ которой онъ приводитъ важнѣйшія доказательства постулата и разбираетъ ихъ. Указывая обыкновенно вѣрно недостатки каждаго доказательства, авторъ, хотя и нерѣшительно, готовъ все же признать нѣкоторыя изъ нихъ правильными.

Молодой венгерскій математикъ Іоаннъ Боль, о которомъ намъ придется говорить ниже, пишетъ: „многія идеи какъ бы имѣютъ свою эпоху, во время которой онѣ открываются одновременно въ различныхъ мѣстахъ подобно тому, какъ фіалки весною произрастаютъ всюду, гдѣ свѣтитъ солнце".

Вопросъ о постулатѣ Евклида и связанной съ нимъ теоріи параллельныхъ линій не даромъ такъ глубоко волновалъ геометровъ. Въ немъ скрывался источникъ глубокихъ, новыхъ идей, открытіе которыхъ произвело полный переворотъ въ нашихъ воззрѣніяхъ на сущность и значеніе геометріи. Неясные проблески этихъ идей мы встрѣчаемъ уже у нѣкоторыхъ авторовъ XVII и XVIII столѣтій, но первымъ геометромъ, вполнѣ оцѣнившимъ ихъ значеніе, былъ Гауссъ. Но зная хорошо людскую косность и то озлобленіе, съ которымъ встрѣчаются новыя идеи, глубоко задѣвающія устои науки, Гауссъ сообщилъ свои взгляды на основы геометріи лишь небольшому числу ближайшихъ друзей, которымъ запрещалъ дѣлать ихъ достояніемъ гласности.

„Русскія степи, пишетъ Герлингъ, оказались особенно благопріятными для этихъ умозрѣній, которыя были открыты въ Россіи дважды".

Съ 1812 по 1817 гг. въ Харьковѣ состоялъ профессоромъ права Фердинандъ Швейкартъ. Посвящая свой досугъ геометріи, Швейкартъ еще раньше заинтересовался теоріей параллельныхъ линій и въ 1807 году опубликовалъ работу, содержащую доказательство знаменитаго постулата. Убѣдившись потомъ въ неправильности этого доказательства, Швейкартъ во время своего пребыванія въ Харьковѣ пришелъ къ тѣмъ же воззрѣніямъ, которыхъ придерживался Гауссъ. Переѣхавъ затѣмъ въ Кенигсберъ, Швейкартъ препроводилъ Гауссу черезъ своего товарища, профессора астрономіи Герлинга, замѣтку о своихъ выводахъ; въ этой замѣткѣ Гауссъ нашелъ по существу всѣ тѣ идеи, надъ которыми онъ размышлялъ десятки лѣтъ. Не останавливаясь здѣсь, за недостаткомъ мѣста, на остальныхъ перипетіяхъ этого вопроса, скажемъ только, что пріоритетъ опубликованія этихъ идей принадлежитъ Н. И. Лобачевскому.

Какъ и сотни другихъ геометровъ, Лобачевскій заинтересовался постулатомъ Евклида; какъ и всѣ они, онъ началъ съ того, что предложилъ два доказательства этого по-

стулата, но вскорѣ онъ вынужденъ былъ убѣдиться, что доказательства эти не выдерживаютъ критики. Это не заставило его, однако, оставить этотъ вопросъ; напротивъ, онъ продолжалъ настойчиво искать доказательства постулата. Какъ и многіе изъ его предшественниковъ на этомъ пути, Лобачевскій пытался вести доказательство отъ противнаго; иными словами, Лобачевскій старался доказать, что противоположное допущеніе необходимо должно привести къ абсурду. Онъ допускаетъ, слѣдовательно, что въ одной и той же плоскости перпендикуляръ и наклонная къ сѣкущей могутъ и не пересѣкаться. Если бы ему удалось, разматывая слѣдствія этого допущенія, притти къ противорѣчію съ остальными аксіомами Евклида или съ доказанными уже раньше теоремами, то этимъ была бы обнаружена неправильность сдѣланнаго допущенія, т.-е. былъ бы доказанъ постулатъ Евклида. Тонко разматывая, однако, выводы изъ сдѣланнаго допущенія и не позволяя себѣ дать вѣру кажущемуся противорѣчію, Лобачевскій постепенно пришелъ къ убѣжденію, что такого противорѣчія вовсе нѣтъ. Напротивъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что возможна другая геометрія, совершенно отличная отъ нашей,—геометрія, въ которой сохраняются всѣ остальныя посылки Евклида, но постулатъ о параллельныхъ линіяхъ замѣняется противоположнымъ допущеніемъ. Съ нашими наглядными представленіями эта геометрія находится въ глубокомъ противорѣчіи; каждое ея предложеніе представляется полнымъ абсурдомъ, когда мы пытаемся связать ее съ нашими наглядными представленіями о пространствѣ; но въ ней нѣтъ противорѣчія логическаго, нѣтъ внутренняго противорѣчія между ея выводами и исходными посылками. Лобачевскій развилъ эту геометрію до тѣхъ же предѣловъ, до которыхъ доведена Евклидова геометрія; она имѣетъ свою тригонометрію и свою аналитическую геометрію. Именно въ томъ обстоятельствѣ, что Лобачевскій разматывалъ свою систему, совершенно не имѣя конкретныхъ образовъ, на которыхъ онъ могъ бы провѣрить свои выводы, довѣряя, такимъ образомъ, исключительно тонкому анализу отвлеченной мысли, и выразилась сила его генія.

12 февраля 1826 года Лобачевскій изложилъ свои идеи въ засѣданіи физико-математическаго факультета казанскаго университета. Странные взгляды молодого геометра встрѣтили мало сочувствія среди его товарищей. Повидимому, вслѣдствіе этого Лобачевскій не торопился опубликовать ихъ, и только черезъ три года онъ помѣстилъ въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“ статью „О началахъ геометріи“, содержащую первое въ печати изложеніе новыхъ идей. Но надеждамъ Лобачевскаго на то, что печатное изложеніе его открытій дастъ возможность геометрамъ съ ними познакомиться и вызоветъ ихъ сочувствіе, не суждено было осуществиться. Нужно сказать, что въ этомъ отношеніи значительная доля вины падаетъ и на самого Лобачевскаго. Своеобразныя идеи требовали особенно тщательнаго и яснаго изложенія; между тѣмъ, мемуаръ этотъ изложенъ чрезвычайно сжато и чи-

тается съ большимъ напряженіемъ мысли. Появленіе этого мемуара вызвало, напротивъ, рѣзкія сужденія въ печати; среди рѣшительныхъ противниковъ Лобачевскаго былъ и Остроградскій. Гауссъ былъ, очевидно, правъ, ожидая, что опубликованіе такихъ идей доставитъ много горя автору. Желая, однако, добиться признанія своихъ твореній, Лобачевскій опубликовалъ по этому предмету рядъ сочиненій, большею частью въ „Ученыхъ Запискахъ“ университета, въ которыхъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, въ различной формѣ изложилъ новую геометрію съ исчерпывающей полнотой. Однако, въ 1837 году въ популярномъ въ то время журналѣ „Сынъ Отечества“ появилась анонимная статья, называющая работы Лобачевскаго сплошной нелѣпостью; возраженіе же Лобачевскаго не было напечатано. Многіе полагаютъ, что эта статья принадлежала Остроградскому. Въ 1837 г. Лобачевскій напечаталъ также переводъ одного изъ своихъ мемуаровъ на французскій языкъ въ наиболѣе распространенномъ математическомъ журналѣ (Journal für reine und angewandte Mathematik), а въ 1840 году имъ помѣщена на нѣмецкомъ языкѣ въ томъ же журналѣ статья „Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien“.

На этотъ разъ статьи не прошли незамѣченными. Ихъ прочиталъ Гауссъ и въ письмахъ къ своимъ друзьямъ отозвался о нихъ восторженно. Но онъ остался вѣренъ своему рѣшенію не высказываться печатно о новой геометріи. О его взглядахъ на работы Лобачевскаго были освѣдомлены лишь весьма немногіе посвященные люди. Правда, въ 1842 г. Лобачевскій по иниціативѣ Гаусса, былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Гёттингенскаго ученаго общества, и Гауссъ лично написалъ Лобачевскому объ этомъ избраніи. Однако, въ этомъ письмѣ онъ не сказалъ ничего о своемъ собственномъ отношеніи къ этому предмету. Гауссу нельзя не поставить въ упрекъ, что по его винѣ жизнь Лобачевскаго превратилась въ глубокую трагедію. Современникъ Лобачевскаго, венгерскій геометръ Іоаннъ Больэ, сынъ стараго друга Гаусса, пришелъ къ той же геометріи независимо отъ Лобачевскаго и опубликовалъ ее въ приложенія къ сочиненію своего отца; но то же отношеніе Гаусса довело Больэ до глубокаго отчаянія.

Какой же выводъ вытекаетъ изъ работъ Лобачевскаго прежде всего относительно Евклидова постулата? Если бы постулатъ удалось доказать, то это свидѣтельствовало бы, что противоположное постулату допущеніе несовмѣстимо съ остальными посылками Евклида, находится въ противорѣчіи съ ними. Если же такого противорѣчія нѣтъ, если противоположное допущеніе въ совокупности съ остальными постулатами Евклида приводится къ системѣ, логически столь же правильной, какъ и геометрія Евклида, то отсюда слѣдуетъ, что доказать знаменитый постулатъ невозможно. Конечно, чтобы это утвержденіе не вызывало никакихъ сомнѣній, его нужно тщательно обосновать, что въ настоящее время вполнѣ осуществлено.

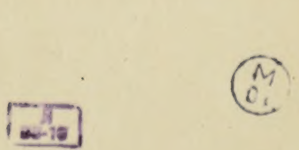
Когда скончался Гауссъ и была опу-

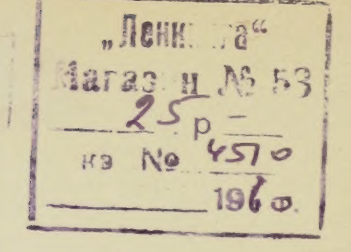
бликована его переписка съ друзьями, то на работы Лобачевскаго и Больэ въ виду содержащихся о нихъ восторженныхъ отзывовъ было обращено вниманіе. Передъ читателями, вникшими въ труды этихъ геніальныхъ людей, открылся цѣлый новый міръ, произведшій полный переворотъ въ нашихъ воззрѣніяхъ на сущность геометрическихъ аксіомъ, на источники ихъ познанія, на методы обоснованія геометріи. Литература этого предмета быстро разрослась, и трудами талантливыхъ учениковъ и послѣдователей Лобачевскаго и Больэ тѣ темныя стороны вопроса, которыя такъ затрудняли пониманіе новыхъ идей, были выяснены, а самые результаты этихъ изслѣдованій широко развиты.

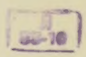
Излагать здѣсь содержаніе математическихъ и философскихъ ученій невозможно и безполезно. Кто желаетъ уяснить себѣ сущность и значеніе неевклидовой геометріи, долженъ съ ней познакомиться хотя бы въ краткомъ математическомъ изложеніи; помимо этого, по глубокому нашему убѣжденію, доступа къ этому ученію нѣтъ. Но тотъ, кто затратитъ на это необходимый трудъ (а новыя сочиненія по этому предмету много доступнѣе первоначальныхъ), убѣдится, что англійскій математикъ Кели не даромъ назвалъ Лобачевскаго Коперникомъ геометріи, и имя Лобачевскаго всегда останется на той же высотѣ, на какой стоитъ Коперникъ.

Самъ Лобачевскій не дожилъ до признанія своихъ идей. Онъ скончался въ 1856 году. Передъ самой смертью, потерявъ уже зрѣніе, онъ еще разъ продиктовалъ новую обработку своихъ идей подъ заглавіемъ „Пангеометрія“.

Мы сказали выше, что цѣльной преемственной школы русская математика въ первой половинѣ столѣтія не выработала. Но недостаточно ли того, что молодая русская математика въ первый періодъ своего развитія уже дала въ различныхъ отрасляхъ этой трудной науки выдающихся представителей, одинъ изъ которыхъ уже въ первой половинѣ столѣтія неизгладимо начерталъ свое имя и въ исторію человѣческой мысли?




„Ленкн. га"
Магаз н № 53
25 р
кз №
1960.



UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 14 20 12 017 6